

БИБЛИОТЕКА
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ

ТОМ
15

Российская академия наук
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

БИБЛИОТЕКА
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2006

**БИБЛИОТЕКА
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ**

ТОМ

15

XVII век

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2006

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Б59

Под редакцией

Д. С. ЛИХАЧЕВА, **Л. А. ДМИТРИЕВА**,
Н. В. ПОНЫРКО

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 95-06-18703, в рамках гранта
президента Российской Федерации для государственной поддержки
ведущих научных школ РФ (НШ—2193.2006.6)*

ТП-03-П-№ 119
ISBN 5-02-027075-X (Т. 15)
ISBN 5-02-028307-X

© Коллектив авторов, подготовка текстов,
переводы, комментарии, 2006
© Л. В. Грудинская, оформление, 2006
© Российская академия наук и издательство
«Наука», серия «Библиотека литературы
Древней Руси» (разработка, оформление),
1997 (год основания), 2006

СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Если кратко определить значение XVII века в истории русской литературы и в истории русской культуры в целом, то придется сказать, что главное было в том, что век этот был веком постепенного перехода от древней литературы к новой, от средневековой культуры — к культуре Нового времени.

Русская литература на грани XVI—XVII веков стояла перед необходимостью подчинения литературы личностному началу, выработке личностного творчества и стабильного, авторского текста произведений. Она стояла перед необходимостью освобождения всей системы литературных жанров от их подчинения «деловым» задачам и создания общих форм литературы с западноевропейскими. Развитие критики и литературных направлений, периодической печати, театра и стихотворства, активизация читателей и освобождение литературы от подчинения церковным и государственным интересам, проявление самостоятельности писательских мнений, оценок и т. д., — все это должно было появиться в XVII веке, чтобы сделать возможным окончательный переход во второй четверти XVIII века к новому типу структуры литературы, к новому типу литературного развития и к новому типу взаимоотношений с литературами стран европейского Запада. «Европеизация» русской литературы в XVIII веке состояла не только в том, что Россия стала на путь простого знакомства с литературами Запада, но и в том, что это знакомство в результате внутренней подготовленности русской литературы смогло принести обильные плоды.

Развитие культурных явлений в XVII веке не отличалось стройностью и ясностью. Так бывает всегда, когда историческое движение сбито посторонними силами, внешними неблагоприятными обстоятельствами.

Историки литературы обычно представляют себе эмансипацию личности в литературе XVII века как эмансипацию поведения действующих лиц произведения. Герои начинают нарушать старозаветные нормы, выработанные в русском быту предшествующих столетий.

Эмансипацию личности видят в «Повести о Фроле Скобеева» в образах Аннушки и Фрола Скобеева, в их «вольном поведении». Эмансипированными личностями представляются и Савва Грудцын, и девица из «Притчи о старом муже и молодой девице», и даже герой «Повести о Горе-Злочастии» — безмяный молодец. Все эти молодцы и девицы не слушаются родителей, не следуют нормам поведения, предписывавшимся старозаветным укладом жизни.

Дело, однако, не в появлении своевольных личностей, нарушающих заветы старины: такие личности были всегда. Новые герои литературы не являются носителями каких-либо новых идей. Дело, как мы увидим в дальнейшем, в новом к ним отношении авторов и читателей. Но самое главное в том, что сама литература как целое начинает создаваться под действием этого личностного начала. В литературу входит авторское начало, личная точка зрения автора, представления об авторской собственности и неприкосновенности текста произведения автора. Происходит индивидуализация стиля и многое другое.

В художественном методе средневековой литературы личность автора сказывалась до XVII века значительно слабее, чем в литературе Нового времени. Причины тому две. С одной стороны — постоянные последующие переделки произведения, не считавшиеся с авторской волей и уничтожавшие индивидуальные особенности авторской манеры. С другой же стороны, авторы средневековья гораздо менее стремились к самовыявлению, чем авторы Нового времени. В литературе Древней Руси гораздо большую роль, чем авторское начало, играл жанровый признак. Каждый литературный жанр имел свои традиционные особенности художественного метода. Особенности художественного метода, присущие тому или иному жанру, вытесняли индивидуальные авторские особенности. Один и тот же автор способен был прибегать к разному методу изображения и к разным стилям в зависимости от того — в каком жанре он писал. Пример тому — произведения Владимира Мономаха. Летопись его «путей» (походов) и «ловов» (охот) составлена в летописной манере (по художественному методу и по стилю). Совсем иной художественный метод и иной стиль в нравоучительной части «Поучения». Здесь перед нами художественный метод церковных поучений. Письмо к Олегу отделяется и от того и от другого — это одно из первых произведений эпистолярной литературы, своеобразное по художественному методу и по стилю.

Древнерусские литературные произведения до XVII века очень часто говорят от имени автора, но этот автор еще слабо индивидуализирован. В проповеди — это проповедник, в житии святого — это агиограф, в летописи — летописец и т. д. В средневековой литературе авторское «я» в большей степени зависит от жанра произведения, почти уничтожая за этим жанровым «я» индивидуальность автора. Существуют как бы жанровые образы авторов. Будь летописец стар или молод, монах или епископ, церковный деятель или писец посадничьей

избы — его манера писать, его авторская позиция — одна и та же. И она едина, даже несмотря на совсем разные политические позиции, которые могут летописцы занимать.

Правда, авторская личность начинает заявлять о себе с достаточной определенностью уже в XVI веке в произведениях, принадлежащих перу властного и ни с чем не считающегося человека: Иван Грозный — это в какой-то мере первый писатель, сохраняющий неизменным свою авторскую индивидуальность, независимо от того, в каком жанре он писал. Он не считается ни с этикетом власти, ни с этикетом литературы. Его ораторские выступления, дипломатические послания, письма, рассчитанные на многих читателей, и частная переписка с отдельными лицами всюду выявляют сильный неизменный образ автора: властного, ядовитого, саркастически настроенного, фанатически уверенного в своей правоте, все за всех знающего. Это сильная личность, но жестоко подавляющая другие личности, личностное, ренессансное начало.

События «Смуты» начала XVII века перемешали общественное положение людей. И родовитые, и не родовитые люди стали играть значительную роль, если только они обладали способностями политических деятелей. Поэтому и официальное положение автора не стало иметь того значения, что раньше. Вместе с тем каждый автор стал стремиться к самовыявлению, иногда самооправданию, начал писать со своей сугубо личной точки зрения. Князь Иван Хворостинин, князь Семен Шаховской пишут свои произведения о «Смуте» в целях самооправдания и самовозвеличения. Чисто личные причины для составления его произведений были и у Авраамия Палицына. В их сочинениях проникает элемент автобиографизма. Они даже и не скрывают, что высказывают не объективную точку зрения на события, а сугубо субъективную — личную. В «Словесах дней и царей и святителей московских» Иван Хворостинин дает характеристику тем деятелям «Смуты», которые были ему лично знакомы. Авторы повестей о «Смуте» — участники событий, а не только их свидетели. Поэтому они пишут о себе и о своих взглядах, оправдывают свое поведение, ощущают себя не только объективными историками, но в какой-то мере и мемуаристами.

Позиция мемуариста появляется даже у агиографа. Сын Ульянии Особриной — Дружина Особрин — пишет житие своей матери с позиций человека, близкого Ульянии.

Автобиографии составляют во второй половине XVII века многие деятели этого времени: Епифаний и Аввакум, игумен Полоцкого Богоявленского монастыря Игнатий Иевлевич.¹ Автобиографическими элементами полны стихи Симеона Полоцкого и справщика Савватия.

---

¹ См.: Голубев С. История Киевской духовной академии. Киев, 1888. Т. 1, приложение, с. 74—79 — текст автобиографии. Об Игнатии см.: Белецкий А. И. Из начальных лет литературной деятельности Симеона Полоцкого // Сб. ОРЯС. Т. 101. № 3. Л., 1928.

Если профессиональные писатели-ремесленники появляются уже в XV веке (Пахомий Серб), то теперь, в XVII веке, появился тип писателя, осознающего значительность того, что он пишет и делает, необыкновенность своего положения и свой гражданский долг. Самосознание писателя в XVII веке стоит уже почти на уровне нового времени.

Рост самосознания автора был только одним из симптомов осознания в литературе ценности человеческой личности. Ценность человеческой личности самой по себе осознавалась не в абстрактном (например, в соответствии с принципами: «человек по своей природе добр», «нет людей злых» и пр.), а в самом обыденном, конкретном. Постепенно отмирало и уходило в прошлое именно абстрактное понимание человеческой природы, заставлявшее средневековых книжников однообразно делить всех людей на хороших и плохих: тех, что после смерти пойдут направо и получают награду за свою праведность, и тех, что пойдут налево и воспримут воздаяние за грехи. Человек все больше выступал как сложное в нравственном отношении существо, связанное при этом с другими людьми, с обстоятельствами, приведшими его к тому или иному поступку, с бытовой обстановкой. Раскрепощение человеческой личности в литературе было и своеобразной конкретизацией ее изображения. Человек все более начинал восприниматься как конкретный индивидуум в сложной обстановке быта и общества. Правда, этот быт и это общество виделись еще глазами автора, не совсем привычными к дневному освещению. Вырисовывались лишь контуры соотношений и отдельные детали. Однако принципиально важен был самый переход к детализированному видению.

Герои литературных произведений «спускаются на землю», перестают ходить на ходулях своих официальных высоких рангов в феодальном обществе, как это было в предшествующие века. Их положение по большей части снижается, соответствуя отчасти положению нового читателя, пришедшего в XVII веке из масс, своими собственными силами выдвинувшегося или по своей собственной беспечности не выдвинувшегося в обществе.

Для нового читателя герой литературного произведения не вознесен над ним, а вполне с ним сопоставим. Отсюда отношение к нему автора становится все лиричнее. Герой не поднимается над читателем и в моральном отношении.

Во всех предшествующих произведениях средневековья действующие лица как бы витали в особом пространстве, куда читатель, в сущности, не мог проникнуть. Теперь герой лишен какого бы то ни было ореола. Герой опрошен до пределов возможного. Молодец «Повести о Горе-Злочастии» наг или одет в «гуньку кабацкую». Таков же герой «Азбуки о голом и небогатом человеке». Он голоден. Он не признан родителями, изгнан от друзей, скитается «меж двор». Натуралистические подробности делают эту личность «низкой» и почти уродливой. Но замечательно, что, так приближая своего героя к читателю, автор дела-

ет его тем самым достойным жалости и утверждает его ценность как личности. При этом оказывается, что у этого падшего героя не отнято главное — ум и самосознание. На самой низкой ступени падения он сохраняет чувство права на лучшее положение и сознает свое умственное превосходство. Герой иронизирует над собой и окружающими, вступает с ними в конфликт. Этот конфликт тоже чисто бытовой. Ирония становится средством самовыявления героя, но она же властно овладевает автором во всех случаях его отношения к действительности. Снижается не только герой, снижается сама действительность, язык, которым эта действительность описывается, отношение автора к своему произведению и пр.

Демократическая литература с ее сатирой и пародией в какой-то мере показательна для всей эпохи в целом. Родственные демократической литературе черты мы можем встретить и в «высокой» придворной литературе. Сатира проникает в придворную поэзию Симеона Полоцкого. Герой снижается не только в произведениях демократической литературы. Всюду в литературе устанавливается связь с бытом. Пародия и сатира знаменовали собой снижение литературы, литературного героя, действительности. Но развенчание действительности и героя было одновременно их увенчанием новыми ценностями, иногда более глубокими и более гуманистическими.

Но вернемся к пародии. Демократические писатели XVII века забавлялись созданием пародий на челобитные, судопроизводственный процесс, лечебники, азбуки, дорожники (дорожники — это своего рода путеводители), росписи о приданом и даже богослужение. Вместе с тем в литературу обильно входили разные «прикладные» (развлекательные) и «потешные» сюжеты, различные забавные повестушки и описания приключений героев.

Все эти внешне «несерьезные» сюжеты были очень «серьезны» по существу. Только серьезность их была особая и вопросы в них стали подниматься совсем иные — не те, что волновали торжественную и помпезную политическую мысль предшествующего времени или проповедническую литературу Церкви, — они касались повседневной жизни мелких по своему положению людей. Серьезность вопросов, стоявших перед новой демократической литературой XVII века, была связана с социальными проблемами своего времени. Авторов непритязательных демократических произведений XVII века начинали интересоваться вопросы социальной несправедливости, «безмерная» нищета одних и незаслуженное богатство других, страдания маленьких людей, их «босота и нагота». Вопросы социальной справедливости затрагивались и в предшествующей литературе XVI века, но там это были философские рассуждения сторонних наблюдателей. Сейчас об этом пишут сами «босые» и «голодные». Изложение идет от их лица, и они вовсе не думают скрывать свои недостатки. Герой не витает в особом пространстве над читателем — пространство объединяет читателя и героя. Читатель чувствует свою близость к тому, что происходит в литературном

произведении, а поэтому сочувствует маленьким людям с их часто маленькими же житейскими тревогами.

Впервые в русской литературе грехи этих маленьких людей вызывали не осуждение, а симпатию, сочувствие, сострадание. Безвольное пьянство и азарт игры в «зернь» вызывали лишь сострадательную усмешку. Однако беззлостное в отношении одних оборачивалось величайшей злостью против других — тех, что «внидоша в труд» бедных, «черт знает на что деньги берегут» и не дают есть голым и босым.

Новый герой литературных произведений не занимает прочного и самостоятельного общественного положения: то это купеческий сын, отбившийся от занятий своих степенных родителей (Савва Грудцын, герой «Повести о Горе-Злочастии»), то спившийся монах, то домогающийся места иерей и т. д. Отнюдь не случайно появление в литературных произведениях XVII века огромного числа неудачников или, напротив, героев, которым, что называется, «везет», — ловкачей вроде Фролки Скобеева или «благородных» искателей приключений вроде Еруслана Лазаревича. Эти люди становятся зятьями бояр или купцов, легко женятся на царских дочерях, получают в приданое полкоролевства, переезжают из государства в государство, попадают к морским разбойникам или оказываются на необитаемом острове, чтобы быть счастливо вызволенными и оттуда. Оживают вновь сюжеты эллинистического романа. Образуется как бы переключка эпох. Фатальная неудачливость или, напротив, фатальная удачливость героев позволяет развивать сложные и занимательные сюжеты старого эллинистического типа, но для XVII века совершенно нового характера.

Что же такое — эта фатальность в судьбе героя XVII века? Это явление новое и тесно связанное, как это ни странно, опять-таки с освобождением личности, с ее эмансипацией от опеки рода и корпорации.

В русской литературе предшествующих веков отразились по преимуществу представления о судьбе рода. Судьба владеет всем родом, к которому принадлежит герой, и представления об индивидуальной судьбе еще не развились. Судьба не была еще персонифицирована, не приобрела индивидуальных контуров. Эти представления о родовой судьбе явны в летописи. Там князя избирают или изгоняют жители Новгорода, сообразуясь с его принадлежностью к определенной княжеской линии. Предполагается, что князь будет идти по пути своих дедов и отца, придерживаться их политической линии. Поэтому избирается не сам князь, а род, к которому он принадлежит.

Эти представления о родовой политике и родовой судьбе служили средством художественного обобщения в «Слове о полку Игореве». Не случайно «Слово...» характеризует внуков по деду. Образ внуков воплощается в деде. «Ольговичи» характеризуются через их деда — Олега «Гориславича», полоцкие князя «всеславичи» — через их родоначальника Всеслава Полоцкого. Именно поэтому Олегу и Всеславу уделяется в «Слове...» так много внимания. Рассказы

«Слова...» об Олеге и Всеславе кажутся иногда современным исследователям историческими отступлениями, слабо оправданными вставками. На самом деле рассказы об Олеге и Всеславе — это характеристики «ольговичей» и «всеславицей». Автор «Слова...» прибегает к изображению потомков через рассказ об их родоначальниках, для изображения их фатальной «неприкаянности».

В последующие века судьбу героя определяет не только принадлежность его к определенной родовой линии, но и принадлежность к определенной общественной корпорации. Герой ведет себя так, как должен вести себя в определенных обстоятельствах князь, монах, иерарх Церкви, проповедник и т. д. «Литературный этикет» средневековья утверждает власть корпорации над личностью. Это обстоятельство очень важно для понимания самого духа средневекового этикета, повторяемости сюжетов, мотивов, средств изображения, известной косности литературного творчества, варьирующего и комбинирующего ограниченный набор художественных трафаретов.

В XVII веке с развитием индивидуализма судьба человека становится его личной судьбой, она «индивидуализируется». Судьба человека оказывается при этом как бы его вторым бытием и часто даже отделяется от самого человека, персонифицируется. Эта персонификация происходит тогда, когда внутренний конфликт в человеке — конфликт между страстью и разумом — достигает высшей силы. Конфликт между страстью и разумом часто оборачивается также конфликтом между человеческой личностью и его судьбой. Человек в какой-то мере начинает сопротивляться фатуму. Он сознает, что подвергается насилию, хочет изменить свою судьбу, жить иначе, лучше. Предшествующая литература не знает такого конфликта. Никто не борется против родовой судьбы, не вступает в конфликт с родовой традиционной политикой, с родом, с этикетом корпорации. Личность там растворена, она себя не осознает как противостоящую той среде, к которой принадлежит. Только с появлением индивидуальной судьбы стал возможен и бунт личности против этой судьбы, стало возможным ощущать судьбу как насилие, как беду и горе. Вот почему судьба человека воспринимается теперь как его второе бытие и часто отделяется от самого человека, персонифицируется, приобретает почти человеческие черты. Судьба отнюдь не прирождена человеку, она появляется иногда в середине его жизненного пути, «привязывается» к человеку, преследует его. Она приходит к человеку извне, становится злым враждебным началом, а иногда выступает в образе беса. В «Повести о Горе-Злочастии» Горе возникает перед молодым человеком только на середине его жизненного пути. Оно сперва является ему в ночном кошмаре как порождение его собственного воображения. Но затем внезапно, из-под камня, предстает перед ним наяву в момент, когда молодец, доведенный до отчаяния нищетой и голодом, пытается утопиться в реке. Судьба и смерть близки! Судьба-Горе требует от молодца поклониться себе до «сырой земли» и с этой минуты неотступно преследует его. Горе — и двойник молодца, и враг молодца, и его доброжелатель.

Оно обладает необыкновенной «прилипчивостью» — наглой и ласковой, веселой и страшной одновременно. Уйти от Горя невозможно, как нельзя уйти от своей тени, но вместе с тем Горе-судьба — постороннее начало, избавиться от которого молодец стремится всю жизнь. Горе показано как существо, живущее своей особой жизнью, как привязчивая сила, в своем роде могущественная, которая «перемудрила» людей, «мудряе» и «досужае» молодца. Молодец борется с самим собой, но не может преодолеть собственного безволия и собственных страстей, и вот это ощущение ведемости чем-то посторонним, вопреки голосу разума, и порождает образ Горя. Избыть Горе, освободиться от беса можно только с помощью другого внешнего для человека начала — Божественного вмешательства, и вот молодца избавляет от Горя монастырь, то есть возвращение в лоно корпорации, отказ от личности.

Родовые муки эмансипирующегося личностного начала принимали разные формы. Еще более многозначителен в отношении своей сюжетной и идейной роли бес в «Повести о Савве Грудцыне». Бес также возникает перед Саввой внезапно, как бы вырастая из-под земли, тогда, когда Саввой полностью, вопреки рассудку и как бы извне, овладевает страсть и когда он окончательно перестает владеть собой. Савва носит в себе «великую скорбь», этой скорбью он «истончи плоть свою». Бес — порождение его собственного воображения и собственной страсти. Он является как раз в тот момент, когда Савва подумал: «...еже бы паки совокупитися мне с женою оною, аз бы послужил дьяволу». Прилипчивость судьбы здесь получает свое материальное воплощение: Савву с его судьбой-бесом связывает «рукописание», письменное обещание отдать дьяволу душу. Возникает сюжет «Фауста», кстати, вышедший из общих корней: старинная новогреческая, вернее раннехристианская, Повесть об Еладии, продавшем дьяволу душу, породила и «Повесть о Савве Грудцыне», и через множество промежуточных звеньев — Легенду о докторе Фаусте. Эллинистические сюжеты возрождаются на Руси в эпоху своеобразного русского Возрождения XVII века.

Упорно сопротивляющееся злое начало становится постепенно началом еще более общим и еще более жестоким... Личность самоопределяется в борьбе, в утверждении своего благополучия, а потом в утверждении своих взглядов, своих идей против идей господствующих, властвующих, гнетущих свободу личности с помощью государства, Церкви, различного рода разжиревших и раздобривших «особей», лишенных, однако, личностного начала и цепляющихся только за свое положение. И с этой точки зрения борьба Аввакума с государством и церковью, с людьми благополучными и косными — это только новый этап борьбы за освобождение человеческой индивидуальности. Освободившись, сама эта личность грозит начать угнетать других... Но здесь «Житие» протопопа Аввакума стоит на грани новой трагедии — трагедии индивидуализма.

Как бы то ни было — Аввакум ведет индивидуальную борьбу. Его сторонники мало чем ему помогают в этой борьбе. Он вызвал против себя на едино-

борство все современное ему общество и государство. Он ведет титаническую борьбу один на один. Недаром во сне кажется ему, что тело его наполняет собой весь мир. Это борьба не только духовная, но и физическая, борьба силы с инерцией материи, сопротивление материальной среды в «Житии» Аввакума поразительно сильно. Ему приходится преодолевать холод и голод, окружающая его природа то громоздится над ним горами, то топит его дощаник бурными водами Иртыша, то наступает на него льдами и, наконец, засыпает его землей в Пустозерской тюрьме. Борьба Аввакума — не только духовная — за духовную, умственную свободу личности, но и борьба физическая. В этой борьбе Аввакуму удается одолевать сопротивление самих законов природы, он совершает чудеса — чудеса особого склада, побеждающие косность материи. Эта борьба Аввакума носит действительно барочные формы. Но это особое барокко — барокко, ставшее на место Ренессанса... Но об этом ниже. Вернемся к вопросу о связи освобождения личности с появлением в литературе быта, снижением действительности и самой личности до уровня, на котором мог находиться рядовой читатель.

Итак, герои литературных произведений в процессе эмансипации личности «спускаются на землю», перестают ходить на ходулях своего высокого общественного положения, описываются как обычные люди со своими повседневными заботами. Их все теснее окружает быт. Быт обступает действующих лиц, помогает авторам в создании все усложняющихся обстоятельств, в которые попадают герои литературных произведений, объясняет их мучения и служит той сценической площадкой, на которой разыгрываются перед читателем их страдания от окружающей несправедливости.

Быт проникает даже в чисто церковные произведения. Показательны два агиографических произведения, которым литературоведы не совсем точно присвоили название «повестей»: «Повесть о Марфе и Марии» и «Повесть об Ульянии Осорьиной». «Повесть о Марфе и Марии» в сюжетной своей основе — типичное сказание о перенесении святыни из Царьграда на Русь, но этот сюжет вставлен в окружение бытовых отношений. Перед читателем проходят местные споры мужей обеих сестер, бытовая обстановка длинного путешествия, погони за чудесными старцами и т. п. Быт окружает и Ульянию Осорьину в повести о ней. В лице Ульянии церковной идеализации подвергся впервые средний человек, «бытовая личность», человек, не вознесенный над бытом, а погруженный в быт. Внешне Ульяния ничем не примечательная женщина: она родилась в семье служилого человека. Как и все женщины в те времена, она выходит замуж очень рано, в шестнадцать лет. Муж ее обычный служилый человек. Ульяния рождает ему детей, ведет свое «домовое строение» с помощью многочисленной челяди. Ее окружает семья — муж, свекор, свекровь, дети. Ей не только не удастся осуществить свое заветное желание — постричься в монахини, но порой нет даже возможности посещать церковь... Идеализация ее образа идет своими

путями, далекими от прежних житийных трафаретов. Она идеализируется в своих хозяйственных распоряжениях, в своих отношениях к слугам, которых она никогда не называла уменьшительными именами, не заставляла подавать себе воды для умывания рук или развязывать свои сапоги, а всегда была мило-стива и заботлива к ним, наказывая их «со смирением и кротостию».

Она идеализирована и в своих отношениях с родителями мужа, которым она тихо подчинялась. Она слушает и своего мужа, хотя он запрещает ей уйти в монастырь. Свекор и свекровь передали ей, в конце концов, все хозяйство, увидев ее «доброотою исполнену и разумну». И это несмотря на то, что она потихоньку обманывала их, правда с благочестивыми намерениями. Не обходится в доме и без крупных конфликтов: один из слуг убивает ее старшего сына. Прядение и «пяличное дело» рассматривается в ее житии как подвиг благочестия. Ночная работа приравнивается к ночной молитве: Ульяния «в прядивом и в пяличном деле прилежание велие имяше, и не угасаша свеча ея вся нощи».

Соединение идеализации с бытовыми подробностями придало идеализации особую художественную убедительность. Это был новый этап в развитии житийной литературы, особенно той ее части, которая распространилась в крестьянской среде на Севере. Жития эти удобнее всего называть «народными житиями».

Народные жития мало следуют житийному этикету и главное внимание обращают на чудеса, которым придают бытовой и сказочный характер. К таким житиям относится, например, «Житие Варлаама Керетского» — святого, жившего в XVI веке, но почитание которого развилось в XVII. Святой этот «воспитание имел в Керецкой волости на море-окияне».

О подвигах благочестия этого святого говорится довольно мало. Благочестие его мотивировано при этом не совсем обычно, и, очевидно, так, как оно произошло в действительности. Варлаам из ревности убивает свою жену. Тело ее он берет с собой в карбас и молится о прощении. «И бе видети праведнаго труды единого по морю в карбасе ездяща с мертвы телом от Колы около Святаго Носа даже и до Керети. И не якоже протчии человецы ожидаху парусного плавання, но он плаваше против зелнаго обуревания и весла из рук своих не выпускаше, но труждашесе велми и псалмы Давидовы пояше, то бо ему пища бяше». Сразу же совершаются первые чудеса. Он выводит у Святого Носа всех червей, которые точили карбасы поморских рыбаков. После его смерти ручей, появившийся из его могилы, тушит пожар в соседней церкви. Святой является после смерти и спасает рыбаков в Белом море. При этом, вопреки христианскому смирению, «объявляется» этим рыбакам и требует, чтобы они оповестили всех, что именно он спас их от бури.

Варлаам совершает чудеса в помощь рыбацкому труду, в помощь рыбакам «в рыбных ловитвах». Географические места чудес точно определены («у Шарапова наволока», «в Соностровах» и т. д.). Чудеса описаны профессиональ-

но точно с мореходной точки зрения. При этом употребляется бытовая и мореходная терминология: «карбас», «отишье», «зыбрь», «поносный (попутный) ветер», «тоня», «стоять в корме» (управлять ладьей), «пробежать острог», «путь чист», «бити дубцы» и т. д.

Несомненна близость к этого рода житиям «Жития» протопопы Аввакума: та же точность, тот же детализированный быт, повседневность, те же народного характера чудеса в помощь человеку, то же бытовое просторечие и бытовая терминология. Разве что все это у Аввакума смелее, талантливее, ярче, значительнее, да и сама жизнь освещена идейной борьбой, которой нет в народных житиях XVII века.

Рост бытового начала в литературных произведениях тесно связан с ростом изобразительности в литературе. Обозначение всегда отвлеченно и в какой-то степени возвышенно, изображение же всегда в известной мере снижает предмет литературы. Изображение делает предмет литературы конкретным и близким читателю. Вот почему в это же время появляется в литературе и изображение: пейзаж, пейзаж статически описанный, пейзаж ценный сам по себе, тесно прикрепленный к определенной местности и имеющий национальный характер.

В XI—XIII веках отдельные, очень краткие картины природы (в «Поучении» Владимира Мономаха, в «Слове на антипасху» Кирилла Туровского) имели своей целью раскрыть символическое значение тех или иных явлений природы, выявить скрытую в ней Божественную мудрость, извлечь моральные уроки, которые природа может преподать человеку. Птицы летят весной из рая на уготованные им места, большие и малые, — так и русские князья должны довольствоваться своими княжениями, большими и малыми, и не искать больших. Так рассуждает на рубеже XI и XII веков Владимир Мономах. Весеннее пробуждение природы — символ весеннего праздника Воскресения Христова, — так рассуждает в XII веке Кирилл Туровский. Вся природа, с точки зрения авторов природоведческих сочинений средневековья, лишь откровение Божье, — это книга, написанная перстом Божиим, и в ней можно читать о чудесных делах Всемогушего. Природа почти не имеет в прошлом индивидуальных черт. Индивидуальность места не описывается. В ней нет и национальных черт. Природа имеет значение лишь постольку, поскольку она «Божье творение» или влияет на развитие событий то засухой, то бурей или грозой, то морозом, мешая сражающимся дождем и т. д. Однако постепенно начиная с XII века и более интенсивно в XIV и XV веках в изображение природы и пейзажа вкрадываются новые черты: буря в природе вторит бурным излияниям человеческих страстей, тишина окружающей природы подчеркивает умиротворенное безмолвие пустытника. Пейзаж приобретает новое символическое значение: он уже символизирует не мудрость Бога, а самые душевные состояния человека, как бы аккомпанирует им и подчеркивает их, создает в произведении настроение. Но уже в XVI веке

мы найдем и более сложные отношения природы и человека. В «Казанской истории» описываются, например, страдания русского войска от жажды на фоне изумительного описания жаркой и безводной степи, по которой с трудом движется изможденное войско. Пейзаж не только фон — это «сценическая площадка», на которой разыгрывается действие. Пейзаж конкретизирует изображение событий. В XVII веке роль пейзажа еще более подымается, и здесь он приобретает конкретные, местные черты. Описание природы Сибири в сибирских летописях не может относиться ни к какой другой местности, кроме Сибири. Даурский пейзаж в «Житии» Аввакума есть именно даурский пейзаж, и вместе с тем это описание природы Даурии имеет уже все функции пейзажа, свойственного литературе Нового времени. Он служит своеобразным обрамлением для душевных переживаний самого Аввакума, подчеркивает его смятенное состояние, титаничность его борьбы, его одиночество, создает эмоциональную атмосферу, пронизывающую рассказ, позволяет зрителю представить себе происходящее. Он служит изображению, и он все более приобретает индивидуальные черты, сопутствуя росту личностного начала в русской литературе XVII века.

Рост личностного начала в литературе XVII века сказался и в некоторой индивидуализации прямой речи действующих лиц. Процесс этот только-только начался, но он тем не менее уже очень значителен.

Древняя русская литература до XVII века обильно насыщена прямой речью героев. Герои произносят длинные речи, молитвы, обмениваются короткими обращениями друг к другу. Но при всем обилии прямой речи действующих лиц — речь эта не индивидуализирована. Прямая речь по большей части носит книжный характер. В речах действующих лиц дается мотивировка их поступков, изображается их душевное состояние, их мысли — при этом в предписываемых литературным этикетом формах. Между речами персонажей и изложением автора нет ни стилистических, ни языковых различий. Действующие лица говорят «гладко» и литературно. Поэтому до XVII века по большей части речь действующего лица — это речь автора за него. Автор — своего рода кукловод. Кукла лишена собственной жизни и собственного голоса. За нее говорит автор своим голосом, своим языком и привычным стилем. Автор как бы переизлагает то, что сказало или могло сказать действующее лицо. Персонажи еще не обрели своего собственного языка, своих, только им присущих слов и выражений. Этим достигается своеобразный эффект немoty действующих лиц, несмотря на всю их внешнюю многоречивость. Литературное произведение — как бы пантомима, комментируемая авторским голосом. Даже во многих произведениях XVII века мы еще не слышим героев, а только читаем их речи. Так, например, при всей новизне и остроте образа молодца в «Повести о Горе-Злочасти» — это еще «немой» персонаж: как бы некоторая тень. Вместе с тем прямая речь не выделена не только в своих индивидуальных особенностях, но и в своих профессиональных и социально-групповых разветвлениях и диалектных формах. Прямая

речь до XVII века — это главным образом способ повествования, а не способ показа происходящего.

Все, что я только что сказал, — это, конечно, в какой-то мере неизбежная в кратком изложении схематизация. Внимательное изучение истории прямой речи покажет в будущем множественность ее функций и обилие исключений. Однако об одном исключении следует сказать уже сейчас. Прямая речь в летописях, особенно древнейших, отнюдь не лишена характерности для персонажей. Очень часто, даже чаще, чем обратное, — это речь именно действующих лиц, а не летописца. Этому есть конкретная причина: летописец очень близко передавал речи своих персонажей к действительно произнесенным. Речи в летописях документальны. Не все, конечно, но очень многие. Естественно, что эти речи сохраняют индивидуальные особенности тех, кто их произносит. Сознательно или несознательно сохраняет летописец индивидуальные особенности речи — это сказать пока еще трудно. Необходимы дальнейшие исследования. Одно можно сказать: по мере того как в литературе усиливается элемент художественного вымысла — речи действующих лиц не индивидуализируются, а, напротив, нивелируются, сливаются с речью автора. Такие нивелированные речи мы встретим в житиях святых, в хронографах и степенных книгах, где, как известно, вымысла больше, чем в летописях. Даже в первой половине XVII века в повестях о «Смуте», а в конце XVII века в «Повести о Савве Грудцыне» речь действующих лиц книжна и бесцветна. Действующие лица говорят, но не разговаривают. В их речах нет живых интонаций и нет индивидуальной манеры говорить. Попытка индивидуализации прямой речи в «Повести о Савве Грудцыне» сделана только для беса, но эта индивидуализация касается не речи самой по себе, а только манеры, в которой бес говорит Савве: то «осклабився», то «рассмеявся», то «возсмеявся», то «улыбаяся». В языковом же отношении речи беса, Саввы, Бажена Второго, его жены, главного сатаны и других не различаются между собой.

Прямая речь вводится часто как мотивировка действий или для раскрытия внутреннего состояния действующих лиц. При этом характерно, что мысли беса скрыты автором от читателя. Монологически выражаются лишь мысли Саввы: Савва постоянно «помышляше в себе», «он же помышляше, глаголя в себе», «и помыслив такую мысль злую во уме своем, глаголя», «рад бысть, помышляя в себе» и т. д. Часто в форме прямой речи автор объявляет о решении действующего лица. После прямой речи автор прямо сообщает о случившемся или об исполнении решения как о чем-то самой собой разумеющемся. Сам по себе диалог в повести развит слабо, не выходит за пределы вопросов и ответов, предложений и согласий или отказов. Так или иначе прямая речь в повести является лишь способом повествования, а не способом показа действия, события. Она объясняет мотивы поступков, но не характеризует действующих лиц.

Прежде чем индивидуализироваться, речь действующих лиц становится разговорной, живой. Она органически связывается с ростом в литературе бытовых элементов и со снижением сюжетов и персонажей. Вот почему живые интонации прежде всего проникают в демократическую литературу, в демократическую сатиру, в произведения, связанные с фольклорной стихией.

Индивидуализация прямой речи идет по мере того, как снижается речь самого автора, становится менее высокопарной и книжной. Разговорные элементы проникают в демократической литературе второй половины XVII века в повествование и в прямую речь. Только с этой поры стала возможной и индивидуализация речи. Речь действующих лиц не может индивидуализироваться сама по себе, независимо от других процессов в языке и содержании литературы.

Живостью прямой речи отличается прежде всего «Повесть о Фроле Скобееве».

Прямая речь действующих лиц «Повести о Фроле Скобееве» еще слабо индивидуализирована, но тем не менее она уже резко отличается от авторской речи. В ней соблюдены живые интонации устной речи. Ср., например: «Поди скажи той мамке...», «Ну, сестрица, пора тебе убираться и ехать в гости», «Принеси, сестрица, и мне девичей убор, уберуся и я...», «Полноте, девицы, веселица!», «Ну, мамушка, изволь, как твоя воля на все наши девичьи игры», «Изволь, госпожа Аннушка, быть ты невестою», «Настоящей ты плут, что ты надо мною сделал?..», «Встань, плут! Знаю тебя давно, плута, ябедника. Знатно, что няябедничал себе несносно. Скажи, плут! Буде сносно, стану стараться о тебе, а когда не сносно, как хочешь. Я тебе, плуту, давно говорил: живи постоянно. Встань скажи, что твоя вина?»; «Жена, жена! Что ты ведаешь, я нашел Аннушку!» — и т. д.

Замечательно и то разнообразие, с которым вводится в повесть прямая речь действующих лиц: то Нашокин «закричал», то он «плачет и кричит», то стал «рассуждать з женою», то «приказал», то «спрашивает ево», то столычники «имели между собой разговоры», то Ловчиков «объявил» и т. д. Может быть отмечено в «Повести о Фроле Скобееве» и искусное ведение диалога.

Живые интонации и живая разговорная лексика свойственны всем действующим лицам «Жития» протопопа Аввакума. Это произведение хорошо известно, и поэтому нет необходимости приводить примеры. Но вот на что следует обратить внимание. Речи действующих лиц сильно разнообразятся в зависимости от того, при каких обстоятельствах они произнесены. Сам Аввакум говорит по-разному в зависимости от того, молится ли он, проклинает ли никониан, «лает» ли своего мучителя Пашкова, взывает ли о помощи к Богу, разговаривает ли со своими последователями. Речи разнообразны, но при этом все же слабо индивидуализированы. Трудно отличить речи врагов Аввакума от речей самого Аввакума, и тем не менее в общей массе это различие есть. Речи Аввакума отличаются от речей его последователей и даже врагов большей «сниженностью»,

обилием бранных и просторечных выражений, но это пока сделано не для того, чтобы подчеркнуть неуимчивый характер Аввакума, а из авторской скромности: Аввакум унижает себя низкой речью, подчеркивает свою «грубость», необразованность, некнижность. Конечно, в этом есть уже доля речевой самохарактеристики.

Живая разговорная речь, казалось бы, должна была бы прежде всего отразиться в русской драматической литературе — уже в первых пьесах русского театра. Но этого не случилось. Мешала «высокая тематика» этих драм. Речи персонажей «Артаксерксова действия» не менее приподняты и искусственны, чем речи Хронографа. Только с появлением интермедий с их сниженной тематикой достижения демократической литературы в передаче разговорной речи стали достоянием театра.

Дальнейшая индивидуализация прямой речи, разделение ее по профессиональным и социальным признакам, индивидуально-характеристические черты речей отдельных лиц и пр. могли проявиться только с развитием чувства стиля и потребовали почти столетия для своего осуществления.

Эмансипация человеческой личности в литературе шла по многим линиям. Она была одновременно и эмансипацией сюжетного построения литературного произведения. Если раньше самостоятельность действия произведения была скована Божественным вмешательством, Божественной волей и действие совершалось в пределах извечной борьбы добра и зла, то теперь повествование начинает развиваться по преимуществу по законам жизни и сюжетного построения.

Одно из самых замечательных произведений XVII века — «Повесть о Тверском Отроче монастыре» — позволяет проследить развитие повествовательного искусства. Повесть рассказывает о довольно обычной житейской драме: невеста отказывает своему жениху и выходит замуж за другого. Конфликт возрастает оттого, что оба героя повести, и бывший жених, и будущий супруг, связаны между собой дружбой и феодальными отношениями: первый — слуга, «отрок» второго. Второй — его господин. Замечательную особенность повести составляет то, что она не строится на обычном для средневековых сюжетов конфликте добра со злом. Борьба злого начала с добрым, которая всегда почти являлась «двигателем сюжета» древнерусских произведений, вызывала потребность следить за его развитием, желать торжества добру над злом, — в сюжете «Повести о Тверском Отроче монастыре» отсутствует полностью. В повести нет ни злых персонажей, ни злого начала вообще. В ней отсутствует даже социальный конфликт: действие происходит как бы в идеальной стране, где существуют добрые отношения между князем и его подчиненными. Крестьяне, бояре и их жены строго выполняют указания князя, радуются его женитьбе, с радостью встречают его молодую жену — простую крестьянку. И тем не менее конфликт налично — конфликт острый, трагичный, заставляющий страдать всех действующих

ших лиц повести, а одного из них, отрока Григория, уйти в леса и основать там монастырь. Это происходит потому, что впервые в русской литературе конфликт перенесен из сферы мировой борьбы зла с добром в самую суть человеческой природы. Двое любят одну и ту же героиню, и ни один из них не виноват в своем чувстве. Виновата ли Ксения в том, что предпочла одного другому? Конечно, и она ни в чем не виновата, но в оправдание ее автору пока еще все же приходится прибегать к типично средневековому приему: Ксения следует Божественной воле. Она послушно выполняет то, что ей предназначено и чего она не может не сделать. Этим самым автор как бы освобождает ее от тяжести ответственности за принимаемые ею решения: она, в сущности, ничего не решает и во все не «изменяет» Григорию; она только следует явленному ей сверху. Разумеется, это вмешательство сверху ослабляет земной, чисто человеческий, характер конфликта, но об этом вмешательстве рассказывается в повести в высшей степени тактично. Вмешательство судьбы не имеет церковного характера. И в этом новизна повести. Нигде не говорится о видениях Ксении, о ее вещих снах, слышанном ею голосе или о чем-либо подобном. У Ксении дар прозорливости, но эта прозорливость имеет не церковный, а вполне фольклорный характер. Она «знает» то, что должно совершиться, а почему знает — об этом читателю не сообщается. Она знает так, как знает будущее мудрый человек. Ксения — «мудрая дева», персонаж, хорошо известный в русском фольклоре и отразившийся в древнерусской литературе: вспомним деву Февронию в «Повести о Петре и Февронии Муромских» XVI века.

Повествовательность представлена в «Повести о Тверском Отроче монастыре» в более развитом и усложненном виде. Автор ее нашел средства в самом сюжете для выражения своей всепримиряющей точки зрения. Конфликт повести вызван не наличием в мире добра и зла, но самой природой человека. Любовь к одной и той же героине ведет к трагическому разладу двух одинаково хороших, совсем идеальных людей: великого князя и его отрока. Любовь к Ксении двух юношей безраздельно господствует в повести и мотивирует их поступки. Она захватывает действующих лиц сразу, и вызывается она только красотой дочери простого сельского пономаря. Перед этой красотой преклоняются все, и она всех примиряет с неравным браком князя: селян и горожан, слуг и бояр. Эта черта нового времени. Необычная судьба Ксении всячески подчеркнута в самом сюжете: своего согласия на брак с нею своего слуги не давал сам великий князь — истинный жених и «суженый» Ксении. Вещие сны князя, не имеющие, однако, характера церковных «видений», мудрое предвидение Ксении, сказочно-вещее поведение сокола князя — увеличивают интерес повествования, интерес ожидания конца, подчеркивают необычайность совершающегося. Автор почти не интерпретирует событий от своего собственного имени. Оценка событий дана самими событиями — тем, как они развиваются и что случается с людьми.

Поступки действующих лиц определяются до женитьбы князя не расчетом, а чувствами всех троих. Чувство — как двигающая сила сюжета, и при этом сила «благая» — впервые входит в русское повествование в такой форме и с такой интенсивностью.

В результате сюжет «Повести о Тверском Отроче монастыре» собран и един, прост и мотивирован внутренне. Искусство повествования нашло новый источник логики повествования в самой природе человека. Сюжет развивается по своим законам и по законам жизни, а не по велениям церковной морали. Он тоже эмансипирован и «индивидуализирован». Чтобы понять, как и вследствие чего это происходит, — обратим внимание на роль расширения среды, в которой развиваются «эмансипирующиеся» сюжеты.

Не меньшее значение для литературы, чем расширение социального круга читателей и авторов, имело и расширение социального круга, в котором происходило действие произведений.

В русской средневековой литературе отчетливо выступает связь среды, в которой развертывается действие произведения, с самым типом повествования. Вот, например, жития святых. В основном святые в Древней Руси были либо рядовыми монахами (основатели монастырей и подвижники этих монастырей), либо иерархами Церкви (епископы, митрополиты), либо князьями-воинами и князьями-мучениками. Соответственно делились и типы агиографической литературы. Не только каждый из святых действовал согласно этикету своей среды, но и самый сюжет развивался согласно литературному этикету. Рассказчик-церемониймейстер вводил своего героя в событийный ряд, соответствующий занимаемому героем положению, и обставлял рассказ о нем подобающими этикетными формулами.

Следовательно, искусство повествования было ограничено рамками литературного этикета. Ограничения эти, впрочем, касались не всех сфер, а лишь наиболее официальных, — тех, в которых поведение действующих лиц подчинялось официальным церковным идеалам и официальным способам изображения. Там, где свобода творчества была сравнительно мало подчинена этим требованиям, — повествование развивалось более свободно.

Рассказы о чудесах святого были гораздо реалистичнее самого жития, — как клейма иконы реалистичнее изображения в среднике. В рассказах о чудесах внимание повествователя сосредоточивалось не столько на самом святом, сколько на тех, кто его окружал, кто был объектом его нравственного или сверхъестественного воздействия. Поэтому чудеса происходят в более разнообразной и часто в гораздо менее «официальной» среде: в купеческой, крестьянской, ремесленной и т. д. Действующие лица оказываются рядовыми людьми, они ведут себя свободнее, они важны не сами по себе, а как объект воздействия чудесной силы молитвы святого. Особенное значение имели те чудеса, в которых действие разворачивалось в купеческой среде. Эти чудеса дали постепенно

особую жанровую разновидность повествования литературы Древней Руси — повести о купцах.

Повести о купцах в какой-то мере продолжают эллинистический роман, приемы и сюжеты которого проникли к нам через многие переводные жития — типа «Жития Евстафия Плакиды». Эти жития-романы были распространены на Руси в Четьих-Минях, Прологах и патериках. Так же как жития-романы, повести о купцах рассказывают об опасных путешествиях, во время которых происходят всяческие приключения героев: главным образом кораблекрушения и нападения разбойников. В повестях о купцах обычны испытания верности жены во время долгого отсутствия мужа, кражи детей, потом неузнанных или узнанных, предсказания и их исполнения. Важно, что повествование о купцах не подчиняется в такой мере этикету, как повествование о героях более «официальных» — церковных деятелях или военных. Чудесный элемент повествования получает в повестях о купцах иное значение и имеет иной характер, чем в агиографической литературе. В агиографической литературе чудо — вмешательство Бога, восстанавливающего справедливость, спасающего праведника, наказывающего провинившегося. В литературе о купцах чудесный элемент часто — чародейство. Это чародейство иногда не может осуществиться, а иногда сводится на нет, усилиями героя или вмешательством Божественной силы. Чудесный элемент — это и вмешательство дьявола, злой силы, тогда как в житиях ему противопоставлено вмешательство Бога. Вмешательство Бога в житиях уравнивает, восстанавливает справедливость, сводит концы с концами. Чародейство, волхование и пр. в купеческих повестях, наоборот, завязка действия.

Но расширение социальной сферы действия литературных произведений не ограничивается купцами. Действие перебрасывается в сферу низшего и при этом также не отличающегося святостью поведения мелкого духовенства — белого и черного («Стих о жизни патриарших певчих»), кабацких ярыжек, кабацких завсегдаев, мелких судебных служащих, крестьян и т. д. Это расширение сферы действия снижало изображение и изображаемое, повышало изобразительность литературного изложения, вводило в литературу новые сюжеты, усложняло интригу и т. д. Расширение социального круга действующих лиц идет все время параллельно с расширением круга «возможностей» литературы: в области сюжетов, мотивов, изобразительных средств и т. д.

*

Что такое барокко в России XVII века? Литературное направление или «стиль эпохи»?

Стиль эпохи развивается в те периоды, когда художественное творчество, наука и религия недостаточно дифференцированы. Художественность пронизывает собой все стороны культуры. Эстетические импульсы проникают в

представления о мироустройстве, оформляют религиозную концепцию. Даже удобства быта приносятся в жертву художественности. Все социальные установления подчиняются развитой церемониальности, символике, этикету, согласующимся с эстетическими идеалами эпохи. Таково средневековые — особенно раннее, эпоха господства могущественнейшего стиля эпохи — романского (стиль этот называется еще «романеск», а в Англии — «норманским»; для Византии, южных славян и Руси он не имеет названия).

Романский стиль захватывает собой не только зодчество, с ним согласуются эстетические нормы в изобразительных и прикладных искусствах, в словесном искусстве, в музыке. Ему подчиняется стиль политической мысли, стиль науки, стиль церемониальности.

Столь же широки ренессанс и отчасти барокко. Однако по мере дифференциации человеческого творчества сфера действия стиля становится все уже. Думаю, что барокко не захватывает собой науку, оно менее определено, чем стиль романский, выражено в политической мысли и в быту.

Классицизм захватывает собой только зодчество, изобразительные искусства, музыку, литературу, искусства прикладные, садово-парковое искусство.

Романтизм еще уже. Ему слабо подчиняется зодчество, хотя он еще могуществен в литературе, музыке, живописи, балете.

Реализм — это стиль литературы (и прозы по преимуществу) и изобразительных искусств, но он уже менее ярко представлен в музыке, с ним не согласуется балет. Его не может быть в архитектуре.

Дальше идут только направления в литературе, живописи, зодчестве.¹ Это неизбежное следствие роста человеческой культуры — процесс ее дифференциации.

В Древней Руси XVII века не было литературных направлений. Литература подчинялась стилю эпохи. Для авторов литературных произведений не было выбора между тем или иным направлением в искусстве. Искусство, наука, религия, быт в своем стилистическом выражении были едины. Литература разнообразилась в выражаемых ею идеях резче, чем в Новое время, более отчетливо проходили границы литературных жанров, но «знаковая система» искусства была общей. XVII век — это век решительного углубления процесса дифференциации во всех областях культуры. Литература дифференцируется по классовому признаку. Появляется новая, отсутствовавшая до того народная литература — литература демократических слоев населения; создается литература при-

---

¹ Три категории стилей в зависимости от широты их распространения в различных искусствах устанавливает Тибор Кляница в своей интересной статье: *Styles et histoire du style. «Littérature hongroise — littérature européenne» // Etudes de littérature comparée, publiées par l'Académie des sciences de Hongrie à l'occasion du IVe Congrès de l'A. J. L. C. Budapest, 1964. P. 22—23.*

дворная. Резкое разграничение возникает между светской частью литературы и церковной, между научной и художественной.

Барокко явилось на Руси со стороны: из Польши, Украины, Белоруссии. На Руси оно стало иметь другое значение, чем в Западной и Центральной Европе. Оно выполняло в XVII веке в России роль ренессанса.¹

Это парадоксальное положение коренным образом изменило характер стиля.

Барокко в его незаимствованных формах — там, где оно выступает в творчески переработанном на Руси виде, не переламывает человеческой натуры, не пугает контрастами и нечеловеческими усилиями, не сгибает и не перегибает крупные массы: оно жизнерадостно и декоративно, стремится к украшениям и пестроте. Не случайно так называемое нарышкинское барокко в архитектуре так ярко в цветовом отношении, так охотно использует контрастную окраску, наружную позолоту, затейливые формы.

Наиболее ранний образец барокко в живописи России — роспись церкви Троицы в Никитниках (Москва, 1652—1653 гг.). Этот великолепный памятник необыкновенной сохранности и эстетической привлекательности несомненно принадлежит к барокко, но барокко росписи в Никитниках жизнерадостно и декоративно. Сцены ужасов смягчены. Композиция Страшного Суда с западной стены центрального помещения перенесена в притвор. Излюбленная идея барокко — *vanitas* (суетность мира сего) и *discordia concors* (объединение неожиданностей) отсутствуют.

Литературное барокко сказалось по преимуществу в литературе верхов феодального общества — в поэзии Симеона Полоцкого, Кариона Истомина, Сильвестра Медведева, Андрея Белобочкокого и др., в театре, в официальной историографии, в переводной литературе и т. д. Барокко неравномерно захватило

¹ В своем ответе на вопрос «Была ли так называемая „литература барокко“ в славянских странах?» И. П. Еремин писал: «Восточно-славянские литературы — и в этом их своеобразие — эпохи Возрождения не переживали. К барокко они пришли, минуя Возрождение, непосредственно от средневековья» (Сборник ответов на вопросы по литературоведению. IV Международный съезд славистов. М., 1958. С. 84). Однако И. П. Еремин не сделал из этого соответствующих выводов для определения роли, значения и характера русского барокко. В своей интересной статье «Проблема барокко в русской литературе XVII—начала XVIII века» А. А. Морозов писал в связи с утверждением И. Н. Голенищева-Кутузова, что в XVII в. у славян «обнаружится (в результате будущих исследований. — Д. Л.) наследие Возрождения может быть гораздо более значительное, чем в ту же эпоху на Западе»: «Это предположение вполне оправданно, если принять во внимание сложные условия рецепции Ренессанса, в особенности у восточных славян, где барокко как бы приняло на себя функцию Ренессанса, облекая в свои формы его запоздалые проявления». Это драгоценное замечание о барокко у восточных славян не было, однако, достаточно развито А. А. Морозовым (см.: Морозов А. А. Проблема барокко в русской литературе XVII—начала XVIII века // Русская литература. 1962. № 3. С. 17).

собой литературу, позволяя авторам делать выбор: примыкать или не примыкать к нему, барокко в России было поэтому не столько «стилем эпохи», а в полном смысле этого слова направлением, одним из течений в литературе, в архитектуре, в живописи.

Чем характеризуется это первое направление русской литературы? Барокко служило эмансипации человеческой личности, секуляризации литературы. Оно развивало веру в человеческий разум, в науку, впервые после средневековья создавало в России представления о социальном прогрессе и вызывало надежды на реформы в государственной и социальной жизни. В этом отношении не случайно его появление накануне Петровских реформ. Поскольку барокко в России приняло на себя функции ренессанса, оно тесно связано с просветительством. Сборники стихов Симеона Полоцкого напоминают собой энциклопедические словари. Темы его стихов и самые общие — «купечество», «неблагодарствие», любовь к подданным, славолюбие, закон, труд, воздержание, согласие и т. д., и конкретные — различные звери, гады, рыбы, птицы, деревья, травы, драгоценные камни и пр. Трактуются в стихах Симеона Полоцкого и отдельные исторические личности, исторические события, описываются дворцы, церкви и пр. Стихи сообщают сведения и учат морали. Это поэзия «педагогическая». Искусство лишь стилистически организует сообщаемые сведения. Оно превращает стихи в орнамент, пестрый, веселый и занимательный. Орнаментальность достигает пределов возможного. Изображение дробится и мельчится. Сюжет построен замысловато. В целом орнамент барокко динамичен, но без свойственного западному барокко борения масс. Орнамент курчавится по поверхности, не столько выражает существо предмета, сколько украшает его. Литературные сюжеты многопредметны. Сами стихи строятся в виде орнамента или простых фигур: креста, ромба, орла, звезды и пр. Стихи напоминают строгановские или царские письма в иконописи — та же орнаментальность, та же «мелкопись», та же «драгоценность» и украшенность. Содержание в значительной мере заслонено драгоценным окладом формы.

Ужасы барокко дошли до России лишь в заимствованных и переводных формах и произведениях. Русское барокко, там, где оно действительно русское, а не переводное, — человечно, а не сверхчеловечно.

Венгерский ученый А. Андьял связывает с барокко творчество Аввакума.¹ Вслед за ним объявляет Аввакума барочным писателем и А. А. Морозов.² В Аввакуме действительно есть барочные черты. Но насколько аввакумовское барокко человечнее барокко западноевропейского! А. Андьял и А. А. Морозов подчеркивают ужасы и мучения, изображенные в «Житии» Аввакума. Но на

¹ Angyal A. Die slavische Barockwelt. Leipzig, 1961. S. 61—64 и др.

² Морозов А. А. Проблема барокко в русской литературе XVII—начала XVIII века. (Состояние вопроса и задачи изучения) // Русская литература. 1962. № 3. С. 29 и след.

изображении ужасов сосредоточивалась в той или иной мере вся русская средневековая литература. Их можно найти в Хронографе и в житиях святых. Новое в «Житии» Аввакума — это не столько ужасы, сколько человеческий быт, человеческие чувства, умение войти в психологию другого человека — даже врага. Новое в «Житии» — это курочка, несшая Аввакуму по два яйца в день, это щи, которые приносил ему похлевать ангел в тюрьму Андроникова монастыря, это рыба, которую давал Бог в сети Аввакуму, и т. п. В самих мучительствах Аввакум находил смягчающие их черты, а в мучителях — человеческие свойства. Рассказывая об ужасах своей жизни (а они ведь действительно были, и не придуманы для стилистической выдержанности), Аввакум всячески смягчает их: «И смех с ним и горе». Не устрашает его и бесовская «игра». Аввакум всячески подчеркивает, что ему не страшно, когда раскрывается верхняя доска на гробе или саван на мертвце шевелится, «устрашая» его. Аввакум, помолясь, осеняет мертвца «и бысть по-прежнему все». С верою да с молитвою ничего не страшно. Даже когда бес стал бить Аввакума, то и боли он на себе не чувствует: «бьет, а ничто не болит». Аввакум не устрашает читателя, а, наоборот, хочет внушить ему уверенность: с Богом да с правою верою нет в жизни ничего страшного. Есть в жизни только один страх — страх Божий. И все ж таки даже Бог не страшен. «Татарский бог Магмет, — пишет Аввакум, — написал во своих книгах сице: „Непокаряющихся нашему преданию и закону повелеваем главы их мечем подклонити“. А наш Христос ученикам своим никогда так не повелел». О своих мучителях Аввакум говорит: «Я своево мучения на них не спрашиваю... Молитися мне подобает о них, живых и о представльшихся». Мучителей он называет «бедными», «горюнами», жалеет их, считает глупыми, ничтожными, невежественными. Даже своего главного мучителя в Даурской земле — Пашкова — он описывает не без симпатии. Железы, наложенные на правоверных, рассыпаются; битье не больно; урезывание языка ни к чему не приводит — языки отрастают вновь.

И юмор Аввакума — не барочный, не стремится к гротеску. Юмор Аввакума как бы слегка светится и как бы согревает воспоминания. Припоминается ему, как валились друг на друга его люди, совсем как в комической сцене какого-нибудь скоморошьего или кукольного представления: «Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошадьми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет да и повалится, — кольско гораздо! Выную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: „Матушка-государыня, прости!“ А протопопица кричит: „Что ты, батко, меня задавил?“». Если все это в «Житии» Аввакума барокко, то барокко это тесно примыкает к реалистичности.

В барокко участвовали разные силы, среди них были и такие, которые тянули к быту и к человеку. Они-то и оказались сродни тому «ренессансному ба-

рокок», которое было характерно для России. Повторяю: в России XVII века барокко играло роль ренессанса, поскольку стадия настоящего и полнокровного ренессанса была в России пропущена, и это недостающее звено развития надо было восполнить.

А чем, собственно, были представлены барочные элементы в русской живописи: иностранных живописцев, приглашенных в Оружейную палату, заставляли прежде всего писать портреты, а русских — украшать, декорировать, орнаментировать, создавать произведения, радующие глаз, интригующие воображение, заставляющие удивляться, искать разгадки мастерства.

*

Рост личного начала во всех сферах литературного творчества, развитие изобразительности, эмансипация вымысла, появление первого литературного направления, расширение круга читателей, появление народной литературы, рост национальных черт в литературе — все это было симптомом зарождения новой литературной системы — системы, отошедшей от средневекового типа.

XVII век был веком необычайной пестроты литературных жанров. Наряду со средневековыми жанрами, основанными на принципах их употребления в церковном, государственном и частном обиходе (жанры средневековой литературы в той или иной мере имели «деловую» предназначенность), возникают новые жанры, предназначенные только для частного чтения. Те и другие существуют одновременно. Так, например, наряду с подлинными дипломатическими посланиями появляются послания «подложные», вымышленные, предназначенные для чтения только. Создается, например, занимательная переписка Ивана Грозного с турецким султаном. Наряду с подлинными дипломатическими отчетами русских послов, так называемыми «статейными списками», создаются вымышленные статейные списки — Сугорского и Ишеина. Деловые документы все чаще составляются в расчете на их прочтение многими читателями. Возникают пародии на деловые документы, на судебные процессы («Повесть о Ерше Ершовиче», «Повесть о Шемякином суде»), на богослужение («Служба кабаку»), на путники и дорожники, даже на лечебники («Лечебник на иноземцев»). Возникает сатира и сатирические жанры. Появляется систематическое стихотворство и многочисленные стихотворные жанры. Зарождается театр и драматургия с ее особыми жанрами. Фольклор осознается как особый вид словесного творчества и начинает записываться. Вместе с тем возникают первые книжные подражания фольклору и его жанрам: песни, написанные для Ричарда Джемса, лирические песни Квашнина-Самарина, «Повесть о Горе-Злочастии». Разнообразятся исторические жанры, которые все больше и больше входят в развлекательное чтение. Появляются историко-фантастические повести вроде «Сказания о начале

Москвы», летописи приобретают характер связного исторического повествования, не только рассказывающего об истории той или иной области (например, Сибири), города, исторического лица, но и осмысляющего эту историю, преподносящего ее в литературно украшенной форме. Возникают плутовские повести (повесть о «плуте» Фролке Скобееве), приключенческие повести. Все богаче становится литература легенд. Возникает мемуарная литература.

Никогда еще ни до XVII века, ни после русская литература не была столь пестра в жанровом отношении. Здесь столкнулись две литературные системы: одна отмиравшая, средневековая, другая зарождающаяся — Нового времени.

В спорах об искусстве (сочинениях Симона Ушакова, Иосифа Владимирова, Аввакума) зарождалась эстетическая критика, но не было еще периодики, столь необходимой для развития литературы нового типа. Переводная литература еще не захватывает собой первоклассных произведений современной литературы Западной Европы. Секуляризация литературы не была еще полной.

Из двух борющихся и смешивающихся литературных систем литературная система Нового времени не одержала еще в XVII веке полной победы.

*

Те историки древней русской литературы, которые когда-то видели в новом ее периоде только результат петровской «европеизации», механического приобщения к ценностям европейского литературного опыта через петровское «окно в Европу», рассекали единое развитие русской литературы. Они, с одной стороны, механически пресекали ее развитие, считали его искусственно, внешне прекращенным, а с другой стороны, готовы были счесть, что новая русская литература возникла в результате усвоения западноевропейского опыта на бесплодной почве, как источник, высеченный из скалы. Эти представления были, конечно, связаны с крайним преувеличением роли Петра в русской исторической науке, с отрицанием непрерывности национальных традиций и предположениями, что литература может возникнуть только из одного опыта иностранной литературы, не будучи к тому подготовлена внутринациональным развитием.

Как мы видели, в течение всего XVII века совершался длительный процесс перехода от средневековых художественных методов в литературе к художественным методам литературы Нового времени, от средневековой структуры литературных жанров к структуре жанров нового типа, от средневековой корпоративности к индивидуализированному творчеству Нового времени. Именно этот переход подготовил возможность приобщения русской литературы к опыту передовой литературы Западной Европы, ее «европеизации», но вместе с тем этот же переход к новой системе литературы уже сам по себе был ее «европеи-

зацией». Литературная система Нового времени была подготовлена в России до восприятия литературой передового западноевропейского опыта — еще в XVII веке. Форма в данном случае пришла до содержания. Новое вино было вли-то в новые мехи, как бы специально для этого сшитые.

Древняя русская литература и новая русская литература — не две разных литературы — одна внезапно прервавшаяся, а другая внезапно начавшаяся, а единая литература, но с опозданием совершившая переход от средневековой литературной системы к литературной системе Нового времени, а поэтому вынужденная на ходу перестраивать и восстанавливать свои связи с передовой литературой Западной Европы.

В силу своего средневекового типа русская литература в XV—XVII веках ограничивала свои европейские связи только теми европейскими литературами, которые сохраняли тот же средневековой тип литературной системы, или ограничивала свои переводы только теми произведениями, которые были у себя на родине уже далеко не новыми и не передовыми. Когда же в XVII веке переход к новому периоду русской истории совершился и литература древнерусская перестала быть средневековой по всему своему строю, — стал возможным и интенсивный процесс усвоения опыта лучшей западноевропейской литературы: литературы личностной, создаваемой гениальными писателями.

В так называемую Петровскую эпоху, занятую ускоренным развитием экономики и государственности, было «не до литературы». Но со второй трети XVIII века усвоения опыта передовых западноевропейских литератур начинает совершаться интенсивно, и именно с этого периода можно считать окончательно утвердившимся новый период русской литературы.

Система жанров средневековой литературы в XVIII веке не отмерла. Она продолжала существовать в церковной, старообрядческой среде и среде крестьянства и простого городского люда. Продолжали читаться и составляться жития, возникали новые редакции старых известных житий. Переписывались старые сборники, составлялись даже летописные заметки, усиленно читались и такие памятники, как Пролог, Четьи-Минеи (особенно в редакции Димитрия Ростовского), Степенные книги, «Казанская история» и т. п.

По количеству списков средневековых русских произведений XVIII век не уступает предшествующим векам. И дело здесь не только в простой их сохранности. Сохраняется и европейское значение средневековой русской литературы для Молдавии, Валахии, Болгарии, Сербии, куда продолжают вывозиться русские рукописи и печатные издания. И тем не менее средневековая русская литература утратила свое значение в литературном развитии России. Средневековая литературная система отступила на второй план. Первый план занят теперь новой литературной системой, системой жанров, соответствующей западноевропейской. Появляется литературная периодика, в литературу входит новый способ распространения произведений — с помощью печатного станка.

Литература получает новое культурное «окружение» и поддержку: в театре, критике, журналистике, в новой науке и новой философии.

Литературная система русского XVIII века ничем уже не отличается от литературной системы передовых западноевропейских стран. И это сделало возможным усвоение опыта всех европейских литератур, а не только тех, которые принадлежали к средневековому типу. Образование новой литературной системы не было простым результатом Петровских реформ. Эта система издавна подготавливалась в русской литературе, и ее появление не явилось неожиданностью. XVII век — это мост между древним и новым периодом русской литературы, перейдя через который русская литература могла считать себя уже в новом периоде. Значение этого века в истории русской культуры приближается к значению эпохи Возрождения в истории культуры Западной Европы.

Д. С. Лихачев

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ

ПОВѢСТЬ О ГОРѢ И ЗЛОЧАСТИИ,
КАКЪ ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИЕ ДОВЕЛО МОЛОТЦА
ВО ИНОЧЕСКИЙ ЧИНЬ

Изволениемъ Господа Бога и Спаса нашего
Иисуса Христа Вседержителя,
от начала вѣка человѣческаго.
А въ началѣ вѣка сего тлѣннаго
сотворил *Бог* небо и землю,
сотворил Богъ Адама и Евву,
повелѣлъ имъ жити во святомъ раю,
дал имъ заповѣдь божественну:
не повелѣлъ вкушати плода винограднаго
от едемскаго древа великаго.
Человѣческое сердце несмысленно и неумичиво:
прелстился Адамъ со Еввою,
позабыли заповѣдь Божию,
вкусилъ плода винограднаго
от дивнаго древа великаго;
и за преступление великое
Господь Богъ на них разгнѣвался,
и изгнал Богъ Адама со Еввою
из святаго рая изъ едемскаго,
и вселил он их на землю на нискую,
благословил их раститися-плодиться
и от своих трудов велѣлъ имъ сытымъ быть,
от земных плодов.
Учинил Богъ заповѣдь законную,
велѣлъ он бракомъ и женитбамъ быть
для рождения человѣческаго и для любимых дѣтей.
Ино зло племя человѣческо,
в началѣ пошло непокорливо,
ко отцову учению зазорчиво,

к своей матери непокорливо
и к совѣтному другу обманчиво.
А се роди пошли слабы, ¹добру божливи¹,
а на безумие обратилися
и учили жить в суетѣ и в неправдѣ,*
в *перечине*^{2*} великое,
а прямое смирение отринули.
И за то на них Господь Богъ разгнѣвался,
положил ихъ в напасти великия,
попустилъ на них скорби великия
и срамныя позоры немѣрныя,
безживотие³ злое, сопостатныя находы⁴,
злую немѣрную наготу и босоту,
и безконечную нищету и недостатки послѣдние,
все смиряючи насъ, наказуя
и приводя нас на спасенный путь.
Тако рождение челоувѣческое
от отца и от матери.
Будетъ молодець уже в разумѣ, въ беззлобии,
и возлюбили его отецъ и мать,
учить его учили, наказывать,
на добрыя дѣла наставлятъ:
«Милое ты наше чадо,
послушай учения родительскаго,
ты послушай пословицы добрыя,
и хитрыя, и мудрыя,
не будетъ тебѣ нужды великия,
ты не будешь в бѣдности великой.
Не ходи, чадо, в пиры и в братчины,
не садися ты на мѣсто болшее,
не пей, чадо, двух чар за едину,
еще, чадо, не давай очамъ воли,
не прелщайся, чадо, на добрыхъ красныхъ женѣ,
отеческия дочери.
Не ложися, чадо, в мѣсто заточное⁵,
не бойся мудра, бойся глупа,
чтобы глупыя на тя не подумали,
да не сняли бы с тебя драгихъ портѣ,
не dospѣли бы⁶ тебѣ позорства и стыда великаго

---

¹—¹ оскудевшие в отношении к добру; ² в распре; ³ бедность, нищета; ⁴ нападения врагов;

⁵ отдаленное, пустынное; ⁶ не сделали бы, не причинили бы.

и племяни укору и поносу бездѣлнаго.
Не ходи, чадо, х костаремъ¹ и корчемником,
не знайся, чадо, з головами кабацкими,
не дружися, чадо, зъ глупыми, немудрыми,
не думай украсти, ограбити,
и обмануть, солгать,
и неправду *учинить*.
Не прелшайся, чадо, на злато и сребро,
не збирай *богатства* неправаго,
не буди послух лжесвидѣтельству,
а зла не думай на отца и мать
и на всякого челоуѣка,
да и тебѣ покрываетъ Богъ от всякого зла.
Не безчествуй, чадо, богата и убога,
а имѣй всѣхъ равно по единому,
а знайся, чадо, с мудрыми
и с разумными водися,
и з други надежными дружися,
которыя бы тебя злу не доставили». Молодец был в то время се мал и глупъ,
не в полномъ разумѣ и несовершен разумомъ:
своему отцу стыдно покоритися
и матери поклонитися,
а хотѣлъ жити, какъ ему любо.
Наживал молодецъ пятьдесят рублевъ,
залѣзъ² он себѣ пятьдесятъ друговъ,
честь его яко рѣка текла,
друговя к молотцу прибивалися,
в род-племя причиталися.
Еще у молотца был мил надежен другъ,
назвался молотцу названой братъ,
прелстил его рѣчми прелесными³,
зазваль его на кабацкой двор,
завель ево в ызбу кабацкую,
поднесъ ему чару зелена вина
и крушку поднесъ пива пьянова;
самъ говорить таково слово:
«Испей ты, братецъ мой названой,
в радость себѣ, и в веселие, и во здравие.

---

¹ к игрокам в кости; ² приобрел; ³ обманными.

Испей чару зелена вина,
запей ты чашею меду* сладково;
хошь и упьешься, братецъ, допьяна,
ино гдѣ пил, тутъ и спать ложися,
надѣйся на меня, брата названова.
Я сяду стеречь и досматривать,
в головах у тебя, мила друга,
я поставлю крушку *меду* сладково,
вскрай поставлю зелено вино,
близъ тебя поставлю пиво пьяное,
зберегу я, мил другъ, тебя накрѣпко,
сведу я тебя ко отцу твоему и матери».
В тѣ поры молодець понадѣйся
на своего брата названого, —
не хотѣлося ему друга ослушатца;
принимался он за питья за пьяныя
и испивал чару зелена вина,
запивал он чашею меду сладково,
и пил он, молодець, пиво пьяное,
упивался он без памяти
и гдѣ пил, тут и спать ложился,
понадѣялся он на брата названого.
Какъ будет день уже до вечера,
а солнце на западе,
от сна молодець пробужаетца,
в тѣ поры молодець озирается,
а что сняты с него драгие порты,
чары¹ и чулочки — все поснимано,
рубашка и портки — все слуплено,
и вся собина² у его ограблена,
а кирпичекъ положен под буйну его голову,
он накинут ³гункою кабацкою³,
в ногах у него лежат лапотки-отопочки,
в головах мила друга и близко нѣтъ.
И вставал молодець на бѣлыи ноги,
учаль молодець наряжатися:
обувал он лапотки,
надевал от гунку кабацкую,
покрывал он свое тѣло бѣлое,

---

¹ обычно это понимают как обувь; ² собственность; ^{3—3} старая изношенная одежда.

умывал он лице свое бѣлое.
Стоя молодец закручинился,
самъ говорить таково слово:
«Житие мнѣ Богъ дал великое,
ясти-кушати стало нечево!
Какъ не стало денги, ни полуденги,
такъ не стало ни друга, ни полдруга;
род и племя отчитаются¹,
всѣ дружи прочь отпираются».
Стало срамно молотцу появиться
к своему отцу и матери,
и к своему роду и племяни,
и к своимъ прежнимъ милымъ другомъ.
Пошелъ он на чюжу страну, далну, незнаему,
нашелъ двор, что градъ стоитъ,
изба на дворѣ, что высокъ теремъ,
а в избѣ идетъ великъ пир почестен,
гости пьютъ, ядятъ, потѣшаются.
Пришелъ молодецъ на честен пир,
крестил он лице свое бѣлое,
поклонился чюднымъ образомъ²,
бил челомъ он добрымъ людемъ
на всѣ четыре стороны.
А что видятъ молотца люди добрые,
что гораздъ он крестится,
ведет он все по писанному учению, —
емлютъ его люди добрыя под руки,
посадили ево за дубовой столъ,
не в большее мѣсто, не в меньшее,
садятъ ево в мѣсто среднее,
гдѣ садятъ дѣти гостиные.
Какъ будет пир на веселие,
и всѣ на пиру гости пьяны, веселы,
и сѣдя всѣ похваляютца,
молodeцъ на пиру невесель сѣдить,
кручиноват, скорбенъ, нерадостенъ,
а не пьетъ, ни ѣстъ он, ни тѣшитца,
и нѣчѣмъ на пиру на хвалитца.
Говорятъ молотцу люди добрыя:

---

¹ удаляются, отрекаются; ² иконам.

«Что еси ты, доброй молодець,
зачемъ ты на пиру невесел съдишь,
кручиновать, скорбень, нерадостень,
ни пьешь ты, ни тѣшышся,
да ничѣмъ ты на пиру не хвалишся?
Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала,
или мѣсто тебѣ не по отчинѣ твоей,
или *малые* дѣти тебя избидили,
или глупыя люди немудрыя
чѣм тебѣ молотцу насмеялися,
или дѣти наши к тебѣ неласковы?»
Говорить имъ съдя доброй молодец:
«Государя вы, люди добрыя!
Скажу я вамъ про свою нужду великую,
про свое ослушание родителское,
и про питьѣ кабацкое,
про чашу медвяную,
про лестное питие пьяное.
Язь какъ принялся за питье за пьяное,
ослушался язь отца своего и матери, —
благословение мнѣ от них миновалося;
Господь Богъ на меня разгнѣвался
и на мою бѣдность великия
мгогия скорби неисцѣльныя
и печали неутѣшныя,
скудость и недостатки и нищета послѣдняя.
Укротила скудость мой рѣчистой языкъ,
изъсушила печаль мое лице и бѣлое тѣло.
Ради того мое сердце невесело,
а бѣлое лице унынливо,
и ясныя очи замутились;
все имѣние и взоры у мене изменилися,
отечество¹ мое потерялося,
храбрость молодецкая от мене миновалася.
Государя вы, люди добрыя!
Скажите и научите, какъ мнѣ жить
на чюжей сторонѣ, в чюжих людех,
и какъ залѣсти мнѣ милых друзей?»
Говорять молотцу люди добрыя:

---

¹ достоинство.

«Доброй еси ты и разумный молодец!
Не буди ты спесивъ на чюжей сторонѣ,
покорися ты другу и недругу,
поклонися стару и молоду,
а чюжих ты дѣль не объявлявай,
а что слышышь или видишь, не сказывай,
не лсти ты межъ други и недруги,
не имѣй ты 'упатки вилавья'¹,
не вейся змиею лукавою,
смирение ко всѣмъ имѣй и ты с кротостию,
держися истинны с правдою, —
то тебѣ будетъ честь и хваля великая.
Первое тебѣ люди отвѣдаютъ
и учнутъ тя чтить и жаловать
за твою правду великую,
за твое смирение и за вѣжество,
и будутъ у тебя милыя други,
названья братья надежныя».
И оттуду пошелъ молодецъ на чюжу сторону,
и учаль он жити умѣючи,
от великаго разума
наживал он живота болшы старова,
присмотрил невѣсту себѣ по обычаю,
захотѣлося молотцу жениться.
Средил молодецъ честень пир,
отчествомъ и вѣжествомъ,
любовнымъ своимъ гостемъ и другомъ билъ челомъ.
И по грѣхомъ молотцу
и по Божию попущению,
а по дѣйству дияволу, —
пред любовными своими гостми и други
и названными браты похвалился.
А всегда гнило слово похвалное,
похвала² живетъ челоуѣку пагуба.
«Наживал-де я, молодецъ,
живот болши старова!»
Подслушало Горе-Злочаствие
хвастанье молодецкое,
само говорить таково слово:

---

¹—¹ обычно это понимают как «изворотливые, хитрые повадки»; ² похвальба.

«Не хвались ты, молодец, своим счастьемъ,
не хвастай своим богатствомъ!
Бывали люди у меня, Горя,
и мудряя тебя и досужае,
и я их, Горе, перемудрило,
и учинися имъ злочастие великое,
до смерти со мною боролися,
во зломъ злочастии позорилися,
не могли у меня, Горя, у́хати,
нази* они во гробъ вселилися,
от мене накрѣпко они землю накрылися,
босоты и наготы они избыли,
и я от них, Горе, миновалось,
а злочастие на ихъ въ могиле осталось.
Еще възгряяло я, Горе,
к инымъ привязалось,
а мнѣ, Горю и Злочастию, не в пуге же жить —
хочю я, Горе, в людехъ жить,
и батагомъ меня не выгонить,
а гнездо мое и вотчина во бражникахъ».
Говоритъ сѣро Горе-горинское:
«Какъ бы мнѣ молотцу появитися».
Ино зло то Горе излукавилось,
во снѣ молодцу привидялось:
«Откажи ты, молодець, невѣсте своей любимой —
быть тебѣ от невѣсты истравлену,
еще быть тебѣ от тое жены удавлену,
из злата и сребра быть убитому.
Ты пойди, молодець, на царевъ кабакъ,
не жали ты, пропивай свои животы,
а скинь ты платье гостиное,
надежи ты на себя гунку кабацкую,
кабакомъ то Горе избудетца,
да то злое злочастие останетца¹:
за нагимъ то Горе не погонитца,
да никто к нагому не привяжетца,
а нагому-босому шумить розбой».
Тому сну молодець не повѣровал.
Ино зло то Горе излукавилось,

---

¹ отстанет.

Горе архангеломъ Гаврииломъ молотцу
по-прежнему *явилося*,
еще вновь Злочастие привязалось:
«Али тебѣ, молодець, невѣдома
нагота и босота безмѣрная,
‘легота, безпроторица’ великая?
На себя что купить, то проторится,
а ты, удал молодець, и такъ живешь.
Да не бьютъ, не мучать нагих-босых
и из раю нагихъ-босых не выгонять,
а с тово свѣту сюды не вытепутъ,
да никто к нему не привяжется,
а нагому-босому шумить розбой».
Тому сну молодець он повѣровал,
сошелъ он пропивать свои животы,
а скинулъ он платье гостиное,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тѣло бѣлое.
Стало молотцу срамно появиться
своимъ милымъ другомъ.
Пошелъ молодець на чужу страну, далну, незнаему.
На дороге пришла ему быстра река,
за рекою перевошики,
а просятъ у него перевозного,
ино дать молотцу нечево,
не везутъ молотца безденежно.
Сѣдять молодець день до вечера,
миновался день нидообѣднемъ,
не ѣдал молодець ни полу куса хлѣба.
Вставал молодець на скоры ноги,
стоя, молодець закручинился,
а самъ говорит таково слово:
«Ахти мнѣ, Злочастие горинское,
до бѣды меня, молотца, думыкало,
уморило меня, молотца, смертью голодною,
уже три дни мнѣ были нерадошны,
не ѣдал я, молодець, ни полу куса хлѣба.
Ино кинусь я, молодець, в быстру рѣку,
полощ мое тѣло, быстра рѣка,

---

¹⁻¹ свобода, безубыточность, вследствие совершенной нищеты.

ино ѣште, рыбы, мое тѣло бѣлое!
Ино лутчи мнѣ жития сего позорного,
уйду ли я, я у горя злочастного».
И в тотъ час у быстри рѣки
скоча Горе из-за камени:
босо, наго, нѣтъ на Горе ни ниточки,
еще лычкомъ Горе подпоясано,
багатырскимъ голосомъ воскликано:
«Стой ты, молодець,
меня, Горя, не уйдешъ никуда!
Не мечися в быстру рѣку,
да не буди в горе кручиноват, —
а в горе жить — некручинну быть,
а кручинну в горе погинути!
Спамятуй, молодець, житие свое первое,
и какъ тебѣ отецъ говорил,
и какъ тебѣ мати наказывала!
О чемъ¹ тогда ты их не послушалъ,
не захотѣлъ ты имъ покоритися,
постыдился имъ поклонитися,
а хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо есть.
А хто родителей своих на добро учения не слушаетъ,
того выучю я, Горе злочастное,
²не к любому² он учнетъ упадывать,
и учнетъ он недругу покарятися».
Говорит Злочастие таково слово:
«Покорися мнѣ, Горю нечистому,
поклонися мнѣ, Горю, до сыры земли,
а нѣтъ меня, Горя, мудряя на семь свѣте,
и ты будешъ перевезен за быструю рѣку,
напоятъ тя, накормят люди добрыя».
А что видит молодец неменучюю,
покорился Горю нечистому,
поклонился Горю до сыры земли.
Пошелъ-поскочилъ доброй молодець
по круту по красну по бережку,
по желтому песочнику;
идеть весель, некручиновать,
утѣшил он Горе-Злочастие,

---

¹ зачем, почему; ²⁻² к нелюбому, немилому.

а самъ, идучи, думу думаетъ:
«Когда у меня нѣтъ ничево,
и тужить мнѣ не о чемъ».
Да еще молодець некручиновать,
запѣлъ он хорошую напѣвочку
от великаго крѣпкаго разума:
«Безпечална мати меня породила,
гребешкомъ кудерцы розчесывала,
драгими порты меня одѣяла
и отшед под ручку посмотрела,
хорошо ли мое чадо въ драгих портахъ? —
А въ драгихъ портахъ чаду и цѣны нѣтъ.
Какъ бы до вѣку она такъ пророчила!
Ино я самъ знаю и вѣдаю,
что не класти скарлату¹ без мастера,
не утѣшты дѣтяти без матери,
не бывать бражнику богату,
не бывать костарю въ славъ доброй.
Завѣчен² я у своих родителей,
что мнѣ быти бѣлешенку,
а что родился головенкою».
Услышали перевошики молодецкую напѣвочку,
перевезли молотца за быстру рѣку,
а не взяли у него перевозного,
напоили, накормили люди добрыя,
сняли с него гунку кабацкую,
дали ему порты крестьянские,
говорять молотцу люди добрыя:
«А что еси ты, доброй молодец,
ты поди на свою сторону,
к любимым честнымъ своимъ родителямъ,
ко отцу своему и к матери любимой,
простися ты с своими родители,
с отцемъ и матерюю,
возми от них благословение родителское».
И отгуду пошелъ молодець на свою сторону.
Какъ будетъ молодець на чистомъ полѣ,
а что злое Горе напередъ зашло,

---

¹ название ткани; ² заветным желанием моих родителей (исполнения которого они ожидали с надеждой) было, чтобы я родился удачливым, счастливым.

на чистомъ поле молотца въстрѣтило,
учало над молодцемъ грядати,
что злая ворона над соколомъ.
Говорит Горе таково слово:
«Ты стой, не ушелъ, доброй молодець!
Не на час я к тебѣ, Горе злочастное, привязалось,
хошь до смерти с тобою помучуся.
Не одно я, Горе, еще сродники,
а вся родня наша добрая,
всѣ мы гладкие, умилныя,
а кто в семью к нам примѣшается,
ино тот между нами замучится,
такова у нас участь и лутчая.
Хотя кинся во птицы воздушныя,
хотя в синее море ты пойдешь рыбою,
а я с тобою пойду под руку под правую».
Полетѣлъ молодець яснымъ соколомъ,
а Горе за ним бѣлымъ кречатомъ.
Молодець полетѣлъ сизым голубемъ,
а Горе за нимъ сѣрым ястребомъ.
Молодець пошелъ в поле сѣрым волкомъ,
а Горе за нимъ з борзыми вѣжлецы¹.
Молодець сталъ в поле ковыль-трава,
а Горе пришло с косою вострою,
да еще Злочастие над молотцемъ насмьялося:
«Быть тебѣ, травонка, посъченной,
лежать тебѣ, травонка, посъченной
и буйны вѣтры быть тебѣ развѣяной».
Пошелъ молодець в море рыбою,
а Горе за ним с щастыми неводами,
еще Горе злочастное насмѣялося:
«Быть тебѣ, рыбонке, у бережку уловленной,
быть тебѣ да и съденной,
умереть будетъ напрасною смертию».
Молодець пошелъ пѣшъ дорогою,
а Горе под руку под правую,
научаетъ молотца богато жить,
убити и ограбить,
чтобы молотца за то повѣсили

---

¹ с гончими собаками.

или с камнемъ въ воду посадили.
Спамятуеть молодець спасенный путь,
и оттоле молодець в монастырь пошел постригаться,
а Горе у святых воротъ остается,
к молотцу впредь не привяжетца.
А сему житию конец мы вѣдаемъ.
Избави, Господи, вѣчныя муки,
а дай намъ, Господи, свѣтлы рай.
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОВЕСТЬ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ

ПОВѢСТЬ ЗЪЛО ПОЛЕЗНА, ЯЖЕ БЫСТЬ ВО ДНИ НАША,
КАКО ЧЕЛОВѢКОЛЮБЕЦЪ БОГ ЯВЛЯЕТЪ НЕИЗРЕЧЕННОЕ
ЧЕЛОВѢКОЛЮБИЕ СВОЕ НАД НАРОДОМЪ ХРИСТИАНСКИМЪ.
ХОЩУ УБО ВАМЪ, БРАТІЯ, ПОВѢСТЬ ПРЕДИВНУЮ ПОВѢДАТИ,
СТРАХА И УЖАСА ДОСТОЙНУЮ, КАКО ГОСПОДЬ ДОЛГОТЕРПѢЛИВЪ
И МНОГОМИЛОСТИВЪ, МОЛИТВАМИ ПРЕСВЯТЫЯ ВЛАДЫЧИЦЫ
НАШЕЯ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ ИЗБАВЛЯЕТЪ
РОДЪ ХРИСТИАНСКИЙ

Бысть убо во дни наша, в лѣто 7114-го (1605—1606) году, за умножение грѣховъ нашихъ попусти Богъ на Московское государство многомерзскаго отступника и еретика Гришку Отрепьева, похити престолъ Российскаго государства, разбойнически, а не царски восприят. Тогда по всему Российскому государству умножися злочестивая литва, и много пакости и разорения народомъ российскимъ на Москве и по градомъ творяху, и от того литовскаго разорения мнози дома своя оставляху, из града во градъ бѣжаху.

В то же время во граде Устюге некто былъ житель града того Фома, по прозванію Грудцынъ-Усовъ, ихже родъ и доднесь во граде томъ влечется. Той убо Фома, видя в России таковое нестроение и нестерпимыя пакости от нечестивыхъ ляховъ и не хотя жити, оставляетъ великий градъ Устюгъ* и домъ свой и преселяется з женою в понизовый славный градъ Казань, зане¹ не бысть в понизовыхъ городехъ злочестивыя литвы. И живяше той Фома во граде Казани даже до лѣтъ благочестиваго царя и великаго князя Михаила Федоровича* всеа России.

Имѣя же той Фома Грудцынъ сына едиnorodнаго именемъ Савву, двундцать лѣтъ возраста. Обычай же имѣяше той Фома куплю дѣяти,* отезжая внизъ Волгою рѣкою, иногда к Соли Камской, иногда в Астрахань, иногда же в Персію в шахову область. *Тому же и сына своего Савву поучаше и нелѣпно такому дѣлу прилѣжати повелеваше, дабы по смерти его наслѣдникъ былъ имѣнію его. По нѣкоем же времяни восхотѣ той Фома отплыти на куплю в шахову область,* и обычныя суда с товаромъ устроиша по обычаю. Сыну же своему Савве устрои въ суда собственыя с особливими товары, и повелеваетъ ему плыти к Соли Камской и тамо купечество дѣяти со всякимъ опасениемъ и прилежати повелѣваетъ. И потомъ обычное² цѣлование женѣ своей и сыну подаде, пути касается в Персію. Мало же дней помедливъ, и сынъ его Сав-

---

¹ ибо, так как; ² здесь: прощальное.

ва на устроенных судахъ по повелѣнью отца своего к Соли Камской плавание творить начинать.

Достигшу же ему *Усолского* града Орла, абие¹ пристаеъ ко берегу, у некоего нарочита² мужа пребываетъ и обитаетъ в гостиннице. Гостинникъ же той и жена его, помня любовь отца его, и не мало прилежание и великое ему благодѣяние творяху, яко о сыне своемъ. Он же пребысть у гостинника того немало время.

В том же граде Орле нѣкто бысть мешанинъ именемъ Бажень *Вторый*,* уже старъ в лѣтехъ и знаеъ во многихъ градахъ, понеже богатъ зѣло, и попремногу дружень отцу Саввину Фоме Грудцыну. Увѣдав же Бажень *Вторый*, яко ис Казани Фомы Грудцына сынъ во граде обретается, и помысли въ себѣ: «Отець его со мною многую любовь и дружбу имѣлъ, азъ же нынѣ презрѣхъ³ его, но убо возму сына ево в домъ свой, да обитаетца у меня и питается со мною от трапезы моя».

И сия помысливъ, усмотря нѣкогда того Савву путемъ идуша, призвавъ же его к себѣ и нача ему глаголати: «Друже мой Савва! Или ты не вѣси⁴, яко отецъ твой со мною многую дружбу и любовь имель, ты же почто презрѣлъ еси и не присталь в домъ мой? Нынѣ не преслушай мя, прииди и обитай в дому моемъ и питайся общия трапезы моя. Азъ убо за любовь отца твоего вселюбезно, яко сына своего, прииму тя».

Слышавше Савва от мужа такія глаголы, велми радъ бысть, яко от таковаго славнаго мужа любовь такую принялъ. И приятень хошетъ к нему быти, и ниско поклонъ отдаеъ, и немедленно от гостинника того отходитъ в домъ Баженов. И живяше во всякомъ благодарствии, радуясь. Мужъ же Бажень старъ бысть, имѣлъ у себя жену младу, третьимъ убо себѣ бракомъ обрученну, и поять ея сущую дѣвою.*

Ненавиде же добра супостатъ диаволь, виде мужа добродѣтельное житие, и хотя возмутити⁵ домъ его, и *уязвляетъ*⁶ жену его на юношу онаго Савву к *скверному* смещению блуда, растлити жену оную любовию к Савве. И начать уловляти юношу лстивыми⁷ словесы к грехопадению, блудно вѣсть бо женское естество, уловляетъ умы молодыхъ отроковъ к блудодѣянью. И тако лестию той жены, *паче же* рещи от зависти диавольской, запялъ⁸ бысть, паде⁹ в сети к блудодѣянью, з женою оную несытно творяше блудъ и безвременно¹⁰ во ономя дѣле скверно пребываяще с нею, ниже день воскресения, ниже праздника Господня знаша, но, забывъ страхъ Божий и часъ смертный, всегда в блуде пребываше, яко свиния в кале валяшеся.

И некогда же приспѣвшу празднику Воскресения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в навечерии праздника той муж Бажень поимъ¹¹ юношу

¹ тотчас; ² именитого; ³ пренебрег им; ⁴ знаешь; ⁵ взволновать раздорами и смутой; ⁶ совращает; ⁷ коварными; ⁸ запнулся, споткнулся; ⁹ пал; ¹⁰ постоянно, всегда; ¹¹ взял.

оного Савву с собою, и поидоша до святых церкви к вечернему пѣнию. И ¹по отпущении вечерняго пѣния ¹паки ²приидоша в домъ свой, и каждой на ложи своемъ возлегати спати нача. И егда Бажень заспа крепко, жена же его, диаволомъ подстрекаема, воста от ложа своего, и прииде к постеле оного юноши Саввы и возбуди ³его, понуждаше его к смешению блуда. Он же, аще и млад, но яко нѣкою стрелою страха Божия уязвленъ бысть и бояся суда Божия и часа смертнаго, помышляше в себѣ: «Како в таковой Господский праздник азъ таковое скверное дѣло сотворити похощу?» И, сия помысливъ, начать отвращатися, с клятвою ⁴глаголя, яко «не хочу всеконечно погубити душу свою и в такой торжественный праздникъ осквернитъ тѣло свое». Она же несытно распалилася похотию блуда, понуждаше его ово ⁵ласками, ово прещениемъ ⁶нѣкимъ, угрожая ему, дабы исполнил желание ея. И много увещевала его, никако его возможе приклонити к воли своей. Видя же оная лукавая жена то, яко не возможе прелстити юношу к себѣ, абие ⁷злою яростию на юношу распалися и, яко лютая змия, востонавше ⁸, отиде от ложа его *помышляше волшебнымъ зелием ополити его и злыя свои помыслы сотворити хотя на него. И елико ⁹замысли, тако и сотвори.*

Егда же начаша клепати ко утрени ¹⁰, благолюбивы же оны мужъ Бажень *Вторый* скоро воста от ложа своего, возбудив же и оного юношу Савву к заутрени. И отслушавше со вниманиемъ и страхомъ Божиимъ, и приидоша в домъ свой. И егда же *приспѣ время Божественнѣй литоргии, поидоша* паки к Литоргии с радостию до святых церкви. Проклятая же оная жена тщательно устроише волшебная зелия на юношу, яко лютая змия хотяше ядъ свой изблевати на него. По отпущении же Божественных литоргии Бажень и Савва изыдоша из церкви, хотяше итти в домъ свой. Воевода же града того пригласи Бажена, *да обѣдуетъ с ним.* Вопросил же и о Савве, чей есть и откуда онъ. Повѣдав же Бажень, *яко ис Казани, Фомы Грудцына сынъ.* Воевода же пригласи и Савву в домъ свой, зане добре знающа отца его. Бывшу же в дому воеводскомъ, обычно трапезы причастившеся и возвратишася в домъ свой.

Бажен же повелѣ принести вина женѣ, да испиють в дому своемъ чести ради праздника, ничтоже бо лукаваго умышления жены своей знаяше. *Она же, яко ехидна злая, скрываетъ злону в сердца своемъ* и подпадаетъ ¹¹лестию къ юноше оному. И принесену бывшу вину, наливаетъ чашу и подносит мужу своему. Он же, испивъ, благодаря Бога. И потомъ вливаетъ сама себѣ, и потомъ, испивъ, наливаетъ отравнаго зелия и подносит Савве. Он же, нимало помысливъ, ниже бояся лукавствия жены оная, чающе ¹², *яко никоего зла мыслитъ на него,* и безо всякаго размышления выпиваетъ лютое оное вино зеленое. И се начать

1—1 после чтения священником молитвы, заключающей службу; 2 опять, снова; 3 разбудила; 4 здесь: побожившись; 5 то; 6 угрозами, страшая; 7 тотчас; 8 застонав; 9 здесь: как; 10 звонить в колокол; 11 подлаживается; 12 думая, ожидая.

яко огонь горети в сердце его. Он же помышляше в себѣ, яко «много различных питей пияхъ в доме у отца моего, такого пития николиже пивахъ, якоже нынѣ».

Егда же испивъ пития онаго, начать сердцемъ болѣти и тужити по жене оной. Она же, яко лютая змия и лвица, яростию погледѣша на него и приветства не являше ему. Он же, сокрушаяся, по ней тужа. Она же начать мужу своему клеветати и нелѣпо¹ глаголати на него и изгнати его вонъ хотяше из дому своего. Богобоязливый же онъ мужъ, и жалѣя в сердце своемъ по юноше, обаче² уловленъ бысть лестию женскою, повелѣвает юноше изыти из дому своего, сказа ему вину нѣкую. Юноша же с великою жалостию отходить от него, тужа и сетуя о лукавой женѣ оной.

И прииде в домъ гостинника, идеже сперва живяше и обитающе. Он же вопрошает ево, каковыя ради вины изыде вонъ из дому Баженова. Он же сказа ему, яко самъ не восхоте жити у него, а сердцемъ своимъ скорбя по той лукавой женѣ. И нача от великия жалости красота лица его изменятися и плоть его истончевати. Видев же гостинникъ юношу сетующа и скорбяща зѣло, нѣдоумѣваяще, что ему бысть.

Бысть же во граде томъ нѣкто врачъ, чарованиемъ³ своимъ сказуя, кому какая скорбь⁴ прилучится, он же знаетъ, кому жити или кому умерети. Гостинникъ же и жена его, благонравны суще, и немало попечение по юноше имѣяху. И призвавъ тайно волхва онаго, хотяше увѣдати, какова скорбь приключится къ юноше. Волхвъ же оной посмотри в волшебныя своя книги, сказалъ имъ истинну, яко онъ никакой скорби юноша не имать в себѣ, токмо скорбитъ по женѣ Баженовой, ибо в блудное дѣло упаде с нею, нынѣ же отстуженъ⁵ от нея бысть, и по ней тужа, и сокрушается. Гостинникъ же и жена его, таковая от волхва слышаше, и не имѣяше вѣры, занеже Бажень мужъ благочестив и бояся Бога, и ни во что же то дѣло вмени. Савва же, непрестанно скорбя и тужа по ней день от дне, и истончи плоть свою, якобы кто великую скорбь и болѣзнь имѣлъ.

И нѣкогда той Савва изыде из града на поле единъ, и никого за собою или пред собою видѣ. И помышляше о разлучении своемъ от жены оной. И, помысливъ такую злую мысль во уме своемъ, глаголя: «Егда бы кто от человекъ или самъ диаволь сотворилъ бы сие, еже бы паки совокупитися з женою оною, азъ бы послужил диаволу». И такую мысль положи во уме своемъ, аки бы ума иступлень бысть.

И идяше же единъ по пустыни⁶ и, мало пошед, слыша за собою гласъ, зовуще его: «Савва, Савва!» Он же, обратишася назад, зря за собою юношу к нему борзо текуще в нарочитом⁷ одѣянии, махающе рукою, пождати себя повелевающе. Он же стоя, ожидающе, юноша же той *пришед* к нему, *нпаче же рещи*⁸ супостатъ диавол, иже⁹ непрестанно рыщеть и ищетъ человекския погибѣли.

¹ лживо; ² но; ³ чародейством; ⁴ болезнь, хворь, кручина; ⁵ отдален; ⁶ пустынному месту; ⁷ богатом; ⁸—⁸ вернее же сказать; ⁹ который.

И пришедъ к нему, по обычаю поклонишася между собою, и глаголя бѣсъ к Савве: «Брате Савва, что убо яко чуждъ¹ бѣгаеши от меня? Азь убо давно ожидаю, да како бы *пришел еси* ко мне и сродственную любовь имѣлъ. Азь убо ты даюно знаю, яко от рода ты Грудцынъ-Усовъ и града Казани. А о мнѣ аще² хочеш увѣдати, и я того же града Казани и недавно здѣсь пребываю ради конной купли. И убо по плотскому рождению братья мы с тобою есмы, а нынѣ буди убо мнѣ братъ и другъ и не отлучайся от меня. Азь убо вспоможения во всемъ тебѣ радъ чинить». Савва же, слышавъ от мнимаго брата, паче же рещи от диавола, обаче таковыя к себѣ лепыя глаголы, вмени в правду, и велми о томъ возрадовашася яко в такой дальней и незнаемой стране сродника к себѣ обрете. И поидоша оба вкупѣ по пустыни оной.

И рече бѣсъ к Савве: «Брате Савва, какую ты скорбь имашеи в себѣ, яко велми изчезе юношеская красота твоя?» Он же всяко лукаво³ сказывающе ему нѣкую скорбь быти в себѣ. Бѣсъ же усмѣхнувся и рече ему: «Что убо скрываешися от мене? *Аз бо въм скорбь твою*, азь убо помогу скорби твоей». Савва же рече: «Аще убо истинно вѣдаеши скорбь мою, то пойму вѣры, яко можеши мнѣ помощи подати». Бѣсъ же рече ему: «Ты убо сокрушаешися по женѣ Баженовой, зане еси отлучен от любви ея. Да что мнѣ даси⁴, азь учиню ти с нею по-прежнему в любви быти». Савва же рече: «Азь убо, елико⁵ имамъ здѣсь товаровъ отца своего и прибытковъ, все тебѣ отдаю. Токмо прошу, братецъ, сотвори ми по-прежнему любовь имѣти з женою оною». Бѣсъ же, расмеявся, рече ему: «Почто убо искушаеши мя? Азь убо вемъ, яко отецъ мой седмерицею богаче тебя и отца твоего, что ми будетъ в товарехъ твоихъ? Но даждь мнѣ на себя рукописание малое некое, азь исполню желание твое».

Савва же радъ бысть, яко «богатство отца моего все цѣло будетъ, и азь дамъ ему рукописание, что велить написать». А в какую пагубу хочеть *впасти*, того не вѣдая, *еще* и писати и ниже слагати⁶ совершенно⁷ не умѣя. О безумный юноша! Како уловленъ женскою лестию, тоя ради хочеть в такую пагубу пасти к диаволу! И егда бѣсъ рече к Савве словеса тои, он же с радостію обѣщася дати ему рукописание. Мнимы же его братъ скоро вземъ изъ чпага⁸ свою хартию⁹ и чернила, даетъ юноше и повелѣваетъ немедленно написати писание. Савва еще и совершенно не умѣяше писати, и елико бѣсъ сказываше ему, Савва же тако и писаше, не слагая. И тем писаниемъ отречеся от Христа, истиннаго Бога, и предадеся в служения диаволу, мнимому своему брату. И поидоша убо во градъ Орель.

Вопроси же Савва бѣса: «Повѣждь ми, брате, гдѣ обитаешися, да увемъ¹⁰ домъ твой?» Бѣсъ же рече ему: «Азь убо своего дому не имѣю, гдѣ мне

¹ как чужой; ² если; ³ притворно; ⁴ дашь; ⁵ сколько; ⁶ излагать; ⁷ в совершенстве; ⁸ из кармана, сумы, кошель; ⁹ пергамен (здесь: лист хорошей бумаги, использовавшейся для документов); ¹⁰ узнаю.

прилучится, тамо и ночью. Аще ты хочещи видетися со мною часто, то ищи меня на конной площадке, яко здѣ живу для конной купли. Азь же самъ не обленюся, часто стану тебя посещати. Ты же, Савва, иди к лавке Баженовой, вѣм бо, с радостию он призоветъ тя в домъ свой». Савва же по глаголу брата своего диавола с радостию притече к лавке Баженовой.

Бажен же, егда увиде Савву, усердно приглашаше к себѣ, глагола: «Господине Савва, какую злобу сотворил тебе я? Почто изшелъ еси из дому моего? Молю тя, прииди паки обитать в дому моемъ. Азь убо за любовь отца твоего яко присному своему сыну радъ тебѣ всеусердно». Савва же, егда услыша от Бажена таковыя речи, тече в домъ Баженовъ. И жена его, увидевъ Савву, и диаволскимъ жалом подстрекаема, радостно течаше и встречает его со всякимъ ласканиемъ и лобызаеть его. Он же уловленъ бысть женскою лестию, паче же диаволомъ, паки запинается в сети блуда с проклятою оною женою. Савва же не знаше ни праздника, ниже воскреснаго дне, ниже страха Божия помня. Непрестанно с нею в кале блуда, аки свиния в кале, валяшеся.

По многом же времени абие *входитъ* слухъ во градъ Казань к матери Саввиной, яко сынъ ея живет неисправно и непорядочное житие имѣеть. Елико было с ним отеческихъ товаровъ, все изнуриль¹ въ пьянстве и блуде. Мати же, о нем таковое слыша, и непостоянствомъ зѣло огорчися, и пишеть к нему писание, дабы оттуда возвратился во градъ Казань в домъ отца своего. Егда же прииде к нему писание, он же, прочеть, посмѣялся и ни во чтоже вменилъ. Она же паки посылает второе писмо, и третье, ово с молениемъ, ово и с клятвою², и заклинаятъ его, дабы немедленно оттуду ехал во градъ Казань. Савва же нимало внять матернѣе моление, и клятву ни во что же вмени, токмо в несытстве блуда упражняшеся.

По нѣкоем же времени поемъ³ бесъ Савву, и поидоша оба из града. И глаголетъ бѣсъ Савве: «Брате Савва, вѣси ли ты, кто *есмь азъ*? Ты убо мниши мя совершенно быти от рода Грудцыныхъ, *но нѣсть* тако. Нынѣ за любовь твою повѣм ти всю истинную, ты же не убояся, ниже устыдися братомъ звати меня. Азь убо совершенно возлюбих тя во братство себѣ принять. Но аще хочещи о мнѣ вѣдати, азь убо есмь сынъ царев. Поидемъ прочь, да покажу ти славу⁴ и богатство отца моего».

И сия глаголя, прииде в пустое мѣсто на некоей холмъ показа ему в нѣкоей раздолине⁵ град великъ и велми славенъ, ***стѣны и помость и покровы⁶ от злата чиста блистаяся. И рече ему бѣсъ: «Сей есть градъ творения отца моего. Поидем убо и поклонимся купно отцу моему. А еже ми дал еси писание, ныне возьмъ, сам вручи его отцу моему, и великою честию будещи почтенъ от него». И сия изглагола, бѣсъ отдаеть Саввѣ богоотметное писание.*

¹ расточил, извел; ² с проклятием; ³ взял; ⁴ величие, блеск; ⁵ в логу, в долине; ⁶ кровли.

Оле¹ безумия отрока! Вѣдый бо, яко некоторое царство прилѣжитъ в близости к Московскому государству, но все обладаемо царемъ московским. Аще бы тогда вообразилъ на себѣ образъ креста честнаго, вся бы сия мечты² диавольския, яко сѣнь³, погибли бы. Но на предлежащее возвратимся.

Внегда же приидоша к привиденному оному граду и приближився им ко вратам града, срѣтают⁴ их юноши темнообразни в ризахъ и поясы украшены златыми, и тицанием⁵ поклоняющесея, честь воздающе сыну цареву, паче же рещи бѣсу, такожде и Саввѣ поклоняющесея. Вшедшим же им во дворъ царевъ, паки срѣтают инии юноши, ризами блистающесея паче первых, такожде поклоняющесея им. Егда же внидоша в полаты царевы, абие друзии⁶ юноши срѣтают ихъ с честью. И ⁷диаволом превозходящем⁷, воздающе достойную честь сыну цареву и Саввѣ. Вшедшим же в полату, глас бысть Саввѣ: «Брате Савво, пожди мя здѣ мало. Азъ убо шедъ, возвѣщу о тебѣ отцу моему и веду тя к нему.»* Егда же будеши пред отцемъ моимъ, ничтоже размышляй или убоися, подаждь ему писание свое». И се рекъ, поиде бѣсъ во внутреннюю полату и оставилъ Савву единаго. И, помедливъ тамо мало, и приходитъ к Савве и поемъ его и приведоше пред лице царя.

Он же седя на престоле велице, драгимъ камениемъ и златом преукрашен, сам же той славою велицею и *одѣяниемъ* блисташесея. И около его стояща множество юношей крылатыхъ, лица же ихъ овыхъ сини, овыхъ багряны, иныя яко смола черная.* Пришедши же Савва пред лице царя онаго, падъ на землю, поклонися ему. Вопросы же его царь: «Откуда пришелъ еси семо⁸ и что есть твое дѣло?» Безумный же Савва подноситъ ему богоотметное писмо свое, глаголетъ, яко «приидохъ, великий царю, послужить тебѣ». Древний же змий Сатана приемлетъ писание и прочеть его. Обозресе к темнообразнымъ своимъ воиномъ, рече: «Аще ли приму сего отрока, не вѣмъ, крепок ли онъ будетъ намъ или нетъ?» Призвавъ к себѣ сына своего, Саввина любимаго брата, глаголя ему: «Иди, прочая⁹, и объдай з братомъ своимъ». И тако оба поклонишася царю, изыдоша в преднюю полату и начаша объдати.

Неизреченныя благовонныя яди¹⁰ приношаху, такожде и питие, яко дивишася¹¹ Савва, глаголя, яко «никогда в дому отца моего таковыхъ ядей не вкушахъ или пития испихъ». По ядении же поемъ бѣсъ Савву и поидоша паки из града царева и изыдоша вон. Вопросы же брата Савва своего, бѣса, глаголя: «Что, брате, яко видехъ у отца твоего окрестъ престола множество юношей крылатыхъ стояща?» Бѣсъ же, усмѣхнувся, рече ему: «Или ты не вѣси, яко у отца моего мнози языцы¹² служат, персиды, турки, арапы и ины мнози? Ты же не дивися сему и не сумневайся братомъ звати меня. Азъ убо тебѣ менши братъ. Ток-

¹ о (междометие); ² наваждение; ³ тень; ⁴ встречают; ⁵ усердно, старательно; ⁶ другие; ⁷⁻⁷ когда проходили черти; ⁸ сюда; ⁹ пребыв в ожидании; ¹⁰ яства; ¹¹ дивился, удивлялся; ¹² народы.

мо елико аще реку тебѣ, и ты во всемъ буди мнѣ послушень. Азъ же всякаго добра рад тебѣ дѣяти и споможение во всемъ творити». Савва же во всемъ общася послушень быти, и тако уверишася¹.

Паки приидоша во градъ Орель, и оставилъ бѣсъ Савву. Савва же паки прииде в домъ Баженовъ и пребываше в прежнемъ скаредномъ дѣле. И в то время прииде во градъ Казань ис Персиды со многими прибытки отецъ Саввинъ Фома Грудцынъ. И яко обычное цѣлование подаде женѣ своей, и вопрошаетъ о сыне своемъ, жив ли есть сынъ или нетъ. Она же повѣда ему, глаголя, яко «от многихъ слышахъ², что по отшествии твоёмъ в Персиду отеде он к Соли Камской, тамо и доднесь живетъ житиемъ неудобнымъ³, и непорядочно все богатство избылъ в пьянстве и блуде. Азъ же много писахъ к нему, дабы возвратился в домъ нашъ, он же ни единой отповѣди⁴ не даде мне. Живъ ли есть нынѣ или нѣтъ, о семъ не вѣмъ».

Фома же, слышав от жены таковыя глаголы, зѣло смутися и скоро написав епистолию со многимъ молениемъ, дабы безо всякаго размышления оттуда ехалъ во градъ Казань, «да увижу, чадо мое, красоту лица твоего, понеже давно не видахъ тя». Савва же таковое писание принялъ и прочетъ, ни во что же вменивъ, ниже помыслилъ ехать ко отцу своему, токмо упражняшеся в ненасытномъ блудении. Видев же Фома, яко ни во что вмѣняетъ писание его, повѣлеаетъ готовить суда с товары, и пути касается к Соли Камской, яко «самъ поиму его в домъ свой».

Бѣсъ же, егда увѣда, что отецъ его, Саввинъ, путешествие творить к Соли Камской, хотя Савву поимати, сына своего, и привести во градъ Казань, и абие бѣсъ к Савве рече: «Брате Савва, доколе здѣ во единомъ граде маломъ намъ жити будетъ? Пойдем во иный градъ и погуляемъ, и паки семо приидемъ».

Савва же нимало отречеся⁵, глаголя ему: «Брате, како идемъ, то пожди мало, да возму от богатства моего». Бѣсъ же возбранише⁶ ему, глаголя: «О семъ не веси ли ты славы отца моего, како слава его вездѣ есть? Гдѣ приидемъ, тутъ и денегъ у насъ много будетъ, елико потребно». И поидоша из града Орла никому же вѣдомы, ниже той и самъ Бажень, и ни жена его *увѣдавши*.

Бѣсъ же Савву постави во единую ночь от Соли Камской на реке Волге во градъ, нарицаемый Козмодемьянскъ, а расстояние имѣюще от Соли Камской тысяча и больше поприщ⁷. И глаголетъ бѣсъ к Савве: «Аще кто тя узритъ знаемый здѣсь, и откуда пришелъ еси спросятъ, ты же глаголи: от Соли Камской в третью неделю приидохомъ». Савва же глагола, елико заповѣда ему бѣсъ. Тако пребывавше в Козмодемьянскомъ несколько дней.

И паки бѣсъ поемъ Савву, и об едину ночь оттуда приидоша на реку Оку в село, нарицаемое Павловъ Перевозъ, и бывшии тамо в день четверга. В той бо

¹ сговорились, присягнули друг другу; ² слышала; ³ негодным; ⁴ ответа; ⁵ не отказался; ⁶ запретил; ⁷ здесь: верст.

день в томъ селѣ торгъ бывше. Ходяще же они по торгу, узрев же Савва нѣкоего старейша нища мужа стояще, зѣло худо одѣяние на немъ. И зряще на Савву велми прилежно и плачуще горко. Савва же отиде мало от бѣса и притече к старцу оному, хотя увѣдати вину¹ плача его. И притече к старцу, рече: «Кая ти, отче, вина плача твоего, яко тако неутѣшно плачешися?» Старецъ же глагола ему: «Плачу, чадо, о погибѣли души твоя. Не вѣси бо, погубилъ еси ты душу свою и волею предался диаволу. Веси ли, человекѣ, с кемъ нынѣ ходиши и кого себѣ братомъ называеши? Но сей не человекъ, но бѣсъ с тобою ходитъ, доводитъ тя до пропасти адския». Егда же изрече старецъ к Савве глаголы сия, он же обозревся на брата своего бѣса. Он же издалеча стояше, угрожая ему. Савва же оставилъ святаго старца, скоро притече к бѣсу. Он же велми начать поносити его и глаголати: «Чего ради с такимъ душепагубцомъ сообщился еси? Не знаеши ли сего лукаваго старца, яко многихъ погубляет, на тебѣ же, видя одѣяние нарочито, и глаголы к тебѣ лестные испушает, хошетъ тебя от людей отлучити и до смерти удавити и содрать с тебя одѣяние. И егда аще оставлю тя единого, то вскоре имаша погибнути». И сия изрече со гневомъ, и потомъ поемъ Савву, оттуда приходитъ во градъ, нарицаемый Шую, и тамо пребываху неколикое время.

Фома же Грудцынъ-Усовъ пришедъ во градъ Орель и вопрошаетъ о сыне своемъ, и никто можетъ повѣдати ему о немъ. И вси дивляхуся, яко предъ его приездомъ сынъ его во граде живяше и всемъ видимо. Егда же внезапно скрылся, никтоже вѣсть. И глаголаху, яко «убоялся приезду твоего, зане все здѣсь избылъ имения твое и богатство, и сего ради скрылся». Паче же всехъ Бажень и жена его дивишася, глаголаху: «В сию ночь спаше у насъ, заутра же пошедъ не вѣмъ куды, мы же ожидахомъ его обѣдати, он же от того часа нигдѣ же не явишася во граде нашемъ. А куда поиде, азъ и жена моя не вѣмы».

Фома же слезами облиаяся, ожидаше сына своего, и возвратися в домъ свой, и нерадостной случай возвещаетъ женѣ своей. И оба вкупе сетуя и скорбяше о лишении сына своего, и в такомъ сетовании Фома, поживъ неколикое время, ко Господу отиде. Жена же его остася вдовою.

Бѣсъ же и Савва живяше во граде Шуе, и в то время благочестивый великий государь, царь и великий князь Михаилъ Феодоровичъ всеа России изволилъ послать воинство свое противъ короля полскаго под градъ Смоленскъ. И по ево, великаго государя, указу во всей России набираху новобраныхъ салдатъ.* Во градъ Шую и для набору салдатскаго присланъ былъ с Москвы столникъ Тимофей Воронцовъ, и новобраныхъ салдатъ по вся дни воинскому артикулу учаша. Савва же и бѣсъ поидоша для смотра ихъ. И рече бѣсъ к Савве: «Брате Савва, хошеши ли ты послужить царю? Да запишемся в салдаты». Тако и записашася в салдаты, и нача ходити на учение. Бѣсъ же Савве в воинскомъ учении такову мудрость дарова, яко и старыхъ салдатъ лутче и началниковъ всѣхъ

---

¹ причину.

во учении происходит¹ лутче жь. Сам же бѣсъ слугою за Саввою ходяше и оружие носяше за нимъ.

Егда же всехъ новобраныхъ салдаты приведоша в Москву и отдаша ихъ в научение немѣцкому полковнику, той же полковникъ, егда прииде к полку водити салдаты на учении, и видя Савву млада суща, а в учении воинском зѣло изрядно поступающе и ни малого порока во всем артикуле не имѣюще, и многихъ старыхъ воиновъ и начальниковъ превосходяще, и велми удивися остроумию его. Савва же сказа ему всю истинную, какого рода онъ. Полковникъ же велми его возлюбил и назва его сыномъ своимъ, даде ему шляпу з главы своея и вручи ему три роты новобраныхъ салдаты, да вмѣсто его устрояетъ и учитъ той Савва.

Бѣсъ же тайно припаде к Савве, рече ему: «Брате Савва, егда недостатокъ денегъ будетъ ратнымъ людемъ на жалованье, тогда повѣждь мне. Азь тебѣ принесу, елико тебѣ потребно будетъ, дабы в команде твоей роптания и жалобы не было на тебя». И тако у онаго Саввы все салдаты во всякой тишине и в покое пребываху, в протчих же ротахъ молва и мятежь бысть непрестанно, яко иногда от глада и наготы, не пожалованы, и по миру ходять. И вси дивляхуся остроумию Саввину.

По нѣкоем же случае явственню учинися о немъ и самому царю. В то же время в Москве и немалу власть имяше шуринъ царевъ боярин Семень Лукояновичъ Стрешневъ.* Увѣда про онаго Савву, и повеле его привести пред себя, и рече ему: «Хошеши ли, Савва, да прииму в дом мой и немалой чести сподоблю тя?» Он же поклонися, рече ему: «Господине мой! Есть братъ у меня, поиду и вопрошу его. Аще повелить, с радостию послужу тебѣ». Боярин же, нима ле возбравнивъ² ему, отпусти его, да вопросит брата своего. Савва же, пришедъ, повѣда сие мнимому брату своему бѣсу. Он же яростно рече ему: «Почто убо хошеши презрѣти цареву службу и хошеши служити холопу его? Ты убо и самъ нынѣ в том же порядке и чести, уже и самому царю знатен³ учинился еси. Егда бо царь увѣдаетъ верную твою службу, тогда и чином повыше будеши».

И по повѣлению цареву вси новобраныя салдаты розданы по стрелецкимъ полкамъ в добавку. Той же Савва поставленъ бысть на Устретенки в Земляномъ городе в *Зиминѣ приказѣ* в доме сотника стрелецкаго Якова Шилова. Сотникъ же той и жена его, благочестивы и благоразумны *суще видя Саввина остроумия*, зѣло почитаху его. Полки же в Москве во всякой готовности ко отшествию во градъ Смоленскъ *бяху*.

Во единый же день прииде бѣсъ к Савве и рече ему: «Брате Савва, поидем прежде полковъ в Смоленскъ и увидимъ, что творять поляки, како градъ укрепляютъ и *бранныя сосуды*⁴ устроятъ». И абие об едину ночь стали с Москвы в Смоленскъ, и пребываху в немъ три дни, никому же видимы, а они всѣхъ

¹ превосходит; ² не запретив, не воспрепятствовав; ³ известен, вѣдом; ⁴ военные орудия.

видяху. И созирающе¹, како поляки градъ укрѣпляютъ на приступныхъ мѣстахъ, всякия гарматы² поставляютъ. В четвертый же день объяви бѣсъ себя и Савву полякомъ. Поляки же, егда узрѣша ихъ, зѣло возмятошася и начаша гнати за ними, хотяху уловити ихъ. Бѣсъ же и Савва скоро избѣгша из града и притекоша к рецѣ Днепру, и абие раступишася вода, преидоша оную великую реку, аки посуху. Поляки же много стреляху по нихъ, но ничимъ вредиша³ ихъ, глаголюще, яко «бѣсове суть во образѣ челоувѣка приидоша и бывше во граде нашемъ». Бѣсъ же и Савва паки возвратишася в Москву и сташа у того же сотника Якова Шилова.

И егда же по указу государеву полки с Москвы поидоша под Смоленскъ, тогда той Савва з братомъ своимъ поиде. А надо всеми полками тогда былъ командующимъ бояринъ Федоръ Ивановичъ Шеин.* На пути же бѣсъ Савве рече: «Брате Савва! Егда убо под Смоленскимъ будемъ, тогда от поляков из града выедеть единъ исполинъ и станетъ звати противника себѣ. Ты же не убоися ничего, изыди противу его. В другой же день паки выедеть другой, ты же и того порaziши. В третий же день выедеть из Смоленска третій поединщик⁴, ты же ничего убоися противу его, вѣмъ убо, что и того порaziши, но и сам уязвленъ⁵ будещи от него. Аз же твою рану скоро излечу». И тако увѣривъ его, и приидоша под градъ Смоленскъ, ставше в удобное мѣсто.

По глаголу же бѣсову посланъ бысть из града нѣки воинъ страшенъ зѣло, на коне скакаша, из московскихъ полковъ противника себѣ зваща, и никто же смѣяше⁶ противу его ехати. Савва же объявляетъ себя в полкахъ и глаголя: «Аще бы мне былъ добрый конь, азъ бы пошелъ противу ево на брань»⁷. Други же, его слышаше похваление, скоро возвестиша боярину о семъ. Бояринъ же, услыша, повелъ Савву привести предъ себя и повелъ ему коня нарочита⁸ дати и оружие, и мнитъ, яко скоро имать погибнути от такого страшнаго воина. Савва же, по глаголу брата своего бѣса, ничтоже размышляя и ни бояся, выехалъ противу того богатыря и порazi его, и приводитъ и с конемъ в полки свои, и от всехъ похваляемъ. Бѣсъ же ѣздяше по немъ, служаше ему и оружие его носяще.

Во второй же день паки выезжаетъ славны нѣки воинъ, иска себѣ противника. И паки выѣзжаетъ Савва противу его и скоро поражаетъ его, и вси дивляхуся храбрости Саввиной. В третий же день еще выезжаетъ из града Смоленска нѣкий славны воинъ, паче первыхъ въ храбрости, и ищетъ себѣ сопротивника. Савва же уже того устрашишася, ехати противу того, однако же по словеси бѣсовскому немедленно выѣзжаетъ, и абие полякъ той яростно напусти на Савву и уязви его копиемъ в лево стегно⁹. Савва же исправися, нападаетъ на поляка онаго и убиваетъ его, но и с конемъ в таборы привлече и немалъ зазоръ¹⁰ полякомъ учини. Потом же нача из града выходить и свалным¹¹ боемъ битися.

¹ высматривая; ² пушки; ³ здесь: не ранили; ⁴ одиночный боец; ⁵ ранен; ⁶ не смел; ⁷ на битву; ⁸ отменного; ⁹ в бедро; ¹⁰ срам, поношенье, позор; ¹¹ рукопашным.

Савва же з братомъ своимъ с котораго крыла выезжаху, тамо поляки от нихъ не-возвратно бѣжаху. И многихъ убиваху, и тако от нихъ бѣжаху, токмо слѣдъ свой показываху, сами же ни от кого ни малого повреждения себѣ, вредѣ, не имѣяху.

Слышав же боляринъ о храбрости Саввиной, не могъ скрыти гнева своего в сердце своемъ, призва Савву к шатру своему и глагола ему: «Повѣждь ми, Савва, какова ты роду и чей есть ты сынъ?» Он же повѣда ему, яко ис Казани, Фомы Грудцына сынъ. Болярин же нача его нелѣпыми словами поносити* и глагола: «Какая ти нужда в такой случай? Пришелъ еси к смерти! Азъ убо знаю отца твоего и сродниковъ твоихъ, яко безчисленно богатство имѣютъ. От какого гонения или скудости пришел еси ты семо? Сия глаголю ти: поиди в домъ родителей твоихъ и тамъ благодѣнствуй, с родители своими пребывай. Аще же не послушаеши мене и услышу о тебѣ, яко здѣ имаши пребывати, то без всякаго милосердия здѣ имаши погибнути, и главу твою скоро повелю мечемъ отсеши». И сия болярин изрече съ яростию.

Он же отиде от него, печаленъ бысть. И рече бѣсъ к Савве: «Что убо, брате, печалуешься о семь? Аще негодна наша служба, поидем в Москву и тамо пребываемъ». И тако скоро отидоша в Москву и нача обитати в доме того же вышереченнаго сотника. Бѣс же днемъ бываше у Саввы, в нощи же отхождаше до пропасти адския, идеже жилище ихъ, искони обычай окаянному пребывати.

И немалу же времени минувшу, абие разболѣся Савва, и бѣ болѣзнь его велми тяжка зѣло, и быти ему к смерти. Жена же онаго сотника, благоразумна суща и всякое попечение и прилѣжание имуща о Савве, и глагола ему многожды, дабы повелѣлъ призвати иерея исповѣдати грѣхи своя, и причастился бы Святыхъ Христовыхъ Тайн, да некако в такой тяжкой скорби без покаяния умереть. Савва же отрицашеся и глагола: «Аще и тяжело болень, но несть моя болезнь к смерти». И день от дне болезнь еще тяжшая бѣше.

Жена же оная неотступно принуждаше его, дабы покался, и едва принудише Савву оная благоразумная жена. И повелѣ Савва призвати священника. *Жена же велѣ вскорѣ итти ко храму святаго Николы чюдотворца, и повелѣваетъ призвати тоя церкви иерея. Иерей же, нимало замедливъ, притече к болящему, бѣ бо священникъ же той мужъ благочестив и бояся Бога. И, пришедъ, нача молитвы покаянные глаголати, якоже обычно. Егда же всемъ людемъ из храмины¹ изшедшимъ, иерей же нача болнаго исповѣдати.*

И се внезапно зрить болны: в храмину тую вшедше множество бѣсовъ. Мнимый же его братъ, паче же рещи диаволовъ, прииде с ними, — не якоже челоувѣческимъ образомъ, но существенным² своимъ зверинымъ образомъ. И ста созади всехъ бѣсовъ и зубы на нем скрежеташе, показуя ему богоотметное писмо, еже даде Савва у Соли Камской, и глагола бѣсъ болящему Савве: «Зриши

¹ из хором, жилья; ² истинным.

ли, клятвопреступниче, что есть сие? Не ты ли писалъ еси? Или мниши, яко покаяниемъ хочешь отбыти¹? Азь убо великою силою моею подвигнуса на тя, и болѣ сихъ узриши».

Болны же, зря очевидно² ихъ, ово ужасаяся, ово же на силу Божию надеяся, и до конца все подробну исповеда священнику оному. Священникъ же онъ, мужъ святъ, обаче убоаяся онаго страха, зане людей во храмине единого нѣсть, кроме болнаго. Гласъ же великъ слышаше от бѣсовския оные силы, и с нуждою³ с великою исповѣда болнаго и отиде в домъ свой, ничтоже никомуже поведи. По исповѣди же оной нападе на Савву *духъ* нечисты и начать немилостивно мучити, ово об стену бияше, ово о мость⁴, с одра его меташе на полъ, ово храплениемъ⁵ и пеною давяше⁶, и всякими различными томлении мучаше его.

Благочестивый же онъ мужъ сотникъ со благонавною и разумною женою видяше такое незапное на него от диавола нападение и несносное мучение, велми жалѣюще по юноше ономъ, но никакой же ему могутъ помощи подати. Бѣсъ же день от дне на болнаго люте нападаетъ и мучаше его, но и всемъ предстоящимъ тутъ ужасъ бывает. Господин же дому того, видя над собою такую необычную вещь, паче увѣдевъ⁷, яко юноша той Савва въдомъ и царю, но есть же у нихъ сродница, в дому царскомъ пребываше, и сия помысливъ, немедленно посылаетъ жену свою ко оной сроднице, повелеваетъ ей, да все подробно возвестила бы царю, да «никако бы, — *рече*, — Савва в такомъ зле умереть, а мы за то истязаны⁸ будемъ от царя, за неизвѣщение наше».

Жена же его, нимало помедливъ, скоро тече к сроднице своей, и вся повѣстная от мужа по ряду сказа. Сродница же она, яко слыша таковыя глаголы, умилися душею, ово бо болѣвъ по юноше, паче же скорбяше по сродникахъ своихъ, да некако и вправду от таковыхъ случаевъ бѣду приидутъ. И нимало помедливъ, скоро тече из дому своего до полатъ царевыхъ. И внидохъ, по времени донесла царю о семь.

Царь же, слышавъ о Савве таковы глаголы, рече предстоящимъ, да бываетъ у онаго сотника, у болнаго онаго, повсядневное изменение⁹ караулщиковъ. И посылаютца по два караулщика, да надзирають опасно¹⁰ юношу онаго от соннаго бѣсовскаго мучения, да во огонь или в воду никакъ ввержется. Сам же благочестивый царь посылаше к болящему повсядневную пищу. И егда здравъ болны явитца, повелѣваетъ возвѣстити себѣ.

И сему тако бывшу, болны немало время в таковомъ бѣсовскомъ томлении пребысть. И месяца июля в 1 день Савва же необычно от беса мучен бысть. Заспа мало, и бысть: во сне яко наяву глагола, изливая слезы из очей своихъ, сиче рече: «О Всемиловитая Госпоже Дѣво Владычице Богородице, помилуй

¹ отделаться, избыть; ² явственно; ³ здесь: принуждая себя; ⁴ помост; ⁵ хрипением; ⁶ давил (душил) бес; ⁷ узнав; ⁸ наказаны, подвергнуты строгому допросу; ⁹ смена; ¹⁰ бережно, заботливо.

мя! Не солгу в сердце, но исполню общанием, якоже общахся тебѣ». Дому же того людие, слыша таковыя глаголы от болнаго, зѣло удивишася, глаголюще, яко видение нѣкое видить.

Егда же болны возбудися¹, приступи к нему сотникъ и рече: «Повѣждь ми, господине Савва, что таковыя глаголы во сне видевь и кому рекль еси?» Он же, паки начать убо омывати лице свое слезами, глаголетъ: «Видехъ ко одру моему пришедшу жену святолѣпну, свѣтлостию сияющу и ризу багряну носяще, с нею же два мужа, сединами украшены, во одежде единъ в архиерейской, а другий во апостолской одѣяны. И я *мню* быти жену оную Пресвятую Богородицу, *мужей же*: единаго же наперсника² Господня Иоанна Богослова, втораго неусыпнаго града нашего Москвы архиерея Петра митрополита, их же подобия образъ видель. И рече ми святолѣпная оная жена: „Что ти есть, Савва, и что скорбиши?“ Азь же рекль ей: „Скорблю, моя Владычица, прогневахъ Сына твоего и Бога моего и тебя, заступницу рода христианскаго, и за то бѣсь мучить мя“. Она же *осклабися*³ и рече ми: „Како ты можешъ выручити писание свое, еже ты подал самому Дяволу?“ И аз рекль ей: „Не могу, Владычице, аще не помощию Сына твоего и твоею милостию“. Она же ми рече: „Азь убо о тебѣ Сына моего и Бога упрошу, токмо единъ мой глаголъ исполни: аще избавлю тя от бѣды сея, хошеши ли инокъ быти?“ Азь же молебныя глаголы со слезами глаголахъ ей, якоже и вы слышавше. Она же паки рече: „Слышиши ли, Савва? Егда убо приспѣет⁴ праздникъ явления образа моего, еже в Казани, ты же прииди во храмъ мой, иже на площади у Ветошнаго ряду, и азь предъ всемъ народомъ покажу велие чудо“. И сия изрече, невидимы бысть».

Сия же сотникъ от Саввы слышавше, паки повелѣваетъ и посылаетъ жену свою к вышереченной сроднице, дабы возвестила паки царю о семъ, и абие возвѣщено бысть видение царю. Царь же повелѣваетъ хранити его.

И егда же прииде праздникъ Казанския Богородицы, что в Китае,^{*} июля 8-го числа, и повелѣ царь привести болящаго во храмъ ея, Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, нарицаемая Казанския. Якоже николи⁵ же болев, поиде ко образу и падъ на землю и начать глаголати со слезами и сокрушениемъ сердца, рече: «О Препоблагословенная и Препоблагая, Честнейшая Мати Христа Бога нашего! Благодарю тя за неизреченное твое милосердие, яко избавила мя еси от погибѣли и настави мя, на путь покаяния обрати мя». Народу же зрящу на онаго Савву и слышавше глаголы его, удивишася.

Царь же узрѣвъ его. И егда нача пѣти Божественную литоргию, а Савве лежащу среди церкви на ковре, и видевь Савва пришедшу жену, в бѣлыхъ ризахъ одѣянну, всякими лѣпотами сияющу, глагола ему: «Савва, отсель будеши здравъ; к тому не согрѣшай и повелѣние мое да исполни: буди инокъ». И с того часа получи Савва себѣ здравие, и се невидима бысть. И тако получи неизре-

¹ проснулся; ² любимца; ³ улыбулась; ⁴ настанет, наступит; ⁵ никогда.

ченную славу Савва, и прииде во ум свой и не чающе болѣзни в себѣ, яко никогда болѣ, и воста на нозѣ¹ свои.

Царь же рече: «Не сей ли трудившийся², еже по повѣлению моему принесень бысть во храмъ?» Отвѣщав же нѣкто боляринъ его, стояще, яко «той есть Савва». Царь же повелѣ его воспросити, како воста от таковыя тяжкия болѣзни. Вопрошенну же бывшу Савве, Савва же повѣдати о себѣ нача вся бывшая над нимъ, и о неизреченномъ чудеси явления образа Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, како избави его от тмы грѣховныя.

Царь же, благодаря Бога (возвѣщено о чудеси надъ онымъ Саввою) и Пречистую Богородицу, и возрадовася радостию велиею. И какъ отпевше святую литоргию, Савва же нача молѣбное пѣние пѣти Пресвятѣи Богородице и, немного дней помедливше, прииде в церковь святаго архистратига Михаила и восприятъ монашеский чинъ и благодарив Пресвятую Богородицу. И поживъ лѣтъ доволно, и преставися, ко Господу душу предаде. Богу нашему слава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

¹ на ноги; ² здесь: страдалец, измученный болезнью.

ПОВЕСТЬ НИКОДИМА ТИПИКАРИСА СОЛОВЕЦКОГО О НЕКОЕМ ИНОКЕ

ПОВЕСТЬ ДУШЕПОЛЕЗНА СТАРЦА НИКОДИМА СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ О НЪКОЕМЪ ИНОКЪ

Повѣда намъ отецъ Никодимъ* типикарьс¹ о нѣкоемъ братѣ,* сиче² глаголя: «Живушу ми, — рече, — во обители преподобныхъ отецъ нашихъ киновиархъ Зосимы и Саватия,* иже близъ суши понта³ отъ акиана Соловецкаго отока⁴, и тамо пребывающу ми лѣта доволна и типикарийскую службу хранящу. В то время прииде нѣкий братъ в той же монастырь, юнъ сый лѣты, добръ возрастомъ, повѣда ми о себѣ повѣсть страшну, исполнь сушу ползы и умиления и слезамъ достойну, могущую слышащихъ удивити и устрашити, и во умиление привести. Самъ же со многими слезами, со въздыханьми же и рыданьми глаголя сиче:

«Бысть, — рече, — в лѣта 7146 (1638) году при державѣ благочестиваго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича* всеа Росии самодержця. Сушу ми во обители Пресвятыя Живоначальныя Троицы Сергиева монастыря, близъ суши царствующаго града Москвы. Тамо пребывающу ми во всякомъ небрежении о своемъ спасении, и свою всю жизнь злѣ провождающу, и о душевномъ своемъ спасении не пекущуся, заповеди же Божия преступающу ми и во всякой нечистотѣ и в пьянствѣ пребывающу и в небрежении, о своемъ спасении не радяще, и иноческаго пребывания обѣщание забывшу и во всемъ презрѣвшу, и яко скоту невоздержно живушу. ⁵Испроста реши⁵: яже суть Богомъ любима, сихъ отвращахся, а яже Богъ ненавидитъ, сия любима быша мнѣ, и сими душу свою помрачахъ — и тако пребывающу ми. Абие⁶ посылаетъ ми ся жезлъ наказанія за грѣхи моя, внезапно бо злѣ пострадахъ и мзду по дѣломъ моимъ восприяхъ. И аще⁷ не Господь Богъ помогль бы ми, вмаль⁸ вселилася бы во адъ душа моя,* понеже⁹ той, яко чадолубивый отецъ, наказуетъ, но обаче¹⁰ с милостию, по реченному: „Накажетъ мя праведникъ милостию и обличитъ мя, не хошетъ бо той смерти грѣшному, но яко еже обратится и живу быти ему, и хошетъ всѣмъ спастися и в разумъ истинный приити”.*

---

¹ уставщик; ² так; ³ моря; ⁴ острова; ⁵⁻⁵ попросту сказать; ⁶ внезапно, вдруг; ⁷ если; ⁸ вскоре; ⁹ потому что; ¹⁰ однако.

И тако ми, — рече, — нѣкогда во едину от ношей во дни пентикостиа, близ праздника Святаго Духа сошествия* во мнозѣ пьянствѣ пребывающу ми, по реченному: „Спящии бо в нощи спят, и упивающиися в нощи упиваются”.* Приспѣ время спати и от пьянства душегубительнаго престати. Обычай же имѣх от юности моя сицев: егда хотящу ми спати, тогда вся чувства своя рукою своею не забывах крестити. Сице ми и тогда такожде сотворшу и уснувшу, и не вѣмъ¹, колико² спавшу. И убудивъшу ми ся от сна, и зрящу: внезапно разтворившая двери храмины, в нейже лежах на одрѣ грѣховнѣмъ лѣности моя, и сосуды грѣховныя окрестъ мене на ложи моем со мною быша. И се зрю идущих к себѣ во храмину множество темнообразных ефиопъ, сирѣчь³ бѣсовъ, во одеждах худых, синих и червленых, со мноюю яростию, с воплемъ и кричаниемъ, и безчинныя гласы испущающе, и страшаше мя, и яко звѣрие дивии⁴ внезапно хотяще мя поглотити. Тогда нападе на мя боязнь, и страх, и трепет, и ужасъ объять мя.* Гласъ же кричания ихъ сицевъ бысть: „Глаголи, черноризче: «Ваш есмь!»” Овии⁵ же глаголаху: „Отчайся! Яко уже нѣсть ти спасения, понеже нашъ еси, нам предан”. Инии же, страшаше, вопияху: „Аще сего не сотвориши повелѣнная нами и не отчаешися, да вѣси, яко злою мукою погубим тя и скоро умреши в руках наших. Уже бо лѣта твоя скончашася, и ⁶время исчезе живота твоего⁶”. Аз же яко от сна воспрянув и страх весь отвергъ, начатъ глаголати к ним: „У Бога милость велика, Божий есмь аз, а не ваш, якоже вы глаголете. Не отчаюся его милости, понеже вѣм, яко щедроты его на всѣхъ дѣлах его”.*

Единъ же от них, яко князь над ними, повелѣваше им, глаголя: „Что стите праздни? Поженѣте⁷ и имѣте⁸ его”.* И внезапно все множество их устремившася и нападоша на мя, ⁹во еже⁹ разсторгнути мя, и удавити, и погубити, и съѣсть своей злобѣ сотворити, и фиаль¹⁰ горести своя на мя излити.* И приступиша ко главѣ моей и к ногам, яко пчелы сот обыдоша¹¹ мя. Аз же именем Господним противляхся им.* Мнимому же князю их бѣсовскому повелѣвающу имъ, онѣм же к нему отвѣщающим и глаголющим: „Невозможно есть нам со главы его дѣйствовати и сокрушити его крестнаго ради¹² бывшаго на нем знаменія и глаголанія ради стиха «О тебѣ радуется»”.* И глагола им князь их мнимый: „Возмите свиту его, снизу и с ног его подидите нань¹³ и сокрушите его”. Они же абие, яко звѣрие, устрѣмишася со мноюю яростию, и нападоша на мя немилостивно, и тако подидоша под ребра моя. И наполнися их чрево мое и пазухи¹⁴. И начаша мя мучити злѣ, и прегигающе с чрева на хребет, якоже и кольцем. И яко огонь воспалиша во внутреннихъ моихъ болѣзнию лютою. Аз же от сего велими¹⁵ изнемогах, и возжадахся пити, и возбудих близ мене спящихъ отроков. Они же, видяще мя тако страждуща, и болѣзненно вопиюща, и пити просяща, зѣло¹⁶

¹ не знаю; ² сколько; ³ то есть; ⁴ дикие; ⁵ другие; ^{6–6} время жизни твоей истекло; ⁷ преследуйте; ⁸ схватите; ^{9–9} чтобы; ¹⁰ чашу; ¹¹ окружили; ¹² по причине; ¹³ на него; ¹⁴ грудь, бока; ¹⁵ очень; ¹⁶ очень.

устрашишася и принесоша ми воды пити. Аз же испих чашу едину и абие изbleвах вся брашна и пития ис чрева моего, настоящая и преждее, устнама и низом. И от зълнаго¹ огненнаго зазжения иже во чревѣ моем зѣло изнемогающу ми. И паки возжадахся, и испих вторую чашу воды, и такожде изbleвах, якоже и первую, з брашном и питием. Испих же и третю чашу воды: изыде из мене пиемая вода усты и низом чиста, без брашна и пития. И абие ²возмогохъ мало², и устрабихся³ от немощи моя, и легче ми бысть. И свиту свою измѣних, и в чистую облекохся, и благодарих Бога, избавльшаго мя от врагов моих. И мнѣх⁴ имѣти миръ и утвержение души моей.

И во вторый же день внезапу нападе на мя всегубителство.* Паки⁵ по прежнему образу придоша множество бѣсовъ, ⁶стужающе ми⁶, кричаще, вопиюще и глаголюще: „Отчайся и глаголи: «Вашъ есмь». Аще сего не сотвориши и не послушаеши нас, злою смертию уморим тя”. Аз же глагола к ним: „Уповаю на щедроты Божия и не отчаюся милости его. Васъ же не послушаю, погубити мя хотящих”. Они же, слышавше, ⁷мало усумнѣшася⁷, отидоша, не мучивше мене, точию⁸ се глаголющу ми с поношением и страшаше: „Свиту переменил еси, и крестишися, и стихи глаголеши, и на книги надѣшися, и на старца своего уповаеши, а душу и тѣло свое *нечисто* имѣеши. Не очиститъ тебе чистая свита твоя, и не помогут тебѣ образы и книги твои, старецъ твой не избавит тя от рукъ наших. И ты мнишися тѣмъ очиститися, избыти от нас? Но сотворим тебѣ, якоже хоцем”.

Имѣх же аз стара наставника своего, древня мужа, и добра, и зѣло искусна во иноческих исправлениях. И приходях к нему правило совершати, рекше каноны и часы пѣти, и у него благословение и прощение приемах, отхождах во свою службу, свойствѣннѣйше⁹ же рещи: отхождах на погубление души своя и на дѣлание беззакония. И в то время, в неже аз без своего старца пострадах, и старца наставника моего не бысть тогда в монастырѣ, отшел бо бяше во царствующий град Москву потреб ради монастырских. В то же время аз без своего наставника, *аки овца*, не имущая пастыря, заблудих от пути истиннаго и к путемъ нечестия уклонихся. Правило свое все презрѣхъ и по обычаю своему иноческому ничтоже совершах — и сего ради злѣ пострадах ¹⁰от лица моего¹⁰. Врази мои совѣтъ зол совѣщаша на мя, ощутиша бо мя без наставника моего и кромѣ¹¹ правила благих дѣлъ пребывающа, и в нечистотѣ и пьянствѣ живуща. Глаголюща к себѣ челоуѣкоубийцы: „Нынѣ обрѣтохом время благопотребно дѣйству нашему: дондеже¹² без правила и в нечистом житии и пьянствѣ пребываетъ, приидемъ и тако злѣ умучимъ и уморим его, якоже хоцем”.

¹ сильного; ^{2—2} немного укрепился; ³ исцелился; ⁴ полагал, надеялся; ⁵ опять; ^{6—6} нападая на меня, досажая мне; ^{7—7} несколько усомнились, устрешились; ⁸ только; ⁹ правильнее; ^{10—10} по собственной вине; ¹¹ без; ¹² пока.

В третий же день и в третий час дня по мучениих перваго дня лежашу ми в нѣкоей храминѣ единому, изнемогающу зѣло. И абие забывшу ми ся и бывшу яко во иступлении: ¹зрю свой живот яко на двѣ части раздѣлен¹. И внезапно яко врата разтворишася, и мене яко за руку ять нѣкто и исторгнувъ из вратъ внѣ, и паки врата затворишася. И обрѣтохся нѣгдѣ, яко на зеленѣ травѣ стою, а тѣло свое зрю на земли лежащее пред собою. И прежде удивихся сему и размышляя в себѣ: како единого себе положена сугуба² суша зрю и раздѣльна? И в недоумѣнии о семѣ бысть. Потом же зѣло ужасеся, и нападе на мя страхъ и трепет. И се внезапно явишася окрестъ мене множество бѣсовъ, полкъ велик зѣло. Аз же сугубо³ убояхся и вострепеталъ, видя ихъ звѣрски устремившихся на мя. И абие все множество ихъ обступивше мя и удержаша мя крѣпко, по реченному: „Врази мои душу мою удержаша, уста ихъ глаголаша гордыню, изгоняиши мя нынѣ обыдоша мя”.* И начаша глаголати мнѣ с поношениемъ: „Гдѣ суть Богъ твой?*. Се день, егоже чаяхом, и час, егоже многа лѣта ждахомъ: нынѣ в руки наша пришел еси и в сѣти наша впал еси”. И тако врази мои рѣша мнѣ злая: „Се нынѣ уже умерлъ еси, и погибе имя *твое* от земля живыхъ”.* Держаше и душу мою и вкупѣ глаголюще: „Нынѣ уже нѣсть ему спасения о Божѣ его, Богъ оставил его. Поженѣте и имѣте его, яко нѣсть избавляяя его”.* И бяху ликующе, веселящеся и радующеся о грѣшнѣй души моей, яко обрѣтоша сю корысть многу. И тако на мя шептаху вси врази мои, на мя помышляху злая и глаголюще: „Сердце его собра беззаконие ему”.* И начаша приносить свитки, в нихже писана суть грѣховная дѣла моя от юности моя. И развивающе ихъ, показующе мнѣ, обличающе душу мою, и сотвориша, якоже восхотѣша. Сия же имъ творящимъ, и веселящимся, и душу мою держащимъ, и внезапно друг ко другу шептати начаша, и глаголюще: „Михаил* грядет!” Сами же устрашишася, побѣгоша и невидими быша, а мене единого оставиша на томъ же мѣсте, идѣже держаша.

Аз же сия от нихъ слышахъ, яко Михаилъ грядетъ и яко Михаиломъ нарицаютъ, и не вѣдѣхъ, кто есть. И се абие архистратигъ силы Господня Михаилъ прииде и яко свѣтъ блистаяся, солнечныя лучи испущая, и глагола ко мнѣ: „Послѣдствуй ми”. И тако поиде на небеса выспрѣ. Аз же вослѣдъ его радованною ногою идяхъ безтрудно, яко вѣтромъ носимъ. Егда же идохъ на небо, и азъ припадохъ к нему, поклонихся на ногу его и глагола ему: „Господи мой, великий архистратиже Божий! За что тако благодѣтельствуеши мя и руководишуеши раба твоего грѣшнаго? Азъ бо к тебѣ не сотворихъ ни единого блага, точию се едино помню: написавъ твой канонъ — и сей за пѣнязь* отдахъ”. Онъ же рече ми: „Азъ ни единого отъ чловѣкъ требую к себѣ приношения, точию повелѣние Творца нашего совершаю. Порученно бо ми отъ Бога всѣхъ крещеныхъ душа к нему водити на поклонение и объявляти вся вѣдущему по повелѣнию его”. И доидохъ до облакъ, облацы же предъ нимъ раступахуся. И доидохомъ до водъ, якоже выше облакъ, и до тверди ле-

¹⁻¹ вижу, ощущаю себя разделенным на две части; ² разделенного надвое; ³ еще больше.

деновитой. И видѣх иныя облаки, красны зѣло, яко огненовидны. И потом доидо-
хомъ до небесѣ, яже выше вод. Твердѣ же и воды и небеса разступихуся пред
нимъ якоже улицею выспрь. И видѣхъ тамо свѣтъ неизреченный. И рече ми ар-
хистратигъ Божий Михаил: „Стани, не достоин бо еси тамо итти”. Аз же стах.
И рече мнѣ: „Поклонися престолу величества Божия”. Азъ же прекрестихся и
поклонихся, якоже повелѣ ми, ко свѣту оному, егоже видѣхъ на небесѣх.

И паки архистратигъ обрати лице свое к земли и сниде на землю низу,
аз же вослѣдъ его идях. И абие разступися земля, и внидохом в ню. И доидохом
до воды, иже под землею, и вода такоже пред нимъ раступися. Под водою же
приидохом в мѣста темная нѣкая зѣло, в немже мнѣхъ зрѣти свѣтъ точию от
свѣтлости архангеловы. И видѣхъ тамо якоже улицы нѣкия и полаты. И в
нѣкую во едину от них внидохом, яко в проходную полату, по обѣма странама
имущу окна. На едину же от окон възрѣ очима своима Михаилъ. И абие раз-
створися окно, изыде из него огонь горѣ¹ пламенем, яко гром страшен зѣло.
И глагола ми архангел Михаилъ: „Се есть мѣсто, идѣже повелѣ быти тебѣ пра-
ведный Судия до втораго его пришествия”. Аз же, сия услышав от него, зѣло
вострепетах, и убояхся, и страхом великим объятъ быв, припадох к ногама его и
глагола ему: „Господи мой, великий архистратиже Михаиле! Возможно ли есть
грѣшному покаяться и избыти от сея огненныя муки?” Он же, сия слышав,
умолча, и отвратися лицом своим от мене, и возведъ очи свои выспрь. И абие
разступися вода и земля горѣ, раступишися же облацы, и твердѣ, и воды яже
выспрь, и небеса якоже трубою вверхъ. Архангелъ же горѣ зря. Такоже и аз
возрѣвъ и видѣхъ вверхъ яко трубою же даже до оногo свѣта, егоже прежде на
небеси видѣхъ, не слышах же его глаголюща ничтоже. И паки обрати лице свое
ко мнѣ и глагола ми: „Милостивъ ти бысть праведный Судия. И се дал тебѣ
сохранити три заповѣди сиа: иже престани от нечистоты и не пити вина и таба-
ка. Аще сия сохраниши, избавлень будеши от муки сея”. Аз же с радостию вели-
кою и с клятвою обѣщахся сохранити и поклонихся до земли. Он же глагола ми:
„Послѣдствуй ми”. И поидохомъ от тоя полаты. И се на другой странѣ тоя ули-
цы — яко полата же, и окна имущи. Михаил же възрѣвъ на едино от них окно,
излияся из него смола со огнемъ. И ничтоже ми архангелъ глагола, проидохом
мимо якоже улицею. И разступися вода и земля, и изыдохом по тому же пути
вверхъ, имже прежде в землю снидохом, и тако изыдохом на землю.

И внезапно обрѣтохомся на мѣсте, идѣже тѣло мое грѣшное лежаше.
И глагола ми архангелъ: „Сохраниши ли заповѣди, ихже рекох?” Аз же паки
глаголах ему: „Ей, господи мой, сохраню, точию помилуй мя”. И нача его моли-
ти и глагола ему сице: „Велика ми есть вѣра, господи мой, во обѣщании моем
быти, в Соловецком монастырѣ: да идѣже власы своя остригох, тамо бы и кости
своя положити”. Он же рече: „Просия у старца, наставника своего. И аще отпу-

---

¹ вверх.

стит тя, мощно ти есть. А нынѣ, аще хоцещи, можещи, тамо шед, помолитися и паки возвратитися и здѣ быти". Аз же отвѣщах: „Ей, господи мой, желаю того и тамо итти помолитися". И се внезапно обрѣтесе нѣкто зовомый Елисей,* иже есть в царствующем градѣ Москвѣ странствуя Христа ради ходил. И сего позвал архангелъ и глагола ему: „Проводи сего до Соловецкаго монастыря помолитися тамо и паки возвратитися съмо¹". И абие, не вѣмъ како, обрѣтохся в Соловецком монастырѣ со преждереченным Елисѣемъ, и у гробовъ чудотворцовых быхом и помолихомся, якоже лѣпо² и по чину. Елисей же он и во церковь Спасову* внидъ и благословение прият. Аз же не смѣхъ дерзнути еже в церковь Спасову внити — сего ради, чтобы мене не познали, но стоях во церкви преподобных.* И, тако помолившеся, не вѣмы како, в мгновении ока обрѣтохомся во граде Костромѣ, в немже мати моя живяше. И с нею видѣхся, еще бо тогда жива бяше.

Идущим же намъ от града того путемъ, иже к Москвѣ лежащим, и внезапно срѣте³ нас видѣ нѣкий бѣсовескъ, женска обличия имущи, простовласы и без пояса. Ошибъ⁴ же ея за нею бысть на воздухъ выспрь, яко круг великъ зѣло, всякими бесовскими мечты⁵ испещрен. Сама же вопиеть, велми кричаще, яко обидима или досаждаема от кого. Глас же ея слышашеся к нам сицевъ: „Согнаша сестру мою с Москвы, но обаче не по мнозѣ времени и всѣ будем к Москвѣ". И мнѣ мнится, яко се есть зовомая кикимора,* иже бысть на Москвѣ не в давнихъ временахъ. И тако оно бѣсовское мечтание зайде от очию нашею, мы же своим путемъ идехомъ.

И внезапно обрѣтохомся у тѣла моего, Елисей же от мене невидим бысть. И видѣхъ архангела Михаила стояща, и зрях, яко врата растворишася. И глагола ми архангелъ: „Поиди во врата сия". Аз внидох и, не вѣмъ како, обрѣтохся в тѣле моемъ. И возведь очи мои, яко от сна возбнувъ⁶, и видѣхъ старца нѣкоего сѣдяща с кадиломъ у тѣла моего. И рече ми старецъ: „Мы вси видѣхом, яко мертвъ был еси с полчаса, и тѣло твое осязахом, и свѣщу ко устам твоимъ приносихом ⁷тонкаго ради дыхания⁷ твоего. Отнюдь⁸ без дыхания лежал еси — сего ради и кадихом тя. И како нынѣ ожил еси, не вѣмъ, Богъ вѣсть единъ". Аз же о сем не повѣдахъ ему ничтоже. И потомъ зѣло изнемогахъ болѣзнию лютою, десять дней не могахъ брашна вкусити. Аще что и покушахся вкусити, но утроба не принимаше. И тако помалу едва устрахихся от немощи во многи дни и оздравихъ благодатию Христовою. И пребыхъ во обители Живоначальныхъ Троицы до Великия четыредесятницы.* Потомъ посланъ быхъ от настоятеля обители тоя в монастырьское село и тамо лѣто едино пребыхъ. И забыхъ испытующаго сердца и утробы⁹, праведно истязующаго тайная, тамо пребывая, по реченному: мурина¹⁰ не обеляшеся, и ракъ прямо ходити не научашеся. Наступихъ бо на тимѣние¹¹

¹ сюда; ² должно; ³ встретил; ⁴ хвост (воздушный след?); ⁵ призраками, наваждениями; ⁶ пробудившись; ⁷⁻⁷ чтобы установить, есть ли дыхание; ⁸ совсем; ⁹ ум, мысли; ¹⁰ эфиоп, негр; ¹¹ грязь.

грѣховное, избодох ноги моя душевныя, и благия пути погладих¹, и правыя стезя порастих былием лѣностнымъ, и яко в безлунной нощи кривыми стопами жизнь мою измѣрихъ — и сими душу мою помрачих, и в покое тѣлѣнем и во всяком сладострастии живях. И что архангель три заповѣди сохранити мнѣ повелѣ, и тѣ всѣ преступихъ. И паки во обитель приидохъ и едино лѣто в ней пребых. И паки послан бысть на службу в другую монастырьскую весь и тамо такожде по прежнему обычаю вся притяжах, яже ненавидит Богъ.

В то же время бысть Божие посещение на люди: прииде бо язва смертоносная, глаголемая пострѣль. Язва же та не на долгое время простресея, но обаче кого постреляше, того в третий день и гробу предаше. В то же время ять бых и аз тою же язвою и в лицѣ устрѣленъ наказаниемъ Божиимъ. Носъ мой и лицѣ все опухло бяше, и очи воглубившеся и невидими быша, покрывшася кожею иже со главы, яко мѣхомъ, даже и до носа. И отнюдь² страшно видѣние бысть зрящимъ на мя. Объять же мя страх велий, и вниде трепеть в кости моя,* во мнѣ смятесе крѣпость моя, и ³исчезох о обличении моемъ о беззаконних моих³.* И помышлях в себѣ, яко зол душа моя наполнися, и живот мой аду приближихся,* и яко страшно есть еже впасти в руцѣ Бога живаго.* И помышлях в себѣ виновна быти таковыя язвы грѣховъ ради моих и преступления ради заповѣдей оных, ихже архангель мнѣ рекъ сохранити и не соблюдохъ. И сего ради вмаль⁴ не отчаяхся спасения своего. Обаче уповаю на милость Божию,* въде, яко милостивъ и щедръ* есть, дерзнух поискати своей немощи во умѣ, приемъ пророческое слово, глаголюще: „Поражаю и аз исцѣлю”.* И паки глаголет Господь: „Во гнѣвъ же моем поразих его и за милость мою исцѣлихъ ѿ”.* И тако язвою тою лютою люди уязвляеми, скорбяще зѣло и умирающе мнози.

И внезапно исцѣление обрѣтше своим болѣзнемъ сицевымъ образомъ. Село есть глаголемая Нерехта, отстоит от града Костромы тридесять поприщъ.* В том селѣ есть монастырь девический, и в том монастырѣ во церкви поставлена чудотворная икона Пресвятыя Владычицы наша Богородицы нареченныя Владимирския.* К той тогда притекаху людие мнози и яко от источника приснотекущаго⁵ здравие почерпающе, исцѣление приемлюще болѣзнемъ своим, влекущесе приходяду и скачуще отходяду в дома своя, радуящесе и славяще Христа Бога и Пречистую его Матерь. Слышав же и аз сия неизреченная чудеса, творимая Богоматерию, и повелѣ себе тамо вести, негли⁶ и аз, грѣшный, милостию Богоматере отраду получю своя болѣзни и живъ буду. И яко приидохъ во церковь, идѣже чудотворная икона Богоматере, и по обычаю молебная пѣния соверших и помолихся Богоматери с вѣрою по силѣ своей, ⁷елико мощно⁷. Оле силы твоя, Христе Царю и Богоматере твоя! И якоже окропихъся священою водою, и абие милостию Божиею и молитвами Пречистыя Богородицы, христи-

¹ здесь: оставил; ² очень; ^{3—3} погиб в обличении моих беззаконий; ⁴ едва; ⁵ неиссякаемого; ⁶ может быть; ^{7—7} насколько возможно.

янския теплыя заступницы и скорыя помощницы, весь здоровъ и цѣль быхъ, яко николиже болѣхъ, ни слѣда почюхъ¹ немощи своея. Идѣже умножися грѣхъ, ту преизбыточествова благодать.* И благодарихъ Господа Бога, разорителя ада и побѣдителя смерти, и спасшаго отъ толикихъ² смертоносныхъ бѣдъ и погубления молитвами Матере своея Пресвятыя Богородицы. И помышляхъ въ себѣ, яко ждетъ мя Господь Богъ на покаяние, и гдѣ ключимо³ есть мнѣ со Давыдомъ глаголати: „Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ! Ты еси Богъ нашъ, творяй чюдеса един.* Слава тебѣ, Боже мой! Наказал⁴ мя еси отъ юности моея, и донынь възвѣщу чюдеса твоя и даже до старости и матерства⁵. Боже, кто подобенъ тебѣ? Елики⁶ явил ми еси скорби многи и злы, и обращъ⁷ оживил мя еси, и отъ бѣзднъ земли возведе мя. Умножил еси на мнѣ величество твое, и обращъ утѣшил мя еси, и отъ бѣзднъ грѣховныхъ паки возвелъ мя еси”.*

И отъ того времени начахъ въ чюство приходити о согрѣшениихъ своихъ. И размышляхъ въ себѣ, глаголя сице, яко сия вся пострадахъ грѣхъ ради моихъ, раждателень бо есть грѣхъ казни и смерти. И во всемъ себе зазрѣхъ⁸ и сердечныма очима къ Богу възрѣвъ, ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь».

---

¹ почувствовал; ² стольких; ³ надлежит; ⁴ наставил; ⁵ почтенной старости; ⁶ какие; ⁷ обратив; ⁸ укорил.

ПОВЕСТЬ О ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ

ИСТОРИЯ О РОССИЙСКОМЪ НОВГОРОДСКОМЪ
ДВОРЯНИНЕ ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ,
СТОЛНИЧЕЙ ДОЧЕРИ НАРДИНА-НАЩЕКИНА АННУШКИ

В Новгородском уезде имелся дворянинъ Фроль Скобеевъ. В том же Ноугородском уезде имелись вотчины столника Нардина-Нащокина,* имелась дочь Аннушка, которая жила в тех новгородских вотчинахъ.

И, проведав Фроль Скобеевъ о той столничей дочери, взял себе намерение возыметь любовь с тою Аннушкой и видеть ее. Однако ж умыслил спознаться той вотчины с прикащиком и всегда ездил в дом того прикащика. И по некотором времени случилось быть Фролу Скобееву у того прикащика в доме, и в то время пришла к тому прикащику мамка дочери столника Нардина-Нащокина. И усмотрель Фрол Скобеевъ, что та мамка живет всегда при Аннушки. И какъ пошла та мамка от того прикащика к госпоже своей Аннушке, и Фроль Скобеевъ вышелъ за нею и подарил тое мамку двумя рублями. И та мамка сказала ему: «Господинъ Скобеевъ! Не по заслугам моим ко мне милость казать изволишь, для того что моей услуги к вам никакой не находится». И Фрол Скобеев отдал оныя денги и сказал: «То мне сие ни во что!» И пошелъ от нее прочь, и вскоре ей не объявил. И мамка та пришла к госпоже своей Аннушке, ничего о томъ не объявила. И Фрол Скобеев посидел у того прикащика и поехал в дом свой.

И во время увеселительных вечеров, которые бывают в веселости девичеству, называемыя по их девичеству званию Святки,* и та столника Нардина-Нащокина дочь Аннушка приказала мамке своей, чтоб она ехала ко всем дворянам, которыя во близости той вотчины столника Нардина-Нащокина имеют жителство и у которых дворян имеютца дочери-девицы, чтоб тех дочерей просить к той столнической дочери Аннушке для веселости на вечеринку. И та мамка поехала и просила всех дворянских дочерей к госпоже своей Аннушке, и по тому ея прошению все обещались быть. И та мамка ведаеть, что у Фрола Скобеева есть сестра, девица, и приехала та мамка в дом Фрола Скобеева и просила сестру ево, чтоб она пожаловала в дом столника Нардина-Нащокина к Аннушке. Та сестра Фрола Скобеева объявила той мамке *пообождати* малое время: «Я схожу к братцу своему, ежели прикажит мне ехать, то к вам с тем и *объя-*

вим». И какъ пришла сестра Фрола Скобеева к брату своему и объявила ему, что приехала к ней мамка от столничей дочери Нардина-Нащокина Аннушки «и просит меня, чтоб я приехала в дом к ним». И Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Поди скажи той мамке, что ты будешь не одна, некоторого дворянина з дочерью, девицею». И та сестра Фрола Скобеева о том весма стала думать, что брат ея повелел сказать, однако жъ не смела преслушать воли брата своего, что она будет к госпоже ея сей вечер с некоторою дворянскою дочерью, девицею. И мамка поехала в дом к госпоже своей Аннушке.

И Фрол Скобеев стал говорить сестре своей: «Ну, сестрица, пора тебе убраться и ехать в гости». И сестра ево как стала убраться в девичей уборъ, и Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Принеси, сестрица, и мне девичей убор, уберуся и я, и поедем вместе с тобою к Аннушке, столничей дочери». И та сестра ево весма о том сокрушалась, понеже что «ежели признает ево, то, конечно, быть великой беде брату моему, понеже тот столник Нардин-Нащокин весма великой милости при царе находится». Однако ж не прислушала воли брата своего, принесла ему девичей убор. И Фрол Скобеев убрався в девичей убор и поехал с сестрой своей в дом столника Нардина-Нащокина к дочери ево Аннушки.

Собралось много дворянских дочерей у той Аннушки, и Фрол Скобеев тут же в девичьем уборе, и никто ево не может признать. И стали все девицы веселитца разными играми и веселились долгое время, а Фрол Скобеев с ними же и веселился, и признать его никто не может. И потом Фрол Скобеев в нужнике один, а мамка стояла в сенях со свечою. И как вышел Фрол Скобеев из нужника и стал говорить мамке: «Какъ, мамушка, много наших сестеръ, дворянских дочерей, а твоей к нам услуги много, а никто не может подарить ничем за услугу твою». И мамка не может признать, что он Фрол Скобеев. И Фрол Скобеев, вынез денех пять рублей, подарил тое мамку с великим принуждением, и те денги мамка взяла. И Фроль Скобеев видит, что признать она ево не может, то Фрол Скобеев пал пред ногами той мамки и объявил ей об себе, что он дворянин Фрол Скобеев и приехал в девическом платье для Аннушки, чтоб с нею иметь обязательную любовь. И какъ усмотрела мамка, что подлинно Фрол Скобеев, и стала в великом сумнени и не знает, с ним что делать. Однако жъ, помяну ево к себе два многия подарки: «Добро, господинъ Скобеев, за твою ко мне милость готова чинить все по воли твоей». И пришла в покой, где девицы веселятца, и никому о том не объявила.

И стала та мамка говорить госпоже своей Аннушке: «Полноте, девицы, веселитца, я вам объявлю игру, как бы прежде сего от децкой игры были». И та Аннушка не преслушала воли мамки своей и стала ей говорить: «Ну, мамушка, изволь, какъ твоя воля на все наши девичьи игры». И объявила им та мамка игру: «Изволь, госпожа Аннушка, быть ты невестою». А на Фрола Скобеева показала: «Сия девица будет женихом». И повели их в особливу светлицу для почиву, какъ водится в свадьбе, и все девицы пошли их провожать до тех покоев и обратно пришли в те покои, в которых прежде веселились. И та мамка велела

тем девицам пять громогласных песни, чтоб им крику от них не слышать быти. А сестра Фрола Скобеева весма в печали великой пребывала, сожелея брата своего, и надеется, что 'конечно будет притчина'¹.

И Фрол Скобеев лежа с Аннушкой, и объявил ей себя, что он Фроль Скобеев, а не девица. И Аннушка стала в великом страхе. И Фрол Скобеевъ, не взирая ни на какой себе страх, и ростлил ея девство. По том просила та Аннушка того Фрола Скобеева, чтоб онъ не обнесъ² ея другим. Потом мамка и все девицы пришли в тот покой, где она лежала, и Аннушка стала быть в лице переменна, а девицы никто не могут признать Фрола Скобеева, для того что в девическом уборе. И та Аннушка никому о том не объявила, толко мамку взяла за руку и отвела от тех девиць и стала ей говорить искусно³: «Что ты надо мною зделала? Ета не девица со мною была, он мужественной человекъ, дворянин Фрол Скобеев». И та мамка на то ей объявила: «Истинно, госпожа моя, что не могла признать ево, думала, что она такая жа девица, как и протчия. А когда онъ такую безделицу⁴ учинил, ведаешь, что у насъ людей доволно, можем ево скрыть в смертное место». И та Аннушка сожелея того Фрола Скобеева: «Ну, мамушка, уже быть такъ, того мне не возвратить». И пошли все девицы в пировой покой, Аннушка с ними же и Фрол Скобеев в том же девическом уборе, и веселились долгое время ночи. Потом все девицы стали иметь покой, Аннушка легла со Фролом Скобеевым. И наутри встали все девицы, стали разъезжаться по домам своим, таж и Фрол Скобеев и с сестрою своею. Аннушка отпустила всех девиць, а Фрола Скобеева и с сестрою оставила. И Фрол Скобеев был у Аннушки три дни в девичьем уборе, чтоб не признали ево служители дому того, и веселились все со Аннушкою. И по прошестви трех дней Фрол Скобеев поехал в дом свой и с сестрою своею, и Аннушка подарила Фрола Скобеева денгами 300 рублей.* И Фрол Скобеев приехал в дом свой, весма рад бысть и делал банкеты, и веселился с протчею своею братию дворян.

И пишет из Москвы отецъ ея, столникъ Нардин-Нашокин, в вотчину к дочери своей Аннушке, чтоб она ехала в Москву, для того, что сватаются к ней женихи, столничьи дети. И Аннушка не преслушала⁵ воли родителя своего, собрався вскоре и поехала в Москву. Потом проведаль Фрол Скобеев, что Аннушка уехала в Москву, и стал в великом сумнени, не ведает, что делать, для того что он дворянин небогатой, а имел себе более пропитание всегда ходить в Москве поверенным з делами. И взял себе намерение какъ можно Аннушку достать себе в жену. Потом Фрол Скобеев стал отправляться в Москву, а сестра ево весма о том соболезуеть, об отлучении ево. Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Ну, сестрица, не тужи ни о чем! Хотя живот⁶ свой утрачу, а от Аннушки не отстану, либо буду полковник или покойник. Ежели что зделается по намерению моему,

---

¹—¹ что в конце концов, как-нибудь обойдется; ² осрамил; ³ испытующе; ⁴ обман, поругание; ⁵ не послушалась; ⁶ жизнь.

то и тебя не отставлю, а буде зделается несчастье, то поминай брата своего». Убрався и поехал в Москву.

И приехал Фрол Скобеев в Москву, и стал на квартире близъ двора столника Нардина-Нашекина. И на другой день Фрол Скобеев пошел к обедни и увидел в церкви мамку, которая была при Аннушки. И по отшествии Литургии вышел Фрол Скобеев ис церкви и стал ждать мамку. И какъ вышла мамка ис церкви, и Фрол Скобеев подошел к мамке, и отдал ей поклон, и просил ея, чтоб она объявила об нем Аннушке. И какъ мамка пришла в дом, то объявила Аннушке о приезде Фрола Скобеева. И Аннушка на то стала в радости великой и просила мамку свою, чтоб она завтрешней день пошла к обедни и взяла б с собою денегъ 200 *рублев* и отдала Фролу Скобееву. То учинила по воли ея.

И у того столника Нардина-Нашокина имелась сестра, пострижена в Девичьем монастыре. И тот столникъ приехал к сестре своей в монастырь, и сестра ево встретила по чести, брата своего. И столникъ Нардин-Нашекинъ у сестры своея был долгое время и много имели разговоров. Потом сестра ево просила брата своего покорно, чтоб онъ отпустил к ней в монастырь для свидания дочь свою Аннушку, а ея племянницу, для чего она с нею многое время не видалась. И столникъ Нардинъ-Нашекинъ обещал к ней отпустить. И просила ево: «Когда и в небытность твою дома пришлю я по ея корету и возников¹, чтоб ты приказал ей ехать ко мне и бес себя».

И случится по некоторому времени тому столнику Нардину-Нашекину ехать в гости з женою своею. И приказывает дочери своей: «Ежели пришет по тебя из Москвы сестра корету и с возниками, то ты поезжай к ней». А сам поехал в гости. И Аннушка просила мамки своей, как можно, пошгъла Фролу Скобееву и сказала ему, чтоб он, какъ можно, выпросил корету и с возниками и приехал сам к ней, и сказался, бутто от сестры столника Нардина-Нашекина приехал по Аннушку из Девичьева монастыря. И там мамка пошла ко Фролу Скобееву и сказала ему все по приказу ея.

И какъ услышел Фрол Скобеев от мамки, и не ведает, что делать, и не знаетъ, какъ кого обмануть, для того что ево многия знатные персоны знали, что он, Скобеев, дворянин небогатой, толко великой ябида,* ходотайствуетъ за приказными делами. И пришло в память Фролу Скобееву, что весма к нему добръ столникъ Ловчиков. И пошел х тому столнику Ловчикову, и тот столник имел с ним разгворов много. Потом Фрол Скобеев стал просить того столника, чтоб он ему пожаловал корету и с возниками.

И приехал Фрол Скобеев к себе на фатеру и того кучера поил весьма пьяна, а сам убрася в лакейское платье, и сел на козлы, и поехал ко столнику Нардину-Нашокину по Аннушку. И усмотрела та Аннушкина мамка, что приехаль Фрол Скобеев, сказала Аннушке, под видом других того дому служителей,

---

¹ лошадей.

якобы прислала тетка по нея из монастыря. И та Аннушка убралась, и села в корету, и поехала на квартиру Фрола Скобеева.

И тот кучер Ловчикова пробудился. И усмотрел Фрол Скобеев, что тот кучеръ Ловчикова не в таком сыльном пьянстве, и напоя ево весьма жестока пьяна, и положил ево в карету, а сам сел в козлы и поехал к Ловчикову на двор. И приехал ко двору, отворил ворота и пустил возныков и с коретою на дворъ. Люди Ловчиковы видят, что стоят возныки, а кучеръ лежит в корете жестоко пьян, пошли и объявили Ловчикову, что «лежит кучеръ пьян в корете, а кто их на дворъ привел, не знаем». И Ловчиков корету и возныков велел убрать и сказал: «То хорошо, что и всего не уходил, и с Фрола Скобеева взять нечево». И наутре стал спрашивать Ловчиковъ того кучера, где он был со Фроломъ Скобеевым, и кучеръ сказал ему: «Толко помню, какъ приехал к нему на квартиру, а куды он поехал, Скобеев, и что делал, не знаю». И столник Нардинъ-Нашокинъ приехал из гостей и спрашивал дочери своей Аннушки, то мамка сказала, что «по приказу вашему отпущена к сестрице вашей в монастырь, для того что она прислала корету и возныков». И столникъ Нардин-Нашокинъ сказал: «Изрядно!»

И столникъ Нардин-Нашокин долгое время не бываль у сестры своей и надеется, что дочь его в монастыре у сестры ево. А уже Фрол Скобеев на Аннушке и женился. Потом столникъ Нардин-Нашокинъ поехал в монастырь к сестре своей, долгое время и не видит дочери своей, и спросил сестры своей: «Сестрица, что я не вижу Аннушки?» И сестра ему ответствовала: «Полно, братецъ, издиватся! Что мне делать, когда я бесчастна¹ моим прошением к тебе? Просила ея прислать ко мне; знатно², что ты мне не изволишь верить, а мне время таково нет, чтобъ послать по нея». И столникъ Нардинъ-Нашокинъ сказалъ сестре своей: «Какъ, государыня сестрица, что ты изволишь говорить? Я о том не могу рассудить, для того что она отпущена к тебе уже тому месяцъ, для того что ты присылала по нея корету и с возниками, а я в то время был в гостяхъ и з женою, и по приказу нашему отпущена к тебе». И сестра ему сказала: «Никакъ я, братецъ, возныков и кореты не посылала, никогда и Аннушка у меня не бывала!» И столникъ Нардинъ-Нашокинъ весма сожелелъ о дочери своей, горко плакалъ, что безвестно пропала дочь ево. И приехалъ в домъ, сказалъ жене своей, что Аннушка прапала, и сказалъ, что у сестры в монастыре нет. И сталъ мамку спрашивать, кто приезжалъ с возниками и с коретою кучеръ. И сказала, что «из Девичьева монастыря от сестры вашей приехал по Аннушку, то по приказу вашему и поехала Аннушка». И о томъ столникъ и з женою весма соболезовали и плакали горко.

И наутре столникъ Нашокинъ поехал к государю и объявилъ, что у него безвестно пропала дочь. И государь велелъ ³учинить публику³ о ево столничей дочери: «Ежели ея кто содержит тайно, чтобъ объявили! Ежели кто ея не обя-

¹ здесь: обижена невниманием; ² видно, понятно; ³⁻³ объявить розыск.

вит, а после обыщется, то смертью казнь будет!» И Фроль Скобеевъ, слышав публикацию, не ведаеть, что делать. И умыслил Фроль Скобеевъ, чтоб итить к столнику Ловчикову и объявить ему о том, для того что тот Ловчиковъ весма к нему добръ. И пришелъ Фроль Скобеевъ к Ловчикову, имел с ним много разговоров, и столникъ Ловчиковъ спрашивалъ Фрола Скобеева: «Что, господинъ Скобеевъ, женился ли?» И Скобеев сказал: «Женился, государь мой». — «Богату ли взял?» И Скобеев сказал: «Ныне еще богатства не вижу, что вдаль — время окажет». И Ловчиков говорил Скобееву: «Ну, господинъ Скобеев, живи уже постоянно¹ отстань за ябидою ходить, живи в отчине² своей, лутче здравию».

Потом Фроль Скобеев стал просить того столника Ловчика, чтоб он был предстателем³ ево беде. И Ловчиков ему объявил: «Скажи, что? Ежели сносно, буду предстателствовать, а ежели что несносно, не гневайся!» И Фроль Скобеев ему объявил, что «столника Нардина-Нашокина дочь Аннушка у меня, и я женился на ней». И столникъ Ловчиков сказал: «Какъ ты зделал, такъ сам и ответствуй!» И Фроль Скобеев сказалъ: «Ежели ты предстателствовать не будешь обо мне, то и тебе будет не без чево⁴: мне уже пришло⁵ показать на тебя, для того что ты возников и корету довал. Ежели б ты не давал, и мне б того не учинить». И Ловчиков стал в великом сумнени и сказал ему: «Настоящей ты плут, что ты надо мною зделал? Добро, какъ могу, будут предстателствовать!» И сказал ему, чтоб завтрешней день пришел в Успенской собор: «И столникъ Нардин-Нашокин будет у обедни, и я с ним буду. И после обедни будем стоять все мы в собрани на Ивановской площади, и в то время приди и пади пред ним, и объяви ему о дочери. А я, какъ могу, о том буду предстателствовать».

И пришел Фроль Скобеев в Успенской собор к обедни, и столникъ Нардин-Нашокин, и Ловчиков, и другия столники все были. И по отшестви Литурги в то время в собрани на Ивановской площади* против Ивана Великого, и Нашокин тут же, имели столники между собою разговоры, что имъ надобно. И столникъ Нардинъ-Нашокинъ болше соболезнуя и разсуждая о дочери своей, и столникъ Ловчиковъ разсуждая о том же с ним к склонению милости. И на тех разговоры пришелъ Фроль Скобеевъ и отдал всем столникам, какъ по обычаю, поклонъ. И все столники Фрола Скобеева знают. И кроме всех столников палъ пред ногами Скобеев столнику Нардину-Нашокину и просит прощения: «Милостивой государь, столникъ первы! Отпусти виновнаго, яко раба, которой возымель пред вами дерзновение». И столник летами древень, однако жъ еще усмотреть могъ, натуральною клюшкою подымаетъ Фрола Скобеева и спрашивает ево: «Кто ты таковъ, скажи о себе, что твоя нужда к нам?» И Фроль Скобеев толко говорит: «Отпусти!»⁶ И столникъ Ловчиковъ подшел к Нардину-Нашокину и ска-

¹ порядочно; ² здесь: в вотчине; ³ заступником; ⁴ и до тебя дело дойдет; ⁵ я уже решил;

⁶ прости.

зал ему: «Лежит пред вами и просит отпущения вины своей дворенин Фрол Скобеев». И столник Нардинь-Нашокинъ закричалъ: «Встань, плут! Знаю тебя давно плута, ябедника. Знатно, что наябедничал себе несносно. Скажи, плут! Буде сносно, стану старатся о тебе, а когда несносно, как хочешь. Я тебе, плуту, давно говорил: живи постоянно. Встань, скажи, что твоя вина!»

И Фрол Скобеев встал от ногъ ево и объявил ему, что дочь ево Аннушка у него и женился на ней. И как Нашекинъ услышалъ от него о дочери своей, и залился слезами, и стал в беспаметстве. И мало опаметовался, и стал ему говорить: «Что ты, плут, зделалъ? Ведаешь ты о себе, кто ты таков? Нетъ тебе отпущения от меня вины твоей! Тебе ли, плуту, владеть дочерью моею? Поиду к государю и стану на тебя просить о твоей плутской ко мне обиде!» И вторително пришелъ к нему столникъ Ловчиков и стал ево разговаривать¹, чтоб онъ вскоре не возымел доклада к государю: «Изволишь съездить домой и объявить о семъ сожителнице своей и посоветуй обще! Какъ к лутчему уже быть, такъ того времени не возвратить, а он, Скобеев, от гневу вашего никуда не может скрытца». И столникъ Нардин-Нашокинъ совету столника Ловчикова *послушал* и не пошел к государю, и сел в корету, и поехалъ в домъ свой. А Фроль Скобеев пошелъ на квартиру свою и сказал Аннушке: «Ну, Аннушка, что будетъ намъ с тобою, не ведаю! Я объявилъ о тебе отцу твоему!»

И столникъ Нардинь-Нашокинъ приехал в дом свой и пошелъ в покои, жестоко плачит и кричит: «Жена, жена! Что ты ведаешь, я нашель Аннушку!» И жена ево спрашивает: «Где она, батюшка?» И Нашокин сказалъ жене своей: «Вор-от, плут и ябедникъ Фроль Скобеев женился на ней!» Жена его услышела те от него речи и не ведает, что говорить, соболезнует о дочери своей. И стали оба горко плакать и в сердцах своих бранят дочь свою и проклинают и не ведают, что чинить над нею. И пришли в память, и сожелея дочери своей, и стали разсуждать з женою: «Надобно послать человека и сказать, где он, плут, живет, и проведать о дочери своей, жива ли она». И призвали человека своего, и послали сыскать квартиру Фрола Скобеева, и приказывали проведать про Аннушку, что жива ли она, имеет ли пропитание какое.

И пошел человек искать квартиру Фрола Скобеева на дворъ. И усмотрил Скобеев, что от тестя ево пришелъ человек, и велел жене свое лечи на постелю и притворить себя, якобы жестоко болна. И Аннушка учинила по воли мужа своего. И присланной человекъ вошелъ в покои и отдалъ, как по обычаю, поклон. И Скобеев спросил: «Что за человекъ и каку нужду имеешь ко мне?» И человекъ тот сказал, что онъ присланъ от столника Нардина-Нашокина проведать про Аннушку, здравствует ли она. И Фрол Скобеев сказал тому человеку: «Видишь ты, мой другъ, какое здравье! Таков-та родительской гневъ: видишь, они заочно бранят и кленуть, и оттого она при смерти лежит. Донеси ихъ мило-

¹ отговаривать.

сти: хотя б они заочно бранят, благословение ей дали». И человекъ тот отдал им поклон и пошел от них.

И пришелъ к господину своему, столнику Нашокину. И спросил ево: «Что, нашел ли квартиру и видел ли Аннушку? Жива ли она или нет?» И человекъ тот объявил, что Аннушка жестоко болна и едва будет ли жива «и требует от вас хотя словесно заочно благословение». И столникъ и з женою своею соболезновали о ней, токмо разсуждали, что с вором и плутом делать. И мать ея стала говорить: «Ну, мой друг, уже быть такъ, что владеть дочерью нашею плуту такому, уже так Богъ судил. Надобно, другъ мой, послать к ним образъ и благословить их, хотя заочно. А когда сердце наше умиловитца к ним, то можем и сами видится». Сняли с стены образъ, которой обложен был золотом и драгим каменнем, како прикладу всего на 500 рублей, и послали с тем человеком, и приказали сказать, чтоб она сему образу молилась, «а плуту и вору Фролке Скобееву скажи, чтоб онъ ево не проматалъ».

И человекъ приняв образъ и пошелъ на дворъ Фрола Скобеева. И усмотрил Фрол Скобеев, что пришедъ тот же человекъ, сказалъ жене своей: «Встань, Аннушка!» И она встала и села вместе со Фролом Скобеевым. И человекъ тот вошелъ в покои и отдает образъ Фролу Скобееву. Приняв образъ, поставил, где надлежит, и сказалъ тому человеку: «Таково-то родительское благословение: и заочно намерены благословить, и Богъ далъ, Аннушке лехче, слава Богу, здрава!» И сказал Фроль Скобеев: «Також и Аннушка благодарит батюшку и матушку за их родительскую милость». И человекъ пришел к господину своему и объявил об отдани образа и о здравии Аннушки, и о благодарени их, и пошелъ в показанное свое место.

И столникъ Нардинъ-Нашокинъ сталъ разсуждать и сожелеть о дочери своей, и говорил жене своей: «Какъ, другъ, быть? Конечно плут заморить Аннушку: чем ея кормить, и сам, какъ собака, голоденъ. Надобно послать какова запасу на 6 лошадей». И послали запасъ и при том запасе реэстръ. И Фрол Скобеевъ не смотря по реэстру, и приказал положить в показанное место, и приказалъ тем людям за их родительския милости благодарить. Уже Фроль Скобеевъ живетъ роскошно и ездит вездѣ по знатым персонам. И весма Скобееву удивлялись, что онъ зделал такую притчину так смело.

И уже чрезъ долгое время обратились сердцем и соболезновали о дочери своей, також и о Фроле Скобееве. И приказали послать человека к ним и просить ихъ, чтоб Фроль Скобеев и з женою своею, а съ ихъ дочерью, приехал к столнику Нардину-Нашокину кушать. И пришелъ присланной человекъ и стал просить Фрола Скобеева, чтоб онъ изволил приехать сей день з женою своею кушать. И Фрол Скобеев сказалъ человеку: «Донеси батюшку: готовъ быть сей день къ их милости!»

И Фроль Скобеевъ убрался з женою своею Аннушкою, и поехалъ в дом тестя своего, столника Нашокина. И какъ приехалъ в дом тестю, и Аннушка

пришла к отцу своему, и пала пред ногами родителей своих. Усмотриль Нащокин дочь свою и з женою своею и стали ея бранить, наказывать гневом своим родительским. И, смотря на нея, жестоко плакали, какъ она такъ учинила без воли родителей своих. Однако ж, оставя весь свой гневъ родительской, отпусти ей вину, и приказаль сестъ с собою. А Фролу Скобееву сказаль: «А ты, плут, что стоишь? Садись тут же. Тебе ли, плуту, владеть моею дочерью?» И Фрол Скобеев сказаль: «Ну, государь-батюшка, уже тому такъ Богъ судил!» И сели все вместе кушать. И столникъ Нардинъ-Нащокинъ приказаль людем своим, чтоб никого в дом постороннихъ не пушали: «Ежели кто приедет и станет спрашивать, что дома ли столникъ Нащокин, сказывайте, что время такого нет, чтоб видить столника нашего, для того зъ зятем своим, с вором и плутом Фролкою, кушает».

И по окончании стола столникъ Нардинъ-Нащокинъ спрашиваль: «Ну, плутъ, чем станешь жить?» — «Изволишь ты ведать обо мне: более нечим, что ходить за приказным деламъ». — «Перестанъ, плут, ходить за ябедою! И имения имеется, вотчина моя, в Синбирском уезде, которая по переписи состоит въ 300-х сот дворех. ¹Справь, плут, за собою¹ и живи постоянно!» И Фрол Скобеев отдалъ поклонъ и з женою своею Аннушкой и пренося пред ним благодарение. «Ну, плутъ, не кланейся, поди сам справляй за себя!» И сидев немного время и поехал Фрол Скобеев и з женою своею на квартиру. Потом столникъ Нардин-Нащокин приказал ево воротить и стал ему говорить: «Ну, плут, чем ты справишь? Ест ли у тебя денги?» — «Известенъ, государь-батюшка, какія у меня денги; разви продать ис тех же мужиков!» — «Ну, плут, не продавай! Возми денегъ, я дамъ». И приказаль дать 300 *рублев*, и Фрол Скобеев взял денги и поехал на квартиру.

И со временем справил тое вотчину за себя. И пожив столникъ Нардин-Нащокин немного время и учинил при жизни своей Фрола Скобеева наследником во всем своем движимомъ и недвижимом имени. И сталъ жить Фрол Скобеев в великом богатстве. И столникъ Нардин-Нащокинъ умре и з женою своею. А Фрол Скобеев после смерти отца своего сестру свою родную отдалъ за некоторого столничьева сына, а которая при них имелась мамка, которая была при Аннушке, содержали ея в великой милости и в чести до смерти ея.

Сей истории конецъ.

---

¹—¹ оформи, переписи на себя.

ПОВЕСТЬ О КАРПЕ СУТУЛОВЕ

ПОВЕСТЬ О НЕКОТОРОМ ГОСТЕ БОГАТОМ И О СЛАВНОМ О КАРПЕ СУТУЛОВѢ И О ПРЕМУДРОЙ ЖЕНЕ ЕВО, КАКО НЕ ОСКВЕРНИ ЛОЖА МУЖА СВОЕГО

Бѣ некто гость велми богат и славенъ зело, именемъ Карпъ Сутуловъ, имеяй жену у себя, именемъ Татиану,* прекрасну зело. И живяше онъ с нею великою любовию. И бе гостю тому Карпу живуше во граде некоемъ, и в том же граде другъ бысть велми богат и славенъ, и веренъ зело во всем, именемъ Афанаси Бердов.* Тому ж преждереченному гостю Карпу Сутулову прилучися время ехати на куплю свою в Литовскую землю. И шед, удари челомъ другу своему Афанасию Бердову: «Друже мой любиме Афанасе! Се ныне приспе мнѣ время ехати на куплю свою в Литовскую землю, азъ оставляю жену свою едину в доме моем; и ты же, мой любезнейши друже, жену мою, о чем тебѣ станет бити челомъ, во всем снабди. Азъ приеду от купли своей, буду тебѣ бити челом и платитися». Другъ же его Афанасий Бердовъ глаголя ему: «Друже мой Карпе, аз радъ снабдевати жену твою». Карпъ же шедъ к жене своей и сказа ей: «Аз былъ у друга своего Афанасия и би челомъ ему о тебѣ, аще какая без меня тебе будетъ нужда в денгахъ, да снабдить тебя во всемъ другъ мой Афанасий; рекохъ мнѣ онъ: „Аз радъ снабдевати без тебя жену твою”».

Карпъ же наказа и жене своей Татиане тако: «Госпоже моя Татiana, буди Богъ между нами. Егда начнешь творити без меня частыя пиры на добрыхъ женъ, на своихъ сестеръ, азъ тебѣ оставляю денегъ на потребу *на* что купити брашна на добрыхъ женъ, на своихъ сестеръ, и ты поди по моему приказу ко другу моему Афанасию Бердову и проси у него на брашна денегъ, и онъ тебе дастъ сто рублей, и ты, чай, темъ до меня и проживешь. А моего совѣту блюда, без меня не отдавай и ложа моего не скверни».

И сия рекъ, отиде на куплю. Жена же провождаше его в путь далече честно и любезно и радостно велми, и возвратися в дом свой, и нача после мужа своего делати на многия добрыя жены частыя пиры, и веселеса с ними велми, воспоминая мужа Карпа в радости.

И нача, и живши она без мужа своего многое время, и тако издержала денги остатки. И минувши уже тому 3 года, какъ поеде мужъ мой, она же

шесть ко другу мужа своего, ко Афанасию Бердову, и рече ему: «Господине другу моему, друже мужа, мужа моего! Дажь ми сто рублей денегъ до мужа. А муж мой Карпъ, когда поехал на куплю свою и наказал, — наказал: „Егда до меня не станеть денегъ на потребу на что купити, и ты поиди моимъ словомъ ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и возми у него на потребу себѣ брашна денегъ сто рублейъ”. И ты же нынѣ пожалуй мнѣ на потребу на брашна денегъ сто рублейъ до мужа моего. Егда мужъ мой приедет от купли своей, и тогда все тебѣ отдасть». Онъ же на ню зря очима своима и на красоту лица ея велми прилежно, и разжигая к ней плотию своею, и глаголаша к ней плотию своею: «Азъ дамъ тебѣ на брашна денегъ сто рублейъ, толко лягъ со мною на ночь». Она же о том словеси велми засумневашася, и не ведаеть, что отвещати, и рече ему: «Азъ не могу того сотворити без повеления отца своего духовнаго»; и рече ему: «Иду и вопрошу отца своего духовнаго, что ми повелитъ, то и сотворю с тобою».

И шед вскорѣ, и призвавъ к себѣ отца своего духовнаго, и рече ему: «Отче мой духовны, что повелиши о семъ сотворити, понеже мужъ мой отиде на куплю свою и наказавъ мне: „Аще ли до меня не достанет тебе на потребу денегъ, чемъ до меня, и ты жъ иди ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и онъ тебе по моему совету дасть тебе денегъ сто рублейъ”. Нынѣ же мнѣ у меня не доставшу сребра на брашна, и азъ идохъ ко другу мужа моего, ко Афанасию Бердову, по совету мужа своего. Он же рече ми: „Азъ ти дамъ сто рублейъ, толко буди со мною на ночь спать”. И азъ не веъмъ, что сотворити, не смею тебѣ, отца своего духовнаго, того с нимъ сотворити без повеления твоего, и ты ми сотворити повелиши?» И рече ей отецъ духовный: «Азъ тебе дамъ и двести рублейъ, но пребуди со мною на ночь». Она же о томъ словеси велми изумилася и не ведаеть, что отвещати отцу своему духовному, и рече ему: «Дай ми, отче, сроку на малую годину».

И шедъ от него на архиепископовъ двор тайно, и возвести архиепископу: «О, велики святы, что ми повелеваеши о семъ сотворити, понеже мужъ мой купецъ славен зело, Карпъ Сутуловъ, отиде на куплю свою в Литовскую землю, се уже ему третие лето, и после себя оставилъ мне на потребу денегъ. Отныне же мне не доставши сребра на пропитание до него. И как мужъ мой *поехал* на куплю свою и наказалъ мне: „Аще ли не достанетъ тебѣ денегъ, чемъ до меня пропитатися, и ты по моему совету поиди ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и онъ по моему приказу дасть тебе на потребу на брашна денегъ сто рублейъ, на потребу брашна”. И азъ шедъ нынѣ ко другу мужа своего Афанасию Бердову и просила у него на потребу себѣ денегъ до мужа своего сто рублейъ. Онъ же рече ми: „Азъ дамъ тии сто рублейъ, толко лягъ со мною на ночь”. И азъ не смела того сотворити без повеления отца своего духовнаго, и шед ко отцу своему духовному, и вопроси о семъ отца своего духовнаго, что ми повелит. Он же рече ми: „Аще ты со мною сотворишь, азъ дамъ ти и двести рублейъ”. И азъ с нимъ не

смела того сотворить». Архиепископ же рече: «Остави обоихъ ихъ, попа и гостя, но пребуди со мною единым, и азъ дамъ тебе и триста рублевъ». Она же не ведаеть, что ему отвещати, и не хотяше таковыхъ словъ преслушати, и рече ему: «О, велики святы, како я могу убежати от огня будущаго?»* Онъ же рече ей: «Азъ тя во всемъ разрешу».*

Она же рече, повелеваетъ ему быти в третьем часу дни. И тако шедъ ко отцу своему духовному и рече ему: «Отче, будь ко мнѣ въ 6 часу дни». Потом же иде к другу своего мужа, ко Афанасию Бердову: «Друже мужа моего, приди ко мнѣ в 10-м часу дни».*

Прииде же ныне архиепископъ, она же встретила его с великою честью. Онъ же велми разжигая плоть свою на нея, и принесе ей денегъ триста рублевъ, и даде, и хотяше пребыти с нею. Она же рече: «Что требуеши облещи на ся одежду ветхую самую пребыти со мною; в нейже пребываеши при многоцветущемъ народе и Бога славиши, в том же и самому паки к Богу быти». Она же рече: «Не виде никто мя и в етомъ платей, что мне и оно облещи, но некоему насъ с тобою видети». Она же рече ему: «Богъ, отче, вся видит деяния наша, аще от челоуѣка утаимъ странствие наше, но онъ вся вестъ, обличения не требуютъ. И самъ-то Господь не придетъ с палицею на тя и на вся злоторящаго, таковаго челоуѣка зло пошлетъ на тя, и тотъ тя имат бити, и безчестовати, и предати на обличение протчимъ злоторящимъ». И сия глаголаше ко архиепископу. Она же рече ей: «Толко, госпоже моя, не имею никакой иныя одежды, какие в мире носятъ, разве азъ тебѣ требую какую ни есть одежду». Она же даде ему свою женскую срачицу¹, якоже сама носаше на теле, а тотъ санъ сняше с него и вложиша ѥ себе в сундукъ, и рече ему: «Азъ кромѣ сея одежды не имею в дому своемъ, понеже отдала портомоице, что носяше мужъ мой». Архиепископъ же с радостию взяше и воздѣ на себѣ з боромъ² женскую рубаху: «На что ми, госпожа, лутше сея одежды требовати, понеже требую *пребыти* с тобою». Она же отвещаше к сему: «Се азъ сотворю, но еще прежде покладимся³ со мною».

И в то время прииде ко вратомъ попъ, отецъ ея духовны, по приказу ея и принесе ей с собой денегъ двести рублевъ, и началъ толкаться во врата. Она же скоро возрѣ в окошко и восплеска рукама своима, а сама рече: «Благъ Господь, понеже подаст ми безмерную и превеликую радость». Архиепископъ же рече: «Что, госпоже, велми радостна одержима бысть?» Она же рече ему: «Се мужъ мой от купли приехалъ, азъ же в симъ времени ожидала его». Архиепископъ же рече ей: «Госпоже моя, гдѣ мнѣ деватися срама ради и безчестия?» Она жъ рече ему: «И ты, господин мой, иди в сундукъ и сиди, и азъ во время спущу тя». Он же скоро шедъ в сундукъ, она же замкнула его в сундуке. *Поп же* идя на крыльцо, она же встретила его, он же даде ей двести рублевъ и нача с нею глаголати о

¹ сорочку; ² со сборками; ³ уговоримся.

прелюбезных словесехъ. Она же рече: «Отче мой духовный, какъ еси ты прелстился на мя? Единого часа ради обоимъ с тобою во веки мучитися». Попъ же рече к ней: «Чадо мое духовное, что аз ти скажу, аще ли в коемъ греси Бога прогневляеши и отца своего духовнаго, то чемъ хочещи Бога умолити и милостива сотворити?» Она же рече ему: «Да ты ли, отче, праведны судия? Имаши ли власть в рай или в муку пустити мя?»

И глаголющим имъ много, ажно ко вратом гость богатъ, другъ мужа ея, Афанасий Бердов и нача толкаться во врата. Она же скоро прискочила к окушку и погляде за оконце, узрѣ гостя богатаго, друга мужа своего, Афанасия Бердова, всплеска рукама своима и поиде по горнице. Поп же рече к нея: «Скажи ми, чадо, кто ко вратом приехалъ и что ты радостна одержима бысть?» Она же рече ему: «Видиш ли, отче, радость мою, се же мужъ мой от купли приехал ко мнѣ и светъ очию моею». Попъ же рече ей: «Побѣда¹ моя! Где мнѣ, госпоже моя, укрытися срама ради?» Она же рече ему: «Не убойся, отче, сего, но смерти своей убойся, грѣха смертнаго; единою умрети, а грехъ сотвориай мучитися имаши во веки». И во оной храмине указа ему сундукъ. Он же в одной срачицѣ и без пояса стояше. Она же рече ему: «Иди, отче, во иной сундукъ, азъ во время испущу тя з двора своего». Он же скоро шедъ в сундукъ. Она же замкнула его в сундуке и шедъ скоро пусти к себѣ гостя. Гость же пришедъ к ней в горницу и даде ей сто рублей денегъ. Она же прияше у него с радостию. Он же зря на неизреченную красоту лица ея велми прилежно. Она же рече ему: «Чесо ради прилежно зриши на мя и велми хвалиши мя? А не ли же некоему человѣку мнози люди похвалиша жену, она же зело зла бѣше, он же целомудренны тогда похвалу».* Онъ же рече ей: «Госпоже моя, егда азъ насыщуся и наслаждуся твоея красоты, тогда прочь отиду в домъ свой». Она же не ведаше, чимъ гостя того от себя отвести, и повелѣ рабѣ вытти и стучатися. Рабыня же по повелению госпожи своя шед вон и начаше у врат толкаться велми громко. Она же скоро потече к окошку и рече: «О, всевидимая радость, о, совершенная моя любви, о, свете очию моею и возделесте души моя радость!» Гость же рече к ней: «Что, госпоже моя, велми радостна одержима бысть? Что узрила за окошкомъ?» Она же рече к нему: «Се мужъ приехалъ от купли своя». Гость же послыша от нея таковыя глаголы и нача по горнице бѣгати и рече к ней: «Госпоже моя, скажи мнѣ, где от срамоты сея укрытися?» Она же указа ему 3 сундукъ и рече ему: «Вниде семо, да по времени спущу тя». Он же скоро кинулся в сундукъ. Она же замкнула его в сундукъ томъ.

И на утре шед во град на воевоцки двор и повелеша доложити воеводѣ,* чтоб вышелъ к ней. И рече к ней: «Откуда еси жена пришла и почто ми велела вытти к себѣ?» Она же рече к нему: «Се язъ, государь, града сего гостиная жена, знаеш ли ты, государь, мужа моего, богатаго купца, именемъ Сутуловъ?» Он же

¹ беда.

рече к ней: «Добрѣ знаю азъ мужа твоего, понеже мужъ твой купецъ славенъ». Она же рече к нему: «Се уже третье лето, какъ мужъ мой отиде на куплю свою и наказал мне взяти у него купца, купца же града сего, у Афанасия, именемъ Бердовъ, сто рублевъ денегъ — мужу моему другъ есть, — егда не достанетъ. Азъ же деяше после мужа своего многия пиры на добрыхъ женъ, и ныне мнѣ недоставъши сребра. Азъ же к купцу оному, ко Афанасию Бердову, ходила и се купца оного дома не получила, у которого велел мне мужъ мой взяти. Ты же мне пожалуй сто рублевъ, азъ тебѣ дамъ три сундука в заклатъ з драгими ризами и многоценными». И воевода рече ей: «Азъ слышу, яко добраго мужа есть ты жена и богатаго, аз ти дам и без закладу сто рублевъ, а как Богъ принесетъ от купли мужа твоего, азъ и возму у него». Тогда она же рече ему: «Возми, Бога ради, понеже ризы многия и драгия велми в сандукахъ техъ, дабы тати¹ не украли у меня сандуковъ техъ. Тогда, государь, мнѣ от мужа моего быть в наказании, в те поры станет ми говорить, ты бы де положила на соблюдение человѣку доброму до меня». Воевода же слышавъ, велел привести вси три сундука, чаяше истинно драгия ризы.

Она же шед от воеводы, взяша воевоцкихъ людей пять человѣкъ, с которыми и приехала к себѣ в дом и поставиша, и к себе в дом приехала опять с ними, и привезоша сундуки на воевоцки двор, и повеле воеводѣ, повелеша она воеводѣ ризы досмотрити. Воевода же повелѣ ей сундуки отпирати, и открыша все 3. И видяше во единомъ сундуке гостя сидяща во единой срачице, а в другомъ сундуке попа во единой же срачице и без пояса, а в третьемъ сундуке самого архиепископа в женской срачице и бес пояса. Воевода же видя ихъ таковыхъ безчинныхъ во единыхъ срачицахъ сидяща в сундукахъ и посмеялся, и рече к нимъ: «Кто васъ посади тутъ в однихъ срачицахъ?» И повелеша им выти из сундуковъ, и быша от срамоты, яко мертвы, посрамлены от мудрыя жены. И падше они воеводе на носы, и плакася велми о своемъ согрѣшении. Воевода же рече имъ: «Чесо ради плачетесь и кланяетесь мнѣ? Кланяйтесь жене сей, она бы вас простила о вашемъ неразумии». Воевода же рече пред ними и жене той: «Жено, скажи, жено, коихъ в сундукахъ заперала?»

Она же рече к воеводѣ: «Какъ поехалъ мужъ мой на куплю свою и приказал мне у гостя того просить денегъ сто рублевъ, и какъ Афанасию ходила просити денегъ сто рублевъ, и како гость той хотя со мною пребыти». Также поведи *про* попа и про архиепископа все подленно, и како повелеша им в коихъ часехъ приходити, и како ихъ обманывала и в сандукахъ заперала. Воевода же, сие слышавъ, подивися разуму ея, и велми похвали воевода, что она ложа своего не осквернила. И воевода же усмехнулся и рече ей: «Доброй, жено, заклат твой и стоит техъ денегъ». И взя воевода з гостя пятьсот рублевъ, с попа тысящу рублевъ, со архиепископа тысящу пятьсот рублевъ и повелеша воевода ихъ отпус-

¹ воры.

тить, а денги с тою женою взяша и поделиша пополам. И похвали ея целомудренны разумъ, яко за очи мужа своего не посрамила, и таковыя любви с ними не сотворила, и совету мужа своего с собою не разлучила, и великую честь принесла иму, ложа своего не осквернила.

Не по мнземъ времени приехал мужъ ея от купли своей. Она же ему вся поведаша по ряду. Он же велми возрадовася о такой премудрости жены своей, како она таковую премудрость сотворила. И велми мужъ ея о том возрадовася.

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ, КУПИВШЕМ МЕРТВОЕ ТЕЛО И СТАВШЕМ ЦАРЕМ

ПОВѢСТЬ О НЕКОТОРОМЪ КУПЦЕ, КАКО МЕРТВОЕ ТЕЛО У ЖИДОВИНА СКУПИ И ЦАРСТВО СЕБѢ ПРИОБРЕТѢ

В некоторой стране живяше купецъ *славный* и богобоязливъ, и нищелюбив, имея у себя жену велми благообразну и благонравну, имяше же у себя единого сына, первенца, в малых летех, которого велми любляше и Бога о нем моляше. По некотором времени и сын их хождаше по торгу и прменяся к товаром, которой товар и по какой ценѣ купитца и ¹по чему! надлежит ево продать. И прииде ко отцу своему и рече ему: «Отче, аз нынѣ бых на торжище и прменился к товаромъ и *такой* товар давал по такой ценѣ, а надлежит ево продать по такой же ценѣ». Отецъ ево слыша от него такой разум и прииде к жене своей, и рече женѣ: «Госпожа моя! Сей сынъ нашъ хошет быть в торгу смыслом лутче меня и хошет жити *славнѣ* и богатее». Мати же его о том велми радовашеся о разуме сына своего.

По некоторых днех сташа збиратися родственники того купца за моря торговать. Сынъ же купцев услыша то и прииде ко отцу своему и рече: «Государь мой милостивый батюшка и милостивая матушка, сотворите надо мною свое отеческое милосердие! Нынѣ збираютца дядья за моря торговать. Дайте мне триста рублей и отпустите с ними!» Отецъ же его даде триста рублей и отпусти, и наказа родственником своим, дабы его ни в чем ни покинули. Онъ же поклонишася им, и поехаша в корабле.

²По *наказании*² же сына своего, и вручи родственникомъ своимъ, даде ему триста рублей, и отпустиша с великою печалию. Сынъ же купцевъ возьмъ у отца и матери деньги, взял и благословение получилъ, паде, поклонися имъ, и сяде на корабль.

И ехоша три года и три месяца по морю, и приехаша в царство *некоего* града, и престаша у берегу. Они же взяша дары и поидоша к царю, потомъ ста торговати и такожь и товаровъ закупати. *Купецкий* же сынъ, ходя за ними, прменяся к товаромъ и ничего не купить.

---

¹—¹ по какой цене; ²—² после того, как дал наказ.

Потомъ же виде на площадъ и видехъ: по торжищу жидовинъ немилостивно мертвое тѣло влачаше; он же, не смея к нему приступити и вопрошаше, чесо ради волочить. Потомъ же виде во второй и в *третий* — жидовин паки то тело влачаше.

Он же приступи к нему и вопроси жидовина: «Чесо ради сие ты мертвое тѣло волочишь?» Жидовин же отвеща ему: «За то сие мертвое тело влачу: сей человек бысть христианин и взяша у меня ¹в животе своемъ¹ взаемъ денегъ триста рублевъ. Я же у него просяше, онъ же мнѣ не отдаде, в том и умре. Послѣ умертвия его приходаше к *сродникомъ* его и просяше, они же мнѣ не отдаша, и я вынул его из могилы и таскаю по торжищу имъ в поругание и в посмеяние, дабы они мертвое тело скупили». Купецкий же сынъ рече: «Жидовине *немилостивый*, отдажъ ми сие тело *мертвое*, а у меня возьми за него триста рублевъ!» Жидовинъ же рад о томъ бысть и взя у него деньги, а тело мертвое отдаде ему.

Потом же тот *купецкий* сынъ взяша *тѣло* и не ведаеть, куды схоронити, и не смеет идти к дядемъ своимъ на корябль, и размышляше *в* себѣ: «Како я приду и что себѣ сотворю? Сродники мои меня спрашают, что за товар купилъ, и станут мнѣ смеятца, такоже скажут отцу моему, и мнѣ от того будет великой срамъ, а родителемъ моимъ — велия² печаль. Не поиду нынѣ к нимъ и не скажу, и поиду на другую страну пристанища морскаго, и найду корабелщиковъ иных, авось либо поверять и свезут ко отцу моему!» Тело же спрята во удобное мѣсто, а самъ поидоша искати корабля.

И придоша на пристанища морское и видеша корабль. Онъ же имъ, падъ, поклонися. Они же вопросиша его, *что* за человекъ, ис которого града и чесо ради семо пришел еси. Он же имъ поведя всю правду: «Аз, *господие*, такого града и такого отца сынъ». Они же реша ему: «Мы знаемъ добръ отца твоего. Токмо чесо ради семо³ пришелъ?» Онъ же отвеща имъ: «Аз егда поехалъ от *отца* своего с сродниками своими в сие царство с товаромъ, и на море корабль нашъ разбиша, а мы вси оскудеша и нынѣ не имеемъ, что дати *в* наемъ — доехати до отца моего». Они же реша ему: «Мы отца твоего знаемъ. Садися в *корабль* без *найму*, мы доведемъ тя до отца твоего». Он же паки, падъ, поклонися имъ: «Господа мои милостивыя! Азъ zde бых з дядею своимъ. Он же, дядя мой, с такой печали, что корабль разбиша, и умре, а похоронить в семъ царстве негдѣ, понеже некрещенные живутъ». Они же реша ему: «За хлебъ, за соль отца твоего не токмо единое мертвое тело клади в корабль, хотя десять!» Онъ же велми о томъ возрадovasя, и принесе мертвое тѣло, и положиша в корабль, и поплы по морю.

Сродники же ево хватишася и ста по граду *искати*, и не обретоша ни где. И поехала до *царства* своего. И какъ приехала ко отцу *ево*, отецъ же ево и мати вопросиша о сыне своемъ. Они же поведаша: «Не *вемы*, где остальъ». Они же, отецъ его и мати, горко о томъ плакаше, о *разлуки* сына своего.

¹—¹ при жизни своей; ² великая; ³ сюда.

Сынъ же купцев съеха со ономи купцами и приеха ко острову, на *немже* монастырь чудотворца Николая.* А как купцы стаха с коробля и поидоша молебное пение *воздавать*. Онъ же сниде с корабля и пад, и имъ поклонися: «Господа *мои* милостивыя, аще вы отца моего знаете, то *сотворите* такую любовь, дайте мнѣ сто рублев. А когда ко отцу моему приедемъ, *то* въторицею¹ имамъ вамъ заплатити». Они же даша ему. Онъ же наня ерыжных² и отнесе мертвое тело в монастырь, и погребѣ его чесно, и разда по немъ сорокосты.* Сам же размышляше: «Что я *сие* сотворил? Четыреста рублевъ истратилъ, а что купил, не вемъ! И то отцу моему донесетца, великую скорбь восприму, а мнѣ великую срамоту доспеетъ. Поиду и куплю лошеть, и поеду от нихъ прочь сухимъ путемъ, и приеду ко отцу своему, выпрошу на выкупку товаровъ еще сто рублевъ и поеду, куды *очи* несут, чтобъ родителемъ моимъ не было печали». И купи лошеть и поехал сухимъ *путемъ*. Они же поехаша восвояси.

Он же приехаша ко отцу своему и, падъ, поклонися ему. Отецъ же велми милостивно его приять и возрадовася, и во слезах едва слова изрекли: «О, чадо нашъ *дражайший*, откуда еси семо пришел и како, чадо наше, и где такое многое время пребыхъ?» Он же имъ отвеща: «Аз же приехавъ, отче, *с* сродниками своими в то царство, о которомъ они тебѣ возвещали, и, умедлихъ на час, купих товару на четыреста рублевъ, которой стоитъ десяти тысячъ. У *дядевъ* своих стал денех просить, они же мне не даша, зна-де, что товар дешевъ купилъ. И оставиша меня в томъ царстве, а сами уехаша. Я же, отче, пришед на другую страну к пристанищу московскому, и, пад, поклонися имъ. Они жъ меня вопрошаша, которого царства и какова чину». Он же имъ *об* отце поведал, и о царстве, и о роде. Они же сказаша, что «мы родителя твоего *знаемъ* и хлебъ-соль с нимъ *водимъ*». Я же у них попроси сто рублевъ на оной таваръ. Они же мнѣ даша, и я с ними, отче, приехал, еже видиши мя». Отецъ же его вопроси: «Да где тот таваръ, который ты купил?» Он же отвеща: «Я, отче, оставих у нихъ, *а послали* меня к тебѣ, дабы сто рублевъ дал, а товаръ взялъ». Отецъ же его даде ему сто рублевъ, чая, что вправду товаръ принесеть.

Он же взявъ сто рублевъ и поехавъ от отца, куды *очи* несутъ. И *ехаша* многа дней и много ночей, и плакаше горко и рыдая о разлучении родителей своихъ, такожде и от наследства.

И приеха к великому непроходимому лесу, чрез которой лежат две дороги: одна через лесъ, а другая кругомъ лесу. Онъ же размышляя, како ему ехать, и которою *дорогою*, и в которое царство. И плакашеся горко и размышляя в себя: «Аще бо кто мнѣ нынѣ послужил, то бы я дорогою ценою поредилъ»³. Внезапу виде в лесу на дороге стоит человекъ велми великъ, в руках держитъ клещи железныя. Онъ же велми ужасеся, чая, что стоит разбойникъ, не смея к нему

¹ вдвойне; ² слуг; ³ нанял.

ехати, измышляя: «Лутче мнѣ zde одному умрети, нежели родителемъ моимъ велию скорбь привести». И поехал к нему прямо.

И приеха к нему, вопросы его, что за человекъ и которого града. Он же сказа ему все поряду: «А ежжу я по разнымъ государствамъ для торгу и торговыхъ извычаевъ¹ другихъ государствъ». Купецъ же вопраси предстоящего: «А ты что за человекъ?» Он же ему повѣда: «Азъ есмь ищу господина, у кого бы нанятца служити». Купецъ же о семъ велми возрадовался и рече: «*Человеце*, поиди ко мне во служение, азъ имамъ дати великую плату». Онъ же отвеща: «Готовъ тебе служити, токмо сотворимъ мы с тобою обѣт, чтобъ тебе мяня во всемъ слушатца. А ежели слушатца не будешь, то не иду к тебѣ во служение». Купецъ обѣщая ему тако сотворити.

И чрезъ тотъ лесъ лежаше две дороги: одна — черизъ лесъ, а другая — кругомъ лесу. Онъ же *вопроси* его: «Сие дороги в которое царство лежать? В разныя *царства* или в одно царство?» Онъ же сказа ему, *что сии две дороги* лежат к одному царству. Купецъ же рече: «Для чего две дороге и которая ближе?» Человекъ же рече: «Кругомъ лесу — тысяча верстъ, а чрезъ лесъ — пятьсотъ версть. И кругомъ лесу ехать — никакой неть опасности, а чрезъ лесъ, хотя и ближе, точию по ней великой разбой, никому проезду неть». Купецъ же рече: «Лутче намъ ехать кругомъ лесу, здоровье будетъ». Слуга же отвеща: «Поѣдемъ прямою дорогою, чрезъ лесъ, ближе до царства». Купецъ рече: «Не хошу ехать». Слуга же рече: «Да ты меня слушатца обещалса». Он же не преступи слова своего.

Поехали чрезъ лесъ. И какъ быша среди лесу на поле, и тутъ стоитъ дворъ превеликой, в которомъ разбойники живутъ. Разбойники же, видя ихъ, что стоящы в думе, и все бежаша из хранины² и спряташася во единъ анбаръ, хотя ихъ сонныхъ погубити. Слуга же все то видя, а господинъ ево не виде ничего сего, спрошаше у него о дворе: «*А сей дворъ чей?*»* Слуга же отвеща: «Сей дворъ постоялой, тут намъ начевать». И стало на дворе смеркатца, слуга рече: «Господине, начуй здесь, а я поиду на двор к лошаде спать». Он же велми о томъ печалень бысть и не хотяше остатися во хранине и хотяше ити с нимъ на дворъ спать, с слугою. Слуга же рече: «Да ты хотел, господине мой, во всемъ меня слушетца, а нынѣ ты меня преслушаешь!» Он же с *великою* печалию и со страхомъ остася начевать во хранине. Слуга же поиде и легъ спать в телеге.

И едва приде полночь, разбойницы же *совещаша* в онбаре промеж собою и хотяше ихъ погубити. Слуга же, слыша тотъ ихъ совет, воста и взя клещи, и стал у притолоки дверей. Разбойники же един по единому стали из онбаря *выходити*. Он же ихъ клещами хваташе по единому за голову, и примаше их за шею, и дави их в руду³. Разбойники же видеша, что ихъ единъ человекъ подавляше, уже и не смеяша из *анбаря* вон выходить. Слуга же купцевъ вниде в онбаръ

¹ обычаев; ² дома; ³ в кровь.

и передавиша всех до смерти, и покладе всех в онбаре, и запре их. Какъ свету светающе, поиде во храмину к господину своему. Господин же его не спит от страха, яко *един* начеваше, а того не ведаше, что *слуга их, разбойниковъ*, подави. И запрягши лошедь, и поехали до царства.

И приехаша во царство и ста на постояломъ дворе. Егда же сташа, купецъ же по обычею поиде по царству и применяяся ко всякимъ товаромъ. И егда будет среди торжища, встрече его того царства сенатор, которой ближе при царе, и удивляяся на красоту его. Самъ же поиде за ним вослед, куда он поидет и коего царства. Купецъ же приде на постоялой дворъ, а сенаторъ смотрель и поехал до царя.

Во утрий же день приехаша в то *царство* из ыные земли гости корябленики и придоша к царю з дарами. Царь же дары у них принял и унелъ¹ их *у себя* обедать. Сенатор же вошедъ к царю и рече: «Пресветлейший царю! Есть в нашемъ царстве иностранной купецъ, которой велми прекрасен, а на обеде zde его нетъ, не вижу». Царь же рече: «Да где тот купецъ стоит?» Он же сказа: «Аз, царю, видех его, где онъ стоит». Царь же посла по него. Сенаторъ же приде х купцу и просиша его, дабы к царю шел на обед. Купецъ же обещася и купи дары царю. Слуга же купцевъ рече: «Господине! Ты идешъ к царю на обед, возми и меня с собою!» *Купецъ же* отвеща ему: «Да како я могу тебе взяти *с собою*?»* Слуга же рече: «Да ты хотел меня во всем слушатца!» *Купецъ же* взя его с собою. А слуга же рече: «Когда ты, господине, придешъ к царю в полаты, и царь увидит тебя, и востанет *с своево* места, и возьметъ тебя за руку, и посадит подле себя, и станет *потчивать* лутче всех, аз же, господине, стану у *дверей*, и царь взглянет на меня и спросит тебя: „Что за человекъ?“, и ты скажи, что слуга. И он велит меня выслать вон. И ты ему поведай: „Царю, сей слуга лутче мнѣ отца родного!“ И он велит мне сестъ тут же, посадит за столомъ».

И пришел купецъ к царю, и увиде его, и ста и-своего места, и взя его за руку, и посади подле себя, и стал его потчивать лутче всехъ. Слуга же купцевъ стоя у дверей. Царь же увиде его и вопроси и о семъ, что за человекъ. *Купецъ же рече*: «Рабъ мнѣ». Царь же рече: «Аще ли рабъ, послѣ ево в другую полату, где люди² сидять». Купецъ же отвеща к царю: «Сей мнѣ слуга лутче отца родного!» Царь же повеле и слуге сести за стол и посадил через человека *от* купца.

По окончанию же обеда царь взялъ купца за руку и веде его во особливую полату, и ста ему *глаголати*: «Аз тебѣ, купче, глаголю, не почитаю тебя за купца, почитаю тебя за сына и за зятя. Есть у меня единая дщерь, даю тебѣ в жену и будеши царству моему *держатель*, понеже не имел по обычаю себѣ зятя vybrать никого, и нынѣ един ты мне угоденъ». И выведе дщерь свою и показа ему. *Купецъ же*, пад, поклонися ему. Царь же обеща за нею приданые дати треть царства и заповеда ему, дабы сие никому не поведаль: «Аще ли поведашеши, то

¹ пригласил; ² слуги.

злою смертию умреши. А токмо будем ведать ты да я, да невеста твоя, попь да друшка». И удариша по рукамъ, и отпустиша его, а самъ наказа: «Жди дня уреченаго, когда аз пришлю к тебе оного же сенатора». Купецъ же поклонися и поиде да квортеры своя.

И како идоша дорогою, слуга же купцевъ поздравляше ему: «Здравствуй, господине, на царской дщере зговорившись и треть царства взявши!» Купецъ же удивися сему, како он про сие сведа, никто не был в полате, кроме царя и невесты, а онъ про сие сведа. И приидоша до квартиры своей.

Уреченный же день приде. В полунощи прислал царь к нему того сенатора, дабы ехал к венчанию. Купецъ же сорежаетца для сочетования законного брака. Слуга же рече: «Господине, возми меня с собою!» Он же сказа ему: «Да како могу тебя взяти с собою? Царь не велел никому о семъ поведати. А тебя взять — он меня злою смертию казнит!» Слуга же рече: «Да ты хотел меня слушатца!» Купецъ же чрез 'великую мочь' взял ево с собою и поехаша до царя к вѣнчанью.

И какъ приехаша на царский дворъ, царь же повеле ихъ вести в церковь и обвенчать свещенику. По венчанию же ихъ посади за стол, потомъ повеле ихъ вести на ложу спать. Слуга же купцевъ кликнуша его к себѣ: «Господине, поиди ко мнѣ до слова!» Царь же то услыша и рече: «Какое еси смел сотворити сие, слуге поведати? Ведаешь, что смертию да умрешь!» Он же рече: «Царю, но не могу сего сотворити, что его послушатися, понеже под великою клятвою», и выйде к слуге своему. Он же рече: «Господине, аще поидешь спать на ложу с царевною, возми меня с собою!» Он же ему сказа: «Да како магу тебя взяти с собою?» Слуга же рече: «Да ты меня слушатца хотел!» Купецъ же рече: «Да како магу тѣбѣ пустити, понеже нас запрутъ двоих? Да како же ей, девичье дѣло, како ей раздетца при тѣбѣ?» Слуга же отвеща: «Ты сего не моги! Токмо повели, хотя и двоих запрутъ, а я уже тамо буду. А коли она станеть стыдиться, и ты ей скажи: „Чего тебѣ стыдиться, сей слуга всегда при нас будетъ”. И станеть она с табою играть, и захочеть спать, ты же не спи и сматри на лице ея. Аще же ана здрогнетъ, ты еще смотри. Ежели же в другой раз вздрогнетъ, то ты соиди с постели и стань на мое мѣсто, а я возлягу на одре с нею».

Потом друшка* взяша купца и царевну и поведоша в особливую полату припочинуть. И запре токмо двоих. Царевна же по обычаю раздевшись, и сташа в одной сорочке, и огленулась ко дверемъ, и видитъ человека стояща. Она же вопроси его: «Господине, аки что за человекъ стоитъ, понеже дело мое девичье? Како он семо² зашел?» Купецъ же рече: «Чесо тебѣ, душа моя, ево стыдится, понеже сей рабъ всегда при нас будетъ служить!» Она же сташа с нимъ играть. По игранью же восхоте спати и рече: «Господине, не мешай, аз хошу спати!» Он же повеле ей спати, а самъ ста на нее гледети. И какъ засне, вздрогнула необычно,

¹—¹ через силу, нехотя; ² сюда.

онъ же *прилежно* ста смотрети на нее. Потом во второй такождь вздрогнула так сильно, что от постели на высоту на аршинъ поднело ея и удари о постель. Купецъ же велми ужасеся и сниде с постели долой, и ста на мѣсте слуги своего. Слуга же взя клещи и возляже на постелю. Потом изо усть ея бысть пламе огненное и искры по всей полате. Купецъ же, сие видя, велми ужасеся, и паде на землю, и бысть аки мертвъ, уповая, что слуга его уже умертве. Слуга же вста с постели, и взя клещи, ста у кровати, и *виде* исходяще изо усть ея змия велика, взя клещами за шею и удави его и, раздробя в мелкие части, спрята. И *подня* господина своего едва жива и рече: «И возляжи на *одре* с женою своею!» Он же не хотяше возлещи с нею, но с *нуждею* ево привлекъ и по обычею сотвори, по закону брака.

Потом *утру* же светающу, царь же послаше друшку: «*Поиди*, выкини кости, *чаю*, давно уже *змии* заѣлъ». Друшка же приде и отпер двери и ста отвярти, двери изнутри заперты. Друшка же удивися сему. Слуга же купцевъ *вопроси*: «Ты кто еси?» Он же отвеща: «А ты кто еси и како *взошел* сюда?» *Слуга же отвеща*: «Аз купцевъ слуга». Друшка же рече: «Да кто тебя пустил?» Слуга же рече: «Господинъ мнѣ повелел, не вас бо слушаюсь!» Друшка же рече: «В добромъ ли *здравии* молодья?» Слуга же отвеща: «В добромъ *здравии* и лиходя нашего, змия, уходили!» Друшка же *воззопи* великимъ гласомъ к царю: «Поиди скоро! Злодея нашего змия *уходили*, а молодые в добромъ *здравии*!» Царь же велми *возрадовася* и поиде с царицею и велможеми, и виде молодых в добромъ здравии, а змия убита, *возрадовашеся* радостию велиею зѣло, а слугу почти и одари дарами честно. И живяше тутъ в царстве много летъ.

Потом восхоте ехати ко отцу своему и просиша у царя. Царь же отпусти ихъ и даша ему треть царства своего. Слуга же не велелъ ему силы¹ брать, а велелъ взять триста подводъ *бѣз* людей. Купецъ же рече: «Да-ко кто может ихъ гнать?» Он же ему сказа: «Ты о семъ не тужи, я *уже* управлюся с ними, возми подводы!» Царь же даде ему и отпусти ихъ с *щестию*.

Потомъ ехаша они дорогою, купецъ же с царвеною, а слуга подводы гонит. И приехаша на тот разбойнический двор, где онъ давил разбойников, и въехаша, ста начевати. И проводиша ихъ в хоромы, а самъ легъ на дворѣ. Он же в храмине спаша с царвеною своею, а слуга насыпал все подводы злата, и сребра, и каменья драгоценана. Поутру же вышедша *из* храмины и видеша возы *насыпана* златомъ, и сребромъ, и удивишася сему и поехаша в путь свой.

Потомъ приехаша х тому месту, где у него нанелся, слуга же сталъ говорить: «Господине, аз теперя от тебя иду, даси мне ряжено»². Купецъ же даде ему и разделиша возы пополамъ. Слуга же рече: «Да не обидно ли мнѣ будетъ? Ты владеешь царвеною, а мнѣ что?» Он же вопроси его: «Да *како* намъ ея делити? Возьми ты все триста подводъ, а ея не замай у меня!» Он же ему отвеща: «Тебѣ

¹ слуг; ² как договорились.

обидно будет. Ты ея разруби пополамъ!» Купецъ же заплака: «Возьми ея один к себѣ, а не замай ея, живу!» Слуга же, не послушав его, выняша мечъ и удариша ее. Она же паде на землю, аки мертва. И выскочиша из нея, иза усть, *змеиное* гнездо, в немъ же *змеенков* семьдесятъ, аки черви колышуща. Слуга же поднявъ ее и перекрести и даде ему живу: «И поди ты живи с нею без опасения, а то бы она тебя съела от сихъ змиевъ. И возми все подводы себѣ и мое наемъное». И рече: «Знаеши ли ты меня?» Купецъ же рече: «Воистину, не знаю». Он же ему поведал: «Аз есмъ аггелъ *Божий*. Послал меня Господь Богъ к тебѣ, за *добродетель* твою царство *даровати*, что ты у жидовина мертвое тело скупил и похаронил, и за то тебѣ царство и богатство». И пусти ихъ, а самъ невидимъ бысть.

Купецъ же взял подводы и приехаша ко отцу своему с великою славою и честью. Отецъ и мати его вельми о томъ возрадовашеся. Потомъ поживе малое время у отца своего и взялъ его со всемъ домомъ своимъ, и поехаша к царю, тещю своему. По преставлению царя, сяде на царство и правилъ царство свое добре и *благополучно*. Конецъ.

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ, ЗАЛОЖИВШЕМСЯ О ДОБРОДЕТЕЛИ ЖЕНЫ СВОЕЙ

ПОВѢСТЬ ЗЪЛО ПОЛЕЗНА О ДВОЮ КУПЦѢХЪ,
О ВИКЕНТИИ, ИЖЕ БЫСТЬ ОТ ГРАДА ЕНЕВЫ,
ДА О АМБРОСИИ, ИЖЕ БЫСТЬ ОТ ГРАДА ПЛЯЦЕНТИИ,
ЯКО ЕДИНЪ СО ДРУГИМ ПОБИЛИСЯ
О ВЕЛИКИЙ ЗАКЛАД О ДОБРОДѢТЕЛѢХЪ ЖЕНСКИХЪ,
ВЫПИСАНО ИЗ КНИГИ ЛѢТОПИСЦА

Во градѣ Париже быша от инѣхъ странъ купцы приѣзжие и обѣщание учинили себе у нѣкоего челоуѣка во единомъ дому пребывати. И книждо¹ купецъ во своемъ упражнении тамо пребываше. Прилучи же ся единою² сѣдѣти имъ на обѣде и между собою начаша о житии своемъ, и о домѣхъ, и о пожитияхъ³ глаголати. И между нѣкими глаголы предложили нѣкий глаголь, яко та есть вещь дивна и поистинѣ сумнительная, яко купеческия жены имуть быти добродѣтельны къ мужемъ своимъ: «В разлучении даютъ обѣщание благо и постоянно, еже домъ коегождо насъ⁴ добръ пасти и самой ей себе во всемъ непорочно блюсти, понеже наша братия, купеческия люди, и всѣхъ странъ и градов, часто домов своихъ лишаются, и от женъ своихъ разлучаются и, многое время чуждеземствующе, в дома своя не возвращаются. Жены же ихъ купеческия мнѡжае в домѣхъ своихъ без мужей своихъ пребываютъ, нежели с мужьями жителствуютъ».

И между тѣми купецкими людьми бысть нѣкоторый купецъ именемъ Амбросий, от града Пляцентии, нравомъ же челоуекъ непостоянный и блудолюбивый. И х купецкимъ рѣчемъ свою рѣчь изрече: «Азь поистинѣ про свою жену с похвалою рещи не могу и не ручаюся за ню, но дахъ ей волю по своей воли жити, и како может, сама себе да хранит. Всегда приказываю ей аз, дабы жила во всякомъ благочестии, и по се время жена моя честь хранила и мене при своей братии никогда в стыдъ житиемъ своимъ не вводила, и мнѣ во всемъ угодила». И иныя смѣхотворныя и блудолюбныя рѣчи про свою жену изглагола, яко всѣмъ слышащимъ сотвори смѣяться.

Тамо же бысть нѣкий купецъ именемъ Викентий, от града Еневы, челоуекъ постоянный и добронравный, и благоразумный, ничего пустошнаго не глагола, ниже смѣяся, и ни смѣхотворному глаголанію внимая. И нѣкий от купецъ вопросы его, глаголя: «Викентий, ты что сѣдиши печалень зѣло? Чесо ради к симъ глаголомъ ничего не глаголеши?» Викентий же отвѣща к нимъ, глаголя:

---

¹ каждый; ² однажды случилось; ³ временное житье, проживание; ⁴ каждого из нас.

«Господие мои и братия возлюбленная, кая ваша смѣхотворная словеса слышю и недоумѣваюся, и къ сердцу ихъ не прилагаю. Еже, воспоминая жены своя, смѣхотворно глаголати, или, вѣдая ихъ безпорочное житие, за нихъ не поручитися, то бо есть сожителницы своей самое презрѣние и немилосердие. От коегождо насъ развѣ кто каковъ порокъ вѣсть¹ за женою своею и во мнѣнии зломъ пребывает, и за ню руются не хошет. И по семь видимому не вѣмъ, коею радостію такихъ, господие мои, уподобляете, яко развѣ кто таковой порокъ вѣдаетъ за женою своею, что она мужю своему невѣрна в домовномъ житии. И тии мужие во зломъ мнѣнии отъѣзжаютъ в путь свой, всегда воспоминаетъ злымъ жену свою, и чада, и рабы, и рабыни. Таковой бо всегда долженъ быти имать в печали и не в смѣхотворении, и отнюдь бы того зла не воспоминати, и всеконечно мощно в забвении такову жену в дому своемъ предати. И се убо воистинну вѣмъ, яко можетъ быти тому человеку добрѣйшему и радостному, егда вѣдаетъ в дому своемъ оставлену благонравную жену свою, с нею же купно приобретаютъ благопрепитания себѣ и чадомъ своимъ, и рабомъ, и рабынямъ. И который мужъ и жена другъ о другъ любезно прилѣжатъ², тамо всякое согласие бываетъ и приобретение. А идѣже нѣсть любви и сожития, тамо всегда раздоры и нестроения, и другъ от друга разлучившеся, всегда глаголютъ злая — мужъ про жену, а жена про мужа все злое вѣщаетъ, и всегда в радости не зѣзжаются. Тогда токмо и радуются, егда другъ от друга разлучаются». И паки рече Викентий: «Аз же, господие мои и братия, смѣло изрещи могу и похвалитися добродѣтельною моею женою, яко вселюбезно и нелицемѣрно со мною живетъ и добръ домъ мой без мене управляет, и честь свою безпорочно хранит, понеже дароваль ми ю есть Господь Богъ добронравну и добродѣтелну ко страннымъ и убогимъ, и благоприятну къ чадомъ, к рабомъ и рабынямъ милостивну и разсудителну, и во многомъ моемъ имѣнии крѣпкоблжстителну, и никоея тщеты не творящую. И того ради азъ люблю ея всею душею моею и во многомъ моемъ имѣнии вѣру имѣю без сумнѣния к ней. И, вѣмъ ея благочестие, вседушевно за ню ручаюся, что она мнѣ ни в чемъ не измѣнитъ и добраго своего нрава не переменит. И аще бы любезнѣйшая жена моя мене не любила и имѣние бы мое тощила³, и которое бы пронырство и лукавство хотя единожды учинила, и азъ бы не токмо изрядною ея красотою возжелѣнъ не быхъ и в толикомъ своемъ имѣнии ей не повѣрилъ, но никогда бы моглъ к ней возвратитися, ниже ю видѣти радостнымъ лицемъ, но всегда странствовалъ и былъ с печали убогъ и безприютенъ, и благополучия бы во своихъ купеческихъ дѣлахъ с великия печали никогда имѣти моглъ».

И тѣмъ похвальнымъ Викентиевымъ словамъ супостатъ диаволь позавидѣ. Купецъ Амбросій, иже от града Пляцентии, воста и нача глаголати: «Любимый мой господине Викентии! Что ты намъ про жену свою глагола, не можемъ в томъ вѣру яти, ибо вся быти в добродѣтельныхъ женахъ могло и можетъ быти, дабы

¹ знает; ² заботятся; ³ расточала.

жены наша без насъ, мужей своихъ, были во всем добры и с нами бы жадныхъ¹ дѣлъ не имѣли. Но понеже мы всегда странствуемъ и от любви ихъ на многое время разлучаемся, а в домѣхъ своихъ имѣемъ всякое преполнение и изобилие, и есть вещь явственна, яко жены, во младости и во всяком изобилии оставшиися, по своей воли живушия, зѣло друголюбны и не постоянныи суть бывають, и скоро имуть вѣру бесѣдамъ сказанія. Показують при юношахъ мяхкая глаголанія и плясания, и радостны ся творят о похотной вещи. Юноши же, видяще ихъ благоприятныхъ к себѣ, радостнѣ с ними бесѣдующихъ, наипаче к таковой любви безстыдно прилѣпляются. И всякими козми и злохитростми онѣхъ подходятъ, и с праваго пути совращають, вселюбезно во блудныхъ похотѣхъ пребывают и всякими дарами онѣхъ юношѣ дарятъ. Гораздо с трудностию такову нашу жену купеческую мочно обрѣсти, которая бы к такову диаволскому совѣту не пристала, ко юношы во своей младости не пребывала, и дарами бы ихъ не дарила, и ко прелести бы ихъ къ себе не вдавала. А ты, господине мой Викентий, зѣло жену свою над инѣми нашими женами похваляешь, но и во всякой добродѣтели возносишь. Смѣлъ бы я с тобою о тысящи златыхъ заложитися! Хотя азъ жены твоя не знаю, токмо о семъ гораздо вѣмъ, что она от мене не отстоится, имать быти должна в моей воли».

Викентия же сия рѣчь уязвила велми, и глагола Викентий Амбросию: «Хощю за то главу мою заложити, что ты не имаши такова дѣла над женою моею сотворити и по ея добронравію то учинити». И иныя же купцы, слышавше то, посмѣяшася, прочии же совѣтующе, дабы како тое рѣчь промежду ими унять. Но Викентий всячески хотѣ со Амбросиемъ в закладъ за такое досаждение главу свою положить. Амбросій же рекъ: «О главѣ в закладъ положить не хощю, но положимъ заклад со мною о пяти тысящахъ златыхъ. Обаче доволно есть и сего, и ничто же насъ заклад сій вредитъ». Викентий же на томъ закладѣ подав Амбросию руку, и дали разнять прочимъ другомъ своимъ, которыя хотѣли то между ими развѣсти, и писаниемъ в томъ залогу утвердишася крѣпце. Наипаче же Викентий той залогъ крѣпце закрѣпи: понеже онъ в Веневѣ градѣ многое время уже не бысть и до жены своя не имѣлъ ничего написати, ниже с посланники чого къ женѣ своей сказати, дабы жена его о томъ закладѣ отнюдь не вѣдала, понеже вѣды ея во всемъ себѣ вѣрну и добронравну и велми на ню надѣяся, яко не вдасть себе ко блудной похоти и не повинется² воли не своего мужа. И тако разыдохася кииждо о себѣ.

Амбросій же отплывъ от града Парижа и приѣха ко граду Веневы. И начать прилѣжно искати, како бы и коимъ образомъ моглъ бесѣдовати с Викентиевою женою. И не возможе времени такова уллучити, дабы гдѣ ея узрѣлъ и самъ собою побѣсѣдовалъ, понеже из дому своего не исходима есть. И от многихъ честныхъ женъ и цѣломудренныхъ Амбросій же слышавъ сие, яко во всем благо-

¹ никаких; ² не покорится.

нравна и благочестива есть, понеже и крѣпкожителна¹. И начать искать инаго к ней пути злокозненнаго и умышлениемъ лукавымъ начать под ню подходить.

Слышите, любимицы, сию притчу: идѣже диаволь чего не можетъ сотворити, той научить и послет человека, волю диаволу творящаго. Посла же ко Амбросию таковое зло — бабу обавницу², та же баба прежде сего зѣло знаема была в дому Викентиевъ. Амбросий же, изыскавъ тое бабу, увѣщавъ и зѣло одаривъ, и повѣда ей намѣрение свое: «Аще сие ми сотвориши, еже быти ми в дому Викентиевъ и видѣти жену его, азъ за клятвою великою обѣщаюся дати тебѣ болша тѣхъ дарований. Буди ми в сем дѣле помощница!» И тако Амбросий со оною бабою умыслиша лукавство сотворити: приговариваша скрыню велию, или сундукъ, яже сокровища влагахуся или драгое одѣяние, на той же скрынѣ учиниша утлину, или скважню, дабы мочно извнуръ зрѣти, и замокъ придѣлаша извнуръ же. Потомъ оная баба пришедъ в домъ Викентиевъ и молила жену его Флорентию: «Молю тя, госпоже моя, не презри прошения моего! Имамъ нѣкую нужду отѣхати от града сего недалече. И аще милость твоя възыщется надо мною, повели ми скрыню мою со имѣниемъ моимъ в домъ свой привести и соблюсти ю при себѣ токмо едину ночь, понеже вѣмъ тя во всемъ благочестиву и боящуюся Бога. А окрестныя сосѣди имамъ близ дому моего не постоянныи и зѣло радующиися чуждему имѣнию, и насилующе похишаху, и того ради велми опасуюся вещи мои, яже в скрынѣ, тамо без себе оставити». Слышавши же то жена Викентиева, не разумѣ лукавыя козни, но простоудшно повелѣ ей скрыню свою принести на соблюдение имѣния ея, понеже первѣ оная баба в дом Викентиевъ много приходилаше и пакости никоея не дѣяше.

Баба же, шедши, повѣдала Амбросию: «Господине, трудно тебѣ таковыя госпожи достовати и никогда до нее дойти невозможно. Дабы тое добронравную жену имѣти могль к твоей воли, едино тебѣ учинити могу, что в ложи ея чрезъ едину ночь будеши. И тако ты никто же знати не будешь, и не возможеша никому явитися. Но егда будеши внуръ ложа Викентиева, тогда по твоему разуму твори како можеша». Амбросий же сему рад бысть. И влѣзши в скрыню, повелѣ себе замкнути, извнуръ же можетъ самъ себе откнутъ. И тако замкнувши Амбросия, повелѣ баба за собою нести четверемъ человекомъ наемшимся до жены Викентиевы и упростила, дабы велѣла тое скрыню поставити во своей ложницы пред очима ея. Флорентия же повелѣ ей тое скрыню во своей клѣти поставити, идѣже сама опочиваша. И тако внесши и поставиша ю прямо ложа ея. Баба же, поклонивши Викентиевъ женѣ, скоро из дому ея поиде, яко бы в путь готовящася пойти: «Есть ли дастъ Господь здраво возвратитися, то наутрѣ паки по тое скрыню прииду».

Амбросий же, послушавъ то, яко уже в скрыни стоитъ в клѣти, и ис скрыни утлиню посмотривъ по клѣти, и не видѣвъ никого же, ниже слышавъ глаго-

¹ ведущая строгий образ жизни; ² ворожею, колдунью.

лющих, вси бо, поставиша оную скрыню, ис клѣти изыдоша и замкнуша. Онъ же отомкнувъ скрыню и излѣзе вонь, и прииде ко клѣтным дверемъ, и, усмотрив тамо, укрѣпився извнутри добръ, дабы кто к нему не вшелъ. Онъ же присмотривъ во клѣти всему прилежно — одеждам и коврамъ, и на одрѣ посланной жи, и иннымъ всякимъ узорочным¹ вешемъ. И узрѣвъ при возглавии стоящую шкатуну², добръ изрядную работою содѣянну, и возьмъ, отомкнувъ, со многоцѣннымъ сокровищемъ госпожи Флорентии. И много ту было различныхъ имени-тыхъ вещей. Онъ же взя оттуду два клейнота³, что наилучшия и дражайшия, да поясъ и перстень. И взявши, паки замкнувъ. И с тѣми вещами убрався, клѣть отомкнувъ, и самъ, в скрыню свою влѣзши, заперся. А перстень и поясъ бысть Флорентии, жены Викентиевы.

Дню же мимошедшю⁴, приближися вечеръ. Прииде же оная целомудрен-ная жена со своими девицами в клѣть свою и сяде на жи своемъ, и побесѣ-довавши с ними чрез малое время, и восхотѣ опочити. И начатъ раздѣваться, и совлекла съ себе со оною одеждою и срачицу. Амбросий же из скрыни увидѣвъ скважню тѣло ея и под лѣвымъ сосцемъ усмотривъ борадавку с нѣкоторыми вла-сы лисоватыми⁵, и то себѣ в память взял. И, дойде своя злая хитрости, рад бысть.

На утрии же прииде оная баба обавница, взявши свою скрыню и повелѣ паки нести ю во свой дом. Егда же принесеннѣи бывши, отсла прочь принесших. Амбросий же вышедъ ис скрыни и одаривъ бабу добръ. И взяв оное драгое со-кровище съ собою, и доѣхавъ до града Парижа.

Приѣхав же, пойде до онаго дому мужа, идѣже пребываше Викентий, и до инѣхъ купцевъ, и взыскиваетъ своего закладу, пяти тысящъ златыхъ. И начать Викентию при инѣхъ купцѣхъ глаголати, яко: «Азъ имѣхъ жену твою в воли моей. Аще ли не имеши словесемъ моимъ вѣры яти, что жена твоя ввела мене в клѣть свою и до ложницы, и показа ми в клѣти вся драгия вещи и ковры. И все подобие во клѣти твоей азъ видѣхъ» — все по ряду⁶ ему сказа. «Аще ли и сему видѣнному мною не имеши вѣры, покажу ти явственно, яже имамъ в руку мою азъ драгия вещи твоего сокровища, которыя мнѣ жена твоя, отверзши подобную шкатуну, казала и vybrати велѣла между инѣми многоцѣнными вещми на знакъ любви ея ко мнѣ». И вынявъ два клейноты и показавъ Викентию: «Имѣлъ ли еси в дому твоёмъ сия клейноты?» Викентий же видѣвъ свои клейноты и позна. Потом же показа Амбросий перстень жены его драгоцѣнный и поясъ. Тогда добръ позна Викентий, яко та сокровища любезныя жены его, зѣло усумнѣся и недоумѣвашеся, како содѣяся, и рекъ Амбросию тако о семъ: «Мя увѣрилъ еси, Амбросие, и мню, яко нѣкую кознь сотворилъ еси, да тебѣ сия драгия моя вещи раби мои вдаша за нѣкое дарование к нимъ. А сего поистиннѣ не вѣмъ, да еже бы видѣти тебѣ само-

¹ драгоценным; ² шкатулку, ларец; ³ сокровища, драгоценности; ⁴ когда же день прошел;

⁵ рыжеватыми; ⁶ по порядку.

му жену мою и сия вещи дати на знакъ любления, понеже никогда таковое безстыдство бысть в ней». Амбросий же рече ему: «Господине Викентий, аще ли мнѣ не имеши вѣры, то азъ предъ всѣми людьми явственню и о сокровенной запазушной вещи повѣдаю ти, аще подлинно хоцещи увѣритися. Твоя бо жена подлѣвымъ сосцемъ своимъ иматъ червленую бородавку съ пятию или з шестію власы лисоватыми». Людие же, слышавше то, доволно тому Амбросію вѣру яша. Викентий же с великою болѣзнію воздохнувъ и велми прослезился о разлучении жены своея. Той же залог Амбросію, пять тысящъ златыхъ, товарами многоцѣнными отаде и от великаго стыда от града Парижа со слугою своимъ до другаго града поиде в велицѣй печали и скорбию обдержимъ.

И оттуда писа Викентий к женѣ своей Флорентіи: «А какъ мое сие писаніе къ тебѣ приидеть, и тебѣ бы немедленно до мене ѣхати». А слугѣ своему приказаль под великимъ запрещениемъ скоро жену свою в путь выпровадить и на пути в темномъ лесу ея задавити или заклати: «А азъ ти за сие обѣщаюся добръ одарити». Той же слуга обѣщася господину своему тако сотворити и повѣление его исполнити. И тако отѣха от господина своего къ женѣ его съ епистолиею¹.

И приѣха до града Еневы, до госпожи своея, и епистолию ей поднесъ. Она же прочетши епистолию и велми о томъ начатъ дивитися, и рече: «Когда таково было, еже господинъ мой повелѣ ми скоро к себѣ приѣхати? Прежде бо сего отнюдь таково не бывало!» И начатъ слуги присланнаго со всяцѣмъ испытаниемъ вопрошати. Онъ же отнюдь ей не повѣда, но токмо рекъ: «Мню, яко того ради ѣхати тебѣ до себе повелѣ, яко еще онамо² медлито долго будетъ». Она же, яко добропослушная и добрая жена, рекла: «Тако буди воля господина моего надо мною! Не могу ослушатися его». И такъ, уготовившия в путь, поѣха со онымъ слугою.

И егда приѣхаша в лѣсъ, приступи слуга ко госпожи своей з жалостію и с великимъ плачемъ. Нача ей наединѣ глаголати, повѣдая повелѣніе господина своего, яко «на семъ лесу с великимъ запрещениемъ повелѣ тебе удавити». Она же вопрошаша вины: «Чего ради тако мужъ мой повелѣ тебѣ надо мною сотворити? Понеже не вѣмъ, в чемъ бы я предъ нимъ была неисправна³». Слуга же отвѣда ей: «Воистинну сего не вѣмъ, госпоже моя, чесо ради сиче прогнѣвася на тя». Госпожа же начатъ раба того молити со слезами и с великимъ рыданиемъ, и с хлипаниемъ многимъ, дабы к ней явился милостивъ в таковъ горкій смертнѣй час и не погубилъ бы ея. Рабъ же той, видѣвъ госпожу свою горко и зѣлне плачущую о скоромъ убиении, зжалился, зря на ню, и совлекль с нея ризы ея, и облече ю во свое мужеское платіе в ветхое. И глагола ей: «Гряди, госпоже моя милостивая, во здравіи твоёмъ, идѣже нѣсть тебѣ твоихъ сродниковъ и знаемыхъ, дабы тебе ради азъ главы моя не потратилъ. А азъ твое платіе донесу господину своему, а твоему сожителю Викентію, для увѣрення и забытия твоего». Потомъ

¹ письмо, посланіе; ² там; ³ виновата.

же Флорентия остригши власы главы своя, и облечеса въ мужское платие, и нарече себе Истваном. И поклоншися рабу своему на нозь, плачущися, и во хлипании своемъ не возможе ни единого слова проглаголати. Рабъ же подъемъ ю от земли, и паки другъ з другом прощение сотвориша. И поѣха рабъ той ко господину своему.

Истван же поиде въ путь свой незнаемый и, шедши, нача плакати и глаголати в себѣ: «О дражайши сожителю мой и прелюбезны хранителю моя младости и тлѣнныя красоты! Что азъ тебѣ злое сотворила? И чимъ толико прогнѣвала тебе? Кто разруши нашу промеж собою нелицемѣрную любовь? И кто нас разлучи союза законнаго, когда ты, любезный мой господине Викентий, таковъ немилосердѣ ко мнѣ былъ еси? Воистинну злобнаго словесе никогда же ми сотворил еси, за которое неисpravление реклъ еси. Всегда яко зѣницу ока любезно хранилъ мя еси. Но какое сие твое немилосердие прииде на мя, не вѣмъ, Богъ вѣсть. И излиляь еси скоро и незапно на мя гнѣвъ твой. Которую твою заповѣдь азъ, окаянная, преступила? И в чемъ твоей честности когда преслужала? Но за помощию Божию, любя тебе, моего Богомъ дарованнаго пастыря и любезнаго сожителя, волю твою во всемъ творила и честь свою хранила, преисполненный домъ твой добрѣ соблюдала и имѣния твоего бездѣлно никогда не истощила, дѣти твоя в добрѣ наказании и в любви воспитала, рабы и рабыни гладомъ и наготою не томила, и никакому ихъ злу не учила, и поругательства над ними никогда не чинила, но во всемъ по твоему благочестию яко мати ко приснымъ чадомъ нелицемѣрную любовь казала. А се днесъ азъ, бѣдная, вмѣсто онѣхъ болѣзнь восприемлю злую, яко едина есть от убогихъ и безкровныхъ сирот, скитаюся по пустыни, не имѣючи, гдѣ главы моя бѣдныя подклонити». И, въздѣвъ руцѣ свои на небо, с великимъ плачемъ вопияше: «О Владыко челоуколюбче, Господи, Творче небесе и земли! Не постави имъ во грѣхъ сего, иже мя, злочастную, разлучиша от любезнаго моего сожителя и дѣти наша осиротѣша. Но от всея души моя тебѣ, Творцу моему и Содѣтелю всего мира, отселѣ чада моя вручаю. Буди ты, Господи, тѣмъ сирымъ отроковицомъ помощникъ и заступникъ, и хранитель, и милостивъ, понеже бо ты единъ вся вѣси, яко без мене, горкися и безчастныя матере, иже некому уже ими попещися и в добромъ учении, наказании миловати и призирати, отвсюду бо вскорѣ осиротѣша. О Боже мой, Боже мой, премилостивый Царю! Чесо ради прежде сего незапнаго разлучения не повелѣлъ еси изъяти из мене мою душу грѣшную, дабы азъ, грѣшная и бѣдная раба твоя, не вѣдала безпокровнаго сиротства любезнымъ чадомъ моимъ! Не даждь имъ, Господи, премилостивый Владыко, Царю Небесный, дабы когда могли в безпризрѣнии своемъ ко срамному и студному дѣлу прийти! И коснися имъ с высоты славы твоя, симъ сирымъ отроковицамъ, десницею твоею, и воздержи ихъ от всѣхъ злыхъ творений (...), и всели страхъ твой в сердца ихъ, и научи ихъ ходити право по стезямъ заповѣдей твоихъ, яко благословень еси во вѣки вѣковъ, аминь». И потомъ, въздѣвъ руцѣ, ко Приснодеви и Божии Матери сице вопиюще и глаго-

люще: «О всемилостивая Госпоже Царице и Богородице, Мати Господа вышняго! Внуши и услыши гласъ мой и вопль, и стенание сердца моего, и слезы, проливаемые ко Господу Богу и тебѣ, помощнице и наставнице всего мира! Призри на мя, убогую и вскорѣ внезапно обнищавшую рабу твою! Буди мнѣ наставница тверда и путеводителница крѣпка. О прелюбезная и премилосердная Мати Царице и Богородице, помилуй мя, вскорѣ обнищавшую! Благоволи же, Господи Боже мой, единѣ вѣдый тайная сердца моего, мужеви моему, рабу твоему Викентию, сие незлобие мое явѣ возвѣстити и еще объявити ему о мнѣ в жизни моей. Ими же вѣси, судбами. Ты, Господи, едина надежда моя, ты единѣ упование мое, и в руцѣ твои предаюся. Что ми по твоему Божию смотрению тако терпѣти, твори, Создателю мой, что ти есть годно. Время мнѣ таково прииде и час терпѣнню приближися. Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка». И тако от плача и рыдания едва преста и Божиим наставлениемъ поиде по пустыни в путь незнаемый.

И вскорѣ доиде до града Александрии. И пребысть тамо нѣколько время, скитаяся во градѣ между началствующими людьми и всѣмъ с радостию служаше. И тако познася от онѣхъ началствующихъ самому александрийскому салтану, яко «прекрасный прииде отрокъ и явися в державѣ твоей, и зѣло разумень, и достоинъ есть быти при твоемъ величествии». Салтанъ же повелѣ Иствана предъ собою привести. Приведену же бывшю¹, абие зря салтанъ на Иствана, вельми удивися красотѣ лица его и многому разуму. И повелѣ Иствану во градѣ Александрии началнымъ человекомъ над купецкими людьми быти, да у приѣзжихъ купецкихъ людей заморския товары переписываетъ и досматриваетъ, да съ тѣхъ купеческихъ многоцѣнныхъ товаровъ пошлину и оброки царю салтану собираетъ. И по его, Истванову, собранію у царя салтана казна вельми умножися. Истванъ же в толикомъ собраніи салтану зѣло бысть вѣренъ и собираше салтану многое богатство, яко инѣ никто же тако прежде не собираше. И того ради салтанъ Иствана вельми любляше и от своихъ богатыхъ сокровищъ Иствана по премногу обогатилъ есть. И бысть Истванъ повсюду славенъ и всѣмъ началствующимъ и купецкимъ людямъ знаемъ. И любимъ бысть, и пребываше в величествии.

Муж ея Викентій от великия своей печали едва в добрый разумъ прииде. И воспомяну о дому своемъ. И тако прииде во градъ Еневъ и вниде в домъ свой. Срѣтоша же его с великимъ плачемъ и горкимъ рыданиемъ осиротѣвшія двѣ дщери его с рабы своими. Онъ же узрѣ ихъ, яко едины есть от убогихъ сиротъ, в худѣй и чернѣй одежде облеченны и образомъ побледнѣвшія, власы же имѣющіе до пояса простертыя и свившияся, яко стрѣлы. Онъ же объемъ ихъ и напад на выя ихъ, плача и рыдая, и не возможе во слезахъ своихъ и во хлипанинѣ ни единого слова къ нимъ проглаголати. И самъ себе обличаше, яко в толикомъ сиротствѣ презрѣлъ ихъ и забвенныхъ учинилъ. И бысть в дому его плачь и стенание, и вопль

¹ когда же его привели.

многъ. Осиротѣвшія дщери плакахуся любезныя матери своя, рабы же и рабыни премилостивыя госпожи своя Флорентии. И пребысть Викентий в дому своемъ нѣколько время, плача и сѣтуя, и от всѣхъ спрашивая вины жены своя. Дѣти же его и рабы и рабыни с плачемъ ротящияся¹, глаголаху, яко: «Ни единъ от насъ сего и до сего дне и слухомъ ни от кого не слышали, яже глаголеши, не токмо самѣмъ таковое дѣло, нашедше на ны², видѣти. Но токмо вѣмы, яко внезапно рожшия нас матери лишихомся и такового ради скорого разлучения доднесь не видѣхомъ ни дне, ни часа радостна. А что над нею содѣяся и чесо ради, не вѣмы, Богъ единъ вѣсть». Викентий паки приложи слезы ко слезамъ. И пребысть нѣколько время в дому своемъ со дщери своими во многомъ сѣтовании.

В то же время во Александрии бысть великое и преславное торжище. Собравшася множество купеческихъ людей от всѣхъ странъ и великихъ градовъ со всякими драгими товары. Истванъ же с приѣзжими купеческими людьми зѣло изрядно и со всѣми любезно пребываше, а наипаче со своими единостранными влохами³, с которыми языкъ изрядно разумѣ. И с ними сошедшися, с радостию о всякихъ прилучаяхъ бесѣдоваше. Тамо же приѣха и лстивый Амбросий от града Пляцѣнтии, который злымъ своимъ лукавствомъ разлучилъ Иствана съ мужемъ своимъ Викентиемъ, а неправеднымъ залогомъ Викентиевымъ дойде великаго богатства. И, приѣхавъ во Александрию, постави дворъ себѣ между венецкихъ купеческихъ селениихъ.

И моляше Амбросий Иствана, дабы изволилъ приѣхать и посѣтити его, и посмотрилъ быхъ у него драгоцѣнныхъ вещей «и что твоей честности полюбится». А самъ Амбросий богатствомъ и драгими вещми Викентиевыми возношашеся: «Не имаша от мене драгоцѣнно приобрести ничто же?» Истванъ же, ѣздя по торговищу, и приѣха ко Амбросию, и вниде к нему в дом. Амбросий же встрѣте Иствана с радостию, и веде его внутрь селения своего, и показа ему вся драгия вещи. И промежду тѣми товары узрѣ Истванъ свой поясъ и перстень многоцѣнный, который украде Амбросий въ дому Викентиевѣ, будучи во скрини своей. Лукавнѣ⁴ смотря Истванъ на то свое похищенное драгое сокровище, дивися и недоумѣвашеся, како и в кое время таковое сокровище Амбросию достася. И нача Истванъ Амбросия вопрошати с велицѣмъ испытаниемъ: «Како тебѣ, господине, сия драгия вещи, откуда досташася и каковою цѣною купилъ еси я?» Амбросий же отвѣща, посмѣваясь: «Господине мой, честнейши Истване! Аще годны честности твоей сия вещи, клейноты и перстень, и сий поясъ, благоволи себе възяти ихъ, яко мнѣ сия вещи не драгою цѣною пришли: во градѣ Еневѣ нѣкая прекрасная госпожа купца Викентия, жена его, дарова мнѣ на знакъ любви своя». Истванъ же разумѣ то, яко Амбросий злодѣй бысть имъ и разлучникъ союза ихъ. И тако у Амбросия прия сия вещи с радостию и за то общася ему

¹ клянущияся; ² на нас; ³ итальянцами; ⁴ тайком.

нѣкакую мзду воздати. И тако с ним увѣщася, доколѣ онъ, Амбросий, вси товары своя испродасть.

И нача Истванъ у инѣхъ купцѣвъ о мужи своемъ Викентии вопрошати прилѣжно, живъ ли есть и гдѣ пребываетъ. Купцы же повѣдаша, яко живъ есть, но в великом убожествѣ в дому своемъ пребывает. Истванъ же оным купцемъ показа оныя драгия вещи, клейноты, и перстень, и пояс. Купцы же познаша и начаша повѣдати Иствану: «Господине честный Истване, сия клейноты и поясъ, и перстень драгоценный неблагодарный Пляценский Амбросий от дому благонаправнаго и смиреномудраго купца Викентия своим злым умышлениемъ досталь, будучи во градъ Еневъ. Той бо благонаправный Викентий, вѣдый¹ благочестивую и доброжителну жену свою Флорентию, похвали ея во всѣхъ добродѣтеляхъ, бывши во градъ Париже. Той же злонравный муж Амбросий позавидѣ ихъ доброму сожитию, похвалися на домъ его, яко имать жену его привести во свою волю. И о сем Викентий велми поболѣвъ сердцемъ, не терпя Амбросиева досаждения, биша о великий заклад в пяти тысящахъ златыхъ, яко не имать в дому его быти и жены его видѣти, не токмо ея до воли своея привести. Той же многокозненный врагъ, купецъ Амбросий, по залогъ ходилъ во градъ Еневъ и своимъ злохитрствомъ бывъ в дому Викентиевъ. И сия драгоценныя вещи невѣдомо гдѣ и како похитивъ и во градъ Парижъ на показаніе всѣмъ принесе. Викентий же видѣвъ драгия вещи сия и позна, яко его дому сокровища та, и вѣру сему ят. И оный залогъ многими драгими товарами и вещми за пять тысящъ златыхъ оному Амбросію отдаде. И того ради Амбросий великимъ богатствомъ хвалится. А Викентий всеконечно с женою своею Флорентіею разлученъ бысть, зане повелѣ жену свою вскорѣ рабу своему убити нѣ в коемъ темнѣ лесу. Рабъ же той милосердовавъ о ней, дарова ей вмѣсто смѣрти животь, яже самъ втайнѣ за клятвою намъ сказа. И нынѣ жена его, Викентіева, скиташеся яко едина есть от убогихъ». Истванъ же, сие слышавъ, велми прослезился. И онѣхъ купцѣвъ, иже ему повѣдаша правду, попремногу одаривъ и начать велми жаловати, и смѣло имъ повелѣ во Александрии в торговли пребывати.

И молитъ Истванъ онѣхъ купцевъ, дабы за его прошение отписали во градъ Еневъ къ Викентію, чтобы во Александрию скоро пришелъ, яко: «Вси твои залого в руку твою возвратятся, и печаль твоя на радость преложится, и въздетъ печаль на главу оскорбившему тя. Ты же безо всякаго сомнѣнія подщися приити не мѣшкавъ. О семъ бо твоёмъ пришествіи вси поручаемся, яко не водще твое пришествіе будетъ во градъ Александрию». Оныя же купцы по прошенію Иствана писаша во градъ Еневъ ко оному купцу Викентію и за порученіемъ своимъ с великою вѣрностію. И по семъ Истванъ моли оныхъ купцевъ, чтобы то его моленіе к нимъ тайно было и никто бы того отнюдь не вѣдалъ, дондеже Господь Богъ по своей праведной воли что сотворить. Купцы же Иствану сие сотво-

¹ зная.

риша за велию клятвою, яко ни единъ развѣ ихъ можетъ вѣдати, доколѣ Викентий во Александрию придетъ.

И послаша к Викентію вѣрна человека съ ѣпистолиею. Викентій же епистолию прочеть и недоумѣваяся, дивяся бывшему, глаголя в себѣ: «Господи Боже мой, ты вся вѣси! Что сие бысть? И кто можетъ толикую печаль от сердца моего отъяти, иже мя в конецъ сокруши? Но обаче¹ буди воля твоя надо мною, Боже и Творче мой, Создателю и Избавителю, твори, еже благоволиши». И тако упование свое возложи на Господа Бога Вседержителя, глаголя: «Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка, аминь». И тако поиде в путь свой. В пути же его помогая ему во всемъ Господь Богъ. И скоро приплоче во град Александрию.

Истванъ же реченный, жена Викентіева, зѣло соблюдаше лукаваго Амбросія и надзираше его, дабы не ушелъ из града Александрии. И часто его к себѣ емлюще, и всячески его угостѣвая и любовь к нему яко ко присному другу показоваше, и самъ его посѣщаше всегда, чимъ бы его удержати до Викентія. И единою² того Амбросія Истванъ приведе предъ лице салтаново и первѣ упокоивши его всякими питиѣи с великою честию. И похвалися Истванъ предъ салтаномъ милостию оного Амбросія, яко драгими вещми одари его. И положи Истванъ предъ салтаномъ оныя драгія вещи, клейноты и поясъ, и перстень драгоцѣнный. Салтанъ же видѣвъ тыя драгія вещи, зѣло дивися и начать Амбросія вопрошати: «Како и откуда таковыя драгія вещи в руку твою приидоша?» Амбросій же, не чая себѣ ничего злаго, повѣда салтану всю истинну, яко похваляясь или величание себѣ в томъ творяше. Салтанъ же удивляясь, а Истванъ, слушая, от великия болѣзни сердечныя воздохнувъ, обаче яко нѣкое новое благополучіе обрѣте — очима плачяся, сердцемъ же велми радуясь.

И услыша Истванъ от онѣхъ купцевъ, яко Викентій во Александрию прииде. И начать Истванъ молити царя салтана, да повелитъ предъ себе купцевъ представити, Викентія от града Еневы да Амбросія, иже от града Пляцѣнтии. Салтанъ же для моления вѣрнаго и любимаго своего слуги Иствана повелѣ к себѣ боярь своихъ и думныхъ созвати и съде с ними на судище, и онѣхъ купцевъ вскорѣ повелѣ предъ собою представити. Викентій же и Амбросій сташа предъ царемъ. И абие Истванъ принесе оныя драгія вещи, клейноты и поясъ, и перстень драгоцѣнный, и положи на столъ предъ царемъ и предъ всѣми бояры. И паде предъ царемъ Истванъ и начать со слезами у царя просити милости: «Прошу ты и молю, вседержавнѣйши и великий царю, сотвори судъ между нами праведный. Сія драгія клейноты и поясъ, и перстень, еже за твою царскую ко мнѣ милость дароваль ми есть сій онъ купецъ Амбросій. Изволи, великий царю, вопросити его при всѣхъ предстоящихъ и присѣдящихъ твоему царскому сигклиту, гдѣ онъ, Амбросій, и какимъ промысломъ сія драгія вещи досталь, дабы

¹ однако; ² однажды.

онъ при твоей царской милости и предъ всѣмъ твоимъ честнымъ сигклитомъ истинну повѣдал». Царь же салтанъ тако рекъ: «Зѣло бо азъ имѣю в памяти прежнее Амбросиево о сихъ вещехъ повѣдание, но токмо сигклитомъ и всѣмъ боляромъ о семь истину повѣдай». И рекъ Амбросию: «Повѣждь ми при всѣхъ самую истинну и не погрѣши ни в чемъ. Не убойся мене, ниже кого постыдишься. Аще будетъ сия вина, но обаче явень грѣхъ малу вину творить. Слышахъ бо азъ про сего купца Викентия, яко былъ есть зѣло благославень в куплѣхъ своихъ, но како в толикое убожество прииде, не вѣсть бо здѣ никто же, токмо ты, Амбросие. Повѣдай правду сигклитомъ моимъ. А азъ от тебе прежнее повѣдание добръ в памяти своей вѣмъ. Повѣдай нынѣ истинну свою явѣ, да вси слышащии увѣдятъ».

Сердце же оному злодѣю Амбросию зѣло ужасеся, видя близ себе купца Викентия стояща. И помысли в себѣ, яко: «Аще и истину азъ предъ царемъ повѣмъ или не истинну, не будетъ обличающаго». Зане чаяше, яко жена Викентиева убиена есть, а инѣхъ на сию истину свидѣтелей нѣсть. А о семь недоумѣвашеся, что Истванъ жена Викентиева есть. И паки то в себѣ помысли, яко: «Аще за неправду мою и повелить царь салтанъ оный залогъ вспять возвратити сему Викентию, и то мнѣ тщета будетъ неболшая, понеже чюждее отдать неболѣзненно, но азъ тѣмъ залогомъ приобрѣтохъ себѣ богатство многое». И повѣда Амбросий царю при всѣхъ болярехъ и думныхъ весь свой злокозненный поспѣхъ¹ того дѣла, како, будучи во градъ Парижи, похвалился онъ Викентий многими добродѣтелми, и крѣпкимъ житиемъ, и милостивымъ нравомъ жены своея Флорентии, и противу сего глаголахъ с похвалою, яко: «Аще и попремногу добронравна жена твоя, но от мене не отстоится, но сотворить волю мою, его же азъ пожелаю. Сей же Викентий за оную мою досаду хотѣ залогъ со мною положить за добродѣтель жены своея главу свою, что отнюдь воли моею не имать сотворити. Азъ же о главѣ залога положить не восхотѣхъ и рекъ ему, Викентию: „Положимъ между собою залогъ о пяти тысящахъ златыхъ”. И тако договоришася, положихомъ таковой залогъ. Прилучиша же ся ту с нами наша братия, разныхъ градовъ купцы, и на томъ залогѣ руки наша разныша. Сей же Викентий остался во градъ Париже, азъ же отплыхъ оттуду и доплыхъ до града Еневы. И начатъ тамо окрестъ живущихъ дому Викентиева сосѣдей спрашивать о женѣ его, како бы сподобился ея видѣти и побесѣдовати с нею. Сосѣди же повѣдаша ми, яко отнюдь с нею невозможно нигдѣ снити², понеже бо неисходима есть из дому своего и пребываетъ в великой крѣпости и добронравии. Азъ же начахъ искати к ней иного пути. И обрѣтохъ нѣкоторую бабу по своему намѣрению, еже поползновенна есть на пріятие даровъ и в домъ Викентиевъ входима есть. Азъ же начать любезно к ней припадати и дары ей вдахъ. И посла ея в домъ Викентиевъ, да присмотритъ тамо входы и исходы, и что есть в дому Викентиевъ от нарочитыхъ ве-

¹ успех, удача; ² сойтись.

щей, и гдѣ, и в какихъ мѣстахъ лежащая, да возвѣститъ ми о всемъ явственно, чтобы мнѣ и чимъ увѣрити Викентия. Она же баба бысть в дому ихъ и видѣ, яко инако ми въ дому Викентиевѣ видѣти жену его невозможно, умысли мя в скрыни тамо принести. И тако молила жену его, Викентиеву, дабы ей повелѣла скрыню ея в дому своемъ в клѣти поставити на едину ночь, идѣже ложе ея. А о себѣ повѣда женѣ Викентиевѣ, яко бы отѣйти от града недалече нѣкоя ради потребы. Добронравная же и простодушная она госпожа Флорентия повелѣ ей скрыню свою принести. Баба же, пришедши, возвѣсти ми о семь, яко и како быти тебѣ невозможно в дому Викентиевѣ, но токмо развѣ сокрытися в скрыни и отнесену быти тамо. Сотворихом же скрыню велию и утлину потаенную из нея. И тако в скрынь оной отнесенъ бысть в домъ Викентиевѣ и поставленъ в клѣти при ложи жены его. И посмотрихъ оною потаеную утлиною по всей клѣти, и не видѣ мя тамо никто же, отомкнувся извну и вышел ис скрыни, и ходихъ единъ по клѣти, и вся вещи, тамо бывшия, присмотрихъ. И узрѣ при возглавии ложнѣмъ¹ шкатуну водовейную и отворихъ ея, и сия драгия клейноты и поясъ, и перстень из шкатуны взяхъ съ собою, и тако в скрыню свою влѣзохъ и замкнувся извнутри. И егда преиде день и приближися вечеръ, прииде она же госпожа Флорентия в клѣть свою з дѣвцами, и сяде на ложи своемъ, и начатъ раздѣватися. И с прочею одеждою и срачицу съ себе совлечет. Азъ же утлиною прилѣжно смотряхъ и узрѣ на тѣле ея под лѣвымъ сосцемъ бородавку з пятию или з шестию власы лисоватыми. А с нею ни единого слова не глаголахъ и гласа моего не смѣяхъ явити ей, а потомъ нигдѣ никогда же не видѣхъ ю».

Викентий же услыша от Амбросия таковыя глаголы и от великия болѣзни паде на землю, яко мертвъ. И едва отдохнувъ, и начатъ рыдати и глаголати: «О злый и многокозненный Амбросие! Порадовахся тлѣнному богатству, неправду ми еси прежде о женѣ моей повѣдалъ! Азъ же простою моею душею пояхъ вѣры ложному твоему доводу и того ради залогъ той отдахъ и добронравную жену мою без всякаго милосердия рабу своему в пустѣ мѣсте повѣлѣхъ за то убити и полскимъ² звѣремъ и птицамъ небеснымъ на снѣдение оставити». И сия слышавшии царь салтанъ, князи и боляре и весь сигклить царский зѣло о семь печални быша, и мяхкосердечнии же велми прослезившеся, и увѣщающе Викентия от плача и рыдания.

Истванъ же, не могый от слез удержатися, начатъ с великимъ рыданиемъ плакати. Приступи близ Викентию и паде предъ царемъ, глаголя: «О пресвѣтлый и вседержавный царю! Благодарю тя за премногую твою ко мнѣ милость, яко на правду сего Амбросия привелъ еси. Его же азъ, окаянная, отнюдь никогда же видѣла. Се бо мужа моего Викентия ложно до великаго убытку доведе и нестерпимыя срамоты достави. А мене, бѣдную и убогую, в погибель врину и в вѣчное

¹ в изголовье постели; ² полевым.

позорище и посмѣятелство приведе, и худыя славы доставиль. А сей Викентий есть воистинну возлюбленный мой мужь!» И, объемиши Викентия, начат рыдати зълне и облобыза его, и рече ему: «Сожителю мой драгий и прелюбезный! Аз есмь возлюбленная жена твоя Флорентия». И отложа стыдъ, открывъ перси своя и показа мужеву своему Викентию для достовѣрия под лѣвымъ сосцемъ своимъ бородавку с лисоватыми власы. Викентий же добръ увѣрився. И вси, зряще в той часъ, познаша ю быти жену. Царь же салтанъ начать дивитися з бояры своими доброму разуму и смиреномудрию жены Флорентии, яко в толикой печали и во многомъ сѣтовании и скорби велицѣй не премѣни благочестия своего, но обаче уцѣломудрися и во всемъ служении своемъ царю салтану любима велми бысть.

И въ той часъ повелъ царь салтанъ залогъ Викентиевъ у Амбросия скоро взяти и вся имѣния, еже приобрѣлъ есть Амбросий тѣмъ богатствомъ, повелъ Викентию и женѣ его отдати. Купца же Амбросия нага поставляше. И повелъ царь вскорѣ медомъ намазати его по всему тѣлу и, отвезше в лѣсъ, за ребра повѣсити. И тако от различныхъ червей, и от ось, и от пчель, и от шерсней, и от мухъ, и от пауковъ, и от слепней на долгое время яденъ бысть и злъ замучися.

Викентий же з женою своею Флорентиею царю салтану воздаша благодарение за истинное его правосудство. И облечеса Флорентия в женское платье, и бысть велми прекрасна, добротою своею процвѣтая, якоже доброплодный финикъ, и добронравиемъ украшаяся, яко маслина плодовица, паче многихъ славныхъ женъ. Царь же отпусти ихъ с миромъ и проводити ихъ повелъ до града Еневы со всѣмъ имѣниемъ Амбросиевымъ до дому ихъ во всякомъ благочестии и славе велицѣй. И своими царскими дарами по премногу одари ихъ за оную вѣрную службу и за великое терпѣние Истваново.

Баба же оная, которая помогала злокозненному Амбросию во злодѣйствѣ его, должна бы была по повелѣнью цареви велицѣй муцѣ. Но прежде увѣдала, яко за ея промысломъ повелъ Викентий жену свою убити, убоися велми и прежде пришествия ихъ во град, скоро шед в нѣкое мѣсто, сама ся объсила¹.

По семъ же Викентий з женою своею доидоша до града Еневы и до дому своего и начаша жити в велицѣй радости и в веселии, славяще Христа Бога и Пречистую его Богоматерь. И от имѣния своего начаша милостыню многу творити, рабы и рабыни своя надѣляти добръ и вся убогия и бѣдныя, хромыя и слѣпыя в домъ свой приводити и питати, и нагия одѣвати, и того ради наипаче богатствомъ отвсюду множацимъ. И тако в великомъ богатствѣ и славѣ пожиша лѣта доволна. Чада своя воспитавше и добръ ихъ управиша со всякимъ преполнениемъ. И рабы своя, якоже и чада своя, богатствомъ преисполниша и свободу коемуждо ихъ даша. Рабы же до живота ихъ не восхотѣша отыти никако, они же самоволно, яко отцевъ чада, держажуся и служахуся имъ вѣрно во всемъ.

¹ повесилась.

Оного же раба, иже дарова Флорентии живот вмѣсто незапныя смерти, нача-ша зѣло любити и жаловати по премногу, яко сына своего единороднаго, и вся имѣнія своя ему вручиша. Онъ же вмѣсто господина своего бысть во градъ Еневѣ славный купецъ и во вся страны и в поморья своими корабли плавания творяше, и во многихъ окрестныхъ царствахъ славенъ и честенъ купецъ, якоже и Викентий.

Зрите, любимицы, яко правда от смерти избавляет,
иже кто ея крѣпцѣ в себѣ сокрывает.

Конецъ.

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ ГРИГОРИИ

ПОВѢСТЬ О НѢКОЕМЪ КУПЦЕ ГРИГОРИИ, КАКО ХОТѢ ЕГО ЖЕНА З ЖИДОВИНОМЪ УМОРИТИ

Бысть во граде Римѣ человекъ купеческий¹, именовъ Григорий, имѣя богатства мѣного. Прилучи же ся² ему нѣкогда отплыти на куплю³ с кораблемъ и замѣдлѣвшу ему тамо два лѣта⁴. Бѣ же у него жена красна, младостию цвѣтуше. По дѣйству диаволу без него впаде въ блуд с нѣкимъ жидовиномъ. Той же жидовинъ, исполненъ вѣсякого волхваваня, сотвори, еже не любити ей мужа своего, но возлюбити вельми того жидовина, мужа же своего Григория не хотя и имени слышати.

Нѣкогда же глагола ей жидовинъ: «Аще хощеши мнѣ быти женою, то азъ мудростию учиню мужа твоего заочно мертва». Она же глаголаше: «Твори, господине, еже хощеши. Азъ тебѣ предаю себе и домъ весь, токмо врага моего потщися⁵ избыти Григория. Азъ бо с тобою вѣчно хошу жити». Той же окаянный жидовинъ слия в воску⁶ образъ подобия Григориева и чарова над нимъ много. И повелѣ ей принести лукъ и стрелу, хотя стрелити во образъ той.

В то же время прилучися Григорию купцу возвратитися с купли в домъ свой и приближися к Риму. И нѣкто, человекъ незнаемый, ста во срѣтение⁷ ему: «Радуйся, Григорие, яко возвратился еси с прибыткомъ многимъ! Но скоро в сий час злою смертию живота лишишися от чародѣя злаго. Аще же хощеши такая смерти избыти, послушай совѣта моего: повели вѣскорѣ, да привезут здѣ тчань⁸ великий с водою, чтобѣ тебѣ вѣмѣститися в него».

И скоро устроиша тако. Еще жѣ той мудрецъ устроил зеркала великое и много над тою водою мудрѣствоввахъ. И повелѣ Григорию во тчань внити и вскорѣ погрузитися единожды. Он же сотвори тако. Повелѣ же ему посмотреть в зеркала и рече: «Что видиши? Понеже⁹ узриши в семъ зеркалѣ себе смерть и животь». Григорей же, егда погрузися въ воду и посмотре въ зеркало, рече доб-

---

¹ купец; ² случилось; ³ торговые дела; ⁴ задержался он там на два года; ⁵ постарайся;
⁶ сделал из воска; ⁷ повстречался; ⁸ чан, ванна; ⁹ потому что.

рому приятелю своему: «Вижу, что въ дому моемъ жидовинъ взя лукъ, жена же моя подаетъ ему стрѣлу. Той жидовинъ хоцетъ стрелити во образъ мой, в воску слиянъ». И рече *мудрецъ*: «Зло сие знамение, понѣже близъ есть смерть твоя. Обаче¹ не буди печален, блудися, зря² в зеркало беспрестанно. Егда не-приятель той натянетъ лукъ той, в той часъ вѣскоре погрузися въ водѣ сей». Григорий же сотвори тако. Посемъ паки³ в зеркало посмотри. Мудрецъ же паки вопросы его: «Что видеши?» Он же рече: «Вижу жидовина печална, что не попаде во образ мой. И, разъяривъся, примѣ у жены моей вторую стрелу и хоцетъ стрелити во образ мой». Мудрецъ же рече: «Твори, якоже тебе азъ заповѣдалъ». Сотвори же Григорей тако и возре в зеркало. И видѣ жидовина печална и рыщюща по полатѣ, много волъхвуя, зубы скрежетая⁴ и власы терзающа, яко второе не получи⁵ желанія своего. И взя лукъ, жена же его подаде ему третью стрѣлу. И прииде жидовинъ близъ образа Григориева, хоцетъ стреляти в него. Григорий же ужасеся и сказа все, яко «прииде близъ образа моего жидовинъ». Мудрецъ же рече ему: «Зѣло блюдися сей часъ. Аще не сохранишися в воду вѣскоре, то злѣ умреши!» Григорий же, весь трепетень, стоя и в зеркало не-престанно взирая. Егда же жидовинъ нача лукъ натягати, а Григорей весь сохранися въ воду. И, егда погрузися, посмотри в зеркало, нача смѣяться. Мудрецъ же вопросы его: «Что тако радуешися?» Онъ же отвѣща: «Вижу, господинъ мой, что стрѣлилъ жидовинъ во образ мой и не попаде в него, но стрѣла та прииде в стену и, отскочивши, уязви его самого. Онъ же злѣ скончася, жена же моя тѣло его закопа под мостъ⁶ въ полатѣ той». Мудрецъ же рече: «Нынѣ благодари Бога, здравствуй, иди в домъ свой». Григорий же поклонися ему до земли и много надаривъ его.

И прииде здрав въ домъ свой, жена же его облечеся в драгия одѣжды, изыде во стрѣтение ему, радуяся и обнимаемая его, глаголя: «Откуда мнѣ солнце возсия и от печалныхъ зимы обогрѣло?» И слезивши много, потомъ нача радоватися о здравии его, что в добромъ здравии от пути Богъ принесъ.

Григорий же созва всѣхъ и отца духовнаго, нача имъ на нея жаловатися, како, согласившися с мужемъ новымъ, жидовиномъ, хотя его злой смерти предати и како той жидовинъ слия въ воску образъ его «злехитрствомъ своимъ для смерти моей». И показа имъ образ той на стѣнѣ. «И нынѣ азъ не хошу с нею жити, но якоже вы хоцете, тако с нею творите. А нынѣ не имать быти⁷ мнѣ женою». Она же нача плакати и клятися, что «отнюдь сего не знаю и образ твой того ради сотворила, чтобы мнѣ зрѣти на него *и твою б* любовь во всякъ часъ поминати. А ты мене нынѣ поносиши злодѣйственными словами! Азъ ни зла какого повиннаго, ни жидовина не знаю». И начаша его сродницы ея обличати: «Что неправдою на невинность возлагаеши⁸, понеже не хоцеши ея любити!» Он

¹ однако; ² смотря; ³ опять, снова; ⁴ скрежещая зубами; ⁵ вторично не исполнилось; ⁶ пол;
⁷ не будет; ⁸ ложно невинную обвиняешь.

же много о семъ глаголя с ними и како его о семъ Богъ избавиль от тоя горкия смерти. «И аще о томъ вѣры мнѣ не имѣте,¹ то покажу вамъ на обличение чюдное свидетельство». И повелъ Григорий подмость² разломати и выняти того злодѣйственнаго жидовина. Видевши же сие, жена его от страха не вѣдая, что глаголати, сродницы же такожде постыдѣшася.

И отдаша ея суду градъскому, и тако много мучиша ея и предаша горкой смерти.

---

¹ не верите мне в этом; ² подполье.

ЖИТИЕ ЮЛИАНИИ ЛАЗАРЕВСКОЙ

МЪСЯЦА ГЕНВАРЯ ВО 2-Й ДЕНЬ.
УСПЕНИЕ СВЯТЫЯ ПРАВЕДНЫЯ УЛЪЯНЪИ,
МУРОМЪСКІЕ ЧЮДОТВОРИЦЫ

Во дни благовѣрнаго царя и великаго князя Иоанна Василиевича* всея Руси от его царьскаго двора бѣ мужъ благовѣренъ и нищелюбивъ, именованъ Иустинъ, пореклом Недюревъ,* саномъ ключникъ, имѣя жену, таково же боголюбиву и нищелюбиву, именованъ Стефаниду, Григориеву дщерь *Лукина*,* от града Мурома. И живяста во всякомъ благовѣрии и чистотѣ, и имѣяста сыны и дщери, и много богатства, и рабъ множество. От нею же родися сия блаженная Уляния.

Бывши же ей 6 лѣтъ, умре мати ея, и поять ю¹ в предѣлы муромскіе баба ея, матери ея мати, вдова Анастасия, Никифора Дубенскаго *дщи*, и *воспитающе* во всякомъ благовѣрии и чистотѣ 6 же лѣтъ. И умре баба ея, и по заповѣди ея поять ю к себѣ тетка ея Наталия, Путилова жена Арапова.

Сия же блаженная Уляния от младыхъ ногтей Бога возлюби и Пречистую его Матерь, помногу чтиаше тетку свою и дщери ея, и имѣя во всемъ послушание и смирение, и молитвѣ и посту прилѣжаше. И того ради от тетки много ²сварима бѣ², а от дщерей ея посмѣхаема. И глаголаху ей: «О безумная! Что в толицѣй младости плоть свою изнуряеши и красоту дѣвственую погубиши?» И нуждаху ю рано ясти и пити. Она же не вдаяшеся воли ихъ, но все со благодарениемъ принимаше и с молчаниемъ отхождаше, послушание имѣя ко всякому челоуѣку. Бѣ бо измлада кротка и молчалива, небуява,³ невеличава и от смѣха и всякия игры отгребашеся, аще и многажды на игры и на пѣсни пустошныя от сверстницъ нудима бѣ⁴. Она же не приставаше к совѣту ихъ,⁵ недоумѣние на ся возлагаше⁵, и тѣмъ потаити хотя своя добродѣтели. Точию ⁶въ прядивномъ и в пядичномъ дѣлѣ⁶ прилѣжаніе велие имѣше, «и не угасаше свѣща ея вся нощи». * А иже сироты и вдовы немощныя в веси⁷ той бяху, и всѣхъ обѣшиваше, и всѣхъ нужныхъ⁸ и больныхъ всяцѣмъ добромъ назираше⁹, яко всѣмъ дивитися ра-

¹ ее; ^{2—2} бранима была; ³ незаносчива; ⁴ принуждаема была; ^{5—5} притворясь неумеющей; ^{6—6} в прядении и вышивании; ⁷ в селе; ⁸ нуждающихся; ⁹ снабжала.

зуму ея и благовѣрию. И вселися в ню страхъ Божий, не бѣ бо в веси той церкви близъ, но яко два поприща.* И не лучися ей в дѣвчествѣмъ возрастъ в церковь приходити, ни слышати словесъ Божиихъ почитаемыхъ, ни учителя учаща на спасение николиже, но смысломъ бо Господним наставляема нраву добродѣтельному.

Егда же достиже 6-го на 10 лѣта¹, вдана бысть мужу добродѣтельно и богату, именемъ Георгию, прорекломъ Осорьину, и вѣнчани быша от сущаго ту попа, именемъ Потапия,* въ церкви праведнаго Лазаря в селѣ мужа ея.* Сей поучивъ ихъ по правиломъ святымъ закону Божию, она же послуша учения и наказания² внятнo и дѣломъ исполняше. Еще бо свекру и свекрови ея в животѣ сущимъ,* иже видѣвъше ю возрастомъ и всею добротою исполнену и разумну, и повелѣста ей все³ домовное строение правити³. Она же со смиреннемъ послушание имяше к нимъ, ни в чемъ не ослушася, ни вопреки глагола, но почиташе ѿ⁴ и вся повелѣнная ими непреткновенно⁵ совершааше, яко всѣмъ дивитися о ней и многимъ искушающимъ ю в рѣчах и во отвѣтѣхъ. Она же ко всякому вопросу благочиненъ и смысленъ отвѣтъ даяше, и вси дивляхуся разуму ея и славяху Бога. По вся же вечера довольно Богу моляшеся и колѣнопреклонения по 100 и множае, и, вставая рано, по вся утра такоже творяше и с мужемъ своимъ.

Егда же мужу ея на царскихъ службахъ бывающу лѣто или два, иногда же по три лѣта во Асторохани,* она же в та времена по вся нощи без сна пребывающи, в мольбахъ и в рукодѣлии, в прядиве и в пяличномъ дѣлѣ. И то продавъ, нищимъ цѣну⁶ даяше* и на церковное строение; многу же милостыню отай⁷ творяше в нощи, в день же домовное строение правяше. Вдовами и сироты, аки истовая мать, печашеся, своими руками омывая, и корьмя, и напаяя. Рабы же и рабыни удовляше⁸ пищею и одеждею, и дѣло по силѣ полагаше, и никого простымъ именемъ назваше,* и не требоваше воды ей на омовение рукъ подающаго,⁹ ни сапогъ разрѣшающа⁹, но все сама собою творяше. А неразумныя рабы и рабыни смиреннемъ и кротостию наказуя* и исправляше, и на ся вину отлагаше, и никого не оклеветаше, но всю надежду на Бога и на Пречистую Богородицу возлагаше и великого чюдотворьца Николу на помощь призываше, от негоже помощь принимаше.

Во едину же нощь, воставъ по обычаю на молитву без мужа, бѣси же страхъ и ужасъ великъ напушаху ей. Она же, млада еще и неискусна *тому*, убо-яся и ляже на постели, усну крѣпко. Увидѣ многу бѣсы, пришедша на ню со оружиемъ, хотяше ю убити, рекуще: «Аще не престанешъ таковаго начинания, абие¹⁰ погубим тя!» Она же помолися Богу и Пречистой Богородицѣ и святому Николѣ. И явился ей святой Никола, держа книгу велику,* и разгна бѣсы, яко дымъ бо исчезоша.* И воздвигъ десницу¹¹ свою, благослови ю, глаголя: «Дщи

¹ шестнадцати лет; ² наказа, наставления; ³⁻³ управлять домашним хозяйством; ⁴ их; ⁵ безотказно; ⁶ вырученные деньги; ⁷ тайно; ⁸ снабжала; ⁹⁻⁹ обувь снимающего; ¹⁰ тотчас; ¹¹ правую руку.

моя, мужайся и крѣпись и не бойся бѣсовскаго прещения¹: Христось бо мнѣ повелѣ тебе соблюдати от бѣсовъ и злыхъ чelовѣкъ!» Она же, абие от сна возбнув², увидѣ явѣ мужа, из храмины дверьми изшедъша скоро, аки молнию. И воставъ, скоро иде вослѣдъ *его*, и абие невидимъ бысть, но и притворь³ храмины тоя крѣпко заперть бѣше. Она же оттолѣ, извѣщение приемши, возрадовася, славя Бога, и паче перваго добрыхъ дѣлъ прилѣжаше.

Помалѣ же Божию гнѣву Русскую землю постигъшу за грѣхи нашы: гладу велику зѣло бывшу, и мнози от глада того помирааху. Она же многу милостыню отай творяше, принимаше пищу у свекрови на утренее и на полѣдненное ядение и все нищимъ гладнымъ даяше. Свекры же глагола ей: «Какъ ты свой нравъ премѣни! Егда бѣ *хлебу* изобилие, тогда не могахъ тя к раннему и полуденному ядению принудити. А нынѣ, егда оскудѣние пиши, и ты раннее и полѣдненное ядение взимаешь». Она же, хотя утаитися, отвѣща ей: «Егда не родихъ дѣтей, не хотяше ми ся ясти. И егда начахъ дѣти родити, обезсилехъ и не могу не ясти. Не точию⁴ в день, но и нощию множицею хоцетъ ми ся ясти, но срамляюся у тебе просити». Свекры же, се слышавъ, рада бысть и посылаше ей пищу довольну не точию в день, но и в ношь, бѣ бо у нихъ в дому всего обилно, хлѣба и всѣхъ потребъ. Она же, от свекрови пищу принимая сама, а не ядыше, гладнымъ все раздаше. И егда кто умирааше, она же наймаше омывати, и погребальное даяше, и на погребение сребреники даяше. А егда в селѣ ихъ погребяхуть мертвыхъ кого ни буди, о всякомъ моляся о отпущении грѣхъ.

Помалѣ же моръ бысть на люди силен, и мнози умирааху пострѣлом⁵, и оттого мнози в домѣхъ запираахуса, и уязвенныхъ пострѣломъ в домъ не пушаху, и ризамъ не прикасахуса. Она же, отай свекра и свекрови язвенныхъ многихъ своимъ руками в бани омывая, цѣляше и о исцѣлении Бога моляше. И аще кто умирааше, она же, многи сироты своими руками омывъ и погребальная возложъ, погребати наймая и сорокоустъ* даяше.

Свекру же и свекрови ея въ глубоцѣй старости во иноцѣхъ умершимъ, она же погребѣ ихъ честно. Многу милостыню и сорокоусты по нихъ разда, *и повеле* служити по нихъ литоргию,* и в дому своемъ покой мнихомъ и нищимъ поставляше во всю 40-цу* по вся дни, и в темницы⁶ милостыни посылаше. Мужу бо ея в то время на службѣ во Астарохани три лѣта и болѣ бывшу, она же по нихъ много имѣния в милостыню истроши, не точию в ты дни, но и по вся лѣта творя память умершимъ.

И тако поживъ с мужемъ лѣта довольна во мнозѣ добродѣтели и чистотѣ по закону Божию, и роди сыны и дщери.* Ненавидяя же добра врагъ тшася спону⁷ ей сотворити, часты брани воздвизашася въ дѣтехъ и рабѣхъ. Она же, вся смыслено и разумно разсуждая, смиряше. Врагъ же наusti⁸ раба ихъ —

¹ запрета; ² пробудившись; ³ сени, передняя; ⁴ не только; ⁵ от моровой язвы; ⁶ в тюрьмы; ⁷ препону, препятствие; ⁸ подстрекнул, подговорил.

и уби сына ихъ старѣйшаго. Потомъ и другаго на службѣ убиша. Она же в малѣ *еще* и оскорбися¹, но о душахъ ихъ, а не о смерти, но почти ихъ пѣниемъ, и молитвою, и милостынею.

Потомъ моли мужа отпустить ю в монастырь, и не отпусти. Но совѣщавшися вкупѣ жити, а плотнаго совокупления не имѣти. И устрои ему обычную постелю, сама же с вечера по мнозѣ молитвѣ возлегаше на печи без постели, точию дрова острыми странами к тѣлу подѣстилаше, и ключи желѣзны под ребра своя подлагаше, и на тѣхъ мало сна принимаше, дондеже² рабы ея усыпааху. И по томъ вставаше на молитву во всю ночь и до свѣта. И потомъ въ церковь вхожаше к заутрени и к литургии, и по томъ ручному дѣлу прилѣжаше и домъ свой богоугодно строяше. Рабы своя довольно пищею и одѣяниемъ удовляше и дѣло ко муждо по силѣ задавааше, вдовами и сироты печашеся и бѣднымъ во всемъ помагааше.

И поживъ с мужемъ 10 лѣтъ по разлучении плотнѣ, и мужу ея представльшуся, она же погребе ю³ честно и почти пѣниемъ и молитвами, и сорокоусты, и милостынею. И паче мирская отверже, и печашеся о душѣ, какъ угодити Богу, ревнуя прежнимъ святымъ женамъ, моляся Богу, и постяся, и милостыню безмѣрну творя, яко многажды не остати у нея ни единой сребреницы, и займая даяше нищимъ милостыню, и въ церковь по вся дни хождааше к пѣнию. Егда же прихождааше зима, вимаше у дѣтей своихъ сребреники, чимъ устроити одежду, и то раздая нищимъ. Сама же без теплыя одежды в зиму хождааше, в сапоги же босыма ногама обувашеся, точию под нозѣ своѣ орѣховы скорлупы и чрепие⁴ острые вмѣсто стелекъ подѣкладаше и тѣло томяше.

Во едино же время зима бѣ студена зѣло, яко земли разсѣдаться от мразя. Она же нѣколко время к церкви не хождааше, но в дому моляся Богу. Во едино же время зѣло рано попу церкви тоя пришедшу единому в церковь, и бысть ему гласъ от иконы Богородичны: «Шедъ, рцы милостивою Ульянѣи, что в церковь не ходитъ на молитву? И домовная ея молитва богоприятна, но не яко церковная. Вы же почитайте ю, уже бо она не меньши 60 лѣтъ, и Духъ Святый на ней почитеть». * Попъ же, в велицѣмъ ужасѣ бывъ, абие прииде к ней, падъ при ногу ея, прося прощения, и сказа ей видѣние. Она же ⁵тяжко внятъ⁵, еже онъ повѣда предъ многими, и рече: «Соблазнился еси⁶, егда о себѣ глаголеши. Кто есмь азъ, грѣшница, да буду достойна сего нарицания». И заклея его⁷ не повѣдати никому. Сама же иде въ церковь и, с теплыми слезами молебная совершивъ,* цѣлова икону Богородицыну. И оттолѣ болѣ подвижася к Богу, ходя к церкви.

По вся вечера моляшеся Богу ⁸во отходной хранинѣ⁸. Бѣ же ту икона Богородицына и святаго Николы. Во единъ же вечеръ вниде в ню по обычаю на

¹ поскорбела; ² пока... не; ³ его; ⁴ черепки; ^{5—5} с опасениемъ выслушала; ⁶ ошибся; ⁷ взяла с него клятву; ^{8—8} в уединенномъ помешении.

молитву, и абие бысть храмина полна бѣсовъ со всякимъ оружиемъ, хотяху убити ю. Она же помолися Богу со слезами, и явился ей святой Никола, имѣя палицу, и прогна ихъ от нея, яко дым исчезоша. Единого же бѣса поймавъ, мучаше. Святую же благослови крестомъ и абие невидимъ бысть. Бѣсъ же плача вопияше: «Азь ти многу спону творяхъ по вся дни: воздвизах брань в дѣтех и в рабѣхъ. К самой же не смѣяхъ приблизитися ради милостыни, и смирения, и молитвы». Она бо, безпрестани в руках имѣя чотки, глаголя Иисусову молитву.* Аще ядаше и пияше или что дѣлая,* непрестанно молитву глаголаше. Егда бо и почиваше, уста ея движастася и утроба подвизастася¹ на славословие Божие. Многожды видѣхомъ ю спящу, а рука ея чотки отдвигаше. Бѣсъ же бѣжа от нея, вопияше: «Многу бѣду нынѣ прияхъ тебе ради, но сотворю ти спону на старость: *начнеши* гладомъ измирати, не чюжихъ кормити». Она же знаменася крестомъ — и исчезе бѣсъ от нея. Она же к намъ прииде ужасна вельми² и лицемъ премѣнися. Мы же, видѣхомъ ю смущену, вопрошахомъ, — и не повѣда ничтоже. Непомнозе³ же сказа намъ тайно и заповѣда не реши никому.

И поживъ во вдовѣствѣ 9 лѣтъ, многу добродѣтель показа ко всѣмъ, и много имѣния в милостыню разточи, точию нужные потребности домовныя оставяше, и пищу точию годъ до года розчиташе, а избытокъ вся требующимъ растакаше⁴. И продолжися животъ ея до царя Бориса. В то же время бысть гладъ крѣпокъ* во всей Русстѣй земли,* яко многимъ от нужды скверныхъ мясъ и челоувѣческихъ плотей вкушати, и множество челоувѣкъ неизчетно гладомъ изомроша. В дому же ея велика скудость пищи бысть и всѣхъ потребныхъ, яко отнюдь не прорасте из земли всѣеное жита ея. Кони же и скоты изомроша. Она же моляше дѣти и рабы своя, еже отнюд ничему *чужу* и татьбе⁵ не коснутися, но елико оставшыя — скоты, и ризы, и сосуды — вся роспрода на жито, и от того челядь кормяше, и милостыню довольну даяше, и в нищетѣ обычныя милостыни не розстася, и ни единого от просящихъ не отпусти тща⁶. Дойде же в послѣднюю нищету, яко ни единому зерну остатися в дому ея. И о томъ не смятеся, но все упование на Бога возложи.

В то бо лѣто преселися во ино село в предѣлы нижеградъцкия,* и не бѣ ту церкви, но яко два поприща. Она же, старостию и нищетою одержима, не хожааше к церкви, но в дому молящися. И о томъ немалу печаль имяше, но поминая святаго Корнилия, яко не вреди его и домовная молитва,* и иныхъ святыхъ. Велицѣ же скудости умножьшися в дому ея. Она же распусти рабы на волю, да не изнурятся гладомъ. От нихъ же доброразсуднии обѣщахуся с нею терпѣти, а инии отъидоша. Она же со благословениемъ и молитвою отпусти я, не держа гнѣва нимало. И повелѣ оставшимъ рабомъ собирати лебеду и кору древяную, и в томъ хлѣбъ сотворити. И от того сама съ дѣтьми и рабы питашеся, и

¹ устремлялась; ² в сильном смятении; ³ вскоре; ⁴ раздавала; ⁵ воровству и грабежу; ⁶ с пустыми руками.

молитвою ея бысть хлѣбъ сладокъ.* От того же нищимъ даяше и никого *тица* не отпусти, в то бо время без числа нищихъ бѣ. Сосѣди же ея глаголаху нищимъ: «Что ради в *Ульянин* домъ ходите? Она бо и сама гладомъ измираеть». Они же повѣдаша имъ: «Многи села обходим и чистъ хлѣбъ возьмемъ, а тако в сладость не ядохомъ, яко сладокъ хлѣбъ вдовы сея». Мнози бо имени ея не вѣдаху. Сосѣди же, изобильни хлѣбомъ, посылааху в домъ ея просити хлѣба, искушающе ю. И такоже свидѣтельствующа, яко вельми хлѣбъ ея сладокъ. И дивися чловѣку к себѣ: «Горазди рабы ея печь хлѣбовъ!» И не разумѣюще, яко молитвою ея хлѣбъ сладокъ. Потерпѣ же в той нищетѣ два лѣта, не опечалися, ни смутися, ни поропта, и «не согрѣши ни во устахъ своихъ,¹ и не дасть безумия Богу¹».* И не изнеможе нищетою, но паче первыхъ лѣтъ весела бѣ.

Егда же приближися честное ея преставление, и разболѣся декабря в 26-й день, и лежа 6 дней. Въ день лежа моляшеся, а в нощи, вставая, моляшеся Богу, особъ² стояше, никимъ подѣдержима, глаголаша бо: «И у больного Богъ истязуетъ³ молитвы духовныя».

Генваря въ 2-й день, свитающу дню⁴, призва отца духовнаго и причастися Святыхъ Таинъ. И съдѣ, призва дѣти и рабы своя и поучая о любви, и о молитвѣ, и о милостыни, и о прочихъ добродѣтелях. Прирече же и се: «Желаниемъ возжелах* ангельскаго образа иноческаго, не сподобихся грѣхъ моихъ, нищеты ради, понеже⁵ недостойна быхъ, грѣшница сый убогая. Богу такъ извольшу, слава праведному суду его». И тутъ повелѣ уготовити кадило и фимиямъ положить, ⁶и цѣлова вся сущая ту⁶, и всѣмъ миръ и прощение дасть, возлеже и прекрестися 3-жды, обвивъ чотки около руки своя, послѣднее слово рече: «Слава Богу всѣхъ ради. „В руцѣ твои, Господи, предаю духъ мой”.* Аминь». И предасть душу свою в руцѣ Божии, егоже возлюби. И вси видѣвше около главы ея кругъ златъ, якоже на иконахъ околѣ главъ святыхъ пишется. И омывше, положыше ю в клѣтѣ, и в ту нощь видѣша свѣтъ, и свѣща горяща, и благоухание велие повѣваше ис клѣти тоя. И вложыше ю во гробъ дубовый, везоша в предѣлы муромския, и погребѣше у церкви праведнаго Лазаря подлѣ мужа ея, в селѣ Лазаревѣ за четыре версты от града, в лѣта 7112-го (1604) генваря въ 10 день.

Потомъ над нею поставиша церковь теплую⁷ во имя архистратига Михаила. ⁸Над гробомъ ея лучися печи быти⁸. Земля же возрасташе надъ нею по вся лѣта. И бысть в лѣто 7122-го (1614) августа въ 8 день преставися сын ея Георгий. И начаша въ церкви копати ему могилу в притворѣ между церковию и пещию, бѣ бо притворъ той без моста⁹, и обрѣтъше гробъ ея на верху земли цѣлъ, не врежденъ ничимъ. И недоумѣваху, чий есть, яко от многихъ лѣтъ не бѣ ту погребяемаго. Того же мѣсеца въ 10 день погребше сына ея Георгия подлѣ гроба

¹— и не роптала на Бога; ² самостоятельно; ³ требует; ⁴ на рассвете; ⁵ потому что; ⁶— и попросалась со всеми; ⁷ отапливаемую, зимнюю; ⁸ случилось так, что над ее могилой поставили печь; ⁹ без настила.

ея и поидоша в домъ его учредити погребателей. Жены же, бывъшыя на погребении, открыша гробъ и видѣша полнъ мира* благовошна, и в той часть от ужастии не повѣдаша ничтоже, по отшествии же гостей сказаша бывъшая. Мы же, слышавъ, удивихомся и, открывше гробъ, видѣхомъ такъ, яко и жены рѣша¹ от ужастии, начерпахомъ малъ сосудец мира того и отвезохомъ во градъ Муромъ в соборную церковь. И бѣ видѣти в день, аки квас свекольный, в нощи же сгуствашесе, аки масло богрянovidно. Тѣлеси же ея до коньца от ужастии не смѣхомъ досматрѣти, точию видѣхомъ нозѣ ея и бедра цѣлы суца, главы же ея не видѣхомъ того дѣля, понеже на коньцѣ гроба бревно пешьюе налегаше. От гроба же подъ пещь *бѣше* скважня², еуже гробъ той ис подпещья идяше на востокъ с сажень, дондеже, пришедъ, ста у стѣны церковныя. В ту же нощь мнози слышаху у церкви тоя звонъ и мнѣша пожаръ и, прибѣгше, не видѣша ничтоже, точию благоухание исхождаше. И мнози слышавше, и прихождаху, и мазахуся миромъ тѣм, и облегчение от различных недугъ приимаху. Егда же миро то раздано бысть, нача подлѣ гроба исходити перьсть³, аки пѣсокъ. И приходять болящии различными недуги, и обѣтираются пескомъ тѣмъ, и облегчение приемлютъ и до сего дня. Мы же сего не смѣхомъ писати, ⁴яко не бѣ свидѣтельство⁴.*

От части чюдесъ праведныя Улиянии

И прииде от града Мурома чловѣкъ именемъ Иеремий Червевъ съ женою. И приведе с собою двое дѣтей — сына именемъ Андрея и дщерь дѣвицу. Оба больна: из рукъ и из ногъ кровь течаше, и из голень и из ручныхъ лактей. И пѣвъ молебень и понахиду, и от гроба святыя пескомъ отре. И абие в той часть облегчися болѣзнь их. Егда же принесе ихъ в домъ свой, нападе на ня сонъ, и спаху день да нощь. И воставше от сна, начаша рукама своима креститися, а преже того не можаху и ко устомъ донести болѣ двою лѣтъ. Язвы же ихъ исцѣлѣша единою недѣлею. А инии мнози исцѣлѣвъшеи тоятъ чюдеса, бояшесе осуждения. Всего же болѣ от тресавицъ⁵ изцеление приемлютъ.

И оградихомъ гробъ той дсками околѣ его менши пяди на всѣ страны. Иногда видѣхомъ к правой странѣ приклонився верхъ гроба того, а иногда — к лѣвой. И о семъ дивихомся, последи же разумѣхомъ, яко возрасташе земля подъ гробомъ тымъ и тако помалу кверху подвизашесе. И бѣше вода приходя около гроба ея, и о семъ ужасохомся, яко мѣсто бѣ высоко. И явися блаженная во градъ Муроме в девичьѣ монастырѣ дщери своей инокъ Феодосиѣ, повелѣ вынати ся из земли. Она же пришедъ, подня гробъ ея мало и подложи под него дику дубову. Оттоль же и донынѣ вода не приходить.

¹ сказали; ² отверстие; ³ прах; ^{4—4} так как не было церковного освидетельствования чудес; ⁵ от лихорадки.

Человѣкъ именемъ Иосифъ деревни Макаровы, боляше зубы, яко многи дни ему не ясти, ни спати. И хотя от велиа болѣзни удавиться. И глагола ему жена ити к рацѣ блаженныа Ульянѣи. Онъ же послуша ю, прииде единъ в полднѣя и помолвися, отре пескомъ болящыа зубы. И абие ощути облегчение, и пришедъ в домъ свой, усну. И убудився ничимъ не вреждень, и поиде на дѣло съно същи.

Во едину же ночь загорѣся село то. И обьятъ *огнь* 4 двора средня, бѣша бо соломою крыты. И воста буря велиа, и уже огню к церкви приближающуся. Азь же едва возмогъ от зноя вскочити въ церковь и похвативъ перьсти¹ от гроба ея обѣма рукама. И явися в рукахъ моихъ аки вода, и вверьгохъ во огнь противъ вѣтра, такоже и съ другия страны пожара. И абие вѣтръ возвратися въспять и нача свиватися кругомъ, и двѣ храмины, сущыя от края, угасихомъ. А по обѣ странѣ по 4 двора, такоже вкупѣ саломою покрыты, соблюде Богъ от огня невреждены молитвою святыа.

Соборныа церкви попа Михаила поподия лежа въ болѣзни 5 мѣсець. И отпѣвъ молебень и понахиду, и воду святывъ, и пивъ, и отреса пескомъ от гроба святыа. И абие бысть здрава, аки не болѣвъ николиже.

Деревни Пансыревыа человѣкъ именемъ Иосифъ разболѣся, и боляше горло, и не можаше глаголати, но едва перстомъ указываше. И даша ему воды с мощей святыа Ульянѣи, и абие в той часъ здравъ бысть и нача глаголати ясно, яко николиже болевъ.

Села Лазарева христианка Фекла бѣсом одержима много время. И приведоша ю к рацѣ святыа, и молебень пѣвше. И бысть здрава и смыслена.

Деревни Гороховыа нѣкая жена слепа бѣ много время, не видя отнюдъ нимало. И приведена бысть к рацѣ святыа, и пѣвъ молебень — в той часъ прозрѣ, аки николиже болѣвъ, отиде в домъ свой, славя Бога.

Деревни Колединаа человѣкъ именемъ Климентъ боляше ногою: бысть язва, зовомая пострѣль, еюже мнози умирааху, бѣ бо в то время на скоты по вѣтрие велико. И бысть недугъ той к смерти. Онъ же, слышавъ чудеса преподобныа Ульянѣи, отчаявся живота и повелѣ вести ко гробу ея. И молебная совершивъ, отре пескомъ и въскорѣ получи здравие, очистися от язвы.

Села Корочароваа человѣкъ именемъ Селивестръ бысть разслабленъ² три лѣта. И привезенъ бысть в село Лазарево, и, совершивъ молебная, отреса пескомъ, и вскорѣ исцѣление получи, и отиде радуяся.

Деревни Подъболотьяа человѣкъ именемъ Андрей бѣ разслабленъ и горбать, не могъ въсклонитися два лѣта. И прииде к праведной Ульянѣи и, совершивъ молебное, отреса пескомъ и святою водою окропился, — въскорѣ исцѣление получивъ, прослави Бога.

¹ праха; ² был парализован.

Града Мурома с пасаду Матфея Черкасова* раба именемъ Мария бѣ слѣпа, не видя нимало. И приведѣше ю к рацѣ святыя Ульянѣи, и совершивъ молебная и понахиду, и абие вскорѣ исцѣление получи, отиде в домъ свой, радуясь о себѣ, и на пути начя ягоды и грибы брати, аки николи болѣв.

Нѣкий отрокъ младъ, яко 10 лѣтъ, слѣпъ и разслабленъ, немощно и на другую страну обратитися ему; принесенъ бысть к церкви Архангела Михаила, и совершивъ молебная, абие прозрѣ и узрѣ свѣща горяща. И болѣзнь его облегчися, и по малѣ дний воста здравъ, прослави Бога и святую.

Села Лазарева церкви Архангела Михаила клирикъ именемъ Феодоръ, и лучися болѣзнь женѣ его Агафии: десная рука отъяся, и не може ея двигнути нимало. И явися ей во снѣ блаженная Ульянѣя, глагола: «Иди въ церковь Архангела Михаила и приложися ко иконѣ праведныя Ульянѣи. И есть у тебе во ономъ мѣстѣ двѣ сребреници». И показа ей мѣсто, гдѣ лежать, и повелѣ ей дати попу, да приложитъ ко образу ея. Она же сотвори тако, и слушавъ молебна и понахиды, пивъ святую воду и отресе пескомъ, и абие въ той часъ исцѣлѣ, и прослави Бога и святую Ульянѣю, отиде радуясь.

Села Лазарева нѣкая жена именемъ Фекла, Артемьева жена Мартьянова, боляше очима зѣло. И приведѣше ю въ церковь, и совершивъ молебная, и омыся святою водою и вскорѣ, исцѣление получивъ, прослави Бога и святую Ульянѣю.

Сынъ боярский именемъ Феодоръ, прорекломъ Пансыревъ, лежа в болѣзни боле года воднымъ трудомъ¹ и чревомъ, понос безпрестани афендромомъ² идяше. И привезоша к нему песку от гроба святыя Улиании и святыя воды. И егда испи святыя воды и треса пескомъ, абие в той часъ отокъ отпаде и поносъ закрѣпился.

Сынъ его именемъ Симеонъ ума изступи много время и, пришедъ, сверши молебная, абие в свой умъ возвратися и бысть здравъ до сего дня.

Муромецъ дворенинъ Стефанъ Скрыпинъ, обѣ руцѣ его больны бѣста, не владѣ ими много время. И приѣхавъ к мощемъ святыя Улиании, и молебная совершивъ. И егда священникъ прочте Евангелие, онъ же приложився, получи исцѣление, нача креститися и отиде здравъ, радуясь и славя Бога.

Московский дворянинъ Иосифъ Ковковъ* разболѣся великою болѣзнию, яко живота отчаются. И присла слугу своего Аникиа, и совершивъ молебная, и вземъ святыя воды и песку, и пивъ ю, и омывся, и пескомъ отресе — абие здравъ бысть. И получивъ исцѣление, прииде пѣшъ своима ногама, и приложи ризы поповския к церкви той, славя Бога.

154-го (1645), сентября въ 1-й день. Исцѣли Богъ Михаила Яковлева сына Мелникова, одержимъ бяше бѣснымъ недугомъ³.

¹ водяной; ² через задний проход; ³ буйством, сумасшествием.

155-го (1646), октября въ 19 день. Прикладныя копейки позлащенные тати покрали от образа и на улицѣ изренили. Всѣ цѣлы, только не объяви Богъ, кто кралъ.

157-го (1649), мая во 8-й день. Везниковъския области жена нѣкая именемъ Елена, прозвищемъ Васильевы, во младыхъ лѣтѣхъ была слѣпа годъ и ко многимъ прощамъ и святымъ мѣстамъ приходила молитися.* И впади ей во умъ о праведной Ульянѣи: итти в село Лазарево приложитися ко гробу ея и молебная совершити. И в томъ часѣ начать видѣти. И прииде к преподобнѣй здрава, яко николиже болѣвъ. И пребысть в Муроме два лѣта, приходя на память ея и погребение, молебная исправляя.

ПОВЕСТЬ О МАРФЕ И МАРИИ

СКАЗАНИЕ О ЯВЛЕНИИ ЧЮДОТВОРНАГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ,
ИЖЕ ЕСТЬ В МУРОМСКОМ УЪЗДЕ.
СПИСАНО ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ МОИСЪЯ,
АРХИЕПИСКОПА РЯЗАНСКОГО И МУРОМСКОГО*

Благослови, отче!

¹Понеже убо мнози слышавше, ²нѣщыи же вѣдуще и зряще² о чюдотворномъ крестѣ Господне, иже из древних лѣтъ и до дньсь пребываетъ во области града Мурома, многа содѣвая³ преславная чюдеса и исцеления, сего ради мнози от нихъ, воспалившесе желаниемъ и вѣрою влекоми, ⁴ищутъ увѣдети⁴, откуда и како обрѣтесе⁵ той бесцѣнный бисеръ⁶, и вопрошаху самѣхъ служителей того чюдотворнаго креста. Они же о сем ⁷ничтоже извѣстно рекоша⁷, зане убо многимъ лѣтомъ претекшимъ, еще же и многа ради иноплеменныхъ нашествия на страну ону, паки же и частого ради татарского распленения древняя изгибоша писания, в кия лѣта и при коихъ содержателехъ⁸ быша сия, но токмо на малей хартице⁹ просторѣчимъ, якоже поселяне¹⁰ написано, держаху памяти ради.

¹¹Сице убо от многихъ лицъ о томъ бываху иереемъ тѣмъ истязания¹¹ на многа времена. И тако тии служители ¹²стуживше зазрѣша себѣ о семъ, абие припадаютъ¹² ко архиерею града своего, просяще молитвы от него и благословения изыскати на дѣло сие, еже и бысть: да негли како обрящутъ мужа, могуща повесть сию о чюдотворнемъ крестѣ Господне ¹³благохитростне преписати¹³, аки нѣкую златотканную пленицу¹⁴ словесне украсити, елико возможно, Богу ему поспешествующу.

¹⁵И тако убо не вѣмъ, что ради симъ изволися оставити мнозѣхъ премудрейшихъ на дѣло сие и достойнѣйшихъ¹⁵, якоже нѣгде речеса, «оставльше источников, к суху потоку приидоша, и, оставльше главу, к ногамъ бесѣдовати изволиша». Сице убо понуждаютъ мое недостойнство, ¹⁶не вѣдуща ни десна, ниже шуя¹⁶, но токмо греху присно¹⁷ прилежаща, еще же и мирскими всячески суетами оплетшася, груба¹⁸ суща и витийския бесѣды ничтоже свѣдуща. Мнѣ убо,

¹—¹ так как; ²—² некоторые же знали и видели; ³ совершая; ⁴—⁴ стремятся узнать; ⁵ появился; ⁶ здесь: сокровище; ⁷—⁷ ничего определенного сказать не могли; ⁸ правителях; ⁹ грамотке; ¹⁰ простолюдинами; ¹¹—¹¹ таким образом, многие расспрашивали об этом священников; ¹²—¹² осознав свою вину в этом, незамедлительно обращаются; ¹³—¹³ искусно написать; ¹⁴ плетеное украшение; ¹⁵—¹⁵ и не знаю, почему выбрали они меня, оставив многих, более мудрых и достойных для этого дела, чем я; ¹⁶—¹⁶ не знающего где право, а где лево; ¹⁷ всегда; ¹⁸ необразованного.

грѣшному, исперва много отрицающуся толикыя дерзости дѣлу сему прикоснутися, понеже убо выше силы и сана моего, еще же и за немощь и недостаточество ума моего. ¹Сии же многорачителне не преслушати ми ся прилежаху¹ и честнаго креста оного самого силу в помощь на се быти ми предглаголаху. Аз же, окаянный, от обою содержимъ бѣхъ, страхом и радостію, понеже бо стѣрах за достоинство претит ми глаголати, радость же и любви влечет мя вѣщати. Но обаче² возложих надежду на Бога, рекшаго: «Просите и примите, ³толцые и отверзется³ вамъ», * всякъ бо, рече, — ⁴«просяй — примет и ищай — обретает»⁴, * и паки рекъ, яко: «Не можете без мене творити ничесоже». * И тако убо к сему со въздыханием припадая, рекох сице: «Милосердѣ буди ми, Владыко, и прости мою дерзость о нихже хошу глаголати, недостойны устнѣ имый и мысль непотребну». Рекох от сердца: «Ты убо, наставниче премудрости и смыслу давче, немудрым наказателю и нищим защитителю, утверди и вразуми сердце мое, Владыко! Ты даждь ми слово во отвержение устѣ моих, иже Отчее едиnorodное Слово, и содѣйствуй ми силою креста твоего, якоже нѣкогда немому повелѣ глаголати и глухому слышати». * И тако прострох греходѣльную мою руку и яхся⁵ по дѣло сие, о немже нам слово. ⁶Но убо небшую, аще и слово небытію покрывшу того славу, иже от лѣтъ прием помощь, якоже преже рѣх, к невѣденію препущаше недобре и многие ползы отщетеваше ны⁶. ⁷Аще убо маргаритом от своих скал не производимом, кому тѣхъ добра познаваетца?⁷ И злату во своих флевахъ⁸ лежащу, киним очесемъ того блистание будет? Тако и мы, изряднее нынѣ от глубины забвения и молчания восторгшеса, мало нѣчто о явлении чудотвориваго того креста хошем побесѣдовати, елико возможно есть, а о летѣхъ и о временнѣх, якоже преди рекох, да не зазритъ ваша святыни, не обрѣтшу ми, но едино се, иже суть ни от человекъ, ни человеки, но самѣм Тѣмъ, изволившем распятися спасения ради человеческого, послася сице.

Бѣша убо в прежняя времена двѣ дѣвы, сестрѣ сущи, дщеря нѣкоего мужа благочестива от дворянска рода; имя единой Марфа и имя вторѣй Марія. По времени же возраста ея даны бѣша на бракъ благовѣрным мужемъ от пресловущихъ⁹ градов, еже есть Рязани и Мурома: Марфа убо мужу нѣкоему от честна¹⁰ рода рязанские земли, именем Иванну, но зело небогату; Марія же мужу от племяни нарочита¹¹ земли муромския, имянемъ Логвину, богатством же преизобилующу, аще и не зело велика суща рода. ¹²О отечествии же имян ею и прослытия роду¹² не повѣдано ми бысть.

¹—¹ они же настойчиво упрасивали меня не отказываться; ² однако; ³—³ стучите и откроется; ⁴—⁴ «просящий — получает, ищущий — находит»; ⁵ взялся; ⁶—⁶ но и тогда, думаю я, если и слово не раскроет всю его славу, которая с годами померкла, как я уже сказал, это приведет ко многим заблуждениям и пользе дела нашего повредит; ⁷—⁷ если жемчужины не вынуть из их раковин, кто узнает о их красоте?; ⁸ жилах; ⁹ преславных; ¹⁰ знатного; ¹¹ известного; ¹²—¹² об именовании же их по отцу и происхождении рода.

Та же по нѣкоемъ времени Иванну и Логвину случися има снитися¹ к сродникам жену своею. Егда же приспѣ время вечери быти, бысть между има пря² о сѣдени мѣста: * Иванну убо хотящу первосидѣния честнаго ради отечества своего, такожде и Логвину желающу богатства ради своего. И таковаго ради начинания и гордости своея — вина³ бысть разлучитися има от себе, не помянуша бо реченнаго Господемъ: «Егда званъ будеши ким на бракъ и на вечерю, шед не сяди на преднемъ мѣсте» и прочая, и паки: «Иже хотяй в вас болий быти, да будетъ послѣдний» * и прочая. И апостолу глаголющу: «Иже высоко в человецех, мерзость есть пред Богомъ». * И за сию убо вину не токмо сии едини разлучастя друг от друга, но и женама своима между себе до смерти своея изволиша ни писани⁴ ссылатися.

По нѣколицех же лѣтах, якоже последи рекоша, случися Божиим судом преставитися Иванну и Логвину во единъ день и во единъ часъ. ⁵Женама убо ею⁵, Марфе не свѣдомо бысть про Логвинову смерть, Марии же про Иванову смерть. Тогда же убо по лишании мужу своею вступившема ся има сестра по сестрѣ. И рече болшая сестра Марфа к себѣ сице: «Шедъ, посещу аз зятя своего Логвина и поклонюся ему и сестру свою да вижду. И, аще будетъ зять мой призритъ⁶ на мое смирение, аз же потшуся в дому его и пребывати. Аще ли презритъ⁷, аз же, токмо с сестрою си созрѣвша⁸ и прощения получивши, восвоя возвращуся». Такожде и меньшая сестра Мария рече в себѣ: «Иду к зятю Иванну. Поклонившася ему, с сестрою ся узрю. И аще зять мой приятелствен ми явится, и аз от имѣния своего удоволю его, и он такоже, яко и муж мой, богат и славен будет по своему достоинству». И тако поидоста сестра к сестрѣ.

И по Божию изволенію снисхастася на пути бѣлиз града Мурома и ста⁹шася к себѣ⁹. Тогда пославъ меньшая сестра слугу своего извѣстно испытати, кто есть ста ту: «Егда ли будет кая, рече, жена, и мы вкупе снидемся. Аще ли будетъ мужескъ пол, и мы вдале отидем». И шедъ слуга ея и вопросы тѣхъ: «Къто сим путемъ грядетъ?» И отвѣщаша ему: «Идет вдова к сестрѣ своей». И, пришед, слуга возвести сия госпожѣ своей. И госпожа его рече: «Добре убо нама снитися вкупе!» И тако сошедшеся и поклоншема ся друга друзѣ, в лицехъ же своих не познастася, яко бѣша сестрѣ. И восхотѣвшима вопроситися има между себѣ о отечествии и сродствѣ своемъ. И рече болшая сестра к Марии: «Госпоже моя! Кто ты и откуда еси?» И отвѣщавше Мария къ сестрѣ своей Марфе: «Аз многогрѣшная, имя ми есть Мария. Ъду к сестрѣ своей Марфѣ». Сице же вопросы и Мария Марфы: «А ты, госпоже моя, кто и откуда еси и что ти есть имя?» И отвѣща Марфа к Марии: «Аз же многогрѣшная Марфа. Ъду к сестрѣ своей Марии». И тако познастася во отечествии, яко сестрѣ бѣша, такоже и о смерти мужу своею известистася. Тогда начаша сии между себѣ лобзани-

¹ сойтись; ² спор; ³ причина; ⁴ письмами; ⁵⁻⁵ женам же их; ⁶ примет; ⁷ отвергнет; ⁸ по-
видавшись; ⁹⁻⁹ отдельно, сама по себе.

ем любезным целоватися, якоже обычай им бѣ, и плакатися о мужу своею, занеже жиста не в совѣте между себе, по смерть свою ни съѣзжахуся, еще же ни писанием изволиша ссылатися. И елико бо по мужу своею плачущесе, ¹сугубейши сего ради себе за многовременное между себе незрѣние и безсовѣтне. И едва мало от плача преставше, порадовашася о Бозѣ и благодариста того, яко не лиши ею спребывания² на кончине вѣка ею. И ту представити повелѣста себѣ трапезу и ядше пиша³ в славу Божию и веселистася. И по вечери сей успоша на мѣсте том.

И въ тонце снѣ явися има ангель Господень, глаголя Марфе и Марии коейждо особь на имя: «Господь посла к тебѣ злато по вѣре твоей к нему», такоже и другой: «сребро». Злато же убо даде Марфе, сребро же Марии. И повелѣ в златѣ крестъ Господень устроить, в сребрѣ же ковчегъ⁴ кресту сковати. Вдати же оно повелѣ има, ⁵иже заутра преже идущимъ человекомъ путемъ симъ⁵. Слышаста же сия, аки наявѣ мнящемася, взявше и ввивше⁶ каяждо злато и сребро в зарукавие си. И егда же има возбнувшимъ⁷ от сна, исповѣда Марфа сестрѣ си Марии виденное, такожде и Мария Марфѣ возвести от ангела явлшееся има закупѣ одинако. Тогда восхотѣста си увѣрити видѣние, аще истинна суть, и абие обретосте в зарукавие си Марфа убо злато, Мария же сребро. И возрадовастася о предивномъ томъ видѣнии, паче же Божии даровании, и слезы от радости испустивше, Богу благодать воздаяху, и печастеся⁸ о семъ, како бы има повелѣнное от Бога сотворити.

Во утрии же день узрѣвше грядущихъ мимо путемъ тѣмъ трехъ мужей во образе инок и возвасте къ себѣ сих и возвестисте имъ вся о себѣ бывшая, еже от ангела има во снѣ видѣние и како приясте от него во снѣ злато, содѣлати крестъ Господень, сребро же сотворити кресту ковчегъ, отдати же сия во устройство человекомъ, заутра первошествующимъ путемъ симъ. Слышавше же чаемии⁹ иноцы от нею глаголы сия и рекоша к нима: «Не скорбита о семъ, мы сего ради дѣла к ваю приидохом!» Тогда Марфа и Мария отдасте старцемъ тѣмъ в злате слити крестъ Господень, в сребрѣ же кресту ковчегъ устроить. И тако мними иноцы, взявше от рукъ сестру злато и сребро, отидоша от очию ихъ. Сестрома же Марфе и Марии дошедшема града Мурома и ту обитаста в дому си.

Слышавше же ближницы¹⁰ и сродственницы пришествие ею, сошедшеся к нима, начаша о преже бывшихъ има и мужию ихъ и скорбѣти и сѣтовати. Еще же и самѣма плачущемася за безсовѣтное и несогласное между себе житие, паче же вдовства и сиротства. Та же возвестиста о себѣ сродникомъ своимъ, како подвижшимася *коейждо от себе в путь к сестрѣ си, не согласившимася*, ¹¹ниже сославшимася¹¹, и како сретостася на пути, идѣже и пѣрславное оно видѣние

¹—¹ более того; ² побыть вместе; ³ пили; ⁴ ларец; ⁵—⁵ кто первым пойдѣт утромъ этой дорогой; ⁶ завернувшѣ; ⁷ пробудившимся; ⁸ заботились; ⁹ ожидаемые; ¹⁰ близкие;

¹¹—¹¹ не сговорившись даже, не списавшись.

ото анггела видеша во снѣ, дающа има злато — сотворити крестъ Господень, сребро же — устроити ковчегъ кресту, и заутра прежешествующимъ человеком, еже и отдаша има на пути, и все по ряду, еже преже написася. Слышавше же сия, ужики¹ ею вознегодоваша и рѣша к нима: «То како сицево сокровище, паче же Божие дарование, с небрежением отдаста, а не вѣсте² кому! Или не чаясте здѣ обрести златаря³, в семь велицем и многонароднемъ граде, на устроение Божия делеси⁴!»⁵ Сице истязующе ею⁵. Онѣма же отвещавшема к нимъ: «Иже явився и давыи нама злато и сребро, имже повелѣ отдати сотворити дѣло Божие, отдахом».

Бѣ же тогда собравшеся к нима не ѣдины сродницы ею, но и от нарочитых града, боляръ же и дворян, вопросиша о мѣсте том, идѣже явился чудное видѣние то, и злато и сребро обрѣтеся има, да идуць тамо. Та же собравшеся множество людей и совещавшеся убо тамо итти.

Поемше же с собою Марфу и Марию и приидоша на мѣсто оно. И совѣтъ сотвориша твердо: со тщанием и всякою быстрою послати на всѣ страны по путем и малым стезямъ коегождо господина с чюжим рабом и раба с чюжим господиномъ на взыскание старцовъ онѣх: да аще кии от нихъ тѣхъ старцов со златом и сѣребромъ обрящуть, и ничтоже скрыто или утаено от сихъ сотворят. Сице убо им урядившем и уже хотяху вскоре теши⁶ на взыскание инок тѣхъ.

И абие⁷ узрѣвше нѣцыи юноши трех инокъ, несуще крестъ Господень, в злате устроен, и ковчегъ, в сѣбрѣ сотворен, и вѣложи юношам тѣмъ в сердце искони ненавистный Сатана восхитити от рукъ старчихъ богодарованное сокровище сѣ, и уже окаяннии коснутися хотящу, старцы же рекоша имъ: «Человецы, отидите, отнюду⁸ же приидосте». Тогда же в той часъ узрѣвше со онема сестрама Марфою и Марию муромстии градожителіе триех старцов, грядущих и несущих крестъ Господень, и възбраниша неистовству отрокъ онѣхъ, сами же устремилася на стрѣтение честнаго креста, несомаго от старцов, да с честію великою примут его.

Мнимии же старцы дошедше к сестрама и рекоша: «Марфо и Мария! Иже убо в видѣнии от анггела данное вама злато и сребро, еже вдасте намъ во устроение креста Господня и ковчега ему, се по вѣре ваю⁹, паче же повелѣнием Божиимъ в том злате сей животворящий крестъ Господень сотворен, в сѣбрѣ же ковчегъ кресту содѣлан. Примѣста си на спасение и на благоденствие, миру же всему на исцеление недугом и разрешение страстем и бесом на прогнание». Та же сродницы тою и вси пришедши с нима на взыскание тѣхъ инок вопросиша их: «Гдѣ убо, отцы святіи, бысте и откуда приидосте сѣмо?» Мнимии же иноцы рекоша: «Во Царѣградѣ быхом». И паки вопросиша их: «Господіе, колико

¹ родственники; ² не знает; ³ золотых дел мастера; ⁴ дела; ^{5—5} так укоряли их; ⁶ ехать, пуститься; ⁷ и вдруг, неожиданно; ⁸ откуда; ⁹ вашей.

время идосте от царствующаго града, еже есть ис Костянтинополя?» Сим же рекшимъ: «Се убо третій *есть* час отнележе¹ изыдохом». Слышавше же сия, удивишася вси, тогда сущии ту, начаша молити их, да причастятца брашну от трапезы их. Отвещаша же им непщуетии² старцы: «³Нъсмъ бо ядушии, ниже пьюшии³, но убо вам благоволи Богъ в славу свою питатися от сихъ». И, се рекше, невидими быша от нихъ. Тогда убо познавше Марфа и Мария с сродники своими и со градоначалники, яко и тии, от Бога посланнии во образе инок, анггели суть. И воздаша хвалу Богу, творящему дивная и преславная чудеса.

По сихъ же убо восхотѣвшима сестрама Марфѣ и Марии совѣтъ сотворити и совопроситися со ужиками и с сродники своими о семъ, да гдѣ убо има поставитъ той святой животворящий крестъ Господень молитися: в дому ли си, или в церкви Господне. И бысть има видѣние от чудотворнаго креста Господня во снѣ, глаголя: «Поставите мя во святилище Божии в церкви архистратига Михаила честнаго его Собора на погосте, иже есть в мале отстоящъ от пути мѣста сего, яко с поприще едино». Марфа же и Мария возрадовастеся о видѣнии, яко не презрѣ Господь желанія ею. Тогда дошедше со тщанием церкви тоя и поставиша той святой и животворящий крестъ Господень в предиреченной церкви архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных честнаго их Собора, иже бѣ во уѣздѣ града Мурома, яко ⁴двадцати и пяти поприщъ⁴ града не достигши, пребывание имѣя во Унжеском стану на рекѣ Унже,* идѣже подает благодатию Христовою бесчисленная *чудеса* и исцеления приходящимъ к нему с вѣрою.

По сихъ же убо оныя благочестивыя двѣ женѣ, Марфа и Мария, начасте к чудотворному оному целбоносному⁵ кресту притичуще⁶. И не сии убо едины, но и всего града Мурома всенародное множество с великою вѣрою прибегая; паче же различными болѣзными одержимии прикасахуся, вскоре исцеление приемлюще, благодаряше Бога, в дома своя отхождаху.

Проходждаше повсуду слава о немъ, любить бо таковая сихъ з дерзостию притицати и скорѣе крылатых обноситца, еже и до царствующаго града Москвы самодержцем в слухи внидоша, и сердца тѣхъ к честному оному кресту вѣрою воспалистася и, з желаниемъ приемлюще сего, целоваху. Сего ради обыкоша и служители тоя церкви даже и доднесь по вся лѣта приносить того в царствующий градъ Москву к державнымъ и в благочестии сияющим царемъ и святителемъ и всему православному христіянству на освящение душамъ и на отгнание страстемъ *и на* исцеление телесемъ от различных недуговъ.

Тѣмъ же мы, братие, возрадуемся о явлении креста Господня, днесь и веселуемся о обрѣтении креста Христова, днесь Владычень крестъ от небесных вѣстникъ приносится, днесь бо крестъ не рукотворенный, но богосодѣланный

¹ с тех пор как; ² предполагаемые; ^{3—3} мы не едим и не пьем; ^{4—4} двадцать пять верст;

⁵ исцеляющему; ⁶ приходить.

человѣкомъ даровася. Сего пріятию, радующеся, празнуемъ. Сего обрѣтению мы, веселящеся, торжествуемъ: днесь бо паче солнца многоразличными чудеса в Муромстем граде осия и всю Рускую землю просвети, днесь святая церькви, аки гривною, златымъ крестом Господним украшается.* Людие же, с вѣрою и любовию сего целующе, душами и телесы вкупе освящаются. Како убо мы, убозии, исполнени греха суще, возможем по достоинству кресту Господню похваляти принести или похвалити? Но токѣмо с вѣрою и сердечною любовию вопити: «О великия креста силы, коликих благъ сподобихомся, яко от толика мерзости и тьмы заблужения род человѣческий призва, и от смерти на животъ возведе, и от тля на нетѣльние приведе! Не к тому бо очи мысленнии невѣдения мраком покрываютьца, но креста ради свѣтом разумнымъ просвещаются, сия креста ради исправления, сия нам креста ради дарования. Кое ли исцеление не креста ради содѣяся? Креста бо ради благочествовати навыхом¹ и благодать Духа Святаго пріяти сподобихомся. Что убо креста честнѣйши, что же ли сего душам нашим полезнѣйши? Да не убо постыдимся, крестъ Господень именующе, но со всяцем дерзновением той исповѣдающе, имже и звани быхом во спасение и в вѣчную жизнь, еяже буди получитьи всѣм нам о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, емуже слава со Отцем и с пресвятым благим и животворящим Духом нынѣ и присно и во вѣки веком. Аминь».

---

¹ научились.

ПОВЕСТЬ О ЧУДЕСАХ ВИЛЕНСКОГО КРЕСТА

ПОВѢСТЬ О ЧУДЕСѢХЪ ЧЕСТНАГО И ЖИВОТВОРЯЩАГО
КРЕСТА ГОСПОДНЯ, ИЖЕ ВЪЗЯТЬ В ЛИТОВСКОМЪ ГРАДЕ ВИЛЬНЕ
СЫНОМЪ БОЯРСКИМЪ АРЗАМАСЦЕМЪ ВАСИЛИЕМЪ СЕРГИЕВЫМ
СЫНОМЪ МИКУЛИНЫМ И ПРИНЕСЕН ВО ГРАДЪ МУРОМЪ,
ИЖЕ ИЗВОЛИЛЪ БЫТИ В ТРОИЦКОМ ДѢВИЧЬЕ МОНАСТЫРѢ*

В лѣта 7166-м (1658) году въ июль мѣсяцъ въ субботный день в Муромѣ гостинной сотни торговой человѣкъ Богдан Борисов сынъ Цвѣтновъ,* — того дня прилучилося ему итти от церкви Божии от вечерняго пѣнія¹ ко двору своему. И какъ будет онъ, Богданъ, противъ улицы своей, по обычаю обратися к соборной церкви помолитися, и противъ улицы его, Богдана, седящу человѣку. И увидя его, той человѣкъ пошелъ за нимъ в улицу, и, постигши ево, остановилъ и вынулъ из шапки оболочень въ бумагѣ крестъ поклонной, скованъ в сребрѣ, позлащен, с камениемъ и жемчугом украшенъ,* и той крестъ даетъ ему, Богдану: «Прими сей животворящий крестъ, ибо изволилъ онъ у тебя быти». И онъ, Богданъ, не принявъ креста, вопроси ево, коего града, и какова чину, и кто именем. И тотъ человѣкъ ему, Богдану, сказалъ про себя: «Я де града Арзамаса, сынъ боярской, зовутъ Василиемъ, Сергѣевъ сынъ Микулинъ».* И онъ, Богданъ, усумнѣвся, — ²не искус ли какой хошетъ учинить надо мною², — и спросилъ, что сей за крестъ. И онъ, Василей, учаль ему, Богдану, сказывать съ великими слезами:

«В прошломъ, де, во 165-м (1657) году, какъ великому государю Богъ поручилъ взять литовский град Вилну,* а я тутъ же былъ на службѣ. И какъ вошли в тот град многия люди воинския, и вошли в литовскую церковь, такожде и я вошелъ, хотя что взяти, — и до мене все побрано, толко де увидель: лежит на помосте церковномъ сронень сей животворящий крестъ. И я ево поднялъ и привезъ его в Арзамаской уѣздъ к себѣ в домъ. И стоялъ сей животворящей крестъ въ клетѣ моей по то время, какъ в нынѣшнемъ 7166-м (1658) году по указу великаго государя нашу братью учили высылать на службу. И какъ я сталъ убираться³, и слышу в просоньѣ к себѣ таковъ гласъ: „Василей, возми сей крестъ и отвези ево из дому своего во градъ Муромъ и отдай Богдану Цвѣтнову: изволилъ онъ животворящий крестъ быти в Муроме в девичье монастырѣ в церкви Живоначалныя Троицы”. И я не поверилъ тому, поставилъ в сонное мечтание⁴. И послѣ того во

¹ с вечерней службы; ²—² не хочет ли ввести меня в искушение; ³ собираться; ⁴ принял за сон.

вторый день в просонье таковъ же гласъ слышу, и тому такожде не повѣрилъ, и ни во что вмѣнилъ¹. И за два дни до поезду² моего на службу, спящу мнѣ в полудни, и во снѣ такожде гласъ бысть ко мнѣ съ великимъ прещениемъ и грозою³: „Отвези сей крест и не держи в дому своемъ. Аще не отвезеши, гдѣ онъ изволилъ быти, злѣ плененъ будеши, а за послушание наказанъ будеши”. И я, убоясь того страшнаго прещения, пришелъ к тебѣ: прими сей животворящий крестъ Господень, не сомнѣвайся ни о чемъ. Кто бы мне велѣлъ такое многоцѣнное сокровище отдать тебѣ, аще бы не самъ онъ изволилъ тако быти? Я тебя и не знаю, толко про тебя слыхалъ».

И онъ, Богданъ, слыша от него, Василия, такія рѣчи, такожде со слезами той животворящий крестъ принялъ, а ево, Василия, взялъ в дом свой и сталъ ему давать потребная⁴ от богатства своего. Онъ же страха ради Божия ничего не принялъ и поиде въ путь свой на службу.

Тарасъ же, по прозванію Богдан, той животворящий крестъ Господень со мною честию и молебнымъ пѣниемъ поставилъ в девичье монастырь в церкви Живоначалныя Троицы на правой стороне на налое, гдѣ и донынѣ благодатию Божіею обретаеся.*

И в томъ животворящемъ крестѣ Господни сокровенной⁵ благодати Божіей святыхъ и цѣлбоносныхъ⁶ мощей подписано тако:

Часть древа жезла пророка Моисеа.
 Риза преподобнаго Сергия Радонежскаго.
 Риза Ефрема Новоторжскаго.
 Трости Антонія Римлянина.
 Гробы Гурия и Варсонофія Казанских.
 Персть⁷ Евфросиніи Суждалскія.
 Гробъ Макарія Желтоводскаго.

И в томъ же 7166-м (1658) году будет онъ, Василей, на службѣ великаго государя, и волею Божіею под Конотопомъ на бою* взяли ево, Василия, въ полонъ крымскія татары и отвезли в Крымъ. И былъ он у нихъ въ Крыму от осени и до Великаго поста. И будучи в плену, безпрестанно со слезами Бога молилъ и каялся, прощения прося о послушании своемъ и о протчемъ согрѣшении, и животворящаго креста силу на помощь призывалъ, чтобы ево избавилъ от поганыхъ татарскихъ рукъ. И преступя всякой страх, и надежду твердо возложи на силу животворящаго креста, и вѣрова, яко по наказаніи сотворит ему милость, пошелъ ис Крыму с вечера и шелъ всю ночь. И к свѣту увидѣлъ в стороне лесокъ малой чапыжничекъ и, отбѣжавъ, легъ в том леску. И часу въ пятомъ дни видѣвъ: по стопѣ⁸ его гонять⁹ татарове два человекъ, и тотъ лесокъ пробежали. И ле-

¹ не придавал значения; ² до отъезда; ³ с угрозой и гневом; ⁴ то, что необходимо; ⁵ скрытой; ⁶ приносящих исцеление; ⁷ прах; ⁸ по следу; ⁹ преследуют.

жалъ я в том леску до ночи, и пред вечеромъ татарове назад пробежали, а сами бранят по-своему: «Ушоль, де, гауръ маскаран Василей».* И в другую ночь пошелъ на Русь, питался травою и корениемъ. И гдѣ на станъ¹ найду, как шли крымские люди и метали² кости, и тѣмъ питался. И помощью животворящаго креста вышел в черкаские города.

И ис полону пришедъ въ городъ Муромъ, молился животворящему кресту. И про все онъ, Василий, сказалъ, еже ему случися.

Конецъ и Богу слава, творящему дивная и преславная чудеса.

---

¹ на становище; ² бросали.

ПОВЕСТЬ О ТВЕРСКОМ ОТРОЧЕ МОНАСТЫРЕ

ЛѢТА МИРОЗДАНИЯ¹ 6773-ГО, А ОТ РОЖЕСТВА ХРИСТОВА
1265-ГО ГОДА СОСТАВЛЕНЪ БЫСТЬ ОТРОЧЬ МОНАСТЫРЬ*
ТЩАНИЕМЪ И РАЧЕНИЕМЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
ЯРОСЛАВА ЯРОСЛАВИЧА ТФЕРСКАГО*
И ВЕЛИКИЯ КНЯГИНИ БОГОМУДРЫЯ КСЕНИИ*
ПО СОВОКУПЛЕНИИ ИХЪ ЗАКОННАГО БРАКА В ЧЕТВЕРТОЕ ЛѢТО*
ПО ПРОШЕНИЮ И МОЛЕНИЮ ЛЮБИМАГО ЕГО ОТРОКА ГРИГОРИА,
А ВО ИНОЧЕСКОМ ЧИНУ ГУРИА

О ЗАЧАТИИ ОТРОЧА МОНАСТЫРЯ

В лѣто великаго князя Ярослава Ярославича Тферскаго, бысть у сего великаго князя отрокъ, именовъ Григорій, иже пред нимъ всегда предстояше и бѣ ему любимъ зѣло и верень во всемъ; и тако великий князь посылаше его по селом своим, да собираетъ ему повелѣнная². Случися же тому отроку быти в селѣ, нарицаемомъ Едимоновомъ,* и ту обита у церковнаго понамаря, именованнаго Афанасия, и узрѣ у него дочь его, девицу, именованную Ксению, велми красну, и начать мыслити в себѣ, да оженится ею. И бояся князя своего, да некогда приметъ от него великий гнѣвъ, и велми печаленъ бысть о семъ, возлюбил бо ю³ зѣло, и не повѣда мысли своея никому от друговъ своихъ, но в себѣ размышляше, да како бы⁴ ему уллучити желаемое⁴. Случися же наединѣ со отцемъ ея Афанасиемъ, начать ему глаголати, да вдастъ⁵ за него дочь свою и общается ему в всемъ помогати. Отецъ же ея велми удивися о семъ: «Да како у таковаго великаго князя имать предстояти всегда пред лицомъ его, и тако ли вѣщаетъ мнѣ о семъ?» И не вѣдаяше, что ему отвѣщати противу словесъ его. Шедъ убо Афанасій, вопросил о семъ жены своея и дочери, сказа имъ подробну; дочь же его, исполненна Духа Святаго, возглагола отцу своему сице: «Отче мой! сотвори ему вся сия, елика онъ тебѣ общается, положи на волю его, Богу бо тако изволившу, и сие да будетъ».

Бяше бо девица сия благочестива и кротка, смиренна и весела, и разумимъ великъ зѣло, и хоужаше во всѣхъ заповѣдехъ Господнихъ, и почиташе родители своя зѣло, и повинуюся има во всемъ, от младыхъ ногтей Христа возлюбилла и послѣдуя ему, слышаше бо от отца своего Святое Писание и внимаше прилѣжно всѣмъ сердцемъ своимъ.

Отрокъ же наипаче того уязвися любовию и прилѣжно о семъ вѣщает отцу ея, да не устрашается: «Азъ бо ти во всемъ имаюся⁶ и князя умолю во

---

¹—1 в год от сотворения мира; ² дань; ³ ее; ⁴—4 исполнить свое желание; ⁵ отдаст;

⁶ доверяюсь.

всемъ, ты же не бойся». И тако совѣщастася во всем, и быти в томъ селѣ браку, и вѣнчати ся в церкви святаго великомученика Димитриа Селунскаго, и жити ту, даже великий князь повелитъ. И тако повелѣнная великаго князя исполни вся, яже повелѣна быша, и возвратися во градъ Тферь с радостию и дивляшеся в себѣ велми, яко нигдѣ таковыя обрѣте девицы, и не повѣда сего никому.

Отроковица же послѣ его рече отцу своему и матери: «Господие мои! не дивитесь о сем, что вам обѣщался сей отрокъ, онъ бо тако совѣща, но Богъ свое строить: не сей бо мнѣ будетъ супругъ, но той, егоже Богъ мнѣ подастъ». Родители же ея о семъ велми дивистася, что рече к ним дщерь ихъ.

Предиреченный же отрокъ той, усмотря время благополучное, и припаде к ногамъ великаго князя, и молитъ его со многими слезами, и возвѣщаетъ ему свою мысль, да сочетается законному браку, яко ему годно бысть, красоту и возрастъ девицы оная изъясляетъ. Князь же великий, сия от него слышав, рече ему: «Аще восхотѣлъ еси женитися, да поимѣши себѣ жену от велможъ богатыхъ, а не от простыхъ людей, и не богатых, и худѣйших, и безотечественных¹, да не будеши в поношении и унижении от своихъ родителей, и от бояръ и друговъ, и от всѣхъ ненавидим будеши, и от мене удален стыда ради моего». Однако на многи дни отрокъ моляше прилѣжно великаго князя, да повелитъ ему желание свое исполнити и тамо жити. И тако великий князь наединѣ его увѣщаетъ и вопрошаетъ о семъ подробно, чего ради тако восхотѣ. Онъ же все исповѣда великому князю обѣщание свое, якоже тамо обѣщася.

Князь же великий Ярославъ Ярославичъ по прошению его повелѣваетъ всему быть, якоже ему годно и потребно, и насадъ* изготовити, и вся воли его потребная, и люди ему тамо готовы быть имѣють, елико годно будетъ на послужение отроку, когда приспѣетъ время обручению и вѣнчанію его, и отпускаетъ его в насадъ по Волгѣ рѣкъ, бѣ бо то село близъ Волги стояй, а кони ему обѣщаваетъ прислати за ним вскорости по берегу.

Отрок же с радостию поклонися великому князю и поиде в насаде по Волгѣ рѣкъ со всѣми, посланными с нимъ.

Наутрие же великий князь повелѣ готовити себѣ коня и всему своему сигклиту, якоже угодно великому князю, соколы и псы, да, ѣдучи, ²ловы дѣетъ². В ту бо ночь великий князь сонъ видѣлъ: якобы быти в полѣ на ловѣхъ³ и пускати своя соколы на птицы; егда же пусти великий князь любимаго своего сокола на птичье стадо, той же соколъ, все стадо птицъ разогнавъ, поималъ голубицу, красотою зѣло сияющу, паче злата, и принесе ему в нѣдра. И возбнувъ князь от сна своего и много размышляше в себѣ, да что сие будетъ, и не повѣда сна того никому, токмо повелѣ с собою на ловъ вся птицы взяти; и тако великий князь поиде в ту же страну, идѣже отрокъ, ловы дѣюще, тѣшася. Бѣ же великий

¹ незнатных; ²—² охотится; ³ на охоте.

князь безбраченъ и младъ, яко двадесяти лѣтъ, еще ему не достигшу возраста своего.

Той же отрокъ, егда прииде в насадъ по рѣкъ, и приста у брега, ожидающе коней от князя, и посла вѣстники своя къ девицѣ, да вся готова будутъ, якоже есть обычай брачнымъ.

Девица же присланнымъ рече: «Возвѣстите отроку, ¹да же помѣдлѣеть тамо¹, дондеже² сама вѣсть пришло к нему, какъ вся изготована будутъ, понеже бо нам от него о приходѣ его вѣсти не было». Вѣстницы же его, пришедше, повѣдаша ему о всемъ, еже имъ повелѣно бысть от девицы возвѣстити: провидѣ бо она великаго князя приход к себѣ, рече родителем своим, яко «уже свать мой приѣхаль, а жених мой не бываль еще, но уже будетъ, яко в полѣ тѣшится и замѣдлилъ тамо, но пождемъ его немногое время, да же приѣдетъ к нам», — а о имени его никому от сродниковъ своих не повѣда, но токмо готовяше ему честныя дары, яже сама строяше³, сродницы же ея велми о семъ дивляхуся, а того жениха ея не вѣдяху, но токмо она едина.

Князь же великий села того не знаяше, но восхотѣ тамо быти наутрие или на другой день и да видить своего отрока оженившагося; и тако обначева⁴ на ловъ, бяше бо село то от града Твери четьредесять поприщъ. В нощи же той видѣ сонъ прежний и наипаче размышляше в себѣ, что будетъ сие видѣние, наутрие же по обычаю своему ловы дѣяше.

Отрок же той, не дождався вѣсти ни коней, помысли в себѣ: «Яко аще государь мой великий князь раздумает и пошлетъ по мене, и велить возвратитися вспять, азъ же своего желанного не получилъ». И тако вскорѣ поиде во дворъ той, идѣже девица та, и по чину своему все изготовавше. И тако сѣдоста вкупѣ на мѣсто свое, якоже быти вскорѣ вѣнчанию ихъ, отрок же повелѣваше по скору вся строити и дары разносити.

Девица же рече отроку: «Не вели спѣшити ничемъ, да еще у меня будетъ гость незванной, а лучше всѣхъ и званыхъ гостей».

Великий же князь в то время близъ бѣ села того, и увидѣ стадо лебедей на Волгѣ рѣкъ, и тако повелѣ пустити вся своя птицы, соколы и ястребы, пусти же и сокола своего любимаго и поимаше много лебедей. Той же соколь великаго князя, заигрався, ударися лѣтъти на село то; великий же князь погна за нимъ и приѣхаль в село то борзо⁵, забывъ вся; соколь же сяде на церкви святаго великомученика Димитрия Селунскаго; князь же повелѣ своимъ вопросити про село, чие есть. Селяня же повѣдаху, яко село то великаго князя Ярослава Ярославича Тферскаго, а церковь святаго великомученика Димитрия Селунскаго. В то же время множеству народа сошедшуся смотрѣти, яко уже к вѣнчанию хотятъ итти. Князь же, сия слышавъ от поселянъ, повелѣ своимъ сокола своего манити; соколь же той никакоже думаше слѣтъти к ним, но крилома своима по-

¹—1 пусть подождет там; ² пока не; ³ делала; ⁴ заночевал; ⁵ скоро.

правляваясь и чистяшеса; сам же великий князь поиде на дворъ, идѣже бѣ отрокъ его, в дорожномъ своемъ платьѣ, не на то бо приѣхалъ, но Богу тако изволившу. Людие же, видѣвше князя, не знаяху его, мняху бо его с конми и с потѣхами к жениху приѣхавша, и не встрѣтиша его никтоже.

Девица же рече всѣмъ ту сѣдящимъ: «Востаните вси и изыдите во стрѣтение своего великаго князя, а моего жениха», — они же дивляхуся.

Великий же князь ¹вниде в храмину¹, идѣже бяху отрокъ и девица сѣдѣше, всѣмъ же воставшимъ и поклоншимся великому князю, им же не вѣдушимъ пришествия его и прощения просящимъ, князь же повелѣ имъ сѣсти, да видятъ жениха и невѣсту.

Девица же в то время рече отроку: «Изыди ты от мене и даждь мѣсто князю своему, ²онъ бо тебѣ болши² и женихъ мой, а ты былъ свать мой».

Великий же князь узрѣ ту девицу зѣло прекрасну, и аки бы лучамъ от лица ея сияющимъ, и рече великий князь отроку своему Григорию: «Изыди ты отсюду и изыщи ты себѣ иную невѣсту, идѣже хочещи, а сия невѣста бысть мнѣ угодна, а не тебѣ», — возгорѣся бо сердцемъ и смятеса мыслию.

Отрок же из мѣста изыде повелѣниемъ его; великий же князь поимъ³ девицу за руку и поидоста в церковь святаго великомученика Дмитрия Селунскаго, и сотвориша обручение и цѣлование о Христвѣ, якоже подобаетъ, потом же и вѣнчастася в той же день; и тако бысть велиа⁴ радость у великаго князя той день до вечера, бяше бо лѣтомъ, и ⁵селянъ повелѣ покоити день и ношѣ⁵. Идушу же великому князю послѣ вѣнчания от церкви ко двору, тогда онъ соколь его любимый видѣ господина своего, идуща с супругою своею, сидя на церкви, начатъ трепетатися, якобы веселяся и позирая на князя. Князь же вопроси своих соколниковъ: «Слѣтѣль ли к вам соколь или нѣтъ?» Они же повѣдаша ему: «Не лѣтитъ с церкви». Князь же, возрѣвъ на него, кликнулъ его своимъ гласомъ, соколь же скоро прилѣте к великому князю, и сяде на деснѣй⁶ его руцѣ, и позирая на обоихъ, на князя и на княгиню. Великий же князь отдаде его соколнику. Отрок же той великою кручиною одержимъ бысть, и ни яде, и ни пия. Великий же князь велми его любляше и жаловаше, наипаче же ему не веляше держатися тоя кручины, и сказа ему сны своя, якоже видѣхъ во снѣ, тако и збысться Божиимъ изволениемъ.

Отрок же той в нощи положилъ мысль свою на Бога и на Пречистую Богоматерь, да якоже восхотятъ къ которому пути, тако и наставятъ; и снем с себя княжее платье и порты, и купи себѣ иное платье, крестьянское, и одеяся в него, и утаися от всѣхъ своих, и изыде из села того, никомуже о сем не вѣдушу, и поиде лѣсом, незнаемо куды.

Наутрие же великий князь того отрока воспоминав, что его у себя не видѣть, и повелѣ своимъ боляромъ, да пришлютъ его к нему; они же поискавше его

¹—¹ вошел в дом; ²—² потому что он знатнее тебя; ³ взял; ⁴ большая; ⁵—⁵ поселянам повелел отдыхать весь день и ночь; ⁶ правой.

много и не обрѣтоша нигдѣ, токмо платье его видѣша, и великому князю возвѣстиша о немъ. Князь же великий о немъ велми печаленъ бысть, и повелѣ искати его сюду и сюду, по рѣкѣ и в кладезяхъ¹, бояся того, чтоб самъ себя не предалъ губительной и безвременной смерти; и нигдѣ его не обрѣтоша, но токмо той селянинъ повѣда, что, де, купилъ у меня платье вѣтхое, и не велѣлъ о томъ никому повѣдати, и поиде в пустыню.*

Великий же князь повелѣ его искати по лѣсамъ, и по дебрямъ, и по пустынямъ, да гдѣ его обрящутъ и приведутъ его; и многие леса, и дебри, и пустыни обыдоша, и нигдѣ его не обрѣтоша, Богъ бо его храняше. И пребысть ту великий князь даже до трехъ дней.

Великая же княгиня его Ксения вся возвѣсти бывшая великому князю Ярославу Ярославичю о себѣ и об отрокѣ, яже наперед писана суть.

Великий же князь велми печаленъ бысть об отрокѣ своемъ, глаголаше бо, яко «азъ повиненъ есмь смерти его». Княгиня же его Ксения печалитися ему всячески не велить и глаголетъ великому князю: «Богу убо тако изволившу быть мнѣ с тобою в совокуплении; аще бы не Божиимъ повелѣниемъ, како бы было мощно тебѣ, великому князю, к нашей нищетѣ приѣхати и пояти мя за себя. Ты же не печалися о семъ, но иди с миромъ во град свой и мене поими с собою, ничего не бойся». Великий же князь велми печаленъ бысть, вздохнувъ, прослезися и воспомяну своя глаголы: «Яже глагола ко отроку своему Григорию, тое на мнѣ событсися, а его уже отнынѣ не увижу». И возложи свою печаль на Бога и на Пречистую его Богоматерь. И отпусти свою великую княгиню в насаде и боляръ своихъ, иже были со отрокомъ, во град Тферь, и повелѣ великий князь боляром своим, да берегутъ великую княгиню его, и поклоняются ей, и слушаютъ во всемъ. Сам же великий князь по-прежнему поѣхалъ берегомъ, дѣюще потѣхи своя и ловы; и прииде во градъ Тферь прежде княгини своея. Егда же прииде и великая княгиня его Ксения ко граду Тфери, великий же князь повелѣ боляромъ своим и з болярынями, и своимъ дворовымъ, и всему граду, да выдутъ на встрѣтение великия княгини и з женами своими. Все же, слышавше от великаго князя, с радостию изыдоша, весь град, мужи и жены, и младенцы, от мала даже и до велика, з дароношениемъ, и срѣтоша ея на брезѣ у церкви архаггела Михаила.* Егда же прииде ко граду Тфери, великий князь посла всѣхъ боляръ с корѣтами, и тако с великою честью срѣтоша ю и поклонилася ей; и все, зряще красоту ея, велми чудишася, яко «нигдѣ же видѣхомъ очима нашими или слышхомъ слухом нашимъ таковую жену благообразну и свѣтящуюся, аки солнце во многихъ звѣздахъ, якоже сию великую княгиню, сияющую во многихъ женахъ сего града паче луны и звѣздъ многихъ». И провождаше ю во град Тферь с радостию великою и з дарами многими на дворъ великаго князя. И бысть во градъ радость и веселие велие, и бысть у великаго князя пирование на многи дни всякому чину от мала даже и до велика.

¹ колодцах.

Предиреченнаго же отрока не бѣ слухом слышати на много время. Божиимъ же промысломъ той отрокъ прииде на рѣку, зовомую Тферцу, от града Тфери ¹пять на десять¹ поприщъ, на мѣсто боровое,* и ту вселися на лесу, и хижу себѣ постави, и часовню на томъ мѣстѣ, и назнаменова, гдѣ быти церкви во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Рожества. И ту пребысть некоторое время, и наидоша его ту близъ живущие людие, хождаху бо по лѣсу потребы ради своя, и вопрошаху его, глаголюще: «Откуда ты сюду пришелъ еси, и какъ тебя зовутъ, и кто тебѣ велѣлъ тутъ вселитися в нашемъ мѣстѣ?» Отрок же имъ не отвѣща ничтоже, но токмо имъ кланяшеся, и тако от него отъидоша восвояси. Он же ту мало пребысть и от того мѣста отъиде, и хотяше отъитти от града подалѣе, понеже увѣда от пришедшихъ к нему людей, яко близъ есть градъ. Божиимъ же изволениемъ прииде близъ града Тфери по той же рѣкѣ Тферцѣ на устье, и вышел на рѣку Волгу, и позна, яко град Тферь есть, ибо знаемъ ему бѣ, и возвратися в лесъ той, и избра себѣ мѣсто немного вдалье от Волги на Тферцѣ и начать молитися Пресвятѣй Богородицѣ, да явитъ ему про мѣсто сие. В нощи же той возляже опочинуты и в сонъ тонокъ² свѣденъ бысть, и видѣти на томъ мѣстѣ аки полѣ чистое и великое зѣло и свѣтъ великий, яко нѣкую лучу Божественную сияющу. И воспрянувъ от сна, и мысляше в себѣ, да что сие будетъ знамение, и тако моляшеся Спасу и Пресвятѣй Владычицѣ Богородицѣ, да явитъ ему вѣщъ сию. В ту же нощъ паки³ явися ему Пресвятая Богородица и повелѣваетъ ему воздвигнути церковь во имя честнаго и славнаго ея Успения и указа ему мѣсто, и рече: «Хощеть бо Богъ прославити сие мѣсто и распространити его, и будетъ обитель велия; ты же иди с миромъ во градъ ко князю своему, и той помощникъ тебѣ будетъ во всемъ и прошение твое исполнитъ. Ты же, егда вся совершиши и монастырь сей исправиши, некоторое время будещи ту жити и изыдеши от жития сего къ Богу». И тако воспрянувъ от сна своего, и велми ужасеся о видѣнии томъ, и размышляше в себѣ, яко «аще отъиду от сего мѣста, боюся явления сего и показанія мѣсту. Яко Господеву годно, тако и будетъ». И помысли в себѣ, глаголя: «Аще ли же поиду к великому князю и увѣщати меня станеть, однако не хошу в домъ его быти». Сие же ему мыслящу, абие⁴ приидоша в той часъ во оный лесъ нѣкия ради потребы мужие княжии звѣрей ради. Отрок же позна ихъ и прикрыся от нихъ, они же видѣвше крестъ и хижу и удивившася зѣло, и глаголаху другъ ко другу, ⁵яко есть человекъ тутъ живей⁵. И тако начаша искати, и обрѣтоша его, и познаша, яко «той есть отрокъ князя нашего». И пришедше к нему, и поклонившася ему, и возрадовашася о немъ радостию великою, той бо отрокъ по пустыни хождаше три лѣта и вѣщше⁶, и не видѣ его никтоже, и бѣ питаемъ Богомъ. И тако взявше его с собою и вѣдоша ко князю и сказаша ему вся, яко «великий князь печаленъ бысть зѣло о тебѣ и донынѣ, аще же увидитъ тя жива и здрава, возрадуется о тебѣ радостию великою».

1—1 пятнадцать; 2 чуткий; 3 снова; 4 тотчас; 5—5 что живет здесь человек; 6 более.

Онъ же, сия слыша от нихъ, с веселиемъ идяше с ними. Егда же прииде во дворъ великаго князя и вси узрѣвши его, возрадовашася велми о немъ и прославиша Бога, и возвѣстиша о немъ великому князю. Князь же повелѣ ввести его в верхняя палаты,* и видѣ отрока своего, и возрадовася велми, и похвали Бога. Он же поклонися великому князю и рече: «Прости мя, господине мой великий княже, яко согрѣшихъ пред тобою, опечалихъ бо тя зѣло». И рече к нему великий князь: «Какъ ты Господь Богъ хранит до сего дне и времени?» И облобызавъ его. Он же поклонися до земли и рече: «Прости мя, господине мой великий княже, яко согрѣшихъ пред тобою». И исповѣда вся о себѣ по ряду, како изыде от него, и како Богъ привѣде до сего мѣста. Князь же о сем велми удивися и прослави Бога, и повелѣ своимъ предстоящимъ, да дадутъ ему всю его первую одежду, и да будетъ в первомъ своемъ чину. Он же со смиреніемъ рече: «Господине мой великий княже, я не того ради приидохъ к тебѣ, но да ты от печали свободишися и прошения моего да не презъриши: молю тя и прошу, да повелиши то мѣсто разчистити», — и вся повѣда великому князю, како ту прииде, и како явилася ему Пресвятая Богородица со святителемъ Петромъ, митрополитомъ московскимъ,* и мѣсто показа, идѣже быти церкви во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения; и вся ему сказа о себѣ по ряду. Князь же, воздохнувъ велми, и прослезися и отрока похвали, яко такового страшнаго видѣннѣя сподобися, и общася во всемъ помогати мѣсту тому до совершения; и бесѣдова с нимъ многое время, и повелѣ предстоящимъ пред нимъ поставити трапезу, да вкусить брашна¹; он же вкуси малую часть хлѣба и воды, а иной же пищи отнюдь не прикоснулся. Великий же князь повелѣ по воли его быти и тако отпусти его с миромъ, идѣже онъ восхощетъ. Отрок же отъиде на мѣсто свое и по обычаю своему моляшеся Богу и Пресвятѣй Владычицѣ Богородицѣ, и на помощь ея призываетъ о создании обители тоя, и тако молитвами Пресвятыя Богородицы вскорѣ дѣло совѣршается. Князь же великий повелѣ вскорѣ собрати крестьянъ и иныхъ людей, да росчистятъ мѣсто то, идѣже оный отрокъ покажет, и посла ихъ ко отроку; слышавше же то, граждане и сами мнози идяху на помощь мѣсту тому. И тако вскорѣ очистивше мѣсто, еже отрокъ показа имъ, и возвѣстиша великому князю о семъ; князь же прослави Бога и отрока своего о семъ похвали. И тако самъ великий князь прииде на то мѣсто и видѣ его сияюща паче иныхъ мѣсть. Отрокъ же паки припадаетъ к ногама его и молить, да повелитъ церковь создати деревянную и монастырь возградити. Великий же князь вскорѣ повелѣ всѣмъ прежнимъ людямъ тутъ работати и мастеровъ добрыхъ собрати к церковному строению. И тако Божию помощію и великаго князя повелѣніемъ вскорѣ дѣло совершается, и освящение церкви сотвориша. Бысть же ту на освященіи церкви Успения Пресвятыя Богородицы самъ великий князь Ярославъ Ярославичъ и с своею супругою великою княгинею Ксениею, и со всѣмъ своимъ княжимъ сигклитомъ, и всѣмъ трапезу

¹ пиши.

устроилъ, и по прошению отрока своего великий князь даде ему игумена Феодосия, и братию собра, и колокола устрои. И назвася мѣсто от великаго князя Ярослава Ярославича Отрочь монастырь,* и вси прославиша Бога и Пречистую его Богоматерь. На другой день по освящении церкви той отрокъ Григорий пострижеся во иноческый чинъ и нареченъ бысть Гурий от игумена Феодосия. И той отрокъ по пострижении своемъ немногое время поживе и преставися ко Господу, и погребенъ бысть во своемъ монастырь. По преставлении же блаженнаго онаго отрока ¹немногимъ лѣтомъ мимошедшимъ великий князь Ярославъ Ярославичъ и великая княгиня Ксения изволили в томъ монастырь создати церковь каменную во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения, с придѣломъ Петра, митрополита московскаго, чудотворца, и села подаде к тому же монастырю, и мѣсто то насели, ²идѣже бѣ отрокъ прежде пришеды². Монастырь же той стоитъ и донынѣ Божиею благодатию и молитвами Пресвятыя Богородицы и великаго святителя Петра, митрополита московскаго и всея России чудотворца.

Къ тому жѣ монастырю дана грамота великихъ князей тѣверскихъ за девятью печатми, а в ней писано сице:

Великий князь Василий Михайловичь,
Великий князь Всеволодъ Александровичь,
Великий князь Владимир Александровичь,
Великий князь Андрей Александровичь,
Великий князь Иеремий Васильевичь,
Великий князь Симеонъ Константиновичь,
Великий князь Иоаннъ Михайловичь,
Великий князь Борисъ Александровичь,
Великий князь Феодоръ Феодоровичь,
Великий князь Иоаннъ Георгиевичь,
Великий князь Андрей Димитриевичь,
Великий князь Феодоръ Александровичь,
Великий князь Михайла Васильевичь.

Къ церкви Пресвятыя Богородицы дана сия грамота. В ней написано тако:

«Кто станеть монастырь сей и монастыря того людей обидить, не буди на немъ милость Божия в сий вѣкъ и в будущий».

---

¹—¹ по прошествии нескольких лет; ²—² куда прежде приходил отрок.

ПОВЕСТЬ О ЗАЧАЛЕ МОСКВЫ

О ЗАЧАЛѢ ЦАРСТВУЮЩАГО ВЕЛИКАГО ГРАДА МОСКВЫ, КАКО ИСПЕРВА ЗАЧАСЯ

Вся убо христианская царства в конец приидоша и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, то есть Российское царство: два убо Рима падоша, третий же стоитъ, а четвертому не быти.* Поистиннѣ же сей град именуется третий Римъ, понеже и над симъ бысть в зачалѣ то же знамение, якоже над первымъ и вторымъ, аще и различно суть, но едино кровопролитие. Первому бо Риму, зиждему¹ от Рома и Ромила,* и егда начаша Капетелион здати и ров копающе, обрѣтоша главу вновѣ² закланна челоуѣка, нову³ и теплу кровь точашу и ⁴лице являюще к живымъ прилично⁴. Ея же увидѣвъ ентинарии, искусный знаменитель, и рече, яко сей град глава будетъ многимъ, но ⁵по времени⁵, и по заклании, и по пролитии кровей многихъ.* Также и второму Риму, сиречь Константинополю, зданию⁶ зачало бысть не без крове же, но по заклании⁷ и по пролитии кровей многихъ. Сиче же и нашему сему третьему Риму, Московскому государству, зачало бысть не без крове же, но по пролитии и по заклании кровей многихъ. Аще бо и нѣцци от окрестныхъ странъ враждующе поносятъ ему, сиче глаголюще: «Кто убо чая или слыша когда, яко Москвѣ-граду царствомъ слыти и многими царства и странами обладати?» И сии убо немощию челоуѣческою ⁸обложени суть⁸, не разумюще силы Божии, ни пророческихъ писаний, яко всемогъ Богъ и от несущаго в будущее привести, якоже искони⁹ и вселенную.

В лѣто убо 6633-го (1125), по преставлении благоувернаго царя и великаго князя Владимира Всеволодича Монаха,* съде на великомъ княжении в Киевѣ сынъ его, князь Юрий Владимировичъ Манамашъ,* а дѣтей своихъ, князь Всеволод Юрьевич* с нимъ, а другаго сына своего, князя Андрѣя Юрьевича Боголюбскаго, посади в Володимерь.* И в лѣто 6666-го (1158) сему великому князю, Юрию Владимировичю, грядущу из Киева во Владимиръ къ сыну своему, князю Андрѣю Юрьевичю, и прииде на мѣсто, идѣже нынѣ царствующий град Москва,¹⁰оба полы¹⁰ Москвы-рѣки. Сими же селы владушу тогда болярину нѣко-

¹ созданному; ² недавно; ³ свежую; ⁴⁻⁴ лицо казалось похожим на живое; ⁵⁻⁵ со временем;

⁶ созданию; ⁷ убиении; ⁸⁻⁸ преисполнены; ⁹ с самого начала; ¹⁰⁻¹⁰ по обоим берегам.

ему, богату сушу, зовому Кучку Иванову.* Той же Кучко возгордѣвся зѣло и не почти великаго князя подобающею честью, якоже довлѣет¹ великимъ княземъ, но и поносивъ ему ²к тому². Князь же великий Юрий, не стерпя хулы его, и повелѣвает болярина онаго ухватити и смерти предати. Сыны же его, видѣвъ млады суща и лѣпы³ зѣло, и дщерь едину, такову же лѣпу сушу, отсла во Владимир къ сыну своему князю Андрѣю Юрьевичю. Сам же князь великий Юрий Владимировичъ возходитъ на гору, и обозрѣвъ с нея очима своима ⁴сѣмо и овамо⁴ по обѣ страны Москвы-рѣки и за Неглинною,* и возлюби села оны, и повелѣвает на мѣсте том вскорѣ содѣлати мал древянъ град. И прозва ѥ званиемъ Москва-град по имени рѣки, текущая под нимъ.*

И отходитъ во Владимир къ сыну своему, князю Андрѣю Боголюбскому, и сочетает бракомъ сына своего со дщерью Кучковою,* с неюже князь Андрѣй и сыны прижить, но млады отъидоша ко Господу. И бывъ у него довольно время, заповѣда сыну своему, князю Андрѣю, град Москву людьми населяти и распространяти. И паки возвращается в Киевъ, и с нимъ отиде в Киевъ и сынъ его, князь великий Андрѣй Боголюбский.*

Того же лѣта князь великий Андрѣй Юрьевичъ Боголюбский паки возвратися вспять, и принесе с собою ис Киива во Владимир икону Пресвятыя Богородицы, *юже* прежде сего принесе из Царяграда,* и украси ю боле 30 гривень злата, кромѣ сребра, и драгаго каменья, и жемчюгу; и созда церковь каменну Успения Пресвятыя Богородицы,* и верхъ ея позлати, и постави в ней икону Пресвятыя Богородицы, и вда ей села лутчая и десятое по всемъ.* Сей убо благовѣрный великий князь Андрѣй все упование свое возлагаше на Бога и на Пречистую его Богоматерь, и ⁵ни о чемже о земныхъ печашеся⁵, но токмо достигаше небесная, и яко орел ношашеся периемъ высокопарнымъ и легцѣ возношашеся къ добродѣтелемъ воздуху. Тѣмъ⁶ во устѣхъ ему бѣ Давидъ медоточный,* и ⁷долу легания⁷ на жестоко постланнѣ постели и плотскаго смѣшения со женою си до конца ошаша⁸, и ни во снѣхъ ему соблазны женския мечтахуся, ⁹паче же рещи⁹, яко звѣздамъ уподобляшеся всякимъ сладкодушнемъ, церкви созидаю и нищихъ угодля¹⁰. ¹¹Удаляю убо удалися от нея, и отбѣже бѣгая и особящаяся на здѣ бысть птица и ноцный вран без сна на нырищи¹¹.* Но сия вся негодна быша женѣ его, требоваше бо пригорновения¹² и плотскаго смѣшения.

Прежде помянутымъ же шурьямъ его, Кучковичемъ, возрастѣвшимъ и живущимъ у великаго князя Андрѣя в величѣй чести, с ними убо жена его совѣщався, и зло мыслить с ними на господина своего, великаго князя Андрѣя Юрьевича. И по нѣкоемъ времени отай¹³ приводит ѥ к ложу его и предаеть того в

¹ подобает; ^{2—2} к тому же, кроме того; ³ красивые; ^{4—4} туда и сюда; ^{5—5} не заботился ни о чемъ земномъ; ⁶ поэтому; ^{7—7} лежание внизу, на земле; ⁸ воздерживался; ^{9—9} сказать более того; ¹⁰ удовлетворяя; ^{11—11} избегая отдалялся от нея и, отбежав, убежал и уединялся в этой жизни, подобно птице-сове, живущей в развалинах; ¹² объятий; ¹³ тайно.

руцѣ врагомъ, супружника своего, яко Сампсона Далида* и яко убийственная Тиндарида сожителя своего храбраго ироя.* Кая убо щеньца кормящая лвица дерзну когда таковая сотворити, или кая злогнѣвная мечка¹ сице содѣя? Втекоша убо убийцы оны, окаяньнии Кучковичи, со оружии к нему, яко слѣдящии пси, и обрѣтают его на худѣ лежаща долу легании. В лѣто 6683-го (1175) июня в 29 день* и убивают его немилостивно, имуща во устѣх божественная словеса. И кровь убо течаше по земли праведнаго, якоже древле Авелева.* Еще же и ино зло приложиша к тому, яко и тѣло его предаша водамъ.* Но убо не утаися² сие всевидящему оку Божию, но вскорѣ я, убийцы оны, суд постиже, еже явлено бысть и всѣмъ.

В лѣто убо 6684-е (1176) прииде ис Киева во Владимиръ брат его, Михайло Юрьевичь,* и изби убийцы брата своего, и тѣлеса их вверже въ езеро. А жену его повелѣ повѣсити на вратѣх и разстреляти ю изо многихъ луковъ, да накажутся и прочии впредь таковая не творити ктому. И съде на великомъ княжении в Володимерѣ, и быв лѣте едино, и умре.

И в лѣто 6685 (1177) съде на великое княжение в Володимерѣ великий князь Всѣволод Юрьвичь, и пристави к церкви Святыя Богородицы четыре верхи, юже братъ его созда, князь великий Андрѣй Боголюбский, и позлати я,* а на своемъ дворѣ постави церковь каменну великомученика Димитрия, и верхъ ея позлати.* И бысть имя его славно по всей земли, и на татарѣх дань имал, и владаше всею землею Рускою и до моря Волгою, 36 лѣт княживъ и преставися в лѣто 6720 (1212) апрѣля въ 25 день.

И по немъ начаша княжити сынове его и сродичи, и быша между ими брани мнози, и нахождения поганых татаръ на Рускую землю, и плѣнение Руской земли, и побиение многих князей русских от татар, и бысть княжения их лѣт 25. Оттолѣ начат Руская земля работати³ татаромъ. Посемъ начатъ княжити в Володимерѣ великий князь Юрий Всеволодичь,* при немже бысть батыевщина.

В лѣто 6745-го (1237) за умножение грѣх наших приходилъ на Рускую землю злочестивый царь Батый.* Той же зимы взяша татарове град Москву и князя Владимира Юрьевича* взяша, и воеводу Филиппа Няния* убиша, и вся люди посѣкоша и поплѣниша. И в лѣто 6746 (1238) благовѣрный великий князь Юрий Всеволодичь убиен бысть от безбожных татаръ на рецѣ на Ситѣ.* Кирил же епископъ идый з Бѣла езера, взят тѣло великаго князя и положи е в Ростовѣ, в церкви Святыя Богородицы. Сего сыновѣ: Всеволодъ, Мстислав, Владимир.* Того же 746-го (1238) году прииде из Великаго Новаграда брат великаго князя Юрия, Ярослав Всеволодичь,* и съде на великомъ княжении во Владимирѣ, а сына своего, князя Александра,* остави в Великомъ Новѣградѣ. И повелѣ привести тѣло брата своего, великаго князя Георгия, и срѣте⁴ его самъ и весь градъ. Сей убо великий князь Георгий Новградъ Нижней созда и монастырь Пресвятыя

¹ медведица; ² скрылось; ³ служить; ⁴ встретил.

Богородицы Печерския.* Пребысть же на отчи столѣ въ Володимерь 24 лѣта. Того же 746-го (1238) году преставися князь великий Ярославъ Всеволодичъ во Ордѣ нужною¹ смертию.* И прииде из Великого Новаграда во Владимир великий князь Александръ Ярославичъ и поиде къ Батыю во Орду. Видѣвъ же его Батый, удивися величеству и добротѣ его и, почтивъ его, отпусти.

В лѣто 771-е (1263) ноября въ 14 день преставися великий князь Александръ Ярославичъ Невский, во иноцѣхъ и в схимѣ,* и положень бысть в Володимерь в церкви Рожества Пресвятыя Богородицы. Сего сынове: Василий, Димитрий, Андрей, Данило Московский. И по немъ начаша княжити в Руской земли братия и сынове его и сынъ его, великий князь Данило Московский.* В та же лѣта быша на Рускую землю от татаръ насильства и зла многа. Быша же сынове великаго князя Даниила Московскаго: Юрий, Александръ, Борис, Иванъ, Афанасий.* Бысть же княжении сыновъ Александровыхъ и великаго князя Даниила Московскаго лѣт 40. Сей великий князь Данило паче возлюбил в Москвѣ жителствовати, и созда его паче перваго, и гражданы насели, бѣ бо добродѣтеленъ и нищелюбив, по премногу и къ Богу имяше вѣру, и молитву, и слезы велия; и от того прославися и паче Москва-град. Пожить же на Москвѣ князь великий Данило Александровичъ лѣт 12, и преставися в лѣто 811 (1303) марта въ 4 день, и положень бысть во своемъ ему в Даниловскомъ монастырѣ.* По немъ начаша княжити в Руской земли сродичи и сынове его и бысть княжения их лѣт 25.

В лѣто 813 (1305) прииде на Русь Петръ митрополитъ, поставленъ Афанасиемъ, патриархомъ Цареградскимъ. А лѣто 831 (1323) заложена бысть на Москвѣ церковь каменна соборная Успение Пресвятыя Богородицы. Тое же зимы и преставися преосвященный Петръ, митрополит Киевский и всея России, декабря въ 21 день въ 3 часъ нощи, и положень бысть в церкви Святыя Богородицы, юже самъ созда.*

В лѣто 836 (1328) съде на великомъ княжении владимирскомъ и московскомъ сынъ его, князь Иванъ Даниловичъ, зовомый Калита.* И того же лѣта заложена бысть церковь каменна святаго Иоанна писателя Лѣствицы.* Той же великий князь Иванъ Даниловичъ в лѣто 838 (1330) поставил на Москвѣ церковь каменну Преображения Господне у своего двора.* В лѣто 841 (1333) единемъ лѣтомъ князь великий Иванъ Даниловичъ содѣла церковь каменну архистратига Михаила.* Той же великий князь Иванъ Даниловичъ в лѣто 847 (1339) содѣла около Москвы новый древян град* и укрѣпил его зѣло паче перваго. Во дни же княжения его бысть на России тишина велия. И начася ему писати величество: великий князь Иванъ Даниловичъ Владимирский и Московский и всея России.* В лѣто 6819 (1311) преставися князь великий Иванъ Даниловичъ Калита марта въ 31 день, и положень бысть на Москвѣ во Архангелѣ.* Сего сынове: Симеонъ, Иванъ, Андрей.*

¹ мучительной.

СКАЗАНИЕ О ЗАЧАТИИ МОСКВЫ И КРУТИЦКОЙ ЕПИСКОПИИ

О ЗАЧАТИИ¹ ЦАРСТВУЮЩАГО ГРАДА МОСКВЫ И О КРУТИЦКОЙ ЕПИСКОПИИ, КАКО БЫСТЬ

В лѣто 6714 (1206) князь великий Данил Ивановичь,* после Рюрика, короля римскаго* въ 14 колене, пришед из Великаго Новаграда в Суздаль. И в Суздаде родися ему сынъ, князь Георгий,* и наречень Юрьи. И созда во имя его град Юрьевъ Польской. И в томъ граде церковь велелѣпну² созижде во имя Георгия Стратотерпца,* каменную,³на рези³ и от подошвы и до верху. И по создании храма того поѣхалъ князь великий Даниль Ивановичь изыскивати мѣста, гдѣ бы ему создати град престолный к великому княжению своему. И взя съ собою нѣкоего греченина⁴, именемъ Василия, мудра и знающа зѣло и вѣдѣща, чему впредь быти. И вѣхавъ с нимъ во островъ темень и непроходимъ зѣло. В нем же болото велико и топко. И посредеъ того болота и острова узрѣлъ князь великий Даниль Ивановичь звѣря превелика и пречюдна, троеглава и пестра велми пестринами различна и красна зѣло. И вопроси Василия греченина, что есть видѣние се пречюднаго звѣря. И сказа ему Василий греченинъ: «Великий княже, на семъ мѣсте созиждется град превеликъ и распространится царствие троеугольное,* и в нем умножатся различных ордъ люди, то есть прообразует звѣря сего троеглавнаго, а различнии на немъ цвѣти — то же есть прообразует различных ордъ люди». Посемъ князь великий в том же острове наѣхалъ посредеъ болота островъ малъ, а на немъ поставлена хижина мала, а живеть в ней пустынный, а имя ему Букаль. И потому и хижина именуема Букалова. И нынѣ на томъ мѣсте Божиимъ повелѣнием царской дворъ. И после того князь великий Данила Ивановичь с тѣмъ же гречениномъ Василиемъ спустя 4 дни наѣхали горы, а в горахъ тѣхъ стоит хижина мала, а в той хижине человекъ римлянин, имя ему Подонъ. И возлюби князь великий мѣсто сие, и на томъ мѣсте себѣ домъ устрои восхотѣ. Той же мужъ Подонъ исполненъ Духа Свята и рече: «Князе, не подобаеть ти здѣ веселитися, то есть мѣсто домъ Божий. Созижди ту храмъ, и пребудуть архиереи Бога вышняго служителие». Князь же великий Даниль Ивано-

¹ начале, возникновении; ² очень красивую; ^{3—3} украшенную резьбой; ⁴ грека.

вичъ въ 6 лѣто на хижине Букалове заложи град и нарекоша имя ему Москва.*
А въ 7 лѣто на горахъ Подонских на хижине заложи церковь Всемилоствиваго
Спаса и устрои святолѣпну ю. И въ 9-е лѣто родишася у него два сына, князь
Алексѣй, князь Петръ.* Онъ же, князь великий Данилъ Ивановичъ, любляше
сына своего вельми, князь Алексѣя Даниловича, и во имя его созда град к северу
и нарече имя ему Алексинъ.* И тамо обрѣте во острове мужа именем Сара, 'зем-
ли Иверские'¹, свята и благоговѣйна зѣло, и на его хижине заложи градъ Алек-
синъ. И по 29 лѣтехъ прииде из грекъ епископъ Варлаамъ к великому князю Да-
нилу Ивановичю и многия чудотворные мощи с собою принесе. Князь же вели-
кий Данило Ивановичъ приять его съ великою честью и любовию, и повелѣ ему
храмъ освятити на горахъ Подонскихъ, и предаст ему область Крутицкую, и на-
рекоша его владыкою Сарскимъ и Подонскимъ, а горы нарекоша Крутицы.*

---

¹—¹ из Грузии.

СКАЗАНИЕ ОБ УБИЕНИИ ДАНИИЛА СУЗДАЛЬСКОГО И О НАЧАЛЕ МОСКВЫ

И почему было Москвѣ царством быть, и хто то знал, что Москвѣ государством слыть?

Были тут по Москвѣ-рекѣ села красныя¹, хорошы боярина Кучка Стефана Ивановича.* И бысть у Кучка боярина два сына красны, и не было столь хороших во всей Руской земле. Извѣдавъ про них князь Данило Суздальский и спроси у боярина Кучка Ивановича двух сыновъ к собѣ во двор с великим прением. И глагола: «Аще не дашь сыновъ своих ко мнѣ во двор, и яз-де на тебя с войною приду, и тебя мечем погублю, и села твои красные огнем пожгу». И боярин Кучко Стефан Иванович убоися грозы князя Данила Суздальского и отдав сыновъ обоих своих князю Данилу Суздальскому. И князю же Данилу Суздальскому полюбилися оба сынови Кучковы, почал их любити и пожалова их — одного в стольники и другаго в чашники.*

И приглянусь онѣ Данилове княгине Улитѣ Юрьевне,* и уязви дьяволь ея блудною похотью, возлюби красоту лица их; и дьявольскимъ возжелѣнием зжилися любезно. И здумали извести князя Данила. И мысля Кучка боярина дѣти со княгиною, како предати злой смерти. И умыслиша ехати поля смотрити зайца лову. И поехав князь Данило с ними на поле и отѣхав в дебри, и нача Кучковы дѣти предавати злой смерти князя Данила. Князь ускоче на конѣ своем в рощу, частотѣ лѣса, и бежав злѣ² Оку-рѣку, остав конь свой. Онѣ же злии, аки волцы лютии, напрасно³ хотя восхитити его, и в торопях и сами во ужастѣ иска его, и не могоша надти его, но токмо нашед коня его.

Князь же добежав злѣ Оку-рѣку до перевоза, и нечево дати перевозчику перевозного, токмо с руки перстень злат. Первозщикъ глаголаше: «Лихи-де вы люди оманчивы, како перевези за рѣку вас, и удете не заплатя перевозного». А не познав его, что князь есть. Первозчик же приѣхавше блиско ко берегу и протянув весло: подай-де перстень на весло перевозного. Князь же возложыв на

---

¹ прекрасные, красивые; ² возле, вдоль по берегу; ³ внезапно.

весло свой перстень злат, перевозщик взяв перстень к собѣ, и отпехнувся в перевознѣ за Оку-рѣку, и не перевез его.

Князь побѣже злѣ Оку-рѣку, бояся за собою людей погонщиков. И наста день той к вечеру темных осенних ночей. И не вѣсть, где прикритися: пусто мѣсто в дебрии. И нашед струбец¹, погребен ту был упокойный мертвый. Князь же влѣзе в струбець той, закрывся, забыв страсть² от мертвого. И почии ночь темну осеннюю до утрия.

Сыновѣ же боярина Кучка Ивановича быв в сѣтованье и в печали, во скорби велицей, что упустили князя Данила жива с побоища ранена: «Лутче было нам не мыслити и не дѣяти над князем злого дѣла смертнаго. Ушел-де князь Данило ранен от нас в Володимер-град ко брату своему, ко князю Андрѣю Александровичю,* и будетъ князь Андрѣй к нам за то с войским, и принят будет от них злая казнь розноличная и смерть лютая, а тебѣ, княгина Улита Юрьевна, повѣшеной быть на воротех и злѣ³ ростриляной, или в землю по плечь живой быть закопаной, что мы напрасно здумали зло на князя неправедно».

Злая же та княгина Улита, наполни ей дьявол в сердце злыи мысли на мужа своего, князя Данила Александровича, аки ярому⁴ змею яда лютаго, а дьявольским и сотониным навождением блудною похотью возлюбив милодобрѣх и наложников и сказа им, Кучковым дѣтям, своим любовникомъ, все по ряду: «Есть-де у насъ⁵ песь-выжлец⁵. И какъ князь Данило поежжает на грозные побоища против тотаровой и крымских людей и заказывает мнѣ поедучи: „Либо-де я от тотаровой или от крымских людей убит буду, или на поле случитце мнѣ смерть безвѣстная, и в трупу чловѣчье меня сыскать или опознать будет немошно, или и в полонѣ возмут жива меня тотаровя, и которой дорогой в кою страну свезут меня жива в свою землю, и ты пошли искать меня своих дворян с тем со псом выжлетом, и вели им пусти пса того наперед проста⁶ и за ним самим ехать, и гдѣ будет я жив свезен, и пес той дорогой дойдет меня, или на поле буду мертвъ без висти, или на побоище убит в трупу многого чловѣчья, и образ у меня у мертваго от кровавых ран переиначитце⁷, не познать меня, и тот пес сыщет⁸ без оманки⁸ меня и мертвому мнѣ почнет радоватися, а мертвое мое тѣло почнет лизать на радости”».

И на утрии княгина Улита того пса-выжлеца дав им, своим любовником, и твердо им наказывала: «Где вы его, князя, со псом сыщеть жива, и тут ему скоро и смерти предайтѣ без милости» Они же, злии, злаго ума от тоя злоядницы княгини Улиты наполнились, взяв пса того, и доехав того мѣста, где князя Данила вчера ранили, и с того мѣста пустиша напред себя пса-выжлеца. И пес побѣже, а они за ним скоро ехаша. И побежав пес злѣ Оку-рѣку, и добежав до того струпца упокойнаго, где ухоронися князь. И забив пес главу свою в струбец, а

¹ сруб; ² страх; ³ жестоко; ⁴ свирепому; ^{5—5} собака-ищейка; ⁶ свободного, отвязанного; ⁷ изменится; ^{8—8} без ошибки.

самъ весь пес в струбец не вмѣстися, и увиде пес государя своего, князя Данила, и нача ему радоватись ласково. Тѣ же искомыи его увидѣвше пса радующеса и хвостом машуще и, скоро скоча, скрывают покров струбца того и нашли тут князя Данила Александровича. И скоро ту князю смерть дают лютую, мечи и копьи прободоша ребра ему и отсекоша главу ему, в том же струбце покрывша¹ тѣло его.

Той же благовѣрный князь Данило Александровичъ бысть четвертый мученик новый, прият мученическую смерть от прелюбодѣяний жены своеи. Первые мученики, Борис, и Глѣбъ, и Святослав, убьени быша от брата своего, окаянного Святополка, рекомого Поганого полка.* Кучковы же дѣти приехав во град Суздаль, и привезли ризу кровавую князя Данила Александровича ко княгини его, и немного жыша со княгиной той въ бесовскомъ возжелении, сотонинымъ закономъ связавшися, удручая тѣло свое блудною любовною похотию, скверня в прелюбодѣвствии.

Но скоро доходит вѣсть в Володимер-град ко князю Андрѣю Александровичю, что здѣся таковое злоубивствие над братомъ его Даниломъ. Сыне же его, Ивану Даниловичю,* внуку Александрову, остася младу сушу, но токмо пяти лѣтъ и трехъ мѣсяць, и храняше его и соблюде его вѣрный слуга бысть князю Данилу, именемъ Давыдъ Тярдемив, храняше его втай² два мѣсяца. И зжалися той вѣрный слуга Давыдъ о княже сыне Иванѣ, и взяв его отай³ нощию, и ⁴пад на конь⁴, и гнав с ним скоро ко граду Володимеру, ко князю Андрѣю Александровичю, по рождению к дядюшке его. И сказав слуга той Давыдъ князю Андрѣю все по ряду бывшее, что во градѣ Суздаль содѣся злоубивствие над братомъ его Даниломъ.

Князь же Андрѣй зжалися по братѣ своем, аки князь Ярослав Владимирович по братѣ своей, по Борисе, и Глѣбе, и по Святославѣ, на окаяннаго злаго братоубийца Святополка, нарекомого Поганого полка. И собра Ярослав новгородцев войска, и Бога собѣ в помощь призывая, и шед ратью, и отмстив кровь праведну братѣ своей, Бориса, и Глѣба, и Святослава, побѣдив окаяннаго Святополка Поганого полка. Также сий новый Ярослав, князь Андрѣй Александрович, прослѣзився горце⁵ по братѣ своем, князе Даниле Суздальском, и воздевъ руце на небо, и рече со слѣзами: «Господи, Владыко, Творце и всему Создателю, мстил еси ты кровь праведну Бориса и Глеба князю Ярославу на окаяннаго Святополка. Также, Господи Владыко, мсти кровь сию неповинную, мнѣ грѣшному, брата моего, князя Данила, на злыхъ сихъ блудниковъ, наложниковъ тоя бляди Улитки, несытыхъ ихъ плотскихъ, блудныхъ, скверныхъ, грязныхъ похотей, бесовскихъ угодныхъ дель, связанья ихъ сотонина закона. Святополкъ окаянный братоубивство сотворив, очи его злыи прельстися несытии сребра, и злата, и имѣния многого, власть царства ти сего свѣта на един часъ восхотѣвъ, а Небеснаго

¹ спрятали; ² тайно; ³ тайно; ^{4—4} вскочил на коня; ⁵ горько.

Царства вовѣки отринух, а во днѣ адовѣ вовѣки мучение возлюбивѣ. Такоже и та блядь Улитка своего чрева блудныя, скверныя похоти насытовство всласть на един час в бескорывство приим, не токмо Небеснаго Царьства отринувся, но и сего свѣта власть, и злато, и серебро, и ризы многоценныя отринув, но возлюби скверность блудную, похоть чреву, несытость, возляже с тѣми наложники на един час, сласть возлюби, всю земную красоту забывѣ, а стала ¹ино аки¹ адѣ izbлева, похоть скверную выля, невѣста готовитце окаянному Святополку во днѣ адовѣ, от сотаны дьявола законѣ приемлют вовѣки мучение, мужа своего изгубих своими наложники, аки сотона со двема дьяволы».

И собра князь Андрѣй в Володимере-градѣ своего войска пять тысящ и поиде ко граду Суздаю. И слышав во градѣ Суздаля Кучка боярина Стефана Ивановича дѣти, что идетъ на них из Володимера-града князь Андрѣй с войским, и обыде² их страх и ужастъ, что напрасно проляя кровь неповинную. И не возмогша стати противо князя Андрѣя ратоватися, и бежа ко отцу своему, к Кучку боярину Стефану Ивановичю. Князь же Андрѣй своим воинствомъ пришедъ в Суздаль-град. Суздальцы же не противишася ему, но токмо покоришася ему глаголюще: «Государю князь Андрѣй Александрович, мы бо не совѣтники государю своему убоица³ князю Данилу, но ⁴не вѣмыи⁴, что жена его злую смерть ему в кий час получи и можем тебѣ, князю Андрѣю, пособьствовати на слых тех измѣнниковъ». И взяв княгину Улиту, и казня всякими муками розноличными, и предаде ея смерти лютое, что она, злая, таковаго безтутства⁵, Дѣтеля⁶ Бога не убояшася и вельможъ, и всяких людей не усрамишася, а от добрых жен укуру и посмѣху не постыдѣшася, мужа своего злой смерти предала, и сама ту же злую смерть прия.

И собрався суздальцев три тысячи войска ко князю Андрѣю пособьствовати, и поидоша князь Андрѣй со всею силою на боярина Кучка Стефана Ивановича. И не было у Кучка боярина круг его красных сель ограды каменныя, ни острогу⁷ деревяннаго, и немного возмог Кучко боярин боем битися. И невдолге князь Андрѣй своей силою войскою емлет приступом селы и слободы красныя Кучка боярина, и самого его, Кучка боярина, и съ его дѣтми в полонѣ емлетъ. И куют их в желѣза крѣпкие, и казнят его и з дѣтми его всякими казнми розноличными лютыми. И ту Кучко бояринъ и своими дѣтми злую смерть приять в лѣто 6797 (1289) месяца марта в 17 день.

Князь же Андрѣй Александровичъ отмстив кровь брата своего, победив Кучка боярина и злых убиец князя Данила, брата своего, а дѣтей Кучка боярина и все имѣнье богатства его розграбиша, а сель и слобод красных еще не позжгоша огнемъ. И воздаде славу Бога на радостъ, и почии ту до утрия. И на утрии востав и посмотрив по тем красным селам и слободам, и вложы Богъ в сердце

¹—1 такой, словно; ² охватил; ³ убийцам; ⁴—4 не знаем; ⁵ бесстыдства; ⁶ Создателя;

⁷ ограды из кольев, частокола.

князю Андрѣю мысль: тѣ села и слободы добръ ему красны полюбилися, и мысля во умѣ своем уподобися ту граду быть. И воздохнув из глубины сердца своего, и помолився Богу со слѣзами, и возревъ на небо, и рече: «Боже Вседержителю, Творче и всему Создатель, просвати, Господи, мѣсто сие, уподобися граду быти и церквамъ Божиим, подаж ми, Господи, помощь хотѣния мысли моя устроити». И оттолъ князь Андрѣй съде в тех красных селах и слободах жительствовати, во граде же Суздале и в Володимере посажая державъствовати сына своего Георгия, а плямника своего, брату сына, Ивана Даниловича, к собѣ взяв и воспитав его до возраста в добръ наказании¹.

Той же благовѣрный князь Андрѣй Александрович созижде церковь Святыя Богородицы честнаго и славнаго ея Благовѣщенья, но невелику суши, древянную, и Бога в помощь собѣ призываючи и Пречистую его Богоматерь. Таже нача и град основати около тех красных сель по Москвѣ-рѣке, Бога собѣ в помощь призывая. С ним же пособствова суздальцы, и володимерцы, и ростовцы, и все окрестные. Ту и соверши град Божию помощию, и устрои, и башни здѣла, и всѣ градное устрои в лѣта 6799 (1291) мѣсяца июля въ 27 день на память святого великомученика Пантелѣймона. И оттолъ нача именоватися и прославися град той Москва.

---

¹ наставлении.

ПРЕДАНИЕ ОБ ОСНОВАНИИ МОСКВЫ ОЛЕГОМ

О НАЧАЛѢ ЦАРСТВУЮЩАГО ГРАДА МОСКВЫ

В лѣта 6388 (880), по смерти великаго новгородскаго князя Рюрика, остася по нем сынъ его Игорь, ¹в дозорѣ¹ Олгови, * вельможе, сродникови² своему, со всѣми княжества Россійскими, понеже Игорь младъ еще бѣ. Промыслом³ же Олговымъ восприя княжение киевское, а Оскольдъ и Дир, князи киевстии, * убиени быша. И тако княжение киевское скончася, которое от Кия, Щека и Корея и сестры ихъ Либеди начася. * А от князей варяжскихъ, от Игоря Рюриковича, прочии князи даже до великихъ князей московскихъ родство свое изведоша. Сей же Игорь Рюриковичъ и весь родъ его от колѣна Августа, кесаря тивиріатскаго римскаго. *

Вышеупомянутый Олгъ, *имея* в дозорствѣ князя Игоря, облада странами многими по всей земли Россійстѣй. При княжении же своемъ Олгъ прииде на Москву-рѣку, в *нюже* текутъ Неглинна да Яуза, и постави ту градъ и нарече Москва, * и посади ту князя, сродника своего, и ины многи грады постави во странахъ Россійскихъ.

По смерти же Олговъ великий князь Игорь Рюриковичъ нача самъ княжити в Киевѣ, в Великомъ Новѣградѣ, Псковѣ, и на Беломъ езерѣ, и на всѣхъ княженияхъ и земляхъ Россійскихъ, восточныхъ, и полунощныхъ, и на полудне лежащихъ. Сей Игорь, еще живу сущу бысть Олгу, счетася со Олгою, премудрою красною девицею, правнукою⁴ Гостомысловою, * от Пскова. Сия же Ольга бысть баба⁵ великому князю Владимиру Киевскому. *

---

¹—¹ под присмотром; ² родственника; ³ старанием; ⁴ правнучкой; ⁵ бабушка.

СКАЗАНИЕ О КИЕВСКИХ БОГАТЫРЯХ

СКАЗАНИЕ О КЪЕВСКИХ БОГАТЫРЕХ,
КАКЪ ХОДИЛИ ВО ЦАРЬГРАД
И КАК ПОБИЛИ ЦАРЕГРАДЦКИХ БОГАТЫРЕЙ,
УЧИНИЛИ СЕБЪ ЧЕСТЬ

Во столном славнем граде Киеве говорит князь Владимир Всеславич Киевской своим богатыремъ, Илье Муромцу с товарищи: «Или то вамъ не свѣдомо, богатырем, что отпускает на меня царь Костянтин из Царяграда 42 богатырей, а велит имъ Къевъ изгубити. И вы бы нынеча никуда не розъезжались, берегли бы естя града Киева и всеъ моей вотчины».

Бьют челомъ в столе¹ 7 богатырей: «Государь-князь, Владимир Киевской Всеслаевич! Отпусти нас в чистое поле, мы тебѣ, государю, прямая вѣсти отвѣдаем и приведем тебѣ, государю, языка добраго; тебѣ, государю, славу великую учинимъ, и себя, государь, в честь введемъ и всему твоему государству похвалу великую учиним, и многия орды острастимъ». А *взоговорят* богатыри таково слово: «Государь-князь Владимир Киевской! Сторожем мы в землѣ не извадились² жить, не доведетца нам сторожами слыть».

Имена богатыремъ: 1 богатырь — Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ, 2 багатырь — Добрыня *Никитичин*, 3 багатырь — Дворянин Залѣшанин, Серая свита, злаченые пугвицы, 4 богатырь — Олеша Попович, 5 богатырь — Щата Елизыничъ, 6 богатырь — Сухан Доментьянович, 7 богатырь — Бѣлая Палица, красным золотом украшена, *четым*³ жемчюгом унизана, посреде тоѣй палицы камень, самоцвѣтной пламень.

Да говорятъ богатыри таково слово: «Государь-князь Владимир Киевской Всеслаевич! Не извадились мы сторожемъ стеретчи, только мы извадились в чистом поле ѣздити, побивать полки татарские. Отпусти нас, государь, в чистое поле, мы тебѣ, государю, прямые вѣсти отвѣдаем или тобѣ приведем языка добраго».

Взговорит князь Владимир Киевской: «Ой естя, богатыри, Илья Муромецъ с товарищи! Не пригоже вамъ в тѣ поры прочь отъехать, а меня вам, государя, покинути одново в Киеве. А яз жду тѣх богатырей с часу на час борзо х Киеву. Пригоже вам моя вотчины поберетчи».

---

¹ на пиру; ² не привыкли; ³ отборным.

Тут богатыри закручинилися, идут к своим добрым конямъ, удара челом великому князю Владимиру Всеслаевичю; учили на них класти седла черкаские, подтягивают подпруги шелку бѣлово, у всѣхъ пряжи¹ булатные, красного булату перепускнаго². Да кладут на себя доспехи крѣпкия, емлютъ с собою палицы булатныя, того булату перепускнаго, и всю свою здбрую богатырьскую. И, всѣд на кони, прочь поѣхали из Кѣва, заложили копыя булатные, вострыя, поѣхали в чистое поле.

Ѣдут по чистому полю, взговорят промеж собою таково пословицу: «Лутче бы мы тоѣ срамоты великия не слышали, нежели мы от князя в очи такое слово слышали!³ Хотя бы мы людей не породились³, да были бы мы богатыри не добрыя, и нас бы в Кѣве сторожи стеретчи на заставлявали!»

Говорить Илья Муромецъ своимъ товарищемъ: «Государи естя мои товарищи! Чѣмъ тѣхъ богатырей на себя ждати х Киеву, мы поѣдемъ встрѣчу к ним и там с ними свидимся. А сказывают, что удалы добре, не по обычею; мы станем Богу молитися, чтобы нам Богъ помощь послалъ на цареградцкихъ богатырей».

А прямо идут ко *Царюграду*.

Какъ будут 12 попришь* до града, перезжаючи Смугрю-реку,* ажно има навстрѣчу идут 12 человекъ цареградцкихъ богатырей, а на них платье калицкое⁴. Приѣхал к нимъ Олеша Поповичъ да говорит имъ таково слово: «Братия вы милая, калики перехожии, дайте вы нам свое платье каличное, а у нас возьмите наше платье свѣтлое». Говорит калика таково слово: «Ой еси, Алеша Попович! Али меня не знаешь, или имени моего не вѣдаешь, как меня зовут? Зовут меня по имени Никита Ивановичъ, родомъ есми карачевецъ».* А на каликахъ гуни голуба скорлату,* а *терлики** на них камки венецкые⁵,* а палицы у них вязовые, с конца в конецъ свинцу налиту; а Никиты палица вся *золотая*.

Приѣхал к нимъ Илья Муромецъ да говорит имъ таково слово: «За то нам, Никита, бранитися не о чем, а вам стоять нѣ за што! Вото вам платье свѣтлое, дайте намъ свое платье калицкое!» Взговорит Никита таково слово: «За то нам, государь Илья Муромец, стоять не за што и спору чинить не о чемъ!» Дают с себя платье калицкое, они дают с себя платье свѣтлое.

Взговорит Добрыня Никитичъ таково слово: «Почто вы, Никита, ходили во *Царьгород*?» Говорит Никита таково слово: «Государь Добрыня Никитич! Ходили мы прямыхъ вестей отвѣдывать: естли столко цареградцкихъ богатырей, итти ли им в Кѣвъ город? И вѣсти прямые неизмѣнные: при царѣ богатыри похваляютца, хотят Кѣвъ город наш ити взяти, и великого князя с великою княгинею в полон вести, а удалыхъ богатырей,⁶ станныхъ людей⁶, под мечъ всѣхъ приклонити, а злато и сребро покатымъ телѣгами».

¹ пряжки; ² из драгоценного закаленного булата; ³⁻³ даже если бы мы были из худого рода; ⁴ странническое; ⁵ венецианские; ⁶⁻⁶ защитников.

Говорить в тѣ поры Илья Муромецъ: «Слышите ли, мои товарищи? За то хочу голову сложить — за государеву чашу и молитвы и за ево хлѣб-соль великую». Оставляють свои добрыя коня на Смугре-рекѣ и все свои изряды¹ богатырския, по одной емлют себе по булатной палицы, *красного* булату, перепусьного, и тое несут под гунами скорлатными. Да говорят меж собою пословицу: «Бога ради, богатыри, будьте к татарским речем стерпивы». Говорит Дворянин Зальшанин: «Всех у нас пуще Олеша Попович, что он, де, пьян или не пьян, изо всѣх нас охочь бранится; тотъ у нас багатырь кручиноват»².

Пошли богатыри во Царьгород, а в тѣ поры у царя столѣ³, а в столѣ подаютъ *вству*. Пришли богатыри на царевъ двор, и стали на землѣ перед красным окном, и учили просити милостины противу окна громким голосом. Каличные слышат гласы — сказали самому царю.

И слыша царь Косътянтин гласы *каличные*, да говорит Тугарину Змиевичю: «Вели позвать *калик* тѣх, по рѣчамъ — *кабы* русь пришла, *попытай* их о вестях о киевскихъ, то будет они ведаютъ».

Позвали калик ко царю; царь учал калик спрашивать: «Скажите вы, калики перехожие!» Учаль Илья Муромецъ говорити: «Ходим мы, государь, от великого князя Владимира Всеслаевича Киевского».

Против царя сидят Идол Скоропѣвичъ* богатырь, а ростомъ добре, не по обычею: меж очима у него стрѣла ладится, меж плечми у него болшая сажень, очи у него, какъ чаши, а голова у него, какъ пивной котел: посмотреть на него — устрашиться. Говорить царю Костянтину тако слово: «Государь-царь, вольной человекъ, *попытай*⁴ ти о вестях, о киевских богатырех, сколко у великого князя Владимира богатырей, и каковы онѣ ростом, прытостью».

Царь учал каликъ спрашивать: «Скажите вы, калики перехожия, про кѣвскихъ богатыри». Говорит Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ: «В Кѣеве, государь, 32 богатыря да удалы не по обычею!»

Говорит Идол-богатырь: «Есть ли у вас славной богатырь Илья Муромец, ⁵каков онъ рожаем⁵ и каков велик ростом? Посмотрить, де, на него — устрашитца. И вы посмотрите нашим богатыремъ». Говорит Илья Муромецъ: «И ты, государь, смотри на меня».

Взговорит багатырь Идол Скоропѣвич: «Царь-государь Костянтин, не мешкай, государь, службою багатырьскою! Отпущай, государь, нас на Русь борзо⁶ х Киеву, х князю Владимиру, и будет токо то не *солгано* ..., што в Киеве». Возговорят богатыри: «И мы тебѣ, государю, приведемъ князя Владимира с великою княинею ... богатыремъ и удалым молодцом под мечь поклонитымъ, и всем в Киеве учиним съчу великую, а злато и сребро покатымъ телѣгами. Тебѣ, государю, прибыль и славу добрую во вся орды, а себя в честь введем».

¹ снаряжение; ² гневлив; ³ пир; ⁴ расспроси; ⁵⁻⁵ как он выглядит (каким он уроден); ⁶ скорее.

Взяла кручина молода Олешу Поповича, да говорит Олеша Поповичъ таково слово: «Коли вы, багатыри, приѣдете х Киеву, тогда не узнаете дороги, куды вам бѣжати. А станете *молодцевъ* кѣвских и учинете съчь великую, а покатыца головы татарския, а пролетца кровь горячая багатырей, цареградских багатырей. Не пять у нас человекъ в Кѣеве, есть близко десятка человекъ!» Идолъ на него розкручинился¹.

Говорит Дворянин Залѣшанин: «С твоего, государь, меду опился!» Говорит Дворянин Залѣшанин Олеше Поповичю: «Уйми свое сердце багатырское, немощно намъ тебя ²нажюрить, ни наговорить²». Говорит Олеша Попович: «А он наших багатырей ни во что ставит, и великого князя хулит, и иему посмѣхаетца!»

И Идол на него розкручинился. Говорит Дворянин Залѣшанин: «Из ума, государь, он выпиваетца!»

Говорит Идол-богатырь: «Скажите, калики, про кѣвских багатырей, и каковы у них лошади удалы?» И с нимъ говорит Дворянин Залѣшанин: «По вся дни, государь, вѣдаем и лошади багатырские знаем».

Говорит Идол-богатырь: «Царь-государь, волной человекъ, после розпрошати, вели, государь, показать *имъ* свои лошади царския».

Царь велѣл вывести свои лошади царския. Говорят калики перехоžia: «Лутче тѣх шкап³ в Кѣеве и простые лошади, а на багатырские лошади пристрашно посмотреть!»

Говорит Идол-богатырь: «Вели, царь-государь, показать имъ наши лошади багатырские». Царь велѣл вывести лошади багатырские.

Ведут лошади багатырские: 1-ю лошадь ведут Идола богатыря Скоропеевича на 12 чепях на золотых, 2-ю ведут лошадь молода Тугарина Змиевича на 11 чепях серебряныхъ, за тѣми ведут сорока дву багатырей. А всѣ тѣ кони удалы добръ, не по обычею, каликам полюбилися. Издалеча калики увидели, что добры, не по обычею.

Говорит Дворянин Залѣшанин: «Сверху, государь, не мотчи смѣтити и усмотрити, и как, государь-царь, смѣтим, и мы тебѣ, государю, скажем про наших багатырей и про коней, и их храбрость окажем». И царь повелѣл имъ вытти.

Пошли калики вон от царя лошадей смотреть. И как будут посреди двора царева и лошадей, взговорили багатыри промеж собою таково пословицу: «Смотрите, государи товарищи, коней, да высматривайте гораздо, было бы нам, что про наших коней царю сказати!»

«А ⁴уж ли⁴, калики, высмотрили?»

Взговорят калики: «Теперво, государь, высмотрили».

Взговорит Илья Муромецъ своимъ товарищем: «Теперво нам, братцы, ⁵срока пришла⁵. Отъимайте лошади багатырские, убейте татар без милости, садитесь на кони без сѣдел, на кони багатырския, на добрыя!»

¹ разгневался; ²⁻² бранить и уговаривать; ³ лошадей; ⁴⁻⁴ теперь; ⁵⁻⁵ срок пришел.

Пришли богатыри к конемъ. Не птички соловьи рано в дуброве просвистали, свиснули, гаркнули багатыри багатырским голосом, да свиснули палицы булатные у Ильи Муромца с товарищи, послетали головы татарския! Отнели себъ по добру коню и, всѣд на кони, прочь из града поѣхали до Смугры-реки.

Добрых коней един у царя *остался* на дворе, и тот Олеше Поповичю. Воротился Алеша пѣшь во Царьгород, а коня покинул на Смугре-рекѣ. Да говорит Алеша Попович Костянтину таково слово: «Потому мы, царь, у тебя лошади не всѣ емлем, что хотим мы с твоими богатыри в чистом поле свидетися и их прытость увидети. И будем мы опять с твоими богатыри во Царѣграде».

И изговоря Олеша, поѣхали богатыри к Смугре-рекѣ. Да кладут на себя досьпѣхи крѣпкия и всю зѣбрую багатырскую, емлют с собою палицы булатныя и копя вострыя. Ажно скачют из Царяграда богатыри с великою поганою силою татарскою.

Говорит Олеша Поповичъ: «Государи мои товарищи! Потерпите малехонько, дайте мнѣ поправить свое сердце багатырское!» Багатырское сердце нестерпчиво, хочет и послѣднюю орду побити, похвалу доспѣти! *Свиснул, крикнул* багатырским голосом: «*Потерпите* малехонько, дайте мнѣ теперво с ними одному потравитися! Хочу себѣ похвалу доспѣти, чтобы *увидял* царь Костянтин и дошла бы наша похвала до князя Владимира!»

И какъ съезжаютца с злыми полки татарскими и с сорок и дву богатыри цареградскими, свиснули, крикнули богатыри *багатырским* голосом. От свисту и от *крику* лес розсытилетца, трава постилетца, добрыя кони на окарашки падают, худыя кони и живы не бывали.

Не *птицы* соловьи в дуброве просвистали, свиснули, гаркнули руския богатыри, Илья Муромец с товарищи.

Говорит цареградской багатырь Идол Скоропѣевичъ: «Государи мои товарищи! Сердце ся у меня ужаснуло, трепешется, и голова вкруг обходит, и очима не мощно на свѣт глядѣть: болшо, ей, намъ быти побитымъ всѣм!» Взговорит Тугарин Змиевичъ: «Болшо, ей, нам, товарищи, коли бы смерти минутися, ли ся храбрость наша преложися на тихость; не *мощно* руки поднять, скоро нас страсть взяла: болшо Илья Муромец сам пришелъ!»

Напустил Илья Муромец встрѣчу цареградским богатырем от своих товарищев в полуверстѣ, и всѣ товарищи скоро поѣхали за нимъ. И ударилися крѣпко на *копя* булатныя, и учалися твердо бить и неподвижно, колды копя у них булатные приломалися и доспѣхи крѣпкие. Збил Илья Муромец з добра коня Идола Скоропѣевича, а Тугарина руками взял; а обѣих богатырей, Идола и Тугарина, живых взяли, и всю силу татарскую побили, и тѣх сорока богатырей побили, а Идола-богатыря и Тугарина-богатыря живых ведут их во Царьгород, и ставятца перед царевою полатою.

Говорит Илья Муромец *с своими* товарищи таково слово: «Тебѣ, царю, вѣдомо было, что твоих 42 богатырей побили и всю силу татарскую поганую по-

били, а твоихъ лутчих богатырей, Идола Скоропѣевича да Тугарина Змиевича, живыхъ взяли. Да потому, царю, тебя ничемъ не двигнули, ни крянули¹, ни чернымъ волосомъ,* что ѣдимъ мы безъ государскаго вѣдама. А похвалу есми видели твоихъ богатырей: похвала мужю — великая пагуба! А татаръ всѣхъ побили — тѣмъ на Русь не бывати! Толко, царю, теперво тебѣ челомъ бьемъ Идоломъ-богатыремъ, чтобы ты на насъ не кручинился, а Тугарина тебѣ, государю, не дадимъ, отвеземъ великому князю, с чемъ намъ ко князю Владимиру появитися». И дають богатыри царю Идола, а Тугарина с собою емлют.

Не бѣлая лебедь воскликала, восплакалася мати Тугарина Змиевича и бьетъ челомъ благовѣрной царице Елене: «Государыни благовѣрная царицы Елена! Упрошай ты, государыни, у русскихъ богатырей молода Тугарина Змиевича!» Говоритъ благовѣрная царицы: «Государя естя руския богатыри, Илья Муромецъ с товарищи! Такихъ грозныхъ богатырей не бывало въ Цареграде, не побивали нашихъ цареградцкихъ богатырей, не уведите для моихъ слезъ младово Тугарина Змиевича!»

Говоритъ Илья Муромецъ с товарищи: «Государыня благовѣрная царицы Елена! За то тебѣ говоримъ, государыни, не двигнемъ Тугарина ничемъ для государскаго твоего слова, будетъ Тугаринъ в Киеве, потомъ тебѣ будетъ во Царѣграде живъ. А нелзѣ намъ отдати богатыря цареградскаго, нѣчемъ намъ в Кѣеве похвалитися, что намъ сказать князю Владимиру Всеслаевичю!»

Били челомъ государыни, прочь поѣхали. Ведутъ с собою языка добраго, Тугарина Змиевича.

Ѣдутъ по полю по чистому и выбираютъ от себя богатыря Дворянина Залѣшанина: «Поѣдь ты, Дворянинъ Залѣшанинъ, к стольному граду Кѣеву! Ты жилецъ двора государева, много живешь во дворѣ государеве и всякой чинъ вѣдаешь. Обошли² насъ государю, князю Владимиру Всеслаевичю, велитъ ли намъ на свои государския очи видети? А грубили есмя твоему недругу, царю Костянтину благовѣрному, убили есмя у него 42 богатырей, а с нимъ татаръ люди многия да одново богатыря оставили во Цареграде, а другово тебѣ ведемъ».

Приѣзжалъ Дворянинъ Залѣшанинъ граду х Киеву, и пошелъ к великому князю Владимиру Всеслаевичю, и справилъ рѣчи от своихъ товарищевъ, что ему наказано.

Приѣхали богатыри к государю Владимиру Всеслаевичю, привели языка добраго — Тугарина Змиевича, цареградскаго богатыря. Князь великий Владимиръ Всеслаевичъ почалъ богатырей жаловать, даиетъ имъ шубы подъ аксамиты,* и чепи великия златые, и сверхъ тово казною несмѣтно. Да говоритъ князь Владимиръ Всеслаевичъ: «Да впредь васъ, богатыри, радъ жаловать за вашу выслугу великую и за службу богатырскую! А нынѣ емлите себѣ, что вамъ надобе!»

¹ ни тронули; ² оговорили.

И учал князь Владимир Всеслаевич молода Тугарина Змиевича спрашивать о вестях. Зговорит Тугарин: «Что меня, государь, о вестях спрашиваешь, князь Владимир Всеслаевич! У тебя, государя, вотчины не во всѣх ордах, а богатырей твоих удалее нѣт и во всѣх землях».

И как будет князь Владимир навесело, и учили потешатися. И бьет челом Илья Муромец с своими товарищи: «Государь князь Владимир Всеслаевич! Умилосердися, пожалуй нас, холопей своих! Говорила намъ царицы Елена и была челом, чтобы мы заложили слово тебѣ, государю, о молоде Тугарине, чтобы ты пожаловал, отпустил ево во Царьгород; и молвили есмя царице Елене, чтобы нам упрощать у тебя, государя, молода Тугарина Змиевича во Царьгород. А мы тебѣ, государю, ради впредь служить, елико сила можетъ!»

Князь Владимир Всеслаевич пожаловал, отдал имъ молода Тугарина Змиевича, цареградцкого *богатыря*. Говорит князь Владимир Всеслаевичъ: «Ой естя, мои князи и богатыря! Цареградцких богатырей было 42, а с ними было татар людей много, — не рать ли в поле была? А моих богатырей толко 7 было!»

Били ему челом богатыри, взяли молода Тугарина Змиевича и всклали на себя всю збрую богатырьскую, поѣхали во чистое поле. И какъ будут на рубеже, опускают во Царьград молода Тугарина и учили закликать, чтобы имъ на Русь не бывать вѣк по вѣку. Да отпустили с радостью великою, и простилися, и сами поѣхали в чистое поле.

Богатырское слово во вѣки, аминь.

ПОВЕСТЬ О СУХАНЕ

Во граде Киевѣ бысть при старосте,
При великом князе Манамахе Владимеровиче,*
Был богатырь стар добръ,
Больши ему девяноста лѣтъ.
Да охочь был до потѣхи кречятные,*
Не покинулъ он потехи и до старости.
Лучилось ему выехать с красным кречятом*
На празникъ на Усекновение чесныя главы Ивана
Предотечи.*

И не доежаючи быстра Непра Слаутича,
Наехалъ на малой заводи многия лебеди.
И богатырь тому учал дивитися:
«На той на малой заводе не наеживал
Я ни гусей, ни утят, ан нынеча
Вижу многия лебеди — а все то не даром.
Поеду, поеду посмотрю быстра Непра Слаутича».*
И приезжает Сухан ко быстру Непру Слаутицю,
А ужь Непръ река смешалась з желты пески.
И Сухан стал, задумался.
Ажно по заречью ездит человекъ,
А волочит за собою копье с прапором¹,
Да вопит громко голосомъ:
«Ой еси, Сухан Дамантьевичь!
Ты славен в Киеве велик богатырь,
А ²по ся местъ² не вѣдаешь:
Ужь тому девятой день какъ перевозитца

---

¹ знаменем; ²⁻² до сих пор.

Через быстрой Непрь царь Азбукъ Товруевичь,*
А с ним 70 царевичей,
А со всяким царевичем
По семидесяти по две тысячи.
В правой руке и в лъвой,*
И в сторожевом полку не успел сметить¹.
Добръ с ним людей много, бес числа.
И наши прародители тѣмъ царем служивали
И царьские приходы вѣсно чинили,*
И вам, богатырем, в Киеве было вѣдомо». Да
молвилъ слово и поехал прочь.
И Сухан стал, закручинился,
И мечет кречата с руки далече,
И рукавицу о землю бросает.
Не до потехи стало Сухану кречатные,
Стало до дѣла государева:
«По грѣхомъ есми запросто выехал,
Саадака* и сабли нѣт на мнѣ
И никакова ратнова оружия.
Поехать мнѣ х Киеву для ратнова оружия —
И богатырей в Киевѣ умножилось,
И в правосте своей под старость
Не прослыть сиротиною». И поехалъ
Сухан ко дуброве зеленой,
И наехал сыр-зелен падубок²,
Да вырваль ево и с кореньемъ,
Да едет с ним не очищаючи.
И как выезжает из добровы зеленые,
А не бѣлой камень на горах белеются,
Белеютца доспѣхи ихъ во всѣх полках.
И некак богатырю людей сметить.
Учал богатырь Богу молитися:
«О, царице Богородице!
Утоли стремление безумьное,
Смири сердце нечестивое.
Похваляся бусурьман и горѣдъ пошел
Пленить земљу Рускую,
Разорить вѣру крестьянъскую,
Разърушитъ мѣсто церкви Божии,

---

¹ сосчитать, исчислить; ² молодой ясень.

Осквернити мѣсто чудотворное.
О, царице Богородице!
По грѣхом есми запросто выехал,
Саадака и сабли нѣт на мнѣ,
Никакова ратнова оружия.
Только у меня сыр-зелен падубокъ,
И тово мнѣ очистить нечем».
Учал богатырь плакати
И горячи слезы ронить.
Загаркал, напустил на них:
Свищет падубокъ в рукъ богатырской,
Ломаются древа *копейные*,
Щепляются щиты татарские,
Валяются шоломы их
З головами *татарскими*.
И учили татаровя острог ставить,
Одернулися! телегами ординьскими.
А говорит Сухан Дамантьевичъ:
«Которые татаровя на Руси не бывали,
Те про Сухана не ведаютъ,
И онѣ у товарищев своихъ слыхали в ордах смолода.
А нынѣ, а ныне со мною
Они без городу² не умеют битися!»
Кольнул Сухан под собою коня
Острогами булатными,
Конь ево скочил через телеги ордынские,
Стал среди острогу татарскова.
И Сухан бьет татар падубком
На всѣ четыре стороны.
Куды *Сухан* ни оборотится,
Тут татар костры* лежатъ,
Тех татар всех побилъ.
Да едет Сухан ко быстру Непру Слаутицю на берегъ,
Да вопит громко голосомъ:
«Царь Азбукъ Товруевичъ!
Вели меня подождати малехонко,
Яз тебѣ ис Киева вывезу поминки многия
От царя и великаго князя Владимира,
И всемъ твоим князьямъ, и татаровям,

---

¹ окружили себя; ² ограждения.

И мурзам, и улановям без выбору.
 По грехом есми запросто выехал:
 У падубка коренье обломалось,
 Одно лишь осталось обломчишко».

Да молвил слово, поплыл за быстрой Непрь.
 Царь Азбук, видя свою неминуемую,
 Убить богатыря нечим,
 Велѣлъ зарядить три порока,*
 А въ пороке по рогатине.
 И скоро мечютца к оврагу глубокому,
 И заредили борзо три порока,
 А в пороке по рогатине.
 И Сухан переплыл через быстрой Непрь,
 Не переехал скоро с обломчишкою на берег.
 И татарова ис порока стрелили да грѣшили¹,
 Из другова стрѣлили — грѣшили,
 Из третьева стрелили — убили богатыря
 Против сердца богатырскова,
 Отрезали коренье сердечное.
 И богатырь забыл рану смертнующую,
 Загаркал, напустил, да и тѣхъ побилъ всех татар.
 И богатырь узънал рану смертнующую,
 Учал борзо спешить ко граду
 . . . . .

Узрѣлъ на Сухане рану смертнующую,
 И послал по лекари многия,
 И у Софѣи* велѣлъ молебны пѣть за Суханово здравье.
 И учал государь Сухана жаловать
 Своимъ жалованнымъ словомъ:
 «Сколько тебѣ, Суханушъко, городов и вотчин надобѣ,
 Тѣмъ тебя пожалую за твою великую службу».

И Сухан государю бьет челом:
 «Дошло, государь, не до городов, ни до вотчин.
 Дай, государь, холопу жалованное слово
 И прощенье последней».

Молвил слово, в том часу и умолкнул.
 Не злата труба вострубила,
 Восплакала мать Суханова:

---

¹ промахнулись.

«Хотя тебя, Суханушко, звали бражником,
И охочь был пропиватися,
А ныне ты над собою, видишь, совершенно учинил.
Не о том я плачю, что вижу тебя смертнаго,
Плачю я о твоём доротъце¹ во истинной храбрости,
Что еси дорос челоувѣчества,
Умерь на службѣ государеве».
И отънесла ево в пещеру каменну:
«Тут тебѣ, Суханушко, смертной животь во вѣки».

---

¹ красоте, величии.

ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

ЛЕТА 6750 (1641) ОКТЯБРЯ ВЪ 28 ДЕНЬ ПРИЃХАЛИ
К ГОСУДАРЮ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
МИХАИЛУ ФЕОДОРОВИЧУ ВСЕА РОССИИ К МОСКВѢ З ДОНУ
ИЗ АЗОВА-ГОРОДА ДОНСКИЕ КАЗАКИ:
АТАМАНЪ КАЗАЧЕЙ НАУМ ВАСИЛЕВЪ* ДА ЯСАУЛЬ
ФЕДОРЪ ИВАНОВЪ. А С НИМ КАЗАКОВЪ 24 ЧЕЛОВѢКА,
КОТОРЫЕ СИДЕЛИ В АЗОВЕ-ГОРОДЕ ОТ ТУРОКЪ В ОСАДЕ.
И СИДЕНЬЮ СВОЕМУ ОСАДНОМУ ПРИВЕЗЛИ ОНЕ РОСПИСЬ¹.
А В РОСПИСИ ИХ ПИШЕТЪ:

В прошлом, де, во 149-м году июня въ 24 день* прислал турецкой Ибрагим салтанъ царь под насъ, казаковъ, четырех пашей своих, да дву своих полковниковъ, Капитана да Мустафу, да ближние *своей* тайные *думы*, покою своего слугу, да Ибремя-скопца над ними уже пашами смотрети вмѣсто себя, царя, — боу их и промыслу, как стануть промышлять паши его и полковники над Азовым городом. А с ними, пашами, прислал под насъ многую свою собранную рать бусурманскую, совокупя на насъ подручных своих двенатцать земель воинских людей, *переписаной* своей рати. По *спискам*, боевого люду двести тысящей, окроме поморских и кафимских и черных мужиков,* которые на сей стороне моря собраны изо всей орды крымские и нагайские* на загребение наше, чтобы насъ имъ живых загрести, засыпати бы насъ им горою высокою, какъ оне загребають люди персидские.* А себе бы имъ и тем смертию нашею учинить слава вечная, а нам бы укоризна вѣчная. Техъ собрано людей на насъ черных мужиковъ многия тысящи, и не бѣ числа им и писма². Да к ним же после пришелъ крымской царь, да брат ево народым Крым-Гирей царевичь* со всею своею ордою крымскою и ногайскою; а с ним крымских и ногайских князей и мурзь и татарь ведомых, окромъ охотниковъ, 40 000. Да с ним, царемъ, пришло горскихъ князей и черкасъ ис Кабарды 10 000. Да с ними жъ, пашами, было наемных людей и у них немецких³ два полковника, а с ними салдаты 6000. Да с ними жъ, пашами, было для промысловъ над *нами* многия немецкие люди городоимцы⁴, приступные и подкопные мудрые вымышленники многих государствъ: ⁵из Реш еллинских и Опаней великия⁵, Винецеи великие и Стеколни⁶ и француски наршики⁷, которые дѣлать умѣють всякие приступные и подкопные мудрости и ядра огненные чиненыя. Наряду было с пашами пушокъ под Азовымъ великих болших ломовых 129 пушекъ. Ядра у нихъ были великия, в пуд, в полтора и в два пуда. Да мелко-

¹ донесение, описание; ² счета; ³ иноземных; ⁴ военные специалисты по взятию крепостей; ⁵⁻⁵ из греческого царства и великой Испании; ⁶ Стокгольма; ⁷ петардшики.

ва наряду было с ними всех пушекъ и тюфяковъ¹ 674 пушки, кроме ²верховых пушекъ огненныхъ²; техъ было верховых 32 пушки. А весь наряд былъ у них покованъ на цепях, боясь того, чтоб мы, на выласках вышед, ево не взяли. А было с пашами турецкими людей ево под нами розных земель: первые турки, вторые крымцы, третьи греки, четвертые серби, пятые арапы, шестые мужары³, седмые буданы, осмые башлаки,* девятыя арнауты⁴, десятыя волохи⁵, первые на десять митьяня⁶, второе на десять черкасы⁷, третье на десять немцы. И всего с пашами людей было под Азовым и с крымским царемъ по спискам их браново ратного мужика, кроме вымышлеников⁸ немецъ и черных мужиковъ и охотников, 256 000 человекъ.

А збирался турецкой царь на насъ за моремъ и думал ровно четыре годы.* А на пятой год онъ *пашей* своих к намъ под Азовъ прислалъ.

Июня въ 24 день в ранней самой обедъ пришли к нам паши его и крымской царь, и наступили они великими турецкими силами. Все наши поля чистые от орды нагайския *изнасеяны*. Где у насъ была степь чистая, тутъ стали у насъ однем часомъ, людьми их многими, что великия непроходимыя лѣса темные. От силы их турецкие и от уристания⁹ конского земля у нас под Азовым погнулась и реки у насъ из Дону вода волны на берегу показала, уступила мѣсть своихъ, что в *водополи*¹⁰. Почали оне, турки, по полямъ у нас ставитца шатры свои турецкие и полатки многие и наметы¹¹ великие, яко горы страшные забелѣлися. Почали у них в полках их быть трубли болшие в трубы великия, игры многия, писки великия несказанные, голосами страшными их бусурманскими. После того у них в полках их почала быть стрельба мушкетная и пушечная великая. Какъ есть стояла над нами страшная гроза небесная, будто молнии, коль страшно громъ живеть от Владыки с небесе. От стрельбы их той огненной стоялъ огонь и дым до неба; все наши градские крепости потряслися от стрельбы ихъ огненные, и *солнце* померкло во дни том светлое, в кровь обратилось, какъ есть наступила тма темная. Страшно нам добре стало от них в те поры и трепетно и дивно несказанно на их стройной приход бусурманской было видѣти. Никакъ непостижимо уму человеческому в нашем возрасте того было услышати, не токмо что такую рать великую и страшную и собранную очима кому видети. Близостию самую оне к нам почали ставитца за полверсты малыя от Азова-города. Их янычарския головы строем их янычарским идуть к нам оне под городъ великими болшими полки и купами на шаренки¹². Многие знамена у них, всех яныченъ¹³, великие, неизреченные, черные бѣ знамена. Набаты у них гремятъ, и в трубы трубятъ и в барабаны бьют в великия ж несказанныя. Двенатцать их головъ янычарских. И пришли к нам, самую близостию к городу стекшися. Оне стали кругъ города до шем-

¹ орудий, стрелявших картечью; ²—² мортир; ³ мадьяры; ⁴ албанцы; ⁵ жители Валахии; ⁶ молдаване; ⁷ черкесы; ⁸ искусников; ⁹ скакания; ¹⁰ в половодье; ¹¹ оборонительные приспособления; ¹² шеренги; ¹³ янычар.

пова в восемь рядовъ от Дона, захватя до моря рука за руку. Фитили у них у всех янычар кипят у мешкетовъ их, что свечи горять. А у всякого головы в полку янычаней по двенатцати тысящей. И все у них огненно, и платье на них, на всех головах яныческих, златоглавое, на янычанях на всех по збруям их одинакая красная, яко зоря кажется. Пищали у них у всех долгие турецкие з жаграми¹. А на главах у всех янычаней шишаки, яко звезды кажутся. Подобень строй их строю салдацкому. Да с ними ж тутъ в ряд стали немецких два полковника с салдатами — в полку у них солдат 6000.

Того же дни на вечеръ, какъ пришли турки к нам под город, прислали к нам паши их турецкие толмачей своих бусурманских, *перских* и еллинских². А с ними, толмачами, прислали говорить с нами яныченскую голову первую от строю своего пехотного. Почал нам говорить голова их яныческой словом царя своего турецкого и от четырех пашей и от царя крымского речью гладкою:

«О, люди Божии Царя Небеснаго, никем в пустынях водимы или посылаемы! Яко орли парящи, без страха по воздуху летаѣте, и яко лви свирепи, в пустынях водимы, рыкаете! Казачество донское и волское³, свирепое! Соседи наши ближние! Непостоянные нравы, лукавые! Вы пустынножителем лукавые убийцы, разбойницы непощадные! Несытые ваши очи! Неполное ваше чрево, николи не наполнится! *Кому* приносите такие обиды великие и страшные грубо-сти? Наступили вы на такую десницу высокую, на царя турецкого. Не впрям еще вы на Руси богатыри светорусские? Где вы тепере можете утечи от *руки* ево? Прогневали вы *Муратъ*-салтанова величества, *царя турецкого*.* *Убили вы у него посла ево турецкого Фому Катузина*,* *съ нимъ* побили вы армен и греченин. *А посланъ онъ былъ к государю вашему*. Да вы ж взяли у него любимую ево цареву вотчину, славной и красной Азовъ-город. Напали вы на него, аки волцы гладные. Не пощадили вы в немъ никакова мужичска *возраста*, ни *старова* жива, и детей побили всех до единова. И положили вы тѣм на себя лютное имя звериное. *Разделили* государя царя турецкаго со всею ево ордою крымскою воровством своим и темъ Азовым-городомъ. А та у него орда крымская — оборона ево на все стороны. Страшная вторая: разлучили вы его с карабелним пристанищемъ. Затворили вы им, Азовым-городом, все море синѣе; не дали проходу по морю ни караблямъ, ни катаргам⁴ ни в которое царство, поморские города. Со-грубя вы такую грубость лютую, чего конца в немъ своего дожидаетесь? Очистите вотчину Азовъ-город в ночь сию не мешкая. Что есть у васъ в немъ вашего серебра и злата, то понесите из Азова-города вонъ с собою в городки свои казачьи без страха к своим товарищам. А на отходе ничем не тронемъ васъ.

А естли толко вы из Азова-города в ношь сию не выйдете, не можете ужъ завтра у насъ живы быти. И кто васъ можетъ, злодеи убийцы, укрыть или заступить от руки ево *такие* сильные и от великих таких страшных и непобеди-

¹ с пальниками; ² греческих; ³ волжское; ⁴ гребным судам.

мыхъ силъ его, царя восточного турского? Кто ¹постоить ему¹? Нестъ никою равна или ему подобна величеством и силами на свете! Единому лише повинень онъ Богу небесному. Единъ онъ лишь верень стражъ гроба Божия! По воле жъ Божией избра его Богъ единого на свете ото всех царей. ²Промышляйте в ношь сию животомъ своимъ². Не умрете от руки ево, царя турскаго, смертию лютою. Своею онъ волею великой государь восточной, турской царь, не убийца николи вашему брату, вору, казаку-разбойнику. Ему то, царю, честь достойная, что победить гдѣ царя великого, равнаго своей чести, а ваша ему не дорога кровь разбойничья. А естли уже пересидите в Азове-городе ношь сию чрезъ цареву такую милостивую речъ и *заповеть, примем* завтра град Азовъ и васъ в нем воров-разбойниковъ, яко птицу в руке свои. Отдадим васъ, воровъ, на муки лютые и грозные. Раздробим всю плоть вашу на крошки дробные. Хотя бы васъ, воровъ, в немъ сидѣло 40 000, ино силы под васъ прислано с пашами болши 300 000! Волосовъ вашихъ столко нетъ на главахъ ваших, *сколко* силы турския под Азовом-городом. Видите вы и сами, воры глупые, очима своимъ силу ево великую, неизреченную, какъ оне покрыли всю степь великую! Не могутъ, чаю, с высоты города очи ваши видеть другога краю силъ нашихъ, однехъ писмянных³. Не перелетитъ черезъ силу нашу турецкую никакова птица парящая: от страху людей ево и от множества сил нашихъ валитца вся с высоты на землю! И то вамъ, воромъ, даетъ ведать, что от царства вашего силнаго Московскаго никаковъ от челоувѣкъ к вам не будетъ русскихъ помощи и выручки.* На што вы надежны, воры глупые? И запасу хлебного с Руси николи к вам не присылають. А естли толко вы служить похочете, казачество свирѣпое, государю царю волному рать салтанову величеству, толко принесете ему, царю, винные⁴ свои головы разбойничьи в повиновение на службу вѣчную, отпустить вамъ государь нашъ турецкой царь и паши ево все ваши казачьи грубости прежние и нынешнее взятье азовское. Пожалуетъ нашъ государь, турецкой царь, васъ, казаковъ, честию великою. Обогатитъ васъ, казаковъ, онъ, государь, многимъ неизреченнымъ богатствомъ. Учинитъ вамъ, казакомъ, онъ, государь, во Цареграде у себя покой великий. Во веки положить на васъ, на всехъ казаковъ, платье златоглавое и печати богатырские з золотомъ, с царевымъ клеймомъ своимъ. Всякъ возрастъ вам, казакомъ, в государеве ево Цареграде будутъ кланяться. *Станетъ* то ваша казачья слава вечная во все край от востока и до запада. Станутъ васъ называть во веки все орды бусурманские, и енычены, и персидские, светорускими богатыри, што не устрашилися вы, казаки, такими своими людьми малыми, с семью тысящи, страшныхъ такихъ непобѣдимыхъ силъ царя турскаго — 300 000 писмянныхъ. Дождалися ихъ вы к себѣ *полкы* под город. Каковъ предъ вами, казаками, славень и силенъ и многолюденъ и богатъ шахъ, персидской царь. Владѣетъ онъ всею великою Персидою и

¹—¹ устоит перед ним; ²—² так спасайте нынешней ночью жизнь свою; ³ сосчитанных;

⁴ повинные.

богатою Индеею; имѣть у себя рати многия, яко нашъ государь турецкой царь. И тотъ шах, персидской царь, впрям не стоит николи на полъ противу сильного царя турскаго. И не сидять люди ево персидские противу насъ, турок,* многими тысящи в городех своих, ведая оне наше свирепство и бестрашие».

Отвѣтъ нашъ казачей из Азова-города толмачем и голове яныческому:

«Видимъ всѣх васъ и до *сех* мѣсть про васъ вѣдаем же, силы и *пыхи*¹ царя турского все знаем мы. И ведаемся мы с вами, турскими, почасту на море и за морем на сухом пути. Знакомы уж намъ ваши силы турецкия. Ждали мы васъ въ гости к себѣ под Азовъ дни многіе. Гдѣ, полно, вашъ Ибрагим, турской царь, умъ свой дѣвал? Али у него, царя, не стало за морем серебра и золота, что онъ прислалъ под насъ, казаковъ, для кровавых казачьих зипуновъ* наших, четырех пашей своих, а с ними, сказываютъ, что прислал под насъ рати своя турецкия 300 000. То мы и сами видим впрямъ и вѣдаем, что есть столко силы ево под нами, с триста тысящъ люду боевого, окроме мужика черново. Да на насъ же нанялъ онъ, вашъ турецкой царь, ис четырех *земель* немецких салдаты шесть тысящ да многіхъ мудрых подкопщиковъ, а дал имъ за то казну свою великую. И то вамъ, туркомъ, самим вѣдомо, што с насъ по се поры ниhto наших зипуновъ даром не имывал. Хотя онъ насъ, турецкой царь, и взятемъ возьметъ в Азове-городе такими своими великими турецкими силами, людьми наемными, умом немецким, промыслом, а не своим царевым *дородством* и разумом, небольшая то честь будетъ царя турского имяни, что возьметъ насъ, казаковъ, в Азове-городе. Не изведетъ онъ тѣм казачья прозвища, не запустиетъ Донъ головами нашими. ²На взыскание наше² молотцы з Дону все будутъ. Пашам вашимъ от них за море итти! Естли толко насъ избавить Богъ от руки ево сильныя такая, отсидимся толко от васъ в осаде в Азове-городе от великих таких сил его, от трехсотъ тысящей, людьми своими такими малыми (всево насъ казаковъ во Азове сидит отборных оружных 7590), — соромота ему будетъ, царю вашему, вечная от ево братии и от всех царей. Назвал онъ самъ себя, будто онъ выше земныхъ царей. А мы люди Божии, надежда у насъ вся на Бога, и на Мать Божию Богородицу, и на их угодниковъ, и на свою братью-товарыщей, которые у насъ по Дону в городках живутъ.

А холопи мы природные государя царя христианскаго* царства Московского. Прозвище наше вечное — казачество великое донское безстрашное. Станем с ним, царемъ, турским, битца, что с худым свиным наемником. Мы себе, казачество волное, укупаемъ смерть в живота мѣста. Гдѣ бывають рати ваши великия, *тут ложатся* трупы многія. Вѣдомы мы людии — не шаха персидского. Ихъ то вы что жонокъ *засыпаете* в городех их горами высокими. Хотя насъ, казаковъ, сидитъ сем тысящей пятьсот девяносто человекъ, а за помощію Божіею не боимся великих ваших царя турского трехсотъ тысящей и немецких

¹ угрозы; ²⁻² отомстить за нас.

промысловъ. Гордому ему бусурману, царю турецкому, и пашам вашим Богъ противитца за ево такие слова высокие. Равень он, собака смрадная, вашъ турецкой царь, Богу небесному пишется. Не положил онъ, бусурманъ поганой и скаредной, Бога себѣ помощника. Обнадежился онъ на свое великое тлѣнное богатство. Вознесъ сотона, отец ево, гордостию до неба, а пустить ево за то Богъ с высоты в бѣздну вовеки. От нашей ему казачьей руки *малыя* соромота будеть вѣчная, царю. Гдѣ ево рати великия топеря в полях у насъ ревут и славятца¹, завтра тутъ лягутъ люди ево от насъ *под* градомъ и трупы многия. Покажетъ насъ Богъ за наше смирение христианское перед вами, собаками, яко лвов яростных. Давно у насъ, в полях наших летаючи, а васъ ожидаючи, хлекчут орлы сизые и граютъ вороны черныя, подле Дону у насъ всегда брешутъ лисицы бурые, а все они ожидаючи вашего трупы бусурманского. Накормили вы их головами вашими, какъ у турецкого *царя* Азовъ взяли, а топеря им опять хочется плоти вашей, накормим ужъ их вами досыти.

Азовъ мы взяли у него, царя турецкаго, не татиным² веть промыслом — впрямъ возьмем, дородством своим и разумом для опыту, каковы ево люди турецкие в городех от насъ сидеть. А сели мы в немъ людьми малыми ж, розделясь нарокомъ³ надвое, для опыту, посмотрим турецких силъ ваших и умов и промыслов. А все то мы применяемъ къ Ерусалиму и Царюграду. Лучитца нам такъ взять у васъ Царьград. То царство было христианское.*

Да вы ж насъ, бусурманы, пужаете, что с Руси не будетъ к нам запасов и выручки, будто к вам, бусурманом, из государства Московскога про насъ то писано. И мы про то сами ж и без васъ, собакъ, вѣдаемъ: какие мы в государстве Московском на Руси люди дорогие и к чему мы там надобны! Чередъ мы свой с вами вѣдаемъ. Государство великое и пространное Московское многолюдное, сияеть оно посреди всех государствъ и ордъ бусурманских и *еллинских* и персидских, яко солнце. Не почитаютъ насъ там на Руси и за пса смердящаго. Отбегахом⁴ мы ис того государства Московскога из работы вечныя, от холопства полного, от бояръ и дворянъ государевых, да zde вселилися в пустыни непроходныя. Живем, взирая на Бога. Кому там потужить об нас, ради там все концу нашему! А запасы к нам хлѣбныя не бывають с Руси николи. Кормить насъ, молотцов, Небесный Царь на поле своею милостию, зверьми дивними⁵ да морскою рыбою. Питаемъ, яко птицы небесныя: ни сеемъ, ни оремъ⁶, ни збираемъ в житницы. Такъ питаемъ подле моря синяго. А серебро и золото за моремъ у васъ емлемъ. А жены себѣ красныя лѣубыя, выбираючи, от вас же водим.*

А се мы у васъ взяли Азовъ-город своею казачьею волею, а не государским повелением, для *зипунов* своихъ казачьих да для лютых *пых ваших*⁷. И за то на насъ государь нашъ, холопей своихъ далних, добре кручиновать. Боимся от него, государя царя, за то казни к себѣ смертныя, за взятыя азовское. И государь

¹ бахвалятся; ² воровским; ³ нарочно; ⁴ убежали; ⁵ дикими; ⁶ пашем; ⁷ злопыхательств.

нашъ, великой, пресветлой и праведной царь, великий князь Михайло Феодоровичъ, всеа Руси самодержецъ, многих государствъ и ордъ государь и обладатель. Много у него, государя царя, на великом холопстве таких бусурманских царей служатъ ему, государю царю, какъ вашъ Ибрагимъ турецкой царь, коли онъ, государь нашъ, великой пресвѣтлой царь, чинить по преданию святых отецъ, не желаетъ разлития кровъ вашае бусурманския. Полон государь и богатъ от Бога жъ данными своими и царскими оброками и без вашего смрадного бусурманского и собачья богатства. А естли на то было тако ево государское повеление, восхотел бы толко онъ, великой государь, кровей вашихъ бусурманских разлития и городам вашимъ бусурманским разорения за ваше бусурманское к нему, государю, неисpravление¹, хотя бы онъ, государь нашъ, на васъ на всехъ бусурмановъ велель быть войною своею украинною, которая сидит у него, государя, от Поля, от орды нагайские,* — ино б и тутъ собралося людей ево государевыхъ русскихъ с одной ево украинны болши легеона тысящи! Да такие ево государевы люди руские украинцы, что оне подобны на вас и алчны вам, яко лвы яростные, хотять поясть живу вашу плоть бусурманскую. Да держить их и не повелить им на то ево десница царская, и в городех во всех под страхом смертным за царевымъ повелениемъ держать их воеводы государевы. Не скрылся бы ваш Ибрагим, царь турецкой, от руки ево государевой и от жестокосердия людей ево государевых и во утробе матери своей — и оттуду бы ево, распоров, собаку, выняли да пред лицомъ царевым поставили. Не защитило бы ево, царя турецкого, от руки ево государевой и от ево десницы высокие и море бы Синее, не удержало людей его государевых! Было бы за ним, государемъ, однемъ лѣтом Ерусалимъ и Царьгород попрержнему, а в городех бы турецких во всехъ вашихъ не устоялъ и камень на камени от промыслу руского. Вы ж нас зовете словом царя турецкого, чтобы нам служить ему, царю турецкому, а сулите намъ от него честь великую и богатство многое. И мы люди Божии, холопи государя царя московского, а се нарицаемся по крещению християня православные. Какъ можемъ служить царю неверному! Оставя пресветлой светъ здешной и будущей, во тму итти не хочетца! Будеть мы ему, царю турецкому, в слуги толко надобны, и мы, отсидевся и одны от васъ и от силъ ваших, побываем у него, царя, за моремъ, под ево Царемъ-градом, посмотрим ево Царя-града строения, кровей своих; там с ним, царем турецким, переговорим речъ всякую, лишъ бы ему наша казачья речъ полюбилася! Станем ему служить пищальями казачьими да своими саблями вострыми! А топерво нам говорить не с кем, с пашами вашими. Какъ *предки* ваши, бусурманы, учинили над *Царем-градом* — взяли ево взятемъ, убили в нем государя-царя храброго Костянтина благовернаго,* побили християнъ в немъ многие тысящи-тмы, обагрили кровию нашею християнскою все пороги *церковныя*, до конца искоренили *всю* веру християнскую, — такъ бы намъ над вами учинить

¹ непослушание.

нынече с обрасца вашего! Взять бы его, Царь-град, возьмем из рукъ ваших. Убить бы против того в нем вашего Ибрагима, царя турецкого, и со всеми вашими бусурманы, пролить бы такъ ваша кровь бусурманская нечистая. Тогда бы то у насъ с вами миръ былъ в том месте. А тепере нам и говорить с вами болше того нечего, что мы твердо вѣдаемъ.

А что вы от насъ слышите, то скажите речь нашу пашамъ своим. Нелзя нам мирится или верится, бусурману с христианином какое преобращение! Христианинъ побожится душою христианскою, да на той онъ правде векъ стоять. А вашъ братъ, бусурманъ, побожится верою бусурманскою, а вера ваша бусурманская и житье ваше татарское равно з бешеною сабакою. Ино чему вашему брату-собаке верити! Ради мы васъ завтра подчивать, чемъ у насъ молотцовъ в Азове Богъ послалъ. Поезжайте от насъ к своим глупым пашам, не мешкая. А опять к нам с такою глупою речью не ѣздите. Оманывать вам насъ, ино даромъ лише дни терять! А кто к *нам* от *вас* с такою речью глупою опять впредь буде, тому у насъ под стеною убиту быть! Промышляйте вы тем, для чего вы от царя турецкого к нам присланы. Мы у вас Азов взяли головами своими молодецкими, людьми немногими. А вы ево у насъ ис казачьих рук достапаете¹ уже головами турецкими, многими своими тысеци. Кому-то из нас поможет Бог? Потерять вам под Азовым турецких головъ своих многие тысеци, а не видать ево вам из рукъ наших казачьих и до веку. Нешто ево, отнявъ у насъ, холопей своих, государь нашъ царь и великий князь Михайло Феодоровичъ, всеа России самодержецъ, да васъ им, собакъ, пожалуетъ по-прежнему, то уже вашъ будетъ. На то ево воля государева!»

Какъ от Азова-города голова и толмачи приехали в силы своя турецкия к пашамъ своимъ, и начаша в рати у них трубить в трубы великия собранные. После той их трубли почали у них *бить* в грамады² их великия и набаты *и в роги и в цебылги*³ почали играть добре жалостно.

А все разбирались оне в полках своих и строилися ночь всю до свету. Какъ на дворе в часу уже дни, почали выступать из становъ своих силы турецкия. Знамена их зацвели на поле и прапоры, какъ есть по полю цветы многия. От труб великих и набатовъ их пошел неизреченной звукъ дивенъ и страшень.

Приход их к нам под город. Пришли к приступу немецкие два полковника с салдатами. За ними пришелъ строй их весь пехотной яныческой — сто пятьдесят тысець, потом и орда их вся пехотою ко граду и к приступу, крикнули стол смело и жестоко.

Приход их первой. Приклонили к нам они все знамена свои ко граду. Покрыли нашъ Азов-город знаменами весь. Почали башни и стены топорами сечь. А на стены многия по лесницам в те поры взошли. Уже у нас стала стрельба из града осаднаго, до тех местъ молчали им. Во огни уже и в дыму не *мочно* у нас

¹ добиваетесь; ² орудия; ³ цимбалы.

видети другъ друга. На обе стороны лише огонь да громъ от стрелбы стоял, огонь да дым топился до небеси. Какъ то есть стояла страшная гроза небесная, коли бываетъ с небеси гром страшный с молниемъ. Которые у насъ подкопы отведены были за город для их приступного времени, и те наши подкопы тайные все от множества их неизреченныхъ силъ не устояли, все обвалились, не удержала силы их земля. На тех-то пропастяхъ побито турецкия силы от насъ многия тыщи. Приведень¹ у насъ был весь наряд на то место подкопное и набить былъ онъ у насъ весь дробом сеченым. Убито у них под стеною города на приступе том в тот первой день турковъ шесть головъ однехъ яныческих да два немецкия полковника со всеми своими салдатами съ шестью тыщи. В тот же день, вышедъ, мы вынесли большое знаме на выласке, царя турскаго,* с коим паши ево перво приступали к нам турецкие тотъ первой день всеми людьми своими до самой уже ночи и зорю всю вечернюю. Убито у них в тот первой день от насъ под городом, кроме шести² головъ их яныческих и дву полковников, одних янычаней³ дватцать полтретьи тыщи³, кроме раненыхъ.

На другой день в зорю светлую опять к нам турецкие под город прислали толмачей своих, чтоб нам дати им отобрати от града побитой их трупъ, который у нас побить под Азовом, под стеною города. А давали нам за всякую убитую яныческу голову по золотому червонному, а за полковниковы головы давали по сту талеров. И войском⁴ за то не постояли им⁴, не взяли у них за битые головы серебра и золота: «Не продаем мы никогда трупу мертваго, но дорога нам слава вечная. То вам от нас из Азова-города, собакам, игрушка первая. Лише мы молотцы ружье свое почистили. Всем то вам, бусурманам, от насъ будет! Иным нам васъ нечемъ подчивать, дело у насъ осадное!»

В тот другой день бою у нас с ними не было. Отбирали они свой побитой трупъ до самой до ночи. Выкопали ему, трупу своему, глубокой ровъ от города три версты и засыпали ево тут горою высокою и поставили над ними многие признаки⁵ бусурманские, и подписаны на них языки розными.

После того в третей день опять оне к нам, турки, пришли под город со всеми своими силами, толко стали уже вдали от насъ, а приступу к нам уже не было. Зачали ж их люди пешие в тот день вести к нам гору высокою, замляной великой вал, выше многим Азова-города. Тою горою высокою хотели нас покрыть в Азове-городе своими великими турецкими силами. Привели ее в три дни к нам; и мы, видя ту гору высокою, горе свое вечное, что от нее наша смерть будетъ, попрося у Бога милости и у Пречистые Богородицы помощи и у Предотечина образа,* и призывая на помощь чудотворцы московские, и учиня межъ себя мы надгробное последнее прощение другъ з другом и со всеми христианы православными, малою своею дружиною седмью тыщи пошли мы из града на пря-

¹ приготовлен; ² шести; ^{3—3} двадцать две с половиной тыщи; ^{4—4} не приняли их предложения; ⁵ здесь: надгробия.

мой бой противу их трехсот тысящъ. «Господь Сотворитель, Небесный Царь, не выдай нечестивым создания рукъ своих! Видим оних сил пред лицом смерть свою лютую. Хотят насъ живых покрыть горою высокою, видя пустоту¹ нашу и безсиле, что нас в пустынях покинули все христиане православные, убоялися их лица страшнаго и великия ихъ силы турецкия. А мы, бедныя, не отчаяли от себя твоея владычни милости, ведая твоя щедроты великия. За твоею Божию помощию, за вѣру христианскую помираючи, бьемся противу болших людей трехсот тысящъ и за церкви Божия, за все государство Московское и за имя царское!»

²Положа на себя все образы смертныя², выходили к ним на бой, единодушно все мы крикнули, вышед к ним: «С нами Богъ! Разумейте, языцы неверные, и покоритесь, яко с нами Богъ!»*

Услышали неверные изо усть наших то слово, что с нами Богъ, не устоял впрям ни одинъ противъ лица нашего, побежали все и от горы своей высокоя. Побили мы их в тот часъ множество, многия тысящи. Взяли мы у них в те поры на выходу, на том бою у той горы, шеснатцать знаменъ одних яныческих да дватцать восьмъ бочекъ пороху. Тем то их мы порохом, подкопався под ту их гору высокою, да тем порохом разбросали всю ее. Их же побил ою многия тысящи, и к нам их янычана тем нашим подкопом живых их в город кинуло тысячу пятсот челоуѣкъ!

Да уж мудрость земная их с тех мествъ миновалася. Повели уже они другую гору позади ее, болши тово. В длину ее повели *лучных* стрелбища в три, а в вышину многим выше Азова-города, а широта ей — какъ бросить на нее дважды камнем. На той-то уже горе оне поставили весь нарядъ свой пушечной и пехоту привели всю свою турецкую, сто пятьдесят тысящъ, и орду нагайскую всю с лошадей збили. И почели с той горы из наряду бить оне по Азову-городу день и ношь беспрестанно. От пушекъ, их *страшный* громъ стал, огонь и дымъ топился от них до неба. Шеснатцать дней и шеснатцать ношей не премолкъ наряд их ни на единой час пушечной. В те дни и ноши от стрелбы их пушечной все наши азовские крепости распалися — стены, и башни все, и церковь Предотечева, и полаты збили все до единые у нас по подошву самую.

А и наряд нашъ пушечной переломали *весь*. Одна лише у насъ во всем Азове-городе церковь Николина в *полы*³ осталася, потому и осталася, што она стояла внизу добрѣ, к морю под гору. А мы от них сидѣли по ямам. Всем выглянуть нам изъ ямъ не дали. И мы в те поры зделали себѣ покои великия в земле под ними, под их валом, двory себе потайные великие. И с тех мы потайных двory своих под них повели 28 подкоповъ, под их таборы. И темъ мы подкопами учинили себѣ помощь, избаву великую. Выходили ношною порою на ихъ пехоты янычана, и побили мы множество. Теми своими выласками ношными на их пехо-

¹ малочисленность; ^{2—2} исполнив все обряды предсмертныя; ³ наполовину.

ту турецкую положили мы на них великой страх и уронъ большой учинили мы в людех их. И послѣ того паши турецкия, глядя на наши те подкопные мудрые осадные промыслы, повели уже к нам напротиву из своево табору семь подкоповъ своих. И хотели оне к нам теми подкопами *проти* въ ямы наши, да насъ подавять своими людьми велиими. И мы милостию Божиею устерегли все те подкопы их, порохом всехъ их взорвало, и их же мы в них подвалили многие тысящи. И с тех то местъ подкопная и мудрость *вся* миновалась. Постыли уж им те подкопные промыслы.

А было всех от турокъ приступов к намъ под город Азовъ 24 *приступа* всеми людьми. Окромъ болшова приступа первого, такова жестока и смела приступу не бывало к нам. Ножами мы с ними резались в тотъ приступъ. Почали к нам ужъ оне метать въ ямы наши ядра огненные чиненые и всякие немецкие приступные мудрости. Темъ нам они чинили пуще приступовъ тесноты¹ великие. Побивали многих насъ и опаливали. А после тех ядръ уж огненных, вымысли над нами умом своим, отставя же они все свои мудрости, почали оне насъ осилывать и достигать прямым боемъ своими силами.

Почали они к нам приступу посылать на всякъ день людей своихъ, янычю. По десяти тысящей приступаетъ к нам целой день до ноши, и ношь придетъ, на перемену им придетъ другая десять тысящъ. И те уж к намъ приступаютъ ношь всю до свету. Ни часу единого не дадутъ покою нам. А оне бьются с перемъною день и ношь, чтобы тою истомою осилеть насъ. И от такова их к себе зла и ухищренного промыслу, от *бессония* и от тяжких ранъ своих, и от всякихъ лютыхъ нуждъ, и от духу смраднаго труплова отяхчели мы все и изнемогли болезными лютыми осадными. А все в малъ дружине своей уж остались, перемнитца некѣм, ни на единый час отдохнуть нам не дадутъ. В те поры отчаяли уже мы весь животь свой и в Азове-городе и о выручке своей безнадежны стали от человекъ, толко себе и чая помощи от вышняго Бога. Прибежим, бедные, к своему лишь помощнику — Предотечеву образу. Пред ним, свѣтом, расплачемся слезами горкими: «Государь-светъ помощникъ нашъ, Предотеца Иванъ, по твоему, светову, явлению разорили мы гнездо змиево, взяли Азовъ-город. Побили мы в нем всехъ христианскихъ мучителей, идолослужителей. Твой, свѣтовъ, и Николинъ дом* очистили, и украсили мы ваши чудотворные образы от своихъ грешныхъ и недостойныхъ рукъ. Бес пения² у насъ по се поры перед вашими образы не бывало. А мы васъ, световъ, прогневали чем, что опять идете в руки бусурманские? На вас мы, свѣтовъ, надеяся, в осаде в нем сели, оставя всехъ своихъ товарищевъ. А топере от *турок* видим впрямъ смерть свою. Поморили насъ безсониемъ; дни и ноши безпрестани с ними мучимся. Уже наши ноги под нами подогнулись, и руки наши от обороны уж не служатъ нам, замертвели. Уж от истомы очи наши не глядятъ, ужъ от безпрестанной стрелбы глаза наши выжгли, в них

¹ утеснения; ² без богослужения, молебнов, молитв.

стреляючи порохом. Языкъ ушь нашъ во устнах наших не воротитца на бусурманъ закрывать. Таково наше безсиле: не можемъ в руках своих никакова оружия держать! Почитаем мы ужъ себя за мертвой труп. З два дни, чаю, уже не будет в осаде сидения нашего. Топере мы, бедные, роставаемся с вашими иконы чудотворными и со всеми христианы православными: не бывать уж намъ на святой Руси! А смерть наша грешничья в пустынях за ваши иконы чудотворныя, и за вѣру христианскую, и за имя царское, и за все царство Московское». Почали прощатися: «Прости насъ, холопей своих грѣшных, государь нашъ православной царь Михайло Федоровичъ всеа Руси! Вели наши помянуть души грешныя! Простите, государи вы патриархи вселенские! Простите, государи все митрополиты, и архиепископы, и епископы! И простите, все архимандриты и игумены! Простите, государи, все протопопы, и священницы, и дьяконы! Простите, государи, все христианы православныя! И поминайте души наши грешныя с родителями! Не позорны ничемъ государству Московскому! Мысля мы, бѣдныя, умом своим, чтобы умереть не въ ямах нам и по смерти бы учинить слава добрая».

Поднявъ на руки иконы чудотворныя — Предотечеву и Николину — да пошли с ними противъ бусурманъ на выласку. Их милостию явною побили мы их на выласке, вдруг *вышед*, шесть тысящей. И, видя то, люди турецкия, што стоит над нами милость Божия, што ничем осилтъ недоумѣють нас, с тех-то мечь не почали ужъ присылать к приступу к нам людей своих. От тех смертных ранъ и от истомы их отдохнули в те поры.

После тово бою, три дни оне погода, опять их толмачи почали к намъ кричать, чтобы им говорити с нами. У насъ с ними ужъ речи не было, потому и языкъ нашъ от истомы нашей во устах наших не воротится! И оне к нам на стрелах почали ерлыки метать. А в нихъ оне пишутъ к нам, просятъ у насъ пустова места азовского. А дають за него нам выкупу на всякого молотца по триста тарелей¹ сребра чистаго да по двести тарелей золота красного. «А в том вам паши наши и полковники сердитують² душею турскою, веть што ныне на отходе ничем не тронуть васъ. Подите с серебром и з золотом в городки свое и к своим товарыщемъ, а нам лише отдайте пустое мѣсто азовское».

А мы к ним напротиву пишем: «Не дорого нам ваше собачье серебро и золото, у насъ в Азове и на Дону своево много. То намъ, молодцамъ, дорого надобно, чтобы наша была слава вечная по всему свету, что не страшны нам ваши паши и силы турецкия. Сперва мы сказали вам: дадим мы вам про себя знать и ведать паметно на веки вековъ. *Во все* край бусурманские штобы вам было казать, пришед от насъ, за морем царю своему турскому глупому, каково приступать х казаку рускому. А сколько вы у насъ в Азове-городе разбили кирпичу и камени, столко ужъ взяли мы у васъ турецких головъ ваших за порчу азовскую. В головах ваших да костях ваших складемъ Азовъ-город лутче прежнева! Проте-

¹ талеров; ² присягают.

четь наша слава молодецкая во веки по всему свету, что складем города в головах ваших. Нашол ваш турецкой царь себе позорь и укоризну до веку. Станемъ с нево имать по всякой год уж *вшестеро*». После тово уж нам от них полехчело, приступу уж не бывало к нам. Сметилися в своих силах, што их под Азовым побито многие тысячи.

А в сиденье свое осадное имели мы, грешные, постъ в те поры и моление великое и чистоту телесную и душевную. Многие от насъ люди, искусные в осаде, то видели во сне, и вне сна, ово¹ жену прекрасну и свѣтолепну, на воздухе стояще посреди града Азова, ини — мужа ²древна власы², в светлых ризах, взираючи на полки бусурманския. Ино та насъ *Мать Божия Богородица* не предала в руке бусурманския, и на них нам помощь явно дающе, вслух *нам* многим *глаголюще* умильным гласомъ: «Мужайтесь, казаки, а не ужасайтесь! Сей бо град Азовъ от незаконных агарянь³ *зловерием* их обруганъ⁴, и суровством их нечестивым престоль Предотечинъ и Николинъ оскверненъ. Не токмо землю в Азове или престолы оскверниша, но и воздух над ним отемниша, торжище тут и мучительство христианское учиниша, разлучаша мужей от законных женъ, сыны и дщери разлучаху от отцовъ и от матерей.* И от многово того плача и рыдания земля вся христианская от них стонаху. А о чистых девах и о непорочных вдовах и о сущих младенцъ безгрешных и уста моя не могутъ изрещи, на их обругания смотря. И услыша Богъ моления ихъ и плачь. Виде создание рукъ своих, православных христианъ, зле погибающе, дал вам на бусурман отомщение, предал вам град сей и их в руке ваши. Не рекутъ нечестивыи: „Где есть Богъ вашъ христиански?“ И вы, братие, не пецытесь⁵, отжените⁶ весь страх от себя, не поясть вас никой бусурманской мечъ. Положите упование на Бога, примите венець нетлѣнной от Христа, а души ваши приметъ Богъ, имате царствовати со Христом во веки».

Атаманы многие ж видели: от образа Ивана Предотечи течаху от очей ево слезы многия по вся приступы. А первой день, приступное во время, видехъ ломпаду полну слезъ от ево образа. А на *власках* от насъ из города все видеша бусурманы — турки, крымцы и нагаи — мужа храбра и млада в одеже *ратной*, с одним мечемъ голым на бою ходяще, множество бусурманъ побиваше. А наши не *видели*. Лишо мы ⁷противу убитому⁷ знаемъ, што дѣло Божие, а не рукъ наших: пластаны люди турецкие, а сечены наполю⁸. Послана на нихъ побѣда с небеси! И оне о том насъ, бусурманы, многожды спрашивали: «Хто от васъ выходит из града на бой с мечемъ?» И мы им сказываемъ: «То выходят воеводы наши».

А всего нашего сидения в Азове от турокъ в осаде было июня зъ 24 числа 149 году до сентября по 26 день 150 году. И всего в осаде сидели мы 93 дни и

¹ одни; ^{2—2} седовласого; ³ магометан; ⁴ поруган; ⁵ отложите попечение; ⁶ отриньте; ^{7—7} по убитым; ⁸ надвое.

93 нощи. А сентябрь въ 26 день в нощи от Азова-города турецкие паши с турки и крымской царь со всеми силами за четыре часа до свету, возмятась окаянные и вострепетась, побѣжали, никем нами гоними. С вечным позором пошли паши турецкие к себѣ за море, а крымской царь пошел в орду к себѣ, черкасы пошли в Кабарду свою, нагаи пошли в улусы всѣ. И мы, какъ слышали отходъ ихъ ис табаровъ, ходило насъ, казаков, в те поры на таборы ихъ тысяча человекъ. А взяли мы у них в таборах в тое пору языковъ, турокъ и татаръ живых, четыреста человекъ, а болних и раненых застали мы з две тысячи.

И нам тѣя языки в роспросех и с пыток говорили все единодушно, отчево в нощи побѣжали от града паши их и крымской царь со всеми своими силами: «В нощи в той с вечера было нам страшное видение. На небеси, над нашими полки бусурманскими, шла великая и страшная туча от Руси, от вашего царства Московского. И стала она противъ самага табору нашего. А перед нею, тучею, идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих держать мечи обнаженные, а грозятся *на* наши полки бусурманские. В те поры мы *их* всех узнали. И тою нощию страшные воеводы азовские *во одежде ратной* выходили на бой в приступы наши из Азова-города. Пластали нас и в збруяхъ¹ наших надвое. От тово-то страшново видения *бег пашей турецких и царя крымского с таборов*».

А нам, казакам, в ту же ноць, с вечера в виде се всемъ виделось: по валу бусурманскому, гдѣ их наряд стоялъ, ходили тутъ два мужа лѣты древны. На одном — одежда иерейская, а на другом — власяница мохнатая. А указывают нам на полки бусурманские, а говорятъ нам: «Побежали, казаки, паши турецкие и крымской царь ис таборъ. И пришла на них побѣда Христа, Сына Божия, с небесъ и от силы Божия».

Да нам же сказывали языки те про изронъ людей своих, что их побито от рукъ наших под Азовом-городом. Письмяново люду побито одних у них мурзь и татаръ, янычень их, девяносто шесть тысящъ, окроме мужика черного и охотника техъ янычанъ. А насъ всех казаковъ в осаде село в Азове толко 7367-м человекъ. А которые остались мы, холопи государевы, и от осады той, то все переранены, нетъ у насъ человекъ целова ни единого, кой бы не пролил крови своея, в Азове сидечи, за имя Божие и за вѣру христианскую. А топере мы войском всем у государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Руси просим милости, сиделцы азовские и которые по Дону и в городках своих живутъ, холопей своих чтобы пожаловал и чтобы велѣл у насъ принять с рукъ наших ту свою государеву вотчину — Азов-город, для свѣтого Предотечина и Николина образовъ, и што им, светом, годно тут. Сем Азовым-городом заступит онъ, государь, от войны всю свою украину, не будетъ войны от татаръ и во веки, какъ сядут в Азове-городе.

---

¹ доспехах.

А мы холопи ево, которые остались у осаду азовския силы, все уже мы старцы увечные, с промыслу и з бою ужъ не будетъ насъ. А се обещание всех нас Предотечева образа: в монастыре ево постричися, принять образъ мнишески. За него, государя, станем Бога молить до веку и за ево государьское благородие. Ево-то государьскою обороною оборонил нас Богъ, верою, от таких великих турецких сил, а не нашим то молодецким мужеством и промыслом. А буде государь насъ, холопей своих далних, не пожалуетъ, не велить у насъ принять с рукъ наших Азова-города, заплакавъ, нам ево покинути! Подимем мы, грешные, икону Предотечеву да и пойдем с ним, светом, где нам онъ велить. Атамана своего пострижем у ево образа, тот у насъ над нами будетъ игуменомъ. А ясаула пострижем, тот у нас над нами будет строителем¹. А мы, бедные, хотя дряхлые все, а не отступим от ево Предотечева образа, помремъ все тут до единова. Будеть во веки *славна* лавра Предотечева.

И после тех же атамановъ и казаков, что им надобно в Азовъ для осадного сидения 10 000 людей, 50 000 всякого запаса, 20 000 пуд зелия, 10 000 мушкетов, а денегъ на то на все надобно 221 000 рублевъ.

Нынешняго 150 году по прошению и по присылки турецкого Ибрагима салтана царя, он, государь царь и великий князь Михайло Феодоровичъ, пожаловал турецкого Ибрагима салтана царя, велѣл донским атаманом и казаком Азовъ-градъ покинуть.

---

¹ экономом монастыря.

ПОВЕСТЬ О СЕМИ МУДРЕЦАХ

СКАЗАНИЕ ПРЕДИВНО ПОВѢСТЬ О ЦЫСАРЕ И О СЫНЕ ЕГО ДИОКЛИТИЯНЕ

Повѣмъ убо вамъ вещь сицеву¹. Бысть убо в Римстей области цысарь, ему же имя Елиазаръ, мудростию же не у сверъшень. Егда убо прииде в мѣре возраста, поя себе жену тоя же Римския области, своя державы, нѣкоего краля дщерь, дѣву сущу, красну зело.

Пребывъ убо с нею, и зачат от него во чревѣ имущи. Егда убо исполнишася дние рожению, роди отроча, и нарекоша ему имя Диоклитиянъ, отроча же растяще вельми чудно и красно зело. Егда убо доиде до седмаго лѣта, мати его в недугъ впаде, еже умрети ей. Сия же, уразумѣвъ свое отшествие, призываетъ к себѣ мужа своего, славнѣишаго цысаря Елиазара и рече ему: «Молю ти ся, великий цысарю, государю мой, понеже отхожу жития сего, прошу у тебя, единого дай ми по моей смерти!»

Он же рече: «О вселюбезная, проси еже хоцещи, да сотворю». Она же рече: «Имѣем у собя сына си единородна, но понеже по моемъ отшествии имаша женитись, молю ти ся, да не вдаи ей владѣти над сыном наю, и не начни держати его при сѣбѣ и при ней, мачесе его, но отдаждь его далече, выиную страну в научение всякой мудрости, но аще и жалостию поболѣзнуеши о нем, но напоследок упокоиши его и возвеселишися о немъ». И сие рекше умре.

Цысарь же еѣ погребе с великою честью, и бѣ плача и сѣтуя по ней многи дни.

Минувшим же днемъ сѣтованию, воспомяну ея прошение и похвали разумъ ея, вдасть сына своего седми мудрецем, да научаетъ его всякой премудрости, елико сами научены.

Рече же старѣйшина мудрецъ прочимъ еже с нимъ мудрецем: «Послушайте, повѣмъ вамъ, созиждемъ полату среди Римския области велию зело и подпишемъ на стенахъ от всякого любомудрия, кинждо что разумѣеть, а вверху полаты напишемъ нѣбесныя бѣги и стихию, и звѣздное течение, дабы отроча всегда ²зрѣло ко учению² своему».

---

¹ таковую; ²⁻² преуспеваю в учении.

Мудрецы же похвалиша совѣтъ его, создаша же полату велию и прекрасну зело и подписаша, елико ихъ уразумѣша, начаша же цысаревича учити с подщаниемъ и с прилежаниемъ великимъ зело.

Бывшу же ему во учении седмь летъ, мудрецы же между собою рѣша: «Хощем да искусим ученика своего цысаревича и узримъ, гораздо ли учение наше принялъ». И рекъ старей мудрецемъ, емуже имя Банцелеус: «Положимъ ему под нози ¹по листу коблющему^{1*} кождо насъ и станемъ при постели его».

Се же имъ рекше, учиниша еже восхотѣша. Егда возляже цысаревичъ опочинуть, они же пришедши и подложиша под нозѣ его по листу, сами же сташа при постели его. Диоклитиянъ же пробудися и нача смотрѣти вверхъ полаты своея и хвататись за постелю нача рукама своима.

Реша же ему мудрецы: «Великийъ господарю Диоклитияне, чего ради зриши вверхъ по полате и рукама хватаешь за постелю?»

Он же глагола имъ: «Зрю и не вѣмъ, любо с полаты моя верхъ сопнулся, или подо мною земля поднялась кверху».

Мудрецы же проразумѣша и реша к себѣ: «Учения любомудрия цысаревичъ принялъ выше нашего, мнимъ, инъ таковъ мудръ в поднебесней не обрящется».

Сия же дозде², но на предлежащее возвратимся.

Матери убо отрочати умерши. По неколицех же днехъ приидоша к цысарю радныя паны его, боляре и дворяна думныя со всею его областью, начаша его молити: «Великий и преименитый, преславный господарь нашъ, цысарю, ещо убо ти средовѣчну³ сущу, супружницы же нѣ имѣешь. Молим ти ся, да посягнеши второй женѣ и воставиши плод в наслѣдие державы царствія твоего, да безгосподарни останемся и недругомъ твоимъ, околнимъ царем, в расхищение впадемъ, писано убо есть в законъ: аще кому умереть жена, посягнути на фтору, аще и вторая умереть, понуже посягнути и на третью».

Цысарь же рече им: «О преизящные мои рады нашае панове, боляре и думы нашае дворяне, и вси началники нашае области! Вѣсте убо снаслѣдника и сопрестолника моему господарству и вамъ господаря, имѣю си сына Диоклитияна, единочадаго ми суща, егоже премудра зело, а за любовь и за жалость жены моей, цысаревы первыя, не могу на другую посягнути!»

Они реша ему: «О великий, преславный господарь нашъ, аще сына си имѣешь Диоклитияна, а намъ господаря, но царство ти велико есть, и многие государства подъ твоею областью суть. Аще бы и много чадъ было у тебя, преславнѣйшаго господаря, и есть им где господарствовати, но боимся, егда нѣчто случитца твоему сыну, а нашему господарю, и намъ будетъ безъгосподарнымъ остатися, недругомъ твоимъ, околнимъ царемъ, в расхищение и в поправление, и землю нашу чужии поядять».

¹⁻¹ по листку плюща; ² до сих пор; ³ не старый.

Сия же слышав, цысарь преклонись на ихъ прошенье и разосла по многимъ королевствомъ своего господарства повелѣ избрати дѣву юну и лѣпу, достойну царствія своего. Обретоша же в *нѣкоемъ граде Костеле** деву красну зело, ея же приведоша к цысарю. Ю же узрѣвъ, почюдися красотѣ ея и возлюби ю зело, и забы любве, еже имѣ к первой женѣ своей, сотвори бракъ чуден и пресвѣтель зело. Созва на веселие брака того всѣ крали Римскія области, радныя панове и боляре, и дворяне, и многое множество людей господарства своего. Гласу же и звуку бывшу велию от брачнаго потѣшнаго учреждения, еже кимьваломъ и литаврь, и на кровь громогласія еже трубнаго клицанія, и еже сурны сладкогласія, цымбалов же звяцанія и аргановъ многогласія, и иныхъ много различныхъ мусикѣйскихъ согласія. Людемъ же всѣмъ всякого чину, веселящимся и славящимъ господаря своего цысаря и цысареву величающимъ.

Браку же мимо шедшу, сыну же цысареву на браку не бывшу, моленія ради матери его еже ко отцу его, цысарю, бѣ убо в то время у мудрецовъ на училищи.

По некоемъ времени сказаша цысаревѣ, мачесе его, еже о цысаревѣ сыне Диоклитіяне.

Мачеха же Диоклитіяня, слыша сия, нача негодовати и злѣ мыслити, дабы цысаря по сыне его в забвеньѣ привести, еже не воспомянути его или инако погубити, мысля же убо се не едино лѣто.

Во едину же отъ ношей цысарю, лежащу с нею на постеле, и нача ей глаголати: «О вселюбезная и пресладкая, свѣте очию моею, утѣхо и возжеление сердечное, милая, прекрасная моя цысарева! Ничтоже в поднебесной точно твоей красотѣ, ничтоже любезнее тебя предъ очима моиима, вся ни во чтоже суть, проси, еже хощещи, да сотворю прошение твое и не буди тое же, в чемъ преслушаюсь, но вся буди по воли твоей и ничто от тайны моей да не утаитъся тебѣ».

Она же, видевъ цесарево усердие и несумнѣнную ласку и любовь еже к себе, и воспримши дерзновение, рече к нему: «О пресвѣтлый и великий цысарю, господарь мой милый, аще праведно любиши мя от душа своя, даждь мнѣ видѣти сына твоего и моего, Богомъ даннаго Диоклитіяна!» Он же рече: «Се по воли твоей учиню».

И вскоре к мудрецемъ повелѣ написати послание сиче от пресвѣтлѣйшаго и преславнѣйшаго, достохвалнаго великаго господаря Елиазара, цысаря Римскія области и многоименитыхъ господарствъ повелителя:

«Вѣдомо да есть вамъ, немалымъ лѣтомъ мимошедшимъ отлучихся сладчайшаго ми сына Диоклитіяна. Сего ради болѣзнуеть ми душа и плачет ми сердце, понеже много лѣтъ не видехъ его пресвѣтлаго образа и не слышахъ от устъ его премудрыхъ и медоточныхъ словесъ. Ныне же помышление вниде в сердце мое, да аще не узрю вскоре его и не слышу словесъ его,

¹зле гоньзнетъ ми животь¹, не могу от жалости терпѣти, еже не видѣти его. Вы же не замедлѣниемъ вборзе привезете его ко мнѣ и от насъ достойную честь примѣте царьствия моего».

Посланию же написанну бывшу, печатаеть его перьстнемъ своя рука и скоростию посылаетъ его к мудрецамъ.

Привезену же ему бывшу, и приемше послание мудрецы и прочтошае. Достигши же ноши, начаша зрѣти на звѣзды и разсмотрятъ своимъ любомудриемъ во звѣздахъ, каковъ будетъ приѣзд Диоклитияну ко отцу.

Видятъ же убо се, егда приедетъ Диоклитиянъ ко отцу, и не возможетъ противъ отца слова изрещи никакова в семь дней, но будетъ нѣмъ и безгласенъ, аще ему и смерть принять, и веденъ будетъ в тѣ во все семь дней на шибалицу², да обѣсѣтъ³ его.

Видевше же сия, мудрецы смутишася зело и рекоша в себѣ: «Уне⁴ б намъ всѣмъ умерети, нежели Диоклитияну!»

Аже зрѣти ихъ унылыхъ и скорбящихъ ис полаты Диоклитиянъ и рече к нимъ: «О господии мои, семь мудрецовъ, что васъ зрю унывшихъ и скорбящихъ зело?» Они же отвѣщавше и реша к нему: «О премудрый господарь нашъ, Диоклитияне цысаревичю, сего ради сътуемъ и зело скорбимъ, прииде убо к намъ от преславнейшаго государя нашего цысаря, отца твоего, послание, да безо всякого замедления вборзе с тобою, премудрымъ господаремъ, ѣдемъ к нему. Мы же о семь своимъ любомудриемъ во звѣздахъ разсмотримъ, каково будетъ твое пришествие ко отцу, и видехомъ время зло: егда узриши отца своего, и не возможеша ни единого слова к нему изрещи в семь дней, аще и смерть случится принять, и в тѣ семь дней всегда на кииждо день веденъ будеша к шибелице на обѣшение напрасно».

Диоклитиянъ же рече имъ: «Хочу да и азъ вижу небо и звѣзды». Приспѣвши же второй ноши, призвавъ мудрецевъ своихъ и нача зрѣти на звѣздное течение прилѣжно, видѣти же сие все, еже ему сказаша мудрецы, и к тому еще видѣти, еже не узнаша мудрецы: да избудетъ тое напрасная смерти и избавятъ его на семь дней от смерти онѣ мудрецы, кииждо их на день, а в осмый день самъ оправдается, и у отца своего, цысаря, и у всѣхъ людей в велицей чести будетъ. И указа то видение во звѣздахъ и мудрецамъ своимъ. Они же прилѣжно о семь смотриша и узнаша, что истинно Диоклитиянъ рек имъ, возрадовашася зело, что цысаревича Богъ сподобилъ превыше ихъ мудрости, начаша готовитися да едутъ к цысарю.

Во единъ же от дней в полудне спящу цысаревичу на ложи своемъ, видѣти сонъ: и се въздыша надъ него четыре мѣсяцы, от нихъ же быша изросло семь розгъ⁵, на тѣ же розгы въздыде ужи, и спущаша на него слины⁶, и пробиваху его насквозъ слины.

---

¹—1 лишусь жизни, умру; ² виселицу; ³ повесят; ⁴ лучше; ⁵ ветвей; ⁶ слюни.

Повѣдаше сонъ мудрецемъ своимъ, они же ему разсудиша: «Четыре мѣсяцы — четыре злодѣи суть, а семь розгъ — семь дней выведение на смерть, а ужъ сей — мачеха, а еже слинами пробивала — то отца твоего на тебя учнетъ подстрекати на убиение смерти». Сие же рекши, и поехала.

Пришедшимъ же имъ в Римъ, стрѣте сына своего Диоклитияна отецъ его, цысарь, с великою радостію и, объем, целова его. Он же поклонись отцу своему и бысть нѣмъ, и не могши проглаголати, и не возможе ни единого слова изрещи ко отцу.

Цысарь же о семъ нача велми дивитися, что сынъ его к нему бесѣды не творить и слова никоторого не изречетъ, и помышляше в себѣ: запретиша ему мудрецы, не веляху с нимъ глаголати.

Прием же его за руку, и веде подле себя, и нача на него смотрѣти прилжно, и рече ему: «О драгое мое чадо, сладкий, любезный сыну, повѣждь ми, како тя учиша мудрецы».

Он же, став пред лицомъ отца своего и поклонись, а слова ни единого не изрече ему. Цысарь же паки о семъ подивися и в недоумѣние впаде.

Слышав же о семъ, цысарева вельми возрадовася и, убравшись в порты многоценныя, и с паньями, и с боярынями прииде к цысарю и поклонись ему, и сяде близ его, и рече ему: «Сей ли есть сынъ наю?» Он же рече: «Сей, токмо молчить, а не глаголетъ».

Цысарева же рече: «Великий цысарю, по воли мнѣ дай, поиму его на едино и беседую с нимъ, и учиню се, что учнетъ со мною глаголати».

Цысарь же дает на еѣ волю. Цысарева же, вземъ Диоклитияна за руку, и восхотѣ его вести в нутреннюю комнату. Цысаревичъ же отнять у нѣе руку свою. Цысарь рече сыну своему: «Востани, иди с нею!»

Диоклитиян же воставъ, и поклонись отцу своему, и иде с нею. Она же повелѣ изыти от себя всем паньямъ, и боярынямъ, и дѣвамъ. Они же изшедши вонъ, цысарева же паки Диоклитияна приемъ за руку и посади его подле себя на постели своей, положи очи свои на немъ и рече ему: «О пресладкий мой Диоклитияну, свѣте очию моею, возгорѣние сердечное, жало любовное, лязи и буди со мною, да насытишися моея красоты, и глаголи со мною еже восхощеши многожды, бо восхотѣхъ в девичествѣ видети тебя, и отца твоего молихъ, дабы ми показал свѣтлость лица твоего. Нынѣ же вижу красоту лица твоего и зело радуюся, но молю тя, свѣте мой милый, обвесели мое желание!» И обнемъ его, восхотѣ целовати. Он же отврати лице свое от нея. Она же рече ему: «О прелюбезный, что твориши и кого стыдишися, никто бо на нь здѣ зрит, токмо едина постеля и комната». И открывъ груди свои, нача казати ему тѣло свое, глаголя: «Диоклитияне, зри и люби тѣло мое по своей воли, аще ли сего не твориши, и ты злою смертию да умрещи!»

Он же паки отвратися и не отвѣща ей ничего. Она же рече ему: «Мню убо, да нечто ради срамно не хочещь со мною глаголати, и ты убо возми бумагу и чернило и напиши, еже хочещи».

Диоклитиян же приемъ чернило и бумагу и написа ей: «О нарицаемая ми мати, живъ Богъ мой, не буди ми уподобитися Авесалому, еже осквернити ложе отца своего! Ей, мати моя, не буди то, не буди, прочѣ же да не стужай ми к тому, и слова от мене никакого не имаши слышати!»

Она же, возрѣвъ на нь з гнѣвомъ, яростию рече ему: «Скоро да умреша злою смертию!»

Писание же Диоклитияне зубами изорва, и одеяние свое растерза до пояса, и лице свое до крови изорва, и нача вопити велиимъ гласомъ: «О господие, помози ми, не дайте сему беззаконному сыну цысареву изнасиловати мя!»

Услышав же сие велие кричание, цысарь и вниде к ней. Цысарева же паде на нозе его с великимъ воплемъ и слезами и рече ему: «О великий, милостивый государю, помилуй мя, се убо сынъ твой злый, дьяволъ и лихий человекъ! Азь бо взяхъ его в комнату свою, хотя его в бѣседу привести, дабы что глаголалъ, он же безстудиемъ наполненъ сый, нача мя нудити к греховному падению. Аз же много отрицахъся и рекохъ ему: „Что хочещи творити, беззаконниче?“ Он же хотя мя насилеи осквернити и се видяще, растерза ризы моя и лице мое окровави, и аще бы ты не вскоре пришел, то уже бы онъ надо мною свое скверное хотение учинилъ и ложе бы твое, отца своего, осквернилъ. Молю ти ся, пресвѣтлый государю мой, учини избаву мнѣ, а ему отомъщение!»

Цысарь же от жены своя слышавъ сия, и на сына своего велми разгневался и яростию зеленою разжегъся на нь, повелъ его обѣсити.

Видевше же се паны и боляре его и, возжалишась зело, приступиша к цысареву, и реша ему: «О великий государю наш, не подобает сего вскоре сотворити, еже сына казнити, дондеже¹ испытаеши известно о немъ, понеже единачадъ ти есть».

Цысарь же повелъ его в темницу всадити.

Видевши же цысарева, еже цысарь сына своего не казни, нача неутѣшно плакати. Цысарь же, пришед к ней, рече: «О любимая ми, что плачещи?»

Она же рече ему: «Понеже обещался еси мнѣ за срамоту мою казнити сына своего и не казни его, и еже общася се солгано,² да збудется тобѣ, аки некоему добру древу со младымъ древцемъ²».

Цысарь же рече ей: «О любезная, прошу у тебя сея повѣсти, да исповѣждь³ ми!»

Притча I цысаревны о нѣкоемъ древе и о огороднике

Цысарева же рече ему: «Слыши убо, о цесарю, бысть нѣкий человекъ в Римѣ, имѣя у себя виноградъ⁴. Бѣ же в томъ винограде древо велми красно.

¹ пока не; ²⁻² случится с тобой то, что произошло с хорошим деревом из-за молодого деревца; ³ расскажи; ⁴ сад.

Плод же его исцеление творяше, аще кто от него ясть, немии — глаголаху, глушии — слышаху, и всякими недуги одержимыя — исцелевахуся. Человѣкъ же той от древа оного вельми обогатѣ.

Случи же ся ему нѣкогда притти в виноградъ смотрити древа того, и узрѣ близ древа оного младое древо израсте. И призва человекъ той ¹приставника винограду¹ и рече ему: „Поливай младое древо, дабы росло скоро, мню бо, что то младое древо будет лутчи старово”. По повелѣнью же господина своего приставник винограду нача поливати древо.

По неколицех же днехъ прииде господин видѣти древа того и виде, и се не борзо² растеть, и призва к себѣ приставника винограда, рече ему: „Не рѣхъ ли ти сего древа поливати, се же мало растет твоим небрежениемъ!”

Приставник же винограду рече ему: „Се зриши, старое древо велико и высоко, и много вѣтве, но до младаго же древа не дасть солнцу восходити, посему младое древо не борзо растеть”.

Рече же господин винограднику: „Обсѣки у старого древа розги³, дабы солнце доходило до младаго древа”. Он же старого древа розги обсече, паки по нѣкоемъ времени прииде господин винограда видети древа и рече винограднику⁴: „Что се младое древо косно⁵ ростет?”

Рече же ему виноградник: „Старое убо древо есть высоко, солнцу и дождю, и вѣтру до того древа не дасть доходити, и сего ради косно растеть”.

Господин же рече ему: „Подсеки убо старое древо все, да не творит пакости младому древу, имам бо на него надежду, да подасть плод лутче старого древа”.

Приставник же винограда по повелѣнью господина своего подсеке старое древо, потом же исше⁶ и младое древо.

Слышавше же гражане погубление старого древа — великие люди, и нищие и убогие — плакахуся о немъ велми.

Разумѣши ли сия, цысарю, еже ти сказахъ? Повѣм ти и россужение его: древо убо старое — твое величество, а великия и богатыя от твоея власти думы навькают, а немощныя и убогия от тебя милость приемлютъ; младое же древо — есть у тебя сын твой проклятый; а еже хотѣ древо вѣтра, убо есть хочеть сынъ царства твоего; а еже подсѣкоша старое древо — се умышляеть, хочеть тя убити; плакаху же ся по древу вси людие — се по тебѣ начнутъ плакаться».

Рече же ей цысарь: «Правда, еже глаголеши, заутра сынъ мой да умереть!»

Наутрия ж цысарь осуди сына своего на смерть, повелѣ обесити.

Ведому же ему с трубами, и с *тимпаны*,* и с пѣснями, провожаху его, плакаху же ся по немъ вси людие, рекоша другъ ко другу: «Что се господарь

¹—¹ садовника; ² быстро; ³ ветви; ⁴ садовнику; ⁵ плохо; ⁶ высохло.

нашъ сотвори, еже сына своего единочадаго, мнимъ, неповинна суща, предасть на смерть? Аще и сто бы сыновъ у него было, и не могль бы сего сотворити».

Приведоша же его на уреченное мѣсто, и се борзостию коня прискака мудрецъ, ему же имя Венцелеус, и рече приставником: «Молю вас, господине, пождите мало время, да не обѣсити цысарева сына, неповинна суща, азъ бо борзо ѣхавъ к цысарю и Божиею милостию избавлю его на сий день от смерти».

Цысаревич же поклонися мудрецу своему, аки нѣкое слово хотящу ему изъглаголати, мудрецъ же борзо нача скакати к цысареве полате и, вшедшу ему в полату, рече: «О великий цысарю, в вѣки живи!»

Он же возрѣ з гнѣвомъ, рече ему: «Изыди ис полаты моя, окаянне, дахъ язъ вамъ в научение сына своего рѣчиста, нынѣ же учинисте его нѣма и безстудна, восхотѣ убо ложе мое осквернити. Нынѣ же сей да умреть, послѣди же и вы тою же смертию да умрете!»

Мудрецъ же рече ему: «Сынъ твой не глаголетъ, се временно есть, по времени паки возглаголет, а еже восхотѣхъ осквернити ложе твое, се не истинно, лестию оклеветанъ ти есть, да постражеша горше того, еже нѣкий цысарь для слова жены своя уби надежнаго пса своего, пес же той избави от смерти сына его едиnorodнаго».

Цысарь же рече ему: «Повѣждь ми о семъ, како сотворися». Он же рече: «О великий цысарю, не вели на сий день казнити сына своего, аз же повѣм ти притчу сию». Цысарь же посла скоро не веле казнити сына своего и повелѣ его отвести в темницу.

Притча 1 мудреца Венцелеуса к цысарю о псе и о соколе

Мудрецъ же восприимъ рече: «Слыши убо о цысарю, бѣ невкоем мѣсте живяше рыцарь храбрѣ зело, имѣ у себя единаго сына, младенца суща, и любяше его зело. Пристави к нему три мамки: первая его да кормить перьсами, другая да обмывает, третья же качаетъ и утешаетъ. Имяше же той рыцарь пса да сокола и любяше ихъ велми, пса за еже ¹ни с каким звѣремъ роспуску не было¹, сокола за еже ²ни с которою птицею розлѣту не было². Обычай же у пса оного бяше таковъ: егда рыцарю лучитца³ ѣхати на бой, и аже будетъ ему на дѣле⁴ помощь Божия, сей же пес, аки волхвуня, чрез его и чрезъ коня трижды скочит. Егда же ему на бой ⁵не часть⁵ ехати, пес же онъ великимъ гласомъ выа и коня его узду грызаетъ».

Случи же ся нѣкогда, званъ бысть той рыцарь и з женою на пирь, и поѣха, поем с собою и люди своя, в дому же своем остави сына и три мамки его, и

¹—¹ любого зверя одолевал; ²—² любую птицу одолевал; ³ случалось; ⁴ в бою; ⁵—⁵ не время.

пса, и сокола. Мамки же отроchte узыбаша его в колыбели, и успе отроча, сами же изыдоша на дворъ да играютъ, оставиша во храмине младенца спяща и с ним пса и сокола. Псу убо спящу, сокола же сидѣвшу, и се внезапно изыде ужъ ис-под лавки и нача, обращаяся, зрѣти ¹сѣмо и овамо¹ и, не увиде во храмине людей, нача приближитися ко отрочати, хотѣ его заѣсти. Узрѣ же соколъ ужа ползуща ко отрочати, нача трепетатися, дабы песь убудился и, виде его спяща крѣпко, доста носом за губу и ушкну² его, бѣ бо спя близъ его. Песь же убудися и узрѣ ужа ползуща борзостию, ринувся и сцепившася с нимъ, и начашася ѣсти между собою. Ужъ убо пса изъяде во многихъ мѣстехъ, а песь ему одолѣ и до смерти загрызе, от крови же ихъ стечеса вся храмина. Егда же песь и ужъ брашася³ между собою, извалиша отроча ис колыбели, и оторвася колыбель, покры отроча, и удавив же песь ужа и ляже на немъ близъ у колыбели суть. Приидоша же в храмину мамки отроchte, видевше же храмину кровию сплывшуся и пса лежаща кровава, и колыбель опровержену, отроchte ж не узрѣвше, мнѣвше, песь отрочай изъяде, и розбежашася. Едина же мамка приде к рыцареве, плача и вопия велиимъ гласомъ: „О, нѣ веси, госпожа, пес сына вашего изъяде до смерти и леже у колыбели!”

Рыцарева⁴ же, слышавъ смерть сына своего, велиимъ гласомъ воскрича. Слышав же рыцарь кричание жены своея, притече и рече к ней: „О чемъ плачеша?” Она же рече ему: „Се прибежа мамка и сказа, сына наю⁵ изъяде пес до смерти”.

Рыцарь же, слышавъ, возьмѣ мечъ свой и иде борзо в домъ свой, прииде во храмину, гдѣ бѣ сынъ его, и виде ю кровию стекшуся, а колыбель сына своего на земли поверженну и пса, близъ ея лежаща, лижуща колыбель. Песь же узрѣ господина своего, и скочи к нему, радуяся. Он же изъят мечъ и ткну его, и пресе-че надвое, и подня колыбель, и обрете сына жива, спяща. Нача ж смотреѣти, откуда по храмине учинися кровь, и обрѣте ужа великого заедена, и оскорбеса о псе скорбию велиею зело, нача плакати, понеже уби неповиннаго, такова разумна для слова жены своея».

⁶Сия рекъ⁶, мудрец возгласи: «Слыши убо, преславный, милосердный господарю мой, цысарю, но да не и ты раскаишися, убивъ сына си единороднаго, неповинна суца, для слова жены своея и начнеша неутешно плакати о сыну своемъ».

Слышав же сия, цысарь похвали мудреца о притчи его.

Услышав же цысарева, что сынъ цысаревъ еще не умре, нача вельми плакати и главу свою попеломъ⁷ посыпа.

Прииде же цысарь и рече ей: «О, любимая, что плачеша?» Она же рече ему: «Не се ли обѣщася еси мнѣ сына своего за срамоту мою обѣсити, и се слышу, еже живъ сый, да не како се прилучится тѣбе, аки нѣкоему пастуху з диким вепремъ⁸».

¹—¹ туда и сюда; ² клюнул; ³ боролись; ⁴ жена рыцаря; ⁵ нашего; ⁶—⁶ это рассказав;
⁷ пеплом; ⁸ кабаном.

Цысарь же рече ей: «Повѣждь ми о семъ, любимая!»

Она же отвеща: «И во вчерашний день тебѣ сказахъ, и помощи себѣ никоя не учинихъ, повѣмъ убо и се, да разумѣши еже о сыну своемъ».

Притча 2 цысаревы к цысарю о нѣкоемъ вепре и о пастусе

«Бысть нѣкий король, имѣ въ государстве своемъ великий лѣсъ, в нем же, лесу, живяше дикий вепрь, бѣ же лють зело, по всякимъ мѣстомъ проходя, изѣдаше люди. Приидоша же ко кралю всѣ люди его господарства, моляху его с великимъ воплемъ, да избавитъ ихъ отъ насилия вепрева.

Король же посла многихъ рыцарей на того вепря, повелѣ его убити, вепрь же рыцарей всѣхъ побѣ. Король же посла второе, и в третее, он же и тѣхъ всѣхъ побѣ. По семъ король в недоумѣнии бысть.

Имяше же король той дщерь единародну, и пусти кличъ по всемъ градомъ господарства своего, иже кто убьетъ вепря того, да дастъ за него дщерь свою.

Случи же ся нѣкако единъ нѣкто пастухъ, пася скотину, за поясомъ же имѣ у себя секиру, и узрѣ его вепрь той, напусти на него. Он же утече у него на великое древо виноградное. Вепрь же нача древо подъядати, пастырь же нача ягоды рвати и вѣтвие съ ягоды вепрю метати. Вепрь же нападеся на ягоды, нача ихъ ясти, а пастырь же болши нача к нему метати. И наядеся вепрь ягодъ до великие сытости, и ляже под тѣмъ древомъ спати. Пастух же узрѣ его спяща, и наклонися на него, единою рукою держася за древо, а второю нача вепря чесати, и узна его спяща крѣпко, и изъять топоръ, и уби его до смерти. Король же выдаде за него дщерь свою. Послѣди же его той пастухъ кравевѣствована на его мѣсто».

Сия же цысарева изглагола и рече цысарю: «Разумей, яже ти глаголю: приличнѣ людие не возмогаша стояти противъ тебя, а пастухъ — знамение твоего злаго сына, еже над тобою своею мудростию умышляеть; смокви еже метание к вепрю знаменуетъ проклятыхъ его мудрецовъ, еже умолвять тя лестными словесы; чесание же вепря пастуха того претворит, еже сынъ твой и с своими мудрецы, лживыми своими словесы умолвивъ, ты хочеть убити и на твоёмъ престолѣ сѣсти и господарствовати».

Цысарь же речей ей: «Разумѣю, яже глаголеши, и не буди того, еже сыну убитимъ, я утре повелю, да обѣсятъ его».

Она же рече ему: «Аще сия учиниши, то добро себѣ сотвориши».

Наутрие же цысарь повелѣ сына своего обѣсити.

Ведому же ему на шибелицу, и се приѣхавъ мудрецъ, ему же имя Лентелеусъ. Возопиша же к нему вси людие с великимъ гласомъ и рекоша аки едины усты: «О преизящный мудрецъ, аще ты возможно, да избавиши сына цысарева, ученика своего, отъ смерти!»

Мудрецъ же рече имъ: «Не ускорите вести его скоро х казни, аз де на сий день избавлю его от смерти». Диоклитиян же поклонися, аки нѣкое слово хотя к нему изрещи. Мудрецъ же нача к цысареве полате скакати борзо, и вниде в полату, и рече: «О великий цысарю, в вѣки живи!»

Цысаръ же рече ему, яростно возревъ на нь: «Изыди, окаянные, борзо ис полаты моея! Азь убо дахъ вамъ сына своего речиста, вы же сотвористе его нѣма и напрасно восхотѣ убо ложе мое осквернити. Нынѣ же онъ да умереть, последи же и вы обще с ним да умрете!»

Мудрецъ же рече ему: «О великий цысарю, еже сынъ твой нѣмъ, сие времянно есть, а еже оскверни ложе твое, сие лжа, а не истинна, лестию убо оболганъ есть; то бѣ, понеже мачеха его сама хотяще с нимъ быти, нынѣ же срамъ свой покрываеъ и вину свою на него возлагаеъ. Но вѣдомо буди тобѣ, о великий господарю, аще ли убьеши сына своего неповиннаго для жены своя, горшае постражеши, аки нѣкой старый рыцаръ от младае жены».

Цысаръ же рече ему: «Повѣждь ми о семъ».

И мудрецъ рече ему: «Молю ти ся, да не умереть сынъ твой на сий день, и аз повѣм ти притчу сию».

Цысаръ же повѣле сына своего отвести в темницу, и се мудрецъ рече: «Слыши, о великий, преславный господарю мой, цысарю».

Притча 2 мудреца Лентелеуса к цысарю о младай жене

«Бысть нѣвкюем граде рыцаръ старъ сый, на старость поня собѣ жену велми красну. Обычай же имяше: егда внидетъ к ней спати, тогда ложню¹ свою замыкаше, ключи же под возглавие себе кладяше. Ея же не можате утѣшати, старости ради своя, и егда усыпаше, и се жена его ключи крадяше и исхожда же к нѣкюему младу юноше. Совершаше с нимъ свое хотѣние, утѣху от него примаше, тѣло свое блудом услажаше и, приходя от юноши, паки ложню замыкаше, и ключи под возглавие кладяше, а сама за нимъ ложашеся. Случи же ся нѣкогда, во едину от ношей рыцаръ вниде к ней спати и замъкну ложню свою, якоже обычай имаше, и положи ключи под возглавие себѣ. Егда же нача спати, абие² жена его вземъ ключи ис-подъ главы, якоже обычай ей бяше, и иде к любимому си юноше потѣшения ради тѣла своего. Рыцаръ же убудився от сна, и се жены нѣсть подлѣ, нача же смотреѣти ключей, и не обрете. Востав же от постеля, и прииде к дверемъ ложницы своя, и обрете отомчену и отворенну. Он же запре дому своего и врата, и ложню, и сяде в вышнемъ оконце, зря на улицу, откуду поидеть жена его.

¹ спальню; ² тотчас.

¹И какъ будетъ кликнувшемъ тремъ куромъ¹, прииде жена его, и обрете врата и двери заперты, и нача толкаться вельми. Рыцарь же рече ей: „О проклятая чюжеложница, уже испытно увѣдех тя, яко всегда с постеля моя ходишь к своему рачителю², но за сие да будеши поймана страждьми, поставлена на пруде³ и казненна грацкою казнию по обычаю градцкому!”

Обычай иже бяще града того, егда кто изыманъ будетъ после решотошного звону на улице, мужъ или жена бездѣлно ходяще, то поставляютъ его на пруде и казнятъ грацкою казнию. Слышав же сие речение от мужа своего, жена начать к нему лестно глаголати: „О прелюбезный, свѣте мой милый, что тако твориши и глаголеши! Прииде бо ко мнѣ девица от матери моя и повѣда ми, что мати моя в болѣзнь впаде. Аз же тя убудити ⁴не смѣхъ⁴, и взяхъ ис подъглавия ключи, и ходихъ к матери своей навѣщати и видѣти ея немощи. Нынѣ же молю ти ся, отопрѣ ми двери и пусти мя в дом свой, да не изымана буду стражи, и не наведи мнѣ и роду моему бесчестия, а себѣ на старость срамоты, Бога ради, пусти мя!” Он же рече ей: „Не плоди словесь, окаянная, увѣщая мя лестию, но понеже еси чюжеложствова, и за сие буди изымана стражи и поставлена на пруде и осужена смертию!”

Она же паки моляшеся ему, глаголя: „Помилуй мя, и помилуй мя, и пусти мя в домъ свой, да не злѣ умру!”

Рыцарь же речей ей: „Не пусторечи, окаянная, и не лукавнуй, окаянная, скоро да умри!”

Бѣ же дому его близъ кладязь глубоко. Она же, слышав мужа своего отвѣтъ яростень и гнѣва наполненъ, и рече ему: «О предрагий и прелюбезный, свете очию моею, се видиши кладязь сей? Аще мя непустиши в дом свой, азъ шедъ в онъ утоплюся». Он же рече ей: «Унѣ⁵ утони, окаянная, неже при мнѣ чюжеложство твори».

Она же рече ему: „Се учиню по твоей воли: вниду и утоплюся, но молю и прошу у тебя, Бога ради, вели мя погрѣсти у Пречистыя и у всѣхъ святых, за моя же грехи вели роздати все имение мое, еже принесохъ к тебѣ с собою”.

Сама же, поднявъ камень велий, иже лѣжа близъ кладезя, и рину его в кладязь, и опустивъ, от кладезя утаися и ста у вратъ близъ вратъ двора рыцарева.

И услышав же рыцарь ис кладезя звук велий, мнѣвъ жену свою кинувшуся в онъ, и раскаяся, зжаловася по женѣ своей и нача мыслити: „Подам ей уже⁶ и извлеку ея ис кладезя, и избавлю от смерти, вперед убо она сего не учнетъ творити”. И возьмъ уже, отопрѣ врата из дому своего, и иде ко кладезю, и пусти уже в кладязь, и нача кликати ея ис кладезя.

---

¹—¹ и когда пропели третьи петухи; ² любовнику; ³ запруде; ⁴—⁴ не посмела; ⁵ лучше; ⁶ веревку.

Она же отвѣта не даетъ ему. Рыцарь же, около кладезя ходя, и нача рыдати, и тужити стенаниемъ, и, воздыхая, глаголаше: „Ох, увы мнѣ, страсному¹, погубихъ убо жену свою, унѣ было наказывати и учити дома, нежели сей злой смерти предати ю”.

Жена же, сѣтование мужа своего услыша, и подобно время обрете, утече в домъ мужа своего и запре ворота крѣпко, дабы мужу ея в дом невозможно внитти, а сама сяде в том же мѣсте при окнѣ, идѣже² седе рыцарь, и розсмѣяся вельми, и рече громко мужу своему, рыцарю: „О ненавистый псе смердящий, и гнуснѣ, и блядиве, проклятый старче, чюжеложниче нечистый, что волочишися, бродя по блядемъ?”

Рыцарь же, услыша гласъ жены своя, вельми обрадовася и рече от радости: „Слава Богу, иже есть жена моя здрава, утѣха души моей, подпора старости моей!” И рече ей: „Зриши ли, како аз о тебѣ промышляю и сѣтую, дабы ты не умерла?”

Она же рече ему: „Слыши, беззаконниче, еже ты на мя клеветалъ. Зрит Богъ, аз тому неточна, но збышася древних человекъ речение: кий человек самъ кое зло содѣя, и он хочет, чтобы всякой человекъ таков же был. Ты убо сам чюжеложствуеши по блядем да и меня себе равну нарицаеши, чюжеложницею мя зовеши. За неправду же твою буди тобѣ, да пойман будеши строжи, поставлен на пруде, занеже аз терпѣх ти много”.

Рыцарь же рече: „О милая и любезная ми жена, аз тебе рех, дабы ты вперед так не творила, а не хотех ти никоего зла учинити! Нынѣ же молю тя, не учини ми на старость срамоты, понеже от юности и доселе в чести бых, нынѣ же на старость на меня хочещи бесчестие навести и чюжеложством оклеветати, неповинна мя суца на смерть готовиши. Молю ти ся, Бога ради, пусти мя, потом никоего слова не услышиши от мене!”

Она же рече ему: „Не пусторѣчи, блядове, унѣ здѣ муку приими, онамо³ в вѣки начнеши царствовать!”

Рыцарь же, не имѣя надежды спасения, нача горко рыдати: „О горе, увы мнѣ, злѣ погибаю от жены своя!” И нача жалостно к ней глаголати: „О пресвѣтлая господарыни моя, молю ти ся, не предаждь мене на смерть, для распеншагося на крестѣ нас ради Христа Бога, пусти мя в домъ свой и мой!”

Она же рече ему: „Премолчи, окаянные, кто тя имать в домъ пустити, такова злодѣя, не имаша внитти!”

Тогда зазвониша в колокол, и узрѣша рыцаря стражи на улице, и поимаша его, и рекоша ему: „Что твориши, нощию по улицамъ ходиши, а вѣси⁴ грацкия заповѣди и уставы?”

Рыцарева же жена нача сторожем на мужа своего жалобу творити и лукавыя словеса на него аки пращею метати: „О господие мои, Богъ свѣдый тай-

¹ несчастному, неразумному; ² где; ³ там; ⁴ знаешь ли.

ная сердца челоуѣком, той вѣсть, яко идох за него дѣвою сушею и непорочною. Сий же старецъ дѣвѣство мое разоря, и не спитъ со мною, ходитъ всегда по блядемъ, и се вы его зрите нынѣча, идуща от бляди по улице, но поимете его и ведите к судьям, да исполнять над ним законъ грацкій”.

Стражие же емше его и в суд ведоша. Рыцарева же жена иде за нимъ к судьямъ и иска пред судьями на немъ дѣвѣства своего, а слася на сторожей. Судьи же грацкия осудиша неповиннаго на смерть и по уставу грацкому велѣша его казнити, а домъ и имѣние его все отдаша женѣ его. Жена же его со всѣмъ тѣмъ поиде за своего рачителя, с ним же чужеложѣства».

И сия рек, мудрец возгласи: «О цысарю, разумѣши ли, еже изрекох ти, да невозможно есть убо и всѣмъ женамъ вѣрити».

Цысарь же рече: «Но отселе сынъ мой не умреть!»

Цысарева же слыша сия, еже сынъ цысарев не умреть, начать велими рыдати, власы свои терзаючи, велиимъ гласомъ крича и вопия: «О горѣ, бѣда ми и срамотѣ моей, почто на сий свѣтъ родихся, буди проклят день рождения моего!»

Цысарь же рече к ней: «О пресладкая ми, почто стена вопиеша, сокрушшая своими слезами свою и мою душу?»

Она же рече ему: «Како не плачу, срамоты своя, не токмо же себѣ, но и твоея любве, еже ко мнѣ имаши, да и над тобою не то же учинитъся, како нѣкоему рыцарю от сына своего, его же любляше зело. Таков бѣ ему любим, еже и живот свой за него премѣни, он же отца своего забы любве, уби его, и не похрани тѣла его».

Цысарь же рече ей: «Повѣждь ми, любезная, како ся сотвори».

Повесть 3 цысаревы о нѣкоемъ рыцаре убогомъ и о детех его

Отвѣщавъ, цысарева рече: «Бысть нѣкий рыцарь древле в Риме, имѣя у себя единого сына и двѣ дщери. Обычай же имяше той рыцарь часто на битвы ѣздити во многие господарѣства, споемлючи с собою всюды и сына своего. И в тѣхъ ездехъ имѣние свое истощи все, и одолжа великимъ долгомъ. И нача глаголати сыну своему: „О милый сыну, аз убо при старости, а ты младъ еси, еще же имею двѣ дщери, сестре твои, нѣ имею же с чѣмъ ихъ отдати замужъ, долгу ради своего. Но что сотворю? На разбой ли поѣдем или учнем красти, да искупимся от долгу своего и было бы намъ, чемъ питатися?“ Сия же слыша, сынъ похвали совѣтъ отца своего.

Бысть же в то время цысарь в Римѣ Октеьянъ, охочь бѣ до злата и, имѣя у себя многое множество злата, насыпа же себѣ велию полату злата и постави стражи.

И рече же сынъ того рыцаря ко отцу своему: „Отче, сотворимъ мотыги и подкопаемъ полату, и возмемъ злата доволно”. Рыцарь же похвали советъ сына своего, и сотвориша собѣ мотыги, и шедше, подкопаша полату и взяша злата, елико возмогоша, и тѣмъ златомъ искупишася отъ всего долгу своего.

Стражи же полаты узнаша, кимъ мѣстомъ ис полаты злато крадено, и поставиша в томъ мѣсте великий котель смолы разваря.

Они же приидоша во вторья украсти злата и поидоша в скважню, идѣже прокопаша. Вниде же преже отецъ его, и егда пустился, и урвася в котель в смолу по груди, и рече к сыну, дабы к нему не отпускался. Он же пустился бережно и не увязе в томъ котлѣ. Видѣвъ же отецъ, что невозможно его сыну его избавити ис котла, и рече к сыну своему: „О чадо, одинако¹ мы умрохомъ! Приими мечъ и отсеки главу мою, и возми злато доволно и главу мою с собою. Мене же остави безглавна, да не познан будеши”. Он же злата взял, елико возможно, и приимъ меч, отсѣче главу отцу своему, и положи ю в мѣхъ, и отнесе с собою.

Наутрие же приидоша стражи и взяша татя безглавна, и повѣдаше о немъ цысарю. Цысарь же повелѣть трупъ мертваго татя по всему граду возити по улицамъ и по малымъ переулкамъ и посла за нимъ люди многи, и рече имъ: „Смотрите прилѣжно, да егда в коемъ дворе узрите, еже тѣло мертвое видѣвшее начнутъ плакати, сихъ изымайте и приведета ко мнѣ”.

Возиша же его много по улицамъ и привезоша в улицу, идѣже живяше сынъ его и дщери. Узрѣша же дщери отца своего, мертва возима, и воскричаша великимъ гласомъ, и начаша плакати. Сынъ же его, слышавъ кричание сестръ своихъ, борзо ринувся к нимъ, извлече ножъ и уколелъ себя в бедру, и рече сестрамъ своимъ: „Егда вы поимають и начнутъ спрашивати, вы же рцета имъ, что по мнѣ плачете”.

Слуги же цысаревы, слышавше в томъ дворе кричание, и ринушася имати, и узрѣша брата, лежаща поколота, и сестры над нимъ плачущеся, и мнѣвшее правду, отидоша от нихъ.

Цысарь же повелѣть мертвое тѣло обѣсити, и висе два лѣта, а сынъ его не соиме, и не похрани».

Сия изрекъ, цысарева нача глаголати к цысарю: «Внимаеши ли, о превеликий, преславный господарю мой, еже ти изрекохъ?» Он же рече ей: «Зело внят, о любимая ми, да не и мнѣ от моего сына то же будетъ. Наутрие же сынъ мой да умретъ!»

Егда доиде до утрияго дне, и рече слугамъ своимъ: «Идѣта и обѣсите сына моего».

Ведому же ему бывшу на уготованное мѣсто, и се мудрецъ его, ему же имя Катъ, прискаче борзо на конѣ и рече к приставомъ: «Господине мой, молю

¹ в любомъ случае.

вы, не поспѣшите казнити сына цысарева, аз шедъ, умолю цысаря, да не повелитъ на сий день сына своего казнити!» Они же отвѣщаша ему: «Буди то!»

Цысаревичъ же видѣвъ его, поклонися ему, аки нѣкое слово хотѣ ему молвити. Мудрецъ же ѣде ко двору цысареву, и вниде в полату, и поклонися, якоже обычай есть, цысарю челом ударити. Цысарь же рече ему: «Изыди скоро, окаяннѣ, ис полаты моя!» Мудрецъ же рече ему: «О великий государю, цысарю, се ли мы у тебя выслужихом?» Цысарь же рече ему: «Коя ваша ко мнѣ служба? Дахъ азъ вамъ сына своего доброрѣчново, вы же учинисте его нѣма и безгласна, и сквернителя ложа отца своего. Нынѣ же онъ да умереть, последи же и вы с нимъ обще умрете!»

Мудрецъ же рече: «О пресвѣтлый цысарю, глаголеши, сынъ твой нѣмъ, се времянно, судъ Божий на него прииде, а еже глаголеши, ложе твое осквернити хотѣ, се есть ложь, а не истинна, понеже не видѣхомъ в нем никоея злости распаления плоти его. Да не случится тебѣ, аки нѣкому торговому человѣку». Цысарь же рече ему: «Повѣждь ми о семь, како ся учини!» Мудрецъ же рече: «Повели убо сыну своему, да сего дни не умереть, азъ же повѣм ти». Цысаре же повѣле сына своего отвести в темницу.

Повѣсть 3 мудреца Ката о нѣкоемъ госте и о птице,
глаголемой сороке, и о жене

Мудрецъ же, воспримъ, рече: «Слыши убо, о преславный государю, цысарю, бысть нѣкий гость¹, имѣя у себя жену вельми красну. Да у него же бѣ птица, глаголемая сорока, глагола жидовскимъ языкомъ, сказывая ему, гостю, всю истинну, что ся без него дома ни творить, или что от кого слышитъ, то все государю своему исповѣсть, он же еѣ за то вельми любляше. Жена же его при немъ верьстою² зело млада, аки государыня наша цысарева предъ тобою. Гость же той не часто спаше с своею женою, но нѣ возможе еѣ утѣшити возжелѣние похоти, старости ради своя, и сего ради жена его возненавидѣ его и имъ гордѣти³ нача. Приучи же к себѣ греховнаго ради хотения своего и возжелѣннѣя плотскаго нѣкоего юношу лѣпа⁴ и юна суца, могуща скверное ея похотное желание исполнити и любодѣйства возжелѣние утолити, и пламень ярости и несытства блуднаго угасити. И нача с нимъ чужеложествовати и несытною его любовию любити, и егда же мужъ ея отхожаше на куплю, она же в то время с чужеложником своимъ пребываше, скверное хотѣние свое совершаше. Сорока же, видѣвъ сия вся, государю своему исповѣдываше, гость же, слышавъ сия от сороки, жену свою зело бѣяше. Рече же ему жена его: „Ты убо вѣришь проклятой сорокѣ, покамѣста она у нас ни будет, и мѣжу нами всегда мятежь будет“.

¹ купец; ² возрастом; ³ пренебрегать; ⁴ красного.

Гость же рече ей: „Та убо сорока не имѣеть лгати николи, что видить или слышит, то и скажетъ, болши язъ ей вѣрю, неже тебѣ”.

Случи же ся нѣкогда, поѣде гость той на куплю, жена же его посла к рачителю своему, дабы к ней скоро пришел. Он же до нощи не иде к ней, дабы его людие не видели, егда же достиже¹ нощь, и онъ прииде к ней, и ляже с нею.

Услышав же то, сорока нача глаголати госпоже своей: „О госпожа моя, что твориши, господаря моего и своего не убоишия мужа, в потемкахъ чюжеложество твориши!”

Нача же и к чюжеложнику глаголати: „О злый человекъ, почто сотвориши зло господарю моему, любодѣйствуеши з госпожею моею, а съ ево женою! Аще ты во образъ не вижу за темностию нощи, но гласъ твой слышу, и о всѣмъ томъ сповѣмъ господарю моему”.

Юноша же рече: „Слышиши ли, о жено, сия проклятая сорока насъ всѣмъ людемъ огласить”. Она же рече ему: „Аз убо той сорокъ сей же нощи учиню смерть”.

И воставъ² в первое куроглашение², отпусти рачителя своего и любовника, и возва дѣвку, и повѣле ей на верхъ клѣтки дробин намѣтати, * идѣже сѣдѣше сорока, и пушаше громъ, и льяше воду на ту сороку, и шибая дробинами и пескомъ, и малымъ каменѣцемъ.

Сорока же озябе от студена и малодушествоваша³, чая, что вправду на нѣе громъ бысть. Егда же мимо иде нощь и приспѣ день, и прииде к ней госпожа ея, и повелѣ под нею подмести, и рече ей: „О милая моя сорока, дождемъ тебя и громомъ забилло”. Се же ей рекши, аже приѣде гость, мужъ ея, и нача сороки спрашивати, да повѣсть ему, что сотвори ся без него.

Сорока же рече ему: „О милый господарю мой, повѣмъ ти все, что слышахъ. Жена убо твоя, а моя госпожа, бес тебя чюжеложествова в нощи, мнѣ же было нелзѣ видѣти во образъ любовника ея за темностию нощи, но гласъ его слысахъ и поносахъ ему ярыми словесы, да быхъ убоялся, да и женѣ твоей, а своей госпоже, много о семъ воспретихъ. Они же меня не послушаста, и спасти и чюжеложествоваста. А надо мною, господарю мой, бысть бѣда велия ночесь, есми от грому и от дождю мало не умрохъ”.

Услышав же то, гостина жена и рече мужу своему: „Господарь мой милый, почто вѣришь той сорокъ, что промежь мною и тобою ложъ, а не истинну, и ненависть творить своими лживыми словесы слагаючи, и срамоту мнѣ приносить предъ всѣми людми. Аще ли хоцещи извѣрити тое сороку себѣ, прямо спроси всѣхъ сосѣдъ, бывал ли ночесь громъ, и молния, и дождь, и яже будетъ, то она тебѣ правду сказала, и аз готова на позорѣную смерть”.

Слышав же сия гость от оустъ жены своея, и нача в томъ спрашивати всѣхъ сосѣдъ своихъ, в такову переходящую нощь видѣша, бил ливней дождь, и

¹ наступила; ^{2—2} когда запели первые петухи; ³ обманулась.

громъ, и молния. Сосѣди же сказаша ему, что не бысть в ту нош ничтоже, мимо иде тиха.

Жена же гостя того нача плакати и рече мужу своему: „Ужели еси извѣдалъ правду сороки своя и разумѣши ли на мя ложь ея, аз убо по еѣ ложному оглашению во всемъ граде обещена“.

Гость же поня вѣры лстивым глаголомъ жены своя, и вземъ ис клѣти сороку, и оторва ей голову. Жена же его улочи желание свое и обнемъ, целова его и возвеселися зѣло, и рече мужу своему: „О милый господарю мой добрый, доброе дѣло сотвори, уби сороку, отселѣ будем в покое жити“.

Гость же идѣ паки х клѣтке, идѣже сѣде сорока, обхожаше близъ клѣтки сѣмо и овамо, и обрете над клѣткою тою вверху дробины, и песок, и воду, и огарки, и удивися сему, и разумѣ лестъ жены своя, что жена его на ту сороку лила воду и дробину, и пѣсокъ, и камене мѣтала. И нача вопити и тужити нѣутѣшно: „О бѣда ми, что сотворих, лсти не разумѣхъ, убих вѣрную свою сороку для слова жены своя!“ И пад, и имѣние свое все розда нищимъ, сам же дошед во Святую гору и бысть мнихъ».

И сия рекъ, мудрец возгласи: «Разумѣши ли, господарю мой, цысарю, яже повѣдах ти?» Цысарь же рече: «Добре разумѣхъ, да не умреть сынъ мой!»

Цысарева же услыша, что еще сынъ цысаревъ избавлен от смерти, и плака ся велми. И сказаша о семъ цысарю, яко цысарева плачетъ. Он же прииде к ней, нача ей тѣшити. Цысарева же рече ему: «Жена еси твоя, ты же отдал мя сыну своему на блудъ и ¹лестию хотѣлъ еси мнѣ оборонь учинити¹, за срамоту мою и за бесчестие хотѣлъ еси сына своего убити. Нынѣ же слышу, еще живъ сынъ твой!» Цысарь же рече ей: «О преслаткая и любезная ми цысарева, хотѣлъ еси учинити, за срамоту твою и бесчестие, сына своего убити, да сказаша ми мудрецы притчи многіе, азъ же отложих смерть сыну своему».

Она же рече ему: «О пресвѣтлый господарю мой милый, дабы ся тебѣ се не сотворило, какъ нѣкому цысарю от седми мудрецовъ». Он же рече ей: «О любезная, повѣждь ми!» Она же рече ему: «Азъ убо много тебѣ изглаголахъ, ты же мнѣ не внимаеши и не исполняеши моего глаголанія». Цысарь же рече: «Аз убо размышляю, и на вся мѣры претворяю, и много думаю, дабы сына своего не убити напрасно».

Цысарева же рече ему: «Понеже то мудрецы тебѣ к росказанию всегда повѣсти чинят, азъ же разумѣхъ, яко сказаніе ихъ лжи наполненно, и аще учнешь имъ вѣрити, повѣм ти сему разуму притчю». И нача глаголати.

---

¹⁻¹ обманул, что хотел меня защитить.

Притча 4 цысаревы о мудрецах,
како ради корысти своя ослѣпиша цысаря

«Бѣ нѣкогда древле в Римѣ у цысаря семь мудрецовъ, держаше его царство все и землю, и судиша, и без ихъ совѣту и думы цысарь ничего не творяше. Умыслиша же своимъ черно книжствомъ, отъяша зракъ от очию его, оногю цысаря. Егда бяше в полатѣ своей сѣдяше, и тогда видяше, егда же ис полаты исхождаше, тогда ничего не видяше. Сотвориша же ему онѣ слепоту сию того ради, дабы имъ владѣти господарствомъ и богатѣти. Послѣди же паки восхотѣша они сотворити цысарю, дабы опять видѣль, и не возмогоша.

Умыслиша же и рекоша к цысарю: „О великий господарь нашъ, да повелит твоя держава в царствии твоёмъ положити заповѣдь: аще кто увидитъ какой сонъ, и с тѣмъ сномъ повели ходити к намъ, мудрецемъ, для розсказанія”. Цысарь же сотвори тако. Егда кто сонъ видяше, к мудрецемъ хождаше, онѣ же ему сонъ розстворяху¹, и от того взимаху злато, смотря по человѣку. И собраша онѣ от того множество злата.

Во едину же от дней цысарю сѣдящу в полате своей с цысаревую, и начать тужити и глаголати женѣ своей: „О жено, велику бѣду терплю, не вѣмъ, что ся ми учини, в полатѣ убо вижу, а ис полаты вышедъ, не вижу. И много о семь испытахъ, кто бы ми пособил, и не возмогоша”.

Цысарева же рече: „Послушай убо мене, о господарю мой, есть бо у тебя семь мудрецовъ, многимъ людемъ пособляють, а тебѣ ли не могутъ очей излѣчити за твое великое к нимъ жалованье. Но убо рцы к нимъ слово отвѣтно: «Аще пособити мнѣ не возможете и очей моихъ не излѣчите, вѣдомо да буди вамъ, смертию да умрете!»” Цысарь же похвали думу жены своей и изрече к мудрецемъ слово отвѣтно по совѣту цысаревы.

Мудрецы же, услышавъше от цысаря ярости и гнѣва наполнено слово отвѣтно смертное, и молиша, егда бы имъ далъ сроку на десять дней. Цысарь же сроку даде имъ. Они же призваша к себѣ чародѣевъ и волхвовъ и совѣтоваше с ними, како бы имъ возможно излѣчити цысаря, и не возмогоша, вездѣ того изыскиваша и не обретоша.

Во единъ же от дней тѣхъ виде нѣкий человѣкъ сонъ и прииде ко онѣмъ мудрецемъ разсуждения ради, и сказа имъ сонъ свой. Они же ему отказаша: „Понеже еси лѣгъ спати пьянъ, и тобѣ нелѣпое грезилось, и в твоёмъ снѣ нѣтъ ничего”, а взяша у него фунтъ злата, а сна его не разсудиша. Он же поиде от нихъ, закручиняся. Идущу же ему, игры дѣтеть дѣтище на улице — камышки. И узрѣ детище его унывша идуща и, возопивъ, рече ему: „О человѣче, не тужи по златѣ, еже далъ еси мудрецемъ, азъ бо тобѣ твой сонъ даромъ роскажу, токмо мнѣ повѣждь его!”

¹ растолковывали.

Человѣкъ же той сонъ свой росказа ему, отроча же рече ему: „О человѣче, сотвори собѣ мотыки желѣзны и иди на видѣнное тобою мѣсто, идѣже видѣлъ еси дрозлове¹, и копай ту, и обрящещи богатство велие”.

Человѣкъ же той по словеси отрочате сотвори тако, и иде на уреченное мѣсто, и нача копати, и обрете великое богатство — многое множество злата. Воземъ же человѣкъ той два фунта злата и иде искати отрочати. Идушу же ему, и се вострете мудрецовъ, кимъ преже даде фунтъ злата. Рекоша же ему мудрецы: „Камо² идеши?” Он же рече имъ: „К вамъ бѣхъ преже приидохъ и вдахъ вамъ злата, и не повѣдасте ми сна. Обретохъ же отроча, и отгада ми сонъ мой, и по повелѣнью его наидохъ много злата, и се ишу его и несу ему за то два фунта злата”.

Мудрецы же поидоша за ним искати отрочате того, и обретоша его в том же мѣсте, игры творяща, камышки, якоже есть обычай детемъ играти. Человѣкъ же той прииде к нему, кланяся и дая ему два фунта злата. Отроча же рече ему: „О человѣче, не буди ми взяти от того, еже Богъ дарова, но иди, моли за мя Бога”. Мудрецы же, видѣвше отроча мудрость велию имуща и воспросиша его о имени его. Он же рече имъ: „Мерсянин ми имя есть”. Рекоша же ему мудрецы: „Господарю нашему цысарю съдящу в полатѣ и видяше, егда изыдетъ ис полаты, бывает ослеплен, ничего не видя. Можеш ли его излѣчити, о юноше?” Отроча же рече имъ: „Мощно”.

Мудрецы же поемше отроча, идоша с нимъ к цысарю и сказаша яже о немъ цысарю, еще хоцетъ его излѣчити.

Цысарь же, видѣвъ отроча младо суще, и рече ему: „Можеш ли мя излѣчити, о милое отроча?” Отроча же отвѣща ему: „Могу, о великий, преславный господарю мой цысарю”. И паки рече ему отроча: „Идемъ убо, господарю, в постельную ти комнату и тайно повѣм ти”.

Цысарь же воставъ и поемъ отроча, и вниде с нимъ в ложницу свою. И узрѣ же отроча постелю цысарьскую и повелѣ цысаревымъ слугамъ сняти постелю, и обрете под постелею родникъ, а на немъ седмь строментовъ ворочаютца,* учинено великими чары. И рече отроча цысарю: „Видиши ли, господарю цысарю, потому ты не можеш видѣти”. Цысарь же, видѣвъ сия, нача дивитися и рече отрочати: „Мощно ли ти сей родникъ-здоло³ отделити от строментовъ?” Отроча же рече: „Мощно, токмо изьяждь ихъ, мудрецевъ своихъ казни всехъ, понеже тобѣ случися изменою, и господарство твое лживо судиша, того ради над тобою, господаремъ, такъ и сотвориша своими чары, дабы им сопротивьства от тебя не было никоторого”.

Цысарь же по словеси отрочати мудрецевъ своихъ казни всехъ, а строменты и здроломъ изубиша. И паки рече отроча цысарю: „О великий, преславный, многоименитый господарю мой, цысарю, се убо приспѣ время, възди на конь и поѣди тѣшитися, амо⁴ же хоцещи, и узриши свое здравие, можеш всюду

¹ источник; ² куда; ³ источник; ⁴ куда.

видѣти!» Цысарь же всяде на конь и еде, и отворися ему свѣтъ, начать всюду зрети по-прежнему. Отроча же то цысарь нача жаловати, вдасть ему многое богатство».

И сия изглагола, цысарева рече цысарю: «Разумѣши ли, господарю мой, еже азъ сказахъ ти? Тако убо и твои мудрецы над тобою сотворять, еже бы сынъ твой господарьствоваль, а онѣ бы владѣли».

Цысарь же рече: «Во утрие повелю сына своего обѣсити, потомъ и мудрецевъ казнити».

Во утрие же день рече цысарь слугам своимъ: «Поимше сына моего, ведите и обесите!» Слуги же поимше цысаревича, и ведоша, и по немъ идяху вси людие и плакахуся.

Мудрецъ же его, ему же имя Елиазар, забежа на конѣ напередъ. Узрѣвъ же его цысаревичъ, и заплака, и поклонися ему, и возопиша вси людие велиимъ гласомъ, реща мудрецу: «Умоли цысаря, да избавиши ученика своего от смерти!»

Рече же имъ мудрецъ: «Не плачитесь, имѣю надежу на Бога и чаю, могу его избавити от смерти». Доѣде же цысарева двора и вниде в полату и удари челомъ цысарю, якоже обычай имяху.

Цысарь же рече ему: «Изыди скоро, окаяннѣ злодѣю, ис полаты моя! Дахъ азъ вамъ сына своего доброрѣчного, нынѣ же учинисте его нѣма и безстудна, и безгласна сквернителя, восхоте бо ложе мое осквернити, жену мою изнасилвати. Нынѣ же сей да умреть, а вамъ по немъ то будетъ!»

Мудрецъ же рече ему: «Что глаголеши, господарю мой, еже сынъ твой нѣмъ, тои есть судомъ Божиимъ временно, паки возглаголетъ. А еже ложе твое хотѣ осквернити, то есть ложь, а не истинна, невозможно и вѣрити тому. Но ащели сына своего казниши, горшае того обрящещи, аки нѣкому рыцарю прилучися от младае жены».

Цысарь же рече ему: «Повѣждь ми, како ся учини!» А сына своего повѣле в темницу отвести.

Притча 4 мудреца Елиазара о нѣкоемъ рыцаре и о жѣне его, еже восхотѣ попа любити

Мудрецъ же восприимъ рече: «Слыши убо, о великий, преславный господарю мой, цысарю! Бысть нѣкий рыцарь стар сый праведень, не имѣя жены много лѣтъ исполни. Приидоша же к нему сродницы и друзи его, начаша ему глаголати и стужати, дабы женился. Он же, слышавъ многие словеса с укоризною от сродства своего и от друговъ, поня себѣ жену красну велми и нача ея любити зело, но не имяше от нея чародия¹.

¹ детей.

Во едину же от дней воставъ жена его рано на утреннюю к церкви. Обрете же во церкви мать свою и, обнем, целова ея и о здравии ея спроси.

Мати же ея нача ея спрашивати о здравии мужа ея. Она же отвещав, рече ей злѣ: „Мя вопрошаеши, мати, о муже моемъ! Не могу зрѣти и слѣда его, понеже не имамъ утѣхи никоея от него. Егда спящу ему на ложи со мною, лѣжить, аки клада¹ неподвижима. Но молю ти ся, советуй ми, хошу убо иного любити, дабы ми давал утѣху тѣлу моему!”

Рече же ей мати ея: „Не моги греха сего учинити, о любезная дщи! Отец твой и азъ вѣкъ изжихомъ тѣла своего не осквернихомъ!”

Она же рече ей: „О милая мати моя, не дивися сему, понеже соидостеса и отец мой, и ты млади, и вы другъ друга потѣшаста, а не такъ, якоже мой мужъ старѣй, не можетъ ничего учинити, на ложи лежить, аки клада. Сего ради хошу иного любити!”

Рече же ей мати ея: „Кого хоцещи любити?” Она же рече: „Попа, а не болярина, ни дворянина”.

Мати же речей ей: „Лутче любити рыцаря или дворянина, ино менши греха”.

Она же речей ей: „Хошу попа любити сего ради, аще и в людех стою с попом или наодине, ни кто не осудитъ”.

Мати же ея рече: „Послушай моего совѣта, о дщи моя, искуси мужа своего виною. Аще ли тобѣ пропустит, и ты люби попа”.

Рече же дочь ея к ней: „Чимъ убо могу искусити?”

Рече ей мати ея: „Повели у него въ винограде высечи лутчее древо, и будетъ ти спустит, и ты люби попа”.

Она же повелѣ лутчее древо высетчи и исколоти в дрова. Мужъ же ея прииде тогда с лову с собаками. Она же рече: „В тѣхъ дровехъ огонь складем!”

Рыцарь же нача грѣтись у огня и узна духомъ древо, что древо его любимое горитъ, и нача спрашивати огородника: „Почто убо ты его древо посякъ, азъ убо его любяхъ паче всехъ дрѣвъ!”

Огородник же рече: „Повелѣ ми то древо посячи госпожа моя, жена твоя”.

Рыцарь же рече женѣ своей: „Что сотвори и почто подсече древо любимое ми?”

Она же рече ему: „Видиши ли убо, время студено, азъ убо повелѣхъ его посячи да огонь сотворю, тобѣ еже согретися”.

Рыцарь же речей ей: „Слушу тобѣ нынѣча, потомъ не сотвори тако!”

Во утрие же жена его иде в церковь и обрете мать свою, и рече: „О мати моя, сотворих по повелѣнью твоему, и не учини ми мужъ ничего. Нынѣ же хошу попа любити”.

---

¹ колода.

Рече же ей мати ея: „Слыши, милая дщи, обычай бѣ старыхъ мужей — первую вину отпустятъ. Нынѣ же совѣтую ти, искуси его на фторую”.

Дщи же ея рече ей: „Не хошу, о мати, еще искусити!” Мати же ея рече ей: „Молю тя, милая дщи, моего ради благословения, сотвори по совѣту моему, искуси его во вторые!” Она же рече ей: „Како его искусити?”

Мати же рече ей: „Есть у него собачка маленькая постелная, любить еѣ зело, и ты еѣ убей, и аще тобѣ спуститъ, и ты люби попа”.

И прииде мужъ ея к дому, и ляже на ту ночь с мужемъ своимъ на ложи. И се оная собачка вскочи на постелю, она же ухвати собачку за ноги и удари о стену крѣпко, дондеже у нѣе мозгъ из главы выплыль. Рыцарь же видѣ то, нача ей поносити: „О проклятая и блядемъ подобная, что твориши? Аз убо ея люблях надѣ всемъ животомъ своимъ, ты же уби еѣ до смерти напрасно при мнѣ!”

Она же рече ему: „Что бранишись, собака другое одеяло испоганила, мы же имъ очи прикрываем”, — и нача плакати.

Рыцарь же рече ей: „Что плачеши? Престани и лязи, азъ тобѣ и сию вину отпущу”. Она же объеъмъ, поцелова его и ляже с нимъ. Наутрие же воставъ, иде в церковь и обрете матеръ свою, и сказа ей все по ряду.

Мати же ея рече: „Послушай убо мене, о дщи моя и не отрини наказания¹ матери своя. Обычай убо есть старымъ людемъ терпѣти, искуси же его в третее”.

Рече же дщи ея: „Не пусторечи, мати моя, уже бо его всяко искусихъ и видехъ от него велию грозу, и ничтоже ми сотвори. Нынѣ же хошу любити попа”.

Она же рече ей: „О милая дщи, молю тя, послушай меня для мене и для рожения ради моего, послѣднеѣ молю тя, искуси его в третее, но аще сие претерпеть, люби попа”.

Дщи же рече ей: „Чимъ убо искушу его в третее?”

Рече же ей: „Се убо будутъ мужу твоему имянины, и будетъ у него великъ пир, и егда придуть на пиръ вси званые гости и мы, отецъ твой и азъ, и сядуть в мѣстехъ своихъ, ты же сяди противо отца своего. И егда поставятъ еству и питие все, мужъ же твой воспроситъ у тебя въ ествы зелья, ты же повѣждь ему, что замѣкнуты ключи того ларца, и, вставъ из-за стола, поиди да зацепи за скатерть, и опроверги еству и питие все, бутто ся ненарокомъ, и аще то тебѣ спуститъ, и ты люби попа”.

Она же рече ей: „Искушу по твоему словеси послѣднее, о мати моя!” И сие рекши, иде в дом свой.

Приспѣвшу же дни имянинъ мужу ея, созданнымъ бывшемъ гостемъ на пиръ, и сѣдши за столомъ, и пред поставленной ѣстве и питию сѣдши же и женѣ его противъ отца своего, по прежереченному словеси. И егда мужъ ея вос-

¹ наставления.

проси зелья въ еству, она же рече ему: „Замкнухъ ключи в ларце”. И, воставъ, поиде и запяся за скатерть, и опроверже всю еству и питье, и гостей перелия.

Видѣвъ же то, рыцарь разгнѣвахся зело и образъ свой премени, и засрамися от всехъ людей, еству же и питие повелѣ изнова готовити, и потом с веселиемъ пирова.

Пиру же мимо шедшу и гостемъ розѣхавшимся, рыцарь же иде и ляже спать в особой храминѣ, з женою же своею не ляже спати. Во утрие воставше, иде к церкви и слышавъ заутрени, и шедъ х кровопуску, и рече ему: „Иди и пусти женѣ моей крови из жилъ, ис которыхъ азъ тебѣ повелю!”

Кровопуску же пришедшу в домъ его, обрете же рыцарь жену свою на постели спящу. И рече ей: „Востани борзо!” Она же рече ему: „Милый господарю мой, рано еще востати”. Рыцарь же паки рече: „Борзо востани!” Она же рече ему: „Чего ради ми востати?” И рече ей: „Надобеть тебѣ крови пустить!” Она же рече: „Никогда же не спускавахъ!”

Рыцарь же рече ей: „Правду глаголеши, еже крови не пускавала, нынѣ же повелю тобѣ азъ крови пустити, за что неподобное твориши, досаду ми и укоризну принесла еси. Первое — без моего повелѣния вельла ты подсеци древо в винограде моемъ любимое, второе — уби собачку любимую же, третье — ты же вчера еству и питье опроверже, гостей всех перелия, срамоту ми учини. То убо в тобѣ вся злая кровь играетъ, нынѣ же ея выпущу, и потомъ мнѣ такова безчестия не приведешь!”

Востав же с постели, жена его нача молитися: „Молю ти ся, — рече, — милый господарю мой, помилуй мя, не сотвори ми сего!”

Он же рече ей: „Проси от Бога милости, дабы отпустилъ грехи твои, а от мене же не проси никоея милости!”

Востанувъ руце ея, рече кровопуску: „Аще не поткнеши гораздо жилы женѣ моей, то азъ у тебя поткну все жилы из шеи твоея!”

Кровопускъ же ткнувъ в жилу, идеже указа рыцарь, и испусти много крови, и егда нача бледнѣти, рыцарь же повелѣ руку отпустити и жилу завязати, и повелѣ руку другую востянути.

Жена же его паки нача молитися: „О, милый господарю, молю ти ся, пощади, пощади, помилуй мя се уже умираю!”

Он же рече ей: „Ты почто неподобное мнѣ сотворила ешь?” И повелѣ кровопуску тять в жилу. Он же потя жилу, и изыде кровию болши того, и егда нача обумирати, он же повелѣ и тое руку спустити и жилу завязати, и повелѣ ей итти на постелю, и рече ей: „Отсель получишьееши!”, — и отъиде от нея прочь.

Она же посла по матеръ свою, дабы пришла вборзе навестити ея. Прииде же мати с радостию ко дочери своей. Она же рече матери своей: „О милая мати моя, се уже умираю, ты же мнѣ не вѣришь!” Рече ей мати ея: „Азъ тобѣ все поведяхъ, старые люди кручинны и милостивы. Нынѣ убо хочещи ли любити попа?”

Дщи же ей рече: „Ни, мати моя, не буди того, не хошу любить попа, ни иного кого, кромѣ мужа своего!“»

И сия рекъ, мудрецъ возгласи: «Како о семъ разсудиши, господарю мой, цысарю?»»

Цысарь же рече: «Зело мя ползова притча сия, — и разсудих. — Аще бы спустил жене своей рыцарь в третьие, то бы в четвертое от нея живота своего гоньзнул¹!».

Мудрец же рече: «Брезись о господарю мой, великий цысарю, и ты от жены своя, дабы тобѣ горшае того не сотворилось, аще убьеши сына для слова жены своя!»»

Цысарь же рече: «Да не умреть нынѣ сынъ мой!»

Цысарева ж слышавъ яже о Диоклитияне, что еще не умре, и восхотѣ бежати ко отцу своему, и сказаша о семъ цысарю. Цысарь же приде и рече к ней: «О любезная ми, что твориши и камо идеши?» Она же рече ему: «Иду в домъ отца моего, понеже не хошу видети смерти твоея! Сказахъ убо тобѣ многия притчи, ты же не внимаеши, а слушаеши и внимаеши мудрецовъ своихъ, то же убо сотворитца тобѣ, якоже содѣяся древле Актовияну, цысарю Римьскому, охочу бывшу до злата, имже гражане, уста ему залиша.»

Цысарь же рече: «Повѣждь ми, любезная, о семъ, коимъ обычаемъ то учинися». Она же рече ему: «Не повѣмъ, поѣду в домъ отца моего!» Цысарь же рече: «Не буди то, что тебѣ ехати от меня, вины ради моя!»»

Она же рече ему: «Правду глаголеши, ея же ради, твоея вины, хотѣлъ убо еси сына своего убити, а се живъ есть, и невозможно тебѣ вѣрити!»»

И рече цысарь: «Хошу изыскати правду, да не без ума убью сына своего. Ты же повѣждь ми, да было бы к чему примѣритися.»

Она же нача глаголати.

Повѣсть 5 цысаревы о нѣкоемъ цысари, любящемъ злато,
ему же гражане и горло златомъ залиша

«Бысть в Римѣ нѣкий цысарь, ему же имя Октоянусъ, любя злато зело и собираше ему многое множество, и многие же кралевѣства воеваша римлян, и извоевани бяху римляне от всехъ земель, понеже не возмогаша противитися.

Бѣ же у нихъ в то время мудрецъ, ему же имя Варнеусъ. Приидоша же к нему римляне и рекоша ему, дабы имъ учинилъ своею мудростию оборону. Он же сотвори имъ на нѣкоемъ мѣсте велию башню, и на ней сотвори многое множество оконъ великихъ, и во всякомъ окнѣ сотвори по чловѣку во образъ и во имя прежнихъ древнихъ цысарей и королей, и подписа ихъ имена, и владе имъ,

¹ лишился.

всякому челоуѣку, в руке по колоколу и по яблоку златому. И егда кий царь или король с коея страны помыслить итти войною на Римъ, и на той башне той челоуѣкъ станеть звонити в свой колоколчик. По тому же вѣстнику римляне на ту украину и войско отпустятъ, и побежаху, и не можаху околние цари и крали противъ ихъ стояти, и всѣ к Риму приложишася. И аще коя земля мало помыслить восхоцеть от Рима отложитися, и той образъ начнетъ на башне звонити же в колоколчикъ, и звонить, дондеже та земля добѣтеть челомъ Риму.

Да той же мудрецъ учини у нихъ на некоемъ мѣсте огонь всегда горящъ, никогда же угасаше, и у того же огня учини воду потече нѣскоого древа, убогихъ ради, дабы ея пили и обмывалися ею. И постави у огня оного и у воды образ¹, и подписа его: „Кто мя ударить, той отомщение приметъ”. Образъ же той стояше у огня и у воды много лѣтъ.

Нѣкогда же приде ко образу тому злый челоуѣкъ — прокуда, воръ, и прочте писмо и рече: „Азъ тя ударю, да кое ми отомщение восприиму!” А начаясь² под тѣмъ образомъ нѣкую казну схоронену, и того ради удари, и образъ розби. И копа под тѣмъ образомъ много, и не обрете ничего. Огонь же той и вода убогихъ погибе, и прокляша челоуѣка оного, что отнялъ от нихъ покой и веселие.

Потом же вскоре помыслиша отложитися от Риму три крали, но не смѣша, тоѣ ради башни, и начаша собѣ, думати, коимъ образомъ сотворятъ брань с римляны. И рекоша к нимъ паны ихъ и отговариваху: „Вѣсте ли, яко в Римѣ башня есть, вѣсть ваше умышление, но преже над башнею промыслъ учините, и тако и на бой с римляны устремлитесь”.

И се приидоша три рыцари и глаголаша кралямъ: „Аще вы нас учините у себя болшими рядники, мы вамъ послужимъ, башню испортим”. Крали же имъ обѣщашася. Рыцари же просиша у нихъ сроку на три года, и просиша у нихъ пяти бочекъ злата да пяти бочекъ сребра. Они же имъ злато и сребро даша. Вземше же рыцари сребро и злато, и ехаша в Римъ торговымъ обычаемъ, и копаша то сребро и злато ношью тайно по многимъ мѣстамъ. Сотвориша се и ехаша во свою землю.

И егда проиде три годы, рыцари же нарядишася в платье далнихъ странъ и приехаша в Римъ и идоша к цысарю. Цысарь же рече имъ: „Что вы за челоуѣцы?” Онѣ же сказашася ему из далнихъ странъ мудрецы, златонаходцы. Цысарь же ихъ у себя пожалова и повелѣ имъ искати злата. Они же наидоша в дву мѣстахъ много злата, еже схорониша, и принесоша к цысарю. Цысарь же ихъ за то пожалова и зва хлѣба ясти, и вдасть имъ злато довольно. Рекоша же они к цысарю: „Милостивый цысарю, есть мѣсто под городомъ, закопанъ полонъ сосудъ”. Цысарь же вдасть имъ людей, они же шедше, и злато выняша и принесоша е к цысарю. Цысарь же вдасть имъ половину того злата и сребра. Рыцари же паки пришедше к цысарю и рекоша ему: „О великий господарю, наидохомъ по

¹ изваяние, идола; ² ожидая, надеясь.

сторонъ града полонъ сосудъ злата, а два — сребра”. И шедше, выняша и принесоша к цысарю. Цысарь же вдасть имъ половину злата и рече: „Еще ищите!”

Наутрие же придоша к цысареву и рекоша ему: „О господарю наю, во снѣ видѣхомъ позади двора твоего сосудъ злата, а два — сребра”, — и шедше, то злато и сребро выкопавше и принесоша к цысарю. Цысарь же вельми ихъ нача жаловати, вдасть имъ половину злата и рече имъ: „Благословен день вашъ, в кий вы приехавше ко мнѣ!”

Они же рѣкоша цысареву: „Милосердный господарю, великий цысарю, по вся ноци видимъ многое множество злата, да не можемъ розсудити вскоре, в коемъ мѣсте стоитъ”.

В третей же день придоша к цысарю и сказаша: „О господарю цысарю, видѣхомъ под башнею, на которой стоятъ образы, неисчетно и несмѣтно много множества злата”. Цысарь же рече имъ: „Не буди мнѣ того, еже испортити башню, которая стоитъ для обороны от нашихъ недруговъ!”

Они же ему рекоша: „Милосердый, великий господарю, аще повелитъ твоя держава, мы воземъ богатство ис-под тое башни хитростью, она же нерушима будетъ, выняти же то злато ночью тайно, дабы прочие люди того не вѣдали и никто не видел, намъ бы помѣшки не учинили”. Цысарь же рече имъ: „Добре, дѣйте и промышляйте!”

Они же поидоша и вельми веселишася, занеже¹ уллучиша желаемое, и подкопашася под башню, и поткатиша многие бочки зелья², и корабль приготовиша, да бѣгутъ восвоися. Егда же бѣ в полунощи, бочки зажгошася, они же побѣжаша, башню же ту изорваша всю, и многіе люди поби, и в Риму учинися великая заметня³.

Придоша же к цысарю римляне и рекоша ему: „Милостивый цысарю, чего ради та башня и образы опали?” Он же рече имъ: „Придоша ко мнѣ три мужи нѣкою лестию и сказашася златонаходцы, и наидоша злата много, под тою же башнею сказаша многое множество злата. Аз же повелѣ имъ копати, они же испортиша башню и сами побегоша”.

Римляне же рѣша цысарю: „Мы, о цысарю, и сытость твою и хотение исполнимъ!” И поймавше его, и растопивше злата, и вляиша в горло ему, и погребоша его жива».

Сия изглагола, цысарева рече к цысарю: «Разумѣй, о цысарю, аз повѣм ти: стрельня та приложить ко твоему тѣлу спящему, до ких мѣсть душа в телѣ; лстивые же тѣ златонаходцы — сынъ твой с мудрецы, хотятъ башню подкопати и сиирѣчь твое тѣло болѣзнию растлити, и умъ, и помыслы, аки образы разрушити; егда же ты узрять болна и неразумна, тогда прочѣ смерти предадять ты. Разумѣши ли, о цысарю?» Цысарь же рече: «Правду глаголеши, заутра вси помрутъ!»

¹ поскольку; ² пороку; ³ мятеж, волнения.

Во утрие же день повелъ цысарь сына своего обѣсити. Ведому же ему на смерть, мнози во слѣдъ его идяху видети кончины его, и вси людие плакахуся его. Слышавше сие мудрецъ, емуже имя Езеуса, борзо прибѣже на конѣ, цысаревичъ же видѣвъ его и поклонися ему, и заплака. Люди еже вси кликнуша велиимъ гласомъ, рекоша: «Доблий¹ мудрецъ, избави ученика своего от смерти!»

Рече имъ мудрецъ: «Не плачитесь, имѣю надежду на Бога и правду господаря моего цысаревича», — и вниде в полату к цысарю и поклонися ему.

Цысарь же, возрѣвъ на нь опално, глагола ему: «Исчезни борзо, зла творителю, ис полаты моя, да нескоре злѣ умреши. Аз вамъ дахъ в научение сына своего доброрѣчного, нынѣ же учинистъ его нѣма и безстудна, восхотѣ убо жену мою изнасилovati и ложе мое осквернити!

Мудрецъ же рече ему: «Нѣма ли его, глаголеши, то есть суд Божий времененъ, а еже, глаголеши, восхотѣ ложе твое осквернити — сия неправда, и вѣрити сему невозможно. Аще ли убѣеши сына своего для слова жены своея, то же постражеши, якоже случися нѣкогда Поликрасу мудрецу». Цысарь же рече ему: «Повѣждь ми, како ся учини!» Мудрецъ рече: «Повѣмъ, токмо молю тя, да не умреть нынѣ сынъ твой!» Цысарь же повелъ сына своего отвести в темницу.

Повѣсть 5 мудреца Езеуса о Поликрасе мудреце и о внуке его Галианусе

Мудрецъ же рече: «Слыши убо, о цысарю, бысть нѣкий славный мудрецъ, емуже имя Поликрас, мудростию же и философиєю всех мудрецевъ превзыде. Имѣя же у себя в научение внука именемъ Галиануса, бѣ же Галианус доброго и быстрого разума. Поликрасъ же, видѣвъ его разумна суща, и зависти ради не все ему открываше, Галианус же тайно нѣкако изучися у него всей мудрости и учинися велиимъ любомудрецемъ. Поликрасъ же нача завидовати Галианусу, понеже стал гораздѣе его.

Бѣ же въ ²Югорстей земли² краль нѣкий, имяше сына болна суща. Посла же краль той послы своя к Поликрасу, да пришедъ излѣчитъ сына его. Поликрасъ же от пословъ отговорися и посла в мѣсто свое внука своего Галиануса.

Галианусу же приехавшу во Югры, и воздаде ему краль честь велию, и показа ему сына своего. Галианусъ же рече кралеви, да принесетъ ему три воды — свою и кралевнину, и сына ихъ, и смотря, рассудитъ яже о болѣзни сына ихъ.

Кралева же принесе ему вся три воды, он же видѣвъ воды и рече ей тайно: „Рцы ми, не утай, кто кралевичю отецъ?“

¹ Доблестный, мужественный, храбрый; ²⁻² Венгрии.

Она же рече ему: „Что мя вопрошаеши еже о отце королевича и бесчестно ми наводиши? Или не веси, яко отец ему король, мужь мой? И за сие же бесчестное и поносное слово достоинъ еси смертныя казни!”

Галиянусъ же рече ей: „Что ми претиши смертию, правду ми глаголющу? Азь убо приидохъ, да честь получю, а не стятя для главы своя приидохъ. Правду же глаголю, разумѣхъ убо мудростию своею на ваша воды зрящу ми, яко не той есть ему король отецъ. Аще не повѣси ми истинны, не возможеши сына своего и здрава видѣти!”

Королева же виде Галиянуса, истинну глаголюща, и рече ему: „О предоблий мудрец, аще возможеши тайну мою сохранить и не исповѣси никому, и азь повѣмъ ти тайну мою”.

Галиянусъ же рече: „Не буди того, еже ми изъявити кому!” — и кляся ей много.

Королева же рече ему: „Бысть во оно время прииде ко господарю моему королю греческий король Бус. Азь же прелстихся на него и пребыхъ с нимъ, и зачахъ от него сего сына моего, и родихъ”.

Галиянусъ же рече: „Правду, госпожа, изглагола ми, се убо сына вашего уздравлю аз”.

С того же времени Галиянус начать королевича кормить волуимъ мясомъ и поить водою ключевою, и уздрави королевича. Король же и королева, видѣша сына своего здрава, и возрадовашася зело, и Галиянуса велми почтиша и одариша. Королева же наипаче многими дары почти его и отпустиша его с честью.

Галиянусъ же приѣде к Поликрасу, и рече ему Поликрась: „Уздравил ли еси сына королевсково?” Он же рече: „Уздравихъ”, — и показа ему дары и рече: „Сие приняхъ почестъ за лекарство свое”.

Поликрась же рече: „Какими зельями изврачева его?” Галиянусъ же рече ему: „Давахъ ему мясо ясти воловое и воду пити ключевую. Симъ уздравихъ”. Поликрась же рече: „Понеже ты симъ уздравилъ его, се убо мати его чужеложница, а онъ, королевичъ, родися не от ложеснъ отца своего, но от прелюбодѣянния матери своя!”

Оттоле же Поликрась зависти ради нача искати подобна времени, да убьет Галиянуса. Во едину же от дней идоша во градъ Поликрась же и Галиянусъ, и повелъ Поликрась Галиянусу вырвати траву, орудия ради лечебнаго, и Галиянусъ наклонися по траву, Поликрась же извлече два ножа и пронзе Галиянуса, и уби до смерти.

По малех же днехъ Поликрась впаде в болѣзнь великую зело и не може себѣ уврачевати. Приходяду же к нему ученицы его, хотяще его излѣчити и не возмогоша. Поликрась же рече учеником своим: „Примѣте сосудъ с водою и положите в онъ зелья, и провертите на сосуде сто дир, дабы вода истекла”.

Они же сотвориша тако и провертѣша на сосуде сто дир, и не потече вода, ни едина капля не укану.

Рече же Поликрасъ ученикомъ своимъ: „Зрите, ученицы, се убо грехъ ради моихъ постиже мя судъ Божий, и ярость гнѣва его приде на мя за моя беззакония, во сто дирь — а вода из сосуда не уканеть, ни едина капля. Се уже умираю, аще бы былъ Галиянусъ, могль бы мя излѣчити, нынѣ же его ради прииде на мя гнѣвъ Божий!” И сие рекъ, и обрящесе к стѣнѣ, и умре».

И сия изглаголавъ, мудрецъ рече цысарю: «Разумѣши ли, о господарю мой цысарю, еже ти изрекох? И внима, и не ими вѣры женѣ своей, и не убей сына своего для слова жены своей, да не горши того ты постражеш!»

Цысарь же рече: «Зело разумѣхъ, аще бы Галиянусъ живъ был, не бы Поликрас умер. Нынѣ же сынъ мой да не умреть!»

Цысарева же, услышавъ, что цысаревичъ не умре, начать терзати ризы своя, и кричати велиимъ гласомъ, и плакать неутѣшно.

Цысарь же, услышавъ вопль и рыдание, воставъ, тече борзо к ней и, объемъ, нача утѣшити, дабы не кручинилась. Она же рече ему: «Како ми не плакати, отнюдь не могу терпѣти, понеже дочь есми королевская, твоя же жена цысарева! Нынѣ же сынъ твой окаянный понось¹ и укоризну ми нанесе велию, ты же ми общася за срамоту мою убити сына своего, и се лжеш!»

Цысарь же рече: «О любимая, не вѣмы, что сотворю! День по дне кручинишися, дабы азъ тебя ради убилъ сына своего, мудрецы вси пекутся о здравии его, азъ же не вѣмъ, чему вѣрити, в кою страну правда есть».

Цысарева же рече ему: «Тогда узриши и воспомянеши словеса моя, егда случитца тобѣ, аки нѣкоторому краю² с моршалком²!»

Цысарь же речей ей: «Повѣжъ ми, дабы азъ какие притчи могъ убити сына своего».

Она же рече ему: «Повѣм ти, но единого молю и прошу у тебя, да вѣрши словесемъ моимъ!»

Притча 6 цысаревы о нѣкоемъ крале и о моржалке,
како злата ради приведе жену свою

«Бысть нѣкий краль, зовомый Берцо, недугомъ пухоты одержимъ бяше, и смердящъ бѣ, еже никакова жена не може с нимъ спати и гордыху имъ, понеже не можаху смрада терпѣти.

И помышляше итти к Риму и взяти мощи святыхъ апостолъ Петра и Павла. И егда бѣ на дорогѣ, на нѣкоемъ мѣсте, и возва к себѣ любимаго си³ моршалка, и рече ему: „Милый брате, добуди ми жену, дабы со мною ночь спала!” Моршалок же рече: „О господарю мой, понѣже болѣзнь твоя вѣдома имъ, и сего ради кушаются⁴ притти к тобѣ”.

¹ оскорбление, поношение; ^{2—2} с придворным; ³ своего; ⁴ гнушаются.

Краль же рече: „Объщайся дати ей тысящу златыхъ!” Моршалок же слыша то, что краль дает много злата, прииде к женѣ своей, бѣ убо лѣпа зело, и рече ей: „Хощеши ли богата быть навѣкъ?” Она же глагола ему: „Кимъ обычаемъ?” Он же рече ей: „Господарь мой, краль, хощеть жены на сию ношѣ, да спит с ним, и хощеть дати тысящу златых. Ты же, любимая ми, иди к постели его и возми злато сие!”

Рече же ему жена его: „Хотя бы краль и чистъ былъ, и не буди того, еже мнѣ с нимъ спати!”

Моршалок же рече ей: „Аз на том тебѣ крестъ целую, что ничимъ не врежу тебя, токмо сотвори волю мою. Аще ли сего не сотвориши, то аз не начну любити тебя!” Она же рече: „Иду”.

И вземъ ея, приведе ко кралю и рече ему: „Повели дати злато, еже общался еси, и отпусти ея борзо!” Краль же повелѣ ему дати злато и ляже с нею. И егда ночь мимо иде, при утрии, прииде моршалокъ и рече ко кралеву: „Отпусти жену сию, понеже свѣтъ близъ есть, да не зрять ея люди, но осрамотиши ея!”

Краль же рече ему: „Еще убо рано, отиди от мене!” Моршалок же рече ему: „Отпусти, молю ти ся, понеже моя есть жена!” Краль же, приемъ свѣщу, слышавъ сие, и нача ея смотрити, и узна ея, что его жена, понеже бо и преди того видѣвъ ю, и рече моршалку: „О проклятый челоуѣче, что сотвори тысящи ради златников, осрамоти жену свою! Нынѣ же скоро буди от королевства моего бѣжа, да не злѣ умреш!” Моршалок же побѣже от королевства его.

Краль же прииде и обступи Римъ, и приступиша к нему зело, убо восхотѣша римляне ему выдати мощи святыхъ апостолъ Петра и Павла.

Бяху же в то время в Римѣ седмъ мудрецевъ, как и ты у себя имѣешь. Приидоша же к нимъ римляне и начаша бити челоуѣ, дабы онѣ премудростию своею избавили Римъ. Мудрецы же рѣша имъ: „Мы можемъ избавити Римъ, по днемъ кииждо насъ на день избавляет”.

Выиде же из града первый мудрец и нача премудростию своею ко кралю глаголати, дондеже король не возможе противитися и отвѣту дати словесемъ его. Потом же к нему вси выходиша единъ по единому по дне, изглаголаху ему от премудрости своея, дабы отшелъ от Рима. Седмый же мудрецъ учини мудростию своею — облечеса в платье пернатое всякихъ птицъ перей, и взя в руки два меча нагихъ, изыде на высокую стрелню. Егда же краль узрѣ, его, ужасеса и рече ко своему войску: „Видите, еже дивный челоуѣкъ прилѣте и ста на стрелне!” Они же рѣша ему: „О великий господарю, Богъ ихъ християнъской, услышавъ молитву ихъ, и посла к нимъ аггела своего, да поможетъ имъ. Аще ли учнемъ мѣшкати и не побѣжимъ от града, то вся побьеть ны, и не останеть ни единъ от насъ”.

Король же, слышавъ се, и побѣже от града с войскомъ своимъ, римляне же гнашася за нимъ и побиша войско его много».

Сия же рече, изглаголавъ, цысарева рече цысарю: «Разумѣй, яже ти глаголю, о цысарю! Моршалокъ жену свою потеря и высланъ есть из государства — се сынъ твой хочеть тя убить, а самъ кралевати; а еже краль к Риму приступавъ, мудрецы сего устрашиша, и побѣже, войско свое потеря, сице ты от них постражеша и убить будеша; но аще хочещи в покое жити, вышли сына своего из земли своя за срамоту мою».

Цысарь же рече ей: «Правду ми глаголеша, завтра сынъ мой да умреть!» Во утрие же повелѣ сына своего казнити.

Ведому же ему на уреченное мѣсто, и слышавши вси людие плакахуся, мудрецъ же, емуже имя Клеофаса, забежа на конѣ напредь. Видѣвъ же его, цысаревичъ заплака и поклонися ему, слова ни единого не возможе изрещи ему, и вси людие кликнуша гласом велиимъ, рекоша: «О презящный мудрецъ, иди борзо и умоли цысаря, избави ученика своего от смерти!» Мудрецъ же рече имъ: «Не плачитесь, имѣю надежу на Бога и чаю, избавлю его от смерти». И ѣде борзо к дому цысареву, и вниде в полату, и поклонися ему. Цысарь же възрѣвъ на нь и рече ему: «Изыди, злодѣю, борзо ис полаты моя! Дах азъ вам в научение сына своего доброрѣчного, нынѣ же учинисте его нѣма и безстудна, восхотѣ убо жену мою изнасилovati, ложе мое осквернити. Нынѣ же сей да умреть, послѣди же и вы всѣ да умрете!»

Мудрецъ же глагола: «Еже сынъ твой не глаголет, то есть судомъ Божиимъ, понеже нѣкую мудрость в собѣ видить, ащели нынѣ не убьеша его, и по двю дни услышиши его глаголюща; а еже глаголеша, хотехъ жену твою изнасилovati, то имеша вѣры ложному оговору жены своя, чему и зстатися нелзе. Аще ли же его убьеша, случится тобѣ горшае того, якоже нѣкоему рыцарю от жены своя, понеже вѣри слову ея, бѣ убо пытанъ и жженъ огнемъ, и розорванъ конми, и потом повѣшенъ и з женою своею». Цысарь же рече ему: «Бога ради, повѣждь», — и повелѣ сына своего отвести в темницу.

Притча 6 мудреца о трехъ рыцарехъ и о старомъ рыцарѣ,
и о женѣ его, что онъ убилъ трехъ рыцарей

Мудрецъ же рече: «Слыши убо, о великий господарю, цысарю. Бысть убо в Римѣ у нѣкоего древле цысаря три рыцари, четвертый же рыцарь бѣ старъ, имѣ у себя жену вельми красну. Горазда же жена его пѣсней пѣти. Тѣм же своимъ воспѣваньемъ многихъ людей приведе к дому своему, и вся люди дивящася воспеванью и красотѣ ея.

Прилучи же ся нѣкогда сѣдѣшу ей в полатѣ своей у окна по обычаю, и воспѣваша пѣсни, смотря на улицу. В то же время с цысарева двора шедшу рыцарю, и узрѣвъ ю, нача смотрѣти красоты лица ея, и возгорися любохотѣнием, прииде к ней, нача ей глаголати о любви, дабы была с нимъ. Она же просящи ты-

сящи златыхъ, он же обѣщался ей дати, и повелѣ она ему быти на первом часу ноши. Он же, объем, поцелова ю и иде от нея.

По нем же приеде к ней второй рыцарь и глагола ей о любви. Она же просящи у него тысящу златыхъ, он же обѣщася ей дати, и повелѣ ему быти к собѣ в полунощи. Он же поцеловал ея, иде от нея.

Потом же приде к ней третий рыцарь, то же рече ей, и обѣщася дати ей тысящу златыхъ, и поцеловал ея, иде от нея. Она же повелѣ ему быти в куроглашение¹.

Между же собою рыцарие другъ про друга сего не вѣдаша.

Она же, шед к мужу своему, рыцарю, рече ему: „Хошу ти всю тайну свою повѣдати, токмо учини по моему совѣту, и много найдеши злата, и богатъ будеши вовѣки”. Он же рече ей: „Азъ бых радъ, да что сотворю?” Она же рече ему: „Приидоша ко мнѣ три рыцарие — единъ по единому, и глаголаша со мною о любви, и обѣщалися ми дати по тысящи златыхъ”. Он же рече ей: „Сотвори мудрость, а яже тебѣ любо, а мнѣ годно же”. Она же рече ему: „Аз убо велѣхъ имъ к себѣ быти, и стани за дверью с мечемъ, и кий поидеть ко мнѣ, ты же убей его. Они же будутъ единъ по единому по времени”. Рыцарь же, мужъ ея, рече ей: „О жено, боюся, егда како люди увѣдятъ, нам же злою смертию умрети будетъ”.

Она же рече ему: „Страшливе, не боися, токмо твори повелѣнное мною”, — и посла по рыцаря. Рыцарь же приде к ней и злато принесе с собою, и хоте с нею пребыти, мужъ же ея отсече ему главу. Тако и другимъ двумъ рыцаремъ такоже главы отсече.

Потом же рече рыцарь женѣ своей: „О любезная, уже мы такъ сотворихомъ, притчею² у нас ихъ вымутъ — намъ погибнути”. Жена же его рече ему: „Есть убо у меня братъ, аз же умолю его, онъ ихъ спрячет”, — и повелѣ к себѣ брату быти. Братъ же ея приде, она же сказа ему, что муж ея уби рыцаря, самъ пьянь спит, и моли его, дабы схоронилъ и положи его в мѣхъ.

Вечеру убо приспѣвшу, он же возьмъ его и отнесе в море, в воду, и паки приде к сестрѣ своей и нача от нея просити, дабы ему дала добраго вина пити. Она же иде положи другово рыцаря в мѣхъ и, облия водою и возьмъ скляницу, иде и бутто запяся, и возвалися, и воскрича, и скляницу пролия. Брат же ея приде к ней и подня ея, она же рече ему: „О бѣда ми, опять мертвый прииде!” Брат же ея, ево возьмъ, и отнесе вверже в воду, и паки прииде к сестрѣ, и прося у нее вина пити. И сестра же его в то время приготова третьево рыцаря, положи в мѣхъ, иде взя вино и паки зацепися, и повалися, и воскрича гласомъ. Братъ же ея приде к ней, подня ю, она же рече ему: „О беда ми, братец, паки мертвый прибѣже и лежит в мешке, о бѣда ми, како ми его избыти?” Братъ же ея возьмъ его, несе за градъ и скину его на огонь, самъ поиде на страну. Аже в тѣ поры приѣде

¹ первое пение петухов; ² случайно, если случится, что.

ко огню рыцарь из далнихъ странъ и нача у огня грѣтися. Он же, пришед, уби его да и того кину в огонь и с конемъ сожъже его, и прииде к сестрѣ своей и сказа ей. Сестра же его рече ему: „Убил убо еси неповиннаго”, — и нача его поити вином до его воли.

Той же старый рыцарь, мужъ ея, сотвори пиръ. На пиру же своемъ зашибѣ жену свою по уху, она же на него разгнѣвася и рече предъ всѣми людьми: „О злый старче, или ты меня также хочещи убити, какъ еси убил трехъ рыцарей цысарскихъ?”

Людие же слышавше и повѣдаша о семъ цысарю. Цысарь же повелѣ ихъ предъ себя привести и воспраша же жены его. Она же сказа ему все по ряду, цысарь же повелѣ ихъ обѣихъ обѣсити, трупъ же ихъ повелѣ лошадами расторгати и останки огнемъ сожещи».

И сия рекъ, мудрецъ возгласи: «Разумѣши ли сия, о цысарю?» Цысарь же рече: «Проклята та буди жена, что на мужа своего сказа!»

Мудрецъ же рече ему: «Горѣ тебѣ того збудетца, что жена тебя научаетъ на убиение смерти сына твоего».

Цысарь же рече ему: «Правду убо глаголеши ми. Нынѣ же сынъ мой да не умреть!»

Егда же слыша цысарева, что сынъ цысаревъ еще не умрет, и приде к цысарю и глагола ему: «О бѣда ми, хошу убо с срамоты сама себѣ убити, неже жити в такой срамоте. Вижу убо аз и сама, что конецъ мнѣ, моя срамота такоже и твоя, но разумѣй, о цысарю, что и тебѣ учинитца, како учинися нѣкоему кралю от рыцаря!»

Цысарь же рече ей: «О вселадкая ми, молю тя, повѣждь ми».

Притча 7 кралевы о нѣкоемъ короле,
какъ у него увезе рыцарь кралеву,
краль же ю отда ему самъ и пирова с нею

Цысарева же рече ему: «Слыши убо, о преславный господарю мой, цысарю. Бысть нѣкий краль, имѣя у себя жену велми красну, и замыка еѣ в высоке тереме каменнѣ, ключи же у себя носаше, она же о томъ зело бысть во унынии великомъ.

Бѣ же нѣкоторый славный храбрый рыцарь в далнѣй странѣ, иногo государства во области, виде про ту кралеву сонъ, она же встрѣчно про него виде, кабы они на единой ложи спаху.

Той же рыцарь поѣде еѣ достигати, приѣде в господарство краля того и виде кралеву, в теремѣ сидящу. Кралева же узрѣ его и позна по сну своему, и сказаща же о нѣмъ краю, что приѣде к нему служить славный и храбрый рыцарь. Король же призва его и нача велми жаловати, и повелѣ ему дворъ поста-

вити близ терема, идеже бяше кралева. Он же прикорми к себѣ мастера хитра и вдасть ему злато довольно, и повелѣ ему здѣлати входъ под той теремъ, а из двора своего выход в море. Егда же ему мастеръ здѣла то, он же кину мастера в море, и входомъ прииде в терем ко краleve.

Кралева же рече ему: „Како ты сѣмо прииде ко мнѣ?” Он же рече ей: „Любовь твоя приведе мя к тебѣ”, — и нача ей много глаголати о любви. Она же рече ему: „Не дай того Богъ, что ми с тобою сотворити”. Он же возьмъ мечъ и рече ей: „Аще не сотвориши воля моя, скоро смертию да умреши!” Она же бояся и сотвори волю его, и спа с нимъ. Он же, пребыв с нею и обლობызав ю, иде в домъ свой.

Оттоле же краleve рыцарь зело мил бысть, и любил его велми. Вдасть же ему перстень свой, егоже король любяше зело и смотряше его у нея на руке на всяк день. Во едину же от дней случися, изыде король на ловъ тѣшиться и обначева, бывшу же и рыцарю с нимъ. Упившу же ся ему у краля, и забы у себе перстень он на руке, и протяну руку для картныхъ игры, король же узрѣ у него на руке перстень и позна его, и не изрече ему ничего. Рыцарь же догадався и положи на себя болѣзнь, и отпросися от краля. Король же отпусти его, он же приѣде в домъ свой, иде в терем ко краleve и отда ей перстень, и сказа ей, что король опозна его. Пришедшу же кралю ко краleve, и воспроси у нея перстня оного, она же рече ему: „О милый, пресвѣтлый господарю мой, на что тебѣ перстень той?” Король же съ яростию рече ей: „Аще его не увижу в сий час, то будещи казнена смертию!” Она же возьмъ ларецъ свой и высыпа перстни, и даде той перстень кралю. Король же виде перстень и рече ей: „Виноват азъ пред тобою, видех убо перстень таков у рыцаря на руке”. Она же рече ему: „Милостивый, великий господарю, кралю, ¹человекъ убо живеть в человека, а платно в платно¹!” Король же поцелова еѣ и рече ей: „Милая кралева, прости мя, винень есми пред тобою”. И изыде от нея.

По нѣких же днехъ прииде рыцарь ко кралю глагола ему: „О великий господарю мой, кралю, приѣде бо в твое господарство любовница моя, свѣдав мя, нынѣ же прошу милости у тобя, дабы еси пожаловалъ холопа своего, ѣль хлѣба у меня”. Король же рекся у него хлѣба ясти. Рыцарь же шед, нача готовитися, и иде ко краleve, и глагола ей: „Се убо кралю твоему у меня хлѣба ясти, нынѣ же ты облекися в наше платьє далние земли и приди ко кралю, егда будетъ за столом”.

Егда же убо кралю приѣхавшу и сѣдшу за столомъ, и се кралева выиде ис комнаты, король же рече к рысарю: „Исполаети², что союзницу имѣешь у себя добру, подобну моей краlevѣ!” И повелѣ ей король сѣсти возлѣ себя, и нача на нѣе смотрѣти прилѣжно. Она же бяше челомъ королю, глаголя: „О великий господарю, добро тобѣ, господарь, у господаря моего рыцаря ясти и

¹⁻¹ человеку свойственно человеческое, а плоти — плотское; ² Хвала тебе.

пити!" Король же услыша гласъ ея и нача в себѣ мыслити, глаголя в себѣ: „Мню, яко всяко, некако рыцарь теремъ кравевы моя подкопа", — и, не досевѣвъ стола, поедѣ к себѣ. Рыцарь же ея возьмѣ и отведе борзо в терем, она же платье с себя сложи и облечеса паки в свое платье, и ляже на ложи своемъ спати. Кралю же борзо пришедшу, и виде ю спящу, и глагола кравеве: „Винен есмь в другое пред тобою!"

Она же вопрошаше его: „Что твое прегрѣшенъе?" Он же рече ей: „Объда убо у рыцаря и видехъ его любовницу, подобну тебѣ во всемъ — образом и гласомъ!"

Она же рече ему: „Не рѣх ли ти вчера, что человекъ в человекъ живеть, а мнѣ убо птицею ли летати?"

И по днехъ паки приде рыцарь ко кралю и глагола ему: „Милостивый господарю, кралю, хошу на своей любовнице женитися, ты же, господарь, меня, холопа своего, пожалуй, буди у меня во отца мѣсто!" Король же ему общася, рыцарь же нача готовитися.

Пришедшу убо дне свадбѣ, король ста у церкви, а попъ в ризах. Рыцарь же прииде с своею любовницею, и возьмѣ король ея за руку и рече ей: „О прекрасная, подобна добротою моею кравевѣ, нынѣ же идеши за моего дворового рыцаря!" И взя у них руки, и отдасть ея рыцарю, поп же примѣ вѣнча ихъ.

Послѣ же вѣнчания нача бити челомъ рыцарь кралю, дабы его отпустил с нею в свою землю. Корабль же бѣ у него готовъ. Король же провожаше его до карабля с своими паны и рыцари, и многие люди идоша за ним до его карабля.

Взыде же рыцарь на карабль и нача бити челомъ кралю, дабы взошел на карабль и научилъ бы свою дочь любити его. Король же взыде на карабль, а рыцарь повелѣ парусы готовити, и глагола королю: „Милостивый господарю, королю, уже тобѣ насъ время отпущати". Король же с карабля сниде, а рыцарь парусы подня и побеже по морю въ свою землю.

Король же прииде во градъ свой, и вниде в терем, и не нашел своя кравевы, и ходил около терема, и нашел входъ здѣланъ под лѣсницу. А из-под лѣсницы здѣланъ в рыцаревѣ двор, и нача болѣзнию сердца глаголати: „Что мнѣ рыцарь сотвори за мое великое жалованье, увезе у меня жену мою, аз убо самъ ума иступих, что вѣрихъ рыцаревымъ речемъ, а своимъ очемъ не вѣрихъ!"»

И глагола цысарева: «Разумѣши ли, о цысарю, еже ти сказахъ?» Он же рече: «Разумѣхъ, что онъ не вѣрилъ своимъ очемъ. Утре сынъ мой умреть!» Во утрие же повелѣ его обѣсити.

Ведому же ему х казни, и услышаша людие, и начаша плакати зело. Мудрец же именемъ Химъ забежа на конѣ напредѣ. Видев же его рыцаревич, и поклонися ему, и заплака. И воскричаша вси людие велиемъ гласомъ: «О презящный мудрецъ, умоли рыцаря, избави своего ученика от смерти!»

Мудрецъ же рече: «Не плачитесь, имѣю надежду на Бога и на правду господаря своего, цысаревича», — и борзо вниде в полату цысареву, и поклони-

ся цысарю. Рече же ему цысарь: «Скоро выиди, злодѣю, ис полаты моя! Дахъ убо аз вам сына своего доброго и говорливого, нынѣ же учинистъ его нѣма и безъстудна, восхотѣ убо ложе мое осквернити. Нынѣ же онъ злою смертию да умреть, послѣди же и вы с нимъ обще умрете!»

Мудрецъ же рече ему: «О великий господарю, что глаголеши, еже сынъ твой нѣмъ, то есть судом Божиим, а еже глаголеши, что жену твою хотѣ изнасилувати, то есть неправда, тому и вѣрити нелзѣ. Аще ли убьеша его, и тобѣ горшае того будетъ, что нѣкоему рыцарю, егда умре единья ради капли крови жены своя». Рыцарь же рече ему: «Повѣждь ми притчу сию».

Мудрецъ же рече ему: «Вели сына своего отвести в темницу». Цысарь же повелѣ сына своего в темницу отвести.

Притча 7 мудреца Ахима о нѣкоемъ рыцаре и о женѣ его

Мудрецъ же восприимъ и рече: «Слыши убо, превеликий господарю мой, цысарю, бысть нѣкий рыцарь, имѣя у себя жену чюдну и любляше ея паче живота своего, и без нея не може ни единого часа быти. Рыцарь же той держа у себя ножъ в руках и чисти ногти, и жена же его играше с нимъ костию и обреза у себя у руки палець. И видев же рыцарь кровь на руке у жены своя, и закручинися от жалости вельми, и в жалости и в печали ударися о землю и умре. И тужаше по немъ вси людие всего града, что умре любве ради жены своя.

Жена же его зелне по нем плакася и глаголаше: „Уподоблюся отсель горлице и стану жити у гроба мужа своего“. И погребоша его честно, она же сотвори собѣ комору и нача жити у могилы его.

В том же кралевѣствѣ обычай бяше таковъ: казнь бяше у нихъ едина, егда какова вора осудятъ на смерть, и его повѣсятъ, и стрегуть его дни многи. Стражу же ту повелѣваху стрещи торговымъ людемъ, торговые же люди наимуютъ рыцарей, егда с шибалицы кого украдутъ, за чьею сторожею, и в украденного мѣсто того самого повѣсятъ.

Во един же от дней повѣсиша нѣкоего злодѣя, и наняся рыцарь нѣкий того злодѣя стрещи, и бѣ же в то время стужа велия зело. Он же увиде огонь в той коморѣ, гдѣ же жена у мужа своего рыцарева гроба живяше, и приѣде к ней, и нача проситися, дабы пустила его согрѣтися, понеже зелне озябе. И глаголаше к ней: „Аще ли не пустиши мя, и се уже от мразы умираю“. Она же рече ему: „Пустила бы тебя, да боюся, либо невѣжливое слово какое молвишь“. Он же нача божитися и глаголати: „Вѣмъ аз, что ты святая жена, любве ради мужа своего животь свой пременила“.

Она же пусти его, и огрѣяся, и нача глаголати: „О госпожа, нѣчто тебѣ хошу молвити, да не смѣю дерзнути твоя ради кручины“.

Она же рече ему: „Глаголи”. Рече же рыцарь: „О госпоже, то есть чюдная повѣсть, лутчи было жити тобѣ в дому своемъ и, елико мочно, ино бы милостыня роздати нищимъ”.

Она же рече ему: „Аще бы азъ въдахъ, еже тебѣ се глаголати, и азъ бы тебя не пустила”.

Рыцарь же поѣде от нея и нача мыслити, како еѣ искусити и солгати еще, и рече к себѣ: „Иду к ней, реку, бутто моего злодѣя обѣшеного украли, что ми она изречеть?”

И ѣде к ней и, приѣхавъ, нача у дому толкаться, и рече: „Молю ти ся, госпоже, пусти мя для Бога, хощу тебѣ всю тайну изъявити!”

Она же пусти его, и рече ей рыцарь: „О милосердная госпоже, прошу у тебя думы, злодѣя моего с виселицы без меня украли, а уставъ градцкый сама въдаешъ, что въ его мѣсто меня самого повѣсятъ. Ты же, о госпоже, Бога ради, помози ми, какъ избыти сия бѣды!”

Она же рече ему: „Брате, жаль тебя, что еси главу свою потерялъ, аще ли здѣлаешъ по моему совѣту, и ты избудеши смерти, не потеряешъ живота своего”.

Он же рече: „О любимая, все сотворю по твоему велѣнию!” Она же рече ему: „Аще ли поимешъ меня в жену себѣ?” Он же рече: „Азъ zelo радъ тому видети такову твою ласку к себѣ, что мене, убогово рыцаря, хощещи имѣти в мужа”.

Она же рече ему: „Ничим тебя избавити могу, токмо своимъ мужемъ, ты же убо его возми повѣси в мѣсто злодѣя”. И ста копать, и взяша мертвого из гроба.

Рыцарь же рече: „У того злодѣя были раны, глаза оба выколоты да зубы выбиты, любо его осмотрятъ”.

Она же рече ему: „Возми камень да выбей зубы”. Он же рече: „Да мне не подобает у мертвого того дѣлати”. Она же взем камень и выби у него зубы, и глаза выколупа, и рече ему: „Возми и повѣси в мѣсто злодѣя”. Рыцарь же рече ей: „Еще того боюся, тот злодей имѣлъ у себя три раны на главе сабельных да срамный уд вырезанъ”. Она же рече ему: „Возми саблю да сѣки и срамный уд у него вырежи”. Он же рече ей: „Не подобаетъ намъ, рыцаремъ, дѣлати того!”

Она же рече: „Не видахъ убо такова тороплива¹, каковъ ты”, — и вземъ мечъ, и нача сещи мертвого мужа своего, и срамный удъ у него выреза, и рече ему: „Иди и повѣси его в мѣсто злодѣя!”

Он же взем его и отнесе до его родителей. Наутрие же пришедше приятели и яша ю, и гробъ раскопавше, и не обретше мертвого, и изведше, и казниша ю».

---

¹ пугливого.

И сия рекъ, мудрецъ возгласи: «Разумѣши ли, о господарю, цысарю, еже ти изрекохъ?» Он же рече: «О такое есми злѣ жене не слышахъ», — и паки рече: «О любезный ми мудрецъ, аще бы услышахъ сына своего глаголюща, зело убо быхъ возрадовался!»

Мудрецъ же рече ему: «О великий господарю, заутра сына своего услышиши глаголюща с собою и собесѣдующа».

По сем же мудрецы вся сондошася на едино мѣсто и начаша думати о приезде цысаревича ко отцу, и воспросиша его, уже ли можетъ со отцемъ глаголати и собесѣдовати. Он же рече имъ: «Приде убо и приспе часъ, да вся возможно будутъ».

По сем же мудрецы облекоша его во многоценныя порты¹ и начаша строити путь его и учрежати чины пред нимъ, убо поѣхаша два мудреца, а за нимъ три мудреца, обе же полы странъ — два мудреца. И повелѣша в трубы трубити и в тимпаны бити, и в ыные во многоразличныя игры играти, и поѣхаша к цысарю с великимъ веселиемъ. Людие же все слышаше и видеша, и дивишася, и с веселием и с радостию премногою идяху вослѣдъ его з женами и з дѣтми, и бѣ видѣти изрядно.

Во утрие же день услыша цысарь различное веселие, много различныхъ игръ ликованія, и рече своимъ: «Си что еже такое веселие и игры?» Они же рѣша ему: «Сего ли не вѣси, господарю, еже сынъ твой к тебѣ грядетъ, хоцетъ к тебѣ пред всѣми паны рады твоя глаголати и собесѣдовати тебѣ!»

Вшедшу же Диоклитияну в полату, рече отцу своему: «Много лѣта, о преславный, превеликий, пресвѣтлый господарю мой драгий отче, яснейши цысарю!» Сия же слышавъ, отецъ от радости не возможе стояти, на землю уклонися, егда же воста, сын его учал многие рѣчи говорити, да невозможно было у него слышати много множества рады людей. Цысарь же повелѣ за полатою злато сыпати да обратятся людие на злато, потом же повелѣ имъ претити смертию да умолкнуть. Бывшу же молчанию, рече же Диоклитиянъ отцу своему: «О пресвѣтлый господарю мой отче яснѣйши и цысарю, молю тя, господаря моего, и прошу у тебя, повели убо притти к себѣ матери моей, а своей семье, со всѣми паньями, да не останетца ни едина».

Цысарь же повелѣ цысареве приити, и приде кручиновата и сяде подле цысаря. Диоклитиян, възрѣвъ на едину от девъ, и рече отцу своему, показуя перстомъ: «Зри, отче, сия убо дѣва прекрасна и добродородна есть». Цысарь же рече: «Тако, сыну». Диоклитиян же паки рече ко отцу: «Слыши, отче, и смотри правды матери моя, азъ убо ради ея седмью был у виселицы. Нынѣ же повели с тое дѣвы платье снять, и узриши, какие девицы она у собя держитъ».

Цысарь же рече: «Срамно, сыну, и поносно², еже дѣва обнажити». Диоклитиян же рече: «Не дѣва убо, отче, есть, но отрокъ». Цысарь же, слышавъ, по-

¹ одежды; ² оскорбительно.

велѣ с неѣ платье снять, егда же ея розболокоша, и се обретесе юноша, а не дѣва, естество имѣя мужьское велие зело, имже мачесе его возжеление плотское, разжение похотное утоляше и любоблудное хотѣние услажаше.

И рече Диоклитиянъ: «Видиши ли, отче, егоже твоя цысарева, а моя мачеха, паче тебѣ любляше и любодѣйство с нимѣ творяще».

Цысарь же, видевъ сие, еже сынѣ ему истинну изъяви, и зело възъярися, еже и зрѣнню во очесехъ его пременитися, и повелѣ ея и съ юношею казнити.

Диоклитиян же рече: «Пожди, отче, доколе ся мы с нею оправдаем!»

Цысарь же рече: «О любезный сыну, что убо требовати коего обличения болши того, нѣсть убо премудра в чловѣцех, подобна тебѣ!»

Диоклитиян же рече: «Отче, егда мя приведе мати моя к собѣ в комнату, и посади мя на постели, и нача ми глаголати о грѣшномѣ дѣле, аз же на то не произволихъ. Она же, видевъ мя на еѣ хотение не уклонна, и своими руками ободра на собѣ платье, и лице сие окровави, и искуса себя зубомѣ».

Слышав же сие цысарь, и нача на неѣ аки лев взирати, и рече к ней: «О проклятая и блядемѣ приплетеная, еще убо тебѣ было мало блудодѣйства с симѣ любодѣицею, хотела еси сына моего привести к такому скверному дѣлу!»

Цысарева же, увидевъ свой грѣхъ и обличение, и паде цысарю и Диоклитияну на нозѣ, плача и прося милости.

Цысарь же речей ей: «Подобна¹ еси тремѣ смертемѣ, а не одной. Первое — ложе мое оскверни, чюжеложество сотвори. Второе — сына ж моего хотѣ привести к скверному беззаконию. Третьеѣ — хотѣ сына моего ложными словесы и притчами смерти предати. Таковое тебѣ милосердие от меня будетъ!»

Диоклитиян же рече: «Добро есть, милостивый отче, азъ быхъ ея милосердиемѣ по всякой день веденъ на смерть, да Богъ ми дасть мудрецевѣ, еже мя избавляху от смерти. Ты же мя хотѣ по еѣ ложному речению казнити, а мнѣ бы за моя грѣхи такъ ся и учинило, какъ оному рыцарю, еже вкину сына своего в море, той же сынѣ отца своего и матерь имѣ в великой чести и радости».

Цысарь же рече: «О любезный мой сыну Диоклитияне, благословенъ день той и часъ, дондеже ты зачаса и дондеже родися, нынѣ же молю тя, повѣждь ми сию повѣсть!»

Повѣсть Диоклитияна о дву слугахъ цысарскихъ и о Александре и о Лодвике

Диоклитиян же нача глаголати: «Слыши, предрягий мой отче, бысть нѣкий рыцарь, имѣ у себя единого сына именемъ Александра, и даде его нѣкому мудрецу в научение, и бѣ во училище седмь лѣтъ и извыче великой дивной премудрости.

¹ достойна.

Рыцарь же той писа ко оному мудрецу, мастеру его, листь¹, да послеть сына его к нему, и посла его. Егда же приѣде ко отцу, и нача его отец любити.

Бысть же единого часу отцу его сѣдящу за столомъ з женою своею, сын же его стояше пред нимъ. Бысть же у того рыцаря соловей сѣдѣше в клѣтке, в окнѣ, и нача соловей воспевати красно, рыцарь же рече: „Такова воспеванья у соловья не слыхалъ!”

Сын же его рече: „Отче мой милый, аз убо сие разумю, еже соловѣй воспеваетъ и вѣмъ, сказати да не смѣю ради васъ”. Отецъ же его рече ему: „Повѣждь ми, сыну, безъ всякаго сумнѣния!” Александръ же нача сказывати: „Соловей убо воспѣваетъ о мнѣ, что есть богатыхъ людей, то все меня будутъ чтити, а ты, отецъ, на руки мнѣ будешь воду готовити, а мати моя учнетъ мнѣ полотенце держати, придет убо таково время”.

Взем же отецъ сына своего Александра и вкину в море. И приплы онъ до нѣкоего острова, аже мимо той островъ бежит корабль, корабленицы же взяша его на корабль и продаша его в дальныя страны нѣкому князю.

Король же тоя области приказа паномъ рады своя, повелѣ имъ всѣмъ съѣхатись в думу, и съехашася. Король же нача имъ глаголати: „Прилѣтають убо ко мнѣ три вороны и кричат, и убиваютца о мене, не дадяху ми к церкви итти, мнѣ же от них велия доука и сумнѣнье, понеже не могу сего разсудить. Аще хто отгонеть ихъ кричание и бесѣду ихъ мнѣ скажетъ, учиню его у себя болшимъ человекомъ да и дочь свою едиnorodную дам за него, и после мене будетъ сидети на моемъ кралевѣствѣ”.

И тут ему ни кто отвѣту не даяше. Князь же той, господин Александровъ, бѣ ту же в думѣ, приѣде князь той во свой домъ кручиновать, и рече ему Александръ: „О господарю мой, чего ради скорбиши?” Князь же глагола ему: „Прилѣтаху ко кралю три вороны и обвивахуся об него, не дадяху ему проступить. Мы же убо не возможемъ такова челоувѣка сыскать, хто бы вѣдалъ ихъ бесѣду и речение ихъ, за него же бы господарь наш король вдаль и дочь едиnorodную в жену”.

Александръ же слышавъ сия, и иде ко кралю, и рече ему: „О превеликий господарю мой, азъ бо повѣмъ ти вороновъ реченье еже к тебѣ, толко даждь ми, еже обѣщася”. Король же рече: „Еже обѣщася, дамъ нѣизменне!”

Еще же имъ глаголющимъ, и се прилѣтѣша три вороны, и начаша кричати, аки нѣкую жалобу испушаху ко кралю. Александръ же рече: „Слыши убо, о господарю мой, прилѣташа к тебѣ три вороны. Един — отецъ, вторая — мати, третье убо — сынъ ихъ. Муж з женою о сыне между собою спирахуся, а просятъ у тебя розсуждения, дабы ты ихъ розсудилъ, хто имѣеть молодымъ ворономъ владѣти, понеже отецъ его добыл и кормилъ, а мати родила, по роженнии муку велику претерпѣла, да его, сына своего, покинула, а не кормила”.

¹ письмо.

Король же выставя окончину, и рече к нимъ: „Слышите убо, враны! По-неже ты, мати, его покинула, то и веселие свое изгубила, а отецъ голодъ имѣлъ, а сына своего кормилъ, и воронетку жити со отцомъ, а не с матерью”, — и отрече им судъ свой королевской. Слышавше же враны королевское судное отречение, и воскричаше вельми, и полетѣша прочь, и потом ихъ не видѣша в томъ королевствѣ.

Краль же рече Александру: „Како убо есть имя твое?” Он же рече ему: „Имя ми есть Александръ”. Краль же рече: „О чадо, отнынѣ тобѣ приказываю, иного никого отцемъ не зови, кроме меня! Дам же тебѣ и дщерь свою единочадну в жену, и по моей смерти кралемъ будеши во Египте”. И приказа всѣмъ людемъ Александра звати своимъ сыномъ.

И живе Александръ много лѣтъ, и у краля, и у всѣхъ людей бѣ честень, и нача быти славенъ рыцарь, и уристание многое творяше, и не бѣ такова рыцаря, кий бы со Александромъ бился или кто с нимъ мудростию зговорилъ.

По днехъ же нѣкихъ прииде Александръ ко кралю и рече ему: „О всесвѣтлый господарю мой, слышу убо о нѣкоемъ цысаре именемъ Цылеусе, еже всехъ кралей всего свѣта мудростию и разумомъ превзыде. Сего ради во всемъ свѣте слава его слышитца, иже кто хоцетъ добрыхъ обычаев у него научитца и великие, и добрые, и красныя службы извыкнетъ, и злата и серебра, и камня драгаго много у него можетъ нажити. Ныне же, о господарю мой, молю тя, да повелит твоя держава мнѣ ѣхати к нему служити, да еще быхъ у него мудрости навыкъ”.

Король же рече ему: „Буди, чадо, на твоей воли! Емли с собою злата и сребра, елико хоцещи, да тамо с честью поживеши, заклинаю же тя, да не замедлиши там, буди ко мнѣ и поимеши дщерь мою”.

Александръ же рече ему: „О великий господарю мой, пожди мало, егда ся возвращю, тогда дщерь твою с великою честью поиму!” И поклонися кралю, иде и, собрався со учреждениемъ, поеде.

Доехавшу же ему града онога, идеже цысарь онъ живяше, и нача толкати во врата градные, повѣдаша же о немъ цысарю. Цысарь же повелѣ его во град пустити. Александръ же поѣде к цысарьскому двору людно и чесно, бѣ видѣти учреждение его изрядное. Егда же прииде к цысарю, поклонися ему, якоже обычай есть царемъ челомъ ударити. Цысарю же воставшу с мѣста, и приемъ, и облобыза его, и рече ему: „Милый сыну, которое земли, и чего ради ко мнѣ едши?”

Александръ же рече ему: „Сынъ есми государя краля Египетцково, приехал же послужити твоему величеству, слышавъ твою ласку и жалованье”.

Цысарь же его пожалова, и повелѣ ему у себя быть в кравчихъ,* и оттоле моршалкомъ назва его для своего обычая и двора. Александръ же таковъ бѣ мудрецъ, иже ото всехъ любимъ.

По нем же прииде борзо сынъ короля Израительсково именемъ Лодвикъ цысарю служити.

Цысарь же его с честью приня и воспроси имени его, и родства, и кия земля. Он же рече ему: „Имя ми есть Лодвикъ, сынъ краля Израильтеского, слуга же вашъ”. Цысарь же рече: „Александра убо учиних у себя *кравчимъ*, ты же буди у меня *чашникъ*”,* — и даде ему дворъ со Александромъ.

Бяху же Александръ и Лодвикъ лицомъ и возрастом, и власы, и глаза приличны другъ другу, и в молвехъ, и в речехъ — во всемъ приличны, токмо мудростью другъ от друга различни, и между собою велми любляхуся. Александръ же бяше зело моченъ, а Лодвикъ младъ и не мощенъ, токмо в томъ разньство межъ ими бяше.

Цысарь же имяше у себя дщерь одиночадну, имянемъ Фларенту, зело еѣ любяше, понеже лѣпа бѣ. Цысарь же на всякъ день, на исходъ стола своего, посылая съ ѣствою Александра, цысаревна же Александра видевъ, зело его любяше и хотъ себѣ его имѣти мужем, понеже бяше храбръ и мудръ.

Случи же ся нѣкогда, единого дне Александру сотворше пир на свою братью, Лодвику же приказа, чтобы про него сказал цысарю немочна. Лодвик же, приѣхав к цысарю, и ста на Александрове мѣсте, и учаль цысарю ѣсти готовити, назва ся Александромъ. Лодвика же сказавъ немочна, понеже никаков челоувѣкъ во обличье их не могъ познати, кое — Александръ, и кое — Лодвикъ.

У цысаря же, егда стол исхожаше, рече Лодвику, мяя его Александра суца: „Милый сыну Александре, иди отнеси от мене еству дочери моей!”

Лодвик же цысаревны преже того николи не видаше, и вниде к ней в полату, и поклонися, и вдасть ей ѣству от цысаря, отца ея. Увидев же его, цысаревна и позна, иже не Александръ бѣ, и рече ему: „Како есть имя твое и чий еси сынъ?”

Он же рече ей: „Имя ми есть Лодвикъ, сынъ краля Израильтеского, слуга же цысарьской, отца твоего”. Она же рече: „Добре, иди в покои и бей челомъ отцу моему”. Лодвик же поклонивъся и иде.

И от того часу рознемогся и легъ на ложи своемъ зело немощенъ. Слышав же се Александръ, иде к нему, он же рече: „Не могу, не вѣмъ, не умру ли”. Александръ же рече: „Что ти есть болѣзнь?” Лодвик же рече: „Не вѣмъ”. Александръ же рече: „Аз убо болѣзнь твою и немощь достаточно вѣмъ: носил еси ѣству от цысаря к цысаревне и видѣлъ еси еѣ красоту и обличье, сего ради сердце твое возжелѣниемъ преболѣ, то есть и немощь твоя!”

Лодвик же рече: „О любезный ми брате Александре, все бы дохтуры моей болѣзни не узнали, еже ты узнал, да не токмо ми болѣзнь, но и смерть будетъ!”

Рече же ему Александръ: „Будеши здравъ, азъ ти помогу, да не умреша тыя ради болѣзни”. Изыде же от него и иде до мѣста, и купи рукоймой, златомъ учененъ з драгимъ камениемъ, без Людвикова вѣдома и шедъ, дарова имъ от Лодвика цысаревну. Цысаревна же видѣвъ, рече: „Александре, гдѣ могъ такой рукоймой драгий взяти, и чего ради им дарова мя?” Александръ же рече: „О пре-

красная государыни цысаревна, Лодвикъ всего имѣеть доволно, а еже испытуеши, чего ради даровах ти, се убо мимо мене. Вѣси, виде тебя Лодвикъ, твоя ради красоты и не можетъ живъ быти, нынѣ убо лежитъ болѣзнию тяжѣе одержимъ, ожидая смерти. Аще ли Лодвикъ умрет, то будеши виновна смерти его, нынѣ же реку тебѣ, хотя мало утѣши его!"

Она же рече: „Александрѣ, хочеш мнѣ изменити, еже бы азъ на то произволила, и впредь такие рѣчи не хошу от тебя слышати!"

Александръ же слышавъ то, поклонися ей и отиде от нея. Заутра же иде в торгъ без Лодвикова же вѣдома и купи зеркало драго, драгимъ камением вдвое дражае первого дару, и иде к цысаревне, и дарова имъ ея от Лодвика.

Цысаревна же, видѣвъ зеркало изяшно и драго, повелѣ его приняти, и рече ему: „Дивлюся тебѣ, Александрѣ, иже ты боле меня часто видал, а от себя слова ни единого не говаривал!" Александръ же рече: „О прекрасная государыня цысаревна, мнѣ убо не учинися такая притча, какъ ему, кто же у себѣ имѣеть друга, и онъ любить его, аки самъ себѣ. Нынѣ же государыни моя, Бога ради, молю тя, не дай ему изгнути и скончатися смертию!" Цысаревна же рече ему: „Иди от мене прочь, болши того не услышишь от мене!"

Александръ же изыде от нея, и во утрие иде в торгъ и купи дар дражае — скрипку злату со многоразличным драгимъ многоцѣннымъ камениемъ, и иде к цысаревне, и дарова ей от Лодвика, Лодвик же отнюдь всего того не вѣдаше.

Цысаревна же видевъ драгий даръ, и приемъ дар, и рече Александру: „О Александрѣ, рцы Лодвику, да мене аще убо есть зелне желаетъ, то придетъ и узритъ двери отперты, и внидетъ невозбранно".

Сия же слышавъ, Александръ зело возвеселися, еже получи желаемое, и борзо иде к Лодвику, и рече ему: „О милый мой брате, буди весел, азъ убо добыхъ тебѣ милость у цысаревны, аще ли хочещи, иди к ней, готова ти есть к твоей воли!"

Си же слышавъ, Лодвикъ яко от великого сну пробудися и воставъ здрав, и нощию иде к цысаревне, и спа с нею.

И от тѣхъ мѣсть случилася душа Лодвикова со Александромъ, одна любовь бысть межъ ими. Лодвик же часто хожаше к цысаревне. Довѣдаху же ся сего дворяне, што цысаревна бываетъ с Лодвикомъ, и отобрався рыцари, сташа, нарядяся, на дороге стрещи, иже бы Лодвика в нощи убити.

Слышав же сия Александръ, нарядяся с своими товарищи, и ста з другіе стороны наготове, и изби неприятелей Лодвиковыхъ, и везде Александръ за Лодвика голову свою складываше, иногю и Лодвикъ не вѣдалъ, а ведала все то цысаревна.

По днѣхъ же нѣкихъ прииде ко Александру листъ о смерти краля Египетцкаго, нарекомаго отца его, дабы Александръ скоро ѣхаль и королевство принял, и о семь цысаревне и Лодвику сказаша, они же, слышавше то, зело смутишася.

Приде же Александръ к цысарю и глагола ему: „Милостивый цысарю, се убо листъ приде ко мнѣ о смерти отца моего, нынѣ же прошу у тебя твоея милости, отпусти мя, да еду ко отцу моему”. Цысарь же рече ему: „Зело жалую тебя, о Александре, еже едеши от мене, понеже никою такова мудра к своему обычаю не имѣю. Нынѣ же ѣди с Богомъ, а злата елико хочещи от казны моя емли с собою!”

Александръ же поклонися ему и поеде, мнози убо по немъ плакахуся, понеже любляху его зело. Фларента же цысаревна велми плакася и рече Лодвику: „О милый мой Лодвикъ, Александръ, друг нашъ, отъедеть, ты же имаши неутешно плакати, понеже втораго себѣ Александра не обрящещи такова, Александромъ убо меня достигль еси, и противъ твоихъ неприятелей Александръ за тебѣ главу свою складывалъ”. И плававъ Фларентъа много, объесть Александра, и целова, и умилно глаголаше: „О любезный цвѣте очию моею, Александре, уже к тому надежды не имамъ очей твоихъ видети!” Сия и ина много изглагола в собѣ многими слезами, отпусти его, Лодвикъ же провожаше его седмь дний и много плакася о семь. Александръ же рече ему: „О любезный ми друже, не плачися, понеже еду во Египетъ коруновати и королевство принять, а тобѣ буди со Фларентою Божья помощь, но едину ти рече исповѣмъ: по четырехъ лѣтахъ сынъ краля шпаньского, имянемъ Сидонъ, увѣсть бо о моемъ отъѣзде и тогда приедетъ служити к цысарю, и будетъ ему мил, и егда увѣсть, что ты Фларенте дѣвство растлилъ, тогда от него злою смертию умреши!”

Лодвикъ же рече: „Александре, надежа души моей, бѣда ми твое отъханье, имѣю у себя единъ драгий камень, его же мати моя дарова ми, молю тя, прими его на воспоминание любви, понеже вдѣланъ в злате перстне, и возложи его на руку!”

И целоваста другъ друга, и розѣхастася — Александръ во Египетъ, Лодвикъ же к цысарю и ко Фларенте.

Потомъ же скоро услыша Сидонъ, сынъ краля шпаньского, иже Александръ отъехалъ от цысаря, и еде Сидонъ к цысарю служити, и проси у него службы. Цысарь же рече ему: „Милый ми сыну, бысть прежде тобѣ у мене Александръ, иже нынѣ кралево во Египте, азъ убо его зело любяхъ, стоя у стола моего, кроя хлѣбъ, нынѣ же ты буди въ его мѣсто”. Повелъ моршалку дати ему мѣсто Александрово и поставиша его с Лодвикомъ на единомъ дворе, идѣ же Александръ стояше. Лодвику же не хотѣвшу Сидона во дворъ пустити, и не возможе, Сидонъ же на Лодвика ненависть восприимъ, Лодвикъ же нача боятися Сидона, и не нача к цысаревне ходити, Сидонъ же довѣдался истинно, что цысаревна с Лодвикомъ дѣвство свое разруши.

И во едину же от дней цысарь стоя в полате своей и хваля доброту Александрову, Сидонъ же слышавъ и рече цысарю: „О господарю мой великий, не хвали его, понеже Александръ — твой изменникъ!” Цысарь же рече ему: „Повѣждь ми, о Сидоне, кимъ обычаемъ?”

Сидонъ же речу ему: „Едину у себя имѣши дщерь, ейже Лодвикъ по Александрову сведенью дѣвѣство растли, и хожаше к ней!”

Цысарь же, слышавъ сие, и разгнѣвася вельми, аже вниде Лодъвикъ в полату к цысарю, цысарь же, призвав Лодвика, рече ему: „Что се, еже слышу от Сидона на тебя? Аще ли правда, то борзо от мене злою смертию умреш!”

Лодвик же рече ему: „Не вѣмъ, господарю мой великий, и не винень тому, еже Сидонъ тобѣ на меня лжетъ и клевететь!”

Сидон же рече Лодвику: „Аз на тя сказахъ господарю моему цысарю правду, а не лжу, за свою правду готовъ с тобою на срокъ битися!”

Лодвикъ же рече: „Азъ за то с тобою готовъ драться, и за ложь твою хошу главу стяти!”

Цысарь же учини имъ срокъ день битве, и разыдошася. Лодвик же шедъ к цысаревне и рече: „О милая цысаревна, уже бо аз нынѣ сын смерти! Еже Александръ рече, тако и сталося, Сидонъ оклеветалъ меня и тебя цысарю, отцу моему, еже азъ тобѣ дѣвѣство растлихъ. Отецъ же твой зело разгнѣвася и учини нам день — срокъ битве. Аз же с нимъ не могу битися, вѣмъ, что борзо убьеть меня, убо онъ мужъ в збруе убранъ и мочен, кромѣ Александра инъ не можетъ таковъ быти мочень”. И нача плакати.

Цысаревна же рече ему: „Не плачи, учини се, еже азъ тобѣ совѣтую, иди борзо к цысарю, отцу моему, и реки ему, иже от отца твоего к тебѣ листъ пришел, что отецъ твой лежитъ на смертной постеле, и проси ся, иже бы ты отпустилъ отца навестити, а день бы битве отсрочилъ. И егда цысарь ты отпустит, ты же борзо поѣди ко кралю Александру и проси у него милости, дабы онъ в остатней потребѣ тобѣ помогъ, приехав за тебя с Сидономъ ся билъ, вѣмъ убо, что оба вы сличны, опроче меня никто вас не познаеть. Аще ли се сотвориши, можеша смерти уитти и честь свою взяти.

Лодвик же рече: „Добрь убо совѣтъ твой, милая ми Фларента, но не вѣмъ, поѣдет ли Александръ, оставя кралевство”.

Фларента же рече: „Вѣмъ, яко Александръ не отречется, имѣю надежу, что учинит”.

Лодвик же, дряхлѣ, шедъ к цысарю и падъ пред нимъ, просяся у него, иже бы его отпустилъ отца навѣстити, а день битве отсрочилъ. Цысарь же рече: „Отпущу ты, токмо приедеша ли к битве? Аще ли не приѣдеша, вѣдомо буди тобѣ, всяко главу свою погубиши и не возможеша гонзнути¹ меча моего!”

Лодвикъ же общася и кляся много, ако да приспѣеть на уреченный срокъ, цысарь же отпусти его. Он же, вседъ на борзый конь, и еде во Египетъ спѣшно днемъ и нощию, достиже убо Египта, и повѣдаша о немъ Александру.

Александръ слышавъ, и возвеселися, и выеде противъ его, и стрете², и объеъмъ, целова его. Лодвик же рече ко Александру: „О господарю мой, брате

¹ избѣжать; ² встретил.

милый, скажу ти, се убо ми животъ и смерть в твоей руке есть! Якоже ты мнѣ повѣдал о Сидоне, то все надо мною исполнися, оказал меня и тебя, и Фларенту цысарю Сидонѣ, и похвалися того ради со мною битися. Ты же убо, господарю мой, вѣси, якоже онъ мощень, аз же млад. Фларента же повелѣ ми к тебѣ ехати о споможении, яко чае твоя милости. Аще ли не поможеш ми, и аз буду сынъ смерти!”

Александръ же рече: „Отъеханья твоего, кромѣ Фларенты, кто не вѣдаетъ ли?” Лодвик же рече: „Никто не вѣдаетъ, взяхъ отпущение от цысаря навѣстити отца моего немощна, и се к тебѣ приѣхавъ”. И се рекши, пад пред ногами его и нача плакати.

Краль же Александръ подня его з земли и рече ему: „Повѣждь ми, любезне, коего дни битися имате?” Он же день сказа ему. Александръ же рече ему: „На той день не мощно ми приспѣти к битве, занеже утре имамъ за себя поняти королевну, и все панове со мною будутъ на браце. А ты, аще на тот день к битве не поспѣешь, и за то тебѣ бити казнену, и азъ бракъ оставлю, нежели тебя смертно учинити, ты же учини, еже ти прикажу. Аз поеду к сроку на день битвы, а ты в мое мѣсто во Египте буди кралемъ, вѣмъ убо, что никто тя не познаеть, за наше приличие глаголють тя мною, Александром, и в мое мѣсто поими жену мою и исправляй, яко краль, егда же придеши на ложе з женою моею, буди ми вѣренъ и не коснися ея”. И сия рекъ, Александръ всѣдъ на конь и ѣде к цысарю в мѣсто Лодвика нощию. Лодвик же в заутрие, яко краль обрѣтесе Александръ, никто его не позна, и поня жену Александрову, королевну сущу, и велий бракъ учини. И вниде на ложе Лодвикъ и кралева, Лодвик же вся мечъ обнаженъ и положи межу собою и кралевою, чтобы тѣло его не дотыкалося кралевы тѣла. Кралева же тому нача дивитися, а ничего не изрече. И тѣмъ обычаем спаху межд собою и до краля Александра.

Егда же Александръ приеде к цысарю в мѣсто Лодвика, и рече цысарю: „О великий господарю, отца своего азъ оставихъ зело болна, а на день сроку приехал”. Цысарь же рече ему: „Вѣрно еси учинил, к чести своей”. Цесаревна же, слышавъ о его приезде, зело возвеселися и посла по него тайно. Егда же узрѣ его, и целова его, любезно рече: „Благословенъ есть день той, в он же ся ты роди! Повѣждь ми, гдѣ еси оставилъ Лодвика”.

Александръ же вся по ряду исповѣда ей, иде в домъ Лодвиков, и никто его не позна, кромѣ Фларенты, что не Лодвикъ.

Заутра же приеде срокъ битве, и рече Александръ Сидону предъ цысаремъ: „Слышиши, Сидоне, понеже мя еси оклеветал лживо господарю моему цысарю, аз же хошу за се тебѣ мстити, или самъ почесно умру!” Сидон же рече ему: „Азъ на тобѣ своя правда взыщу!” И сия рекше, всѣдоша оба на кони, начаша зелне битися и бишася весь день от утра и до вечера, и поможе Богъ Александру, ссече главу Сидону и отнесе ея к цысаревне. Цысаревна же, вземъ главу с великим веселиемъ, несе ко отцу своему и рече: „Возми главу того, кто мя

осрами и тобѣ лживо оклевета, и мнѣ вдай того в мужа, которой за мя умер и за мою срамоту невинную”.

Цысарь же рече ей: „Буди в твоей воли!” Цысаревна же, слышав сия от отца своего, зело возвеселися. И видев же цысарь витязство Лодвиково, и возва к себѣ Александра, мнѣвъ его Лодвика, и рече ему: „О милый мой Лодвику, се бо еси избавил себѣ и дщерь мою от срамоты и исправил еси честь мою вѣчную, и отнынѣ будеши ми мил, и дамъ ти в жену дщерь мою, и будеши по мнѣ на моемъ мѣсте цысарем!”

Александръ же рече: „Господь на небесехъ то избавляетъ надѣющася на нь, и еже ти годно, господарю, буди на твою волю, но единыя прошу у тебя милости! Отецъ мой остался немошенъ, мене же отпусти для битвы, нынѣ же отпусти мя к нему, благословение бы взях от него, и приеду к твоей к цысарской милости скоро”.

Цысарь же отпусти его и рече ему: „Борзо приѣди ко мнѣ!” Александръ же поклонися ему и поѣде, и приеде в свое королевство. Сказаха же о немъ Лодвику, слышав же Лодвикъ, и возвеселися, и еде, и стрете его, и объеъмъ, и облобыза его, спрашивая о здравии. Александръ же сказа ему все по ряду, како Сидону главу оття и какъ за него цысарь объщася дщерь свою вдати в жену. Лодвикъ же рече: „О милый господарю мой, Александре, не единъ день животъ мой избавляеши от смерти, но многи годы! Что же ти имамъ воздати?” Александръ же рече: „Поеди з Богомъ и служи цысарю, и поими дочь его, цысаревну!” Лодвикъ же поклонився Александру и поеде к цысарю в ночи, а краль Александръ остался, иже нигдѣ не бываль.

Егда убо приде ношъ, Александръ, пришедъ на ложе с кралевою, учаль с нею говорити и объеъмъ, нача ю целовати. Она же рече ему: „Ужели приде намъ часъ любви?” Он же рече ей: „Что глаголеши?” Она же рече ему: „Отнеле же еси поняль мя, на всякую ношъ клалъ мечъ нагъ между собою и мною, иже бы тѣло твое не дотыкалося моего тѣла”. Александръ уразумѣ, иже Лодвикъ ему бысть вѣренъ, и рече: „О любезная ми, не чиних азъ того твоего ради зла, провѣдываю твоего крѣпкаго прирочения¹. Нынѣ же хошу тя жаловати и любити!” Кралева же сама в себѣ помысли: „Еже ты ми сотвори, азъ тобѣ то же учиню!”

И от тѣхъ мѣстъ нача любити нѣкоего рыцаря, и нача с нимъ мыслити, како бы убити краля Александра или окормити его смертоноснымъ ядомъ. И во едину от дней вдасть она Александру золъ ядъ пити. Александръ же нача пухнути и отрудовател², жена же его, кралева, рече гражданомъ: „Видите, яко краль мой трудовать, не может королевства держать, вы же изрините³ его ис королевства!” И помале изринуша Александра от королевства.

Лодвикъ же, приѣхав к цысарю, и женися на цысаревне, потомъ же цысаря не стало, и Лодвикъ сяде на цысарствѣ в Римѣ и королевства.

¹ близости; ² заболел; ³ изгоните.

Краль же Александръ по изриновении от кралевства слышав еже о Лодвике и помысли в себѣ: „Аз убо з государства согнанъ, Лодвикъ же цысарем в Риме и кралем во Израили“. И обрѣте нѣкоего боголюбива суца, иже отвезе его к цысарю Лодвику.

Приде же до дверей полатныхъ, и се с одну страну сѣдяще трудоватые, а з другую же — цысаревы мужи, Александръ же сяде с трудоватыми. Цысареви же ходяху и минувшу их, Александръ прошаше у него милостыня, он же не вдасть ему ничего. Егда же приде часъ стола его, цысарь сяде за стол, а краль Александръ нача молити придверника, глагола ему: „Молю тя, единого прошу у тебя для Бога и для Египетцкога краля Александра, повѣждь мя цысарю, дабы мя пусти к себѣ и велѣлъ ми дати ясти!“

Придверник же рече ему: „Дивлюся тобѣ, иже хощеши внити в полату къ господарю нашему цысарю, вѣмъ бо двор его полон есть великихъ честныхъ панов, и егда ты узрят такова трудовата, и возгнушаются тобою. Аще ли мя молиши Бога ради, не обленюся, повѣмъ про тебя цысарю!“ И шедъ к цысарю, рече: „У вратъ есть нѣкто трудовать, просит твоя милости для Бога и для Египетцкога краля Александра, еже бы предъ тебя вшелъ и сел на земли ясти“. Цысарь же Лодвикъ, слышавъ то, иже помяну Египетцкога краля Александра, возбнувъ¹ и рече: „Введи его съмо, да ѣсть предо мною!“ И введъ его придверник пред цысаря, и посади на землю, и дасть ему ясти.

Призвав Александръ единого от слугъ цысарьскихъ и рече ему: „Господарю мой, иди к цысарю и рцы ему: «Убогий азъ, для Бога и для Египетцкога краля Александра, прошу его милости, иже бы аз напился ис того кубка, ис которова онъ самъ пьеть»“. Слуга же рече ему: „Что глаголеши, трудовате, егда изопьеши ис цысарского кубка, потом вперед ис того кубка цысарю не мочно пити, но Бога ради все то учиню“. И, шед к цысарю, рече ему: „Милостивый цысарю, остави ми, что изглаголю, понеже онъ, трудоватый, иже сидитъ пред тобою, просит для Бога и для Египетцкога краля Александра твоя милости, иже бы ему пити ис того кубка, ис которого ты пьешь“.

Цысарь же паки воспомяну краля Александра свѣтлымъ лицемъ и рече слузѣ своему: „Дай ему моего вина пити, которое аз пью, из моего кубка, для Бога и для краля Александра!“ Слуга же наливъ кубокъ и несе к трудоватому. Краль же Александръ выпи и положи в кубокъ перстень з драгимъ камениемъ, иже ему дал Лодвикъ на воспоминанье любви и рече слузѣ: „О господарю, иди и вдай кубок и перстень господарю цысарю!“ Слуга же кубокъ и перстень вдасть господарю своему цысарю. Цысарь же видѣвъ перстень и позна и, еже вдасть его кралю Александру на воспоминанье любви, и позыбася² в нем нутреняя его, помысли во сердца своемъ: „Любо краль Александръ умреть, той же трудоватый украде у него перстень“, — и повелѣ трудоватого

¹ вздрогнул; ² задрожало, заволновалось.

стрѣщи, дабы ис полаты не вышел. „Аще ли упустиши, то живот свой изгубиши!”

Егда же бѣ после стола, призвавъ цысарь трудоватого к себѣ наедине и рече ему: „Повѣждь ми, о трудовате, гдѣ еси тотъ перстень взял”. Александръ же рече: „Господарю цысарю, али ты знаеши тот перстень?” Цысарь же рече ему: „Зело знаю, понеже мой есть, вдох убо его любимому си кралю Александру на воспоминанье любви!”

Трудоватый же рече: „Правду убо глаголеши, о цысарю, еже ми еси вдал перстень сий, аз убо Александръ”. Цысарь же, слышав сия, едва проглагола и от жалости паде на землю, и издра на собѣ одѣяние цесарское, и плакася зело, и рече: „О милый Александре, опор и надежа души моей, и кимъ обычаемъ таково тебѣ случися?” Александръ же вся по ряду сказа ему, како возненавиде его кралева и чужеложство сотвори, и как зельемъ его опои, и ста трудоват, и как с королевства согнаша его. Цысарь же, слышавъ сие, востав облобыза его и рече ему: „Жаль ми тя, надежа души моей, уне бы умер за тя, неже бы могъ срама терпѣти! Пошлю же по наученныя лекари, иже бы тя уздравили, ты же, милый Александре, никому ся не объявляй, моя ради цысаревы, вѣмъ яко, аще ты увидить, не может жива быти”. Вдасть же ему полату особную и всякие потребы повелѣ ему готовити, розосла же по вѣмъ странамъ искати мудрых лекарей, иже бы вборзе приехали. И единого же месяца съѣхашася 30 лекарей наученных. Цысарь же, видѣвъ их, обвеселися и рече: „О изящные лекари, имѣю убо у себя приятеля, пораженного трудомъ¹, можете ли его уздравити, и велику мзду от царствия моего примити!” Они же рѣша: „О великий господарю, аже будет подобно что, и мы учинимъ”. Егда же воду его осмотрѣша, и рекоша цысарю: „Невозможно намъ его есть уздравити”.

Цысарь же, слышавъ сия, вельми смутися и повелѣ звати убогих и законников², иже бы ся о немъ молили, а самъ цысарь таково же уклонися на молитву и постився доволно просяще, иже бы Господь дал здравие королю Александру, Александръ по тому же моляся и постяся. Во едину же от ношей стоящу Александру на молитвѣ, и се глас бысть с небеси, глаголя: „Аще ли цысарь Лодвикъ убьетъ своих пятеро сыновъ своимъ руками и кровь их источить, и тою их кровью обмыетъ тебя, тогда будет плоть твоя чиста, ³яко отрочате млада³. Александръ же, услышав сия, и рече в себѣ: „Непотребно и негодно того слова никому объявити, кто есть таков, иже бы сына своего единого убилъ, а мене очистилъ от труда, нежели пяти сыновъ убити”. И не повѣда того никому. Цысарь же Лодвикъ бес престани, день и ночь, плакася и моляся Богу о здравии Александрове. Во едину же от дней стоящу ему на молитвѣ и молящуся со слезами, и се глас бысть с небеси, глаголя: „Что убо плачещи и молишися о Александре, вѣсть убо Александръ самъ про себя, чемъ можетъ быти уздравленъ”. Цысарь же слы-

¹ тяжелой болезнью; ² здесь: монахов; ³—³ как у младенца.

шавъ, и иде ко Александру, и рече ему: „О милый Александре, надежа души моей, что твориши, вѣдаеши своему уздравлению исцеление, а не повѣдаеши мнѣ! Вѣмъ, яко ты от мене преже ничего не таил, нынѣ же что твориши, повѣждь ми, от чего можеша здрав быти!”

Александръ же рече: „Не дивися, Лодвик, иже ты о уздравлении своемъ не сказахъ, понеже учинится тобѣ трудно и болѣзненно!” Цысарь же едва всяко нѣкако привѣде его на то, еже ему сказати, от чего быти ему уздравлену. Александръ же рече: „Слышахъ убо от Бога с небеси глас глаголющъ ми, иже бы ты пять сыновъ своихъ убил своими руками и мене тою кровью обмыл, и будетъ тѣло мое чисто, яко отрочате. Аз же не повѣдахъ ти сего ради, понеже невмѣстно тобѣ сего сотворити, еже побити дѣтей своихъ моего ради здравия”. Цысарь же рече ему: „О милый Александре, что глаголеши и не имѣеши надежи, аще бы у меня и другая была пять сыновъ, аз бы всѣхъ твоего ради здравия своима рукама побил!” И нача искати подобна времени, когда цысарева поидеть во церковь.

Егда же цысарева поиде в церковь, цысарь же шедъ в полату, идѣже бяху дѣти его, и избил ихъ, и кровь ихъ в сосуд источил, и замкну ихъ в полате, а кровь несе ко Александру. Александръ же измыся кровию, и ста тѣло его чисто, яко отрочате. Лодвик же его зело позна и целова его, и рече ему: „О милый Александре, надежа души моей, не познахъ тя добре, иже ты, Александръ! Благословенъ той день, в кий азъ дѣти избихъ твоего ради здравия”. И паки рече ему: „О милый Александре, сѣди ту дондеже Фларенту приведу к тебѣ”. И шедъ в церковь обрете Фларенту и рече ей: „О любезная, повѣмъ ти тайну свою, токмо не закручини-ся”. Цысарева же рече ему: „Повѣждь ми, господарю, буди воля Божия, все могу терпѣти”. Лодвик же рече ей: „Видѣла ли еси оного трудоватого, кий приде оного дне и седе предъ нами в полате моей и пил из моего кубка?” Она же рече: „Видехъ”. И рече ей: „Онъ трудоватый — Египетъцкый краль Александръ есть, жена убо его окорми и от царства изгна!” Слышавъ цысарева, и не возможе терпѣти, паде на землю и воскрича великимъ гласомъ, глаголющи: „О бѣда ми, Александре, не узнахъ!” Цысарь же рече ей: „Не кручини-ся, еще ти повѣдаю, дохтурь и фрязове в своихъ мудрыхъ философяхъ нашли, иже кровью детей нашихъ измыти Александра, и оттого будетъ здрав. И нынѣ ты вопрошаю, аще ли его любиши, велиши ли для его здравия детей своихъ побити?” Она же рече ему: „О милый господарю мой, что глаголеши, аще бы и другую пять сыновъ имѣли мы, и мы и тѣхъ всехъ побили, нежели видѣти Александра такимъ трудомъ поражена. Аще ли Александръ умрет, то животь ему не можетъ возвратитися, аще ли же дѣти мои умрутъ, и я еще млада, и ты младъ же, и дѣти у насъ еще будутъ”. Цысарь же рече: „О любезная ми, азъ убо дѣтки свои побихъ, а Александра уздравихъ”. Цысарева же рече: „Благословенъ день той, в онъ же еси побил дѣти наши для Александра, нынѣ же молю тя, дай ми видѣти Александра!” Цысарь же, поемъ ея, иде ко Александру. Видевъ же Фларента Александра и паде от радости, и бысть веселие всѣмъ людемъ.

Дѣтем же своимъ цысарь повелѣ уготовати погребальная, прииде же к дѣтемъ своимъ в полату, идѣ же бяше замѣкнуты, и видѣ дѣти своя скачуща и хваляща Бога. Егда же вниде сия во уши Фларенте и Александру и всемъ людемъ, и бысть радость велия во многи дни по всему господарству, радуящеся, хваляху и славляху Бога, показавшаго имъ таковыя неизреченныя чудеса.

Потомъ Лодвикъ собралъ велие войско и иде во Египетъ с кралемъ Александромъ, и взя Египет, и изыма кралеву Александрову и съ еѣ чюжеложникомъ, и повелѣ ихъ Александръ сожести. А за Олександра цысарь Лодвикъ вдасть сестру свою, дѣву сушу, недругов же Александровыхъ — египетцкихъ радныхъ пановъ — повелѣ казнити горкою смертию, Александра же устроивъ во Египте на господарстве, иде в Римъ.

И прочее же лѣта краль Александръ в покое поживе и кралевство самодержно и мудро воздержалъ, и своихъ неприятелей всѣхъ побилъ. Потомъ же помысли ѣхати ко отцу своему и матери, от кого былъ вкинутъ в морѣ, и посла к нимъ посла своего, а велѣлъ имъ вѣстно учинити, что хошетъ к нимъ краль приѣхати и столовати у нихъ. Посолъ же приѣде в ту страну, гдѣ кралевое сродство, а не вѣсть того, что кралю они отецъ и мати, и пришеде, поклонися имъ и от краля Александра рѣчь изрече: „Господие мои, краль Александръ хошетъ к вамъ приѣхати и столъ учинити!”

Рече же цысарь, отецъ царя Александра: „Благословенъ день той, в онъ же господарь мой краль хошетъ у мене витати!”. Мати же кралева рече послу: „Мы убо господарне люди препростыя, не имѣемъ, чимъ почести кралевския сотворити”. Посолъ же возвративъся ко кралю и повѣдалъ ему вся.

Потомъ же король приѣде борзо ко отцу своему с великимъ войскомъ. Рыцарь же, отецъ его, изыде во стретение его и поклонися ему до земли, а не вѣсть, что сынъ его есть, егоже в море вкинулъ. Краль же повелѣ ему возстати з земли и повелѣ сѣсти на конь, егда же приближися до града, и се мати его изыде внѣ града на стрѣтение ему и паде предъ нимъ. Краль же подня ея з земли и обня ея. Она же рече ему: „О великий милостивый господарю, что твориши, кралю Александру? Се убо велия почеть намъ бысть!” Егда же придетъ краль за столъ, цысарь же приемъ умывалницу с водою и хошетъ кралеву послужити, на руки воды возляти, мати же его приемъ, держа полотенцо. Краль же Александръ видевъ то, и усмѣхнувся, и помысли в сердце своемъ соловьево воспевание, и рече: „Се ми исполнися, отецъ ми и мати ко умовению рукъ послужиста ми”, — и повелѣ слугамъ своимъ взяти из руки рыцаря, и полотенцо у рыцаревы. Рыцарь же рече „О великий господарю мой кралю, или не достойны мы тебѣ, господарю, послужити? Молимъ тя, повели намъ собѣ послужити, и намъ будетъ вѣчная хвала!” Краль же рече: „Понеже есте стары, и сего ради сядите и не дѣйте сего”. Сяде же краль за столомъ и посади отца с правую сторону, а мать ошуюю². Егда же бѣ после

¹ жить; ² слева.

стола, король же вниде во внутреннюю комнату и повелъ с собою вшити рыцарю и рыцареве, прочим же всѣмъ повелъ вонъ изыти. И рече имъ король: „О любезныя ми, повѣсте ми, сколько имѣете дѣтей?“ Они же рѣша: „Не имѣемъ ни сына, ни дщери“. И паки рыцарь же рече: „Имѣли есмь сына, и той умер“. Король же рече: „Коею смертию?“ Рыцарь же рече: „Своею смертию“. Король же рече: „Аще ли сыщу, что иною смертию умре, что сотворю вамъ за вашу лжу!“ Рыцарь же рече: „О милостивый государю королю, чего ради испытуеши о нашемъ сыну?“ Онъ же рече ему: „Хочу вѣдати, кимъ обычаемъ умре, вѣмъ, что вы его убисте!“ Они же слышавше, падше на землю и начаша просити милости, глаголаста: „О великий государю, смилуйся над нами и исповѣдуемъ ти всю истинну! Имѣхомъ убо у себѣ сына единаго, исповѣда он намъ соловьево спѣвѣнье, что ему быти велику и богату, и намъ, мнѣ и матери его, ему послужити, держати ко умыванию воду и полотенцо. Нам же учинися сие за кручину, и за то кинухом его в море“.

Король же рече: „Что же бы в томъ злое было, еже бы се исполнилося? Была бы честь и хвала ваша. И сего ради вы пред Богом зело согрешисте, то убо видите мене, аз вашъ сынъ, его же вкинете в море, но Богъ милосердиемъ своим из глубины морския востави мя и сотвори мя короля и государя Египту и всей земли египетстей“.

Они же, слышавше сия и убояшася, и падше на землю, прошаху милости. Александръ же рече имъ: „Не боитесь, ни порока вамъ буди“, — и объеъмъ, целова отца и матеръ, и паки рече имъ: „Идите во Египетъ да царствуйте со мною!“ И приемъ, веде их с собою с хвалою и с честью велиею зело».

И сия рек, Диоклитиянъ возгласи отцу своему цысарю: «О милый государю мой, драгий отче, разумѣхъ ли еже ти исповѣдах? Господь ми дастъ велию хвалу и мудрость, не отнях бы аз у васъ королевѣства и не могъ васъ в нищите видети, но сице убо сотвори, якоже и онъ имѣ родители своя, от которыхъ былъ вкинуть в море».

Цысарь же рече ему: «О любезный ми сыну, добре поразумѣхъ, еже ми глаголеши, и отселе даю ти царство, и с тобою буду жити, понеже аз стар есмь».

Диоклитиянъ же рече: «Се убо, отче, нынѣ судъ свой исполни цысареве, женѣ своей».

Цысарь же вдасть отвѣтъ и повелѣ цысареву свою и съ ѣе любохотникомъ казнити казнию: привезати к лошадемъ и роздернути, а останки, кости ихъ, повелѣ сожещи.

Сам же потомъ в борзе умре. Диоклитиянъ же сяде на цысарствѣ на мѣсто отца своего и господарство свое дивно и самодержжно воздержа. Его же премудрости вси челоуѣцы почюдишася, и прочая дни живота своего в покое и в радости, в неизреченномъ веселии препроводи. ¹И сия доздѣ¹. Аминь.

¹—¹ здесь: вот и все.

ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ АГТЪЕ

ПОВЕСТЬ ЗЕЛО ПОЛЕЗНА

Бысть во градъ Филумени царь именем Аггѣй, зело славный и богатый. Прилучися¹ же ему стояти в церкви во время Божественныя литургии и егда священнику чтуще святое Евангелие. Егда же дойде до строки, в ней же написано: «Богатии обнищают, а нищии обогатѣют»,* царь же, слыша слово сие, ярости и гнева наполнися и рече: «Что есть написано слово сие ложно, како богатии обнищают, а нищии обогатѣют? Но како мнѣ обнищати, а нищу обогатитися?» — И егда священник отслужи Божественною литургию, тогда царь повелѣ его всадити в темницу, а из Евангелия тот листъ повелѣ вон выдрати, глаголя: «Сие есть слово в ложь написано». Сам же царь поиде в дом свой и начат со ближними своими ясти, и пити, и веселитися.

Тогда же нѣкий ближний ево отрок бысть в поле и увиде: близ града Филумения ходяще елень по полю. И пришед, возвестиша царю. Царь же скоро взя с собою пятьдесят отроков избранных и поѣха в поле. И увидя елень прекрасну зело, и нача гнати за нимъ по полю. Еленю же бежашу, и прибеже к нѣкоей рекѣ, и поплы чрез реку. Царь же, сам един только, сверже² одежду свою с себѣ и покиня коня на берегу, и поплы за еленем. И егда преплы реку, тогда не видя еленя. Потом же царь вспять преплы реку.

Прежде бо преплытия его прииде ко отроком его ангелъ Божий во образе царя Аггѣя и рече отроком, яко елень утече. И взя одежду, облечеса и всѣдъ на коня. И ѣха во град Филумен со отроки яко Аггѣй царь, и приѣха во град. И нача царство правити по обычею, никто бо его не позна, ни царица, ни вельможи и сильнии его, но всѣ почитаху³, яко Аггѣй царь есть.

Царю же Аггѣю пришедшу на берегъ, и начат смотрити отроковъ своих и платья, и коня своего, и не обрете ничего. И ста на мног час, розмышляя в себѣ: «Что ми прилучися? Или отроки мои в поле отѣхали, или конь мой у них убежал?» И смотря сюду и сюду, и никого не видя, и помышляя в себѣ:

---

¹ случилось; ² скинул; ³ считали, думали.

«Что ми приключися? Или сонное видение видит?» И начат кликати гласомъ громко, дабы отроки ево к нему пришли и платья и коня ему дали, и никого не видя. Потом же поиде по полю, помалу ступая, озираясь семо и овамо¹, и не видя никого же. И убоися зело, яко мѣсто есть пусто, и иде ко граду со стыдением.

И увиде в поле человека, посуше волы, и стыдися к нему прийти и начат кликати: «Постуше, скажи ми, гдѣ ты видел отроков моих и коня моего?» Постух же виде его нага и вприси его: «Кто еси ты и какие отроки твои и конь?» Царь же рече: «Али ты меня не знаешь? Аз есмь царь Агѣй». Постух же его не позна, понеже отъя Богъ зракъ лица его², и нача бранити его и укаряти: «Злый безумный человеце, пьяница ли ты или вор, да так себя таковым великим именем называешь?» И начат его бити кнутом без милости. Он же от него насилу убежа. И ходя по полю наг, розмышляя, что себѣ сотворить, и гдѣ возмет одежду, и како во град внидет.

И умысли: «Иду в деревню и не скажусь, что царь, да тамо меня не познают. И наймуся работать, и возьму себѣ хотя какую-нибудь одежду. И вниду во град, и увѣдаю, что ми сие случися³».

И иде в деревню и нанялся у крестьянина на все лѣто, а сказался что шел путем и ево злые люди ограбили и убили, мало жива⁴ покинули. И пожил у крестьянина мало. Крестьянин же, его видя, что работать ничего не умѣет, сослалъ ево з двора, только дал ему малую одежду, худое рубище.

Царь же Агѣй иде во град Филумен и прииде к некоей вдовице, и восприся к ней ночевать яко нищей. Она же видя его в худом рубище, пусти его к себѣ в хижу. Он же воспроси вдовицы: «Хто у васъ ныне царь царствует?» Она же повѣда, яко Агѣй царь, уже тритцать пятое лѣто. Тогда Агѣй моли вдовицу, да принесет ему чернил и хартию⁵. Оной же принесшу ему, царь же Агѣй написа своею рукою к царице своей слова тайные свои с нею, яко никто меж ими ин тѣ слова вѣдает.

И вдаде то письмо нѣкоторой женѣ, моляша ю, да донесет писание то до царицы. Она же взя письмо и вдаде царице, глаголя: «Стоит, государыни, человекъ и молит мя зело, да се письмо донесу тебѣ и дам в руце». Царица же письмо прием и протчте. И усумнися вельми, и смятесе умом, в себѣ глаголя: «Что ми сие прииде? Хто сей человекъ, бѣс ли или какой злый человекъ, волхвъ, что наши и тайные слова вѣдает?» И потом не повѣда ангелу ничто о том, и повелѣ его представити себѣ. Он же пред нею предста. И вопроси его царица: «Хто еси ты и откуда приде, и почему знаешь тайну нашу со царем?» Он же рече: «Али ты меня не знаешь, что я царь Агѣй?» Царица же ничим не позна его нимало. И наполнися ярости и гнѣва, и рече: «О враже проклятый, злый человеце, от диявола

¹ по сторонам (сюда и туда); ² потому что изменил Бог облик его; ³ что со мной случилось;

⁴ едва жива; ⁵ пергамен.

научен еси сему злomu дѣлу!» — И повелѣ ево связати и бити немилостивно. И бияше его, глаголя ему: «К чему, злый человек, так именем великого царя зовешься?» И биша его, и кинуша за град в поле мертва.

Он же мало отдохнув и пришед в себѣ мало, и начат плакати горько, вспоминая бывшая своя вся добрая, глаголя: «Ох ми, увy, горе! Уже всего доброго своего лишихся, и царица мене не позна, и ближние мои мене не познаша! — И рече: — Кудy уже пойду, или что себѣ гдѣ доброе обрящу?»

И потом иде в поле, и увидя нищие на пути, и начаша их молити, глаголя: «Братия моя, пожалуйста, примите меня к себѣ в работу. Они же рекуще ему: «Шол бы ты да работал в деревне у мужика». Царь же имѣ отвеща: «Работать я, господие мои, не умѣю, а милостыни просить один стыжуся». Нищие же взяша его с собою и дав ему суму свою болшую носити за собою. Он же нося за ними суму их и работаша им. И пришед на нослѣг¹, повелѣша ему баню про себя изтопити и воду принести, и постелю под себя слати. Он же *все* им угодное сотвори и потом нача зело плакати, рыдая. И вспомяну грѣх свой, яко согреша пред Богом и похули слово Господне, и вспокаяся о том. И плака много, глаголя: «Ох ми, увy, все я то пострада за слово Божие».

Во утри² же день пойдоша нищие во град, а он с ними же. И прииде ко цареву двору, и нача просити милостыню. Ангел же в то время седа на престоле со царицею. Милосердни же Богѣ, видя его истинное покояние и слезы, и прости грех ему, и превратися зрак лица его по-прежнему. И увидя вельможи царицы царя Агѣя с нищими и смятошеся³, между собою глаголя: «Яко царь сей есть Агѣй!» — Потом возвестиша ангелу о сем, глаголя: «Яко прииде с нищими подобен тебѣ, царю, лицом и зраком, и речию, и возрастом⁴». Ангелъ же посмеявся их речам и повелѣ царя Агѣя представити себѣ⁵. Он же предста. И вопроши ангелъ царицу и бояр: «Кто вам истинно мнится царь истинный?» Они же ничто отвеща ему. Ангелъ же вдаде царю Агѣю скипетръ царства его и наказа его, да к тому не ставит во лжу словес Божиих, и ко всѣм милостив и не гордѣ будет. Потом же наказа царицу и бояр, да будутъ в повиновении все господину своему. Потом же ангелъ невидим бысть.

Царь же Агѣй по наказании бысть ко всѣм милостивѣ и во всѣм благоугоден до конца живота своего. И поживе много лѣто, и скончася с миром.

---

¹ ночлег; ² завтрашний, следующий; ³ заволновались; ⁴ ростом; ⁵ поставить перед собой.

ПОВЕСТЬ ОБ АНДРЕЕ КРИТСКОМ

МЕСЯЦА ИЮНЯ ВЪ 4 ДЕНЬ ЖИТИЕ ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО АНДРЕЯ КРИТЦЪКАГО

Бъ град Крит, и в том градъ бѣ нѣкий купецъ именем Поуливач. Иде из ложьницы¹ своя и слышавъ той купецъ птицъ, зовомы голуби, два глаголюще между собою: «Будеть у господина нашего радость: жена его ему родить сына, и нарекутъ имя ему Андрей. И той отроча убьетъ отца своего, а мать свою себе в жену возметъ. И триста девицъ старицъ растлитъ блудомъ». (И той бѣ монастырь от града того 30 поприщъ).

И слышавъ той купецъ и удивися о глаголании птицъ тѣхъ. И той убо купецъ заповѣда бабе² — повелѣ ево смерти предать. И какъ приспе время рождению его, баба же убояся суда Божия и смерти, смерти отроча не предадѣ, заповѣди господина своего. И матери отроча того сказа. Мати же ево повелѣ во святом крещении ввестъ иерею, и нарекоша имя ему Андрей. И повелѣ мати его прерѣзати чрево ево поперехъ ножом и повелѣ на дщицу и привязати поясом и пустити ево на море. И баба сотвори тако, якоже повелѣ мати ево.

По повелѣнию же Божию восташа волны морския и принесоша ево к монастырю дѣвичью, зовомы Купина, от града того тридесять поприщъ. И поставиша ево под монастырем дѣвичьим, и ста дщица у брега противъ монастыря.

И выде ис того монастыря черница воды почерпнути и узрѣ отроча лежаща на дщице мужескъ полъ, едва дышуща, мало гьласа ево слышать. Та же убо черница узревъ и скоро повѣда игуменья. Игуменья же повелѣ ударить в било, и собращася вси черноризицы, 300 их числом. И идоша досмотрити отрочати и видѣша утробу ево разрѣзану. И рече игуменья ко старицамъ своим: «О дивное чудо, сестры! Откуды сеи отрочате море принесло к нашей обители?» Они же недомысляхуся³, и вси старицы плачущеся и заклинахуся именемъ Божиимъ и Пресвятою Богородицею (бѣаше же монастырь во имя Богородицы Неопалимыя Купины) и глаголюще ко игуменья: «Мы не вѣмы⁴, госпоже, сего дѣтища и не растлихомся⁵». И рече игуменья: «Богу изволившу, тако и будетъ».

¹ из спальни; ² повивальной бабке; ³ недоумевали; ⁴ не знаем; ⁵ мы невинны.

И взя ево игуменья и велѣла зашити утробу ево и вскормиша ево от козля млека и выкормиша ево до девяти лѣтъ и даша ево к некоей старице в научение грамоте. И нача ево посылати с сестрами.

Отрокъ же бысть 15 лѣтъ, и вложи на ум ево ветхи¹ зломысленный ненавистникъ рода християнска дияволъ мысль злую. И нача отрокъ той едину по единой девице и старице осквернати блудом, овогда² силно творяще блуд, овогда любовию втайнѣ. Улучи время, что и со игуменьею блуд сотвори.

Игуменья же видѣ свое беззаконие и собра вся сестры своя 300 числом и нача пред ними каятися грѣха своего, яко золь грѣх сотворила еси со отраком тѣм. И рекоша старицы: «Не ради мы тому грѣху». И поклонися игуменья до земли, и сестры рекли игуменье: «И нас отрокъ той всѣхъ растли овогда волею и неволею». И начаша плакаться.

И рекла игуменья: «Азъ вам повѣдаю, какъ меня отрокъ изнасилилъ блудомъ: прелстилъ мя святыми своими многими причами прежнихъ человекъ падении во грѣхъ, мытарей и гонителей, и блудницъ, и блудниковъ, и всѣхъ правѣдныхъ от вѣка. Рекъ: „Покаянием и слезами, и милостынею спасохомся“. Азъ же слышахъ такое глаголение его, и разслабе тѣло мое, и разгорѣсь сердце мое, и умъ мой поколебася. И тако в поползновении и во грѣхъ велики впадохъ. Простите мя, сестры моя!» И падоша до земли на многъ часъ, лежаше на многъ часъ на земли. А они такоже от нея прощения прошаху и прощение межъ себя приша со слезами. И тако стали имѣть постъ и молитву, и милостыню, а отрока из монастыря выслаша и закрепиша ворота монастырския твердо, чтобъ мужескъ полъ не ходилъ ниhto в монастырь.

Отрокъ же той Андрей поиде во градъ Критъ и не познаше отца своего, ни матери. И наняся у отца своего винограда³ стрещи. И даде ему заповѣдь: «Аще кого узриши идуща въ виноградъ мой во дни или в нощи, устрели ево до смерти». И тако отрокъ стреже у господина съвоего винограда и заповеди ево творяше.

И рече господинъ ево: «Поиду в виноградъ мой: искушу⁴ сторожа своего». И пришедъ полунощию к винограднымъ вратам. И увидѣвъ отрокъ той и взя лукъ свой и устрелилъ отца своего до смерти, чая, яко тать⁵ приде. И увиде отрокъ, что онъ господинъ ево есть, и убоялся, и шедъ скры ево подъ яблонью, и повѣда госпоже своей. И госпожа мало плакавъ погребе ево.

И мало время минувъ, восхотѣ отрокъ той поняти госпожу свою в жену. И браку сочетавшуся веселяся. И возлегши на одръ спати, и хвати жена его за чрево и на чъреве рубецъ. И рече госпожа ево: «Какъ сей у тебе рубецъ?» Онъ же сказа ей по ряду, госпоже, от дѣтища сотворися над ним: и како его повелѣ убити отецъ ево, и какъ мати ево повелѣ утробу прорѣзати ножемъ, и какъ по марю на дщице плавал, к монастырю дѣвичью приплыл, и какъ игуменья и сестры

¹ древний, исконный; ² порою, иногда; ³ сада; ⁴ проверю, испытая; ⁵ вор.

вскормиша козлием млеко, и какъ грамоте научися, и какъ сотвори с ними грѣхъ, и какъ изгнаша ево из монастыря вон, и какъ приде во град Критъ. «И нынѣ понял ты, госпожу свою, в жену».

Она же возопи гласом великим с плачем: «Не жена твоя есть, но мати твоя азъ! Ты любимый мой сынъ Андрей, отца своего устрели в виноградъ моем!» И вскочи Андрей вскорѣ со одра своего и рече: «О горе мнѣ, окаянному, яко чрезъ законъ согрѣшихъ паче¹ всѣхъ человекъ!»

И посла мати ево во град Критъ искат отца своего духовнаго искусна исповѣдати ему вся съвоя согрѣшения по ряду. Иерей же не прости ево за ево многая согрѣшения. Он же Андрей уби того отца своего духовнаго налоемъ церковнымъ до смерти, изыде из церкви тайно единъ.

И приде ко иному отцу духовному, такоже вся исповѣда ему своя согрѣшения, еже согрѣшихъ от юности своя и до днесь², и доиде слово о блудъ и о кровопролитии. Иерей же не прости ево грехъ: «Андрею, не подобаетъ нам таких на духъ принять». И рече Андрей: «Глаголя Христос: „Приде в миръ призвати грѣшныхъ на покаяние“. Ты же, иерей, не хочещи простити мя во грѣсах моих. Рече во Евангелии: „Аще свяжете на земли, будетъ связанъ на небеси, аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшенъ на небесѣхъ“». Иерей же рече: «Не хочу азъ таковаго грѣха носити на себе, яко не имать таковаго прощенья человеку сотворивы грѣхъ». Андрей же и того иерея уби и поясом своим извлече его из церкви вонъ.

Так же приде к третьему иерею, исповѣда ему вся своя согрѣшения. И тотъ иерей не прости ево за его многия грѣхи. Андрей же и третьяго иерея уби замком церковным до смерти.

И рече Андрей себе: «Иду во град Критъ, да тамо есть епискупъ. Той мя приметъ на покаяние, прозорливъ бо есть, да иметь мя простити, и богобоязливъ. Аще не иметь мя простити, пойду в далнюю сътрану ко царю во Арду и въздвигну рать велию и град Крит зажгу, а людей в плѣнь возму, а епискупа убью».

Блажь же и человеколюбець Богъ не хотя смерти грѣшником, ожидая их на покаяние. И прииде Андрей во град Критъ и поклонися епискупу. Епискуп же приятъ ево и повелѣ сыскать мать Аньдрееву. И видѣвъ епискупъ Аньдрея украшена мужеством, яко хочеть сосуд Божии быти избранный, и начя вопрошати наедине. Андрей же исповѣда епискупу своя согрѣшения по ряду, еже сотвори от юности своя и до старости. Епискуп же убояся суда Божия и смерти и посла ево по матеръ свою. И приде Андрей с матерью своею къ епискупу. Епискуп же научивъ ихъ довольно и духовно и отпусти их.

И повелѣ епискупъ погрѣпъ выкопать трехсаженной, а в ширину полсажени на две сътраны. Призва епискупъ *Андрея* с матерью и посла ево по чер-

¹ больше; ² до этого дня.

нили и по бумагу. И какъ Андрей въниде в погребъ, епискупъ же повелъ желѣзною цкою¹ покрыти ево и запечатать во погребѣ. И даде заповѣд 30 лѣтъ: «И како наполнитца тотъ погребъ земли, и станетъ земля наверху погреба, тогда прошенъ будетъ от грѣховъ своих». А матери ево епискупъ нозри прорѣза и замкнулъ замком, а кълочъ того замка повелъ ввергнуть в море. А богатство ихъ повелъ епискупъ раздати злато и сребро нищимъ. И повелъ епискупъ Андреевой матери по миру ходить и Господа Бога Спаса нашего славити и милости просити о своем согрѣшении. И рече епискупъ: «Тогда прощена будешь, какъ того замка кълочъ из моря выдетъ».

Андрей же пребывъ в погребе, моляся Богу о своем согрѣшении и приводя душу свою во многия притчи и каряше себе. И сложи канонъ, иже поетца Великий в постъ пятыя недѣли в четвертокъ. И достиже тридесятого лѣта.

И приишоша к епископу гости² со многихъ стран во град Критъ. И прилучися жена та, еже бѣ у ней замок на нозряхъ. И вопрошиша у нея гости: «Какой у тебя на нозряхъ замокъ сей, коею притчею сотворися тебѣ?» Она же повѣда имъ всемъ. И в то время повелъ епискупъ на трапезу купить рыбы на торгу. И купиша рыбу, и спороша чрево ей, и выпаде из рыбы той кълочъ. И показаша кълочъ той епископу. Епископ же повелъ призвати Анѣдрѣву мать и повелъ приложити к замку тому. И отпряну замок от носу ея. И повелъ епискупъ Анѣдрѣву мать пострищи в иноческій чинъ.

И прииде епискупъ ко Андрею со всемъ соборомъ к погребу. Анѣрѣй же сѣдѣше наверху погреба, дописываетъ девятыю пѣснь канона великаго. И когда епискупъ Критскій восхвали Бога и Господа нашего Иисуса Христа, яко сподобися Андрей прияти прощение грѣховъ своих. И постриже епискупъ Андрея во иноческій чинъ.

И принесе епискупъ канонъ той, что сложил Андрей, в церковь и прочте ево всѣмъ людемъ вслухъ, на коеждом³ тропари метания⁴ и поклоновъ положить людемъ всѣмъ повелъ. И тако епискупъ похвали Бога вельми Господа нашего Иисуса Христа.

И призва епископъ Андрея к себе и рече: «Чадое мое, прости мя в семь вѣце и в будущемъ. *Иди* и пребуди, чадое мое и брате, в монастыре моемъ три дни, а в четвертый день прииди и погребѣ тѣло мое грѣшное». И разболелся епискупъ в третій день и отиде ко Господу. Андрей же погребѣ епискупа в церкви Спасовѣ.

Изволи Богу быть во градъ Крите Андрею во епискупахъ 30 лѣтъ. Богоугодно поживе и праведно, постомъ и молитвами и милостынею и слезами, и Бога умолив, и многия церкви воздвиже, и многия люди привлече ко спасению, и бысть ко всѣмъ людемъ милостивъ. И преставися в вѣчную жизнь о Христвѣ Иисусе Господе нашемъ. Ему же слава ныне и присно и по вѣки вѣковъ. Аминь.

¹ плитою; ² купцы; ³ каждом; ⁴ земные поклоны.

ПОВЕСТЬ О БОВЕ КОРОЛЕВИЧЕ

СКАЗАНИЯ ПРО ХРАБРАГО ВИТЕЗЯ, ПРО БОВУ КАРАЛЕВИЧА

Нъ в коемъ было царствѣ, в великомъ государствѣ, в славномъ граде во Антонѣ жил былъ славный король Видонъ. И провѣдал в славном граде Идементиянѣ у славнаго короля Кирбита Верзауловича дочь, прекраснаю королевну Милитрису. И призва к себѣ любимаго слугу именем Личарду и почел говорить: «Ой еси, слуга Личарда! Служи ты мнѣ вѣрою и правдою, поди ты во град Дементиянѣ к доброму и славному королю Кирбиту Верзоуловичю посольствовать, а от меня свататца». И слуга Личарда государя своего не послушался, грамоту принялъ и челом ударил и поѣхал во град Дементиянѣ к доброму и славному королю Кирбиту Верзауловичю.

И какъ будетъ слуга Личарда во граде Дементияне у славнаго и добраго короля Кирбита Верзауловича, и вшед в королевские хоромы, и грамоту положил перед короля на стол. И король Кирбитъ Верзоулович грамоту распечатывал и прочиталъ. И пошелъ в задние хоромы к прекрасной королевне Милитрисе и почелъ говорить любезные словеса: «Дочи моя прекрасная королевна Милитриса! Приѣхал в нашъ град Дементиянѣ от славнаго и добраго короля Видона посольствовать, а на тебѣ сватаца. И язъ¹ не могу против таковаго славнаго короля стоять, потому что у него войска соберетца многа, нашъ град огнем пожегъ и головнею покатит, а тебя с нелюбви возьметъ».

И прекрасная королевна Милитриса пад на колѣни пред оцемъ своимъ и почела говорить: «Государь мой батюшка, славный король Кирбитъ Верзаулович! Когда яз была млада, а тот король Додонъ сватался у тебя на мнѣ. И ты, государь, меня не давал за младостию. А ныне, государь мой батюшка, не давай меня за короля Видона, дай меня за короля Дадона. Тотъ король Дадонъ будет нашему граду здержатель и ото всѣхъ странъ оберегатель».

И славный король Кирбитъ Верзаулович от токоваго славнаго короля Видона отстоятца не могъ и отдалъ дочь свою, прекрасную королевну Милитрису, за славнаго короля Видона. И такъ тотъ король Видонъ понялъ² за себя пре-

---

¹ я; ² взял в жены.

красную королевну Милитрису и жил с нею три годы и прижил младаго детищу, а храбраго витезя Бову каралевича. И прекрасная каралевна Милитриса призва к себѣ любимаго слугу именем Личарду и написала грамоту государю доброму и славному королю Додону, пожаловать бы:* «Добры и славный король Дадонъ! Приѣхалъ бы под нашъ град под Антонъ и моего бы короля Видона извелъ, а меня б взял себѣ за жены мѣста»¹. «И будет ты, слуга Личарда, государыни своей послушаешься и пойдешь х королю Дадону и от меня грамоты не отвезешь, и язъ тебя оболгу государю своему королю Видону небылыми² словесы, и онъ тебя скоро велить злою смертию казнить». И слуга Личарда государыни своя не слушался, грамоту принялъ и челом ударилъ и поѣхалъ х королю Дадону.

И какъ будетъ слуга Личарда у короля Додона и вшед в королевские полаты и положилъ грамоту на стол пред короля Дадона. И король Додон грамоту принелъ и распечатывал, и прочиталъ, и покивалъ главою, и росмеялся, и почел говорить: «О слуга Личарда! Что государыни ваша меня смущает? А уже она с королем Видоном и дѣтище прижила, храбраго витезя Бову королевича». И слуга Личарда почел говорить: «Государь добрый король Дадонъ! Вели меня посадить в темницу накрѣпко и поить и кормить довольно. А ты, государь, поезжай под нашъ град Антон, и будетъ словеса моя не збудутца, и ты меня вели злою смертию казнить». И королю то слово полюбилось, и почелъ король Дадонъ говорить: «О слуга Личарда, словеса твоя паче меда устомъ моимъ, а будет словеса твои збудутца, и язъ тебя пожалую».

И король Додон радощень бысть и повелѣ в рог трубити. И собра войска 37 000 и поѣхал под градъ под Антонъ и, пришедъ, стал в королевском лугу и велѣлъ шатры роставить. И узрила из задних хоромъ своих прекрасная королевна Милитриса и, оболакаа³ на себя драгоценныя платья, и пошла в королевские полаты, и почела говорить: «Государь мой добрый король Видонъ, понесла язъ второе чрево, не вѣмъ⁴ сынъ, не вѣмъ дщерь. И захотѣлась мнѣ зверина мяса, и накорми меня дикаго вепря свѣжимъ мясомъ, от твоя руки убиеннаго». И король Видон радощень бысть, что не слыхал таковых речей и в три годы от своя прекрасныя королевны Милитрисы. И король повелѣ оседлати осля и сяде на осля и взял в руки копие и поѣхалъ в чистоя поля за дикимъ вепрямъ.

И прекрасная королевна Милитриса поднять и градные врата отворит и стрете⁵ короля Дадона с великою радостию во вратѣхъ градных. И возьмет его за бѣлыя руки, и любезно во уста целова, и поведе его в королевские полаты. И почели пити и ясти, и веселитися. И в тѣ поры храбрый витезь Бова королевичъ, еще дѣтище млада и несмышленно, и вшед на конюшню, и ухоронися под ясли. И был у Бовы дятка⁶ Симбалда, и вшед на конюшню, и нашел Бову под ясли, и самъ прослезися, и почел говорить: «Государь мой храбрый витезь Бова короле-

¹ вместо жены, в жены; ² облыжными, лживыми; ³ надевая; ⁴ не знаю; ⁵ встретила;

⁶ дядька, пестун.

вичь! Мати твоя злодей, прекрасная королева Милитриса. С королемъ Дадономъ извела она, зладѣй, государя моего, а батюшка твоего, добраго и славнаго короля Видона. А ты еще дѣтище младо, не можешь отмстити смерти отца своего. Побежимъ мы, государь, во град Суминъ, которымъ градомъ пожаловаль государь мой, а батюшка твой славный король Видон: а тот град вельми крѣпокъ». И рече Бова дятке Симъбалъде: «Государь мой дядка Симъбалда! Яз еще дѣтище младо и несмысленно, и не могу яз на добромъ конѣ сидѣть и во всю конскую пору скакать». И дятка Симъбалда оседлалъ себѣ добраго коня, а под Бову иноходца, и призва к себѣ тридцать юношей, и побежа во град в Суминъ.

И были во граде изменники, и сказали королю Додону и прекрасной королевне Милитрисе, что дятка Симбалда побѣжал во град Суминъ и увесъ с собою Бову королевича. И король Додон повелѣ в рогъ трубить и собра войска 40 000, и погнася за дяткою Симбалдою и за Бовою королевичемъ. И посла загоншиков за дяткою Симбалдою и за Бовою. И загоншики сугнали дятку Симбалду и Бову королевича. И оглянулься дятка, и увиде загоншиков, и почель во всю конскую пору скакать, и убѣже во град Суминъ, и затворися накрѣпко. А Бова королевичъ не могъ ускакать, и свалился Бова с коня на землю. И загоншики Бову взяли, и привезли х королю Дадону. И король Дадон посла Бову к матери его, к прекрасной королевне Милитрисе.

И пришед король Дадонъ под град Суминъ, сталъ в лугу и роставил королевские шатры. И спа тутъ и виде сонъ велми страшень, кабы ездить Бова королевичъ на добромъ конѣ, в руке держитъ копие и прободает королю Дадону утробу и сердце. И король Додонъ воста от сна своего, и призва к себѣ брата своего именемъ Обросима. И почел сонъ свой сказывать и посылать брата своего Обросима во град Антон к прекрасной коралеве Милитрисе лѣпо поздравити¹ и сонъ сказати, и просить Бовы королевича, чтоб его за тотъ сонъ предать злой смерти.

И Обросим поѣхалъ во град Антонъ к прекрасной коралеве Милитрисе лѣпо поздравити и сонъ сказати, и просить Бовы королевича, чтоб ево за тот сонъ предать смерти. И прекрасная королева Милитриса почела говорить: «Могу яз и сама Бовѣ смерть предати. Посажу ево в темницу и не дам ему ни пити, ни ясти, та ж ему смерть будет».

И король Дадонъ стоялъ под градомъ Суминымъ 6 мѣсецовъ и не могъ взять града Сумина, и пошелъ во град во Антон. И дятка Симбалда повелѣ в рогъ трубить, и собра войска 15 000, и пошелъ под градъ под Антонъ, и нача в городовую стѣну бити безоступно, и кричать и прошать из города государя своего Бовы королевича: «А не здадите мнѣ государя моего Бовы королевича, и язъ живъ не могу от града отитить». И прекрасная королева Милитриса почела говорить королю Дадону: «Государь мой король Дадонъ, что злодей нашъ не дастъ намъ упо-

¹ любезно приветствовать.

кою ни в день, ни в ночь». И король Дадонъ повелъ в рогъ трубити и собра войска 30 000 и погнася за дяткою Симбалдою. И дятка Симбалда не может стоять против короля Додона и убъжал во град Суминъ, и затворися накрѣпко.

И прекрасная королева Милитриса велѣла Бову посадить в темницу и цюю¹ желѣзною задернуть и пескомъ засыпать и не довать Бавѣ пити и ясти пять дней и пять ночей. И Бовѣ из младости ясти добръ хочетца. И прекрасная королева Милитриса оболкла на себя драгоценное платье и пошла по королевскому двору. И Бова увидѣлъ ис темницы и закричалъ Бова зычно гласомъ: «Государыня моя матушка, прекрасная королева Милитриса! Что ты, государыня моя, воскручинилася на меня, не пришлешь ко мнѣ ни пити, ни ясти? Уже мнѣ приближаетца голодная смерть!» И прекрасная королева Милитриса почела говорить: «Чадо мое милое, Бова королевичъ! Воистинну яз тебя забыла с кручины. Тужу по отце твоём, а по государе своём по добромъ коралѣ Видонѣ. Ужжо я тебѣ пришло много пити и ясти, и ты напитай свою душу».

И прекрасная королева Милитриса, вшед в королевские полаты, и почела месить два хлѣбца своими руками на змеинномъ салѣ во пшенишномъ тѣсте. Испекла два хлѣбца и посла з дѣвкою к Бовѣ в темницу. И дѣвка, пришед к темнице, и велѣла песку отгрести и цки открыти. И вшед дѣвка к Бовѣ в темницу, да за тою жѣ дѣвкою пришли два выжлеца² и сѣли у темницы под окошкомъ. И дѣвка дала Бовѣ два хлѣбца, и Бова хочеть хлѣбцы ясти, и девка прослезися, и почела говорить: «Государь храбрый витезь Бова королевичъ! Не моги ты, государь, тѣ хлѣбцы скоро съѣсти, а скоряе того умрешъ. Мати твоя, а государыня моя прекрасная королева Милитриса, месила она тѣ хлѣбцы своими руками во пшенишномъ тѣсте на змеинномъ салѣ». И Бова, вземъ хлѣбецъ, да бросилъ выжлецу, а другой другому. И сколь скоро выжлецы хлѣбцы съѣли, и скоряя тово ихъ розрвало по макову зерну. И Бова прослезися: «Милостивый Спасъ и Пречистая Богородица! За что меня государыня мати моя хотѣла злой смерти предать?» И дѣвка дала Бовѣ своего хлѣбца ясти, и Бова наѣлся и напился.

И дѣвка, пошед ис темницы, не затворила и цки желѣзные не задернула. И Бова вышелъ ис темницы, и побѣжалъ из града чрез городовую стѣну. И скочилъ Бова з городовые стѣны, и отшиб Бова себѣ ноги, и лежалъ за градомъ три дни и три ночи. И воста Бова, и пошел куды очи несутъ. И пришлолъ Бова на край море, и увидѣлъ Бова корабль на море. И закричалъ Бова громко гласом, и от Бовина гласу на море волны востали, и корабль потресеса. И гости-корабелшики дивяшеса, что дѣтише младо кричит громким гласомъ. И гости-корабелшики послали ярышков^{3*} в подѣстке⁴ и велѣли спросить: «Крестыанского ли ты роду или татарскаго?» «И буде хрестыанскова, и вы ево возмите на карабль». И ерыжные приѣхали к брегу и почели спрашивать: «Хрестыанскова ли ты роду или та-

¹ доской; ² гончие собаки; ³ посыльных; ⁴ в корабельной лодке.

тарскова? Имя твое какъ?» И рече Бова: «Яз роду не татарскова, яз роду христианскова, понамаревъ сынъ, а матушка моя была убогая жена, на добрых жен платья мыла, тѣмъ свою голову кормила».

И ярыжные взяли Бову в подѣздокъ и повезли на корабль. И гости-корабелницы почели спрашивать: «Имя твое какъ?» И рече Бова: «Имя ми Бова». «Христианскова ли ты роду или татарскова?» И рече Бова: «Яз роду христианскова, понамаревъ сынъ, а мать моя была убогая жена, на добрыхъ женъ платья мыла, тѣмъ свою голову кормила». И почел Бова по кораблю похаживать.

И гости-корабелницы промеж собою диващесе, не могут на Бовину красоту насмотритися, что не видали такова отрока: велми лѣпообразень¹. И легъ Бова спать, и гости-корабелницы промеж собою хотят смертныя чаши пити о Бовѣ.* И Бова воста от сна своего, и почел говорить: «Гости-корабелницы, не бранитесь и не деритесь обо мнѣ. Яз вам служу по росчету: которой меня увидел преж на брегу, и яз тому служу да обѣда, а которой увидел после, и яз тому служу послѣ обѣда до вечера». И гостямъ то слово полюбилося, вымали якори и подымали парусы, и бѣжали по морю год и три месяца, и прибѣжали под Арменское царство, а во Арменскомъ царстве король Зензевей Адаровичъ. И метали гости-корабелницы *сход* на берег, и Бова почелъ по кораблю ходить.

И король Зензевей Адаровичъ посла юношей и подячихъ и велѣлъ спросить, коево царства корабль прибежалъ, и коего града гости, и с какими тавары. И юноши и подячие, пришед на корабль, и увиде Бову на коробли, и не могли на Бовину красоту насмотритца и забыли во умѣ своемъ спросать, коево царства корабль прибежал, и которого горада гости, и с какими тавары. И король Зензевей Адаровичъ спрашивает юношей и подячих, коево царства корабль, и коего града гости, и с какими тавары. Они жъ ему ничего не сказаща, только сказали, что видели на корабли юнова.

И король Зензевей скоро повелѣ осля подвести и поѣхал х короблю и увиде: на корабль ходит отроча велми лѣпообразень. И забы во умѣ своемъ и спросать, коево царства корабль и с какими тавары. И король Зензевей Одаровичъ почелъ у гостей торговать отрока: «И гости-корабелницы, продайте мнѣ отрока, возмите у меня 300 литръ злато».* И гости-корабелницы говорили: «Государь король Зензевей Одаровичъ! Нелзе намъ того отрока продать, что у нас тот рабичъ общей, а взять на край море на брегу». И король Зензевей Адаровичъ говорил гостямъ: «А коли у васъ тотъ рабичъ общей, и вы его продайте, а возмите у меня 300 литръ злато, да торгуйте в моем царстве безданно и беспошлинно. А будет не продадите мнѣ общего рабича, и вамъ из моего царства живым не выѣхать и впредь мима моего царства кораблем не хаживать». И гости-корабелницы Бову продали, а взяли за него 300 литръ злата.

¹ красив.

И король Зензевей Адаровичь посади Бову на осля и поѣхалъ во Арменское царство и почель у Бовы спрашивать: «Бова, какова ты роду, царского или королевского?» И Бова рече: «Государь мой король Зензевей Адаровичь! Яз роду не царскаго и не королевскаго, язъ роду християнскаго, понамаревъ сынъ. А мати моя, убогая жена, на добрыхъ женъ платъя мыла, тѣмъ свою голову кормила». И король Зензевей Адаровичь почел говорить: «А коли ты, Бова, такова худова роду, и ты у меня служи на конюшни и буди нат конюхами большой». И Бова, государю своему ударя челом, и пошел на конюшню; а отроду Бовѣ семь лѣтъ.* И Бова почель на конюшне служить.

И у того короля Зензевея Адаровича была дочь, прекрасная королевна Дружневна. И узрила из своих хоромъ Бову на конюшне велми лѣпообразно, и от Бавины красоты во всю конюшню осветило. И прекрасная королевна Дружневна надѣла на себя драгоценное платъе и пошла в коралевские палаты ко отцу своему и, пришед, почела говорить: «Государь мой батюшка, король Зензевей Адаровичь! Много, государь, у меня нянекъ, и мамокъ, и красныхъ девиць, а нѣтъ у меня ни единого слуги. Завтра, государь, у меня пир на нянекъ и на мамокъ, а нѣкому у меня постряпотъ, ествъ роздать и у поставца¹ постоять. Пожалуй, государь батюшка, тѣмъ меня холопомъ, котораго купил у гостей, а даль 300 литръ злата». И у короля Зензевея Адаровича дочь была в любви. «Дочь моя, прекрасная королевна Дружневна, буди на твоей воли». И велѣлъ позвать Бову. И Бова пришел в королевскую полату, государю своему челом ударил. И король Зензевей Адаровичь почел говорить: «Бова! Завтра у Дружневны постряпой и ествы роздай и у поставца постой. А еще, Бова, послушай моево наказу и по вся дни буди у Дружневны». И Бова, челомъ ударя, и пошел на конюшню. И Дружневна, челомъ ударя отцу своему, и пошла в задние хоромы.

И какъ ночь проходить, а день настаетъ, а Дружневна ествою спешить. А как ества поспѣваетъ, и прекрасная королевна Дружневна послала дѣвку на конюшню. И дѣвка пришед на конюшню: «Поди, Бова, королевна тебя зовет». И Бова одѣлся и пришелъ в задние хоромы, и прекрасная королевна Дружневна против Бовы не усидѣла и встала. И Бова почел говорить: «Государыня прекрасная королевна! Негораздо² дѣлаешь, против меня, холопа, встаешь». И королевна на Бову досады никакие не держить.

И какъ пошелъ пир и пировая ества, поспѣлъ лебедь, и Бова лебедь принесъ. И прекрасная королевна лебедь рушела и уронила нож под столъ. И сама говорит: «Бова, подай мнѣ нож!» И Бова кинулся под столъ. И прекрасная королевна, подкиня главу под столъ, и не хватала за нож, хватала Бовину главу и целовала его во уста, и во очи, и во уши. И Бова вырвался и опять сталъ у поставца и почель государыню свою бесчестить: «Государыня прекрасна королевна

¹ здесь: у стола, на который прямо с кухни подавалось кушанье; ² некрасиво.

Дружневна! Непригожа тебѣ меня, холопа своего, целовать во уста, и во уши, и во очи!» И как пированье отошло, и Бова почель говорить: «Прекрасная королевна Дружневна! Отпусти меня на конюшню к товарищемъ». И Бова пошел на конюшню, и прекрасная королевна на Бовинъ слѣдъ не могла насмотрѣтца.*

И Бова, пришед на конюшню, и легъ спать, и спалъ 5 дней и 5 ночей. Конюхи разбудить не могли и поѣхали по траву, и Бовинъ урок накосили, и в розвези¹ связали. И Бова востал, да по траву поѣхаль и стретилъ конюховъ, урок свой взял да выбралъ розныхъ цветов и сплелъ травеной венець, и положилъ себѣ на главу. И приѣхаль на конюшню. И прекрасная королевна усмотрила у Бовы на главѣ травеной венець в розныхъ цвѣтахъ и послала дѣвку на конюшню. И дѣвка, пришед: «Поди, Бова, Дружневна тебя зовет».

И Бова пришед в задние хоромы. И прекрасная королевна не усидѣла, и встала против Бовы, и почела говорить: «Бова, сыми с своей главы венець своими руками да полож венець на мою главу». И Бова почель говорить: «Государыни прекрасная королевна Дружневна! Непригоже холопу с своей главы своими руками да класть на твою главу». И Дружневна почела говорить: «А буде ты, Бова, не сымешъ венца с своей главы своими руками да не положишь на мою главу, и яз тебя оболгу батюшку небылыми словесы. И батюшка тебя велить скоро злою смертию казнить». И Бова схватил венець да ударил о кирпичную середу. И королевна венець подняла, и к сердцу прижала, и учела любить паче златаго и жемчужнаго. И пошелъ Бова ис полаты, ударил дверми, и выпаль кирпич и-стены и прошибло Бовѣ голову. И прекрасная королевна лечила своими угодыями². И Бова пришелъ на конюшню, и легъ спать, и спалъ 9 дней и 9 ночей.

И приѣхаль из Задонскаго царства король Маркобрунъ, а с нимъ войска 40 000. И ставился в лугу шатры роставливать и писалъ грамоту от короля Маркобруна королю Зензевею Адаровичю: «Дай свою дочь за меня с любви, а не дашъ с любви, — и яз твое царство огнемъ пожгу и головнею покачу, а дочь твою с нелюбви возму». И король Зензевей Адарович от такового короля отстоятца не могъ, и встречаль его в городскихъ воротех, и примал ево за бѣлые руки, и целоваль в сахарные уста, и называль ево любимымъ зятемъ. И пошли в королевские полаты, и почели пити и ясти на радостях.

И Маркоброновы дворяня почели за городомъ тѣшитца на добрыхъ конехъ. И Бова воста, и услыша конское ржание, и пошел в задние хоромы, и почель говорить: «Государыня прекрасная королевна Дружневна! Что за нашимъ царствомъ за шум и конское ржание?» И прекрасная королевна почела говорить: «Бова, долго спишь, ничего не въдаешъ! Приѣхал из Задонскаго царства король Маркобрунъ, а с нимъ войска 40 000, и наше царство осадил. А батюшка мой не могъ отстоятца от такова короля и встречал его в городскихъ воротех, и

¹ волокуши; ² уходом, угождением.

называл ево любимым зятемъ, а мнѣ муж он». И Бова почель говорить: «Государыни прекрасная королевна Дружневна! Не на чем мнѣ выехать с Маркобруновыми дворяны потѣшитца. Дабудь ты мнѣ добраго коня и меча-кладенца, и палицы желѣзной, и доспѣха крѣпкаго, и щита». И прекрасная королевна почела говорить: «Еще ты дѣтище младо, только отроду семь лѣтъ, и добрымъ конемъ владеть не умѣешь, и во всю конскую пору скакать и палицею желѣзною махать».

И Бова пошел на конюшню да оседлалъ иноходца и поѣхал за город к Маркобруновымъ дворяномъ тѣшитца. И не лучилась у него ни меча-кладенца, ни копия, лишь взялъ метлу да выехалъ за город. И Маркобруновы дворяня розсмеялися, и розсмотрили Бову, и сами почели говорить: «Что за блединъ сынъ одинъ выехал тѣшитца? Что ему за честь?» И почели на Бову напускатца человек по пети и по шти¹. И Бова почель скакать, а метлою махать, и прибилъ Бова 15 000.

И прекрасная королевна увидела, что Бова одинъ скачетъ, и ей стало жаль: убьют его. И надѣла на себя драгоценное платье, и пошла ко отцу своему, и почела говорить: «Государь мой батюшка король Зензевей Адаровичъ! Вели Бову унять, что ему за честь с Маркобруновыми дворяны тѣшитца?» И король Зензевей Адаровичъ послалъ по Бову юношей, и юноши, пришед, говорили: «Бова! Государь король на тебя кручинитца. Что тебѣ за честь с Маркобруновыми дворяны тѣшитца?» И Бова приѣхал на конюшню да легъ спать и спалъ 9 дней и 9 ночей.

И в то время под Арменское царство приѣхалъ из Рахленскаго царства царь Салтанъ Салтановичъ и сынъ его Лукопер, славный богатырь. Глава у него аки пивной котел, а промеж очми добра мужа пядь, а промеж ушми калена стрела ляжетъ, а промеж плечми мѣрная сажень.* И нѣтъ такова силнаго и славнаго богатыря во всей подселенней. И Арменское царство осадилъ, и писал грамоту королю Зензевею Адаровичю от славнаго богатыря Лукопера, чтоб король Зензевей Адаровичъ «дал бы за меня дочь свою прекрасную королевну Дружневну с любьви. А буде не дасть, и яз его царство огнемъ пожгу и головнею покачу, а дочь твою с нелюбьви возьму».

И король Зензевей Адаровичъ почель говорить королю Маркобруну: «Любимой зять мой, король Маркобрунъ! У тебя войска 40 000, а у меня соберетца 40 000 же. И сами два короля, а войска у нас по 40 000, да выедемъ против силнаго богатыря Лукопера». И король Зензевей Адаровичъ повелѣ в рогъ трубить, и собрал войска 40 000, а Маркобрунова войска 40 000 же. И два короля з двумя войскома выехали против силнаго богатыря Лукопера. И Лукопер заправил копие на двухъ королей глухимъ концемъ и двухъ королей сшипъ, что сноповъ, и два войска побилъ. А двухъ королей, короля Зензевея Адаровича да ко-

¹ шести.

роля Маркобруна, связал да на морское пристанище отослалъ ко отцу своему царю Салтану Салтановичю.

И Бова воста от сна своего, ажно за городом шум великъ и конское ржанье. И пошолъ Бова в задние хоромы к прекрасной королевне Дружневне. И вшед в полату, и почелъ Бова спрашивать: «Государыня королевна Дружневна! Что за городомъ шумъ великъ и конское ржанье?» И прекрасная королевна Дружневна почела говорить: «Государь Бова! Долго спишь, ничего не вѣдаешь, что приѣхалъ из Рахленскаго царства царь Салтанъ Салтановичъ и сынъ его Лукопер, славный богатырь. Нѣтъ такова богатыря во всей подселенной: глава у него аки пивной котель, а промеж очми добра мужа пядь, а промеж ушми калена стрела ляжетъ, а промеж плечми мѣрная сажень. И нѣтъ ему супротивника по всей подсолнычной. И наше царство осадил и писал государю моему батюшку королю Зензевею Адаровичю с великим угрожением, а на мнѣ сватался. И батюшка мой собралъ войска 40 000, а Маркобрунова войска 40 000 же. И два короля з двумя войскома выехали противъ силнаго богатыря Лукопера. И Лукопер заправилъ на двухъ королей копие хлухимъ концомъ и сшипъ двухъ королей с коней, что сноповъ, и два войска побилъ и двухъ королей связалъ и на морское пристанище отослал ко отцу своему царю Салтану Салтановичю».

И рече Бова: «Государыня прекрасная королевна Дружневна! Не на чемъ мнѣ выехать противъ силнаго богатыря Лукопера. Нѣтъ у меня ни добраго коня богатырскаго, ни доспѣха крѣпкаго, ни меча-кладенца, ни копья востраго, ни збруи богатырской». И рече прекрасная королевна Дружневна: «Государь Бова! Ты еще дѣтище младо и не можешь на добромъ конѣ сидѣть и во всю конскую пору скакать. И уже мнѣ отцу своему не пособить! А ты, государь Бова, возми меня себѣ за жены мѣста, а буди нашему царству здержатель и ото всѣхъ странъ оберегатель». И рече Бова: «Который государь купить холопа добраго, а холопъ хочетъ выслужитца. Да не на чемъ мнѣ выѣхать противъ силнаго богатыря Лукопера: нѣтъ у меня ни добраго коня багатырскаго, ни збруи ратные». И рече прекрасная королевна Дружневна: «Есть у государя моего батюшка добрый конь богатырский: стоит на 12 цепяхъ, по колени в землю вкопанъ, и за 12 дверми. И есть у батюшка моего в казнѣ 30 доспѣхов старых богатырей и мечь-кладенецъ».

И Бова бысть радощенъ и пошолъ на конюшню, и добрый конь богатырский зъ 12 цепей збился и уже пробиваетъ послѣдние двери. И Дружневна побѣжала за Бовою на конюшню и почела говорить: «Есть ли во Арменскомъ царстве юноши храбрые витязи? Подите за мною на конюшню!» И доброй конь богатырский охипил Бову передними ногами, и почел во уста цаловать, аки челоуекъ, и Бова почелъ добраго коня богатырскаго по шерсти гладить, и скоро утѣшилъ добраго коня богатырскаго. И Дружневна послала в казну по доспѣхъ богатырский и по мечь-кладенецъ: 12 человекъ на насилкахъ несли. И Бова бысть радощен, и хочеть садитись на добраго коня богатырскаго и ѣхать на дѣло

ратное и смертное. И прекрасная королева Дружневна почела говорить: «Государь мой Бова! Едешъ ты на дѣло ратное и смертное, либо будешъ живъ, либо нѣтъ, а Богу ты не помолился и со мною не простился». И Бовѣ то слово полюбилося, и пошелъ к Дружневне в полату и помолился Богу, и взял себѣ Спаса на помощь и Пречистую Богородицу. И з Дружневною простился, и пошел на дѣло ратное и смертное.

И Дружневна Бову проважала. И отпускает на дѣло ратное и смертное, и подпоясывала около Бовы мечь-кладенецъ своими руками. И Бова садился на добраго коня богатырскаго, а в стремя ногою не вступаючи. И прекрасная королева Дружневна ухватила Бовину ногу, и ставила в стремя своими руками, и примала Бову за буйную главу, и целовала его во уста, и во очи, и во уши. И рече прекрасная королева Дружневна: «Государь мой Бава! Едешъ ты на дѣло ратное и смертное, либо будешъ жив, либо нѣтъ. И яз тому вѣры не иму, что ты понамарева роду. Повѣдай мнѣ истинную правду свою, царскаго ли ты роду или королевскаго?» И рече Бова прекрасной королевне: «Ѣду яз на дѣло ратное и смертное, либо буду жив, либо нѣтъ. Скажу яз тебѣ истинную правду. Не понамарева яз роду, яз роду королевскаго, славнаго короля сынъ Видона, а матушка моя, прекрасная королева Милитриса, добраго и славнаго короля Кирбита Везауловича дочь». И Бова достала¹ Дружневне песку к сердцу присыпаль.

И былъ у того короля Зензеева Адаровича дворецкой. И почал говорить, а государыню свою бесчестить: «Государыня прекрасная королева Дружневна! Не доведетца тебѣ около холопа своего своими руками мечь-кладенецъ опоясывать, и не доведетца тебѣ холопыи ноги в стремя ставить своими руками, и не доведетца тебѣ за холопью главу принимать и целовать холопа своего во уста, и во очи, и во уши, и провожать, и отпускать на дѣло ратное и смертное». И Бова ударил дворецкого копием, глухимъ концом, и дворецкой падъ на землю мертвъ, и лежал три часа, одва востал.

И Бова поѣхал на дѣло ратное и смертное. И скочил Бова впрямъ через городовую стѣну, и увидель славный богатырь Лукопер, что выскочил из Орменскова царства храбрый витезь через городовую стѣну, и стали на поле съѣзжатца два силные богатыря. И Лукопер на Бову заправил копие вострымъ концом, и Бова на Лукопера вострымъ же концом. И ударились два силные богатыря промеж собою вострыми копьями, что сильный громъ грянулъ, прет тучаю. И Лукопер на Бовѣ не мог доспѣха пробить, а Бова на Лукопере доспѣх пробилъ на обе стороны, и Лукопер свалился с коня мертвъ.

И Бова почель Лукоперова войска бить, и бился Бова 5 дней и 5 ночей бес почиву², не столько билъ, колько конемъ топталъ. И побил войска 100 000, и невелике люди ушли на морское пристанище ко царю Салтану Салтановичю. И почели говорить: «Государь царь Салтан Салтановичь! Выѣхал из Орменского

¹ вдосталь, сверх меры; ² без отдыха, без передышки.

царства храбрый витезь и скочилъ впрямъ через городовую стѣну, и сына твоего Лукопера убиль, и 100 000 войска побиль. Ужо будетъ на морское пристанище». И царь Салтанъ Салтановичъ не поспѣлъ царскихъ шатровъ посымать, и скочил на корабль с невеликими людьми, и побѣжалъ во Рахленское царство.

И Бова приѣхал на морское пристанище, и скочилъ в шатеръ, ажно два короля связаны под лавкою лежать, король Зензевей Адаровичъ да король Маркобрунъ. И Бова двухъ королевей розвезалъ и на коней посадилъ. И поѣхали во Арменское царство, и ѣхали во Арменское царство 3 дни и 3 нощи в трупъ человеческого, одва добрый конь скачетъ в крови по колѣни.

И рече Бова государю своему Зензевею Адаровичю да королю Маркобруну: «Которы государь добраго холопа купить, а тот холопъ государю своему выслужитца». И король Маркобрунъ почел говорить королю Зензевею Адаровичю: «Слыхалъ яз у старыхъ людей: который государь добраго холопа купить, а холопъ государю своему выслужитца, и того холопа наделяють¹ да отпускають». И король Зензевей Адаровичъ почел говорить: «Яз де слыхалъ у старыхъ же людей, что такова холопа годно наделять да к себѣ призывать». И приѣхали два короля во Арменское царство, и пошли в королевские полаты, и почели пити и ясти и веселитися. И Бова пошел на конюшню, и легъ спать, и спалъ 9 дней и 9 нощей.

И в тоя поры два короля, король Зензевей Адаровичъ да король Маркобрунъ, выѣхали съ ястрепцы на заводи тѣшитца. И в тоя поры дворецкой призвал к себѣ 30 юношей храбрыхъ витезей и почель говорить: «Подите, юноши, и убейте Бову на конюшне соннаго, а яз вамъ дамъ много злата и сребра». И всякому корысти хочетца. И кинулись 30 юношей к Бовѣ на конюшню, а Бова крѣпко спить. И в тех 30 юносахъ былъ единъ разумной. И почель говорить: «А токо мы не можемъ Бовы соннаго убить. А Бова пробудитца, что намъ будет? Бова — храбрый витезь, убиль Бова силнаго и славнаго богатыря Лукопера и 100 000 войска побиль. Пойдемъ мы к дворецкому! А дворецкой таков же, что и нашъ государь король Зензевей Адаровичъ, и напишет дворецкой грамоту королевским именем, и пошлет Бову во Рахленское царство, а Бова от сна своего не узнаетъ». И дворецкому то слово полюбилось. И пошолъ дворецкой в королевскую полату, и грамоту написал от короля Зензевея царю Салтану Салтановичю, чтоб царь Салтанъ Салтановичъ «на меня не кручинился, не яз убиль Лукопера, сына твоего, и 100 000 войска побиль. Имя ему Бова, а яз его послалъ к тебѣ головою на смерть». И дворецкой грамоту написалъ, и запечатал, а самъ легъ на каролевскую кровать и одевался королевскимъ одеялом, и послал по Бову на конюшню. И Бова пришел в королевскую полату, и не узналъ Бова дворецкого. И почель говорить королевскимъ именемъ: «Бова, служи ты мнѣ вѣроу и правдою. Поди ты во Рахленское царство, отнеси от меня челобитье царю Сал-

¹ награждают.

тану Салтановичю». И Бова грамоту принел, и челом ударилъ, и пошел на конюшню. И не оседлалъ добра коня богатырскаго, оседлалъ Бова иноходца и поѣхалъ во Рахленское царство.

И едетъ Бова 9 дней и 9 ночей, и не можетъ Бова наѣхать ни реки, ни ручья, а пити Бовѣ добръ хочетца. И увиде Бова: от дороги с версту стоит дубъ, и под дубомъ стоит черноризецъ. И поѣхалъ Бова, и рече черноризцу: «*Имя твое как?*» — «Имя ми Пилигримъ». И рече Бова: «Дай мнѣ, что ты самъ пьешь». И рече Пилигримъ: «Государь мой, храбрый витезь Бова королевич! Яз пью укруха¹, а тебѣ, государь, дамъ тожъ укруги». И старецъ почерпнулъ чашу укруги и уклонился, всыпалъ усыпающего зелья и далъ Бовѣ. И Бова выпилъ, и уклонился Бова с коня на землю, и спалъ 9 дней и 9 ночей. А старецъ Пилигримъ унесъ у Бовы мечь-кладенецъ и увелъ добраго коня-иноходца. И Бова восталъ от сна своего, ажно нѣтъ у него ни добраго коня-иноходца, ни меча-кладенца. И Бова прослезися: «Милостивый Спасъ и Пречистая Богородица! Уже ми избидель старецъ, взял у меня добраго коня-иноходца и мечь-кладенецъ, а государь меня послал на смерть». И пошел Бова, куды очи несутъ. И Бовѣ Господь путь править.

И пришел Бова во Рахленское царство, и вшед в царские полаты, и грамоту положилъ на столъ. И царь Салтан Салтановичъ грамоту принял, и распечатал, и прочитал. И закричалъ царь Салтанъ Салтановичъ: «О злодей Бова, ты у меня убил сына Лукопера и 100 000 войска побилъ, а ныне ты самъ ко мнѣ на смерть пришолъ, могу тебя повѣсить!» И закричал царь Салтанъ Салтановичъ: «Есть ли у меня юноши, храбрыи витези? Возьмите Бову и поведите на повѣшение». И скоро рѣли² поставили, котлы приготовили, и востали 60 юношей, взяли Бову 30 юношей под правую руку, а другая 30 юношей под левую руку, и повели Бову на повѣшение, и вывели Бову в поле. И увидел Бова рели и прослезися Бова: «Милостивый Спасъ и Пречистая Богородица! Что моя вина, что моя неправда, за что яз погибаю?» И взложи Богъ Бовѣ на разум, что Бова сильный богатырь. И трехнулъ Бова правую рукою и 30 юношей ушиб, и тряхнулъ Бова лѣвою рукою и другую 30 юношей убилъ. И побѣжалъ Бова от Рахленскаго царства.

И увидел царь Салтанъ Салтановичъ, и повелъ в рогъ трубить, и собралъ двора своего и 5 тысячъ, и погнась за Бовою. И сугнали, и поимали, и привезли ко царю Салтану Салтановичю. И царь Салтанъ Салтановичъ почелъ говорить, аки в трубу трубить: «Уже ты, злодей Бова, хочешь у смерти уйти. Могу тебя повѣсить!»

И была у того царя Салтана дочь, прекрасная королевна Минчитрия. И надѣла на себя драгоценная платья, и пошла ко отцу своему в полату, и почела говорить: «Государь мой батюшка, царь Салтанъ Салтановичъ! Уже тебѣ сына

¹ здесь: хлебное крошево (на воде или на квасу); ² здесь: виселицы.

своего, а брата моего не поднять и 100 000 войска не поднять же, а такова сильного богатыря изведешь. А ты, государь батюшка, дай его мнѣ на руки¹, и яз его превращу в свою вѣру латынскую и в нашего бога Ахмета,* а меня он возьметъ за жены мѣста и будет нашему царству здержатель и ото всѣхъ странъ оберегатель». И у царя Салтана дочь прекрасная царевна Минчитрия была в любви. И царь Салтанъ говорит: «Чадо мое милое, прекрасная царевна Минчитрия, буди на твоей воли».

И царевна Минчитрия челомъ ударила отцу своему, и взяла Бову себѣ на руки, и пошла во свои хоромы, и дала Бовѣ много пити и ясти розличныхъ ествъ, и почела говорить: «Бова, забудь свою вѣру православную христианскую и *вѣруй* нашу латынскую вѣру в нашего бога Ахмета, и возми меня себѣ за жены мѣста, и буди нашему царству здержатель и ото всѣхъ странъ оберегатель. А не станешь нашей латынской вѣры вѣровать и не возмешь меня себѣ за жены мѣста, и батюшка мой может тебя повѣсить или на кол посадить». И рече Бова: «Хоть мнѣ повѣшену быть или на колѣ посажену быть, а не вѣрую яз вашей латынские вѣры и не могу яз забыть своя истинныя». И царевна Минчитрия велѣла Бову посадить в темницу накрѣпко и цкою желѣзную задернуть и пескомъ засыпать и не дала Бовѣ пити, ни ясти 5 дней и 5 ночей. И Бовѣ пити и ясти добре хочетца.

И прекрасная царевна Минчитрия надѣла на себя драгоценное платья, и пошла к Бовѣ в темницу, и велела песку отгрести, и цку желѣзную открыть. И вошла к Бовѣ в темницу, и не могла на Бовину красоту насмотритися 3 часа, и почела говорить: «Бова! Лутчи ли тебѣ умереть голодную смертью или повѣшену быть, или на колѣ посажену быть? Вѣруя нашу латынскую веру и позабуди свою христианскую вѣру, и возми меня себѣ за жены мѣста». «Уже мнѣ и такъ голодная смерть приближаетца. А хошь мнѣ повѣшену быть или на колѣ посажену быть, а не вѣрую яз вашей латынские вѣры и не могу забыть православныя христианские вѣры».

И царевна Минчитрия не дала Бове ни пити, ни ясти, и пошла ко отцу своему в полату, и почела говорить: «Государь мой батюшка, царь Салтанъ Салтановичь! Не могла яз Бовы прелстить. Хошь его повѣсь, хошь его на колѣ посади». И царь Салтанъ Салтановичь почелъ говорить: «Ест ли у меня 30 юношей? Подите в темницу и возмите Бову и приведите ево ко мнѣ, яз могу Бову повѣсить». И стали 30 юношей, и пошли к Бовѣ в темницу, и не могли песку отгрести, и цки желѣзные открыть, и почели кровлю ломать. И закручинился Бова: «Нѣтъ де у меня меча-кладенца, нѣчемъ де мнѣ попротивитца против 30 юношей». И увиде Бова в углу в темнице мечь-кладенець, и взя Бова мечь-кладенець, бысть Бова радощень. И юноши почели к Бовѣ в темницу спущатца чело века по два, и по три, и по пяти, и по шти. И Бова сечеть да лѣсницу² кладет.

¹ на поруки; ² лесенкой, одного на другого.

И 30 юношей всѣх присек да и за лѣсницу склал. И царь Салтанъ на тѣхъ юношей взозлился: «Зашли де блядины дѣти да з Бовою бесѣдуютъ». И послалъ другихъ 30 юношей, и велѣлъ тотъчас Бову привести. И пришли 30 юношей, и стали к Бовѣ в темницу спущатца. А Бова сечеть да лѣсницу кладет. И вышелъ Бова из темницы да и побѣжалъ из Рахленскаго царства. И царь Салтан Салтановичъ повѣлъ в рог трубить, и собра войска 30 000 да погнася за Бовою.

И Бова прибѣжалъ на морское пристанище, и увиде Бова корабль, и скочил на карабль, от берегу отвалилъ. И закричалъ царь Салтан Салтановичъ зычно гласомъ: «Гости-корабелщики, здайте с коробля моего изменника, которой у меня ис темницы ушолъ, а имя ему Бова. И буде вы не здадите моего изменника, и впред мимо моего царства кораблемъ не хаживать и в моем царстве не торговать». И мужики-корабелщики хотятъ Бову с коробля здать. И Бова вынялъ ис подпазушья мечъ-кладенецъ и мужиковъ пристѣкъ да и в море пометал. И ерыжные на коробле ухоронились, и почели говорить: «Государь храбрый витезь, не моги ты насъ погубить, а мы тебѣ, государь, побеем куды тебѣ надобе».

И ярыжные подымали парусы, и бѣжали по морю год и три месеца, и подбѣжали под Задонское царство, и увидели три терема златоверхия, и отнесло ихъ погодою от пути верст за 100. И Бова велѣлъ парусы отпустить и якори в воду пометать. И почелъ Бова по короблю ходить и на вся стороны смотреть. И увиде на край брега моря рыболовы. И закричалъ Бова зычно гласомъ: «Пожалуй, рыболовъ, не ослушайся, подедь на корабль!» И рыболовъ не ослушался, приѣхалъ, и Бова почелъ рыболова роспрашивать: «Пожалуй, рыболовъ, скажи мнѣ: царство ли или орда, царь ли живеть или король?» И рече рыболовъ: «Государь гость-корабелщикъ, стоит то наше царство Задонское, а живет государь нашъ король Маркобрунъ». И Бовѣ пошло на разумъ и рече Бова: «Не тот ли король Маркобрунъ, что сватался во Арменскомъ царстве у короля Зензевея Адаровича на прекрасной королевне Дружневне?» И рече рыболовъ: «Государь гость-корабелщикъ, тот. А ныне королевна Дружневна у нашего государя короля Маркобруна умолила на год, а все провѣдывает про храбраго витезя про Бову королевича. У нашего государя Маркобруна радость будет, свадьба, жѣнитца на прекрасной королевне Дружневне». И рыболовъ Бовѣ песку к сердцу присыпалъ.

И Бова рече рыболову: «Пожалуй, рыболовъ, продай рыбы, ярыжным ясти». И рыболовъ кинулъ пять осетровъ на корабль: «Во се, государь, тебѣ рыбы и бес продажи». И Бова взялъ злата и сребра, и покрывалъ камками¹ и бархаты, да и бросилъ рыболову в подѣздокъ. И рыболовъ почел говорить Бовѣ: «Государь гость-корабелщик, дал ты мнѣ много живота², ни пропить, ни проѣсть ни дѣтемъ моимъ, ни внучетомъ». И Бова рече: «Пожалуй, рыболовъ, свези меня на берегъ». И рыболовъ не ослушался, взялъ Бову в подѣздокъ и привесъ на бе-

¹ шелковыми узорными тканями; ² здесь: добра, имущества.

регъ. И Бова почаль ярыжнымъ наказывать: «Ярыжные, вотъ вамъ весь карабль и з животом. Делите пополамъ, а не бранитесь и не деритесь».

И пошол Бова к Задонскому царству, и шель Бова 5 дней и 5 ночей, и нашель старца Пилигрима, которой ево ограбилъ и взялъ у него мечь-кладенець и добраго коня-иноходца. И Бова почель Пилигрима бить. И Пилигримъ почель молитца: «Не убей меня, храбрый витезь Бова королевичь! Яз тебъ отдамъ добраго коня-иноходца и мечь-кладенець и дамъ тебъ трое зелье: усыпающее, да зелье бѣлое, а третье черное». И взялъ Бова трое зелье да мечь-кладенець да и пошел.

Идет Бова 6 дней к Задонскому царству. И увидель Бова старца — на улице щепы гребет. И рече Бова старцу: «Дай мнѣ с себя черное платье, а возми мое цвѣтное». И старецъ почель говорить: «Государь храбрый витезь, не пригодца мое тебѣ платье, а твое *цвѣтное* платье мнѣ: милостины не дадутъ». И Бова старца ударилъ о землю и снял с старца черное платье, а свое *цвѣтное* платье покинулъ. И надѣлъ на себя Бова черное платье, и пошелъ на королевский двор, и пришол на поварню, а повары ествы варять.

И пришель Бова, и почел есть прошать: «Государи королевские повары, напоите-накормите прохожева старца для Спаса и Пречистые Богородицы и для ради храбраго витезя Бовы королевича». И повары закричали: «О злодей старецъ, что ты про Бову милостины прошаешь? У нашего государя про Бову заповедано: хто про Бову помянетъ, того казнить смертью бес королевскаго вѣдома». И кинулся повар, выхватил ис-под котла головню и ударил старца, и старецъ на мѣсте не тряхнулся и ухватил ту же головню, и ударилъ старецъ повара и ушибъ до смерти.

И побѣжали повары к дворецкому: «Дворецкой, поди на поварню. Пришелъ старецъ на поварню да лутчева повара ушибъ до смерти». И дворецкой пришол на поварню, и почель спрашивать у поваров: «За что стала у старца с поваром?» — «Пришелъ старецъ на поварню, почель есть прошать для Спаса и Пречистые Богородицы и для храбраго витезя Бовы королевича». И дворецкой почель говорить: «Что ты, старецъ, про Бову поминаешь? У нашего государя заповедь крѣпкая: кто про Бову помянетъ, и он велить без своего вѣдома убить». И рече Бова: «Государь дворецкой, не вели меня, старца, убить, яз старецъ прохожей и заповеди вашей не слыхалъ». И дворецкой рече: «Поди, старецъ, на задней двор, тамо королевна Дружневна нищих златом делить. Завтра у нашего государя радость будет: женитца нашъ государь король Маркобрунъ на прекрасной королевне Дружневне».

И старецъ пошелъ на задней двор, ажно на заднемъ дворѣ нищих великое множество. И старецъ пошелъ промеж нищихъ теснитца, и нищие старцу пути не дадутъ, и почели старца клюками бить. И старецъ почель на обе стороны нищих толкать, и за старцомъ много мертвых лежать. И нищие почели старца пускать. И старецъ дошелъ до прекрасной королевны Дружневны, и закричал

старецъ зычно гласомъ: «Государыни прекрасная королевна Дружневна! Дай мнѣ, старцу, милостину для Спаса и Пречистые Богородицы и для храбраго витезя Бовы королевича». У Дружневны миса из рукъ з золотомъ вывалилась. И добрый конь богатырский услышалъ всадника своего храбраго витезя Бову королевича, и почель на конюшне ржати, и от конскаго ржания градъ трясяхуся.

И королевна Дружневна почела говорить: «Подите, няньки, да раздуйте злато нищимъ». А сама взяла старца и пошла в задние хоромы, и почела спрашивать: «Старець, что ты про Бову милотины прошаешь? Гдѣ ты слыхалъ про государя моего храбраго витезя Бову королевича?» И рече старецъ: «Государыни королевна! Яз з Бовою в одной темнице сидѣлъ во Рахленскомъ царстве, да мы з Бовою одною дорогою шли. Бова пошелъ налево, а яз пошелъ направо». И рече старецъ: «Государыня королевна Дружневна, а какъ Бова ныне придетъ, что ты над нимъ учинишь?» И прекрасная королевна Дружневна прослезися. «Что б, — говорить, — кабы яз провѣда государя Бову на тридесятъ царстве на тридесятый землѣ, и яз бы и там к нему упала!»

И в тоя поры пришелъ король Маркобрунъ к прекрасной королевне Дружневне, ажно старецъ сидит, а Дружневна перед старцомъ стоит. А король Маркобрунъ почель говорить: «Что ты, Дружневна, пред старцомъ стоишь, а слезы у тебя по лицу каплютъ?» И королевна Дружневна почела говорить: «Государь мой король Маркобрунъ, какъ мнѣ не плакать? Пришелъ тот старецъ из нашего из Орменскаго царства и сказываетъ: батюшка и матушка моя умерли. И яз по нихъ плачю». И король Маркобрунъ почель говорить: «Государыня прекрасная королевна Дружневна! Уже тебѣ отцу своему и матери своей не пособить. А тужишь, лишю живот свой надсажаешь. Пуши всего, что добрый конь богатырский збился зъ 12 цепей, уже послѣдние двери пробиваетъ. А как послѣдние двери пробьет, и в городе много мертвыхъ будетъ». И рече старецъ: «Государь король Маркобрунъ! Яз утѣшу добраго коня, что станеть трех лѣтъ младенець ѣздить». И король Маркобрунъ рече старцу: «Толко ты, старецъ, утѣшишь добраго коня, яз тебя пожалую, дамъ тебѣ много злата».

И старецъ пошел на конюшню, и Дружневна пошла за старцомъ. И добрый конь богатырский услышалъ всадника своего, и послѣдние двери пробилъ, и сталъ на задние ноги, а передними ногами охипилъ старца, почель во уста целовать, аки человекъ. И увиделъ король Маркобрунъ, пошелъ в полату и заперся: «Уже коли добрый конь послѣдние двери пробилъ и старца смялъ, то много в городе мертвыхъ людей будетъ».

И прекрасная королевна Дружневна почела говорить: «Что ты, старецъ, скоро утѣшилъ?» И старецъ рече: «Государыня прекрасная королевна Дружневна! И самъ яз тому дивлюся, что добрый конь меня скоро узналъ, а ты меня долго не узнаешь. А яз истинный самъ Бова королевичъ». И Дружневна рече старцу: «Что ты, старецъ, меня смущаешь? Государь былъ Бова велми лѣпообразенъ, от Бовины бы красоты во всю конюшню осветила». И старецъ вынялъ из подпазушья

мечь-кладенець, и Дружневна мечь к сердцу прижала: «Истинной мечь государя моего Бовы королевича! А ты, старецъ, чернъ и дурень, а шель ты з Бовою одною дорогою, и ты у него мечь укралъ. А кабы тот мечь был у государя моего Бовы королевича, умѣлъ бы онъ тѣмъ мѣчемъ владать. А се была у государя моего у Бовы на главѣ рана, а в рану палець ляжат. Когда онъ служил во Арменскомъ царстве у государя моего батюшка у короля Зензевея Айдаровича, и пошель Бова ис полаты, и ударилъ дверми, и свалился кирпичъ сверху, и разшибъ у Бовы голову. И яз лечила Бову своими руками, и яз знаю Бовину рану». И старецъ снял з главы клубукъ, и показал рану. И Дружневна рану осмотрила, и поцеловала: «Истинная рана государя моего Бовы, а ты, старецъ, дурень и чернъ». И рече старецъ: «Истинный яз самъ Бова. А ты, Дружневна, вели воды принести, и яз умоюсь бѣлаго зелья».

И Дружневна побѣжала сама по воду, и принесла воды в сребряном ручкомойце. И Бова умылся бѣлаго зелья, и осветил Бова во всю конюшню. И Дружневна пад в ноги Бовѣ, и почела говорить: «Государь мой храбрый витезь Бова королевичъ! Не покинь меня, побѣжимъ с тобою от короля Маркобруна». И рече Бова: «И ты, Дружневна, поди х королю Маркобруну и дай ему пить, и всыпь в кубокъ усыпающего зелья, и онъ спить 9 дней и 9 ночей, а мы в тоя поры убѣжимъ». И Бова даль усыпающего зелья, и Дружневна зелья взяла да и за рукав завернула, и пошла в свои хоромы, и надѣла на себя драгоценная платья, и пошла в королевскую полату, и почела говорить: «Государь мой король Маркобрунъ! Завтра у насъ с тобою радость будетъ: тебѣ, государь, меня за себя понять. А ты, государь, со мною изопьемъ по кубку меду, чтобы мнѣ не тужить по батюшке и по матушке».

И у короля Маркобруна Дружневна была в любви. И скоро велѣлъ принести крѣпкаго меду, и юноши скоро принесли крѣпкаго меду. И Дружневна, уклонясь, всыпала из рукава усыпающего зелья и поднесла королю Маркобруну. И у короля Дружневна была в любви, и велѣлъ ей наперед пить. И Дружневна почела перед нимъ уничижатца: «Государь мой король Маркобрунъ! Не доведетца мнѣ, дѣвке-страднице¹, прежь тебя пити. Выпей, государь, тот кубокъ ты, а яз по другой пошлю». И король Маркобрунъ выпилъ кубокъ меду и уклонился спать. И королевна Дружневна побѣжала к Бовѣ на конюшню и почела говорить: «Государь мой храбрый витезь Бова королевичъ, уже король Маркобрунъ крѣпко спить».

И Бова оседлалъ под себя добраго коня богатырскаго, а под Дружневному иноходца. И Дружневна взяла ис казны 2 шатра ежалье², и Бова шатры взялъ в торока, и сядилса Бова на добра коня, а Дружневна на иноходца, и поехали из Задонскаго царства. И ѣхаль Бова з Дружневною 9 дней и 9 ночей, и сталъ Бова в поле, и роставилъ бѣлые шатры, и добры кони стреножилъ. И пошель з Друж-

¹ холопке; ² походные.

невною в шатер, и Бова з Дружневною совокупился. И король Маркобрунъ воста от сна своего, ажно нѣтъ у него прекрасные королевны Дружневны, ни добраго коня богатырскаго. И почель король Маркобрунъ говорить: «Не старецъ злодей былъ, а былъ истинный самъ Бова королевичъ. Увелъ у меня злодей прекрасную королевну Дружневну и добраго коня богатырскаго». И повѣлъ в рогъ трубити, и собра войска 30 000, и послалъ за Бовою и за Дружневную.

И Бова вышелъ из шатра холодитца. И какъ услышалъ Бова конскую потопъ и людскую молву, и пошелъ в шатер, и почел говорить: «Государыни прекрасная королева Дружневна! Есть за нами люди небольшие: быть погоне от короля Маркобруна». И прекрасная королева Дружневна почела говорить: «Государь мой ласковой, храбрый витезь Бова королевичъ! А тако насъ поимають, уже намъ от короля Маркобруна живымъ не быть». И Бова рече: «Государыня прекрасная королева Дружневна! Молися Богу, Богъ с нами».

И взялъ Бова мечь-кладенецъ, и селъ на добраго коня и без седла, и поѣхалъ против погони, и побилъ погоню 30 000, толко оставил 3 человека, наказавъ, да и отпустил х королю Маркобруну: «Что король Маркобрунъ за мною посылаетъ, тока войска теряет! А знает онъ, что яз силны богатырь, храбрый витезь Бова королевичъ? Убилъ яз силнаго богатыря Лукопера и 9000 войска побил». И пришли 3 человека х королю Маркобруну и почели говорить: «Государь король Маркобрунъ! Бова все войска побилъ, и насъ трех отпустилъ и не велѣлъ за собою гонятца: что онъ посылаетъ за мною, только войска терять!»

И король Маркобрунъ повелъ в рогъ трубити и собра войска 40 000 и посылает за Бовою и за Дружневною. И тѣ юноши почели говорить: «Государь нашъ король Маркобрунъ! Что намъ за Бовою ити? А Бовы нам не взять, только нам головами своими наложить. Есть, государь, у тебя сильный богатырь, а имя ему Полканъ, по пояс песьи ноги, а от пояса что и прочий человекъ, а скачет он по 7 верстъ. Тотъ можетъ Бову сугнати и поимать, а сидит онъ у тебя в темнице за 30 замками и 30 мостами». И король Маркобрунъ велѣлъ Полкана ис темницы выпустити и послал за Бовою. И Полканъ почел скакать по семи верстъ.

И Бова вышелъ из шатра, и услышалъ Бова, что Полканъ богатырь скачетъ. И Бова взял мечь, и сѣлъ на добраго коня и без седла, и поѣхалъ противъ силнаго богатыря Полкана. И какъ съѣзжаютца два силные богатыря, и Бова махнул Полкана мечем, и у Бовы мечь из рукъ вырвался и ушел до половины в землю. И Полканъ Бову ударил палицею, и Бова свалился с коня на землю мертвъ. И Полканъ скочи на Бовина коня, и добрый конь Бовинъ увидель Полкана, и закусил муштукъ и почель носить по лесамъ и по заразамъ¹ и по кустамъ, и ободралъ по пояс ноги и мясо до костей.

И Бова лежал мертвъ три часа, и востал, что ни в чемъ не бывал², и пришелъ к Дружневне в шатер, и легъ на кровать. И добрый конь уносил³ Полкана,

¹ оврагам; ² как ни в чем не бывало; ³ измучил, уходил.

и примчал к шатру, и Полканъ свалился на землю. И Дружневна из шатра вышла, и почела говорить: «Брате Полкане, помирися з Бовою, инъ вамъ не будет супротивника на семь свѣте». И рече Полканъ: «Яз бы рад за Бовою помирица, лишь бы Бова помирился». И Дружневна пришед в шетер и почела говорить: «Государь храбрый витезь Бова королевичъ, помирися ты с Полканомъ, ино вам не будет на семь свѣту супротивника». И рече Бова: «Яз рад с Полканом помиритца, а не поміритца Полканъ, и яз его убью». И Бова с Полканом помирился. Полканъ Бову прималь за бѣлые руки и целовал во уста, и называл его болшим братомъ.

И сѣлъ Бова на добраго коня, а Дружневна на иноходца, а Полкан за ними почель скакать. И приѣхали во градъ Костел, а во граде нѣтъ ни царя, ни короля, толко мужикъ посацкой, а имя ему Орель. И Бова королевичъ да Полканъ ставились на подворье, и Бова легъ с Дружневною спать. А в тоя поры пришел король Маркобрунъ под град Костель, а войска с нимъ 50 000, и Костель-град осадил, и почель грамоты к мужику посацкому писать и прошать з города Бову с Полканом: «А будетъ вы не здадите з города моихъ изменников, и яз вашъ град Костель огнемъ пожгу и головнею покачу!» И мужикъ посадкой велѣлъ мужикомъ собратца в земскую избу. И мужики собрались, и посадникъ мужикъ Орель пришел в земскую избу и мужикамъ грамоту прочель, и почель говорить мужикамъ: «Пойдемъ мы противъ короля Маркобруна! И яз сам пойду и двухъ сыновъ собою возму». И мужики собрались да и выехали противъ короля Маркобруна. И король Маркобрунъ мужика-посадника и з детьми полонил, и король Маркобрунъ мужика отпустилъ, а дву сыновей взялъ в закладе¹, а велѣлъ здать з города Бову да Полкана да прекрасную королеву Дружневну.

И мужикъ пришолъ в город и велель збиратца мужикам в земскую избу. И скоро мужики собрались в земскую избу, да сталъ за мужиков мужикъ-посадникъ, почель говорить: «Здать ли намъ з города выѣзжих людѣй или не здавать?» И выступала Орлова жена и почела говорить: «Выезжихъ людей з города не здавать, а уже дѣтямъ своимъ намъ не пособить». И мужикъ Орель почел говорить: «У всякие жены волосы долги, да умъ коротокъ». И присовѣтовали мужики, что Бову з города здать.

И пошел Полкан к Бовѣ: «Брате Бова, долго спишь, ничего не вѣдаешь: хотят насъ мужики з города здать». И рече Бова: «Злодѣи — мужики, что ни продуму² не гораздо удумали! Не гораздо и имъ будетъ!» И скочилъ Бова скоро с кровати и опануль³ на себя шубу одевалную.* И взялъ под пазуху мечь-кладенецъ и пошелъ в земскую избу, и почел мужиков рубить от дверей и до куту⁴. Мужиков порубил да и вонь пометаль, а Орлова жена побѣжала с коника⁵ с печи и почела говорить: «Государь храбрый витезь, не моги меня, горкие вдовы,

¹ заложниками; ² нелепицу; ³ накинул на плечи, не надевая в рукава (охабнем); ⁴ до красного угла; ⁵ с лавки для спанья, с деревянной лежанки.

погубить!» И рече Бова: «Матушка государыня, не бойся. Дай мнѣ до утра сроку, яз и детей твоих отполоню». И выехали Бова да Полканъ против короля Маркобруна, и Бова ехал с правые руки, а Полканъ заскочилъ с лѣвые руки. И почели Маркобрунова войска бить, аки животину¹ отгнали и Орловыхъ детей отполонили.

И король Маркобрунъ ушел в Задонское царство с невеликими людьми и положилъ на себя клятву, что «не гонятца за Бовою ни дѣтем моимъ, ни внучетомъ, ни правнучатам». И Бова пришел в город Костел и пришед к Орлове женѣ: «Во се, государыни матушка, дѣти твои». И почель у мужиковъ крестъ целовать, и учередилъ Бова Орловыхъ детей, да и поѣхалъ з города Костела и с прекрасною королевою Дружневною, а Полканъ за ними пѣшь поскакал.

И едуци Дружневна почела говорить: «Государь мой храбрый витезь Бова каралевичь! Уже приходит мнѣ время, какъ добры жены дѣтей рождаютъ». И Бова сталъ на станъ и шатры роставил, и рече Бова Полкану: «Брате Полкане, станъ подале. Дружневна у меня недомогаеть». И Полканъ отшел подалѣ да стал под дуб. И Дружневна родила два сына, и Бова нарекъ имя имъ: одному имя Симбалда, а другому Личарда. И Полканъ востал от сна своего и услышал конскую потопь и людцкую молву, и пришелъ Полканъ к Бовину шатру, и рече Полканъ: «Брате Бова! Идет рать великая, невесть идетъ царь, невьсть король. Сам ли ты идешъ провѣдать или меня пошлешъ?» И рече Бова: «Поди ты, а мнѣ ныне не довольно: Дружневна народи два сына — Симбалду, а другова Личарду». И Полканъ поскакал, и много людей онъ похвтал и в пленицу² перевезал да и к Бовѣ привел.

И Бова почель языковъ спрашивать: «Сказывайте вы, добрые люди, не испорчены, коева царства рать идетъ? Царь ли идетъ или король?» И языки почели розказывать: «Государь храбрый витезь! Идутъ то, государь, воеводы от нашего государя короля Додона во Арменское царьства. Сказываютъ, что бутто во Арменскомъ царьстве у короля Зенъзевея Андоровича служить Бова королевиць. И король Додон велѣлъ его, Бову, взять да к себѣ привести во царьство». И у Бовы разгорелоса богатырское сердце, и не могъ Бова утерпети и предаде ихъ смерти. И оседдал себѣ доброго коня своего богатырского и взял с собою мечь-кладенець, и почел Бова брату своему Полкану наказывать: «Брате мой Полканъ! Не покинь ты Дружневы моей и двух детей моих. А яз поеду во Арменское царьства на дело ратное, а сам ты, брате, не ходи блиско к лесу». И простился Бова с Полканом, да и з Дружневною и з детми своими, и поехал Бова на ратное дело.

А Полкан послѣ его отшелъ к лесу спать, и в ту ж пору пришли лвы к Полкану сонному, и богатыря того Полкана съели всего, только оставили одни плѣсны³ ножные. И послѣ того вышла Дружневна из шетра своего и по-

¹ скотину; ² в связку; ³ плюсны, ступни.

сматривала под дубом: и гдѣ Полкан спал, ажно Полкана лвы съели, толко лежат плесны одни ножные. И Дружневна велми по немъ потужила, по Полканѣ, и взяла детей своих и посадила за пазуху, и сяде на инахотца и поехала, куды еѣ очи несут.

И приехала Дружневна под Арменское царства и взяла с собою только плеть едину в торока, и пустила доброго своего коня-инахотца в чистое поле и рече ему: «Поди ты, мой добрый конь-иноходецъ, ищи себѣ государя ласковаго». И пришед Дружневна к реке и умылась чернаго зелья и стала черна, что уголь. И пришедъ Дружневна в Рохленское царство и стала у вдовы на подворье. А в Рохленскомъ царстве царевна Миличитрия. И Дружневна почела на добрыхъ женъ сорочки шить, тѣмъ свою голову кормила и дѣтей своихъ.

И Бова королевичъ силу побилъ, и приѣхаль к шатру, ажно нѣтъ в шатрѣ ни королевы Дружневны, ни детей его. И Бова посмотрель под дубъ, ажно Полкана лвы съѣли, толко лежат плесны ножны. И Бова разтужися: «Уже коли такова сильнаго богатыря лвы съѣли, то и Дружневну и детей моихъ». И похоронилъ Бова Полкановы плесны, и самъ расплакася горко: «Милостивый Спасъ и Пречистая Богородица! Дали вы мнѣ ладо поноровное¹, и не дали вы мнѣ с нею пожить от младости и до старости». И пошелъ Бова на заводи тѣшитца и настрелялъ гусей и лебедей, и наварилъ Бова ѣствы да наѣлся и напился. Да и поѣхаль Бова во Арменское царство, чтобы ему дворецкого убить, которой дворецкой послалъ ево на смерть.

И приѣдет Бова во Арменское царство в воскресной день, а король Зензевей Адаровичъ стоитъ у церковнаго пѣния.* И пошелъ король Зензевей от пѣния, и Бова королю Зензевею Адаровичю челом ударил. И король Зензевей почель спрашивать: «Имя твое какъ, и коего града, и куды идешь?» И рече Бова: «Имя ми Августъ, ишу себѣ государя ласкаваго, чтобы меня приголубилъ». И рече король: «Мнѣ такие люди надобно. Пожалуй, Августъ, служи ты мнѣ». И Августъ, челомъ ударя, и пошелъ на королевской двор и дворецкаго убил.

И приѣхали послы из Рахленскаго царства. И Августъ подвернулся к послам и почел спрашивать: «Коего царства послы и почто приѣхали?» И послы почели говорить: «Мы, государь, пришли из Рахленскова царства провѣдавать про храбраго витезя Бову каралевича: послала насъ царевна Миличитрия, а хочеть она за Бову замуж итить». И Августъ рече: «Подте вы, послы, в Рохленское царство, а Бова будет у васъ». И поѣхаль Бова в Рохленское царство.

И приѣхал Бова в Рохленское царство, и взѣхаль Бова на каралевской двор безопсылачно². И встречает Бову прекрасная царевна Минчитрия, и повела Бову в королевские полаты, и почели пити и ясти и веселитися. И царевна Минчитрия почела говорить: «Государь храбрый витезь Бова королевичъ! Крести ты, государь, меня, да возми себѣ за жены мѣста, и буди нашему царству

¹ супругу по нраву, по сердцу; ² без предупреждения.

здержатель и ото всѣх странъ оберегатель». И Бова Минчитрию крестил, да и положили промеж собою на слове до воскреснаго дни.

И у Дружневны дѣти уже на разумѣ. Симбалда играетъ в гусли, а Ли-чарда в домъру. И Дружневна почела посылать детей своих на королевской дворъ: «Потьте, дѣтушки, на королевской дворъ, и васъ возмут в королевскую полату, и вы играйте наигрыши добрые и тонцы¹ водите хорошие, да во всякой пѣсни пойте храбраго витезя Бову королевича». И Бовины дѣти пошли на королевской дворъ и в королевские полаты и почели наигрыши играть и тонцы водить, а во всякой пѣсни поютъ храбраго витезя Бову королевича. И Бова рече: «Что вы поете во всякой пѣсне Бову королевича? А яз много хожу, а Бовы в пѣснях не слыхал». И Бовины дѣти почели говорить: «Поемъ мы в пѣснях государя своего батюшка Бову королевича, а велѣла намъ государыня наша матушка прекрасная королева Дружневна». И Бова велѣлъ их напоить и накормить и дал имъ злата и сребра много, одва мочно донести, а сам пошел за ними назором². И пришли Бовины дѣти на дворъ, и мати ихъ встречает: «Подте, дѣтушки!», и примает за бѣлые руки и целуетъ их во уста. Увиде Бова, что встречается баба дурна и черна, плюнулъ Бова да и прочь пошол: «Блядины де дѣти, сказали у себя мати Дружневна, ана³ баба дурна и черна, что уголь».

И какъ ночь проходит, а день настает, и Дружневна посылаетъ детей своих на королевской двор. И Бовины дѣти пришли в королевские полаты и почели игрищи⁴ играть добрые, а тонцы водить хорошие, и во всякой пѣсни поютъ Бову королевича. И Бова велѣлъ их напоить и накормить и далъ имъ много злата, и сребра и того болши, и пошол за ними назором. И королева Дружневна умылась бѣлаго зелья и вышла встречать детей своих. И Бова увидѣлъ Дружневну и скочилъ на двор. И хватаетъ Дружневну за бѣлые руки и целуетъ в сахарные уста. И Дружневна пала ему в ноги: «Государь мой храбрый витезь Бова королевич! Не покинь меня и детей своих!»

И Бова взялъ Дружневну и детей своих, и пошолъ на конюшню, и выбралъ добрые кони-иноходцы под Дружневну и под детей своих. И царевна Минчитрия палась Бовѣ в ноги и почела говорить: «Государь храбрый витезь Бова королевич! Коли ты, государь, меня за себя не взялъ, и язь буду твоя закладчица»⁵. И рече Бова: «А коли ты за меня заложилась, и тебя не изобидит ни царь, ни король, слышичи мою грозу, храбраго витезя Бовы королевича». И поѣхалъ Бова с Дружневною и з детми своими во град Суминъ к дятке Симбалде.

И дятка Симбалда встречалъ приѣзжаго человека Августа и двор ему отвелъ. И назавтреѣ дятка Симбалда на приѣзжаго человека Августа пирь рядилъ. И пришелъ Августъ на пир, и дятка Симбалда велѣлъ ему мѣста дать. И какъ пошелъ пирь навесело, и Августъ почелъ говорить: «Государь дятка Сим-

¹ наигрыши, сопровождаемые пением; ² не спуская глаз; ³ между тем; ⁴ здесь: наигрыши, мелодии; ⁵ заложница, сама себя давшая в заклад, в кабалу.

балда! Кто близъ тебя живетъ, и нѣтъ ли какой обиды?» И говорилъ дятка Симбалда: «Есть, государь! Близъ меня живетъ злодей король Додонъ. Убил онъ, злодей, государя моего, добраго и славнаго короля Видона и по вся годы животину от града отгоняет, а яз против его стоять не могу». И Августъ рече: «Яз могу ту обиду отмстить. Собери войска, колко мочно». И Симбалда повелъ в рог трубить и собра войска 15 000. И Августъ поѣхалъ воеводаю и взялъ с собою дякина сына именем Дмитрея. И пришел под градъ под Антон, и животину отгнал, и посады обжегъ. И гдѣ лежит король Видонъ, а над могилою стоит столпъ, и Августъ ходилъ по три дни на могилу прощатца, а сам горко плакася. И увидел король Додон, что пришли под градъ невеликие люди и животину отгнали, и посады обожгли. И повелъ в рог трубити, и собра войска 40 000, и вышел против Августа.

И Августъ, аки животину, отгнал от града, и ударил копием короля Додона, и далъ ему сердечную рану. И поѣхал Августъ во град Суминъ, и дятка Симбалда повелъ на радостех звонить и молебны служить, и взял Августа к себѣ. И дякинъ сынъ Дмитрей почел отцу своему сказывать, что Августъ ходилъ на могилу по три дни прощатца, а сам горько плакася: «Не государь ли нашъ храбрый витезь Бова королевичъ?» И дятка Симбалда почелъ говорить: «Государь нашъ был Бова королевичъ велми лѣпообразенъ, и от Бовины красоты не мочно на мѣсте сидеть». И Бова услышал тѣ речи, и вышел на крыльцо, и умылся бѣлаго зелья, и вшел в полату. И осветил всю полату Бова своею красотою. И дядка Симбалда пад в ноги: «Государь мой храбрый витезь Бова королевичъ! Моги отмстить смерть отца своего!»

И приѣхалъ посол из града из Антона во град Сумин, лѣкаря спрашивать. И Бова умылся чернаго зелья и назвался лѣкарем: «Яз де могу вашего короля Додона излечить от раны сердечныя». И взял Бова с собою дякина сына Дмитрея да и пошел во градъ во Антон лечить Додона. И посол пришел и обвесилъ королю Додону: «Государь король Додонъ, язъ тебѣ лѣкаря привез из Сумина града». И король Додон велѣлъ итти лѣкарю в полату, ажно много князей и бояръ. И лѣкарь почел говорить: «Государь король Додон! То дѣло упорливо¹; чтоб не было никого в полате!»

И король Додон выслал из полаты всѣх, и Бова полату заперъ и приставил у крюка дякина сына. И вымал Бова ис подпазушья мечъ-кладенецъ, и почел говорить королю Додону: «За то б яз тебѣ головы не отсѣкъ, что ты государя моего батюшка, добраго и славнаго короля Видона извел. И яз за то тебѣ отсеку голову, что ты послушал женского разума». И отсекъ Бова голову королю Додону и положилъ на блюдо да ширинкою покрылъ.

И пошел Бова в задние хоромы к прекрасной королевне Милитрисе и почел говорить: «Во ся, государыня, дары от короля Додона. Яз излечил твоего

¹ трудное.

короля Додона от раны сердечныя». И королевна Милитриса дары принела и открыла, ажно голова Дадонова лежит на блюде. И сама закрылася: «О злодей лѣкаръ, что ты? Ужже яз тебя скоро велю злою смертию казнить!» И рече Бова: «Стой, не торопись, государыни матушка моя!» Прекрасная королевна Милитриса почела говорить: «О злодей лѣкаръ! Бова королевичъ был велми лѣпообразенъ, от Бовиной красоты всю полату осветила, а ты, лѣкаръ, чернь и дурень, что уголь».

И Бова вышел на крыльцо, и умылся бѣлаго зелья, и пришлоль в полату, и освятил всю полату Бовиною красотою. И прекрасная королевна Милитриса пала Бовѣ в ноги. И Бова почель говорить: «Государыня матушка моя, не унижайся предо мною!» И велѣль Бова гроб здѣлать, *положил* мать свою живу во гроб и одевал гроб камками и бархаты. Погреб Бова мать свою живу в землю и по ней сорокоусты роздал.*

И пошел Бова в темницу, гдѣ преж сего самъ сидѣл, ажно дѣвка та сидить в темнице в Бовино мѣсто. И Бова темницу розламал, а дѣвку выпустил, ажно у дѣвки власы до пят отросли. И девка рече: «Государь мой храбрый витезь Бова королевичъ! Яз сежу в темнице с токовы поры, как тебя, государя, из темницы выпустила». И Бова рече дѣвке: «Государыня девица, потерпѣла бѣдности, и ты ныне возрадуйся». И выбрал князя и отдал девицу за князя замуж. И пошел Бова в Рахленское царство и женил дякина сына Дмитрея на прекрасной царевне Минчитрие.

И пошед Бова на старину¹, и почель Бова жить на старинѣ з Дружневною да и з детми своими, лиха избывать, а добра наживать. И Бовѣ слава не минетца и до вѣка.

---

¹ в свою вотчину.

ПОВЕСТЬ О ЕРУСЛАНЕ ЛАЗАРЕВИЧЕ

СКАЗАНИЕ И ПОХОЖДЕНИЕ О ХРАБРОСТИ, О МЛАДОСТИ,
И ДО СТАРОСТИ ЕГО БЫТИЯ, МЛАДАГО ЮНОШЫ
И ПРЕКРАСНАГО РУССКОГО БАГАТЫРЯ,
ЗЕЛО ПОСЛУШАТИ ДИВНО, ЕРУСЛОНА ЛАЗАРЕВИЧА

Бысть во царствѣ царя Картауса Картаусовича дядюшка ево, князь Лазарь Лазаревичь, а жена у него Епистимия, а сына родила Еруслон Лазаревича. И какъ будетъ Еруслонъ Лазаревичь четырехъ лѣтъ по пятому году, и сталъ ходить на царев дворъ и шутить шутки не гораздо добры: ково хватить за руку — у того рука прочь, ково хватить за голову — у того голова прочь, ково хватить за ногу — у того нога прочь.

И тутъ промеж себе князи и боляре и сильныя гости учали совѣтъ сотворяти: «Поидемъ мы бити челомъ к царю Картаусу Картаусовичю, и речемъ ему: „Есть у тебя, царю, дядюшка князь Лазарь Лазаревичь, а у него сынъ Еруслон Лазаревич, и ходить он ко царю на двор, и шутить шутки с нашими детми не гораздо добры: ково хватить за голову — у того голова прочь, ково хватить за ногу — у того и нога прочь”». И что зговорить царь Картаусъ ко своему дядюшке: «Гой еси дядюшка Лазарь Лазаревичь! Есть у тебя сынъ Еруслон Лазаревичь, и он ходить ко царю на дворъ, и шутить шутки не гораздо добры; и сынъ твой во царствѣ не надобень, — лутчи ево вонъ выслать ис царства».

И тутъ *стал* князь Лазарь Лазаревичь, услышал от царя Картауса Картаусовича себѣ слово кручинное, поѣхал от царя невесель, повѣсил свою буйну главу ниже плечь своих.

Ажно встречается сынъ его Еруслон Лазаревичь, не доеждаючи отца своего, слазить з добра коня богатырского, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолѣтное здравие государю моему батюшку, князю Лазарю Лазаревичю! Какъ тебя, государя моего, Богъ милует? Что ты от царя не весель ѣдешь? Или тебѣ у царя мѣсто было не по обычаю, или тебѣ от царя было слово кручинное?»

И говоритъ ему князь Лазарь Лазаревичь: «Мѣсто мнѣ у царя было по обычаю; столники и чашники доходили до меня; одно мнѣ от царя было слово кручинное. Когда бывають дѣти отцу и матери на потѣху, а под старость — на перемѣну, и по смерти — поминок; а ты мнѣ, дитяtko, смолода — не на потѣху, а под старость — не перемѣна, а по смерть — не поминокъ! Да ходишь ты, ди-

тятко, ко царю на двор и шутишь шутки не гораздо добры: ково хватишь за руку — у того рука прочь, ково хватишь за голову — у того голова прочь, ково хватишь за ногу — у того нога прочь; и на тебя князья и боляра били челомъ; царь тебя ис царства велѣл вонъ выслать».

И Еруслонъ Лазаревич стоячи усмѣхнулся, а самъ говорить таково слово: «То мнѣ, государь батюшко, за обычай, что велел меня ис царства вон выслать; *одна* на меня кручина, батюшко, *великая*: ходил я по твоимъ стоиламъ и по конюшнямъ, во аграмаках* и в коняхъ, и в жеребцах не мог себѣ лошатки vybrати, коя бы мнѣ по обычаю и могла бы мнѣ послужить».

И тутъ сѣдши Еруслон *Лазаревичъ на свой доброй* конь, и поѣхал ко двору своему. И приѣхалъ в домъ отца своего, учалъ прощатца у отца своего и у матери в чистое поле гулять. И отецъ князь Лазарь Лазаревич и матери его Еписимия отпускаетъ его, и дають ему 20 отроковъ, 50 мудрых мастеров, и велѣли дѣлать близ моря каменную полату.

И тутъ мастера при мори каменную полату здѣлали въ 3 дни и гонца послали; и гонецъ посланныя рѣчи сказал, что, де, та полата здѣлана на брегѣ моря.

И тут Еруслон Лазаревич *учал* у отца своего и у матери просить благословения. И они его благословили, и поѣхал Еруслонъ Лазаревич в каменную полату.

И отецъ его отпускаетъ за нимъ наряду и имѣния многое множество, и злата, и *сребра*, и скатного¹ жемчюга, и каменья драгаго, *самоцвѣтного*, и всякого обилия много; отпустил ему коней добрых доволно, на службу ему дал сто отроковъ избранныхъ и вооруженных. И Еруслон Лазаревич не емлетъ себѣ и ни единого отрока и отцовы казны ни единого пѣнзя,* ни скатного жемчюгу, ни драгаго каменья, ни добрых коней, и ни единого себѣ отрока, и все отпустилъ назадъ, только себѣ взял седло черкасское* да узду тасмянную², да войлочки косящаты³.

И приѣхал Еруслон Лазаревич к морю, и вшелъ в бѣлокаменную полату, и *постлал* под себя войлочки косящатые, а в головы положилъ седло черкасское да узду тасмянную и легъ опочевать.

И поутру встав Еруслонъ Лазаревич, рано учалъ ходить по диким заводямъ и по губамъ морскимъ,* и учал гусей и лебедей стреляти, и сѣрых птицъ, и тѣмъ себя кормилъ.

И ходил Еруслон Лазаревич мѣсяць, и другой, и третей, ажно нашел сокму⁴; въ шыритину та сокма пробита какъ доброму стрелцу стрелить, а в глубину та сокма пробита какъ доброму коню скочить. И стоячи на той сокме, Еруслон удивился и говорить таково слово: «Кто, де, по сей сокме ѣздитъ?»

Ажно, де, по той сокме ѣздитъ богатырь, стар человекъ, конь под нимъ сифъ⁵ — Алокти-Гирей. И увидѣвъ стар человекъ младаго юношу, и слазилъ с

¹ круглого; ² тесьмовую; ³ узорчатые; ⁴ дорогу; ⁵ сивый (сив).

своего з добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолѣтное здравие государю моему Еруслону Лазаревичю! Какъ тебя, государя моего, Богъ милуетъ? Почто ты, государь, в сие мѣсто, в такую пустыню заѣхаль, и кои тебя вѣтри завѣли?»

И говорить ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Брате стар человекъ! Почему ты меня знаешь и именемъ называешь?» И говорить ему стар человекъ: «Государь мой Еруслон Лазаревичъ! Какъ мнѣ тебя не знать и именемъ не назвать? Я старой слуга отца твоего, стерегу в поле лошадиное стадо тритцать три лѣта и ѣжду ко отцу твоему по-одинова на год поклониться, и жалованье беру, и язъ тебя знаю».

И говорить ему Еруслон Лазаревичъ: «Брате стар человекъ! Какъ тебя по имени зовуть? И мнѣ бы тебя добромъ пожаловать!» И говорить ему стар человекъ: «По имени зовуть меня, государь, Ивашко Сивой конь, Алогти-Гирей, горазной стрелець, сильной борець, в полку багатырь».

И говорить ему Еруслон Лазаревичъ: «Я сюды зашел волею: похотѣлъ в поле казаковать, и горести принять, и желание получить. Язъ топере робенокъ младъ, учаль с неразумия играть во дворѣ з боярскими дѣтми и с княженецкими, и шутки шутить учаль не горазно добры, и царь того не залюбилъ — велѣлъ меня ис царства вон выслать. Да то мнѣ не кручина, что велѣлъ меня царь ис царства вон выслать, только одна кручина великая, что ходил я у отца своего по стойламъ и по конюшнямъ, во аграмаках и в жеребцах не мог себѣ выбрать лошади, коя бы мнѣ могла послужить».

И говорить ему Ивашко Сивой конь, Алогти-Гирей, гораздой стрелець, сильной борець, в полку багатырь: «Государь Еруслон Лазаревичъ! Есть у меня конь сифъ, подлас¹, и буде те ево поймаешь, и онъ тебѣ будетъ служить; а буде ты ево не поймаешь, и тебѣ ево во вѣки не видать».

И говорить ему Еруслон Лазаревичъ: «Брате Ивашко! Какъ мнѣ того видѣти коня?» И говорить ему Ивашко: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! Видѣти того жеребца по утру рано на зорѣ, какъ погоню на море поить лошадей». И Еруслонъ Лазаревичъ легъ почивать в каменной полате.

И поутру рано встав, Еруслон Лазаревичъ пошел на сокму и взялъ с собою узду тасмянную, и встав в сокровенномъ мѣсте, под дубомъ. Ажно Ивашко лошади к морю пригнал, и Еруслон Лазаревичъ посмотрилъ на море, де, ажно жеребець пьеть, и на море волны встают, по дубамъ орлы кречуть, по горамъ змеи свишуть, и никакой человекъ на сырой землѣ стояти не можетъ. И Еруслон Лазаревичъ удивился.

Какъ будетъ жеребець против Еруслона Лазаревича, и Еруслонъ Лазаревичъ ударил *наотмашь*, и конь доброй пал на окарачки. И хватаетъ его Еруслон Лазаревичъ, добра коня, за гриву, и наложил на добра коня узду тасмянную, и повел его к полате бѣлокаменной. А Ивашко за нимъ поѣхаль.

¹ увертлив.

И приѣхал Еруслон Лазаревичъ к полатѣ бѣлокаменной, и учал седлать того жеребца, и оседлалъ, и учалъ поѣждивать; и рад бысть велми, что ему служить можетъ.

И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Брате Ивашко Сивой конь, Алогти-Гирей, сильной борець, горазной стрелець, в полку богатырь! Какъ же ребцу имя дать и какъ ево назвать?» И говоритъ ему Ивашко Сивой конь: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! Когда можетъ холопъ прежде государя такову животу имя дать или какъ его назвать?» И назвалъ его Еруслонъ Лазаревичъ, добра коня, Арашемъ вѣщимъ.

И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Брате Ивашко, поѣдь ты ко отцу моему и к матери, и поправь имъ от меня челобитѣ, и скажи имъ, что поѣхал в чистое поле гулять и извѣзжать князя Ивана, руского *богатыря*, и добраго коня себѣ добыль, что можетъ ему послужить». И говоритъ Ивашко: «Государь мои Еруслон Лазаревичъ! Поѣдь з Богомъ!»

И Еруслонъ Лазаревичъ поѣхал ступью бредучею, а Ивашко провожалъ его и поѣхалъ за ним ¹во всю пору¹ лошадиную. И Еруслон Лазаревичъ выпередилъ Ивашка и из очей у него выѣхал.

А Ивашко *воротился* от Еруслона прочь, и поѣхалъ ко царству царя Картауса Картаусовича и ко князю Лазарю Лазаревичю, и сказалъ ему от Еруслона посланная рѣчи, и куды он поѣхал, и добра коня себѣ добыль, что тотъ конь можетъ ему послужить.

И отецъ ево князь Лазаръ Лазаревичъ и мати его Епистимия о сыне своемъ возрадовались, о томъ Ивашка честно дарили великими дарми, и отпустили его в чистое поле к своей службѣ, гдѣ ему прежд дано приказано, у коней. А Еруслон Лазаревичъ поѣхал в чистое поле.

И ѣхал мѣсяць, и другой, и третей, ажно наѣхал Еруслонъ Лазаревичъ в чистѣ полѣ рать-силу побитую. И въѣхал Еруслон Лазаревичъ в тое ратное побоище, и крыкнул громко голосомъ: «Есть ли в сей рате живъ человекъ?» И говоритъ ему живъ человекъ: «Государь Еруслон Лазаревичъ! Ково ты спрашиваешь или кто тебѣ надойбень?» И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Брате, живъ человекъ! Чья рать-сила побитая, и кто ея побиваль?» И говоритъ ему живъ человекъ: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! Та рать-сила побитая лежитъ Феодула царя, змяя, а побивал ея князь Иванъ, руской богатырь, а доступаетъ у него прекрасныя царевны Кондурии Феодуловны, *ищеть* ея за себя взять, неволею».

И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Брате, живъ человекъ! Далече ли ево сугитать?» И говоритъ ему живъ человекъ: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! Недалече его съѣзжать, князя Ивана, руского багатыря: объѣдь ты сию рать-силу побитую, и увѣдаешь коней слѣдъ».

---

¹—¹ во всю силу.

И Еруслон Лазаревич объѣхалъ рать-силу побитую, и нашед ступь коневью ис копытъ: скакано з горы на гору, доли и подолки вон выметываны. И Еруслон Лазаревич поѣхал тѣм же путемъ, и сталъ скакать з горы на гору, доли и подолки вон выметывалъ. И говоритъ самъ себѣ: «Конь коня лутче, а молодець молотца и давно удалѣя!»

И ѣдетъ мѣсяць, и другой, и третей, и наѣхал в чистѣ полѣ шатер стоитъ, а у бѣла шатра доброй конь стреножень, на бѣлой полсте¹ зоблетъ² бѣлюрюю пшеницу. И Еруслон Лазаревич припустил добра коня Араша вѣщаго к тому же корму, а самъ пошелъ в бѣлъ шатеръ, ажно въ бѣлѣ шатрѣ опочевает млад молодець замертво. И Еруслон Лазаревич вынял у себе саблю булатную, и хошет его скорой смерти предать; а самъ себѣ подумал: «Не честь мнѣ будетъ, не хвала, что сонного убить: сонной человекъ, аки мертвой». И Еруслонъ Лазаревич легъ опочевать в шатрѣ, на другой сторонѣ, и уснулъ крепко.

И князь Иван, руской богатырь, пробудился и вышелъ из шатра вон, и посмотрил на свой доброй конь: ажно ево добрый конь далече отбить, и щиплетъ траву в чистѣ полѣ, а на бѣлой полсте чюжь конь, незнаемъ, и зоблетъ бѣлюрюю пшеницу.

И князь Иван, руской багатырь, вшел в шатер и посмотрил: ажно в бѣлѣ шатрѣ, на другой сторонѣ, спитъ млад молодець. И князь Иванъ, руской багатырь, вынял саблю булатную и хошетъ его смерти предать. А самъ себѣ подумал: «Не честь мнѣ будетъ, не хвала молодецкая, сонного человекъ убить: сонной человекъ аки мертвой».

Учал будить: «Стань, человекъ, убудись! Не для ради моего бужения, для ради своего спасения! Не вѣдаешь, что не по себѣ товарища избираешь, за то рано напрасною смертию умрешь! За что лошадь свою к чюжему корму припускаешь, а самъ не спросясь в чужей шатер ходишь? За то люди напрасно много крови проливають! И какъ еси тебя зовуть по имени, и откуда ѣздишь, и какова отца сынъ?»

И говоритъ ему Еруслон Лазаревич: «Господине, князь Иванъ, руской богатырь! Язь ѣду от Картаусова царства, отецъ у меня князь Лазарь Лазаревичъ, а мати у меня Епистимия, а меня зовут Еруслономъ. А добра коня к чюжему корму припустил, что ему стоять бѣз корму неугодно, а твоего коня прочь не отбивал. Что ты говоришь — не гораздо ладно! Когда бываютъ люди добрые, и они прежь худыхъ речей пьютъ и дятъ, и потѣшаютца, и в чистѣ полѣ разѣзжаются. Есть ли у тебя, князь Иванъ, руской багатырь, чемъ вода черпати?» И говоритъ ему князь Иван, руской богатырь: «Есть у меня чара, чемъ вода черпать»

И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревич: «Князь Иван, руской богатырь! Когда тебѣ есть чемъ вода черпать, и ты почерпни воды и умойся, да и мнѣ по-

¹ холстине; ² ест жадно.

дай!» И говорит князь Иванъ, руской багатырь: «Еруслон Лазаревичъ! Тебѣ вода черпать да и мнѣ подавать, а ты дитя молодое!» А в те поры Еруслонъ Лазаревичъ шти лѣтъ по седьмому году пошло.

И говоритъ Еруслон *Лазаревич*: «Князь Иван, руской багатырь! Тебѣ вода черпать да и мнѣ подавать! Не имав птицу — да теребишь, а добра молотца не *отвѣдав* — да хулишь и хулу возлагаешь». И говорит Иванъ, руской багатырь: «Я во князѣх князь, а в боярех боярин, а ты казакъ! Тебѣ вода черпать да и мнѣ подавать!»

И говорит ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Язь в чистѣ полѣ багатырь, и у царей во дворѣ багатырь; а ты когда у царей во дворѣ — и тогда ты князь, а когда ты в чистѣ полѣ — и тогда ты песь, а не князь! Тебѣ вода черпать да и мнѣ подавать!»

И видитъ князь неминучую бѣду, и взял чару, и почерпаетъ воду, и самъ умылся, да и ему подал.

И Еруслонъ Лазаревичъ умылся, и сядил на свои добрыя кони, и князь Иванъ, руской багатырь, поѣхал во всю пору лошадиную, а Еруслон поѣхал ступью бредучею. И понадогнал Еруслонъ Лазаревичъ, и ударил своего добраго коня Араша вѣщаго по окаракамъ, и выпередилъ князя Ивана, руского багатыря, и помолился: «Боже, Боже, Спасъ милостивъ! Дай мнѣ, Господи, всякого челоуѣка убить копьемъ, тупымъ концемъ!»

И оборотил Еруслон свое долгомѣрное копье тупымъ концемъ, и ударил князя Ивана, руского богатыря, долгомѣрнымъ своимъ *копьем*, и вышибъ его изъ седла вон; и Арашъ, его вѣщей конь, наступил на *доспѣшное* ожерельце¹. И обратил Еруслон Лазаревичъ свое копьѣ долгомѣрное острымъ концемъ, и хошетъ его смерти предать.

И говоритъ ему князь Иванъ, руской багатырь: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! Не дай смерти, дай живота! Прежь сего у нас брани не бывало, а и впредь не будетъ!»

И Еруслон Лазаревичъ слазил з добра коня, и принимаетъ его за правую руку, и целуетъ его во уста сахарныя, и называетъ его братомъ. И поѣхалъ Еруслон Лазаревичъ ко бѣлу шатру, ажно и братъ его за нимъ. И припустили своих добрых коней к одному корму, и сами пошли в бѣлъ шатеръ, и учили пити, и ясти, и веселитися.

И как будутъ оба на-веселне, и говоритъ ему Еруслон Лазаревичъ: «Брате, князь Иванъ, руской багатырь! Ёхал я в чистѣ полѣ, и наѣхал я две рати побитыя лежать, и кто ихъ побивал?» И говорит князь Иванъ, руской багатырь: «Та рать-сила побитая Феодула-царя, змяя, и побивал язь. А достаю у него яз прекрасныя царевны Кондурни Феодуловны, и хощу ея за себя взять; а сказываютъ, что ея краше на свѣте нѣтъ; и взавтра у меня будет *останошной*² бой.

¹—¹ ворот кольчуги; ² последний.

И ты, Еруслонъ Лазаревичъ, встань въ сокровенномъ мѣсте, и посмотри моей храбрости». И потешався, легли спать.

И поутру, встав рано, князь Иванъ, руской багатырь, оседлав своего добраго коня и поѣхал в чистое поле, а Еруслонъ Лазаревичъ пошел пѣшь и всталъ в сокровенномъ мѣсте, и учал смотреть; и какъ приѣдетъ на князя Ивана, руского багатыря, Феодуль-царь, змяя, конных и вооруженных отроков 30 000, по морю и по берегу.

И не ясен соколъ напускаетца на гуси-на лебеди, напускается Иванъ, руской багатырь, на рать Феодула-царя, змяя, и побилъ, и присекъ, и конемъ притоптал 20 000, и самого Феодула-царя, змяя, убилъ, и которые остались — люди малыя и старыя, и нѣкому против Ивана, руского багатыря, битись. И взялъ князь Иванъ, руской багатырь, прекрасную царевну Кондурию Феодуловну, и повель ея к своему шатру, а достальная сила Феодула-царя, змяя, воротилась к своему царству.

И привель князь Иван, руской багатырь, в бѣль шатер Кондурию Феодуловну; а Еруслонъ Лазаревичъ за нимъ тут же пришелъ в шатер; и учили пити и *ясти*, и веселитися. И легъ опочевать с нею Иван, руской багатырь, а Еруслон из шатра вон вышел.

И говоритъ князь Иванъ, руской багатырь: «Милая моя, прекрасная царевна Кондурия Феодуловна! Для тебя язъ со отцемъ твоимъ великую брань сотворилъ, и отца твоего убилъ, а силы прибилъ и присѣкъ, и конем притоптал больше 50 000, а все для тебя. Есть ли тебя на свѣте краше, а моего брата Еруслона храбрѣе и сильнѣе?»

И говоритъ ему царевна Кондурия: * «Государь Иванъ, руской багатырь! Кровь отца моего и воинских людей не по красотѣ моей пролита, но по грѣхам; я, государь, что за красна! А есть, государь, в чистѣ поле, в бѣле шатрѣ, три дѣвицы царя Богрия, а по имени зовуть их: болшая — Прондора,* а середняя — Мендора,* а меншая — Легия.* А которая, государь, пред нимъ предстоящая послѣдняя, стоитъ день и ночь, — та вдесетеро меня краше! А язъ что за красна и хороша? Когда я была у отца своего и у матери, а тепере — полоняничное тѣло: волен Богъ да и ты со мною! А есть, государь, под *Индѣйскимъ* царствомъ, служить у царя Далмата челоувѣкъ, а зовуть его Ивашкомъ, Бѣлая Японча. А слыхала язъ у отца своего, уже он стережетъ в чистѣ полѣ на дороге 33 лѣта, а во царство мимо ево никаковъ багатырь не проѣзживал, ни звѣрь не прорыскивал, ни птица не пролѣтывала; а язъ, государь, брата твоего Еруслона Лазаревича храбрости не видала и не слыхала, кои у нихъ *храбрѣе*».

И Еруслонъ Лазаревичъ все то слышал, и багатырское сердце неутерпчиво: входитъ в бѣль шатеръ, образу Божию молится, брату своему поклоняетца, и с нимъ прощаетца, и садитца на свой доброй конь, и поѣхал в чистое поле гулять, ко Индѣйскому царству, поклонитися царю Далмату да свидетца со Иваномъ, Бѣлой Епанчой.

И ъдетъ мѣсяць Еруслон Лазаревичъ, мѣсець, и другой, и третей, а самъ себѣ подумалъ: «Поѣхалъ я, де, въ дальнюю страну, а не простился я ни со отцемъ, ни с матерью, и не видали онѣ меня, какъ ѣждю на добромъ конѣ!» И воротился Еруслонъ Лазаревичъ во царство царя Картауса Картаусовича, и ко отцу своему, и к матери.

И ъдетъ мѣсяць, и другой, и третей, и доѣхал до царства царя Картауса Картаусовича. Ажно подѣ царствомъ царя Картауса стоитъ Данило Бѣлой князь, а с нимъ войско 90 000, и похваляетца царство ¹за щитомъ¹ взять, и царя Картоуса взять жива, и князя Лазаря Лазаревича, и 12 богатырей.

И увидѣвши Еруслон Лазаревичъ под царствомъ рать-силу великую, и поступить к бою нѣчемъ: нѣтъ у Еруслона ни щита крепкаго, ни копыя долгомѣрного, ни меча остраго. И поѣхалъ *Еруслон* Лазаревичъ ко двору и ко градной стѣнѣ, и видѣли ево, что ъдетъ Еруслонъ, и отворили ему ворота градныя, ажно отецъ ево ездитъ во объѣждихъ головах.*

И Еруслон Лазаревичъ, не доѣзжаячи отца своего, слазить з добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолѣтнее здравие государю моему батюшку, Лазарю Лазаревичю! Какъ тебя, государя моего, Бог милуетъ, и что ты, государь, ѣздишь невесель, кручиновать?»

И говорит князь Лазарь Лазаревичъ: «Дитятко мое милое, Еруслонъ Лазаревичъ! Какъ быть мнѣ веселу? Приѣхал под наше царство князь Данило Бѣлый, а с нимъ войска 90 000, конных и вооружонных; и похваляетца царство наше за щитомъ взять, а царя Картауса и 12 богатырей хошетъ к себѣ взять».

И говоритъ Еруслон Лазаревичъ: «Государь мой батюшко, князь Лазарь Лазаревичъ! Пожалуй ты мнѣ свой крѣпкой щитъ и копые долгомѣрное, и язъ учну с татары дѣло дѣлать!»

И говоритъ ему князь Лазарь Лазаревичъ: «Дитятко мое милое, Еруслонъ Лазаревичъ! Ты дитятко молодое, не бывал на дѣле ратномъ, и услышишь свистъ татарской, и ты устроишься их, и онѣ тебя убьют».

И говоритъ ему Еруслон Лазаревичъ: «Не учи, батюшко, гоголя* на водѣ плавать, а багатырского сына с татары дѣло дѣлать».

И даетъ ему князь Лазарь Лазаревичъ свой крепкой щитъ и копые свое долгомѣрное, и Еруслонъ Лазаревичъ емлетъ щитъ под пазуху, а копые в руку, и выѣхал Еруслон Лазаревичъ в чистое поле гулять, и учал побивать рать-силу князя Данила Бѣлого, и прибил, и присѣкъ рать-силу татарскую, и поймал самого князя Данила Бѣлого, и взял на него клятву, что ему, князю Данилу Бѣлому, ни дѣтем его, ни внучатамъ под *царство* царя Картауса не приходитъ; и какъ придетъ опять под царство царя Картауса, и какъ выдастъ Богъ в руки, и ему живому не быть. И отпустил его во свою землю, ко граду его. А войско толко осталось 2000.

¹—1 т. е.: приступом.

Как ъдет Еруслон Лазаревич ко царству Картаусову, и встречается его самъ царь Картаусъ за градомъ, и Лазарь Лазаревичъ, и 12 богатырей. И Еруслонъ Лазаревичъ, не доезжаячи отца своего и царя Картауса, слазить с своего з добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолѣтное здравие царю Картаусу и государю моему батюшку, князю Лазарю Лазаревичю! Какъ вась, государей моихъ, Богъ милуетъ?»

И говоритъ царь Картаус: «Виноват я, Еруслонъ Лазаревичъ, пред тобою, что велѣлъ тебя ис царства вонъ выслать; и нынѣ ты живи у меня в царствѣ, и емли города с пригоротками и с красными селами; казна тебѣ у меня не затворена, а мѣсто тебѣ подле меня, а другое — противъ меня, а третий — гдѣ тебѣ любо».

И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Государь царь Картаус! Не надобѣ мнѣ твоей ничего, и не повадился я у тебя во царствѣ жить, повадился я в чистѣ полѣ казаковать». И прикушал Еруслон Лазаревичъ хлебца маленько у царя, и простился со царемъ и со отцемъ своимъ, и с матерью, со всѣмъ царством, и поѣхал в чистое поле.

И ѣхал польгодишное время, ажно наѣхал в чистѣ полѣ шатерь, а в бѣле шатрѣ три девицы седятъ: Прондора да Мандора да Легия, *царевны*, дочери царя Богрия; таковых прекрасных на свѣте нѣтъ. А делаютъ дѣло ручное. И вшел к ним Еруслон Лазаревичъ в бѣлъ шатер, забылъ образу Божию молиться, что сердце его разгорѣлось, юность его заиграла, и емлетъ себѣ большую сестру, прекрасную царевну Прондору за руку, а тѣмъ сестрамъ велѣлъ из шатра вон вытѣти, а сам с нею легъ спать на постелю, и говоритъ ей: «Милая моя, прекрасная царевна Богриевна! Есть ли на семъ свѣте тебя краше, а меня храбрѣе?» И говоритъ ему прекрасная царевна Прондора: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ, что я за красна? Когда я была у отца своего и у матери, тогда яз была и красна, и хороша, а нонеча язъ полоняное тѣло. А есть, государь, подѣ Индѣйскимъ царствомъ, у царя Далмата, человекъ, а зовуть ево Иванъ, а прозвище Бѣлая Япанча, и стоитъ в чистѣ полѣ на дорогѣ; мимо ево никакой человекъ не прохаживал, ни богатырь не проѣждивал, ни звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролѣтывала, и никакой богатырь не проѣждивал, а ты что за храбрѣе? Обычная твоя храбрость — что ты насъ, дѣвокъ, разыгнал... грабилъ!»

И стал Еруслон Лазаревичъ с постели, и взял острую саблю свою и отсѣкъ ей голову, да и пот кровать бросил. И емлетъ себѣ на постелю вторую сестру, Мендору, и говоритъ ей Еруслон Лазаревичъ: «Милая, прекрасная Мендора Богриевна! Есть ли на семъ свѣте тебя краше, а меня храбрѣе?» И она ему тѣ же рѣчи сказала, и он ей главу отсѣкъ и под кровать бросил.

И емлетъ третью девицу, Лѣгию, к себѣ на кровать и говоритъ ей: «Милая моя, прекрасная царевна Легия! Есть ли тебя на семъ свѣте краше, а меня храбрѣе?» И говоритъ ему Легия, девица: «Государь Еруслон Лазаревичъ! Язъ что за красна и хороша? Когда я была у отца своего во царствѣ, тогда я была

красна и хороша, а нынѣ — полоняное тѣло. Которое ты у меня красоты захотѣлъ? А есть, государь, под Индѣйским царствомъ, у царя Долмата, человекъ, а зовут его Ивашко, а прозвище Бѣлая Япанча; а стоитъ он на дороге в чисте полѣ; мимо его никаков богатырь не проѣзживал, ни звѣрь не прорыскивал, и никаков человекъ не проѣзживал, ни птица не пролѣтывала. А я у васъ не вѣдаю, кои храбрѣе и сильнѣе. Да есть, государь, во градѣ Дербие, у царя Фарфоломея царевна Настасья; которая, государь, предъ нимъ предстоящая, и та вдесятеро меня краше!»

И тутъ Еруслон Лазаревичъ, став с постели, и говорить ей таково слово: «Милая моя, прекрасная царевна Легия! Живи ты в чистѣ полѣ, не бойся никого, а сестерь своих схорони».

И Еруслонъ Лазаревичъ сѣлъ на свой доброй конь и поѣхалъ в чистое поле, ко Индѣйскому царству, ко царю Далмату поклонитися да свидѣтца с Бѣлашком, Бѣлой Епанчей.

И едет Еруслон Лазаревичъ мѣсяцъ, и другой, и третей; а в тѣ поры Еруслонъ Лазаревичъ седми лѣтъ; и доѣхалъ: ажно в чистѣ полѣ стоитъ человекъ, копьемъ подпершись, во бѣлой япанче,* шляпа на немъ сорочинская,* и стоячи дремлетъ.

И Еруслон Лазаревичъ ударилъ ево по шляпе *плетью*, и говорить: «Человѣче, убудися! Мошно тебѣ и лежа наспатца, а не стоя!» И говорит Ивашко, Бѣлая Япанча: «А ты кто еси, и какъ тебя зовутъ по имени, и откуда ѣздишь?»

И говорить ему Еруслон Лазаревичъ: «Язъ ѣду от Картаусова царства, отецъ у меня князь Лазарь Лазаревичъ, а мати у меня Епистимия, а меня зовутъ Еруслономъ; а ѣду я во Индѣйское царство поклонитися царю Далмату».

И говорить ему Ивашко, Бѣлая Япанча: «Брате Еруслонъ Лазаревичъ! Прежь сего мимо меня не проѣзживал никаков багатырь, а ты хочешь мимо меня проѣхать? Поѣдемъ в чистое поле и отвѣдаемъ плечъ своихъ багатырскихъ».

И тут скоро сядились на своѣ добрыя кони и поѣхали в чистое поле гулять. Ивашко поѣхал во всю пору лошадиную, а Еруслон поѣхалъ ступью бредучею; Ивашко заѣхал наперед, а Еруслон Лазаревичъ помолился: «Боже, Боже, Спас милостив! Дай мнѣ, Господи, всякого человекъ убить копьемъ, тупымъ концем!»

И удари Еруслонъ Лазаревичъ Ивашка против сердца ретиваго копьемъ, тупымъ концемъ, и вышубъ из седла вон. И Арашъ, его вѣщей конь, наступил на dospѣшное ожерельеце и пригнелъ к сырой землѣ. И обратилъ Еруслонъ Лазаревичъ копье острымъ концемъ, и хочеть его скорой смерти предать.

И говорить ему Еруслон Лазаревичъ: «Брате Ивашко! Смерти хошь или живота?» И молитца Ивашко, лѣжа на земли: «Государь Еруслон Лазаревичъ!

Не дай смерти, дай живота! Прежь сего у нас брани не бывало, да и впредь не будеть!»

И говорит ему Еруслон Лазаревич: «Брате Ивашко! Не убил бы ты, да за то тебя убью, что знают тебя в чистъ полъ всякия красныя дѣвки». И обратил Еруслон Лазаревич копье острым концемъ, и предал его смерти, а самъ поѣхал ко Индѣйскому царству, поклонитися царю Далмату.

И Еруслонъ Лазаревичъ, какъ приѣхал ко царству, и въѣхалъ на царевъ дворъ, и слезъ с своего добраго коня, а самъ пошел ко царю в полату; образу Божию молитца, царю Далмату поклоняетца: «Многолѣтное здравие царю Далмату со своими 12 богатырями! А меня, государь, холопа своего, прими в службу!»

И говоритъ ему индѣйский царь Далматъ: «Откуда еси, человекъ, пришелъ, от которого царства, и какова отца сынъ, и какъ тебя зовуть по имени?» И говорит ему Еруслон Лазаревичъ: «Государь царь Далматъ! Ъжду я от Картаусова царства, а рождения сынъ князя Лазаря Лазаревича, а матери Епистимии, а меня зовуть Еруслонъкомъ» — «Каким же ты *путѣмъ* ѣхал, коннымъ или пѣшимъ или водянымъ?»

И говорит Еруслонъ Лазаревичъ: «Государь царь Далмат, язь ѣхал сухимъ путемъ». И говоритъ царь Далматъ: «Еруслонъ Лазаревич! Есть у меня человекъ на дорогѣ стоит, в чистъ полъ, а зовут ево Ивашком, прозвище Бѣлая Япанча; мимо ево никаков богатырь не проѣждивал, ни звѣрь не прорыскивал, ни птица не пролѣтывала, и никаков человекъ не прохаживал. А ты какъ проѣхал?» И говоритъ ему Еруслон: «Язь, государь, не вѣдал, что твой человекъ, и я ево убилъ». И тутъ царь Далматъ убоялся: «Когда, де, он такова богатыря убилъ, и он, де, царствомъ моимъ завладѣеть».

И *стал* царь Далматъ кручиноват: «А не на то, де, он приѣхал ко мнѣ во царство, что ему служить, но на то он приѣхал, что ему царствомъ завладѣть моимъ». И велѣлъ Еруслону чтити честью великою, и поить, и кормить своимъ царскимъ питиемъ довольно. И узналъ Еруслонъ Лазаревичъ, что его царь убоялся, и оседла коня своего, и вшедь в каменную полату, образу Божию молитца, и с царемъ Далматомъ прощаетца, и поѣхалъ Еруслон из града вонъ. И царь возрадовался радостию великою, что Богъ избавилъ Еруслона, и повелѣ градныя врата затворити и утвердити, чтобы «Еруслон назад не воротился и царства бы нашего не попленилъ».

И поѣхал Еруслонъ Лазаревичъ ко граду Дербию, к царю Варфоломѣю поклонитися, а хоцет видѣти прекрасную царевну Настасию Варфоломѣевну, что он слышал про ея красоту. А в тѣ поры Еруслон Лазаревич осми лѣтъ на девятомъ году.

И ѣдетъ мѣсяць, и другой, и третей, а самъ себѣ подумал: «Поѣхал, де, я в дальнюю страну, не простясь ни со отцемъ, ни с матерью; а естли мнѣ слюбитца прекрасная царевна, и я на ней женюся, а у отца своего и у матери не благословился!»

И поѣхал Еруслонъ Лазаревичъ х Картаусову царству, ажно Картаусово царство пусто, поплнено, и огнемъ пожьжено, и мхом поросло; лишь только одна хижинка стоитъ, а въ хижинке стар человекъ об одномъ глазѣ.

И Еруслон Лазаревичъ вшел в хижину; образу Божию молитца, старику поклоняетца. И говорит Еруслон Лазаревичъ: «Брате стар человекъ! Гдѣ сие царство дѣвалось и кто пленил?» И говорить ему стар человекъ: «Господине воин! Откуда ѣдешь и какъ тебя по имени зовуть?» И говорить ему Еруслон Лазаревичъ: «Какъ ты, старик, меня не знаешь? Язъ здешнаго царства, сынъ князя Лазаря Лазаревича, а мати у меня Епистимия, а меня зовуть Еруслономъ».

И тутъ старик со слезами пал на землю, и говорить ему: «Государь *Еруслон* Лазаревичъ! После твоего отъѣзду немного времени минуло, пришел под наше царство князь Данило Бѣлой; собрал войска 120 000, и пришел, наше царство попленил, и огнемъ пожегъ, и ратных людей побилъ, храбрых витязей 80 000, а честныхъ людей 300 800, а поповъ и чернцовъ собрал на поле и огнемъ пожегъ 472, а младенцовъ прибилъ 11 000, а женъ 14 000. А царя Картауса и отца твоего князя Лазаря Лазаревича и 12 богатырей в полонъ взялъ, и *свезъ* во свою землю. А язъ един пролежал в трупъ человекскомъ, а лежал 9 дней и 9 ношей».

И встает Еруслонъ Лазаревичъ, образу Божию молитца, и с старикомъ прощаетца; и поѣхалъ к царству князя Данила Бѣлого. А в тѣ поры Еруслонъ Лазаревичъ десяти лѣтъ и трех мѣсяцей.

И поѣхал до царства в полудное время, никто не слышал и не видалъ, только видѣли малыя робятка, по улицам играютъ. И Еруслонъ у робятъ спрашивать: «Гдѣ сидитъ у князя Данила Бѣлого царь Картаусъ, в коей темницѣ? Азъ бы ему подал милостыню».

И указали ему малыя робята темницу, и приѣхал Еруслонъ Лазаревичъ к темницѣ, и у темницы стражей всѣхъ прибилъ, и ударил в темничныя двери, и вшедъ в темницу, и говорит Еруслон Лазаревичъ: «Многолѣтное здравие царю Картаусу и государю моему батюшку, князю Лазарю Лазаревичю! Какъ вас, государей моихъ, Богъ милует?»

И говорить ему царь Картаусъ: «Человѣче, отъиди от нас прочь! Откуды пришелъ, туда и поиди, а намъ не смѣйся. Когда язъ был царь, а *тотъ* — князь, а тѣ — богатыри, а нынѣ, по грехамъ нашимъ, язъ — не царь, а тотъ — не князь, а тѣ — не богатыри, а мы сѣдимъ в темнице; уже у нас и очи выяло, и мы седимъ, и рукъ своих не видимъ».

И говорить Еруслон Лазаревичъ: «Язъ приѣхалъ к вамъ не смѣяться, язъ приѣхалъ поклониться; а меня зовуть Еруслономъ, а отецъ у меня князь Лазарь *Лазаревичъ*, а мати у меня Епистимия». И говорить царь Картаусъ: «Аще бы Еруслонъ былъ живъ, и мы бы горести не терпѣли». И говорить Еруслонъ Лазаревичъ: «Язъ не лгу». И говорить царь Картаус Еруслону: «И ты, человекъ, называешься Еруслон Лазаревичъ? И ты нам *сослужи* службу: поѣдь ты за Теплое

море, в Подонскую орду, в Штютень град, к Вольному царю, ко Огненному щиту, к Пламенному копыю, и убей его до смерти, и помажь намъ очи. И когда мы увидимъ свѣтъ Божий, и тебе вѣру поимемъ».

Еруслон поклонился царю Картаусу и отцу своему, князю Лазарю Лазаревичю, и 12 богатырям, и поѣхалъ из града вон.

И увидѣли его робята, собою млады, и сказали мурзамъ: «Ѣхал, де, из града вонъ челоуѣкъ, и сказался, де, намъ, что Еруслон Лазаревичъ».

И пришедъ мурзы к темницѣ, и у темницы, кои богатыри были приставлены, лежать прибиты. И мурза двери заключил, и пошелъ ко князю Данилу Бѣлому, и доложил ему, что был во градѣ Еруслонъ и у темницы стражей всѣхъ прибилъ.

И велѣлъ князь Данило Бѣлой в рогъ трубить и тимпаны бить. И собралися к нему мурзы и татары, и всякия люди; и велѣлъ князь Данило Бѣлой выбрать лутчих мурзъ и татаръ, конныхъ и вооруженыхъ, и велѣлъ гнаться за Еруслономъ, и велѣлъ его жива поимать и предъ себя поставить.

И погна за Еруслономъ мурзы и татары, и какъ наѣжжаютъ, и Еруслонъ остановился, и говорить имъ: «Братие мурзы и татары! Что вы слушаете своего безумнаго князя Данила Бѣлого? Не угонятца вамъ будетъ в чистѣ полѣ за вѣтромъ, а за мною же, богатыремъ, такоужъ».

И поѣхал Еруслонъ от нихъ за тихия воды, за Теплое море, к Вольному царю, ко Огненному щиту, к Пламенному копыю.

А мурзы и татары учили промеж собою думу думать: «Какъ сказать про Еруслона князю Данилу? Скажемъ мы, что его не видали».

И ѣхал Еруслонъ Лазаревичъ полгодишное время; а в тѣ поры Еруслону минуло десять лѣтъ.

И не доѣхал Еруслонъ в Подонскую орду до Штютена града 4 попришь, ажно лежитъ рать-сила побитая, а в той рате лежитъ челоуѣкъ-багатырь; а тѣло его, что сильная гора, а глава его, что сильныя бугра.

И Еруслонъ выѣхалъ в побоище, и крикнулъ громко голосомъ: «Есть ли в сей рате живъ челоуѣкъ?» И говорит ему багатырская голова: «Гой еси, Еруслон Лазаревичъ! Кого ты спрашиваешь, и кто тебѣ надобенъ?» И приѣхал Еруслонъ Лазаревичъ к багатырской головѣ, а самъ себѣ удивилъся, что мертвая голова глаголетъ.

И говорит Еруслонъ Лазаревичъ: «Гой еси, багатырская голова! Что мертва глаголеши, или мнѣ слышитца?» И говоритъ ему багатырская голова: «Еруслон Лазаревичъ, не чудитца тебѣ, но до-пряма *говори*, далече ли ѣдешь и куды твой путь?» И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «А кто ты таковъ по имени, и котораго града, и какова отца сынъ, и кто тебя убилъ?»

И говоритъ ему багатырская голова: «Былъ язъ багатырь Задонския орды, сынъ Прохора царя, и та рать со мною лежитъ Вольнаго царя, Огненнаго щита, Пламеннаго копыя; а побивалъ ея я, а по имени меня зовутъ Рослонеемъ. А прихо-

дил я под сие царство 12 лѣтъ, по-единожды на годъ. А брань у меня за то с царемъ была: отецъ мой, Прохоръ царь, сосватал за меня невѣсту ис того царства, ¹ в пеленахъ¹, а от рождения мнѣ дватцать лѣтъ. А ты, Еруслонъ Лазаревичъ, далече ли ты ѣдешь?» — «Язъ ѣду в Задонскую орду, в то же царство, к тому же царю, и хошу его пред собою мертва видѣти».

И говорить ему багатырская голова: «Не *видать* его пред собою мертва, хочешь от него самъ умерети. И язъ былъ человекъ, да и *багатырь*, многие меня цари и князи, восточные и западные, знали, не токмо меня боялись, но и имени моего страшылись. А какъ мати меня породила, и я былъ полторы сажени человекския, а толстота моя была — ² в обоемъ² человекъ. И какъ я былъ лѣтъ 3, и у меня в чистѣ полъ ни звѣрь не прорыскивал, и никаков человекъ не прохаживал, и никаковъ багатырь против меня не стаивал; а нынѣ мнѣ 20 лѣтъ. Ты самъ видишь возрастъ мой и *каково тѣло мое, и какова* моя голова. А *длина телу моему* 6 сажень, а *межъ плечъ* — 2 сажени, а *межъ ушми* — *калена стрела умещаетца*, а *глава у меня* что велик бугор, а *руки у меня были* — 3 сажени одна рука. И тутъ³ я *против того царя не мог* стояти. И тот царь силен велми: и войска у него много, и мечь его не сѣчетъ, и сабля его не иметъ, на водѣ он не тонет, а на огнѣ не горитъ».

И поѣхалъ Еруслонъ Лазаревичъ в Задонскую орду, в Штютен градъ, к Вольному царю, ко Огненному щиту, к Пламенному копью.

И какъ приѣхалъ въ Задонскую орду ко царю, и пришелъ в полату, образу Божию молитца, царю поклоняетца. И говорить ему царь: «Откуда ѣздишь, человекъ, и какова отца сынъ?» И говорить ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Язъ ѣду от Картаусова царства, *от* отца князя Лазаря Лазаревича, ишу себѣ ласкавого государя, гдѣ бы *мне послужить, красное портище* износить, и добра коня *уезъдить*, слаткого медку *напитца*, и *молодость* свою потешить». И говорит ему Вольной царь, Огненной щит, Поломянное копье: «Еруслонъ, *поѣдь* ко мне в царство, мнѣ такие люди и *надобны*». И царь его пожаловал свыше всѣхъ 12 багатырей. И служить ему Еруслонъ Лазаревичъ полгодаишное время.

И поѣхал Еруслон Лазаревич на потѣху. И какъ будутъ оба на-веселие, и близко трупу человекская, и Еруслонъ Лазаревичъ зговоритъ Вольному царю, Огненному щиту, Пламенному копью: «Государь царь и великий князь! Ехал я к тебѣ и видял я рать-силу побитую, много трупу человекскаго. А в той рате лежить живъ человекъ: тѣло его аки великая гора, а глава у него аки великая бугра». И тутъ царь от печали воздохнув, и пал на землю, и говорит царь: «Та глава ⁴лежитъ на плечѣ моемъ⁴! А под тою главою есть мечь, и всяко его аз добывал и не могъ добыти, а опричь того мѣча никаков мечь не сѣчетъ меня и не имет: на огнѣ я не горю, на водѣ не тону. А того мѣча велми боюся: какъ бы я того багатыря не убил, и мнѣ бы самому убиту от него быти».

¹—1 когда я был еще в пеленках; ²—2 в обхват; ³ при этих условиях; ⁴—4 заботит меня.

И говоритъ Еруслон Лазаревичъ: «Государь Вольной царь, Пламенное копье! Пожалуй меня, холопа своего: язъ тебѣ тотъ мечъ добуду!» И говоритъ ему Вольной царь: «Еруслон Лазаревичъ! Какъ ты мнѣ ту службу сослужишь, и я тебя пожалую паче всѣхъ ближнихъ своихъ приятелей. А токо ты похвалился такимъ словомъ да не сослужишь, и ты у меня не уйдешь никуды, ни водою, ни землею».

И поклонился ему Еруслон Лазаревичъ, и съѣзъ на свой доброй конь, и поѣхалъ к богатырской головѣ. И какъ будетъ у нея, и говоритъ ей Еруслон Лазаревичъ: «О государыни богатырская голова, надѣючися на твое великое жалованье и милосердие! Хатѣла ты ис-под себя мѣчь свободить мнѣ, и язъ предъ царемъ похвалился; и царь мнѣ такъ сказалъ: „Только, де, Еруслонъ, не добудешь того меча, и ты, де, у меня не можешь нигдѣ укрыться и утѣти, ни водою, ни землею”».

И слѣзшы Еруслон Лазаревичъ своего добра коня, и ударился о сыру землю, и говоритъ: «О государони богатырская голова! Не дай напрасной смерти, дай живота!» И богатырская голова съ мѣста содвинулась, и Еруслон Лазаревичъ возьмъ мечъ и поѣхалъ; а самъ себѣ подумалъ: «Господи Боже, Спасъ *Милостивый*! Доселѣ азъ царей устрашалъ, богатырей побивалъ, а нынѣ язъ со слезами богатырской головѣ поклонился!» И богатырская голова крикнула громко голосомъ, и Еруслонъ Лазаревичъ воротился. И Еруслонъ узналъ свою вину и воротился, и слѣзъ з добра коня, и палъ на сыру землю, и говоритъ: «Багатырская голова, виноватъ я предъ тобою, что посмешылъ такое слово».

И зговорить ему богатырская голова: «Богъ тя простить, Еруслонъ Лазаревичъ, в томъ словѣ, что дерзнулъ со млада ума! Не всѣмъ ты завладѣешь, что мечъ взялъ: можешь и съ мечемъ быти мертвъ! Тако добра хочу. Какъ ты, Еруслонъ Лазаревичъ, приѣдешь в Штютень градъ, к Вольному царю, к Огненному щиту, к Пламенному копью, и какъ увидить ты, и не усидить на престолѣ своемъ, кинетъ жезлъ свой, и стрѣтитъ ты, учнетъ тебѣ говорить, и много добра сулить; и ты, Еруслонъ Лазаревичъ, послушай меня: и ударь ево по главѣ однажды. И какъ ты ево ударишь, и буде онъ тебѣ велить себя и вдругорядь ударить, и ты ево не бей: и аще онъ съ того удара оживетъ, и онъ тебя убьетъ». И Еруслонъ Лазаревичъ поклонился ей, и поѣхалъ ко граду.

И какъ въѣхалъ на царевъ дворъ — а мечъ несетъ на плечѣ — и увидялъ его царь, скочилъ съ престола своего, и кинулъ жезлъ свой, и побѣжалъ встрѣчать Еруслона. И говоритъ ему царь: «Исполать¹ тебѣ, Еруслонъ Лазаревичъ! Какова тебя сказывали, таковъ ты и есть! За ту тебѣ службу мѣсто у меня тебѣ первое подле меня, а другое — противъ меня, а третье — гдѣ тебѣ любо! Казна у меня тебѣ не затворена, а после смерти царствомъ моимъ владѣй». И протянулъ царь руку, и хотѣлъ мечъ принять. И Еруслонъ Лазаревичъ ударилъ царя по главѣ, и разсѣкъ его надвое.

---

¹ слава.

И говорить ему царь: «Ударь меня, Еруслон, и вдругорядь!» И говорить ему Еруслон Лазаревич: «Ударил я тебя по главѣ, и разсѣкъ пополамъ, и ты не горазно говоришь! Богатырь единожды съчетъ». И кинулись к нему, и хотѣли его поимать, и взять, и посадить в темницу. И Еруслонъ взялъ въ руку мечь, а в другую полцаря, и поворотился кругомъ, и убилъ князей, и бояр, и багатырей сорок человекъ.

И зговорять ему князя и бояра, и градские люди: «Государь Еруслонъ Лазаревич! Смирися, престани битися! Не для ради мы того к тебѣ кинулись, что драться, — чтобы ты былъ у нас царь!» И говорить им Еруслонъ: «Выбирайте вы царя промежь собою иново, а язъ вамъ не царь!»

И учал Еруслонъ ис царя желчь вынимать, и в сафьянныя сумки класть. И сел Еруслонъ на свой доброй конь, и поѣхалъ из града вон; и в тѣ поры Еруслону минуло 11 лѣтъ.

И приѣхал Еруслон к багатырской головѣ, и вынял из сумокъ царьской желчь, и помаза багатыря Рохлея. И тут Рохлей жив сталъ, и с Еруслономъ поцеловались, и *назвали* другъ друга братомъ. И Рахлей богатырь поѣхал в Задонскую орду в Штютен град, по благословению отца своего женитца Вольнова царя на дочери Понарии царевны, царствовать в Штютень граде; и Еруслон поѣхал ко князю Данилу Бѣлому в царство.

И ѣхал Еруслонъ год времени, и *вѣхалъ* во градъ ночью, никто ево не слышал и не видал. И приѣхал к темницѣ, ажно у темницы стражей всѣхъ прибил, и ударил в темничныя двери, и вышѣб вон. И вшед в темницу, и говорить Еруслон Лазаревич: «Многолѣтное здравие царю Картаусу и государю моему батюшку, князю Лазарю Лазаревичу с двумя-на-десяти богатырями!» И говорить ему царь Картаус: «Человѣче, отъиди прочь от нас, не пролыгайся!» И говорить имъ Еруслон Лазаревич: «Язъ, государь, не пролыгаюся! Куды вы меня послали, и я вамъ ту службу сослужил, и желчь из его вынял».

И зговорить ему царь Картаусъ: «Человѣче! Коли ты Еруслон называешься, и службу нашу сослужил, Вольново царя убил и из него желчь вынялъ, — и ты тою желчию помажь намъ очи, и мы свѣтъ Божий увидимъ, и тебя, Еруслон, увидимъ, и вѣру тебѣ поимем».

И Еруслон царю очи помазал, и отцу своему князю Лазарю Лазаревичу, и двоюнадесяти *богатырям* очи помазал: и они свѣтъ Божий узрили, и Еруслона увидѣли, и возрадовались радостью великою.

И какъ утренняя заря займетца, и Еруслон вышел из темницы вон, и сядил на своего доброго коня, и поѣхал по граду. И не ясенъ соколь напускаетца на гуси и на лебяди, *напускаетъца* Еруслон Лазаревич на мурзы и на татары; прибил, и присѣкъ, и конемъ притоптал мурзъ и татаръ 170 000, а черных людей и младенцовъ в девять лѣтъ — въ крещеную вѣру привел и крестъ целовати за

¹ не лги, не обманывай.

царя Картоуса велѣлъ, а свою имъ татарскую вѣру велѣлъ проклинать. И велѣлъ бити челомъ царю Картоусу, а князь Лазарь Лазаревичъ княземъ былъ, а дванадцать багатырми быть. А князя Данила Бѣлого, поймав, сослал в монастырь, и велѣлъ постриши, и дал ему наказание. А за тое его убилъ, что он мать его убилъ, княгиню Епистимию.

И покушал Еруслонъ хлеба у царя маленько, Картоуса, и простился с царемъ, и со отцемъ своимъ, и з багатырми, и со всѣми людми, и всѣлъ на свой добрый конь, и поѣхал ис царства вон. Царь Картоус и отецъ ево князь Лазарь, много со слезами унимали: «Живи ты у нас, Иеруслонъ Лазаревичъ, Божие да твое царство, владѣй имъ, а от нас прочь не отъезжай!»

И Еруслон поклонился царю Картаусу, и со отцемъ своимъ простился, и поѣхалъ ко граду Дербию, ко царю Варфоломѣю, а хошетъ видѣти прекрасную царевну Натасию Варфоломѣевну; а в тѣ поры Еруслону минуло двенатцать лѣтъ.

И едетъ мѣсяць, и другой, и 3-й, и доѣхал Еруслонъ до царства Варфоломѣева. Ажно под тѣмъ царствомъ озеро велико, и в томъ озерѣ лютое чудо о трехъ головахъ, на всякъ день выходитъ на берегъ и поедаетъ многия люди. А царь Варфоломѣй велитъ на всякъ день кличь кликать, чтобы Богъ послал такова человѣка, кой бы в озере чудо извелъ, «а язъ бы ему много далъ городов, и казны довольно ему, и коней добрыхъ, и людей ему на службу, сколько ему надобно».

И въехал Еруслон во град, и стал на дворѣ у вдовы. И услышал Еруслон кличь *царьскій*, что много чудо людей поедаетъ. И сѣлъ Еруслонъ на свой доброй конь, и поѣхал к озеру.

И услышало чудо, что приѣхал Еруслонъ, и выскочило вон; конь испугался, пал на окарачки, и Еруслонъ свалился с своего добра коня на землю, и *ухватило* ево чудо, и поволокло во озеро. Еруслонъ ухватилъ мечъ свой, — а доброй конь ево остался на берегу, и влѣз Еруслонъ чуду на спину, и отсѣкъ Еруслон у чюда двѣ головы, и хошетъ третью голову отсѣчь.

И возмолилось чудо: «Государь Еруслон Лазаревичъ! Не дай смерти, дай живота! По сей день из озера не выйду, и людей ѣсть не стану, а стану ѣсть рыбу и тину, и траву болотную, а тебѣ дамъ подарокъ велий: есть у меня камень самоцвѣтной, и язъ тебѣ отдамъ».

И говоритъ Еруслон: «Чудо, аще ты мнѣ камень отдашь, язъ тебя спущу жива». И пошло чудо во озеро, — а Еруслон все на нам седѣлъ, — и взял у чюда камень самоцвѣтной, и велѣлъ вынести из озера на берегъ. И Еруслон снял с чюда третью голову и сѣлъ на свой доброй конь и поѣхал во градъ *Дербию*.

Ажно встречается ево царь Варфоломѣй въ воротахъ градныхъ, и Еруслон Лазаревичъ не доѣзжаячи царя, слазитъ с своего добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолѣтное здравие государю царю Варфоломѣю! *Многолѣтствуй*, государь, во своемъ царствѣ, с князи и з баляры, и со всѣми христианы на многіе лѣта! Избыл еси *твоего* града губителя!»

И зговорить ему царь Варфоломѣй, и всѣ возрадовались радостію великою, и емлетъ Еруслон за *руку* за правую, и целуетъ его во уста сахарныя, а самъ зговорить таково слово: «Вѣдаю язъ, Божій челоувѣкъ, не хотя Господь смерти грѣшникомъ, хотя нашъ град от таковаго губителя спасти, посланно за тобою, храбрымъ воиномъ. И как тебя зовутъ по имени, и откуда тебя сюды Богъ занес, и какова отца сынъ и матери?»

И зговорить Еруслон: «Государь царь Варфоломѣй! Язъ, государь, ѣжду от Картоусова царства, а от отца сынъ князя Лазаря Лазаревича, а мати у меня Епистимія, а меня зовут *Еруслоном*. А гулял язъ, государь, в чистомъ полѣ».

И царь о немъ наипаче возрадовался, что Богъ ему подал такова челоувѣка храбраго. И архиепископъ того града со всѣмъ соборомъ и со кресты, и со иконами стречали с князи, и з боляры, и со всѣми своими православными христианы; поклоняетъца весь мир: и малые младенцы возыграли, и стари вострепелались; и бысть во градѣ радость великая.

И царь Варфоломѣй на радости и пиры сотворил многія и великія, и созвал князей и бояръ, и всяких чинов людей, з женами и з детми, а Еруслон взялъ е за руку, и повел к себѣ в полаты, и посадил, *учрежда* мѣсто ему подле себя, и стал ему *говорить*: «Государь Еруслон Лазаревич! Буди воля твоя, живи ты у меня во царствѣ, и емли ты города, и с пригородками, и с красными селами. Мѣсто тебѣ — подле меня, а другое — против меня, а третие мѣсто — гдѣ тебѣ любо; казна тебѣ у меня не затворена: емли себѣ злата и сребра, и скатнаго жемчюга, и каменія драгаго, сколько тебѣ надойбно. И поизволишь жениться, и язъ дамъ за тебя дочью свою Настасью Прекрасную, а приданова дамъ половину царства».

И какъ Еруслон будетъ сѣдячи за столомъ на-веселие, и зговорить ему Еруслон Лазаревичъ: «Государь царь Варфоломей, покажи ми дочь свою». И царь Варфоломей вѣлѣлъ итъти в полату к дочери своей, прекрасной Настасіе Варфоломѣевнѣ.

И Еруслонъ вѣставъ из-за стола, и вшед в полату, образу Божию поклоняетъца, и царевна поднесла ему розныя питья царскія. Еруслон, испив у царевны, и пошел вон ис полаты, и учаль говорить: «Государь царь Варфоломѣй! Хощу жениться, и понять за себя дочь твою Настасію». И о томъ царь Варфоломѣй возвеселился и далъ за него дщерь свою Настасію.

И взял Еруслон Настасію Варфоломѣевну, и легъ с нею опочевать, и учал себѣ любить ея, спрашивать: «Милая моя царевна Настасія Варфоломѣевна! Есть ли на семь свѣте тебя краше, а меня храбрѣе?» Что зговорить ему царевна Настасія: «Государь Еруслон Лазаревич! Нѣтъ тебя храбрѣе! Ты, государь, князя Ивана, рускаго багатыря, побил; ты, государь, князя Данила Бѣлого побилъ, и царство его попленил; ты, государь, Ивашко, Бѣлую Япанчу, убил; ты индѣйскаго царя устрасил; ты, государь, Вольнаго царя, Огненнаго щита, Поломяного копья, убил; ты, государь, оживилъ Рахлѣя багатыря; ты, государь,

отца своего воскресил и змия убил. Язь, государь, что за красна! Как есть государь, а в Девичь царствѣ, в Солнышномъ градѣ, царевна Понария, сама царствомъ владѣть; иная, государя, коя пред нею стоит день и ночь, и та, государь, меня вдесятеро *краше*».

И поутру встав Еруслон Лазаревич рано, и даетъ женѣ своей царевнѣ Настасие Варфоломѣевнѣ камень самоцвѣтной, и зговорить ей: «Милая моя царевна Настасия! И только ты родишь сына — и ты ему вдѣлай въ перстень, а только родишь дочь — дай в приданые». А самъ пошелъ ко царю в палату, и учаль с нимъ пития пити и веселитися.

И какъ будут оба на-веселии, и Еруслон встав из-за стола, образу Божию поклоняетца, и царю бьетъ челомъ, и з женою простился. И сълъ на свой доброй конь, и поѣхалъ к Девичью царству, к Солнышному граду, видѣти прекрасную царевну Панарию.

И ѣхал Еруслон полгода времени, и доѣхал до Девичья царства, до Солнышнаго града, и въѣхал во градъ, и слѣзъ с своего добраго коня, и пошел к царевнѣ в полату.

И узрѣла царевна такова воина, и возрадовалась, и учала ему бити челомъ: «Государь Еруслон Лазаревич! Владѣй ты моим царствомъ и людьми; и вся казна, и добрые люди, и кони, и я сама пред тобою; а воинских людей у меня 7000, и черных людей 300 000, владѣй!»

Еруслонъ Лазаревич, смотрячи на красоту ея, с умомъ смешался, и забыл свой первой бракъ. И взялъ ея за руку за правую, и целовалъ ея во уста сахарныя, и *прижималъ* ея к сердцу ретивому, и назвалъ ея женою, а она ево мужемъ назвала. И учили себѣ жить, а царствомъ владѣти.

А Настасия Варфоломѣевна без него родила сына, и нарече во святомъ крещении имя ему Иванъ, а прозвище Еруслонъ Еруслонович; *глаза* у него какъ *питныя* чаши, а лицомъ румянь, а собою ростучь. И живетъ Настасия Варфоломѣевна без Еруслона пять лѣтъ, по вся дни лице свое умываетъ слезами, ждучи своего мужа Еруслона Лазаревича.

И какъ будетъ Еруслонъ Еруслонович пяти лѣтъ на шестомъ, и учаль ходить во дворъ г дѣдушку своему царю Варфоломѣю, и учаль шутить шутки с княженецкими дѣтми и боярскими, и з гостинными: ково хватить за руку — у того рука прочь, ково хватить за голову — и голова прочь; и ту гражданина не залюбил.

Еруслон Еруслонович узналъ, что ево гражданина не возлюбил, и пришелъ к матери своей Настасие Варфоломѣевнѣ и учал говорить: «Государыни матушка, Настасья Варфоломѣевна! Куды поѣхалъ государь мой батюшко?» И зговорить Настасья: «Дитяtko мое милое, Еруслонъ Еруслонович! Поѣхал твой батюшко к Девичью царству, к Солнышному граду». Еруслонъ Еруслонович седлалъ своего добраго коня и поѣхал отца своего искать.

И как будетъ Еруслонъ Еруслоновичъ под царствомъ Девичимъ, и скрычить громко голосомъ. И отецъ его *Еруслонъ* с постели спрянулъ, и зговорить: «Милая моя Понария царевна! Не бывали ли хто преж сего под симъ царствомъ, и не сватывался ли кто к тебѣ?» И говоритъ ему Понария царевна: «Государь Еруслон Лазаревич! Не бывал никто прежде тебя». И зговорить Еруслонъ: «Слышу язъ, что есть под моимъ царствомъ багатырь; и я поѣду убью *ево*». И выѣхал Еруслонъ в чистое поле.

Как съѣзжаютца два сильныя богатыри: Еруслонъ Лазаревичъ ударил сына своего *против* сердца ретиваго, и мало ево ис седла вон не вышиб; и Еруслонъ Еруслоновичъ ударилъ отца своего против сердца ретиваго, и ухватил Еруслонъ Еруслоновичъ копье рукою правою у отца своего, и возсиялъ на рукъ перстень, а в перстни — *камень* самоцвѣтной.

И увидал Еруслонъ Лазаревичъ у сына своего златъ перстень, а в перстни камень самоцвѣтной, и учалъ спрашивать сына своего: «Чье дѣтище молодое, и откуда ѣздишь, и какова отца сынъ, и какъ тебя зовутъ по имени?»

И зговорить сынъ ево: «Государь храбрый воин! Язъ ѣду от града Дербии, от царя Варфоломѣя; а отецъ у меня был Еруслонъ Лазаревичъ, а мати у меня Настасия Варфоломѣевна; а отца своего в лицѣ не знаю; а поѣхал от матери своей гулять г Девичью царству».

И Еруслон Лазаревичъ брал ево за руку за правую, и целовал его во уста сахарныя, и называлъ его сыномъ. И сажались онъ на своѣ добрыя кони, и поѣхали ко Дербию граду, к Варфоломѣеву царству. И *учалъ* Еруслон сына своего спрашивать о отцѣ своемъ царѣ Варфоломѣе о здравии, и о матери его, а об своей женѣ, и о царствѣ, и о людѣхъ: «Не прихаживал ли хто без меня под наше царство, и не побивал ли кто людей в царствѣ нашемъ? *Я бы ему влил кровь противо крови*»¹.

И говоритъ ему сынъ ево Еруслон Еруслоновичъ: «Государь мой батюшко, Еруслон Лазаревич! Дѣдушко при старосте, неможесть², а мати моя в печалѣхъ *великих*, что тебя к себѣ дождатися не можетъ, а под царствомъ нашимъ не бывал никто».

И ѣхалъ, ѣхал Еруслон полгода времени, и приѣхал под царство Дербию-градъ, ажно во градѣ плачь и сѣтование великое: преставися у них царь Варфоломѣй.

И въѣхали они во град Дербию; граждана того града их опознали, что едет Еруслон, и с сыномъ своим Еруслономъ Еруслоновичемъ, и людие Дербия града поклонились: «Многолѣтное здравие государю Еруслону Лазаревичу и с сыномъ своимъ Еруслономъ Еруслоновичемъ! Здравствуй, государь, на *Дерби*, принял вѣнецъ *царский* и порфиру царскую, и градъ Дербии, и орду сию, и мы о тебѣ станем радоватись, а царя *Варфоломѣя* поминати!»

¹⁻¹ я бы ему отомстил за пролитую кровь; ² болен.

И въѣхал Еруслон на дворъ свой, и выскочила противо ево стречати прекрасная царевна Настасия Варфоломѣевна, и ниско мужу своему поклоняетца, Еруслону Лазаревичю, и говоритъ таково слово: «Солнце мое равитцкое! * Откуда зошло и меня обогрѣло? Отколе мя свѣтъ освѣтил, и отколя зоря возсияла и свѣтъ освѣтилъ?» И обняла его, и взяла за руку, и целовала его во уста сахарныя, и прижимала ево к своему сердцу ретивому, и повела ево в хоромы царские, и всѣ князи и боляра, и гости торговые, и черные люди Еруслону возрадовались.

Еруслону слава не минуетца отнынѣ и до вѣка, аминь. Аминь.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ ЗЛАТЫХ КЛЮЧЕЙ

ПОВѢСТЬ ИЗРЯДНАЯ И ЗѢЛО ПРЕУДИВИТЕЛЬНАЯ
О ПЕТРѢ, КНЯЗѢ ФРАНЦУЖСКОМЪ,
И О ПРЕКРАСНОЙ ЕГО КНЯГИНѢ, О МАГИЛЕНѢ,
КРАЛЕВНЕ НЕОПАЛИТАНСКОЙ,
КОТОРАЯ ВО СВОЕЙ КРАСОТѢ И ДОБРОДѢТЕЛИ
РАВНОЙ СЕБѢ ВО ВСЕМЪ СВѢТЕ НЕ ИМѢЛА

В кралевствѣ французскомъ много есть волных князей, между которыми во единой странѣ бысть благородный князь именемъ Вольфангъ. Той имяше жену, княжескаго роду, именемъ Петронилу, французской кралевне сестру родную, с которою имѣлъ единого сына, ему жъ было имя Петръ. Той, сый во младыхъ лѣтахъ своихъ, имѣлъ охоту к дѣламъ рыцерскимъ. Егдаже бысть в лѣтахъ, ни о чѣмже иномъ помышляше, токмо о шурмованье¹, бѣгу конскомъ с копьемъ, и орудии рыцерскомъ. Прилучи же ся во едино время, яко обычай бываетъ, о чемъ же кто помышляетъ, к тому и сердце свое прилагаетъ. Видя отецъ сыновнюю породу, яко склоненъ есть к дѣламъ воинскимъ, содѣла великий пиръ для великихъ господъ в кралевствѣ французскомъ, на который пиръ возвал сродниковъ своихъ с сыновьями своими, чтоб да помогли бесѣды рыцерской сыну его, на то благоохотнѣ произволи. Егдаже приближися уреченный² день, съѣхалися всѣ с сыновьями своими. Коль тамо благообильне угосподствовал, о том долготы ради не хощу мешкати³. Но послѣ стола отцы сотвориша рѣчь къ сыновьямъ своимъ, дабы всякъ в них на добродство свое помня, ничтоже стыдяся между собою испытати бы рыцерскаго искусства, понеже имъ сие сотворенно лѣпотствуетъ.

Яко князь Петръ нынѣ же промежъ иными славными рыцери храбрство свое показалъ. Потомъ указалъ князь Вольфангъ изготовити полату и красить всякими утвари велми прекрасну, такъ же и мѣсты, на которыхъ стояли отцы ихъ и матери з девицами видѣти сыновъ своихъ рыцерство, которое промежъ ими будетъ. И князь Петръ храбрство великое над ними учинилъ и некоторой не могъ противенъ быти, и ни у кого такой силы и умѣнья не было. И вси князи почели его имѣть за большаго рыцера. И для того рыцерскаго дѣла и всякихъ его умныхъ речей всѣ его за то любили и во всемъ ево хвалили.

---

¹ турнир (польск.); ² назначенный; ³ подробно рассказывать.

Яко Рыгардусъ наговорил князя Петра, дабы ѣхал х кралю Неопалитанскому.* ¹Лучи же ся¹ на тотъ часъ тутъ же быть единому человѣку, именовъ Рыгардусу из кралевства Неопалитанского, которой видѣлъ такое его богатырство и над всѣми великое рыцерство князя Петра, сердечне его возлюбил и сталъ ему говорить, чтоб онъ в дому отца своего не жилъ, чтоб во иныхъ государьствахъ и по многимъ царьствамъ ѣздил, и свое счастье и великую славу богатырскихъ ради своихъ дѣлъ восприялъ, честь от великихъ кралей и иныхъ посторонныхъ² государьствъ, и такъ ему рекъ: «Богатырство временно есть и скоро минѣтся, слава же добрая и учтивая богатырская во вѣки славна. И часто ее люди воспоминають». Услышав то, князь Петръ с великимъ веселиемъ и охотою с молодости своей извыклъ³ к дѣламъ рыцерскимъ и шурмованию, и велми ему тѣ рѣчи полюбились.

Князь Петръ сталъ Рыгардуса спрашивать: «Скажи, гдѣ, в котором обрѣсти государьствѣ мнѣ такой славы себѣ?» И Рыгардусъ ему сказала: «Великий княже Петре, есть великий краль Неопалитанский. К нему съѣзжаются на шурмованье и для великихъ рыцерскихъ дѣлъ кралевичи и князи и всякие великие рыцери и вельможи. В томъ дѣле тѣхъ рыцерскихъ людей краль любить, а все для того, что есть у него дщерь, именовъ Магилена, вельми прекрасна, и на свѣте ея нѣтъ краше. И краль многое богатство въ тѣхъ рыцерскихъ людей тратить». Услышавъ то, князь Петръ вельми обрадовался и стал мыслить, како бы доѣхать до того кралевства, потому что и прежде сего об той прекрасной кралевне Магилене от иныхъ многихъ людей слыхалъ. И сталъ мыслить какъ бы у отца своего и матери отпрашиватца.

Яко князь Вольфангъ съ княгинею своею Петронилою в печали великой и в жалости изволи сына своего отпустить въ посторонныя государства. Во едино время князь Петръ пришедъ к отцу своему и матери, стал ихъ молить и бити челомъ: «Милостивый государь мой отче и милостивая государыня моя мати, прошу вашей отеческой милости и благословения, повольте мнѣ ѣхать в ыные посторонные государьства, всякихъ ради рыцерскихъ дѣлъ отвѣдать и себѣ богатырской славы заслужить от великихъ кралей. А слыхалъ, отче, я, что в ыныхъ государьствахъ кралевичи и княжата от своихъ отцовъ ѣздыт и всякие богатырския добрые славы заслуживать. Прошу вашей к себѣ милости отеческой, изволите меня отпустить, также счастья своего отвѣдать, какъ инья моя братия великой себѣ славы получаютъ». Услышав отецъ его и мати такое от него прошение, стали ему со слезами говорить: «О чадо наше милое, толко намъ и утѣхи, ты наше радость и веселие при старости нашей, что ты единъ, а нынѣ хочешь ты от насъ прочь отѣхать, ты намъ будешь убойца обѣимъ. И при такой при старости нашей станемъ мы ту-

¹⁻¹ случилось; ² иноземных; ³ привык.

жить и с великой своей печали по тебѣ помремъ». И иными многими словами стали его уговаривать, чтоб перестал то мыслить и прочь бы не ѣхал.

Услышавъ то князь Петръ у отца своего и матери такую рѣчь, вельми опечалися и многие дни не бысть радостен, и мало что вкушаше, всегда печален бѣ.

Видя отец и мать хотѣние сына своего, с великимъ плачемъ и печалию позволили сыну своему ѣхать в посторонныя государства.

И взявъ отецъ его к себѣ, сталъ его наказывать¹ и рече ему: «Сыне мой возлюбленный, отпускаю я тебя в ыные государства. Слушай приказанія моего, бойся Бога и молися во дни и в нощи, будешь от Бога помилован и от нас благословенъ, имѣй дружбу з добрыми товарищи».

Потомъ взяла его мати к себѣ и стала его всякими словами наказывать, чтобъ за добром ходилъ, а худа бѣгалъ. И дала ему три драгие златыя персни з драгими каменья. И дала ему чепъ златую и рекла ему: «Возлюбленный сыне мой, даю тебѣ благословение свое, прими и береги прилъжно. И какъ взглянешь на сие мое благословение, вспомни и наказание наше». И тако отпустиша его съ великимъ плачемъ и рыданиемъ, и жалостно бѣ отпускъ его всему княжению ихъ.

Яко князь Петръ доѣхал до краля Неопалитанского, и какъ приѣхал до него, довѣдался всякихъ извычаевъ и нравовъ и чиновъ двора королевскаго. Выѣхавъ он славный рыцерь из своего государства и ѣздил по розныхъ государствахъ с великою славою. Потомъ приѣхал х королевству Неопалитанскому, во градъ, гдѣ пребывал краля Неопалитанский съ королевою и съ прекрасною королевною Магиленою. И сталъ на дворѣ у единого добра человека в добромъ дому и сталъ господина дому того спрашивать о извычаехъ и всякихъ чинахъ двора королевскаго, всѣх по ряду, какъ што доведетца у нихъ в королевствѣ. И человекъ той, видя удатного² и мудраго у себя постояльца, сталъ ему все розказывать подробну, что какъ ведетца на дворѣ королевскомъ, а потомъ сказалъ: «Не великое время тому, приѣхал единъ рыцерский человекъ имянемъ Крапяня на дворѣ королевский, которой в справахъ³ своихъ рыцерскихъ искусенъ и мудръ. И краля его с великою честью принялъ. И тот рыцерь билъ челомъ кралю, чтобъ пожаловал, указалъ выкликать рыцерей на шурмованье, чтоб кто выискался сильнѣе ево, потому что онъ надѣялся на свое рыцерские мудрые дѣла и силу. И краля указалъ выкликать и уставить день битвѣ. А все то чинилъ для дщери своей прекрасной королевны Магилены». Потомъ князь Петръ сталъ спрашивать: «Друже милый, мочно ль иноземцу приезжому на томъ рыцерскомъ дѣле быть, повольно ль к тому шурмованью ѣхать?» И реклъ ему господинъ:

¹ наставлятъ; ² доброго, славного; ³ в делах.

«Вседушно ради всякому человеку вольно ѡхать, толко бы кто умель шурмовать и добръ головою своею быть».

Услышавъ то, князь Петръ сталъ ждати дни того уреченнаго, на который день будетъ шурмованье рыцерское. И велѣлъ здѣлать два ключа златые* самым добрымъ мастерством, и велѣлъ ихъ к шелму¹ придѣлать, чтоб онъ в том рыцерскомъ шурмованье у краля и у всѣхъ быть знатень. И какъ пришелъ день уреченный, и князь Петръ вставъ рано и шелъ в церковь помолитися Господу Богу. Потомъ пришедши, велѣлъ коня оседлатъ и урядъ² добрый и дорогой конской положить. А самъ въ збрую³ одѣлся и велѣлъ единому человеку своему съ собою изготовитца, которой велъ коня его простова в нарядѣ, на котором ему битися было. И иных людей много во одеждах шло, которые несли за нимъ копье и шелмъ его со златыми ключьми.

А какъ было послѣ обеда стали съезжатца на мѣсто уготованное, гдѣ быть шурмованью, и славные великие рыцери, и князя выѣхалъ нѣ тожь мѣсто. И какъ всѣ съехалися рыцери и потомъ краля с кралевою и съ прекрасною кралевною Магиленою. И иныхъ много вышло зрѣти на то рыцерское дѣло, на изготованное мѣсто высокое, отколѣ видѣть имъ было всѣхъ рыцерей славных. А рыцери стали другъ против друга, князь Петръ, яко приѣзжей человекъ, сталъ далеко от нихъ на послѣднемъ мѣсте.

Выехалъ единъ от краля велможа и реклъ имъ кралевымъ словом, чтобъ всякъ своего счастья отвѣдывал и славы показалъ друг противъ друга.

Потомъ князь Петръ сѣлъ на своего добраго коня и взявъ свой шелмъ на главу и копье в руки и сталъ по тому ѣздить, метаючи копьемъ в высоту и в ширину. И шурмуючи такъ изрядно, что ему стали все дивитися и другъ друга стали спрашивать, отколѣ сей рыцерь и какова роду. И никто не зналъ его, и онъ никому не сказался и людемъ своимъ заказалъ, чтоб не сказывали, какова онъ роду. Потомъ тотъ рыцерь, которой то шурмованье зачалъ, выѣхал и всѣмъ реклъ: «Милая моя братия любимая, нынѣ испытайте всякъ силы своей и родства своего». И выѣхалъ противъ его дворянинъ кралеvский, и такъ сильно оба два съѣхалися, ажъ дворянина копьемъ с коня чудь насадилъ, естли бы люди не подхватили ево. И то увидѣлъ Гиндрикъ Крапяня и поставил себѣ за храбрство. А в то время конь набрушился⁴ на копье дворяниново и упалъ с нимъ. Увидѣвъ дворянинъ, что он с конемъ упалъ, напустилъ на него всею силою и повалилъ, и сталъ самъ себя хвалить, что онъ удержал рыцерство храброе. И всѣ стали хвалить дворянина, а того не видали, что ево конь на копье набрушился. Видя Гиндрикъ, что все хвалят дворянина, а не по правдѣ, не хотя больши того с нимъ съѣжатися.

Увидевъ то князь Петръ большую неправду дворянина того, хотя отместить ту неправду его, и выѣхалъ противъ дворянина. И оба два ударились

¹ шлему; ² снаряжение; ³ здесь: доспехи; ⁴ напорлся.

столь крѣпко, что дворяниновъ конь никоимъ обычаемъ не состоялъ¹, от великаго заѣзду и удару князя Петра упалъ и з дворяниномъ на землю. Краль и всѣ предстоящи вельми удивились такой силѣ и богатырскому дѣлу и стали князя Петра выхваливать. И послалъ до него краль спрашивать, ис которой земли и какова роду, и какъ имя ему. И князь Петръ посланному от крала о себѣ повѣдал: «Буди королевскому величеству вѣстно, что я французской земли шляхтичъ небогатой, толко породы доброй, славы и чести себѣ заслуживать от кралеи великихъ и от князей», а имени своего не сказалъ. Выслушавъ посланный от князя Петра рѣчи и сказалъ кралу Неопалитанскому, что сказался французской земли шляхтичъ небогатой, толко породы доброй, что славы и чести себѣ заслуживать от кралеи великихъ и от князей, а имени своего не сказалъ.

Краль видя рыцера добраго челоуѣка разумнаго, в силѣ своей крѣпкаго, а что онъ имени своего и прозвища, и какой породы — не сказалъ, и краль сталъ мыслить самъ себе: «Конечно, онъ не простова, но добраго роду». И на томъ рыцерскомъ дѣлѣ и шурмованье князь Петръ от всѣхъ великую славу рыцерскую себѣ получилъ. Ни единъ противъ его стоять не могъ, кто с нимъ ни сѣзжался, всѣ срамомъ отѣзжали от него. И того ради ему краль и всѣ сенатори дали ему преднѣ мѣсто у всѣхъ рыцереу, и назвали его Рыцереу Златыхъ Ключевъ, потому что на шелму два ключа было золотыхъ придѣланы висящихъ. И в то время прекрасная кралеуна Магилена всѣмъ сердцемъ его стала любить и об немъ мыслить. Какъ он с копьемъ своимъ ѣздилъ по мѣсту и шурмовалъ любезно, а прекрасная кралеуна Магилена на него зрѣла, и сердце ея любовью по немъ распалилась. А какъ то шурмованье скончалось, и с мѣста почали розѣзжаться по домомъ своимъ, и какъ поѣхалъ князь Петръ к себѣ, и ево многие рыцери проводили, и великую честь воздали. И от того часу прошла про него великая слава во всемъ королевствѣ Неопалитанскомъ и в ьныхъ государствахъ.

Яко кралеуна Магилена милости просила, молила у отца своего, чтобъ указалъ выкликать к шурмованью рыцерскому, хотя видѣть еще храбрѣства князя Петра. Многому времени минувши, указалъ краль писать по многимъ государствамъ, чтобы рыцери сѣзжались для шурмованья рыцерскаго, и у себя в королевствѣ указалъ выкликать охотниковъ рыцереу добрыхъ. И все то чинилъ для дщери своей, прекрасной кралеуны Магилены, а она для того, чтобъ ей еще видѣть храбрѣство Рыцера Златыхъ Ключевъ. И всегда отца к тому приводила, чтобъ часто шурмованья были.

И какъ писание дошло до иныхъ государствъ, многие рыцери были тому ради и стали готовиться на уреченный день к шурмованью и для славы, что разнеслася про Рыцера Златыхъ Ключевъ. И многие со всѣхъ странъ сѣзжались рыцерские люди в Неополитань-градъ для князя Петра. Всякъ хотѣлъ с нимъ

---

¹ устоял.

силы своей отвѣдать и славы показать. И какъ пришел уреченный день и часть шурмованью, и съѣхалось вельми много славныхъ рыцереи на уготованное то мѣсто. Потомъ приѣхалъ князь Петръ в нарядѣ дорогомъ самъ и люди, и кони, что всѣмъ стало в подивление.

Потомъ всякой рыцерь по одному стали съѣзжаться с Рыцеремъ Златыхъ Ключевъ, и всякой с срамомъ отъѣзжалъ, и всѣхъ посрамилъ силою своею богатырскою, и такъ большую славу восприялъ храбрствомъ своимъ.

Видя краль такое мужество князя Петра, дивовался такой силѣ и рекъ сенатыремъ своимъ: «Подобаеть намъ такова богатыря почтити и одарить за такое ево славное храбрѣство. И за прежнѣе его храбрѣство ничемъ мы его не почитили. Зрите ли, какой человекъ храбрый, и дородный, и умный. Знать, что онъ не простова роду, но великаго. И вельми бы тому я радъ былъ, кто бы мнѣ извѣстно учинилъ¹, какъ ево имя и какова он роду. Вѣдаю, что онъ французской земли, одно не вѣдаю, котораго роду. Я бы того пожаловалъ, кто мнѣ провѣдал про него». И всѣ сенатори обещались провѣдывать про него. И никто не могъ проведать ни от самого, ни от слугъ ево.

Потомъ указал краль Рыцера Златыхъ Ключевъ звать к столу. И князь Петръ былъ велми тому радъ, для того, чтобъ прилѣжно высмотрити красоту кралевы Магилены, и умъ ее и рѣчи услышать и обычай кралевский узнать, потому что во многихъ государьствахъ дальныхъ от многихъ про красоту ея слышал.

И какъ пришло время к столу и князь Петръ, нарядясь в драгое платье, шелъ на дворъ кралевской до столовой полаты. И вшедши, кралоу поклонилъся и рѣчь ему учтиво выговорилъ. И краль сталъ его жалючи выхвалять, и всѣ предстоящи у краля подивились рѣчамъ кралевскимъ и милости к нему. И посадилъ его подлѣ своего мѣста, потомъ указалъ приитти кралевой женѣ своей и дщери своей, прекрасной кралевне Магилене. И рекъ имъ краль, чтобъ оне помогли потчивать гостя Рыцера Златыхъ Ключевъ, а королевне Магилене указалъ за столомъ сѣсть противъ рыцера князя Петра.

Потомъ зачалъ с нимъ краль говорить о всякихъ воинскихъ дѣлахъ, и онъ ему отповѣдь² держалъ на всякую рѣчь умное, что всѣ издивовались уму его и рѣчамъ мудрымъ. Потомъ многне ѣствы нашены, и князь Петръ велми мало ѣлъ, зря на красоту ее и мыслилъ самъ себѣ: «Счастливый тотъ человекъ, которому дастъ Богъ сию прекрасную девицу въ сожителницы», а того не вѣдалъ, что самому ему далъ Богъ.

Потомъ, какъ столъ отшелъ, указалъ краль играть всякие утѣшные игры для кралевы Магилены. И какъ тѣ утѣхи перестали играть, и краль изволилъ особъ говорить кралевне Магилене с Рыцеремъ Златыхъ Ключевъ. И сказалъ имъ, чтобъ онѣ вывѣдали от него, какова онъ роду. К тому изволению кралевна

¹ узнал; ² ответ.

Магилена велми рада была, что с князем Петромъ говорить. И она ево велми возлюбила, мало за столомъ ѡла, все на него зрѣла. И такъ со обеихъ странъ великая тайна в сердцахъ ихъ любовь была. И велѣла кралевна с честью рыцера к себѣ позвати для размолвы¹.

Князь Петръ, услышавъ присылку кралевны Магилены, с великимъ веселиемъ воставъ с мѣста шель к ней. Какъ пришелъ, и кралевна рекла к нему: «Учтивый гостю и породный рыцерию, королевское величество, отецъ мой, отмѣнну милость имѣеть к людямъ рыцерскимъ, при немъ которые пребываютъ для богатырскихъ славныхъ дѣлъ. А приятнѣ то государю моему батюшку, которые с нимъ о великихъ воинскихъ дѣлахъ извѣстно чинять² и тѣмъ ево тѣшать. А видя великую славу твою, и добрыи нравъ твой, всякие умные и мудрые отвѣты твои, видя тожъ породный умыслъ твой, великою милостию и любовью к тебѣ сердечне приклонился и всегда тебя выхваляетъ и великое твое рыцерство славить и часто воспоминаеть. Такъже и мати моя и я вседушно рада всякое добродѣйство тебѣ, а о томъ дивуемся, откуда тебя Господь к намъ принесъ, такова великаго рыцера. Краль, государь мой батюшка, такъже и мати моя и я, и весь сенаторъ нашъ кралевский, на великое твое рыцерство и на богатырскую силу с радостию великою ради зрѣть, и на самого тебя, добраго рыцера, и всякую честь тебѣ воздавать».

Такие рѣчи услышавъ князь Петръ от кралевны Магилены, с великою честью и уклонкою³ воставъ, учинилъ на тѣ рѣчи отвѣтъ: «О великая кралевна! Недостойнъ я такой государьской милости, какую великую милость краль государь мой и милостивая кралева мати твоя ко мнѣ приказали, а отмѣнно неудобъ сказаема милость твоя, никакими моими к вамъ государемъ службами та милость ко мнѣ явится. Только ямышлю, ни во мнѣ богатырства, ни во мнѣ умныхъ словъ, за что ваша такая милость государьская ко мнѣ, да вижу, милость праведная Божия надо мною и ваша государьская неудобъсказаная милость. Нигдѣ инде не хочу пребывать, только у милосердия Божия и у вашей государьской милости. Видя, государыня прекрасная кралевна, вашу государьскую милостивую породу, и столь ко мнѣ, убогому чловѣку, милость свою кажете государьскую, но всѣмъ богатымъ и убогимъ своего государьства и инова милость свою государьскую кажете и имя свое славите, о которой милостивой вашей славѣ я от многихъ людей въ посторонныхъ государьствахъ слышелъ, а нынѣ самъ милость вашу к себѣ обрелъ, то всегда уста мои, гдѣ ни буду, славу и милость явственно величать будут от нынѣшняго времени. Милостивая кралевна, убогий чужоземець, молю, чтобъ могль быти при милости вашей послѣднимъ служебникомъ⁴ своимъ, а инымъ ничемъ такую вашу государьскую милость, толко долженъ Бога молить, гдѣ буду въ посторонныхъ государьствахъ, ваше государьское имя прославлять».

¹ разговора; ² знают толк; ³ поклоном; ⁴ слугою.

Услышавъ от него королевна Магиленa рекла к нему: «Великий рыцери, не имѣю я такого неистовства, какъ ты себя нижишь¹, толко вѣдаю, что всякая въ тебѣ есть доброта, и всѣмъ тебя Богъ одарилъ, и далъ тебѣ мудрую богатырскую силу. Не толко нашему величеству королевскому то любо, но и всѣмъ постороннымъ государствамъ то мило и славно. А государя моего батюшка и государыни моей матушки, и моя отмѣнная милость и любовь к тебѣ. И за такую твою славу рыцерскую и такихъ мудрыхъ твоихъ дѣлъ велми бы я тому рада была, чтобъ мнѣ почаще с тобою разговаривать. Всѣмъ есми ты мнѣ любъ и миль: рыцерством и дородством и умомъ. Радошна бы я была, чтоб ты у насъ при милости государя моего батюшка пребывалъ и прочь не отъѣзжалъ».

Услышавъ то князь Петръ такие милостивые рѣчи королевны Магилены, всталъ, учинилъ отвѣтъ премудръ. Потомъ промежь ими были всякие многие рѣчи любителные². И с той ихъ общей бесѣды и милое другъ на друга зрѣние, объяло его помышление сердечное, иже тѣмъ сердцемъ своимъ и любовью приклонилъ к прекрасной королевне Магилене. Потомъ стали розѣзжатця и рыцери поклонилъ королевне, исшел от нея ис полаты с великимъ веселиемъ.

А король в то время былъ в столовой полате с сенатырьми. И рыцери пришел к королю, и увидя король его, пришелъ к нему и сталъ допрашивать имени его и роду. И онъ всякими рѣчами стал от короля отговариватся и таить родъ свой и больши того в рѣчи с королемъ не сталъ говорить, толко реклъ, что «французской земли шляхтичъ породной³, а ѣзжу по рознымъ государствамъ для рыцерскаго дѣла», а имени своего и роду не сказалъ. И сталъ король мыслить: «Конечно, онъ великаго роду, что таить, не сказываетъ». И князь Петръ поклонилъ королю, и пошелъ на постоялой свой дворъ.

И князь Петръ пришелъ к себѣ на дворъ, сталъ про красоту королевны Магилены мыслити и сталъ в великомъ замышлении, и почалъ имѣть на мысли своей красоту королевны Магилены, и милое промежь ими размова, и другъ на друга зрѣние и прощение, что промежь ими было, такъ сердце его в великой сердечной тягости стало по ней.

А королевна такожде пришедъ к себѣ, мыслила о немъ и такъ любовью по немъ распалилась, что всю ночь не могла уснуть, все об немъ мыслила и рада б была, чтоб об немъ вѣдала, какова онъ роду и какъ имя ему: «А знать, что онъ не убогова, но большаго роду, что не стыдятся смѣло говорить с нами, королевскимъ величествомъ». И будучи в размышлении, не уснула всю ночь и умыслила увѣривъ сказать мамке своей, имянемъ Потанцыяне, которой прежде его всю свою тайну объявляла. Наутрѣ указала быть к себѣ мамке Потанцыяне и выслала всѣхъ ис коморы⁴ своей, и стала говорить мамке своей: «О возлюбленная Потанцыяна, всегда ты мнѣ вѣрна была, и послушество всякое творила, и о томъ ты попечение имѣла, о чемъ я тебѣ тайну свою открывала. Нынѣ на мя прииде

¹ принижаетъ; ² любезные, ласковые; ³ родовитый; ⁴ комнаты.

печаль новая невѣдомая кому, что объявить иному азъ не обрѣла, опричь тебя. И такая печаль на мя прииде, еще помышляю ея со всѣхъ сторонъ объимает мя тягость и лютая болѣзнь. Первое — не допустит меня величество и честь наша королевская, з другой стороны — въ стыдъ и боязнь, чтобъ не покорить¹ честь свою. И с которой стороны ни помышляю, отвсюду на мя зло приходить. И вижу то, что мнѣ отбыть здоровья своего от печали сей».

Услыша то, мамка ея Потанцыяна стала ее утѣшать от печали ее и рекла ей: «О милостивая моя кралевна, общаю тебѣ, убогая, что мнѣ мочно учинить, и в чемъ помощь подать для твоей милости, хотя чрезъ мочь мою будетъ, то учиню. Не услышиш тоже чтобъ худое слышать и в печали видѣть здоровье твое. Лутче мнѣ самой умереть, нежели въ скорьби тебя, великую кралевну, видѣть. А нынѣ вижу тя в лицѣ премѣнну² и печальну велми. Хошу вѣдать, о чемъ имѣешь такую печаль великую и тяжкую. Естьли мочь моя будетъ, хотя смерть прииму, а тебѣ пособлю, только молю тя: не утай от меня. Извѣстно тебѣ, великая кралевна, что я тебѣ во всемъ вѣрна была. А нынѣ наипаче обещаю тебѣ и вѣру даю, что таить и никому не сказывать и помощи давати, естьли мочно мнѣ в чемъ послужить вашей милости».

Потомъ кралевна рекла к ней: «О возлюбленная Потанцыяна, издавна ты мнѣ вѣрна была, а нынѣ сама я не вѣдаю, отколѣ на мя сия невѣдомая печаль прииде».

И нача ей сказывать и рекла: «Нынѣ открываю тебѣ тайная сердца моего, возлюбленная моя Потанцыяна. Вѣдаю подлинно, что ты слышала о Рыцере Златыхъ Ключевъ, который недавно приѣхал к намъ королевскому величеству, и такую тутъ великую славу о себѣ одержалъ над иными великими рыцери. И о томъ ты подлинно вѣдаешь, вчерашняго дня былъ у отца моего, королевскаго величества, у стола, и противъ меня былъ посаженъ за столом. И видѣла я, какъ онъ на меня прилѣжно и умилно зрилъ. И какъ из-за стола после ѣствы вѣстали, в тотъ часъ король государь мой батюшко изволилъ кролевой матери моей, такъ же и мнѣ с нимъ рыцеремъ особно говорить. И с тѣхъ учтивыхъ и умныхъ его речей и милой нашей бесѣды всѣмъ сердцемъ своимъ ево возлюбила. И естьли б азъ вѣдала, что онъ роду добраго, конечно, я никого сожительника себѣ, опричь его, имѣть не хотѣла бы. И то вѣдай, милая моя Потанцыяна, что всѣмъ сердцемъ и от всея души своя ево возлюбила и опричь ево возлюбленнаго имѣть не хошу».

Услышавъ то Потанцыяна и рекла к ней: «Великая кралевна, в великое удивление привела меня нынѣ. И от тѣхъ твоихъ словъ впала в великий страхъ и трепет, и ужасея сердце мое. И не вѣдаю, какии мнѣ отвѣтъ тебѣ слова дать. Вѣдаю, что дѣло сие немалое, и тебѣ, кралевне, непристойное. Вижу, что к злу идетъ, а не к добру. Сама ты, милостивая моя, прежде того рекла, чтобъ королевскому величеству к чести, а не к позору, чтобъ и намъ всѣмъ было за радость, какъ

¹ уронить; ² изменившуюся.

мы вашей королевской милости чаемъ всякова добра и чести, и славы. Бывъ дщи великаго краля, такъже можешь быть великаго краля жена для своей красоты и чести. А нынѣ хочешь попорочить род своей великий, не знаешь, кто онъ и какова роду, а хочешь быть жена его. А мы слышали, что онъ неболшаго убогова роду, шляхтичъ земли французской. И нынѣ молю тя, милостивая королевна, чтобъ изволила сию мысль отринуть, и о немъ не мыслить, и къ сердцу своему не прилагать печали доброй. И чтоб ты изволила разсудить сию мысль, потому что дѣло сие несбытное, никогда того не будетъ и не поизволять сродичи твои, чтоб ты была жена рыцера того, потому что никто ево не знаетъ, откуда онъ приѣхал и какова роду. А хотя б онъ и сказался роду честнаго, и тому вѣрить нѣчему: конечно, онъ обманетъ, и обесчестя, васъ покинетъ, и от того будетъ всѣмъ намъ великая печаль. И такъ, милостивая королевна, изволь помыслить, чтоб к позору не прийти. И непристойну ты мысль имѣешь, вашему королевскому величеству».

Егда услыша королевна Магиленя рѣчь от мамки своей Потанцыяны, что не к помышлению ея дивно сердцу своему, и от тяжкой сердечной любви лице ея поблѣднѣло, и от памяти отошла и обмерла, потому что сердце ее было люто сердечною любовью велми обято к рыцерю, такъ реши¹, что сама себѣ волна не была. И по маломъ времени пришла в себѣ въ память и рекла Потанцыяне мамке своей: «О милая Потанцыяна! вижу вмѣсто утѣхи и прокладу, бѣдному и тяжкому и печальному сердцу моему скорби и еще болѣ скорби додаешь. Гдѣ нынѣ твоя любовь и служба, которая прежь того была во всякихъ дѣлѣхъ и послушна ты была мнѣ и помагала мнѣ во всемъ? Нынѣ вижу, что хочешь ты меня сама своими руками съ сего свѣта збыть и от твоихъ такихъ рѣчей, что сердце над всѣхъ лучше возлюбило, а ты того безшестишь. И нынѣ вижу, что во время великой печали моей тяшко приятеля добраго сыскать. О невѣрная Потанцыяна, яко бы узрела, яко тяшко и дивно печалию изранено сердце мое во мнѣ, и ты бы попеклася обо мнѣ. Вижу я, что хочешь пред очима мене мертвую, и то скоро узришь, естли ты мнѣ иной мысли и помощи не подашь. А вѣдаю я, милая моя Потанцыяна, что сердце мое не худова себѣ возлюбило, знать, что онъ великаго роду, потому что онъ человекъ умныи, и мудрый, и смѣлый, и дородный. По всему показуетъ, что не простова роду, но добраго и честнаго. И вѣдай то подлинно, что опричь ево, иного супружника себѣ не хошу имѣти, потому что сердце мое тяшко по немъ болитъ, и естли будетъ дале того, смертии same себѣ предамъ от твоихъ такихъ грубныхъ речей». А рекши то, заплакала горько, и от великой жалости упала на свою постелю, и от памяти отошла, аки мертва.

И узрела мамка ее Потанцыяна, что такую великою любовью сердце ее было обято по рыцере, поднявъ ея, рекла к ней: «О великая прекрасная королевна! востани от тяжкой печали и не сокрушай сердца своего, вѣру иими обща-

---

¹ сказать.

нию моему: на что воля твоя лежитъ, то буду чинить и всяческии помогать». И королевна от тѣшкѣ своей печали не скоро вѣстала, и Потанцыяна велми того утѣшилась, зря на королевну, и мнила, что она умре. И по малом времени королевна очьхнула от тѣшкѣ своей. И Потанцыяна стала ее тѣшить и рекла к ней: «Вижу, прекрасная королевна, тѣшко болѣзненное то дѣло, что ни во что и честь, и доброй родъ, ни во что и здорѣе свое для друга милова. Вижу и того, какъ велми возлюбила и здорѣе ни во что ставишь. В чемъ мочно, рада вамъ от всего сердца помогать обоимъ».

И рекла к ней королевна Магиленна: «От великаго тѣжкаго жалу не вѣдаю о чемъ бы иномя тебѣ приказать, только прошу тя, довѣдайся от него, что имя ему, а чаю, онъ тебѣ скажетъ. И естѣли б свѣдала, тѣмъ утѣшила сердце свое». И Потанцыяна обещалася ей довѣдатца от него про его имя.

Яко Петръ князь былъ въ церкви и яко Потанцыяна с нимъ говорила и какъ послалъ перстень х королевне Магилене. И князь Петръ всегда ходилъ в церковь на молитву, прилучи же ся прити в ту же церковь Потанцыяне помолитися. И князь Петръ шель из церкви, Потанцыяна же остановила его и рекла к нему: «Рыцерию великии, не поставь во осудъ¹, естѣ нѣчто тайно с тобою переговорить». И князь Петръ учинилъ ей честный поклонъ, что видѣлъ ея прежде того за королевною, какъ былъ у стола королевского, и сталъ слушать прилѣжно рѣчи ея. Потанцыяна, видя великую уклонность рыцера к себѣ, рекла к нему: «Великий рыцерию, многое время пребываешь у королевской милости, а всѣмъ людемъ великое подивление, что не поволитъ по се время имяни своего и роду объявить. А в королевствѣ нашемъ всѣ вѣдаютъ, что слава твоя богатырская, и рыцерская, и обычай учтивый, и мудрость речей твоихъ, и дородство само объявляетъ тебя, что ты естѣ роду великаго, да не объявишь ни королевскому величеству, ни сенатыремъ нашимъ».

Объявляю тебѣ, великий рыцерию, что я ни от королевскаго величества послана, ни от санатырей, только естѣли бы ты изволилъ объявить, котораго роду и какъ имя твое, вѣдала то, что утѣшенные и велико милые вѣсти принесла к прекрасной королевне Магилене, потому что она того жадеетъ, чтоб оно до вѣдатца про имя твое. А естѣли б от меня, служебницы своей, довѣдалася и до меня наипаче была милосерда, нежели к инымъ». Услышавъ то, князь Петръ замолчал и доумѣлся², что по наукъ королевны Магилены и рѣклъ Потанцыяне: «Хвала Богу, что меня Господь Богъ почтилъ в семъ государствѣ, наипаче на дворѣ королевской милости. Вѣдаю, честная Потанцыяна, умыслъ вашъ и за великое счастье себѣ получаю. А то наипаче ставлю себѣ въ счастье, что хочешь тѣмъ милость притъ от королевны Магилены, что про имя мое объявить. Скажу тебѣ: „Естѣ много причинъ, для того я имяни своего и роду не объявлю“».

¹ не осуди; ² догадался.

А для того что к тебѣ кравлена Магилена найпаче милосерда была, и для тѣхъ вѣстей королевна весела б была, и до нынѣшняго дня никакому человеку не объявлявал и не вѣрилъ никому, а сего часу отсылаю с тобою тайно х королевне, чтоб то никому не повѣдано было тайно б, что я княжева роду, а имя своего не скажу. А на увѣрение того, что истинно вѣру держала королевна, даю знакъ, милый подарокъ, перстень. Вѣдаю, что есть много и дражае того у нее, только что у меня здѣсь лутче, тѣмъ и челомъ бью. Какъ я отѣзжалъ из дому отца своего, и благословила милостивая государыня мати моя для памяти, чтоб я ее не забывалъ».

И взявъ тотъ перстень Потанцыяна у князя Петра, и рекла ему: «Великий рыцерию, все то, что я у тебя слышала явственно, объявлю прекрасной королевне Магилене и общаюся всякие добрые рѣчи королевне за тебя говорить». Отшедши Потанцыяна и стала мыслить: «Нынѣ вижу, что королевна правду рекла, что онъ честнаго роду. Нынѣ я и сама узнала». И пришедши х королевне Магилене, стала всѣ его рѣчи сказывать и его самого хвалить всякими похвалами и поднесла ей перстень.

Королевна выслушав у Потанцыяны по ряду¹ и приняла у ней перстень с великою любовью и честью и радостью, и рекла к ней: «Видь нынѣ, возлюбленная моя Потанцыяна, что сердце мое слышало и сама узнала по ево дородству и смѣлости, и уму мудрому, и храбрости великой, знать и по ево дорогому нраву, что онъ не простова роду. А вижу и то, что умысль любовной ево есть ко мнѣ, только надобно мнѣ его искутить, что подлинно ли онъ меня любить, а я ево люблю такъ, нежели сама себѣ, и то тебѣ сказываю нынѣ, что, конечно, ино-го не хочу себѣ в мужа имѣть, oprичъ того великаго рыцерея. И лучше мнѣ умереть, нежели умысль свой переменить. А что его здѣсь нѣтъ, то перстнемъ стану утѣшаться». И поцѣловавъ тотъ перстень с любовью. Видя Потанцыяна такую любовь королевнину к рыцерию и рекла ей: «О великая государыня королевна, вижу, что ты свою мысль всѣмъ сердцемъ преложила к *тому* рыцерию. Я того не хвалю, что столь скоро хотѣние свое к сердцу своему приключила. Какъ тебѣ первѣе того рекла, такъ и нынѣ, что дѣло сие недостаточное и нечестно королевскому роду вашему, и починаешь не размысля, и хочешь въ скоромъ времени поддаться незнаемому человеку и возлюбить ево всѣмъ сердцемъ своимъ. И от тое любви чтоб позору не было девичеству твоему. Не толко королевскому величеству отцу и королеве матери твоей, но и всему нашему государству не честь учинишь и жалость великую наведешь. И то мнѣ видится зло, что в такую печаль впала и великую кручину сердцу своему привлекла по томъ рыцере».

Услышав королевна такие рѣчи, рекла к ней яко з гнѣвомъ: «Дивлюся я тому, что ты испущаешь рѣчи, а на мысли держишь иные. Вижу я, что у тебя из однихъ устъ и холодъ и теплость сего часу. Ты того великаго рыцерея хвалила

¹ по порядку.

всякими добротами, сего жъ часу ты его позоришь и хулишь и называешь его чужеземцомъ и непороднымъ человекомъ. Не хочу я того видѣть, что в тебѣ такіе обмѣнные¹ слова приговариваешь и ко мнѣ, что не розмысля и непристойное починаю дѣло. И ты то видишь сама, что не к позору, ни к злу нашему королевскому величеству, но к чести и к супружеству къ случению замужества. Вѣдаю то подлинно, что он великаго роду, и такъ въ гнѣвъ не поставлю, скажи мнѣ, что худое начинаю и нечестно, не розмысля, и болѣ того меня не розговаривай, и меня въ гнѣвъ и печаль не приводи. Не розвѣсть тебѣ любви нашей, и впредь бы того не называть иноземцом, называй его моимъ супругником, а своимъ государемъ. И вѣдай, что ему сожительница буду и до смерти с нимъ жить въ любви».

Видя Потанцыяна волю королевнину и стала мыслить, чтобъ въ чемъ не прогнѣвать и милости ея не отбыть. Рекла Потанцыяна: «Вѣру ими мнѣ, великая королевна, какъ тебѣ, так и тому великому рыцерю рада служить и во всемъ повелѣніе ваше хранить. А нынѣ вижу, что мысль твоя королевнина хочетъ с нимъ законный бракъ прияти, чтобъ въ скором времени случилось. А какъ я тебя общалась во всемъ слушать и во всемъ помогать, и нынѣ такъ же обещаюся и готова творить, что изволишь, тебѣ, такъ же и тому рыцерю великому».

Услышавъ королевна такіе рѣчи от Потанцыяны, престала от печали и стала вельми милостива к ней, и рекла ей, чтобъ тайно хранила, никому не повѣрила и во всемъ бы помощь подавала. Общалася Потанцыяна пред Богомъ королевне, что ее слушать и повелѣніе ее творить.

И королевна стала ее любить и жаловать такъ, какъ душу свою.

Яко князь Петръ во второе видѣлся с Потанцыяною и какъ объявилъ любовь свою х королевне Магилене. И князь Петръ многое время Потанцыяну ждалъ, чтобъ ему видѣть. И пришелъ въ церковь, на том же мѣсте Потанцыяну обрѣлъ, гдѣ прежде сего с нею видѣлся, и сталъ ей вельми радъ. И пришедъ к ней, Потанцыяне поклонился ниско. И рекъ, чтобъ она гнѣву не держала, что смѣло к ней пришелъ. И Потанцыяна рекла: «Великий рыцерю, не токмо что презрѣть, но вельми рада твоей милости, что тебя, государя, увидѣла въ добромъ здравии». Отвѣщаль князь Петръ Потанцыяне: «Мнѣ то великая радость, что мнѣ Господь Богъ велѣлъ видѣти тебя в добромъ здравии, вельми тому радъ для того, что пребываешь при милости королевны Магилены. Ея милостивую славу не вижу, прекрасную королевну Магилену, нынѣ, на тебя зря, утѣшаюся для того, что ты во всемъ вѣрна королевне Магилене, для того еще тайну сердца своего открываю тебѣ, Потанцыяна».

Услышавъ же Потанцыяна такіе рѣчи от великаго рыцера, была тому рада и рекла к нему: «Великий рыцерю, буде тебѣ есть нѣчто тайно мнѣ по-

¹ обманные, лживые.

вѣдать, а ты мнѣ что повѣдаешь, вѣрно буду таить. А кому изволишь повѣдать, тому и скажу».

И князь Петръ стал ей повѣдать, как ево объяла сердечная любовь и тоска по королевне Магилене и какъ неудобъ печально сердце ево по ней.

Выслушавъ Потанцыяна слова князя Петра, отвѣтъ дала ему: «Великий рыцерию, не дивуюся тому, что добрые наши сердца к доброму умыслу приходятъ. Я вашему дѣлу не буду спорить ни в чемъ. А гдѣ мочь моя будетъ, стану вамъ радѣть и служить. А то вѣдай подлинно, что королевна так же и тебя любить, какъ ты ее. Только прошу тя, чтоб ты правду реклъ, чтоб то ваше дѣло было честно, чтоб позору не было. А то вѣдай, королевне мыслить, что законный честный бракъ с тобою приять. Только от тебя не знаю, какъ ты мыслишь, чтоб какова зла от тебя не было».

Отвѣщаль князь Петръ: «Господа Бога даю на свидѣтельство, что правду повѣдаю: иного не мышлю, только о законном бракѣ с нею и честном житии нашемъ, чтоб добрымъ людемъ видѣти было честно и на славу королевскому величеству и к чести».

Потом Потанцыяна рекла: «Дивлюся я тому, честный рыцерию, многое время при королевской милости живешь, а никому имени своего и роду не скажешь».

Князь Петръ отвѣщаль ей и реклъ: «Господу Богу обещаюся никому не сказывать имени своего, только вѣрному своему приятелю, а иному не объявлю. А естли королевна про мое имя изволит вѣдать, и я самъ объявлю ей. А естли ты хочешь, что от тебя королевна свѣдала, и ты скажи, что я тѣмъ именемъ, которой больши всѣхъ ис апостоловъ, и королевна будетъ разумѣть, какъ имя мое. Да прошу твоего приятства: поднеси сий малый подарокъ, чтоб поволила принять за болший даръ», и далъ ей другой перъстень лучши перваго.

Потанцыяна, взявъ перстень, шла до королевны Магилены, и пришедъ х королевне, узрела ее в великой печали и жалости. А королевна, какъ увидѣла Потанцыяну, и стала ее спрашивать, чтоб она добрыхъ вѣстей сказала: «А я, дожидаячися тебя, в великой печали сидѣла». И Потанцыяна, видя королевну вельми печалну, и стала ее тѣшить, и рече: «Дивлюся я, милостивая королевна, что вельми припустила болѣзнь къ сердцу своему, по томъ рыцере тужишь, а он по тебѣ найпаче, только умыслъ ево к законному браку и толь вельми печалится ни о чемъ об ыномъ, только о твоей милости. Дасть Богъ, учинится ваше дѣло: а то вѣдаю, что онъ великаго роду княжева. И ты, прекрасная королевна, престань от печали и к тому надежду держи. И прислалъ к тебѣ перстень, и просилъ милости, чтоб ты приняла сий перстень за болший даръ».

Услышавъ королевна, взявъ перстень, и обнявъ Потанцыяну, поцѣловала и стала молить Бога на добрыхъ вѣстяхъ и обѣщалась впредь к ней милосерда быть, и найпаче того стала вельми утѣшаться тѣмъ перстнемъ, всю свою печаль отверже, и стала спрашивать про имя его. И Потанцыяна рекла ей: «Какъ я стала

его спрашивать про имя его, онъ мнѣ рекль: имя такъ, какъ болшаго апостола имя нарицають». И королевна увѣдала, что имя его — Петръ, той больший верховный апостоль. И говорила Потанцияне, чтоб пораждла, какъ бы рыцерю быть к ней и с нимъ королевне единъ на единъ обо всякихъ рѣчахъ переговорить.

Назавтрѣ Потанцияна шла к церкви и увидѣла рыцера, к церкви идуща. И пришедъ к нему честию, поклонилась от королевны и о здоровье спросала, и рекла: «Достойно вамъ, великий рыцерю, самимъ промеж себя увидѣться и о великиихъ рѣчахъ переговорить, чтоб вашъ добрый умыслъ, законный бракъ въскорѣ учинилъся. И о томъ изволь с королевною самъ видѣться. Завтрѣ, послѣ обеда, приди х королевскому двору, есть подле королевскаго саду малые воротцы, вниди в нихъ и прямо поиди въ полаты, гдѣ королевна пребываетъ, а тамъ инога никого не будетъ, только королевна да я».

Услышав то, князь Петръ вельми тому радъ бысть и рекль Потанцияне: «Нынѣ даю тебѣ Господа Бога по себѣ порукою, что ни для какова зла умыслъ мой, только для истиннаго законнаго браку, и буду с нею жити до смерти своей во всякой честности». Услышавъ, Потанцияна вельми тому рада бысть и рекла: «Утверди, Боже, умыслъ вашъ во всякомъ добрѣ, а не в худѣ». И пришедъ х королевне, всѣ ево рѣчи сказала, и какъ он былъ тому вельми рад, что изволила к себѣ бысть для особаго разговору.

Князь Петръ ждалъ того часу, какъ ему итти х королевне и какъ у нее быть. Наутрѣ князь Петръ ждалъ уреченнаго часу, какъ велѣла ему быть королевна к себѣ, и какъ пришелъ тотъ часъ, нарядясь в драгое платьѣ, и шедъ к тѣмъ воротцам, гдѣ ему Потанцияна указала. И видѣхъ ихъ отверсты, вшедъ и замкнулъ ихъ. И шель прямо вверхъ, к самой спальной полате, гдѣ королевна опочивъ держала¹, а королевна и с мамкою ожидала ево.

И князь Петръ въшедъ въ полаты х королевне и поклонился с великою честию. И королевна, какъ ево узрила, и от великой своей печали велми рада бысть. И видя, что онъ, князь Петръ, застыдился, а королевна на него утѣшно зрѣла. И князь Петръ, видя красоту королевнину, изумѣлся и слова не могъ изрещи. Потомъ опаметовался, паль на колѣни свои предъ нею, и рекль: «О мило-стивая моя королевна, прекрасное лице твое видѣхъ, и сердце мое престашилось, показася лице твое и красота не человекская, но ангельская. Нѣсть тако-ва человека на семъ свѣте, кто бы равенъ был красотѣ твоей. И увидя милость твою к себѣ, не могъ ничемъ инымъ отслужить, только же буди по воли от Бога, чтоб Господь Богъ во всемъ почтилъ тя, чего ты от Господа желаешь».

Услышавъ королевна такие слова от князя Петра, въставъ с мѣста своего, приказала ему сѣсти и рекла к нему с великою радостью и желаниемъ: «Честный и великий рыцерю, сердце мое жалостно, чтоб с тобою наединѣ пере-

¹ спала.

говорить обо всякомъ нашемъ дѣлѣ. И честность роду твоего, и то все к тому мя привело, что тебя возлюбила всѣмъ сердцемъ и для того указала тебѣ быть к себѣ для особой с тобою бесѣды. А зря на честную твою породу, чаю того, что ты меня не обесчестишь и не осудишь, что тайно к себѣ взяла, и о своей, что и о твоей, чести держуся. А коль скоро тебя увидѣла и храбрѣе твое, что в королевствѣ нашемъ показалъ, и сердце мое по тебѣ такъ тяжко стало болѣть, что изрещи не мочно. И не могу иного нарещи ты и никако ты возвати¹, только сердечнымъ своимъ приятелемъ. А что я тебя от всего сердца люблю, утаить, чтоб тебѣ того не сказать. И дай же сердцецъ нашихъ обѣихъ мысль в добромъ здоровье и в скоромъ времени то честное дѣло совершилося».

Услышавъ князь Петръ отвѣтъ, и рекль ей: «О милостивая королевна, видя я милость вашу несказанную к себѣ. И сердце мое тяжко изравнено любвию по тебѣ. Радъ вѣчно милость твою найпаче хранить и о томъ милости прошу ты, чтоб ты во гнѣвъ не поставила, что без всякаго опасения надѣяся на твое милосердие к тебѣ милостивой своей, пришелъ. И надѣяся на то, что служебникъ вашей королевской милости, не могъ послушаться приказу вашего. И милости у тебя, королевна, прошу, чтоб к слугѣ милосерда была и по воли своей, гдѣ изволила, на службу послать того ради. А что опасение имѣешь о приходѣ моемъ, и я милости твоей не осудчикъ, только вѣчно долженъ служить и здоровье твое во всемъ хранить».

Услышавъ королевна такие укронные² рѣчи и умилные рыцеревы, рекла к нему: «Вѣдай, великий рыцерю честный, что я тебя принимаю не за служебника, но за милова друга и приятеля. Только молю ты, изволь сказать имя свое и честный родъ твой, ибо никто не вѣдаетъ имени твоего, а нынѣ прошу ты: повѣждь мнѣ».

И князь Петръ отвѣщалъ ей: «Великая королевна, обѣщался Господу Богу выѣхавъ из своего государства, из дому отца своего, никому имени своего не сказывать, опричь приятеля своего и друга вѣрнаго и сердешнаго, которую дастъ Богъ мнѣ. А видя что королевское ваше величество становится мнѣ другомъ и добрымъ приятелемъ, нелзѣ мнѣ у тебя того утаить, только объявлю тебѣ единой. Прошу ты, милостивая *королевна*, прикажи, чтоб мамка твоя вонъ вышла». И королевна велѣла Потанцыяне вонъ вытти. И какъ вышла Потанцыяна, и князь Петръ рекль: «Нынѣ, прекрасная королевна, все тайное сердца своего открываю тебѣ. Какъ я былъ в дому отца своего, и единъ добрый человекъ из вашего королевства лучилъ быть въ гостяхъ у отца моего и, увидя меня, сталъ говорить мнѣ, чтоб я у отца своего в дому не жилъ, чтоб ѣхалъ въ посторонный государства и отвѣдалъ бы своего счастья и рыцерскихъ справъ. Найпаче мнѣ сказалъ о королевскомъ величествѣ, отецъ твоемъ, какая милость к рыцереи, которые пребываютъ при его милости, сказалъ же мнѣ и про красоту твою, пре-

¹ называть; ² тайные.

красной королевны. И услышал я тѣ ево рѣчи от него, сталъ о том велми радѣти, чтоб приѣхать в сие королевство. А отецъ мой и мати моя никакими мѣрами не хотѣли меня отпустить, потому что я единъ у нихъ сынъ былъ. И то изволь, милостивая моя, вѣдать, что отецъ мой князь Вольфангъ — зять краля французскаго, князь вольной, а мати моя Петронила, королевой французской сестра родная. А имя мое есть Петръ. Нынѣ изволь вѣдать, что не простова роду. А для того не сказывалъ имени своего, что есть много честныхъ людей у королевскаго величества в рыцерскихъ дѣлѣхъ, чтоб про меня никто не вѣдалъ, кто я».

И какъ услышала королевна ту рѣчь, велми тому радовалась и рекла: «О честный и великий рыцерю, какъ я первѣе сказала, что ни за слугу, но за милова своего приятеля и друга точию. И то вѣдай, что всемъ тебѣ уклонна, будь ты самъ мой приятель и стражъ чести моей, потому что ты мнѣ есть любезный друг и приятель сердцу моему. И не знаю, чѣмъ бы мнѣ тебя почитать за такую великую любовь». И потомъ сняла с себя чепъ златую, драгую, с каменiemъ самоцвѣтным и положила на перси его и рекла ему: «Прими, вѣрный мой приятель, сей мой малый даръ для вѣрной памяти промежъ нами, чтоб во всякой добротѣ и честности с тобою быти и тебѣ бѣ мое дѣвичество хранить во всякой чистости до уреченнаго дня».

Услышавъ то князь Петръ, с великою честью учинилъ niskий поклонъ королевне, и билъ челомъ за такую неизреченную еѣ премногую милость. А потомъ вынявъ третій свой перстень, и поднесъ королевне, и такъ рекль ей: «Всю свою утѣху и благословение, что от матушки своей имѣлъ, дарую тебѣ, милостивой своей». И королевна с великою честью и любовью приняла тот перстень и общалася ему любовь и милость к нему имѣть, и онъ ей такожде. И по многих рѣчахъ мило простился. Князь Петръ пошелъ с великимъ веселиемъ, а королевна такожде вельми была весела с той бѣсѣды общей и забыла всю свою прежнюю печаль. И призвавъ мамку свою Потанцяяну, и сказала ей всѣ ево рѣчи, что онъ ни сказывал, и показала третій перстень, что ей далъ для любви. И королевна стала Потанцяяну спрашивать: «Каковъ тебѣ кажется, скажи мнѣ правду». И Потанцяяна рекла ей: «Милостивая моя государыня королевна, вижу межъ вами с обѣихъ странъ вѣрную и правдивую любовь. И видя учтивость и стыдъ, и великой умъ, и лице его прекрасное, и дородство, и я что на стыдливую девицу зрю, и во всемъ его возлюбила, и нельзя такого удатнаго рыцера кому не любить».

Услышавъ то, королевна Магилена вельми том утѣшилась и рекла Потанцяяне: «О возлюбленная и милая моя Потанцяяна, помниш ли ты и сама, какъ я тебѣ прежь то рекла, что онъ великаго роду, а не простова, потому что по ево дородству и уму, и красотѣ, и храбрѣству, и смѣлости, все то я по тому узнала, и хвалю Бога, что не худова возлюбило сердце мое, но добраго и честнаго роду. И о том молю Господа, чтоб нашъ умыслъ в добромъ здоровье скончался».

Услышав то, Потанцыяна рекла к ней: «Милостивая кралевна, нынѣ ты всѣмъ сердцемъ своимъ приклонилася и любовь к рыцерю. О томъ молю тя, дѣлай твердо, чтобъ тебѣ в чемъ не промолвитца передъ иными девицами, чтобъ то дѣло явственнo не было. А естли свѣдаетъ королевское величество отецъ твой, и милостивая государыня мати твоя, мнѣ и рыцерю живымъ не быть. А ты отбудешъ отъ ихъ отеческой милости».

И кралевна рекла: «О милостивая моя Потанцыяна, вельми я тебя за то пожалую, что ты меня в такомъ дѣлѣ утверждаешь, чтобъ промежъ нами твердо было, и никто о томъ не вѣдалъ. Я и рыцеръ таить ради, только ты, пожалуй, таи». По тѣхъ рѣчахъ разошлись. А князь Петръ, пришедши к себѣ на дворъ, вельми тому радъ былъ, что видѣлся с кралевною.

И приѣхалъ инъ рыцеръ Фридрихъ Скрыни хъ кралю Неопалитанскому к шурмованью, и какъ князь Петръ надъ всѣми храбрѣе учинилъ. Многое время спустя послѣ того, какъ былъ князь Петръ у краевны Магилены, приѣхалъ хъ кралю Неопалитанскому единъ славныи рыцеръ земли французской, именемъ Андрей Скрыни. Тотъ, слыша о красотѣ пркрасной краевны Магилены, вельми возлюбилъ. И видя, что краль и кралева, и кралевна Магиленна вельми любятъ рыцерское дѣло и рыцеревъ жалуютъ, хотя онъ тѣмъ краевне прислужиться, билъ челомъ кралю, чтобъ указалъ выкликать не толко въ королевствѣ своемъ, но и въ постороннихъ государствѣхъ к шурмованью рыцерскому храбрыхъ людей созывать, надѣясь на силу и дородство свое, чтобъ у всѣхъ и надъ всѣми рыцерство учинить и славы себѣ отъ всѣхъ воспрять.

Краль по ево челобитью указалъ выкликать во своемъ королевскомъ государствѣ и въ посторонные государства указалъ писать листы¹, естли кто храбрый рыцерский человекъ, надѣясь на силу и на храбрѣе свое, и онъ быѣхалъ в Неопалитан-градъ к шурмованью. И учинилъ тому рыцерскому шурмованью уреченный день. И какъ услышали такой кликъ, и такие грамоты увидѣли, и многие добрые рыцери приѣхали на уреченный день в Неопалитанъ-градъ к шурмованью. И какъ пришелъ уреченный день, стали съѣзжаться славные и великие рыцери на уготованное мѣсто, гдѣ бытъ шурмованью, недалеко отъ королевскихъ полатъ, по семъ съѣхались всѣ рыцери.

При той изготованной площади поставлены были два мѣста, вельми украшены всякими драгими хитростями. На одномъ мѣсте стоялъ краль с сенатырьми своими, а на другомъ мѣсте стояла кралева и прекрасная кралевна Магиленна з дѣвицами. А Магиленна межъ иными девицами стояла, что прекрасной цвѣтъ в красотѣ своей, и часто взидала на друга своего Златыхъ Ключевъ, а онъ сталъ позади всѣхъ рыцерей. Потомъ выѣхалъ Андрей Скрыни, по чьему челобитью то

¹ послания.

шурмованье сталося, и сталъ говорить всѣмъ рыцерамъ: «Великие рыцери, нынѣ всякъ своей силы отвѣдай и щастия своего, и великой славы себѣ учинить».

По тѣхъ рѣчахъ выѣхалъ противъ Андреа Скрыни имя рекъ королевичъ сынъ краля аглинскаго. И съѣхалися столь крѣпко, что у обѣихъ копыи сломались, и чудь королевичъ имя рекъ с коня не упалъ, естли б люди его не подхватили, и стыдомъ с мѣста съѣхалъ. Потомъ выехалъ противъ Андреа Герардъ Ланцылатъ* королевичъ, и съѣхалися со Андреемъ, и от великаго заѣзду Ланцылатъ ссадилъ Андреа с коня копьемъ и с седла на землю упалъ. Увидя князь Петръ, приѣхавъ, крикнувъ великимъ гласомъ и рекль: «Нынѣ про здоровье государя моего милостиваго королевскаго величества и про здоровье королевой государыне моей, такъ особливо про здоровье государыни моей, прекрасной королевны Магилены». И скочилъ всюю прыткостию своею, и ударилъ толь мочно с Ланцылатомъ, что под обѣими кони попадали.

Видя краль обѣихъ сильныхъ рыцерай, рекль своимъ сенатыремъ: «Видите, какая большая мочь тѣхъ силныхъ рыцерай, что под обѣими кони упали. Только рцете¹ имъ, чтобъ онѣ еще съѣхалися, хошу видѣть, кто из нихъ сильнѣе и храбрѣе». И подвели имъ иныхъ коней, и какъ съѣхалися въ другоредъ, и князь Петръ всѣмъ скокомъ пустил коня своего такъ силно, что Ланцылота с конемъ съшибъ на землю, и руку ему выломилъ. И тому наѣзду краль и всѣ предстоящи вельми стали дивитися. И рекль король: «Нѣтъ такова человека нигдѣ силою, который могль с Рыцерамъ Златыхъ Ключевъ противень быти²».

Видя то королевна, что милый другъ ее, Рыцерь Златыхъ Ключевъ силою своею такую великую славу приобрѣлъ, над всѣми рыцери, что никоторой не могъ съѣзжаться, всѣ с великимъ стыдомъ отѣезжали, вельми тому радостна была, а перед тѣмъ того блюлася, чтобъ другъ ея в какой стыдъ не впалъ. И какъ всѣ с мѣста от рыцера отѣехали, ни единъ не остался противъ Рыцера Златыхъ Ключевъ, и видя князь Петръ то, что никого нѣтъ на мѣсте, никто противъ его не стоитъ, снявъ с себя шелмъ свой и приѣхавъ к кралю и рекль: «Милостивый великий кралю, государь мой, во что изволишь храбрѣство мое поставить?» И краль к нему рекль: «Ставлю тебѣ в честь и в славу великую». И указалъ краль кликать по всему королевству, что Рыцерь Златыхъ Ключевъ великое храбрѣство учинилъ над всѣми великими рыцери, что никоторой не могъ ему противень быти. Королева и королевна прекрасная Магилена и всѣ предстоящи великимъ гласомъ стали ево хвалить и здравствовать³ ему. И такъ его краль и королева любили паче мѣры, такъже и всѣмъ государствомъ, и всякихъ чиновъ люди невымолвно любили и хвалили ево.

И какъ шурмованье скончалось, и розѣхалися всѣ великие рыцери и королевичи, и князи, всякий в домъ свой. А краль единаго человека не отпустилъ без дорогова подарку и честно ихъ отпустил во свои земли. И однако с великимъ

¹ скажите; ² противоборствовать; ³ приветствовать, поздравлять.

гнѣвом отъѣхали, а все для того, что Рыцерь Златыхъ Ключевъ надо всѣми рыцерьство удержалъ.

По тому розъѣханию князь Петръ долго терпѣть не могъ, чтоб не видаться с королевною, шель до тѣхъ воротецъ и нашель ихъ отверсты, и вшелъ в них, и шель прямо к полате королевниной, и вшелъ к ней въ комнату, и поклонился ей. Какъ увидѣла королевна Магиленна князя Петра, вельми возрадовалась и стала его хвалить, и рыцерьство его возносить, и всѣмъ счастиемъ его поздравлять. И князь Петръ, слышавъ тѣ похвалныя рѣчи, и реклъ ей: «Милостивая моя королевна, что я чинил храбрѣство, то все для твоей красоты. Многие хотѣли тебѣ тѣмъ прислужится и милость твою получить. И для того всею силою не жалѣя себя отпоръ давалъ. А все то для тебя, надежды сердцу моему, и твоею красотою великую славу себѣ обрѣлъ. Нынѣ вѣдай, возлюбленная моя, прекрасная королевна Магиленна, велми ты в печаль ввела и дивно сердце мое изранила. И не могу я инога, только вѣчныи рабъ милости твоей».

Слыша то королевна и рекла ему: «Возлюбленный мой, рыцерю милый, можешь мнѣ безо всякаго опасения вѣрить, что и мое сердце по тебѣ неизреченно изравнено вѣрно и от всего сердца люблю тя паче себя. Только изволь промышлять сродичевъ моихъ, чтоб вѣскоре приити в законный бракъ с тобою, чтобы найпаче сердца своя любить промежъ себя».

Слыша то князь Петръ хотя ее увѣрить, естли она всѣмъ сердцемъ его любить безо лжи, сталъ ей говорить тѣ слова: «Прекрасная королевна Магиленна, уже многое время тому, какъ я не видалъ отца своего и матери и сродцевъ¹ своихъ. А что я нынѣ поддалъ сердце свое послушеству твоему, что вѣрной слуга, не могу ничто учинить без изволения твоего, чтоб тебя не доложиться, потому что ты владѣешь сердцемъ моим. Нынѣ взявъ себѣ в умыслъ, чтоб своего отца и мать навѣстить, чтоб застать ихъ в добромъ здравье и от нихъ благословение просить и милость отеческую получить, и не смѣлъ, чтобы не доложиться тебя, отъѣхать. Потому что отецъ мой и мати велми печальны по мнѣ, что я от нихъ отъѣхал и в старости покинулъ, блюдусь², чтоб они с печали не померли, тогда бы я былъ убойца ихъ. А по се время всѣ не вѣдаютъ, гдѣ я. И о томъ прошу твоей милости, пожалуй, поволь служебнику своему на малое время отъѣхать, а вѣскоре к вашей милости буду», а говорилъ то все, искушаючи для любви ее к себѣ.

Услышавъ то, королевна залилась слезами, и красота лица ее переменялась, и от великой жалости от памяти отошла, и не могла слова промолвить и, опомытовався, рекла: «О несчастная и бѣдная на семь свѣте девица! То, что сердце мое над всѣхъ лучше любить и надежду имѣеть, нынѣ из рукъ моихъ силою отъимется. О мой возлюбленный и великий рыцерю! Вижу я твое отъѣхание, и то ты дѣлаешь добро, что рождение отцевское помнишь, то мнѣ вельми люблю, а

¹ родственников; ² опасаюсь.

об ѡномъ мнѣ вельми печално. Видишь ты, что всѣмъ сердцемъ я к тебѣ приклонилась. Не токмо что отсель не на большее время тебѣ ко отцу отѣхати, естли я тебя часъ не увижу, мнѣ тотъ часъ годомъ покажется. Хотѣла б бити челомъ, да не могу и глаголати, и тебя прогнѣвати. Давная пословица: государское челобитье к слугѣ своему вмѣсто разбою. Отложи то, чтоб ты здѣсь вовсе остался у насъ. Прошу твоей милости, изволь здѣсь на большее время, авось либа щасливое и доброе между нами учинится. Вѣдай то подлинно, естли б ты отъ насъ отѣхал, я бы на свѣте недолго жива была и, конечно б, сама себѣ смерти предала. На комъ тотъ грѣхъ былъ? И то вѣдаю, что сродичи твои великую печаль имѣютъ по тебѣ, что многое время тебя не видали, и не вѣдаютъ, гдѣ ты. А и тожь худо было, естлибъ ты потерялъ меня, возлюбленную свою. Вѣдаешь, давно я рекла, что иного в мужа имѣть не хошу, опричь тебя, и Господу въ томъ обѣщалась. Не буди же сердце мое, ты души моей губитель, и отцевской. Мнится мнѣ, что учинишь ты имѣ великую радость, а я избуду и смерти, чтоб я вмѣсте ко отцу твоему с тобою ѣхала. А надѣюся на твою честную породу, что ты мнѣ въ дорогѣ позору не учинишь, въ дѣвической чистотѣ меня соблюдеши. И буде ты поѣдешь, учини то, возьми меня с собою и не прилагай боле печали к печалному сердцу моему».

Услыша князь Петръ жалостныя слова кралевы Магилены и вельми жалостно ему стало, и показалось ему, что сердце его от жалости распалилось, и рекль к ней: «О возлюбленная моя, прекрасная кралевно Магилена, отри слезы с плачливыхъ очей своихъ, дабы такая жалость твоя не сокрушила болѣ сердца своего: умыслилъ ѣхати ко отцу своему, а нынѣ оставляю то, поживу малое время. Авось-либо посчастит¹ насъ Богъ с тобою всѣмъ добрымъ. Избави Боже, чтоб я слышеть, сердце мое, что ты въ такой печали была, я б лучше самъ то все принель, нежели тебя въ том слышать, и о томъ прошу твоей любви, утоли сердце свое от таковаго жалостнова гнѣву своего, которой жалости я вмѣсте с тобою имѣю. А я того не учиню и без твоего вѣдома не поѣду и тебя, возлюбленную, в печали не покину. А естли ты изволишь со мною ѣхати, то я обѣщаюся пред Господемъ Богомъ, что быть оберегателемъ здоровья твоего и чести твоей дѣвической и до полуночнаго законна времени, никакова зла не будетъ от меня, и прежде сего тебѣ обѣщалься».

Слыша то, кралевно Магилена от плача престала и рада была, и рекла к нему: «Сердешныи приятелю, слыша я такое твое обѣщание, что хочешь обѣрегателемъ дѣвической чести моей, смѣло на то изволю я, что то твое обѣщание не обманеть. А какъ дастъ Богъ время и часъ придетъ, и законное совокупление с тобою будетъ, тебѣ же и мнѣ тогда честно будетъ. И Богъ насъ за то помилуетъ, а я найпаче буду тебя любити, нежели сама себе, а чаеть, то помыслишь про сей мой умысль, что начинаю без ума, и я к тому все сердце мое приклонила и всею душею своею возлюбила, надеюся, что не безъ ума то дѣлаю. Только прошу

¹ осчастливит.

твоей милости, чтобъ намъ здѣсь недолго жить, лучше намъ въскоре ѣхати для того, чтобъ нашей любви и совѣту не свѣдали б отецъ мой и мать, а естли провѣдають про тотъ нашъ совѣтъ, тотъчасъ за иного зговорят. И тогда будетъ от печали мнѣ смерть, а тебѣ будетъ по мнѣ скорбь. Итакъ, мой возлюбленный, прошу твоей милости, много о томъ мысли, а вскоре дѣлай, чтобъ и намъ х какой печали не приитьи».

Егда услыша тѣ рѣчи князь Петръ, пал на колѣни свои, и поднявъ руки к высотѣ и рекль: «О великая королевна, возлюбленная моя душа, виждь, Господу Богу общаюся, по его святѣй заповѣди во всемъ тебя обѣрегати и дѣвическую честь твою хранить до времени полуночнаго» И много промежъ ими добрые рѣчи были, и поставили себѣ уреченный день и часъ, что третьяго дня в полунощи ѣхати, а в тѣ дни князю Петру готовиться со вѣсьмъ, что надобно на дорогу, и приѣхати бы к тѣмъ же воротцамъ, гдѣ ходилъ онъ х королевне Магилене. И говорила, чтоб добрые кони купить, чтоб на дорогѣ не стали, и въскоре бѣ уѣхати из королевства отца ее. И князь шедъ на дворъ свои с великимъ веселиемъ и сталъ готовиться. А королевна ждала уреченнаго часу и тайно готовилась, никому не объявила — ни Потанцыяне, мамке своей, которая вѣдала всю тайну промежъ ими. И королевна боялась объявить, чтобъ не донеслось отцу ея. И такъ с обѣихъ странъ дѣлали тайно.

Яко князь Петръ в ноши увезъ королевну Магилену, и крабль, услышавъ, учинилъ погоню и приказалъ с прилѣжаниемъ искать ихъ. И какъ насталъ третий день и часъ уреченный пришелъ, и князь Петръ взявъ с собою три коня, и приѣхал в полночь к тѣмъ воротцамъ, и тамъ королевну обрѣлъ, а королевна ожидала ево стоя. Потомъ взяла себѣ королевна злата и сребра множество много, и драгихъ запань¹ и вещей всякихъ преузорочныхъ. Князь же Петръ взявъ королевну и посади ея на конь, а на другой конь положилъ себѣ на потребу и королевне, что дорогою ѣсть, а на третий конь самъ сѣлъ. И поѣхали из града путемъ своимъ велми скоро, и всю ночь ѣхали до самого свѣта. И какъ насталъ день, и князь Петръ искалъ себѣ мѣста, гдѣ стати в закрыте, чтоб ихъ никто не сыскалъ. И вѣхали промежъ высокими горами над моремъ в великий непроходный лѣсъ. И никакой человекъ в тотъ дальней лѣсъ не хаживалъ, и никто ихъ сыскать не могъ. И сталъ князь Петръ и с королевною в томъ лѣсу, и снял королевну с коня, и коня пустил на траву. А самъ с королевною в томъ лѣсе сѣлъ подъ древомъ, и промежъ себя многие рѣчи говорили, и потомъ сталъ королевну сонъ изнимать. И князь, видя королевну утомлену от той езды скорой, что к той конной ездѣ не привыкла, и сталъ ей говорить, чтоб она опочинулась². Королевна же Магилена легла, а главу свою положила на колѣни князя Петра, и от истому великаго скоро уснула.

¹ застежек для одежды, украшений; ² поспала.

Мамка ее Потанцыяна, вѣставъ рано, и шла х коморе кралевниной, ожидала ее, чтоб она вѣстала. И какъ прииде к полудни, а кралевна не выхаживала, и Потанцыяна помнила¹, что кралевна занемогла и для того столь долго ис коморы не выхаживала, и Потанцыяна вошла в комору и кралевны не нашла, и того часу въспомянула, что ушла с рыцеремъ и не сказала никому. И бѣжала к рыцереву двору и довѣдалась, что онъ уѣхалъ. И скоро бѣжала в полаты кралевския с великимъ жалом и криком², от памяти отшедши. И сказала королевой, что искала кралевны и не нашла, и не вѣдаю, гдѣ она дѣлась. И какъ кралева услышала, велми утѣшилась и велѣла искать с прилѣжаниемъ. Потомъ кралю донеслось, и краль велми тому печалень былъ. А провѣдавъ про рыцера, что он ушелъ, указалъ за нимъ ѣхать въ погоню многимъ людемъ, и посланные приѣхали назадъ, не сыскавъ рыцера и кралевны. И краль со всякимъ утѣшениемъ спрашивалъ Потанцыяны про рыцера: «Прежде того хаживал ли онъ х кралевне, или нѣтъ?» И Потанцыяна клялась всякими клятвами, что не вѣдала и у кралевны про рыцера никакихъ речей не слыхала, и худа отъ нихъ не бывало. И такъ кралю и краleve велми было отѣзду ее жалостно и всем кралевству ихъ.

И какъ кралевна уснула, положила главу свою на колѣни князю Петру, и князь Петръ смотрилъ на красоту ее, и велми утѣшился глядя на кралевну. И тако ему велми было любо видя лице бѣло и прекрасно, уста румяны, и велми сталъ утѣшаться той неизреченной красотѣ. И не могъ удержаться, растегалъ платие ее противъ груди, хотя дале видѣть бѣлое тѣло ее. И увидя, найпаче сердце его разгорѣлось, и показалася красота не человѣческая, но ангельская. И запаметовавъ, кого поруюко далъ, сталъ мыслить иное, неподобное дѣло.

Видя Господь Богъ ево неистовство и тотъ нечестной умыслъ его, изволил всю его утѣху отнять от него, не хотя видѣть обоихъ во грѣху и на позору. Рыцерь зря на тѣлесную красоту ее, и узрилъ межъ грудями узолокъ червчетой тавтяной³ на золотом снуркѣ, хотя довѣдатися, что есть в томъ узолкѣ, и вынявъ тотъ узолокъ, розвязалъ и нашел в немъ три перстни тѣ, что он ее подарилъ. А у ней тѣ перстни были, что на персяхъ своихъ носила, и глядя на нихъ, утѣшалась. И видя князь тѣ перстни, завязалъ ихъ в ту жъ тафтицу и положилъ ихъ подле себя, и дивовался красотѣ ея, и сталъ в великом замышлении⁴ глядя на нее. И сердце его найпаче распалилось сердечною любовию и мыслию иною, неподобною, не к доброму делу. И в то жъ время сидѣлъ на древѣ вранъ, и увидѣлъ тот узолокъ червчетой, с тѣми перстнями, и прилетѣвъ ухватилъ, и възлѣтѣвъ с нимъ на древо, и надѣялся вранъ, что мясо было.

Увидя князь Петръ, что воронъ унесъ узолокъ тотъ с перстнями, сталъ мыслить: «Что я учинилъ?» Тѣ перстни положилъ не в сохранномъ мѣстѣ. О злый вороне! Изо всѣхъ птицъ ты наведешь злое мнѣние возлюбленной моей

¹ здесь: подумала; ² жалобой и плачем; ³ из тафты, отделанной вышивкой; ⁴ задумчивости.

на мя», и тихо сложилъ главу ее с колѣнъ своихъ и побѣжалъ за ворономъ. А королевна того не слыхала и от великого истому крѣпко уснула. И воронъ тотъ з древа до древа лѣталъ, а тѣхъ перстней не покинул. А рыцерь за нимъ ходя, металъ каменiemъ, и так велми далеко завель, а потомъ залетѣлъ с тѣмъ узолкомъ за губу морскую и сѣлъ на камени. Князь Петръ метал каменiemъ и згонилъ его с мѣста, и воронъ летѣлъ, опустилъ тотъ узолокъ в море. И князь Петръ, видя, что у ворона нѣтъ узолка в носѣ, помнилъ, что за губою на камени покинулъ. И сталъ ходить по берегу искать лотки, в чемъ бы ему переѣхать, а опасался, чтоб королевна не стала мыслить о тѣхъ перстняхъ чево худова, какъ не найдетъ у себя тѣхъ перстней. И ходя по берегу подлѣ моря, нашель малую лотку и с великою борзостию¹, не розмысля, сѣлъ в тое лотку и без весла поплыл на другую сторону берега, гребя руками. А какъ от берега отплылъ, и воста великий вѣтръ, и занесло ево в пучину морскую.

Видя князь Петръ, что далеко от берега занесло, а блиско смерти, и видя, что короткое время утѣхи ево было, сталъ горко плакати от воздыхания сердца своего и рекль: «О бедный я и несчастливый от всѣхъ человекъ! Что я перстни тѣ положилъ не в сохраненнѣм мѣсте, ис такого сохранения вынял. Велми было добро сохранено. Нынѣ вѣдаю, что счастье скоро отъемлется. И малое время тому прошедъ, помышлялъ себе, что я был всѣхъ щасливе людей на семь свѣте. А нынѣ вижу, что и нѣтъ инаго такого безчастнаго человека, какъ я. Погубилъ всю утѣху свою, увель прекрасную девицу и оставилъ ее в великом непроходном лѣсу. Либо ея лютыя звѣри разтерзають, либо зайдет, гдѣ от глада умереть. О злый сталъ, окрутный² сталъ я нынѣ, убо ей излиялъ кровь неповинную. Что иного учиню? Только самъ себя смерти предамъ и душегубъство над собою учиню, и потоплюся в пучине морстей».

И молвя то, опаматовся с той великой печали, пришед в себѣ в мысль и в боязнь Божию и положил надежду на Господа во всемъ, и рекль молитву предъ Господемъ Богомъ: «О, Боже, всея твари Содѣтелю! Согрѣших пред тобою, создание твое, положилъ все упование и возлюбилъ от сердца девицу, а тѣмъ тебя, Бога моего, прогнѣвал. И за такое мое неистовство спустилъ ты на меня такой гнѣвъ свой великий. Конечно, уже погибаю и хотѣлъ самъ себя смерти предать, и потопиться в пучине морстей от сердешные печали своей. А нынѣ вижу я послѣдней свой часъ смертной, нѣчего того мнѣ искать и самому потопиться. Вижу, что уже во глубинѣ морстей уповаю на Господа. О милосердой и праведный Боже! Вижу, иже согрѣшихъ пред тобою, не только что нечестной сея смерти годенъ, но и вѣчныя муки достоинъ за грѣхи своя. О милосердый Господи! Прошу я, грѣшный рабъ твой, милости, создание свое, а есть воля твоя святая, в какую неволю и терпение вдашь мя, все готовъ терпѣть и всяческии употреблять и страдать за неповинную кровь супружницы моей, прекрасной королевны

¹ быстротой; ² жестокий.

Магилены, которая нынѣ в лѣсе от звѣрей дикихъ пропадаетъ, и кровь ея над главою моею, яко мечъ острый, висить.

О Господи милосердый! Царю Небесный! Прошу твоей милости, не дай же на растерзание грѣшнаго тѣлеси моего звѣремъ морскимъ и прими грѣшную душу мою во царствии своемъ. Найпаче помилуй, Господи, и соблюди от всякаго зла невѣсту мою, прекрасную кралеву Магилену. По изволенію же твоему святому буди мнѣ смерть нынѣ, а ее соблюди в добромъ здоровье. Вижу, что я блиско смерти, вѣдаю то, что и ей без такого страху не пробыть.

О Боже, милосердый Господи! Соблюди от всякаго зла возлюбленную мою невѣсту. О злой проклятый воронъ! Ты самъ мало потѣхи взялъ, что занесъ узолокъ с перстнями, себѣ мало корысти получилъ, а меня с возлюбленною моею прекрасною кралевою разлучилъ. Охъ, моя возлюбленная кралевуна Магилена, что сама над собою начнешь чинить, какъ никого не увидишь у себя в таком непроходном лѣсе? Гдѣ найдешь себѣ проводника, чтоб тебя проводилъ ис такого темнаго страшливаго лѣсу? Или кто тя оборонитъ от лютаго звѣря? Охъ, несчастной тотъ былъ день и часъ, в который выѣхал я с нею ис королевства, королевскаго двора. Уже не вскоре, возлюбленная моя, с тобою увижуся. О злая любовь страшная, что ты меня обманула и привела потерять друга милова моего, и самому растерзану быти от морскихъ рыб. О возлюбленная моя кралевуна Магилена, во что нынѣ красота твоя обратится! Чаю, бѣлое тѣло твое от лютых звѣрей по лѣсу разтерзано будетъ. Не изволил то Господь, чтоб я до тѣхъ мѣстъ первѣе пропасть смертно, покамѣстъ ты не увезъ от краля отца твоего, не такъ бы было мнѣ тяшко. О, всѣхъ прекраснѣе кралевуна Магилена, возлюбленная моя, какъ ты нынѣ пребываешь!»

И какъ князь Петръ в великой печали своей и в смертной печали своей, отложивъ все упование свое, и столько не плакалъ о себѣ, сколько о кралевуне, а в то число лотка его налилась полна воды и сталъ тонуть, и былъ по морю вѣтромъ носимъ с самого утра и до полудни.

И изволениемъ Божиимъ наплылъ на него корабль муринской земли¹, и видя карабельщикъ человека утопшаго, взялъ его из моря к себѣ на корабль. И господинъ корабля того, видя человека дороднаго и прекраснаго, и велми его возлюбилъ. А онъ от страху и от великой скорьби лежалъ въ корабли аки мертвъ. И господинъ корабля того сталъ его беречь велми и сталъ его всячески утѣшать от печали его для того, что онъ обѣщался ево подарить государю своему, турецкому царю.

И потомъ приплылъ тотъ корабль до Александрии, великаго града, тамъ в то время был турецкій царь. И господинъ корабля, взявъ с собою князя Петра и пришедъ к царю, подарилъ его, князя Петра, царю. И царь, видя молотца дороднаго и прекраснаго, велми его возлюбилъ. И далъ ему вольность болшую у себя,

¹ земли мавров, здесь: восточной земли.

не какъ полоненику¹, яко волному человеку, а корабельщика за то пожаловал. И князь Петръ живя немало время на дворѣ царьскомъ, от печали своей и от страха долгое время скорьбѣлъ и всегда печалень былъ, помня на красоту прекрасной кралевны Магилены. Царь, видя князя Петра всегда печальна, указаль ево спрашивать, для чего онъ всегда печалень ходитъ. «А естли онъ опасение имѣеть, такъ какъ и протчие полоненики, и онъ бы о томъ не опасался: держу я его за вольнаго человека, а не за полоненика. И милость моя царская есть к нему большая».

И указаль ему царь быть у себя кравчимъ, и указаль прежнему кравчему все подробну ему указать, какъ доведетца у стола царева. И князь Петръ въ скоромъ времени научился греческому и турецкому языку. И царь его велми сталъ любить паче мѣры и учинилъ большимъ сенатыремъ и судьей. И всѣмъ государствомъ велми возлюбили за правду его и за великой умъ его, и за великую заступу² его ко всѣмъ.

Однако онъ не могъ николи утѣшенъ быти, помня красоту прекрасной кралевны Магилены и о разлучении ея с нимъ. И всегда молился Господу Богу со слезами, чтобъ ея здорову Господь Богъ вынесъ ис того большаго и страшливаго лѣсу, такъ же как ево от морской глубины, и чтоб ихъ свелъ в добромъ здоровьѣ вмѣсте. И для того много давалъ милостыню убогимъ христианомъ, которые в турецкой земли жили в волѣ и невольѣ.

Яко кралевна едина в томъ лѣсе пробудилась, никого не узрила, плакала велми. И какъ в томъ в великом и непроходномъ лѣсу кралевна будучи едина, от великаго истому велми долго спала, потомъ проснулась, и не чаялась, что еще на колѣнѣхъ у князя Петра спитъ: «О мой возлюбленный приятелю, какъ ты терпишь? Я сплю, а ты надо мною сидишь. Пристойно бы, чтоб ты опочивалъ», и какъ противъ тѣхъ речей никакова отвѣту не услышала, помни³, что и онъ уснулъ, тихо главу свою подняла и увидѣла, что нѣтъ никого, устрашилась. И стала его искать и рекла: «О возлюбленный мой рыцерию, гдѣ ты?» И какъ она отвѣту не услышала, устрашилась велми. И воставъ, стала великимъ гласомъ кричать: «Приятелю, государь мой вѣрный, великий рыцерию!» Увидя, что отвѣту нѣтъ никакова, запечалилось ея сердце велми. И от великия жалости от памяти отшедши, упала на землю и лежала аки мертва. И востала, бѣгала по тому лѣсу, всюду крича от всего голосу своего: «Рыцерию, Боже, великий государь мой, приятелю, гдѣ ты зашелъ?» И такъ долго кричала, что у ней глава заболѣла. И увидя, что стало зло, от великой жалости и страху упала на землю и лежала аки мертва, и великое время не могла опаметоваться от печали своей. Потомъ с той великой жалости опаматовався, сѣла под деревомъ и стала горко плакать, и рекла: «Охъ, несчастная, горкая на свѣте я девица! И нѣсть та-

¹ пленнику; ² заступничество, доброту; ³ подумала.

кого несъщастнаго человека, что я! Не только от человекъ, но и от всѣхъ и звѣрей бесщастная, потеряла едину надежду свою. Охъ, мой возлюбленной, что над тобою сталося, что ты разлучился со мною? Чего ради меня оставил, такую вѣрную свою невѣсту? Или зло во мнѣ, возлюбленный мой, узналъ, что от меня в такомъ страшливомъ и непроходномъ лѣсе прочь отъѣзжалъ? Вѣдаешь ты самъ, что я в дому своемъ без тебя жить не хотѣла, хотя тамъ в великомъ прокладе и в великой утѣхе была. О горе мнѣ, безщастной! И нынѣ вижу, что на сей пустыни недолго будетъ живота моего. О мой возлюбленный рыцерию, гдѣ на се время отлучился? Вѣдаю то, что нехотя ты меня отсталъ по нѣкакой неволѣ. Нынѣ я, бедная, готова лютымъ звѣремъ на сиѣдение. О какъ напрасно, смертно, нечестно пропадаетъ дщерь краля великаго! Что за погребение мое будетъ, что лютыя звѣри по частямъ разтерзаютъ тѣло мое! О мой возлюбленный и великий рыцерию! Чѣмъ я тебѣ не полюбила? Что ты учинилъ надо мною, увезши меня из дому королевскаго, и в такомъ непроходномъ и в темнѣмъ лѣсе покинулъ, лютымъ звѣремъ на терзание умереть позорною смертию? Гдѣ нынѣ твоя любовь, которую имѣлъ ко мне, и обѣщание, пред Богомъ обѣща мнѣ? О великий рыцерию, свѣте мой драгий, что во мнѣ зло узналъ в такомъ маломъ времени? Естьли для того, что все тайное тебѣ извѣстила, и то я с вѣрою учинила любезною, что ни единъ человекъ на семь свѣте не былъ таковъ милъ сердцу моему, каковъ ты мнѣ. И не разумѣю, чтоб тебя иное что от меня разлучило, только что отцу и матери своимъ солгала и от нихъ с тобою ушла. Конечно, ты то помыслил, чтоб и тебѣ такъ же не солгала б и не измѣнила.

О мой возлюбленный и великий рыцерию! Никогда того въ сердце моемъ не было. О возлюбленный мой свѣте! Гдѣ нынѣ прекрасная порода, вѣрное сердце и то твое обѣщание пред Богомъ? О горе мнѣ, бесщастной! Какъ мое небрежение было, что государя своего милосердаго слугою себѣ учинила и стражемъ ево над собою поставила. Мнѣ ли было ему не пристойно служить? Нынѣ бы я, бѣдная, рада б служить, да нѣтъ его, утеряла милова друга своего и государя своего, надежду и веселие свое, стража дѣвической чистотѣ моей. О злое нещастное безщастие, что за утѣху имѣешь, что ты разлучило с возлюбленнымъ другомъ моимъ? О смерти! Прииде нынѣ без опасения, можешь простерть¹ острую косу свою на мя и посящи, коли мнѣ не милъ животъ свой без возлюбленнаго моего. И нынѣ я готова в лютые руки твои положить главу свою».

И буди прекрасная королевна Магилена в великой печали и тоске своей, ходила по темному лѣсу и искала с прилѣжаниемъ великаго рыцера, князя Петра, а потомъ нашла кони, на которых они приѣхали в тотъ лѣсъ.

Увидѣвъ тѣ кони свои, узнала, что рыцерию не своею волею от нее разлучился, но от нѣкакой причины. И в великую печаль и в жалость вѣпала, а наипаче того запечалилась, упала на землю и лежала замертво немалое время, и на-

¹ протянуть, занести.

силу очьхнулась и стала велми плакать и возрыдать, и рекла: «Нынѣ я, бедная, узнала правду, что возлюбленный мой нехотя меня покинулъ. Не могу я того нынѣ сказать, что онѣ со мною не в вѣрной любви жилъ. Вѣдаю, что онѣ гораздо меня вѣрнѣе в любви былъ, нежели я к нему. О сердце мое злое и скверное! Чему ты непристойныхъ речей мнило на него, что со оплошки своей утеряла моего возлюбленного друга. Правда, годно, чтоб я своими руками над тобою отмстила такого непристойнаго учину¹ твоего. Есть ли б былъ острый мечъ, прободла бы сердце свое, за что утратила надежду свою и стража и упования своего. Охъ, несчастная и всѣхъ худъше на семъ свѣте я девица! Нашла себѣ великое сокровище и надежду и в такомъ краткомъ времени сама у себя своимъ безумиемъ утратила. О несчастной мой сонъ былъ! О горькое мое было опочивание! Гдѣ же нынѣ, о возлюбленный и великий рыцерию? Нынѣ я разумею, никто не вѣсть, и кои причины погибели твоей, только я несчастная. Охъ, бѣдная я! Что учинила над собою? Утѣху свою и веселие утратила, чему мнѣ злаго недосталось? И для чего я не умѣрла первѣе его? Мнѣ бы не такъ было горько попасть, нежели ему, возлюбленному моему. О смерти! Чему ты учинила, лучше бы, чтоб ты меня умертвила, нежели такого и славнаго рыцера, который бы могъ ко избавлению многихъ людей в бою от смертнаго меча избавить. Чему ты ево взяла, а меня оставила на семъ свѣте, в такой жалостной печали и в плачу до смерти? О, лютая смерть! Естли умертвила возлюбленного моего, а та глава моя уже готова под грозный мечъ твой. Уже не жалѣй рукъ своихъ, спростри на мя, да не хожду долго в великой кручине по возлюбленномъ моемъ друге».

И бывъ кралевна въ такой великой печали и в плачу, прииде ей во умъ воля Божия, что все то по изволенію Божию учинилось, и рекла: «Милосердый Господи, вижу я волю твою праведную над собою, что ты изволил на меня въспустить такую великую бѣду и печаль. Буди по воли твоей праведной, а только не до конца погубишь создание свое, выведи мя в добромъ здравье ис такого страшливаго и темнаго лѣсу. И помилуй возлюбленного моего рыцера, и подай мнѣ с нимъ видѣться въпредь, естли онѣ живъ. О милостивый Господи! Помилуй обѣихъ рабовъ своихъ и пощади меня, и обрати плачь мой в радость».

И по такой молитвѣ мало сердце ея от печали свободилось и взявъ смѣлость и положи всю свою надежду на Господа Бога. И узрела древо высокое и, взлѣзши на него, зрѣла на всѣ стороны, гдѣ бы кого узрѣть, и только великий лѣсъ. И слѣсши з древа, шла далеко, елико могла итѣти, чтоб какую стѣшку найти. И в печали своей весь день проходила, ни пила, ни ѣла, только плачемъ и слезами кормилась.

И какъ вечеръ насталь, и кралевна мыслила, гдѣ бы ей ночевать, чтоб звѣрь не съѣлъ. И увидѣла древо высокое едино и с великимъ трудомъ на то древо взошла, и сидѣла всю ночь, плача и воздыхая. И сидя в той печали, умыслила

---

¹ действия.

отнюдь не итѣти въ домъ отца своего, для того, что его прогнѣвила. И рекла в себѣ: «Пойду по розныхъ государьствахъ и буду искать, гдѣ княжение его. Есть ли онъ живъ и подастъ мнѣ Богъ видѣть возлюбленнаго своего рыцера, а естли его и не найду, буду жить до смерти въ дѣвической чистотѣ своей. Только молю, милосердый Господи, буди мнѣ въ помощь, рабѣ твоей».

Яко кралевна на дорогѣ у старицы¹ черное платье выпросила, и какъ старица съ кралевны драгое платье сняла. И кралевна всю ночь сидѣла на древѣ до свѣта, плакала и воздыхала, и в той великой печали долга ночь ей показалась, только утѣшилась плачемъ своимъ, въспоминаючи возлюбленнаго своего рыцера. И какъ день насталь и кралевна сошла з древа, и пришедъ на то мѣсто, гдѣ они стояли, нашла коней своихъ, на которых они приѣхали, и с великимъ плачемъ и жалостию пустила ихъ, и рекла имъ: «О милые мои кони, нынѣ идите, гдѣ вамъ любо, какъ утратили мы государя своего, такъ его искать будемъ. А мнѣ, гдѣ Господь Богъ изволить, тамъ и буду». И шла по томъ лѣсу, искала, гдѣ б найти малую стешку, и нашла великую дорогу, и перешедъ ту дорогу, нашла великое древо, кривое и густое. И взошла на то древо и сидѣла великое время, зря на дорогу, и многое время не могла никого узрѣть. Потомъ под вечеръ узрела единую старицу, шла по той дорогѣ старица. И кралевна сошла з древа, и пришедъ к ней, рекла ей: «О милая моя старица, учини для меня милость свою, дай мнѣ свое черное платье, худые рубища, за мое драгое платье». И черница видя девицу прекрасную в драгомъ одѣянии, помнила себѣ, что нѣкоторой велможа стоитъ подлѣ той дороги, и рекла ей: «Милостивая девица, добро быть всякому человеку такъ, какъ ему надлежитъ, что тебѣ Богъ далъ много, ты надо мною, убогою старицею, тѣшишься. Прошу тя, ходи ты в драгой своей одежде, а я в томъ своемъ рубище, какую мнѣ Богъ далъ». Кралевна, слыша от старицы такой отвѣтъ, горько заплакала, падши ей в ноги, и стала молить ее всякими утѣшными словами. И старица стала держать в умѣ своемъ, что нѣ с какой притчи² то она чинить. И сняла с нее драгое платье кралевское, а ей дала свои рубища.

И кралевна с великою радостію надѣ то платье на себя, и лице свое укрыла и зачернила, чтобъ ея никто не позналъ. И шла дорогу в Римъ в черницахъ. И старица, взявъ платье, бежала от нее прочь, чтоб она опять не отняла.

И кралевна, пришедъши в Римъ, была у мошей святыхъ апостоль Петра и Павла, три месяца молилась, чтобъ ее Господь Богъ снесъ³ в добромъ здравье с милымъ ее другомъ, естли живъ. А естли не сыщеть ево, чтобъ ей жить до смерти въ девической чистотѣ своей.

И шла из Риму искати княжение отца ево, потомъ шла к морю и нашла карабль той земли, гдѣ отецъ его княжить. И давъ наемъ, сѣла в карабль. И какъ до того краю приплыли, кралевна вышла ис карабля и шла въ городъ Хивинъ, ко-

¹ монахини; ² причины; ³ соединил.

торай недалеко от пристанища стоялъ. И вшедши в город, встрѣтила ее единая жена, именемъ Сузана, и просила, чтоб она к ней в домъ пришла и опочинула, а чаяла, что она убогая прохожая старица. И накормивъ ея, не отпустила из своего дому и просила ее, чтоб она ночевала у ней. И королевна з дороги и от морской воды велми была истомлена и рада тому была и начевала у ней.

И стала королевна спрашивать, что сие за королевство и кто у него владѣтель, вольно ли иноземцу черезъ ихъ земли итти или жить. И отвѣщала ей Сузана: «Вѣдай то, милая моя старица, земля сия государя нашего велми пространна и вольность имѣеть большую. А государь нашъ князь Вольфангъ вольной, и вельми богатъ и великъ, и со околными государи живеть в миру и тишинѣ. А намъ всегда повелѣваетъ, чтоб иноземцовъ к себѣ на двор пушали и честь имъ воздавали. Только нынѣ государь нашъ князь и княгиня в великой печали: имѣли единого сына у себя, великаго рыцера, что ему равна не было силою и храбростию. И онъ не могъ жить у отца своего и матери, въ молодыхъ лѣтахъ своихъ поѣхалъ в посторонние государства для рыцерскихъ дѣлъ. А нынѣ про него вѣсти нѣтъ другой годъ, и невѣдомо, гдѣ онъ, и для того государь нашъ и мы, холопы ево, в великой печали».

И какъ королевна узнала, что въ его княжение пришла, и услыша про князя Петра такие похвальныя слова, узнала, что еще ее возлюбленный во свою землю не бывалъ, не возможе утерпѣть и стала вельми плакать от въздыхания сердца своего и рекла: «О милая моя госпоdynя, жаль того, что какой удатной и великой рыцерь безвѣстно пропалъ», и стала в сердце своемъ мыслить, что, «конечно, онъ по нѣкакой нѣволѣ от меня отсталъ». И госпоdynя, видя королевну вельми плачущу, и стала ее от плача унимать и вельми ее за то возлюбила и не отпустила от себя из дому до трехъ днехъ.

Яко королевна Магилена жила во градѣ Хивлу три дни. И какъ королевна в томъ градѣ Хивлу жила три дни у той госпоdynи и спрашивала, гдѣ б ей мѣсто сказала, чтоб во особой пустыни Господу Богу потружаться в томъ княжении. И госпоdynя, видя ее тотъ доброй умыслъ, рече ей: «Есть недалеко отселе в нашемъ государствѣ одно мѣсто, слыветъ Поганской портъ. К тому мѣсту многие карабли пристають. И есть тамъ промеж горами мѣсто, гдѣ б тебѣ мочно тамъ кѣлейцу построить, а хорошо тамъ и монастырю быть. А в томъ мѣсте многие немощные люди пребываютъ, которые от морской воды на корабляхъ заскорбятъ, а мнѣ мнится, милая моя старица, чтоб ты шла и построила больницу и тѣхъ больныхъ призирила, и молитва б твоя приятна к Богу была».

Королевна Магилена, услыша такие рѣчи, вельми рада была. И простяся с госпоdynею, шла к тому мѣсту. И пришедъ на то мѣсто, осмотрила мѣсто и вельми возлюбила. А что у ней было злата и сребра и драгихъ запанъ, что взяла из дому отца своего, продала. И на тѣ денги построила малую церковь во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла, и больницы построила. И назвала тотъ мона-

стырь Петра с Магилены, и какъ устроив монастырь и больницы, и стала в немъ жить и Господу Богу молиться, и около больныхъ ходить. И такъже столько стала жить и трудаться, что в подивление было всѣмъ околнымъ людямъ, которые часто къ ней приѣзжали и называли святою старицею. И монастырь тотъ сталъ в великой славъ быть, и многие люди из дальныхъ градовъ приѣзжали молиться и на строение подавали.

Услышав то князь Вольфангъ, отецъ князя Петра, про тотъ монастырь, общался ѣхать. И приѣхав и с княгинею своею молиться и смотрити церкви и больницы, и дивовались, что въ скоромъ времени построила, и говорили промеж себя: «Конечно, де, старица сия — святая». И королевна увѣдала, что князь Вольфангъ и с княгинею приѣхалъ, рада тому была. И вышла, и вѣстрѣтила ихъ, и стала имъ говорить всякими мудрыми словами. Князь же и княгиня удивились рѣчамъ ея мудрымъ и рекли: «Конечно, сия старица не простова роду, но великаго». И вельми ее возлюбили, и стали ее звать святою старицею.

Потомъ княгиня стала ей сказывать о сыне, князе Петре, и какъ отѣхал от нихъ и гдѣ пребываетъ, того они не вѣдаютъ. Уже князю Петру вѣторой годъ, какъ от него вѣсти никакой нѣтъ, и стала вельми плакать. И королевна, видя княгиню вельми горко плачущу, и глядя на нее, заплакала, потому что и у нее не мене того было в сердце ее болѣзнь по возлюбленномъ ея другѣ князе Петре. И стала княгиню утѣшать всякими мудрыми и утѣшными словами. И княгиня от плача престала и просила о том, чтоб она, старица, Господу Богу молилась, чтоб ево Богъ принесъ в добромъ здравье въ домъ свой, и спрашивала у приѣзжихъ людей, которые ко пристанищу приѣзжаютъ. И королевна Магиленна общалася о князѣ Петрѣ Господу Богу молиться.

И князь Вольфангъ, давъ милостыню, поѣхалъ и с княгинею в домъ свой. И ѣдучи, говорили про Магилену и хвалили житие ее. И королевна Магиленна, отпустивъ ихъ, шла въ больницы осмотрити больныхъ и вошла в церковь и молилася Господу Богу, чтоб далъ ей Богъ видѣти возлюбленнаго своего друга, и положила всю свою надежду на Бога.

Яко рыболове принесли рыбы хъ князю и в ней нашли перстни князя Петра. И князь Вольфангъ, какъ из монастыря приѣхали и с княгинею в домъ свой, и в то время принесли рыболове рыбы морские, и князь указалъ большую рыбу пред собою рознять. И повар сталъ рознимать, и нашел в ней узоль червчетой тафтяной, и розвязалъ тотъ узоль и увидѣлъ в немъ три перстни золотыхъ з драгими каменья, а на каменехъ вырезаны печати государя своего, и изумѣлся на перстни зря, и рекль: «Великий княже, в сей рыбѣ нашель я три перстня золотыхъ, а на них печати твои государския». И князь, взявъ тѣ перстни, шель хъ княгине своей и показалъ ей. И княгиня, видя тѣ перстни, что сыну своему благословила, горько заплакала и не могла слова промолвить, от ташкой своей печали обмерла и упала на землю, и многое время лежала. И какъ

опаметовався, и стала великимъ гласом кричать и плакать неутѣшно: «Увы мнѣ, горькой! Утратила я едиnorodного сына своего. О сыне мой возлюбленный, едина надежда старости нашей! И нынѣ вижу я, мати твоя, что несчастное показалъ рыцерство свое. Охъ, несчастной мнѣ печальной маткѣ! Чего для мы поволрили ѣхать в посторонние государства, имѣючи единаго сына! О проклятая рыба, чему ты общадила! меня! Охъ, мой возлюбленный сыну, какое было погрѣбѣние твое во глубинѣ морстей? О несчастной былъ тотъ часъ, в который ты захотѣлъ ѣхать из дому нашего для рыцерской славы своей. Нынѣ вмѣсте с тобою утонула слава твоя во глубинѣ морстей. О милый мой сыне! Не скоро уже из воды морской освободись. О злостастие! Не могло над кѣмъ иным указать пагубы своей, только над возлюбленным моимъ сыномъ. Охъ, бѣдная я матка! Имѣла единаго сына, котораго начаялась имѣти при старости своей утѣхи, а нынѣ обрѣла вмѣсто утѣхи печаль великую и вмѣсто подпоры старости нашей смерть. Охъ, позорная и немилосердная смерть! Естли ты отняла всю утѣху и радость мою, возлюбленнаго сына моего, возьми жъ нынѣ и меня за нимъ», и рекъши то, горько заплакала.

Князь же Вольфангъ, видя великую печаль, и плачь княгини своей, вельми запечалился и горько плакал, и не дая в себѣ печали своей знать и размножиться, стал княгиню свою от печали утѣшать всякими словами мудрыми, и реклъ ей: «О возлюбленная моя княгиня! Воспомани патриарха Иакова, въ какой жалости по сыне своемъ Иосифе былъ,* и как Богъ ево потѣшил милостию своею. Воспомани жъ и Иева праведнаго,* колико утратилъ сыновъ своихъ и все имѣние свое, потомъ *сторлицею* далъ ему Богъ. Мочно и нам на него надежду свою возложить, возможно Господу Богу и насъ такъже помиловать. Итак, престанемъ от плачу своего, и возложимъ надежду на Бога своего».

И княгиня, слыша такие рѣчи князя своего, мало от печали унялася и рекла ему: «О возлюбленный мой княже, рада б я была, чтоб Господь и мнѣ терпѣние такожде далъ, потомъ бы насъ утѣшил своею милостию. О проклятая рыба! Чего для ты мнѣ такие злые вѣсти принесла?» И указала во всѣхъ своихъ полатахъ все украшение съ стѣнъ снять и обить черными утварями. И какъ снѣ вѣдомость² рознеслася по всему княжению ихъ, и бысть великая печаль во всемъ княжению ихъ.

И какъ тѣ вѣсти пришли в монастырь, гдѣ королевна Магилена пребывала, услышавъ то, королевна Магилена вельми запечалилася и, хотя довѣдатися о томъ подлинно, приказала отписать: «От кого та вѣсть есть, что сынъ вашъ представился?» И посланный письмо княгине от королевны поднесъ, и княгиня вельми вычестъ и противъ того письма указала отписать, какъ рыболове рыбу принесли и какъ в ней три перстня нашли, и указала отписать, что будетъ и сама к тебѣ в монастырь. И посланникъ с тою грамотою приѣхалъ к королевне, и отдал

¹ лишила чада; ² известие.

грамоту, и королевна, прочетши, догадалась, что тѣ перстни ево, что онѣ подарилъ ее, королевну, и вельми запечалилась о смерти его. И шед до кѣльи своей, и стала горько плакать и рекла: «Нынѣ я, бѣдная девице, и нѣтъ такой несчастной, что я на семь свѣте. Охъ мнѣ, злой девице! Ни от кого иного, только от меня сему учтивому князю смерть случилась. О возлюбленный приятель мой, княже Петре! Нынѣ уже не утѣшуся, зря на тебя. О злая рыба! Пристойно было тебѣ, чтобъ ты меня пожерла, нежели возлюбленнаго моего. Охъ, яко кратко и вельми мало намъ с тобою любви было! Нынѣ же вмѣсто любви мука и болѣзни, и печали конца не будетъ. Въсегда в убогом сердце моемъ печаль великая имѣтъ, нежели про милова своего друга смерть слышать. О милосердый Боже! Естьли мой возлюбленный с моей притчины невинне умре, не дай же долгава живота мнѣ, но вскоре — смерть». И плакала многая время неутѣшно. И не в долгомъ времени приѣхал к ней въ монастырь князь Вольфангъ и с княгинею. И королевна ихъ въстрѣтила у монастыря, и шли до церкви, и по церковномъ пѣнии княгиня, взявъ королевну за руку, и отвели ее от людей прочь, и стали ей розказывать про перстни, какъ ихъ в рыбѣ нашли, и сама вельми плакала, и показала тѣ перстни. Королевна, узнавъ тѣ перстни, и глядя на нее и въспомня ево, неутѣшно плакала. Потомъ князь и с княгинею своею поѣхал в домъ свой, а королевна, въшедъ въ больницы, осматривала больныхъ по первому своему извычаю.

Яко князь Петръ былъ долгое время у турецкаго царя и какъ царь отпустил во свою землю. И князь Петръ, великий рыцерь, жилъ многое время у турецкаго царя, а в то время салтанъ турецкой въ Вавилонѣ жилъ. А князь Петръ былъ долгое время у турецкаго царя и в великой милости. И царь имѣлъ его вмѣсто сына своего едиnorodнаго, такъже и паши царьские были к нему добры. И богатые, и убогие, всѣ его вельми любили и почитали, яко сына царева. Царь же, егда веселъ бываетъ, тогда с ынѣмъ ни с кѣмъ не тѣшится, токмо съ княземъ Петромъ, и ни х кому такой милости нѣтъ, что к нему. Князь же Петръ никогда не могъ утѣшенъ быть, держа во умѣ своею прекрасную королевну Магилену. Всегда у него на сердце болѣзнь была. И мыслилъ, что в животѣ ея¹, прекрасной королевны, нѣтъ, но в том непроходномъ лѣсе от лютыхъ звѣрей разтерзана. И видя великую милость царскую к себѣ, умыслилъ единаго дня проситься у царя, чтобъ отпустилъ на время со отцемъ своимъ и с материею повидаться, потомъ со сродичи. И единаго дня въ ихъ бусурманской праздникъ царь Салтанъ былъ вельми веселъ, и многихъ людей, по своему бусурманскому извычаю для дня того своихъ и невольниковъ христіанъ на волю пушал и многимъ злата и сребра давал. Видя князь Петръ, что былъ царь веселъ, приступилъ к нему и палъ на колѣни, и сталъ бить челомъ, и рече: «Великий царю, не малое время будучи я, холоп твой, при твоей царьской милости и тебе, царю, биваль

¹ в живых.

челомъ. И милость твоя царская всегда по моему прошению была. А о семь тебѣ, великий царю, никогда не бивалъ челом. Нынѣ тебѣ, великий царь, бью челомъ о себѣ, помилуй меня, холопа своего, преврати милостию своею ко мнѣ сердце свое царское, и услышь прошение мое малое».

Царь, услыша прошение его, а не въдая о чемъ, рекль к нему: «Ты самъ знаешь, каковъ я до тебя милосердъ, и милость моя отменитая к тебѣ от всѣхъ пашей и от иных вельможъ во всемъ царствии моемъ. Еще не бывало того, чтобъ я тебя не пожаловалъ противъ прошения твоего к намъ. А нынѣ ты милости просишь о себѣ, найпаче ради тебя пожаловать, хотя проси у меня треть царствия моего, то тебѣ дамъ. В нынѣ не знаю, объяви, о чемъ просишь насъ, и ни в чемъ тебѣ отказу не будетъ противъ твоего прошения».

Слыша то, князь Петръ, вельми тому рад былъ и рекль: «Великий царю, вижу неизреченную милость твою к себѣ, чему я достоинъ такой милости твоей? И не мочно мнѣ такую милость твою царскую заплатить, никоими службами моими, только долженъ за ваше государское здоровье умереть. И гдѣ въ которомъ государствѣ буду и великимъ гласомъ стану вашу милость выславливать.

О томъ милости у тебя, царю, прошу: при великой старости остались отецъ мой и мати, а тому нынѣ третьей годъ, какъ не въдаютъ про меня, гдѣ я, живъ ли или нѣтъ. И нынѣ обо мнѣ имѣютъ великую печаль, а естли от печали при такой старости случится имъ смерть, то убоецъ имъ буду я, что при старости ихъ покинул и прочь отѣхал. Нынѣ у тебя, великий царю, милости прошу, поволь меня отпустить ко отцу своему и матери на время повидаться. А какъ и мнѣ изволишь срокъ положить, в то время к тебѣ буду, взявъ благословение отеческое у нихъ».

Царь услыша такое прошение, и изумѣлся и вельми ему стало жаль, что слово свое далъ ему, что ево ни в чемъ не преслушать, и рекль ему царь: «Прощение твое вельми мнѣ любо, что помнишь родителей и благословения от нихъ жадаешь. А о томъ вельми не любо, что ты от меня хочешь отѣхать, а что я далъ слово свое въ челобитъѣ твоемъ тебя пожаловать, только помысли, поживи еще в дому нашемъ, а по смерти моей учиню тя царемъ турецкимъ».

Князь Петръ сталъ ему всякими словами мудрыми бити челомъ со слезами. Царь, видя хотѣние его, пожаловал, указалъ его отпустить с великою честью на срокъ. А князь Петръ услыша то, палъ предъ царемъ в ноги и за милость его царскую билъ челомъ, и общалъся на тотъ срокъ приѣхать. Царь указалъ грамоты писать до своихъ пашей в всѣ города, гдѣ ѣхать князю Петру, чтобъ они ево с великою честью вѣстречали и провожали. А что имъ князь Петръ повелитъ, дѣлать, чтобъ ево во всемъ слушались такъ, какъ самого царя.

И такъ его царь отпустилъ во свою землю вельми славно, и пожаловалъ ему великое богатство злата и сребра и драгихъ запанъ, камня драгаго и жемчугу несказанное множество, и с великою жалостию отпустилъ его.

Князь же Петръ, взявъ такой милостивый отпускъ от царя и поѣхал в дорогу. И приѣхал до Александрии и попалъ ему карабль французской земли. И князь Петръ нанял тотъ карабль и по уговору карабельщику далъ за провоз деньги. Потом сталъ мыслить, какъ бы довести великое богатство во свою землю. И купилъ 14 бочекъ, и насыпал с обѣихъ концовъ соли, а в середку тѣхъ бочекъ положилъ золото и серебро и драгие каменья, и жемчугъ, и драгие запаны. И сказалъ карабельщику, что в тѣхъ бочкахъ соль, потом отпустился от брегу иплыли вѣтром добрымъ по морю. Потомъ переплыли море на другую страну, недалеко от французской земли пристали карабли. А князь Петръ былъ боленъ в то время от морьского ходу. И вышелъ на брегъ, гулялъ по брегу и нашел хороший лугъ, на которомъ лугу много было пахучихъ всякихъ цвѣтовъ. И князь Петръ легъ на том лугу промежъ цвѣтами. И с того морскаго ходу от добраго вѣтру стало ему лехко, и сталъ зрѣти на цвѣты, и увидѣлъ промежъ всѣми цвѣтами единъ цвѣточикъ краше всѣхъ и благовоннѣе, и сорвалъ его. И глядя на цвѣточикъ въспомянулъ красоту прекрасной кралевны Магилены, что промежъ прекрасными прекраснѣе всѣхъ была. И какъ въспомня, сталъ горько плакать от всего сердца своего, размышляя, гдѣ ево возлюбленная прекрасная невѣста дѣлася. Будучи въ такомъ размышлении и плачу, с той великой печали уснулъ на томъ лугу. Потомъ карабельщики, видя вѣтръ добрый по сѣбе, не хотя мѣшкать, взошли всѣ на карабль, и видя карабельщикъ, что ево нѣтъ, помыслил себѣ по брегу ходить и кричать. А князь Петръ на томъ лугу столь крѣпко уснулъ, что не могъ услышать тотъ крикъ. И видя то карабельщикъ, что ево нѣтъ, помыслил, что ево звѣръ съѣлъ. Поднявъ парусы, побѣжали караблемъ во свой путь.

И в малом времени приплылъ карабль к тому пристанищу, гдѣ монастырь кралевны Магилены. И всѣ свои товары выложили, и сталъ говорить карабельщикъ с товарищи своими: «Добраго человека соль, что намъ добръ заплатилъ наемъ, гдѣ мы ее дѣнем? Отдадимъ ее въ монастырь и прикажемъ, естли онъ живъ и придетъ, чтобъ ему отдали, а будетъ мертвъ, чтобъ въ монастырь взяли». И шедши к кралевне въ монастырь, и въ церкви Богу молилися, и кралевне поклонилися, и рекли ей: «Великая старица, нанял насъ человекъ добрый из Александрии до сихъ мѣстъ свести 14 бочекъ соли и невѣдомо, какими мѣрами отсталъ от насъ на брегу. А нынѣ ево нѣтъ, отдать нѣкому, возьми ты тое соль к себѣ въ монастырь. Естли онъ будетъ, отдай ему, а естли не будетъ, пригодится въ монастырьскую потребу. А его за то поминайте». И тѣ бочки указала кралевна карабельщикомъ въ монастырь привести и велѣла ихъ принять.

Кралевна Магилена велѣла бочку почать соли, и нашли великое сокровище в нихъ. Во едино время не стало в томъ монастырь соли и в больницах, указала кралевна отбить едину бочку и взять соли. И какъ разбили бочку, и нашли в серетках золота и серебра много, и жемчугу, и каменья драгаго. И потомъ другую, и третью, потом и всѣ разбили, и обрѣли в нихъ вели-

кое сокровище драгихъ вещей, неудобъсказанно. Потомъ рекла: «Убогий члове, естли ты пропаль, то не вспомнишь, а естли ты живъ нынѣ, сердце твое в великой и тяжкой печали, что погубилъ напрасно все имѣние свое. А естли бы тебя Богъ к намъ принесъ, еще бы твое не пропало. А нынѣ на хвалу Господню сооружу велию церковь». И посла по градомъ для каменщиковъ и всякихъ мудрыхъ мастеровъ к сооружению великия церкви каменной. И с великою борзостію з большимъ заводомъ¹ нача строити. И в скоромъ времени сооружи церковь во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла, вельми прекрасну. И близъ церкви построила больницу, что ни в которомъ государстве такой прекрасной церкви не было. И стала великая слава про тотъ монастырь, и многое множество людей стало съезжати и молиться, и дивовалися великому заводу и прекрасной церкви. И видѣли, что у ней не было никакой казны, и вельми тому дивовалися, откуда она взяла такое сокровище: «Сей старице невидимо Богъ подаетъ на строение церкви». И мастера церковныя дивовалися такому великому сооружению.

Князь Вольфангъ и княгиня Петронила услыша, какимъ великимъ заводомъ черница построила церковь вельми прекрасну и больницы, и здивились тому, и общались ѣхать сами. И приѣхавъ в кручинномъ² платьѣ, шли въ церковь Господу Богу молитися и святымъ апостоламъ Петру и Павлу. И отслушавъ церковное пѣние, призвали к себѣ черницу и с нею о всякихъ рѣчахъ размышляли о печали своей. И ей сказывали, что не можемъ-де никогда утѣшны быть от печали тоя. И королевна всякими мудрыми речьми тѣшила ихъ, а у самой у ней болѣ печаль к сердцу лежитъ. И едва не заплакала для того, чтобъ невдогадъ было, и болѣ печали к сердцу ихъ не прилагала. Потомъ князь и княгиня дали по общанию много золота и сребра на строение церковное и на всякие церковныя потребы и ѣхали в домъ свой с веселиемъ.

Яко князь Петръ на лугу спалъ и отстал корабля. И какъ князь Петръ вельми твердо уснулъ и долго спалъ с той печали на берегу, пробудился и возозрил, и увидѣлъ, что ночь стала, темно было и изумѣлся, что твердо уснулъ. Вставъ и шель ко берегу морскому, гдѣ былъ карабль, и шедши, карабля не узрил и от карабельщика гласа не услышал, надѣялся, для темности не мог никого видѣть. И почал великимъ гласомъ кричать, а к нему никакова отвѣту не было. И ходя по берегу, кричалъ многая время, запечалился вельми и впалъ в великий страхъ. Новая печаль сердешная объяла сердце его, такъже от великой жалости палъ на землю и лежалъ аки мертвъ, от памяти и от разуму отшеть, лежалъ многая время и очнулся, и сталъ горько плакать и рекль:

«Охъ несчастному мнѣ на семъ свѣте, который сын людскій уродился такой несчастной, что я? О злое и немилое сердечное несчастье! Не полно ли было тебѣ, что ты с возлюбленною моею невѣстою разлучило меня, а нынѣ, вы-

¹ основание, замыслом; ² траурном, от кручина — печаль.

ведши мя ис поганыхъ рукъ, отнесла все имѣние мое, и еще и самово меня привела на погибель в сию непроходную пушу. Надѣялся, чтобъ приѣхать в великой радости и во всякомъ добрѣ ко отцу своему и матери и къ сродичамъ своимъ. А нынѣ вмѣсто радости вижу печаль великую и горькую смерть. Увы мнѣ бѣдному на семь свѣте человеку!» И сидя всю ночь плакал горко до самого свѣту. И какъ день насталъ, ходилъ подлѣ брегу, гдѣ кого могъ узреть, и от того хождения вельми истомился от жару солнечнаго, и от морскаго духа. И от печали сердечной не могъ болѣ ходить, палъ на землю и лежалъ, аки мертвъ без памяти.

И изволениемъ Божиимъ приѣхали к тому брегу в караблѣ рыболове. И видя человека лежаща на земли, взяли его к себѣ въ барку замертво. И привезли его въ городъ Кропоня и тамъ его отдали въ богадѣльну. И онъ былъ немалое время в той богадѣльне, не вдавался въ большую печаль, но положилъ все упование свое на Господа. Однако сокрушила его печаль, которая вошла въ сердце его: первѣе — въспомня красоту королевнину, второе — на великое сокровище свое, то не могъ быти утѣшенъ, но всегда в печали былъ и в болѣзни.

Во едино время вышел на брегъ от горести своей и гулялъ подлѣ моря по брегу, и узрѣлъ карабль изготовленъ въ путь, хотя доведатися, отколѣ тотъ карабль пришелъ и куда идетъ. И сталъ спрашивать карабельщика, и карабельщик ему реклъ: «Я есть королевства французскаго, а в скоромъ времени поплыву к себѣ». И князь Петръ вельми тому радъ, что увидѣлъ человека своей земли. И билъ челом ему, чтобъ онъ Бога ради ево свезъ для одноземчества¹, а дать было ему найму нѣчего, а имяни своего и роду не сказалъ. Карабельщик, видя человека добраго въ печали великой и для того что одноземчества Бога ради, указалъ ему състь въ карабль без найму. И наутро поднявъ парусы, плыли в свой путь.

Потомъ с нѣкаккой размолвы учинилась рѣчь у карабельщиковъ про монастырь Петра с Магилены, гдѣ королевна пребывала. Князь Петръ услышав то, что въспомянули имя королевнино, сталъ ихъ спрашивать: «Сколь давно тотъ монастырь построень?»

И рекли карабельщики: «Построила нѣкая старица, которая и до сего часу в томъ монастырѣ досматриваетъ немощных, и многие чудеса часто в томъ монастырѣ бывають. Естьли послушаешь насъ, обѣщайся въ томъ монастырѣ потрудятися с вѣрою, конечно, тебя Господь Богъ помилуетъ и по-прежнему въ добромъ здоровье».

И князь Петръ обѣщался в немъ трудятися единъ мѣсяць, потомъ до пристанища того приѣхали, гдѣ тотъ монастырь. И князь Петръ вышел ис карабля вонъ и въшелъ въ монастырь, а былъ вельми скорбенъ от печали своей и от морскаго тяжелаго духа опухлъ. И пришедъ въ монастырь, и помолясь у церкви, хвалу воздалъ Богу, что ево Господь Богъ принесъ во свою землю еще жива. По-

¹ какъ соотечественника, земляка.

томъ вшел въ больницу и мыслилъ никому не сказать про родъ свой покамѣсть к доброму здоровью приидеть.

Кралевна по извыклому дѣлу своему пришла в больницы и увидѣла новаго гостя, взявъ его, вымыла главу и руки, и ноги, и дала ему бѣлую срачицу¹, и послала под него постелю, накормила ево и напоила, такъ яко и протчихъ, и рекла ему: «Милый гостю, чего душа твоя похочеть есть или пить, сказывай мнѣ, чтоб тебѣ скорѣе быть в добромъ здоровье». Потомъ шла к инымъ немощнымъ, а его не познала: от великия скорѣби сталъ вельми худ.

И кралевна, будучи старицею въ богадѣльне, не познала возлюбленнаго своего жениха, князя Петра. Князь Петръ многое время былъ въ томъ монастырѣ въ больнице и сталъ от немощи здравъ, потому что кралевна с великимъ радѣниемъ ходила около ево. И какъ пришелъ к прежней своей силѣ, вельми дивовался трудомъ тое черницы около больныхъ, и мыслилъ онъ себѣ и реклъ: «Боже милостивый, избавил ты меня изо всего горя и трудовъ и привел меня в вотчину мою и къ прежнему доброму здоровью. Прошу твоей святой милости, чтоб ты далъ вѣдать о погибшей невѣсте моей кралевны Магилены, есть жива или нѣтъ. ЕСТЬЛИ Б ВѢДАЛ, ЧТО МѢРТВА, Я БЫ МНОГО И НЕ ПЕЧАЛИЛСЯ О ТОМ: МНОГАЯ ДЛЯ ЕЕ РАДИ ПРЕТЕРПѢЛЪ, А НЫНѢ МНѢ ЕЩЕ НАДОБЕТЬ И БОЛѢ ТОГО ТЕРПѢТЬ ЗА ВИНУ СВОЮ, ЧТО Я ЕЕ ОТ ОЦА И МАТЕРИ УВЕЗЪ И В НЕПРОХОДНОМЪ ЛѢСЕ ПОКИНУЛ. Милостивый Господи! Соблуди от всякаго зла, без помощи твоей немощно ей ис такого темнаго, страшливаго, непроходнаго лѣсу вытти. А еСТЬЛИ ОТОШЛА СЕГО СВѢТА, НЕ ДАЙ ЖЕ МИ ДОЛГОВА ЖИВОТА, ЧТОБ И Я ВЪСКОРѢ ТАМ ЖЕ БЫЛЪ». И заплакал вельми от горести душевныя.

В то же время Магиленна вошла в больницу и ходила около больныхъ, и пришла к нему, и увидѣла его плачуша, вопрошала его: «Учтивый гостю, чего для таковъ печалень и для чего плачешь? Повѣдай мнѣ, какой тебѣ недостаток, чего тебѣ потреба? Скажи, я трудовъ своихъ не пожалю, принесу всего, чего душа твоя похочеть». Отвѣщал князь Петръ: «Святая мати, нѣтъ того, чего бы мнѣ недоставалось, всего въ достатокъ есть. А какъ помыслит человекъ на первое, шасливое, доброе время, то сердце его тѣмъ утѣшится, а какъ помыслит на свое несчастие и горестъ, то сердце его закипитъ кровию, и нельзя ему что не плакать от такой тяжкой печали своей».

Кралевна же от него услыша, что онъ о причинахъ прежнихъ говорить, тѣшила его всяческими мудрыми неутѣшными словами и рекла ему: «Правда то есть, милый гостю, какъ прошлые времена вспомнишь, яко от добра да попал в несчастие и в великую горестъ и во убожество, и вспомня то, конечно, сердце закипитъ кровию, и от того подымается болѣзнь. А то всегда на семь свѣте бываетъ, яко богатому, такъ и убогому. Не можетъ человекъ, чтобъ без какой печали

---

¹ сорочку.

и болѣзни вѣкъ свой прожить. А кая печаль кому приидеть, все то от Господа Бога, и о том намъ надобеть Бога молить всегда. Господь милосердъ, наказав, помиловать». И утѣшила его и сама себѣ от печали. И хотя вѣдать от него, что за нещастье ево и от чего печаль имѣеть, и рекла ему: «Гостю милый, скажи мнѣ, отчего и какую имѣешь ты печаль?»

Князь Петръ рекль ей: «О великая мати святая, былъ единъ великий человекъ княжева роду, имѣлъ у себя супругу королевскаго роду, тѣ имѣли у себя единого сына и любили его паче мѣры, и тѣмъ старость свою утѣшали. Той ихъ сынъ услышалъ о единой прекрасной девице в ѣной земли, у великаго краля дочь, которая вельми любила рыцерскихъ людей. И взявъ онъ себѣ в мысль, чтоб онъ ѣхалъ въ посторонние государства для славы и для той прекрасной королевны. И молилъ отца своего и матеръ, чтоб отпустили в посторонние государства для славы: рыцерскихъ дѣлъ заслужить и щастия своего отвѣдать. И они изволили его отпустить с великою жалостию. И какъ онъ приѣхал до того великаго краля, и былъ тамъ долгое время, гдѣ та прекрасная королевна была, что ея не было прекраснее, и тамъ много великихъ богатырскихъ рыцерскихъ людей съѣзжалось. И тотъ человекъ имѣ такое счастье, что не могъ никто с нимъ съѣзжаться и противъ его стоять. Для того былъ до него краля и королевна вельми милосерды, такъ же и прекрасная королевна вельми его возлюбила. Потомъ тотъ рыцерь былъ призванъ тайно к той прекрасной королевне, и в томъ промежъ ими былъ совѣтъ великий. И потомъ зговорились, что ему в законномъ брацѣ и в любви жити до смерти и произволили на такое дѣло: тотъ рыцерь увезъ тайно ту прекрасную королевну у отца и матери, и бояся того, чтобъ его с нею не нашли, заѣхал в великий непроходный лѣсъ промежъ горами над моремъ, и тамъ они стали. И в то время королевна вельми утомилась от ѣзды и заснула, положила главу свою на колѣни того рыцера. И рыцерь, зря на прекрасное лице ея, и изумѣлся красоте ея, и забылъ Господа Бога, сталъ мыслить иное, неподобное дѣло. Потомъ сталъ смотреть бѣлого тѣла ея и разтегал у ней платье и на персях у нее узрил на снуркѣ узолокъ червчетою тафтяной, и взял развязалъ его и нашель в немъ три перстни тѣ, что ему благословила милостивая мать его при отпуску, какъ ево отпуща из дому своего. И рыцерь, завязавъ тѣ перстни, положилъ тотъ узолокъ с перстнями подлѣ себя. И прилетѣвъ злыи воронъ и начаялся¹, что мясо лѣжитъ, и ухватилъ тотъ узолокъ с перстнями, и възлетѣвъ на древо. И видя рыцерь, что ворон унесъ перстни, опасался гнѣву королевнина, поднявъ главу ее тихо, сложилъ с колѣнъ своихъ и шедъ за вороном, метал в него каменьемъ, чтобъ он, воронъ, тѣ перстни покинулъ. И ворон лѣтал з древа на древо, а рыцерь за нимъ ходил, метаючи в него каменьемъ, и завель его вельми далеко от королевны, даже до губы морстей. И воронъ, залетѣвъ за губу, сѣлъ на камени, а рыцерь металъ в него каменьемъ, и воронъ слетѣлъ с камени, гдѣ

¹ понадеялся.

сидѣль, и узолокъ опустил въ море. И рыцерь надѣялся, что воронъ тотъ узолокъ на той странѣ на камени покинул, ходя по берегу, искалъ лотки и нашель малую лотку, и с великою борзостію сълъ в нея гребя руками, и какъ онъ от берегу отплыль, и сталъ великий вѣтръ и занесло ево в пучину морскую. А кралевна осталась едина в том непроходном лѣсе. И помышляю я, что ея лютыя звѣри разтерзали. А то, святая преподобная мати, егда сие въспомню, без великой жалости и печали не могу быть».

И кралевна тогда догадалась, что возлюбленный погибший ея женихъ есть, не дая ему себя знать, от великой радости залилась слезами. А онъ того плачу не видалъ, потому что лице ее все укрыто было чернымъ, и была въ сердце своемъ вельми утѣшна о том, иже возлюбленнаго супруга нашла, а ему еще сказаться не хотѣла.

Яко кралевна Магилена возлюбленнаго своего супруга познавъ. Рекла к нему кралевна: «Учтивый гостю и милый приятелю! Мужескому сердцу достоинъ разумомъ разсуждати во всякой печали, хотя что и печально припадеть, чтоб того не допускать до сердца своего, потому что от того болѣзни разныя множатся, а достоинъ всякому мудрому человѣку всю свою жалость и печаль во всякихъ дѣлехъ на Господа покладать и у него помощи просить. Господь всемощень, что хошет, то и творить. А я чаю надежды, что Господь Богъ милостію своею утѣшитъ тя от печали твоей и возлюбленную твою невѣсту въ скоромъ часѣ узриши, такъже и до родителей своихъ въ добромъ здоровьѣ увидишь. Печаль твоя обратится в радость, а о васъ стану Богу молиться, чтоб васъ утѣшилъ милостію своею».

Такие радостныя рѣчи князь Петръ услышавъ, воставъ и сталъ ее молить и рекль: «О святая старица, преподобная мати, обрадова ты сердце мое и особливе утѣшины в тяжкой печали моей, и вельми утѣшилося печальное сердце мое, и прошу милости: помолись за мя Господу Богу, вѣдаю то, что молитва твоя много мнѣ поможетъ».

То рѣкъши, хотя ей поклонитися до земли, и кралевна удержала его и не дала ему поклонитися, и поднявъ, посадила его на постелю, и шла от него с великою радостію до церкви, и с великимъ плачемъ молилася Господу Богу за такую милость его. Потомъ шла до кѣльи своей и написала грамотку въ город Хотѣнь к той господыни, у которой жила три дни.

И послала к ней человека своего, давъ ему денги, чтобъ она накупила златоглавовъ и иныхъ всякихъ вещей и драгихъ поставовъ,* и жемчугу, и камня драгаго. И господыня то все искупила, что ей велѣно, и чаяла, что покупаетъ на церковное строение, и отослала тотъчасъ, не мешкая, и посланный поупку всю привезъ.

И кралевна послала по добрыхъ мастеровъ портныхъ и указала себѣ платье дѣлать на королевскій извѣчай, и портныя мастера дивилися вельми тому пла-

тию, что они королевскаго платяя прежде сего не дѣлывали. Потомъ указала купить драгихъ ковровъ и украсила обитиемъ всякимъ двѣ свѣтлицы: одну, гдѣ сама жила, другую подлѣ той.

Потомъ указала изготавить мыльню¹ и, по извычаю своему, шла въ больницу досматривать больныхъ. И осмотрѣвъ иныхъ больныхъ, пришла х князю Петру и рекла ему: «Прятелию милый, не хочу я, чтобъ ты промежь больными болѣ лежалъ, указала я тебѣ мылю изготавить, чтобъ ты с тѣхъ трудовъ своихъ от немощи обмылся, а я тебѣ послужу. Потомъ тебѣ дамъ особую свѣтлицу и постелю, гдѣ тебѣ быть упокойнѣе, чтобъ ты въскоре от немощи здравъ былъ. А я имѣю надежду на Господа Бога, что милостию своею помилуетъ тя и обвеселитъ тя от печали твоей, и дасть тебѣ видѣти въ короткомъ часѣ прекрасную твою кралевну Магилену».

Потомъ вывела его и привела въ мыльню, вымыла ему главу его и помазала благоуханными мастями², потомъ указала его отвѣсть во уготаванную ему свѣтлицу. Князь же Петръ вшедь в ту свѣтлицу и удивился украшению ея, и реклъ самъ к себѣ: «Истинно украшение в сей храминѣ не простова есть челоувка, вижу, что старица сия королевскаго роду, потому что сие украшение бываетъ въ королевскихъ и княжескихъ домѣхъ, а не у простыхъ людей».

Кралевна Магилена шла до своей свѣтлицы, обмывъ лице свое, надѣла на себя королевское платьѣе и всячески украсилася, и, покрывъ главу свою тонкимъ платомъ, шла х князю Петру въ свѣтлицу. И вшедь, рекла к нему: «О великий рыцерь, возлюбленный женише мой, князе Петре! Нынѣ развесели сердце мое, на которое многое время печаль была. А то я есть погибшая Магилена, возлюбленная твоя невѣста, для которой много зла претерпѣлъ, такъ же и я для тебя. Я есть она, которую ты взялъ из дому отца моего великаго краля Неополитанскаго. Я есть она, что тебѣ, приятелю своему, дала златую чепь, благословение матери своей, а к тому, возлюбленный женише мой, я есть та, по комъ печально сердце твое», и сняла зъ главы своея тонкий платъ, распустя долгиа власы свои.

Князь Петръ позналъ возлюбленную свою невѣсту, прекрасную кралевну Магилену. И какъ князь Петръ узрилъ возлюбленную свою невѣсту, которую долгое время не видал, воставъ с мѣста своего и обнел ее вельми любезно. И с той великой радости вельми плакали оба многое время, не могъ другъ другу слова промолвить. И престали от великаго плачу, съли вмѣсте, другъ г другу различные свои скорби и печали, бѣды сказывали, и была промежь ими невымолвная радость, и не имѣли совершения³ рѣчамъ своимъ. А кралевна не могла насмотритъся на возлюбленнаго своего.

¹ баню; ² мазями; ³ конца.

Потом князь Петръ сталъ розказывать, какъ былъ в великой милости у турецкаго царя, и яко выслужил много злата и сребра, и какъ то имѣние в бочкахъ погигло, и какъ самъ от великой жалости хотѣлъ утопиться во глубинѣ морстей. А кралевна такъже ему воспоминала, яко отецъ его и мати были у нее и какъ по немъ великую печаль имѣють, найпаче были печалны, какъ перстни въ морстей рыбъ нашли. И какъ тѣ бочки с тѣмъ сокровищемъ ей достались, которымъ сокровищемъ соорудила церковь и больницы, и весь тотъ день сидѣли въ великой радости.

И стала Магилена говорить, чтобъ учинить въскорѣ вѣсть отцу его и матери. Князь же Петръ рекль к ней: «О возлюбленная моя душе, прекрасная кралевна! Будучи я на мори, общался Господу Богу, чтобъ в семь монастырѣ потрудяться единъ мѣсяцъ».

Кралевна рекла к нему: «О возлюбленный мой приятелю, естли имѣешь такое общание, то и мнѣ любо. Станемъ у Господа Бога вмѣсте милости просить, чтобъ насъ Господь Богъ въ добромъ здоровье и въ счастливомъ пребывании соблюлъ. А мнѣ кажется добро, чтобъ ѣхала ко отцу твоему и матери и про тебя сказывала, и постановила имъ день, о которомъ бы они приѣхали в сей монастырѣ по тебя. А мати твоя вельми ко мнѣ милосерда, а я про тебя имъ никакихъ речей не буду сказывать. Учиню про сие дѣло тайно».

Князю же Петру вельми та рѣчь полюбилася. И какъ для того ночь приближися, кралевна Магилена с княземъ Петромъ простилась и шла до своей свѣтлицы и по извычаю своему многое время молилась Господу Богу, и от радости не возможе всю ночь уснуть, и мыслила, какъ бы лучше извѣстить про него отцу и матери. И князь Петръ такъ же молился Господу Богу, что ево свель с возлюбленною своею невѣстою, прекрасною кралевною Магиленою. И какъ день насталь, и кралевна востала вельми рано и надѣла на себя старицкое платье, шла в больницы и, осмотривъ немощныхъ, пришла к возлюбленному своему жениху, князю Петру, спрашивала его о здоровье, и мило поцеловались.

Князь же Петръ вельми дивился покою и трудомъ ея, и зря в такомъ платьѣ и рекль ей: «Нынѣ вижю, возлюбленная моя, что меня милосердый Господь Богъ не для чего иного ис такого тяжелаго поганскаго¹ житья высвободил, только для твоего святаго жития».

И по многихъ рѣчахъ кралевна простилась и ѣхала ко отцу его и матери, и приѣхавъ до двора княжева, шла на двор. И какъ князь Вольфангъ и княгиня Петронила довѣдались о приѣзду старицы, дивовались тому, что приѣхала, и многое время ее молили, чтобъ въ дому нашемъ была, и никогда не хотѣла из монастыря вытѣти, а нынѣ сама приѣхала безъ прошения. И вышедъ князь Вольфангъ и княгиня Петронила с великою радостію и честию въстрѣтили ее и взявъ въ полаты посадили подлѣ себя и великую честь воздали.

¹ здесь: мусульманского.

Потомъ княгиня рекла старице о возлюбленном сыне своемъ и стала горько плакать и рекла ей: «Никогда не будетъ сердце наше утѣшно от печали, покамѣстъ подлинную вѣсть услышимъ о сыне своемъ: живъ ли или нѣтъ. И от печали сей немного намъ на семь свѣте жить».

Слыша то королевна и рекла к нимъ: «Милостивый княже и милостивая княгиня! Вашему величеству и стану¹ непристойно, чтоб воле Божии противитися. Надобе во всемъ уповать на волю Божию, а не вдаваться в печаль и во отчаяние. А я к вамъ приѣхала для того, чтоб вамъ извѣстила, чтоб вы з большую вѣрою на Господа Бога уповали. И по изволению Божию въ скоромъ часѣ узрите сына своего. Повѣдаю вамъ: вчерашной ноши молилася Господу Богу и яви ми ся Господь Богъ, и привелъ есть с собою рыцера младаго, и рекль мнѣ: „Возьми сего, сей бо есть сынъ князя Вольфанга, по которомъ онъ въ великой печали часто пребываетъ. Иди к нимъ и возвѣсти имъ сие видѣние, чтоб приѣхали в сей монастырь”. И о томъ рекла я: „Милостивый Господи, что еще повелишь рабѣ твоей?” Господь же ми рекль: „Только ты поѣдь к нимъ и скажи имъ сие видѣние, они тому имуть вѣры”. И даде ми златую чепь, и рекль: „Возьми сию чепь, что мать его благословила, и покажи, чтоб они вѣру няли”», и вынявъ, показавъ имъ чепь.

Князь же и княгиня узрѣ, что чепь сына ихъ, что мать его благословила, и вельми возрадовались, и били челомъ старице за такие радостныя вѣсти. И великую честь воздали ей, и уставила имъ уреченный день, какъ имъ приѣхать въ монастырь свой. Они же с великою честью отпустили ее, и кручинное платье с себя сняли и обитие стѣнное черное въ дому своемъ указали снять, и всякими драгими и цвѣтнымъ обитиемъ украсили домъ свой.

Королевна жъ, приѣхавъ въ монастырь, и шла к возлюбленному своему жениху и рассказывала ему все подробну, какъ вельми радостны стали отецъ его и мати. И князь Петръ былъ вельми тому радъ. Потомъ указала королевна Магиленна дѣлать драгое платье, прежде — возлюбленному своему жениху, потомъ — себѣ, изготовила все, что надобѣтъ к приѣзду княжескому.

Князь же Вольфангъ с княгинею Петронилою, приѣхавъ въ монастырь, узрили сына своего князя Петра. И какъ день уреченный пришелъ, тогда Вольфангъ князь с княгинею своею Петронилою и с вельможами, и со всѣмъ княжениемъ своимъ во всякой красотѣ приѣхали в монастырь. Королевна ихъ встрѣтила и повела ихъ въ церковь, и отслушавъ пѣнія, повела ихъ в ту свѣтлицу, гдѣ князь Петръ, и введши ихъ, рекла к нимъ: «Нынѣ узнайте возлюбленнаго сына своего, той ли есть сынъ Вашъ?»

Егда князь Петръ увидѣлъ отца своего и матеръ, прииде к нимъ и палъ на ноги ихъ, и от великаго плачу, и от великой радости не могъ долго слова про-

¹ положению.

молвить. И от того часу узнали возлюбленного своего сына, и взявъ, стали его умильно цѣловать и любезно. Князь же и княгиня от великаго плачу своего не могли ни единого слова промолвить другъ другу. Потомъ съли и стали его роспрашивать, гдѣ онъ былъ и в которыхъ государьствахъ. Онъ же имъ все подробну сталъ розказывать, гдѣ онъ былъ и что над нимъ дѣлалось. И в то время кралевна вонь вышла от нихъ въ свою свѣтлицу и, снявъ с себя черное платье, надѣла на себя драгое королевское платие, и всякимъ украшениемъ украсилася такъ, что сподивление. Потомъ шла въ свѣтлицу, гдѣ князь и со княгинею и с молодымъ княземъ Петромъ сидѣли, и въшедъ въ свѣтлицу во драгомъ королевскомъ одѣянии. Князь Вольфангъ и княгиня Петронила, видя такую прекрасную девицу, вельми тому издивилися, что откуда такая прекрасная девица взялася во драгомъ королевскомъ платьѣ.

Князь же Петр воставъ с мѣста своего и взявъ кралевну за руку, обнявъ, поцѣловалъ ее. Князь и княгиня вельми тому дивовалися. Потомъ князь Петр рекль: «Милостивый государю мой отче, великий княже, и милостивая моя государыня мати! Девица сия есть дщерь великаго краля Неополитанскаго, для которой я ѣхал из дому. Та многая время ждала меня во своей дѣвической чистотѣ и въ трудѣхъ своихъ соорудила церковь и больницы, и около больныхъ труждалася многое время. Та есть возлюбленная моя невѣста, тое увезъ от великаго краля Неополитанскаго, тое я погубилъ в далномъ и непроходномъ лѣсу».

Услышав то князь Вольфангъ и с княгинею своею пришли к ней блиско с великимъ подивлениемъ, и стали ее любезно цѣловать, и вельми радостны были, и хвалили Господа Бога, что дивные рѣчи учинилъ, и привелъ Богъ возлюбленного сына нашего, так же свелъ с прекрасною своею невѣстою. И шли всѣ вмѣсте в церковь, и молилися Господу Богу за такую его праведную милость к нимъ, и вельми стали веселиться, также и во всемъ княжении его бысть великая радость и дивная рѣчь. По той молитвѣ князь Вольфангъ и с княгинею своею и с княземъ Петромъ и с кралевною Магиленою поѣхали в домъ свой. Мещане же и всякихъ чиновъ люди с великою честью и радостію встрѣчали князя Петра и кралевну Магилену, и в подивление великое всѣмъ бысть.

Князь же Вольфангъ просилъ окольныхъ кралей и князей на радость сыну своему, князю Петру. Потомъ указалъ князь Вольфангъ писать листы ко всемъ окольнымъ кралямъ христіанскихъ земель: х королю французскому, к свату своему, х королю Неолитанскому, отцу прекрасной кралевны Магилены, и до князей немецкихъ, и указалъ подлинно ко всѣмъ писать про все ихъ прохождение печали и радости, и молилъ ихъ, чтоб они пожаловали приѣхать к сыну ихъ на бракъ и на веселие, поставил уреченный день веселию тому на день святыхъ апостолъ Петра и Павла. И какъ тѣ листы до кралей и до князей дошли, и дивилися всѣ, и поволили готовиться на ту великую радость.

А какъ листь пришелъ до краля Неополитанскаго, отца кралевы Магилены, указаль тотъ листь предъ всѣми честь явственню, и от великия радости стал плакать, и послаль х кралеве, и сказалъ ей все подробну, что в листь писано. И кралева, мать прекрасной кралевы Магилены, вельми рада была, и в великое подивление бысть всѣмъ. И указаль отписать листь х князю Вольфангу, и обѣщался к нему быть на то общее великое веселие.

Потом князь Петр вспомя обѣщание свое, что обѣщался турецкому царю, бывъ у сродичевъ своихъ, приѣхать к царю турецкому въ турки. И не хотя слова своего рыцерскаго оболживить¹, мыслиль со отцемъ своимъ, какъ бы то дѣло учинить, и приводя ему на память, что онъ великий и сильный въ воинствѣ, чтоб за ту ложь княжения нашего не разорилъ: «Мышлю я, чтобъ к нему слать листь, а в немъ написать подлинно похождение мое и печали наши, и великое терпѣние, и тѣмъ писмомъ его увеселить, чаять, что он меня пожалуетъ, не вѣлить к себѣ быть». И написалъ листь тѣмъ обычаемъ:

«Вольфангу княже вольный, княже Петре молодой службу свою великому и славному царю обѣщаемъ и воздаемъ, слава и добродейство вашей царской милости не можемъ никоими словы вымолвить, что ваша государская милость неизреченная сыну моему указала бѣ. За такую вашу царскую милость всячески и вездѣ готовы милость вашу прославлять. При отпуску, милостивый царю, какъ былъ сынъ мой у твоей царской милости, обѣщался быть к вашей государской милости», и написалъ все его похождение печали великие трудности и радости, и билъ челомъ по томъ, чтоб ему указаль быть во своей земли у отца своего.

И какъ тотъ посланной до царя с тѣмъ листомъ приѣхаль, и царь указаль тотъ листь предъ собою чести, и в великое подивление пришелъ, и все предѣстоящие у него дивилися. И указаль листь отписать, и отпустил посланнаго тотъчасъ, а с нимъ х князю Петру послаль посла своего иеросалимскаго пашу, с великими дары.

И какъ на ту радость съѣхалися пограничныя короли и князи, и какъ при нихъ приѣхалъ посоль турецкий с великими дары от царя турецкаго. И какъ день уреченный той радости пришелъ, съѣхалося много кралей великихъ: 1) краля французской с кралевою, 2) краля португальской, 3) король аглинской, 4) кроль Неополитанской, отецъ прекрасной кралевы Магилены, 5) кроль сисуйской², 6) кроль флоренской и иныхъ много князей и владѣльцовъ вельми много, и никогда передъ тѣмъ такого съѣзду кролей и князей не бывало, что въ то число. А всѣ ѣхали на то веселие. Первое — для того, что Господь Богъ дивнымъ изволениемъ своимъ обою полу честныхъ людей по многихъ печалѣхъ свель в супружество, второе — для того, что видѣть красоту

¹ обмануть; ² вероятно, швейцарский.

кравлены Магилены, потому что пред тѣмъ по всѣмъ государствамъ та слава шла, что нигдѣ не было прекраснѣе ее.

И какъ изготовились совѣмъ ѣхать к венчанию в тотъ же часъ приѣхал посланный, что посыланъ былъ от князя Петра к турецкому царю, а с нимъ приѣхал турецкаго царя посоль с великими дарами, а в то время совѣмъ были готовы ѣхать к венчанию к церкви святыхъ апостоль Петра и Павла въ монастырь, гдѣ кравелна туждалася.

Услышав князь Петръ о турецкомъ послѣ, билъ челомъ всѣмъ, чтоб помешкали, а дождалися посла. Услыша то князи и крали о приѣзде турецкомъ послѣ, сошлися всѣ во едину палату и сѣли по мѣстамъ своимъ. И в ту палату указаль князь Вольфангъ турецкому послу быть, и указал царские листы честь, а были написаны тѣмы слова:

«Салтанъ Ахметъ, великий и непобѣдимый турский царь, Вольфанговѣ князю и младому князю Петру милость и тишину неразрушиму вѣчную кажемъ к вамъ. Вельми тому мы, царское наше величество, утѣшны, что князь Петръ намъ вѣрно служилъ. И вѣдаемъ то, конечно, что слова своего рыцарьскаго держится и хотѣлъ к намъ, великому государю приѣхать и служить по-прежнему. А то по многихъ различныхъ печалех своихъ приѣхал в добромъ здравье к сродичамъ своимъ, и мы вельми о томъ веселимся. А иже милостию Божиею с великимъ подивлениемъ погибшую свою невѣсту обрѣлъ въ государствѣ своемъ, и мы рады слышати о томъ, не только мнѣ что учинить в разлучении обѣихъ васъ, но естли бы мочно царскому величеству нашему, чтоб сами особою своею были на такую великую радость вашу и дивныя дѣла Божия. А что намъ самимъ ѣхать невозможно, то посылаемъ вмѣсто себя царю посла своего вѣрнаго Магмѣта Брагима, иеросалимскаго пашу, чтоб онъ вамъ повѣдалъ милость мою царскую. И князя Петра за его вѣрную службу к намъ, великому царю, и ко всему нашему государству и его славу выхваляемъ и чинимъ¹ его волнымъ. А за такую вѣрную его службу и за слово неизмѣнное твое, что онъ здержалъ и хотѣлъ к намъ, царскому величеству, приѣхать и служить, и мы, великий государь, жалуетъ тебя. И послали к тебѣ, князю Петру, и невѣсте твоей, прекрасной кравелне Магилене, дары».

Потомъ посоль указал принести драгие дары. Первѣе подалъ князю Петру драгую чѣпъ со алмазовъ и яхонтовъ и с ызумрудовъ и с иныхъ драгихъ каменевъ, а дѣлана та чѣпъ невѣсте ево, прекрасной кравелне Магилене, и великия драгия запаны, да к вѣнчанию два драгихъ перстневъ з драгими каменья, поднесъ же имъ по 12 златыхъ купковъ вельми дивной работы учинены и з драгими каменья.

И все крали и князи на своихъ мѣстахъ сидя, вельми тому великому дару подивилися и в великой чести от царя турецкаго.

---

¹ делаем.

И какъ посольство отошло, и посол с великою честью к царю турецкому отпущенъ, потомъ ѣхали к вѣнчанію въ монастырь, гдѣ кралева была, к церкви святыхъ апостолъ Петра и Павла и, приѣхавъ, вѣнчались.

И в то время прекрасная кралева Магилена разцвѣла, стоя въ красотѣ своей, яко солнце промежъ звѣздами, что всѣ предстоящие красотѣ ея издивилися, и всѣ Господа Бога хвалили, яко богатые, такъ и убогие, что Господь дивными своими дѣлы изволил свести ихъ въ законный бракъ. И по вѣнчанію, какъ вышли ис церкви, ударили въ политавры и заиграли въ шаломеи, и в ыные различные игры.* Потомъ ѣхали въ домъ свой с великою радостію, и были на томъ веселии кроли и князи 14 дней, и всякие игры различные и утѣхи были. И по той великой радости и веселию разѣхались кроли и князи с великимъ веселиемъ и радостію въ государства своя.

Князь же Петръ съ княгинею своею с прекрасною кралевною Магилевою стал жить въ добромъ совѣте и в великой любви. Отець же его, князь Вольфангъ, пожилъ немногое время, преставися и с княгинею своею Петронилою. А князь Петръ жилъ послѣ отца своего 80 лѣтъ и преставися. А послѣ ево остался сынъ и правил княжение отца своего такъ мудро, какъ и отецъ его, князь Петръ.

И тако скончася повѣсть сия. Аминь.

Списана сия повѣсть въ 1702 году августу въ 24 день.

ПОВЕСТЬ О БРУНЦВИКЕ

ИС КРОННИКА¹ СКАЗАНИЕ О БРУНЦВИКЕ И О ЕГО СИЛЕ,
КАКО ДОБЫ ЛВА, И ЛРЫТКОСТИ И СИЛЕ ВЕЛИКОЙ
СЫНА ШТЫЛФРИДОВА

Егда² же бысть Брунцвикъ по смерти отца своего Штылфрида, остася во всем богатстве его, и начат княжение отца своего Штылфрида держати и правити с великим рассмотрением, разсуждая, иное же докладывая, старъйших думы и чинов, и науки отца своего, и умъния всякого, како отецъ его умышлял и како кому почести творил, сверстным³ и духовным, сиротам и вдовам, паньям и панам, бѣ бо почестный князь и разумный велми, и по всей *земли* о нем слава была добрая.

И егда же бысть по двою лѣтех и трех месяцев по смерти отца своего, вспомянул Брунцвик на удалость отца своего, что он много добра учинил Ческой земли, своей службою выслужил честь всей земли своей. И начат глаголати паньѣ своей: «Пания моя милая Неомения!* Скажу свою думу тебѣ, что думаю есми ѣхати и хочю своею службою добыти честь языку⁴ своему. Ты бо ни за какова не ходи доброго князя; аз аще и умру, а знамение оставлю по собѣ, что ни буди. А прото⁵ отецъ мой мнѣ радил⁶, такоже и прадеды наши, ⁷да бых⁷, гдѣ мог, которую добрую славу имени своему и земли своей честь *добыл*. Отецъ мой, той есть выслужил орла своею службою, а яз, аще Бог велит, хочю лва добыти. Ныне же даю тебѣ свой перстень с своей руки, чтоб тобѣ было вѣдомо, а твоей руки перстень собѣ емлю⁸ с твоего перста, для того, чтоб еси никому не вѣрила. Егда же тот перстень сама узриши, то вѣдай, что жив есми и в добрѣ. Аще ли его не узриши в сем лѣт, то буди ти вѣдомо, что уже не жив есми. Помыслил *есми*, аще ми и умрети будет, а инако того не учиню».

Слышав се, Неомения начат от сердца плакати и тужити, рекучи: «О беда мнѣ, о горе мнѣ! Кому мя оставиши, мой милый пане? Отецъ мой и мати моя велми далеко от мене. Кто мя смутную⁹ утѣши? С ким учну веселитися?» Брунцвик рече: «Милая моя кралева Неомения! Не ѣду от тебе, как молвиши, не устроив тебе, и *не* здѣлаю того так, как тебѣ мнится, но хошу послати по отца

---

¹ из хроники; ² когда; ³ здесь: пожилым, старикам; ⁴ народу; ⁵ поскольку, потому;
⁶ советовал; ⁷⁻⁷ чтобы я; ⁸ беру; ⁹ печальную.

твоего, дабы на моем мѣсте правил бы княжество мое, и obroки мои имал, и о тебѣ бы радѣл, и строил бы двор твой; а иному тебе не оставлю, опричь отца твоего. А вѣдаю бо и аз, что тебѣ меня жаль, что мнѣ от тебя будет ѣхати далече. Мнѣ бо наипаче твоего жаль будет по тебѣ, но инако того не мощно сотворити». Королевна Неомения рече: «Аще бы было тебѣ меня жаль, то бы еси гдѣ ни ѣздил, а ко мнѣ бы еси приѣхал и мене бы еси утѣшил. Но и ныне уже вижу грѣх свой, что хощещи мене забыть. Беда бо ми велия бысть, до сякова дни дожившей!» И объѣм¹ его с плачем великим и со слезами, и жалостне велми начат его целовати и начат у него упрашивати, дабы *ея* не забыл и остался бы с нею. Брунцвик рече: «Не плачь, милая моя панья! Уже бо ми не мощно сего слова переменить. Наши бо княжие слова никогда бо не живут лживы». И сам, заплакав, пал: «А любо ми, Бог дастъ, и аз опять возвращуся».

И потом послал по отца ей, дабы к нему приѣхал, и приказал собѣ 30 коней осѣдлати, и поѣхал до различных стран и земель имени для, и славы добрыя добываючи. И тако далече ѣздѣл, иже и проводники дале того не могли вѣдати, куда ѣхати. Егда же приѣхаша на море, и начат по берегу ѣздити, в себѣ мысля, что бы мог учинити. И нашел собѣ корабль и поѣхал с своими людьми на море. И егда же бысть им четверть лѣта ѣздячи по морю, и бысть бо им единое ночи, воста вѣтръ и буря велия, и зыгрылося море, и восташа волны великия. Бысть бо и кораблю, яко пометаему, на волнах, и егда же дважды под водою быша на три локти, Брунцвикъ в великой печали бысть. Пишет бо ся о нем, когда бо бысть в великом волнении, были голка² и звук морской велий с великим вѣтром, и великим тѣм вѣтром *вверхъ* кораблем далеко метало.

И егда же уже к горѣ Якшитенови приближися в мори, коли же то узриша и тут начаша плакати, и бысть от них плач и звук, крик великий. И начаша меж собою говорити: «Теперь бо нас уже несчастье *поткало*³, уже бо не по счастью, но по грехом стася⁴ над нами». И егда же быша в пятнадцать *милах* от тое горы, и поразил их великий дух и волна сильная,* зрящи новые горы, иже в мегновении ока притянула их к собѣ всѣх с кораблем. Тая бо гора имѣя тую силу, иже в 50 *милах* со всѣх стран в мегновении ока к собѣ притянет, *будь* то ту⁵ люди, птицы и рыбы, древа и твари морские. А которые тут заѣдут, тому бо не мочно уже живу быти, иже остатися на той горѣ Якштыну. А иного тут нѣт ничего, токмо один остров велми красен, а словет Желатор, яко бы кто рекл ми радостный или милостивый, который аки увидели Брунцвик с своими людьми, велми начали тосковати в великом смятении.

И тут узриша на том острове много гнилых кораблей и тех людцких костей и иных мертвых громады великие. Видячи то, Брунцвик почал тосковати велми, а иное веселитися, рекучи: «Хто дома сидит, тот злаго времени не боится и морского волнения». И тако ни о чем ништо молвити не смѣяше⁶, токмо о том друг ко другу глаголаху, что им случилось. И доколе имѣяху запасы, что ясти,

¹ обняла; ² буря; ³ встретило, постигло; ⁴ стало; ⁵ тут, здесь; ⁶ не смел.

дотолѣ и весели быша. И егда же им запасов начат не ставати, тогда начаша велми тосковати.

И тако начаша велми покушатися¹ всякими хитростми, да быша како могли какими мѣрами оттоле отѣхати. И тое их мастерство нимало не пособило, никакие ползы от него не прияша, едва возмогоша пол мили отплыти. Скоро в мегновении ока назад, и в том же островѣ увидилися, и не вѣдаючи, что сотворити, какую помощь собѣ. Уже бо им начат запасу не ставати, и начаша свои кони ясти, и всегда ждучи Божия милости.

Нѣкогда же одинаго часу случися ему поити по горѣ, ѣздити и смотрѣти, гдѣ что обрящет. И узрѣл женскую главу и руце², а иное все рыба, а нарицается Еуропа. И начат к ней глаголати, рекучи: «Злое ли еси или доброе? Молви со мною!» И она к нему рече: «Брунцвике! Аз есмь такова, как мене видиш, а ни злое, ни доброе». Рече Брунцвик: «Могу ли с тобою какое потешение имѣти?» Она же рече ему: «Часом можеш, а часом и не можеш». И слышачи то Брунцвик, и принялся за нее и пребыл с нею, и толикое толко утешение было ему.

Потом же не стало коней, и почали сами ѣсти ся, а все ждучи Божия милости. И уже три лѣта прошло в том их безгодин³, Брунцвик же толко остася с одним старым рыцарем, именем Былаадом. И рече Брунцвику Былаад: «Пане милый! Сей беды твоей не вѣдает твоя милая пани, а и нихто в твоей земли, что нам ныне прилучися». Слышавши то Брунцвик, тосковати начат. Рече Былаад: «Не тоскуй, милый мой пане! Естли же хочеш мене послушати, хошу тебѣ такову думу придумати, иже отсюду выѣдеш, но не вѣдаю, близко ли, далеко ли выѣдеш». Убояшеся старый, да некако тут един останет, и рече: «Токмо ты приѣдеш, помяни меня, когда тебя Бог вынесет, вспомяни вѣрную мою службу». Брунцвик рече: «Вѣрный мой рыцарю! Какими то мѣрами могу то так сотворити, иже отселе могль бы выйти? Аз слышал, как хто к Якштыновѣ горѣ приѣдет, тот тут и останется, не может выѣхати».

Рече к нему Былаад: «Есть один птах, сирѣчь птица, а словет ног.* Имѣет обычай, иже сюда на всякий год однаво прилетает. И што коли мертвыи стерва обрящет, то в мегновении ока похватит и летит прочь». А тую годину он знает, в кое время прилетит. «Тот тя отсюду вынесет, будет похочеш, а далеко ли, близко ли, того не вѣдаю, сколь далеко отнесет». И рече Брунцвик: «Вѣрный мой Былааде! Велми добра твоя дума. Аще бы могль тѣм везением отсюду избыти, не жаль бы мнѣ было умрети, а любо мог бы нѣчто счастья себѣ найти, дабы мог к своей власте⁴ приити». Тогда Былаад, конскую кожу измазавши кровию велми горазно⁵, и всадил в нее Брунцвика, и меч к нему вложил, и зашил его ремнем горазно, и положил его на той горѣ.

Въ 9 день, прилетѣв ног в свое время, и взял его в мегновении ока и лятѣл с ним далеко на пустые горы, толко⁶ далеко, едва может человекъ въ

¹ пробовать, пытаться; ² руки; ³ в безвременье; ⁴ родине, отчизне; ⁵ обильно, сильно; ⁶ настолько, так.

З лѣта тамо дойти от тое горы до мѣста того, иже ног пренесе в 3 дни. И положи его меж детей своих, а начаяси¹, что стерво мертвое, дабы ѣли дѣти его, ноговы. А повергши его ту, а сам полетѣл на иную потребу. Брунцвик же бысть в велицей печали. Егда же тые птицы расторгаша² ему кожу, и меж собою со гнѣвом кричаху велми, понеже объял их глад, Брунцвик бо, егда ободраша на нем кожу ногты своими, начат им не даватися, и вскочив и взял меч и посякъ им главы. Тут Брунцвик, оправясь от битвы, начат тѣх птиц ясти, и начат ему повеселее быти, понеже укрепился от глада. Пишет бо ся о тѣх птицах во иных книгах, иже всякий той птах толь силен есть, иже на всякий пазноготь³ может по коню взяти и несет. А таковой есть великий, иже с одной горы на другую ступает. А имѣет на ноги по три пазнохти. Тѣх бо птиц немного есть, потому что сами меж собою извѣдаются⁴ и бьются. И егда же то Брунцвик учинил, Бог ему помог побити их, и начат сам тому дивиться. И вставши с того мѣста, и почал с великим страхом оттоле бѣгати, иже бѣша⁵ ту горы пустыя, нѣт бо тут ни человека, ни птицѣ иных, ни звѣрей, но все то поле бѣше тѣх единых птиц.

Егда Брунцвику уже 9 дней и 9 ночей совершился, шел блудячи по горам, а все по пустым, и что дале попойдет, то гора горы болши и выше, а все пусто. И прилучися в нѣкое время во едином долу меж гор глубоко войти, тута бо услыша звук и гром великий. Он же, оставаясь, начал слушати, звук же и гром начат болши быти. Егда же прииде поближе на глас той, и узрѣв лва да драка⁶, тако бо той змей — драк словет. И силне бьются меж собою.

Тогда Брунцвик, тут стоячи, начат мыслити в собѣ, глаголя тако: «Милостивый Боже, которому тут помочи? Для лва того звѣря выѣхал есмь из своей земли и великий страх имѣю си. Не вѣдаю, что ми станется еще, а тут не имѣю⁷ бо иному, но лву помогу, что ни станется». И взял меч свой, и прискочив к змею, начат с ним битися, заступая лва, уже бо было лву велми тяжко. А тот драк, сифрѣчь змѣй, имѣл 9 глав, а изо всякой главѣ огонь, яко ис печи, выходит. Тут опять Брунцвик в великой печали *бысть*, понеже бо тот драк начал его жечи, а з другой стороны начал бояться лва, и тако на обе стороны опасаяся и бояся и печалуясь.

Видячи же то лев, великую вѣру Брунцвикову, пал на земли и отпочинул⁸, бѣ бо велми убил⁹ его змѣй. А Брунцвик в то время з драком бился и зби с него 6 глав, съѣче. Тогда змѣй разгнѣвался велми и почал Брунцвика огнем палити, до земли поражаючи многжды, и велми его утомил, иже уже едва ему могущу боронитися¹⁰ с великою нужею. Видячи же то лев, разбѣгся и расторже¹¹ драка надвое с великим гнѣвом, и на малые кусы розмета его.

Видячи то Брунцвик, такую силу великую лвову, начат его велми боятися, кабы ему не сотворил тако же, что и драку. И пошел прочь оттоле, хотячи из-

¹ надеясь; ² разорвали; ³ коготь; ⁴ соперничают; ⁵ были; ⁶ дракона; ⁷ не должен; ⁸ отдохнул; ⁹ прибил, зашиб; ¹⁰ защищаться, обороняться; ¹¹ разорвал, растерзал.

быти лва. Лев же не восхотѣ его остати, когда бо не оглянется Брунцвик, а левъ за ним идет; или гдѣ опочинет в день и в ночь, когда ни оглянется, а лев за ним. И начат мыслити, и набра собѣ желудков а¹ буковых яблок пазуху полну, понеже бо никакова инога брашна² не имѣл ничего ѣсти. А умыслив в собѣ взыти на высокое древо, да нѣчто³ в ту пору лев отидет от него, то шед же долов⁴, отшол бы прочь. И егда взыде на велми высокое древо, и седѣл ту три дни и три нощи, а лев не хотѣ его остати, все тут же седѣл, под тым древом на ногах, глядячи на него вверхъ, лву бо велми жаль⁵ было. Брунцвик же боялся лва и не вѣрил ему. Лев же закричал велми в жастѣ⁶, велми силно таково, иже под ним земля потряслася. Брунцвик же от великого того гласа утрашися и паде з древа и убися велми. Видячи же то левъ, отбѣглъ от него скоро и накопал корения и принес к нему во устѣх и обкла Брунцвика. Тако бо в мало время избы⁷ то время, что было его злѣ падение с высокаго велми древа. Лев же поможе ему, он же лву еще не вѣряше, но бояся.

Нѣкогда же бысть таково время, седѣл Брунцвик в великом гладе, не имѣя же что ясти. И виде то лев, глад его, поиде от него прочь. И узрѣ сарну⁸, и начат гнати, и догнав ея, пред него принес еѣ, надвое изодра и вложи во уста своя, — испече, яко в печи жаркой, и выняв и положи пред него. Видячи же то Брунцвик, велию вѣру лвову, и начат его беречи велми. Лев же, нѣкогда прибѣгши, ис чести⁹ покорне главу свою положи Брунцвику на колѣне. И Брунцвик начат его гладити, укрочаше.

Потом опочинув Брунцвик от томнаго пути, и поиде меж великие горы и лѣсы, з горы на гору ходити. Тако опять блудил полные три лѣта на тѣх высоких пустых горах. Лев, всегда ходячи за ним, пищу ему добывал. Случися ему взойти на едину от гор тѣх высокоу, и вшед на высокое древо и начат оттоле смотри-ти, дабы узрѣл гдѣ град¹⁰ или мѣсто¹¹ какое. И увидѣ на мори городок велми далеко, и тако сошед з горы и пад на колѣне свои и проси у Бога милости, дабы ему помощник был в напастех и в бедах его в том блужении. Не виде бо нигдѣ ничего, токмо гдѣ бы очи его видели и мысли, тамо и ходил.

Восхотѣ пойти к тому городку и поиде из лѣсу, и тако иде 15 дней, и виде ис тѣх высоких гор и пустых лѣсов, и приде к морю пустому и, став над морем, начат мыслити, како мощно к тому городку дойти. И в недоумѣнии великом бысть, начат мечем колье сечи и прутье рубити, а лев начат громаду волочити. И сплел собѣ плот ис того лѣсу нарочит¹², возложил его на воду, а сам на него сѣл. А лев в то время добывал пищу себѣ и ему и, гоняючи, замешкал тамо неколико время. Тогда Брунцвик, хотя избыти лва, отпихнулся от берега на море. А лев в то время добыл вепря диково и принесе его на брег во устѣх своих, и узри Брунцвика уже в мори пловуща. Лев же разбѣгшися и скочи в море за

¹ и; ² пищи; ³ если; ⁴ вниз; ⁵ прискорбно, досадно; ⁶ раздражени; ⁷ пережил, избыл; ⁸ сарну; ⁹ воздавая честь; ¹⁰ здесь: замок; ¹¹ здесь: город; ¹² изрядный, отменный.

Брунцвиком, держа вепря диково во устѣх своих. И едва доплы ево, приняся предними ногами за плот, а задними плове долго время, держася крѣпко за плот. Видячи же то Брунцвик, что лев его не останет, никогда бо не хошет разлучити-ся с ним, и нача ему помогати с великою силою, поможе ему на плот взойти. И ту опять Брунцвик велми печален бысть, понеже едва удержася на плотѣ том, едва не упаде в море.

И плыша бо в мори том со лвом, иногда по горло, а иногда до пояса на плотѣ том седѣша, и тако в той водѣ 18 дней плавали, с одного конца *Брунцвик*, а з другаго *лев* седѣл, и тако друг другу утонуту не даша. 9 дней и 9 ночей море с ними играло, а другую 9 дней и 9 ночей плыли в великой темноти меж горами. И егда же приплыша в той темноти ко единой горѣ, издалека бо узрѣ, бѣ бо свѣтла яко огонь. И добывши меч, и едва подплыша под нея, и удари в нея силно, и сшибе тѣм ударом великий кус, а спаде к ним на плот, яко голова человѣческая. Тая гора бѣ славна, именуема Карванкулос,* камень самоцвѣтный, а от нея ломают. Гора же та велми чиста и велми свѣтла, свѣтило бо им от тое свѣтлости, от горы велми далеко и толь долго, иже доколе выѣхали ис тѣх гор, из мѣст темных.

И егда же приѣхаша, к тому граду приближишася, и начат дивитися на розные чудеса морские. Многия бо бяху узорочия¹ морские около града того. Град же той велми бѣ красен, на нем же бѣ множество красования морского, всякие чудеса и узорочия всякия. И рече Брунцвик, сам в себѣ мысля: «Аще ли будет добро или зло, а яз побуду на сем граде. Аще что ни прилучится ми здѣ во граде сем, терпѣти имам».

И егда же быша во граде том, тут его объял великий страх, бѣ бо узрил короля мѣста того Отлибриуса.* Сей бо король волот² бѣ, очи же имать на-преди и назади, и перстов имѣет на всякой нозѣ по 18, а на руках по столку же. Около его бѣ многое множество различных людей. Увидев се их и убояся, бяху инии о едином глазѣ, а инии о единой ноги, а инии мнози имѣют роги над очима, а инии о дву головах, а у иных песьѣ главы, а инии половина седа, а другая бела, а инии горбаты, яко велблуди³, а инии яко лисицы красны. Тогда почат Брунцвика страх объумати, бѣ бо крик и звукъ и шум великий, бяху бо инии выют, а друзии ворчат, бѣ бо таковá королю от них служба, такову бо честь воздают королю своему. И начат Брунцвикъ назад отступати, хотя итти со града того.

Видячи то Отлибриус, начат к нему глаголати, тако рекучи: «Брунцвике! Твое имя вѣдаю добрѣ, никогда бо тако не пригодится о властех, иже бы такой славный челоуѣкъ нами не вѣдом был, токмо спрашиваю того у тебя: волю ли еси пришел сѣмо или нужею?» Брунцвик рече: «Милый королю, скажу ти о сем. По воли есми из власти своей выѣхал вон, аже о сие мнѣ тепрве⁴ прилучи-

¹ дива, редкости; ² великан, богатырь, сказочное чудище; ³ верблюды; ⁴ только.

лося по грехом и по несчастию моему, та моя волокита великую мнѣ дѣет кручину». Рече же король Отлибриус Брунцвику: «Буди ти вѣдомо о том, что с нами здѣ будет ти остатися и жити в нужи. А будет хоцещи ли ты тако учинити — дочь мою Африку добыти, бѣ бо взята уже три лѣта от драка-василиска на *город* Рому, имя же острову тому Арабая, а стоит на пустом мори от мене триста миль. А будет таково учинишь, вѣдомо ти буди, аз тобѣ свою помощь учиню: хощу тобя к твоей земли проводить и пропущу ты сквозь желѣзная врата, понеже бо в моей воли тѣ врата. Кого хощу, того и пропущу. Аще ли не тако, а инако, — не можешь пройти во свою землю». Рече же ему Брунцвик, королю тому: «Есть велми дивно, что ты мене не знаешь и не вѣдал нигдѣ же, а именем называешь. А что глаголеши ми о дочери своей, в великий мя мятеж вводиши. А буди ти вѣдомо, аще ли тако хоцещи сотворити, что мя теж¹ пропустиши сквозь желѣзная врата и проводиши до моей земли, аще ли тако истинне сотвориши, дай ми вѣрное свое слово, и аз учиню тако, взем Бога моего на помощь себѣ, и поѣду добывати дочери твоей». Король же обещаеся ему тако сотворити и начат его велми честно дарити дарми великими.

Брунцвик же в третий день *велѣ* приправити² корабль, и взем собѣ на карабль запасу, что ясти ему и пити, чтоб ему на пять месяць стало. И сѣдши со лвом его, и поѣха по морю ко граду тому. И егда же приѣха ко граду тому Рому, ко острову Арабаю, *и привязавше* корабль, и поиде на берег острова того, а лев за ним. И егда же приидоша ко вратом первым, и увидеша тут два звѣря велми пригожи, лежаху бо на серебряных чепех³, стрегучи града того. Имя же звѣрем тѣм Монетрус, а велики потворы⁴, сирѣчь чюда морские, силны в силе своей. Всякий же тот звѣрь имѣет главу чловѣчью, а тѣло конское, хвост свиной. И как увидели Брунцвика со лвом, со гневом великим на него устремишася, а как потресошася, — и весь град потрясеся. Брунцвик же добы меч свой и начат с ними битися мужнѣ⁵ о тѣх вратѣх. И начат омлевати⁶, сирѣчь уставати. Видячи же то лев, что Брунцвик устал, и разбѣгшеся прытко на одного и со гнѣвом раздра его надвое, и потом тако же и другаго. И тако первая врата пробишася и поидоша к другим.

И егда же приидоша до других врат, и узрѣша еще двое силнѣйших, а называют их Кглята. Каждый звѣрь на себѣ имѣет два рога долга на два локти, а остры яко бритва. Тые звѣри имѣяху обычай таков, коли с ким сойдется тот звѣрь, то одним рогомъ сечет, а другой на хрепть положит. А как ему один сломится рог, тогда тот рог по хрепту изложит, другим боронится. Тот звѣрь ничего-то иного не боится, токмо красного знамени⁷, а таков удал, — какъ на земли, и таков и на водѣ силен. И с тѣми опять Брунцвик дрался. Добывши свой меч, и начат с ними битися, и бися долго время столь крѣпко, иже град потрясеся. Лев

¹ тоже; ² здесь: приготовить; ³ цепях; ⁴ чудовища; ⁵ мужественно; ⁶ здесь: терять сознание, «сомлевать»; ⁷ метки, изображения.

же ему во всем помогал опять со гнѣвом, и тѣх тако же раздра. И тако другии врата проидоша и поидоша к третьѣм.

Егда же приидоша к третьим вратом, и узрѣша еще страшных два звѣря и великих, тѣм имя Липфораве. Бѣ же на них шерсть яко на медвѣдех, да роги яко дияволи имѣли, а зубы черны яко конские, а уста у них велики, иже челоуѣка может проглотити. Тѣх звѣрей вся иные земские¹ звѣри боятся и морские, с ними же Брунцвик начат битися, и тако на Бога упование возложи, и бися с ними крѣпко тут, иже звук в затоках² морских слышати был. Но по грехом сталося, лев поостася³, но Бог помилова его. Лев же прискочи и увиде Брунцвика биющася и собра лев всю силу свою и почал велми битися с ними и начал драти их наполю⁴. И тако им Бог поможе, иже всѣх лев раздра.

Тako проидоша трои врата и поидоша во град. Тут паки увидели много различного красования⁵, а челоуѣка на нем не видѣша никакова. Не бѣ бо тут никакий челоуѣк, а злата и сребра и каменья драгаго тут нѣсть числа, многое множество до изобилия, а иного никого не видеша. Егда же приидоша на королевский двор и внидоша в полату, и узрѣ Брунцвик девицу Африку, велми красну, красна бо зело лицом, а руцѣ имѣя толко до пояса, имѣя два хвоста, сиирѣчь хоботы два вмѣсто ног.

И егда она увидела Брунцвика, велми бо бѣ дороден молодец, и рече: «Молодцу милый, како сѣмо⁶ пришел еси?» И начат дивитися сему и рече: «Повѣждь ми, како мог приити сѣмо?» И рече: «Африко милая ми, отець посла сѣмо, король Олибриус. А обещася мене пропустити сквозь желѣзная врата, аще тебѣ могу добыти». Девица же Африка рече: «Милый друже Брунцвик! Не мощно сего слышати глаголания. Аще бы еси ты и тысячи челоуѣк силы в собѣ имѣл силных и удалых, то бы тобѣ толко с тыми великими звѣрками битися, которых мимо шель еси, а не с здѣшними морскими потворами и звѣрскими розноличными потворами, сирѣчь с чюдю морскими. Токмо скажи ми, милый Брунцвиче, спят ли тые звѣри у первых и у других и у третьих врат, иже еси мимо прошел како?» Брунцвик рече: «Девице милая Африка! Скажу ти о том, — спят и будут спати долго». «А когда же спят, то, милый Брунцвиче, поди борзо из града бережно, чтобы тые звѣри не услышали, а отцу моему скажи, что здрава велми, а како меня он хоронил⁷, за то ему бей челоуѣк». Брунцвик рече: «Милая ми девица Африка! Аще ли ми быти живу или умрети, в том ся воля Божия буди, а либо зло, а либо добро будет, а без тебя отсюду не иду».

Егда же то услыша Африка девица, и начат на него смотрити, и почала его велми целовати, и посади его подле себя, и обня его, и начат к нему с плачем глаголати, и рече: «Милый Брунцвиче! Когда уже не хоцеша поити без мене отсюду, даю тебѣ перстень свой, да прошу у тебя того, — не забудь, колика⁸ тебѣ

¹ обитающие на суше; ² заливах, береговых изгибах, луках; ³ поотстал; ⁴ пополам; ⁵ красота; ⁶ сюда; ⁷ хранил, воспитывал; ⁸ когда.

страх какой-либо придет или с ким битися станешь, не мешкаючи положи его на правый персть. Той бо перстень против 24 человекъ силы имѣет, а нечистые противу тому аще бы и сто перстнев имѣл, а против тому никако бо не мог стояти, и не токмо на единем, но и на всѣх аще бы по толику имѣл, никако бо не мог стояти против того. Отець мой нѣколико тысячей возложи на руки и иным дал наложити, хотячи мене отнати себѣ же, и не може ничтоже учинити. Како паки ты, един будучи, а хощеши мене добыти? О злый и невѣрный мой отче! Лутчи бы сам мене во своем царстве убил, нежели теперь такую великую жалобу¹ сотворил. Посмотри бо и виждь, мой милый Брунцвике, моих поясов золотых, обвязаша бо мене двама хвосты гадовыми до пояса; а на всякий день до полудни, иногда же до вечера, мой василискъ, алюбо² драк, сиирѣчь змѣй, обвязывает мя тѣми хвостами гадѣми, а целую паки ночь, а иногда до полудня чиста есмь тѣлом без тых хвостов гадовых. А имѣет обычай, иже имѣет лежати со мною с полудня три години³, и лежит до темные ночи на моем лонѣ, а иного ничего со мною не дѣлает, толко для потешения имѣет мя. А ту буди ти вѣдомо, милый ми Брунцвике, будет еще с полчаса не отойдешь от мене прочь, то ти горѣ и беда почнется».

Видячи же то Брунцвик и слышав от нея, и начат Богу молитися о помощи, дабы ему помогль против тѣх грозных и страшных речей⁴. И егда же прииде час той, тогда драк-василискъ начат подыматися в той своей скинии, алюбо в пещери⁵,* сиирѣчь в ложницы⁶ своей, тогда потрясется весь град. Тогда Африка рече: «Помни себѣ, Брунцвике, не устрашайся и не ходи отсюда никуда. Уже бо приспѣ час попечению твоему, никогда бо такова страха не слышал, не видал». В то бо время воста крикъ и пискъ, великий звук от гадов, иже бы коли четыре трубачи трубили велми силно, и от того бы писку и звуку не слыхать бы того было трубения. И егда же поиде со всѣх стран многое множество гадов и ящериц великих и иных потворов ядовитых, хотячи Брунцвика убити, Брунцвик же начат им боронитися своим мечем, иже начат их по пятидесят единым ударом пресекати, и побивати их почат много, они же болше того, прибываше их. Инии бо толсти, яко бревно, а инии дьяволскими гласы кричаху. Брунцвик же того ничего не устрашися, ни убояся, с ними мужескы *бися* и бродяше до пояса в гаду⁷.* Лев же их такоже *начат* торгати⁸, начат з города метати яко окнами⁹.

Видячи же то драк-василискъ, иже слуг его побивают, и разгнѣвася гнѣвом великим, хотячи месть сотворити, и покрылся златою коруною¹⁰, и поиде ис пещеры своей, бѣ бо толстѣ яко дрейлинкѣ¹¹, сиирѣчь яко великая кафа¹² винная.* Имяше же 18 хвостов, сиѣрѣчь хоботов, иже бяху обножия гадская, остры же бяху, иже одним ударом может великое бревно пересѣчь. Теперь же убогий

¹ здесь: скорбь, горе; ² или, либо; ³ часа; ⁴ здесь: дел, вещей; ⁵ пещере; ⁶ опочивальне; ⁷ здесь: в отраве, в яде; ⁸ рвать; ⁹ через окна; ¹⁰ короной; ¹¹ как бочка; ¹² бочка.

Брунцвик начат ужасатися велми, и начат тужити, и начат з драком битися. Драк же его бити начат и одолевати, к земли бо его часто преклоняет, многожды бо Брунцвик на землю падая ниц, а лев его заступати начат, з драком начат битися силне. Брунцвик такоже еще воста от нужи и от разу ко лву побежа на помощ, и тако друг другу помогаху велми силно. И бишася от нощные утренние зори до полудня, бися с ним, Брунцвик же бысть в крови. Брунцвик же уже еще едва с великою нуждою против василиска стояти може, бѣ бо уже устал. Видечи же то лев, что Брунцвикъ устал велми, падает на землю, и велми зжалися о Брунцвике, и крикнул велми, и почал крѣпко битися, и хвосты около его начат со гнѣвом великим рвати, и ободра его велми, и вси обножия его около его оборва. Брунцвик же еще с великих ран едва воста, и тако еще нача з драком битися, но не имѣя уже ничего в руках, чим боронитися, но поможе им Бог, и убиша драка-василиска, иже из него потекоша потоки кровавыи, яко ручѣй.

Когда же уже убиша драка, Брунцвик же от великих ран паде на земли яко мертвъ, ни слова не промолви, не може бо глаголати ни слова нимало. Лев же стоя над ним в жалости велицей, девица же Африка велми его жалостнѣ и смутнѣ¹, стоячи над ним, тужила. Лев же, вѣдая, что инако не может ничего сотворити, и побежа не мешкая з города и накопи корения и принесе во устѣх своих. Девица Африка учини ему водку² и в десяти днех исцели от ран. И вста и проглагола и рече: «Милая ми Африко! Видела еси, како есми про³ тебя много зла претерпѣл, ныне же поѣдем ко отцу твоему». Она же объем его с радостию, начат целовати и рече: «О милый Брунствиче! Ныне хошу с тобою веселитися и радостно ѣхати ко отцу своему». И тако набраша много злата и сребра и камня самоцвѣтнаго и запасов всяких на много тысячей, и вседоша в корабль Брунцвикъ и девица Африка и лев с ними, и поѣхаша к королю Алибриусу.

И егда же приѣхаша ко граду, король же с великою радостию выѣха против их и против Брунцвика и против дочери своей Африке, изрекъ ему милостивое слово, рекучи: «Здрав буди, милый сыну мой Брунцвиче, а се тебѣ буди вѣдомо, что хошу дочь свою, девицу Африку, тебѣ в жену *дати*, и все свое богатство». Брунцвик же того велми не рад бѣ, но всегда мысляше, когда⁴ бы Бог помог к своей земли дойти.

И прилучися ему нѣкогда нѣ в который⁵ час с тою своею женою Африкою на ночь лечи спати в старой полате наугольной⁶, и прииде к нѣкоей к старой полате, бѣ бо не заперта, и походи в ней и узрѣ меч велми стародавней и без ножен, особь⁷ лежащъ. И взял его, начат осматривати, и усмотри, — ано⁸ острый велми, угоден ему бысть. И снявши, взял, и положи его в ножни свои, а тот свой меч положи в тые ножни и остави его в полате, и поиде ис полаты ко Африки,

¹ печально, горестно; ² травяную настойку; ³ за, ради, из-за; ⁴ если; ⁵ в некий, в некоторый; ⁶ угловой; ⁷ отдельно (от ножен); ⁸ ведь, ажно.

женѣ своей, и ляже подле ей. Потом же начат вопрошати женѣ своей, рече: «Повѣждь ми, милая моя Африка, какий то мечь был в той полате за замком?» Она же то слыша, что спрашивает о мечи, и умолча. И тако успоша¹. Она же, востав рано, скоро сию замче² полату, замкнув за 9 замков, и пришед и легла за него подле его, и рече: «Дивлюся сему, како еси ты тот мечь увидел, аже³ много лѣт никто не видал того меча; аще ли еси вѣдал, что той меч много силы имѣет, и ты бы тому подивился». И рече Брунцвик: «Милая ми Африко! Повѣдай ми о той его силе, ты бо вѣдаешь силу его». И рече Африка: «Аще хошеши вѣдати о нем, скажу ти. Той бо мечь имѣет такову силу: когда бы ты его вынял из ножен и рек: „Соими главу, 1, 20, 30, 100, 1000 глав!“, скоро бы главы скакали долой». Брунцвик же тому посмеяся, а собѣ во умѣ внят.

Потом же нѣ в кое время случися одного часу, приидоша бо тые морские дива к комнате его, Брунцвик же досяг меч и хотѣл его извѣдати правды, может ли тако быти. И вынем из ножен и рече: «Сними главы тѣм!» И скоро в мегновении ока и поскочиша главы с тѣх потворов со всѣх, кои тут были. Он же, не мешкая, в море скоро вметал, и тако довѣся⁴ правды. Потом же паки по нѣкоем часу в нѣкое время сяде со всѣми за столом, и вынемши меч свой Брунцвикъ и рече: «Сними, милый мечю, всѣм главы, потворам морским, и кралеве, и панам и паньям, и всѣм!» Скоро в мегновении ока поскакаша главы всѣм долой, Брунцвик же остася один со лвом. И тако приготоуи корабль, и набра многое множество злата и сребра и каменья самоцвѣтнаго до изобилия своего, за много тысячей, и отомкне желѣзная врата, и сѣл со лвом в корабль, и набрал собѣ богатства, и поѣха оттоле на море.

И егда же опять по морю далеко плаваше, и прилучися ему мимо остров нѣкий, иже именуем остров той Трипатрия. И услыша тамо трубение и бубенное игране и различное воспевание. Брунцвик же хотя отвѣдати, что тамо, какое игране, и поиде на остров тот. И егда же прииде тамо, и узрѣ многое множество на конех. Едини бо колют, а другии колибы дѣют, друзии тонцы водят,* и великое веселие у них бѣ. Брунцвик же, стоячи тут, начат дивитися. Пришедше един, Брунцвику рече: «О Брунствиче, како еси сѣмо пришел? Ту уже тебѣ тонцевати и с нами пребывати». И да Брунцвику руку и опали его огнем велми гораздно. Видячи то Брунцвикъ, и рече: «Мечю, снимай тому голову первому!» И скоро стася тако, и множество глав полети. Инии же начаша ему глаголати: «О Брунствиче! Тым то с наших рук не избудешь, будет с нами здѣ тонцевати и на тѣх конех ѣздѣти!» Понеже бо бяху ту Ашметове дияволи, тут мучилися. Видячи же то Брунцвик, что его понуждают, и добывши меч и рече: «Милый мечю, снимай с них главы долов⁵ со всѣх!» Скоро в мегновении ока и нача главы скакати. И скоро паки и сяде в корабль со лвом, и поѣха оттоле прочь.

¹ уснули; ² заперла, замкнула; ³ ведь; ⁴ дознался, доведалься; ⁵ наземь.

И начат опять блудити¹ по морю, и блудил 15 недель, и начат тосковати велми. И узрѣ мѣсто велми свѣтѣше бо от злата и от драгаго камня, иже бо по морю лучи исхождаху на 10 миль. Брунцвик же приста ко берегу и взыде на берегъ. Мѣсто же то нарицаемо Ейбатамис.* Не бѣ бо ту никакова человѣка. Брунцвик же начат дивитися и ходити из дому в дом, а вездѣ бо брашна до изобилия, и столове² стояху, и брашна многое множество напасено. Он же удивися и рече: «Хто тут, людие ли или бѣсове?» Проидѣ немногое время, и начат глас находити трубный и потом бубенный, потом же и горазно, и уже близ его велми трубят. И потом узрѣ: человѣкъ по человѣку начат показыватися, и потом узрѣ велие войско. Посредѣ же их король, именован Астриолов, тут бо человѣцы живут невѣдомцы, сиирѣчь помраченни³. Брунцвик же опять начат мыслити и рече в себѣ: «То уже недобрни человѣцы, начнут со мной драться». И начат меж их ходити. Они же начаша глаголати ему, рекучи: «Брунствиче, дитя, как еси сѣмо пришел, повѣдай нам!» Онъ же рече: «Вѣдаю бо вас, какие вы люди, но не боюся. Како есми сѣмо пришел, тако и пойду отсюду». Они же ухватиша его и ведоша ко Астриолу, королю своему. Король же рече: «Хощеши ли с нами здѣ быти, и ты обещаешься⁴ нам. Аще ли не хощеши, то велю тя на огненный конь посадити, и тако станешь и до веку горѣти».

И рече Брунцвик: «Невѣрный Астриоле! Гроз твоих не боюся, имѣю надежду на Бога своего, иже избави мя от великия печали и страхованія и бѣд. Той же мя и здѣ избавит от тебе. А ты, злый Астриоле, ты еси то выслужил, тебѣ тут жити будет и будешь». И рече Астриол: «Гордый еси мыслию Брунствиче, но гордостию своею не избудешь, мы бо укротим гордость твою». И повелѣ привести огненный конь. И егда же приведоша, и повелѣ его четверем человѣком взяти и посадити его на конь огненный. И прискочивше четверо, и хотѣша посадити на конь, и начаша с ним торгаться⁵, и не могоша похватити его. Брунцвик же повыде из людей⁶ и вынем мечъ, рече: «Секи тым четверем главы!» И скоро главы скакаша, лев же их предрал⁷. Видячи то Астриол, иже уби тѣх четырех, и противится им, и кликнув: «Войско нам, войско!», иже обступиша с великим криком безчисленное множество, тысящами тысящъ. Брунцвикъ же рече: «Милый мечю, секи и тѣм главы скоро, 20 и 30 и 100 и 1000 глав!» Главы же скоро поскакаша, громот же поиде великий от глав тѣх, иже бы и земли потрястися. Видячи же то Астриол и рече: «Пощади, Брунствиче, *пощади* для Бога своего, а яз тебя хощу до твоей земли проводить, но токмо престани и не бей болши того». Тогда рече Брунцвик: «Пощажу тя для своего Бога, учиню тако не для тебе, токмо учини, что обещаешься без всякие кручины и беды и напасти со всѣм моим добром и мене со лвом до моей земли отвести». Король же Астриол обещася тако сотворити.

¹ блуждать; ² столы; ³ умалишенные, помраченные умом; ⁴ дай обет, поклянись остаться; ⁵ тягаться, возиться; ⁶ из толпы; ⁷ разорвал.

И егда же поѣхаша к царствующему граду и столному Праги, и приѣхаша в первое смеркание¹ в четвергъ. И повелѣ Брунцвику встати и остави его на розыгрании², сирѣчь на поли, и со всѣм богатством его, что взял с собою ис тѣх градов, и сребра и злата и камня самоцвѣтнаго, и со лвом. Егда же узриша столный град Прагу, Брунцвик же возложи³ на себя шату⁴ пустелничью⁵, сирѣчь платье каличьѣ⁶, и поиде во град, а лев за ним.

В то же время король Астрономос, тесть его, выдавал свою дочь, а его жену королевну Неомению за нѣкоего князя Асирского, именем Клеофа.* Бѣ бо уже минуло семь лѣтъ, как уже не видала Брунцвика, ни знаменія никакова, и отчаяшася Брунцвика. Довѣдавши же ся Брунцвикъ того, и поиде во град, а лев за ним. И прииде на двор королевский, и вниде в полату, и узрѣ свою кралеvну. Бѣ бо она посажена с тѣм князем Клеофом за столом по чину королевскому. Он же возмутися в жалости велми, бѣ бо ему любя была, и начат ждати часу. Приспѣвшу время, егда хотяху стати из-за стола, и после стола принесоша питія красного⁷, и начаша подавати по кубку златому, иже бѣша⁸ в полате той, иным же из серебряных стоп. И усмотриша Брунцвика, что един стоит, и подаша ему кубец златый испити, а его не познаша, и достася ему тот златый кубецъ, из него же пил князь Клеофа с Неомениею кралеvною. Брунцвик же, снявши перстень с руки своей Неомениин и положи его в той кубец златый, учинивши им почестную⁹ знатьбу¹⁰. Идучи з города, написа тако над воротаы: «Тот, которому уже семь лѣтъ, как поиде из града сего, ныне же прииде и был в городе и на королевском дворѣ». И узриша таковое написание над враты, и начат молва быти во граде о том, хто б таков. Инии глаголаху сей, и инии иначе глаголаху, и бысть прѣя¹¹ велика. Королевна же Неомения узрѣ в златом купцы свой перстень и сохрани его, понеже узна, что Брунцвиков перстень, иже взят у ней для знаменія. Повѣдашу отцу своему, и тако поиде слава о нем велия.

И не даша ему кралеvны, он же начат быти смущен и повелѣ оседлати 30 коней, и сяде сам на конь, и повелѣ людем своим, 30 человѣкъ, с собою ѣхати. И тако погна за Брунцвиком, и нагна его на пути, и хотѣ его убити. Видячи же то Брунцвикъ, и выняв меч и рече: «Сними с того жениха главу скоро и съ его слуг!» И тако полетѣ глава з жениха и со слуг его скоро, а лев расторгнул их, и кони их побегоша назад. Потом же Брунцвикъ поиде в нѣкий град свой, ту его прияша, яко истый¹² бѣ князь их. И тако посла по паны своя, тогда паны его и рыцари с великою радостію ѣхаша ко истому государю своему и взяша в столный град Прагу и тако ѣхаша с ним честно¹³.

И егда же приѣхаша близко столнаго града, тогда король Астрономос довься¹⁴ подлинно, — истый то Брунцвик, выѣха далече и з дочерію своею на

¹ сумерки; ² здесь: на границе, меже; ³ надел; ⁴ одежду; ⁵ пустынника, отшельника;

⁶ странника, паломника, калики переходной; ⁷ дорогого, изысканного; ⁸ тем, кто был;

⁹ воздающую почесть; ¹⁰ примету, знак; ¹¹ спор; ¹² истинный; ¹³ с честью, с почестями;

¹⁴ дознался.

стрѣчу Брунцвику. И тако выѣхаша многое множество старых и молодых из столнаго града Праги на стрѣчу государю своему, воздающе ему великую честь. И бысть в то время радость велия всей земли Ческой, что князь их добы лва. И тако с великою радостью въѣха в столный свой град Прагу, и начат веселитися, и сотвори пир велий на властей своих, и дари их дарми великими. И начат им повѣдати о пути своем, какие ему напасти были и бои с тѣми чюды морскими, повѣда им все по ряду. Кралевна же Неомения велми возвеселися о нем. И тако потом повелѣ Брунцвикъ во всѣх мѣстех своих славу свою пѣти и лва на знаменех¹ писати, на всяких королевских вещех, со единыя страны орла ²на красной земли², а з другия страны лва сброго на черной земли.*

И тако поживе в своем царствѣ в велицей чести и радости 35 лѣт, и приживе единого сына, и нарече имя ему Владислав. И пожив в старости дней своих, и тако преставися, и погребен бысть честно. Лев же паки по смерти его велми начат тужити по нем и тосковати, имѣючи к нему великую вѣру. И с тое великие тоски прииде на гробницу его, и велми воскрича, и паде мертвъ. И тако скончася левъ.

---

¹ на знаменах, хоругвях; ²—² в красном поле.

ПОВЕСТЬ О ВАСИЛИИ ЗЛАТОВЛАСОМ

ПРИТЧА, ЯКО НЕВѢСТАМЪ-ДЕВИЦАМЪ
И ЮНЫМЪ ВДОВИЦАМЪ, ХОТЯЩИМ ПОСЯГАТИ ЗАМУЖ,
НЕ ДОВЛѢЕТЪ ЖЕНИХОВЪ СВОИХЪ ЗЛОСЛОВИТИ
И ПРИСЛАННЫХЪ ОТ НИХЪ БЕЗЧЕСТИТЬ.
ПОВѢСТЬ ТВОРИМЪ О ВАСИЛИИ КОРОЛЕВИЧЪ ЗЛАТОВЛАСОМ
ЧЕШСКИЯ ЗЕМЛИ И О ПОЛИМЕСТРѢ ЕВО ПРЕКРАСНОЙ
КРАЛЕВНѢ ФРАНЧЮЖСКОЙ

Бысть в древние лѣта в немецкихъ режах¹, в Ческой земли, во градѣ Прагѣ король именем Мстиславъ зѣло благонаравен, и богатъ, и славенъ, и всякия добродѣтели исполненъ. И имѣя тот король сына именем Василия, еже есть сынъ его Василий зѣло добродѣленъ и прекрасен зѣло, а власы у него, аки золото, сияють. И такавья ради красоты его прозва отецъ его Златовласом, понеже у него власы, аки золото, сияють. Королевичъ же Василий Златовласый имѣя при себѣ отроковъ благоличныхъ во свои лѣта, сенаторских и рыцарских дѣтей, в великой чести.

И егда приспѣ ему время женитвѣ, и начат его отецъ, король Мстислав, искати ему невесты-девицы в жену, дабы была ему во всем подобна красотой и разумом, сыну ево Василию. Сынъ же его Василий королевичъ зѣло желая сего, еже бы ему такову супружницу поняти², подобну себѣ красотой и мудростію, и начат спрашивать купеческихъ людей, которыя ѣздятъ по многимъ землямъ, и царством, и королевством, гдѣ кто знает ему подобну девицу красотой и разумомъ. И нѣкто от гостей³ именем Василий: «Азъ, великий королевичъ, знаю невесту тебѣ во Францыи у короля Карлуса, дщерь ево, девицу, прекрасную Полиместру, красотой лучше⁴ тебя и разумом подобна тебѣ во всем».

Королевичъ же Василий Златовласый, услыша от гостя такія слова, зѣло усумнѣся и возгорѣся сердцемъ своим, помышляя, како бы сию королевну поняти. И шед ко отцу своему и рече ему: «Отче мой драгий Станислав! Твоего королевскаго величества гость Василий повѣда ми о дщери, королевнѣ Полиместрѣ, короля Карлуса франчюжскаго, о красотѣ ея, яко она красотой лучше мене и разумом и премудростію подобна мнѣ. Молю тя, драгий мой отче, да пошлеши во Францыю поклисарей⁵, сииртъчъ сватовъ, х королю Карлусу да дасть за мя дщерь свою королевну Полиместру». И рече ему отецъ его: «Милый мой сыне Василий! Не смѣю учинить сего, понеже Франчюжское королевство издав-

---

¹ странах, государствах; ² взять замуж, жениться на ней; ³ из купцов; ⁴ лучше, превосходит; ⁵ послов.

на велико и славно, и честно, и богато, а наше королевство пред нимъ мало, и убого, и неславно. И франчюжской король не дастъ за тя, лише срамоту примешь себѣ и мнѣ, и поклицарии наши бездѣльны¹ возвратятся». Тогда же королевичъ Василий вельми зѣло опечалися, и отецъ его, король, рекъ ему: «Сыне мой возлюбленный! О сем не печалуйся, какъ хочешь чини по своей воли». Королевичъ же Василий зѣло о семъ радостень бысть, яко отецъ его воли с него не снялъ, и отправя полномочных поклицарей, вдавъ им великия дары, и листъ написа х королю Карлусу с великими дарами и вельзъ поднести королю Карлусу. А королевнѣ, дочери его, прекрасной Полиместрѣ от королевича Василия драгоценную чашу, и подписавъ на днѣ чаши тоя, писание же сицево: «Кролевна государыни прекрасная Полиместра! Приими сию чашу и поди за меня, за королевича Василия Златовласова». И написа х королю Карлусу з дарами и отпусти поклицарей тѣхъ.

И какъ поклицари града того доѣхаша, и поднесоша королю дары великия и королевѣ ево, и вдаша ему грамоту, королевнѣ же Полиместрѣ поднесоша златую чашу. И король, и кралева ево, и дочь ихъ прекрасная кролевна Полиместра прияша у них дары честно. И кролевна Полиместра зря на дивное учреждение чаши и видѣвъ на днѣ чаши подпись, написано сицево: «Кролевна государыни прекрасная Полиместра! Сию чашу приими и поди за меня, за королевича Василья Златовласова». И потом кролевна вельми гнѣва наполнися, и удари чашу о помость² и разшибѣ ея на мѣлкия штуки. И рекла выклад³ сице: «Не терть де — не калачъ, не мят де — не ремень, не тот де сапогъ — не в ту де ногу обуть, садитца де лычком к рѣмешку лицом, понять де хочеть смердов сынъ королевскую дочь! Никогда де того не будет, еже смердову сыну королевскую дочь поняти». И изшедши поклицарии со гнѣвом от нея.

И какъ король Карлус великия дары принялъ и листъ от королевича Василия, прочте тот листъ, а написано, чтобы отдалъ дочь свою прекрасную кролевну Полиместру за него, королевича Василия. И король вельми гнѣву наполнися и рече: «Чешския короли всегда бывают в поддании франчюжскихъ королевей, и азъ бы де и злодѣй былъ дочери своей, и за подданнаго бы своего не далъ и срамоты бы такой себѣ не учинилъ». И отпусти поклицарей безчестных.

Поклицари же возвратишася посрамлени. И приѣхаша во свой град и сказаша Василью королевичю всѣ тѣ рѣчи подробно короля Карлуса и королевны Полиместры поругание чаши и приговор ея. Королевичъ же Василий великия печали исполнися, понеже поруганъ бысть от короля Карлуса, а наипаче того от дочери его, королевны Полиместры. И рече отецъ ему король: «Чадо, азъ ти глаголахъ, что лише срамота приняти, а желанія своего тебѣ не исполнити, и ты меня не послушалъ». И нача королевичъ Василий безпрестанно мыслити, како бы свой смѣхъ королевнѣ Полиместрѣ и отцу ея, королю Карлусу, отмстити и кролевну Полиместру доступить. И надумався, и прииде ко отцу своему королю

¹ ни с чем; ² пол; ³ ответ, пояснение.

Станиславу и рече ему: «Отче мой драгий! Поволь мнѣ, да ѣду азъ во Францію самъ, еже бы мнѣ отмстити смѣхъ свой королю Карлусу и дщери ево, кралевнѣ Полиместрѣ». И рече ему отецъ: «Азъ же, чадо, нынѣ глаголю тебѣ — невозможно тебѣ ѣхати явочнымъ лицомъ¹ во Францію, понеже срамоту примешь и поруганъ от него отъѣдши. Явочнымъ лицомъ тебѣ самому ѣхати невозможно, боюся, дабы какия тебѣ недруги чево не учинили, либо от кого познан будешь».

И рече краевичъ Василий отцу своему: «Отче мой драгий! Аще прошения моего не исполниши, то смертию мя умориши». И рече ему отецъ его: «Драгий мой сыне! Азъ с тебя воли не снимаю, чини по своему намѣренію». Королевичъ же Василий, слышавъ у отца своего такія рѣчи, вельми возрадовался, яко ему отецъ повелѣ ѣхати во Францію. И потомъ пріяте у отца своего и у матери благословение, и учредивъ корабль, и взя с собою великия дары и всякия драгия вещи. И на томъ корабли повелѣ с собою ѣхати гостію Василию, которой ему прежде сего сказывалъ о красотѣ краевны Полиместры. И взя с собою 30 отроковъ добродородныхъ, сенаторскихъ и рыцарскихъ дѣтей, и облече ихъ и себя в *матрозское* платье, и бысть на кораблѣ матрозами. А имена ихъ всѣхъ перемѣни и нача ихъ всѣхъ называти Васильями; себя же учини гостю Василию рабомъ, протчихъ же 30 отроковъ — наемниками, и поѣха во Францію.

И какъ приѣхаша во Францію королевство, и пристаха на берегу града. Егда же бысть во Франци, и гость Василий повѣдати повелѣ о себѣ королю Карлусу, яко приѣде на корабль гость Василий Чешския земли. И повѣдаша о немъ королю Карлусу, и повелѣ ему король предъ себя быти. Гость же Василий взявъ дары, и поиде х королю Карлусу з дары великими и поднесе королю. Король же Карлусъ за такія ево великия дары велми его почтилъ и посадилъ ево с собою за столъ хлѣба ясти.

Егда же гость Василий на обѣде с королевемъ бесѣдоваше, тогда краевичъ Василий на корабль начать в гусли играти от премудрости своя зѣло дивно, яко никто от человекъ иной тако не умѣет играти. И какъ заигра в гусли, то вси во градѣ и на дворѣ кралевскомъ танцовать стали. И сему король Карлусъ подивился, что предъ нимъ люди тонцуют, и недоумѣваяся, что есть сие. И рече ему гость Василий: «Великий королю! О семъ не усомнѣвайся, для того люди во градѣ и предъ тобою тонцуютъ, что рабъ мой Василий на кораблѣ в гусли играетъ». И рече ему король: «Любимый мой гостю! Повели ему да придетъ сѣмо и да играетъ предо мною». И рече ему гость Василий: «Великий королю! Аще и рабъ мой, но азъ при твоёмъ королевскомъ величествѣ повелѣвати не смѣю о семъ. Да будетъ воля твоя: аще тебѣ угодно, изволь по него самъ послать да придетъ сѣмо».

Король же Карлусъ посла на корабль по раба Василья гостя, чая ево истиннаго раба гостю Василию. Король же Карлусъ посла отрока на корабль по раба гостя Василья. Посланный же пришедъ к нему на корабль и рече ему: «Пои-

¹ открыто.

ди пред короля Карлуса з гуслими! Се же король повелѣлъ тебѣ итти». Он же посланнымъ отвѣща: «Рцыте королю, яко ни ево есмь рабъ и не слушаю его. Имамъ своего господина, аще он повелитъ, то да прииду». Посланныя же пришедше пред короля посрамленные и рече ему, яко не идет «и тебя, государя, ни во что ставит и глаголетъ, яко не ево де рабъ и не слушаю его, имѣю де азъ своего государя, аще де он повелитъ, то де азъ поиду». И рече король гостю: «Василий, чесо ради рабъ твой не слушает меня? Повели ты да придет сѣмо». И рече ему гость: «Великий королю! Азъ рекох ти, яко при тебѣ не смѣю повелѣвати да придет сѣмо. Изволь ты по него самъ послати да придет сѣмо».

И король паки посла по него, вторицею. Королевичъ же посланнымъ сказа то ж, яко: «Не королевский рабъ и не слушаю короля, имѣю своего государя, аще повелитъ или пришлетъ знакъ, то иду пред короля». Посланныя же пришедше пред короля и сказаше ему, яко не идетъ «и тѣ ж слова намъ сказалъ, аще ли де повелит мой государь и пришлет знакъ, то де поиду пред короля». И рече король гостю: «Василий гость! Ты сам безчестишь меня, яко „не раб мой и не слушаю короля”». Гость же Василий усумнѣся о семъ, снявъ перстень с своей руки и дасть знакъ посланнымъ по Василья, раба своего, да придет сѣмо. И посланныя пришедше к нему и рече ему: «Василий, гость твой, егоже ты нарицаешъ государем, посла нас по тебя и велѣлъ итти тебѣ пред короля, и се знакъ его — перстень». Рабъ же Василя гостя примъ перстень государя своего и рече: «Азъ вѣрю сему знаку и поиду пред короля». И взя гусли и поиде пред короля.

И какъ пришел пред короля, и поклонися ему ниско, и ста у дверей благочинно, яко обычай есть рабомъ стояти. Король же Карлус и кралева ево и вси предстоящи подивилися красоть лица его и благочинию. И рече король всѣмъ предстоящимъ ту, яко: «Аз великъ и славный король во всей земли, а такова у себя отрока не имѣю ни от сенаторскихъ, ни от рыцарскихъ дѣтей, яко сей есть гость Василий имѣет при себѣ такова раба». И рече отроку: «Василий, играй в гусли!» Он же рече: «Великий королю! Не твой рабъ и не слушаю тебя, имѣю у себя господина своего Василья. Что он повелитъ, то и сотворю!» И рече король гостю да повелит ему играти. Он же повелѣ ему играти.

Королевичъ же Василий нача играти в гусли, и король и кралева ево и вси ту предстоящи начаша тонцовати. И королевна прекрасная Полимефра из тайнаго мѣста зѣло игры ево смотрѣла и наипаче его похвалила. И глагола в себѣ: «У нас такова молотца умнаго в царствии нашемъ нѣту прекраснаго из сенаторскихъ и ис цысарскихъ дѣтей, какова гость Василий у себя имѣетъ раба». И сего вельми жалуетъ¹, еже бы он в королевствѣ у нихъ был. Королевичъ же Василий и паки удари в гусли — и король, и кралева его, и вси сущи с ним начаша крѣпко спати. Королевна же прекрасная Полимефра вышед из комнаты пред

¹ желает.

него и рече ему: «Играй, Василий!» Он же, увидѣвъ ея, зѣло возрадовася душою, яко такова прекрасна, како възвѣстилъ ему о ней гость Василей. И рече ей королевичъ Василий: «Государыни прекрасная кралевна Полимистра! Изволь поити во свою комноту. Аще не изыдеши отсюду, не буду играти: батюшка твой пробудетца от сна и мати твоя и тебя ту узрять — и тогда ты срамоту примешь, а яз гнѣвъ прииму от батюшка твоего». И тако кралевна Полимистра изшед вонъ ис полаты. Он же паки заигра в гусли иную игру, и паки вси пробудишася: и король, и кралева ево от сна, и вси сущии ту. И рече король к нему: «Василий, играеши непригоже, впредки такъ не твори». И рече к нему королевичъ: «Великий королю! О семъ на мя гнѣву не поддержи, яко тако умѣю играти».

И по семъ пришед кралевна отца своего и рече: «Отче мой драгий, молю тя! Многихъ ты имѣеши у себя сенаторских и рыцарских дѣтей, а такова молотца благочиннаго и разумнаго не имѣеши, якоже сей гостиней рабъ. Молю тя, батюшка, да купиши его себѣ в рабы, ежели он, гость Василий, продасть его». Слышав же король Карлусъ от *дщери* своея и угодно бысть ему, понеже ему, королю, понравился королевичъ и самому; и чаяли его истиннаго раба гостю Василью. И рече король гостю Василию: «Василей гость! Продай мнѣ сего раба!» И рече ему гость: «Великий королю! Дивлюся, государь, аз речению твоему, яко ты имѣеши у себя сенаторскихъ и рыцарскихъ дѣтей, добродородных отроковъ, а у меня торгуешь сего отрока, токмо единаго у себя имѣю. И како мнѣ его продать, понеже он мнѣ вѣрен, и вся моя скарба и товары, которыя имам на корабль, ему вручено». Король же, слыша от гостя такая слова о немъ, зѣло прилѣжно начат торговати.

И гость Василий, видя такое королевское прилѣжанье, рече тайно королевичю: «Великий мой королевичъ! Повелишь ли себя продати? Король зѣло поуждаеть мя». И рече ему королевичъ: «Продавай, *гостю*! Сего бо зѣло душа моя желаетъ того». И тако уговоришася гость Василий с королевичемъ, и рече гость Василий королю: «Буди, государь великий королю, на твоей воли, токмо сей отрокъ дешево не продаетца». И рече ему король: «Дивлюся азъ тебѣ, гостю, что ты глаголеши — не продаетца дешево. Азъ бо король великъ, и честенъ, и богат, и славенъ, имамъ довольно сокровища. Аще что потребуеши за него, дам ти». И рече ему гость Василий: «Великий королю! Молю тя о семъ: аще сего моего раба изволишь купити, но имѣй над нимъ честь, чтоб ни в какие ево инныя работы не опредѣлить. За таким словомъ продаю его тебѣ, понеже сей отрокъ зѣло мнѣ самому угоденъ и вѣренъ, и благочиненъ, и отсель мнѣ таковаго раба не найти иного, что сей мой рабъ». И рече король: «Объщаюя тебѣ, Василий, Богомъ, что буду его имѣти вмѣсто сына роднаго. Только ему и будетъ работа, что тѣшить меня, играть в гусли, такожде и дщерь мою кралевну Полимистру».

И рече король: «Что за него возьмешь?» И рече гость Василий: «Цена сему отроку така: постави ево на златом коврѣ и осыпь ево всего з головы даже до ногъ червонцами златыми, то ему цена». И рече ему король: «Азъ много у

себя сокровище имѣю, токмо сего мнѣ не должно сотворити, еже раба нам такъ купити: на златѣ ковръ поставити и златыми осыпати. И се от окрестныхъ странъ велию себѣ срамоту приняти, яко будто во всемъ кралевствѣ своемъ такового раба не имѣю, и от своихъ подданныхъ королей возненавиденъ имать буду». И рече: «Возми у меня злата и сребра за него, елико хоцещи, а сего мнѣ учинити невозможно». И рече ему гость Василий: «Великий королю! Азь не неволю тебя, государь, купити его, мнѣ истинно он самому угоденъ и надобенъ. Да коли уже позволи воля твоя, а мнѣ инако сего не на что учинити». И король всякия рѣчи много говорилъ и *бысть* тако. И повелѣ принести златый коверъ и повелѣ отрока поставити на немъ и осыпати его златыми зъ головы до ногъ. Онъ же поставленъ бысть на златомъ ковръ и осыпанъ златыми червонцами. Гость же Василий отдаде кралевича Василия королю Карлусу, а червонцы у него принель и златый коверъ и поиде на корабль свой.

Королевичъ же Василий нача жити у короля Карлуса во благочестии и в добродѣтели. Токмо ему и работа была, что тѣшить короля, в гусли играти, такожде и у прекрасной его дщери кралевны Полиместры. Но нѣ в кое время рече королевичъ Василий королю Карлусу: «Великий королю Карлусе! Исполни мое прошение, раба твоего Васки гусельника, повели, государь, дать мнѣ мѣстечко, гдѣ бы мнѣ жити, чтобъ близъ твоего кралевскаго двора построить дворенцо себѣ. Для того, государь: изволишь предъ своимъ кралевскимъ величествомъ играти в гусли, чтобъ скоро приитти к твоему величеству». Король же Карлусъ послуша его прошения и даде ему мѣсто на строение двора его близъ своего двора кралевскаго, токмо¹ чрезъ едину улицу дворъ построить; *на* строение двора того десять тысящъ златыхъ червонцовъ.

Онъ же, кралевичъ, взя у короля златые и поклонися ему до земли, и прибавиль к тому своихъ множество и нача двор свой строити, полаты каменныя. И в скорыхъ числѣхъ построиль дворъ свой, что вси удивилися такому строению и украшению полатъ тѣхъ, и кралевскихъ во всемъ лутче полатъ. И построиль едину полату, гдѣ² опочинѣ ему держати², изъ стеколъ зеркальныхъ и мость³ изъ стеколъ же зеркальныхъ, а в ней устроиль и кровать себѣ изъ стеколъ же зеркальныхъ, лутче кровати кралевския, и покры мость в спалнѣ сукномъ краснымъ⁴ кармазиннымъ. И украси такъ домъ свой многимъ красованиемъ, что всему кралевству в подивление, и скарбы свои всѣ в него постави и тритцетъ отроковъ своихъ *доброродныхъ* матрозовъ, которыхъ взялъ изъ Чешской земли Васильевы, сенаторскихъ и рыцарскихъ дѣтей. Гостю же Василию повелѣ на корабль быти до времени уреченнаго и корабль не велѣлъ отпущати.

Самъ же кралевичъ по вся дни хождаше хъ королю Карлусу и ко прекрасной кралевнѣ Полиместрѣ играти в гусли и тѣшити ихъ. И за ту свою игру былъ в великой чести, и любили ево король и кралева зѣло вельми, а наипаче жалова-

¹ только; ²⁻² спать, почивать; ³ пол; ⁴ красивым, дорогим.

ла его королевна Полимистра. И не по многих же днех в нѣкое время королевичъ Василий игралъ предъ королемъ в гусли и, отигра у короля, поиде х королевнѣ Полимистрѣ играти в гусли на вечерю. Королевна же Полимистра, видя его красоту и благолѣпие, начатъ сумнѣватися о нем и мысля в себѣ: «Никакъ он не простаго роду, но большаго». И начат его поити, дабы ево из ума вывести, чтоб он сказалъ про род свой. Королевичъ же Василий начат пити у нея, а иное и тайно лити, и в нѣкое время прикинулся, яко пьянъ, и рече: «Государыни королевна Полимистра! Уже гораздо поздно стало, азъ же зѣло пьянъ и не могу до двора своего дойти, боюсь, дабы мнѣ не розбити гусли. Молю тя, прекрасная королевна, повелиши мя проводить до двора моего и донести гусли за мною». Королевна же никого при себѣ не имѣла от мужескаго полу окромѣ прекрасныхъ девиць добродородных, и рече единой из девиць: «Шед, девица, проводи Василия гуселника, дондеже¹ с крыльца соидеть».

Королевичъ же поклонися королевнѣ и пошед от нея к своему дому с провожатою девицею, шатався, яко пьянъ гораздо. Девица же за ним понесе гусли и, егда сшед с крыльца, нача ему та девица отдавати гусли. Он же рече ей: «Молю тя, прекрасная девица, донеси, пожалуй, до вратъ королевскаго двора! Азъ бо не могу нести, понеже зѣло пьянъ». Девица же донесе до вратъ королевскихъ, нача ему гусли отдавати, он же рече ей: «Молю тя, госпоже девица, пожалуй, донеси до моего двора. Ей, не могу нести и тако² приму у тебя». Девица же пришед з гусльми къ ево двору и начат ему гусли отдавати. Он же удари во врата свои, и выбѣжали к нему всѣ тридесять отроков, хотяху его принять, он же рече им: «Не принимайте мене, но примите сию госпожу девицу». Девица же начат сумнѣватися, он же к ней рече: «Госпоже прекрасная девица! Не опасайся, азъ бо рад чтити тя за такую благодать твою, что ты за мною донесла гусли, и худаго от мене тебѣ ничего не учиню».

Отроки же прияша ю честно и введоша в полату за королевичемъ. Королевичъ же Василий рече: «Госпоже прекрасная девица! Тако азъ пожалован у государя своего, короля Карлуса. Смотри моего дому и полатъ, каковы построены милостию своего государя за малые дни, и колико себѣ приялъ рабовъ». И взя ея за руку и начат по полатам водити и показовати красование³ полатное и скарбы своя. И введе ю в ту полату, в которой самъ опочиваетъ, и скрывъ сундукъ и показа ей вся сокровища своя, токмо единаго полу хрустальнаго не показа ей под закрытиемъ сукна. Девица же видѣвъ полатное красование и нача дивитися, и рече в себѣ: «Откуду таково красование и строение полатъ взято и за какия малыя дни устроено, яко и у самого короля таковаго строения нѣтъ?» А наипаче кровати ево дивовалася, яко учреждено по королевскии, а не по рабскии — знатно⁴, что он не простаго роду. Он же вынявъ изъ чпага⁵ перстень златый и дарова девиць, и рече: «Челом бью тебѣ, прекрасная девица, симъ перснем за твою ра-

¹ как только, пока; ² там; ³ украшение; ⁴ видно, понятно; ⁵ из кармана.

боту, что изволила меня проводить до двора моего». И изшед ис тое полаты и поведе ю в столовую полату, и нача ея чествовати всякими разными пойлы¹. Потом проводи ея самъ честно до двора королевскаго.

Девица же прииде ко королевнѣ, и рече ей королевна: «Почто ты такая часы медлила?» И рече ей девица: «Виновна, государыни, азъ пред тобою, прекрасная королевна. Какъ изволила ты меня послати провожать Василья гусельника и нести за нимъ гусли, и азъ за ним тѣ гусли несла до крыльца. И сошла я с крыльца и стала ему отдавать гусли, и он мнѣ бил челом, чтоб донести до его врат, что вельми, государыни, пьянъ. И я до двора ево дошла за нимъ з гуслими и стала ему отдавать, и он не принелъ и ударилъ во врата, и выбѣжали к нему 30 молотцовъ, зѣло доброзрачны, и хотяху его принять честно. Он же рече им: „Не мене принимайте, но сию госпожю девицу, которая пожаловала меня, проводила и гусли за мною отнесла“. Азъ же усумнѣлась от нево какова худа. Он же познав мя измѣнну лицом и рече ми: „Не опасайся, госпоже прекрасная девица, азъ тебѣ худа никакова не учиню, но за твою ласку² имам тя дарити“. И тѣ, государыни, доброзрачныя отроки прияша мя честно. Азъ же егда вошла в полаты, он же прият мя за руку, начат меня по тѣмъ полатам водити и красование полать нача мнѣ показовати, такожде мнѣ и сокровище свое показаль. Азъ же сему вельми дивовалась, яко таковаго строения и сокровищъ и у батюшки твоего не видала. А наипаче издивовалась той полать, въ которой он опочин держит, построено вельми дивно из стеколь зеркаловыхъ, и кровать в ней стоит не рабска, но *королевская*. И знатно дѣло, что он не простаго роду. И милость отца твоего, великаго короля Карлуса, и твою милость зѣло блажит и похваляетъ, яко по вашей де милости домъ построилъ за малыя такие дни и слугъ довольно принялъ. И показал мнѣ вся своя сокровища, и потчивал довольно всякими разными пойлы, и дароваль, государыни, мнѣ сий перстень златый, и проводилъ меня самъ честно до королевскаго двора». Королевна же перстень той смотрила и вельми его любовала — зѣло здѣлан дивно. И тот перстень королевна у девицы взяла себѣ и вздѣла на руку, и дала ей за тот перстень дватцетъ червонцовъ.

Король же Карлус на утрие послаль по Василья гусельника, чтобы пришелъ к нему в гусли играти. Королевичъ же Василий по присылкѣ от короля Карлуса прииде пред короля в гусли играти. И какъ королевичъ сталъ в гусли играти, и рече к нему король: «Что еси рано³ ко мнѣ не бываль?» Он же отвѣща королю: «Виновен естъ, великий королю, пред тобою! Вчерашняго дня в вечеру поздно играль в гусли пред тобою и пред твоею дщерию, королевною Полиместрою, и по милости вашей королевской вельми пожалован, зѣло былъ пьянъ. И пришелъ домой, проспаль долго. И во снѣ, государь, видѣл сонъ зѣло страшень». И рече ему король: «Скажи, Василий, сон свой! Что еси видѣль?» И рече Василий: «Кабы, государь, чрез твой королевский двор шла еленя⁴ зѣло изрядна и

¹ напитками; ² помощь, услугу; ³ утром; ⁴ олениха.

пришла на мой дворишко. Азь же дароваль ей златый перстень и з двора спустиль, она же паки пошла чрез твой королевский дворъ. Молю тя, великий королю, да разсудиши сей мой сонъ». И рече ему король: «Василий, не ужасайся! Сонъ твой добръ есть, аще збудетца». Он же поклонися королю и нача играти в гусли.

И какъ пришелъ вечеръ, поиде играти ко кралевнѣ Полиместрѣ. И какъ стал пред нею в гусли играти, и стала кралевна на него зѣло прытко смотрѣти и думати, и видѣ его, что он не простаго роду. И стала ево поить, дабы ево из ума вывести. И сталъ королевич пити, а иное и тайно лити, и прикинулся, яко пьян бысть. И сталъ говорить: «Государыни прекрасная кралевна Полиместра! Уже поздно стало, а по вашей королевской милости напился пьян. Прикажи, государыни, проводить меня и отнести за мною гусли и станок¹, боюся того, дабы мнѣ не розшибить, не могу, государыни, на ногах стоять». И кралевна послала иную прекрасную девицу: «Поди, девица, проводи Василья гуселника и снеси за ним гусли. Только с крыльца соиди и отдай ему гусли, а сама скоро ко мнѣ ходи!» И взя девица гусли и понесла за ним. И снесла та девица гусли с крыльца и стала ему отдавать, он же рече ей: «Госпоже прекрасная девица! Молю тя, пожалуй, донеси хотя до половины двора королевскаго». И девица донесла до половины двора королевскаго и стала ему отдавати гусли, он же рече ей: «Молю тя, прекрасная девица, пожалуй, донеси до вратъ моего двора, истинно не могу стояти на ногах». И девица видѣ его, что он пьянъ, и донесла до его двора и стала ему гусли отдавати: «Василей гуселникъ, возми гусли!» Он же удари во врата, и преждереченныя ж отроки выбѣжали принять его честно. Он же рече им: «Не мене принимайте, но сию прекрасную девицу примите честно!» Они же прияша ея честно и возведши ея в полаты.

Королевичъ же почтивъ ея довольно, и взялъ ю за руку, и нача водити по полатам своим и казати ей вся своя сокровища, какъ и первой девицѣ. И девица зѣло дивовалася полатному украшению. И введе ю въ спальную полату, отомкнувъ ковчегъ, и вынелъ златую и драгоцѣнную чепь и дароваль ей, девицѣ, тою златою чепью, юже кралевнѣ достойно носити. И назва ю себѣ сестрою, и нача с нею пити всякия разныя пития и веселитися, и много было с нею всякихъ речей. Девица же, видѣ дом его и отроки, служаща ему, зѣло дивовалася, а наипаче спальной ево полатѣ, гдѣ он опочин держит, и кровать ево и сокровищам, яко и у самого короля нѣтъ того. И упоивъ ю довольно, и проводив сам ея честно до двора королевскаго.

Девица же прииде пред кралевну и челом ударивъ. И рече ей кралевна: «Почто ты долго медлила?» Она же ей вся сказа подробно и рече: «Виновна есть аз пред тобою, государыни кралевна! Какъ изволила ты меня послати проводить Василья гуселника и нести за нимъ гусли, и азь за ним тѣ гусли несла до крыльца и стала ему отдавати. И он у меня не принялъ и бил челом, чтоб донести до

---

¹ подставку.

двора ево, для того что он, государыни, пьян, не может на ногахъ своихъ стояти. И язъ, государыни, до двора ево гусли отнесла и стала ему отдавать гусли, и он у меня не принель и *ударил* во врата, и выбѣжали к нему тридесятъ отроковъ, добродныхъ молотцы, и принимают его честно. Он же рече им: „Не мене принимайте, но сию прекрасную девицу!“ И повели меня честно в полаты к нему. И видѣла я ево полаты, вельми украшены, и сокровище ево и дивовалася вельми, что, государыни, такихъ полатъ и вещей драгоцѣнных и у *батюшки* твоего я не видала. И дароваль, государыни, меня он чепью драгоцѣнною, яко и твоей милости носить не стыдно. Видѣвъ же я дом его, которой сказывал по вашей милости за малые дни построень, также и отроки ево, иже ему служат, вельми прекрасны молотцы. Истинно, государыни, глаголю, яко и у батюшки твоего нѣтъ. А наипаче, государыни, дивовалась спальной его полатъ и кровать, гдѣ он опочинь держит, яко не по рабский построено, но по королевский. Знатно, что он, государыни, не простова роду. А то, государыни, все превзыде смирение его и благочиние, и учтивость, и рабом его предстоящим истинно, как у *батюшки* твоего предстоятъ». И все кралевнѣ подробно сказа. «Аще бы ты, государыни, изволила увѣдать сама и ты бы могла сему дивитися». И выняв златую чепь и поднесе кралевнѣ девица и рекла: «Изволь, государыни, сию чепь ты носи! Мнѣ сию чепь недостойно носити, вашему королевскому величеству достойно носити».

Кралевна же приняла у девицы чепь, зѣло дивовалася ей, яко зѣло учреждена. И возложи ю на себя, а девицѣ даде за ту чепь сорокъ червонцовъ. И рече к девицѣ: «Возможно ли мнѣ поити к нему и посмотрити его домъ?» Девица же ей рече: «Зачто, государыни, не мочно?» И рече кралевна: «Какъ же мнѣ, каким образомъ поити к нему, чтоб он меня не опозналъ?» И рече девица: «Изволь, государыни, во свое мѣсто посадити девицу, сама же провожать его поиди». И рече кралевна к девицѣ: «Да не приму ли какова безчестия от него?» Девица же рече к ней: «Ни, государыни, истинно человекъ учтивый и смиренъ, и велию честь от него примеша и подарокъ драгий». Она же, кралевна, тому рада бысть.

На утрие же Василей королевичъ по присылкѣ от короля прииде пред него и поклонися ему честно. И рече к нему король: «Василий, что еси рано ко мнѣ не бываль?» Он же рече ему: «Великий королю! Виновен есмь пред тобою. Вчерашняго дни ввечеру поздно играль пред тобою в гусли и пожалован, и пред *дщерью* твоею, кралевною Полиместрою, також играль в гусли. И по милости вашей кралевской пожалован, зѣло былъ пьянъ, и пришед домой проспаль долго. И во снѣ, государь, видѣлъ страшно, во всем подобно вчерашнему сну». И король рече: «Скажи, Василий, что еси видѣл во снѣ?» И рече королевичъ: «Кабы, государь, чрез твой кралевский дворъ шла еленя, лепшии той елени во всемъ, иже в прежней ноши видѣл, зѣло изрядна и перешла на мой дворъ. Азъ же приля ю и возложи на ню златую чепь и з двора спустил, она же паки пошла чрез

твой королевской дворъ. Молю тя, великий королю, да разсудиши сей мой сонъ!» И рече ему король: «Василий, не ужасайся! Сон бо твой добръ есть, аще збудетца». И нача играти в гусли довольно.

И какъ пришел вечеръ, поиде играти в гусли ко королевнѣ Полиместрѣ. Королевна же до его приходу учреди девицу во свое королевское платье (она же девица подобна лицемъ королевнѣ) и посадила тое девицу на свое королевское мѣсто. Сама же возжела итти провожать королевича, а наипаче подарковъ желая хорошихъ от него. И ста з девицами оными и наказала ту девицу, чтоб ея нарядила провожать Василия гуселника. Королевичъ же у короля отыгравъ в гусли и, вечер пришед, х королевнѣ поиде играти. И нача играти в гусли у королевны и опозна ю, яко не королевна сидитъ на мѣсте, королевну же видѣ, яко предстоит с прочими девицами. И познавъ, яко провожать ево поидеть, и о семь зѣло возрадовася сердцемъ своимъ, яко желание ево совершается, и рекъ: «Хвала Богу!»

И стала девица, которая сидитъ вмѣсто королевны, Василья гусельника поить и из ума ево выводить, чая его, что он не простой природы, и хотѣла ево из ума вывести. И он сталъ пить, а иное и тайно лить, и прикинулся, яко пьян, и рече: «Премилостивая моя государыни прекрасная королевна Полиместра! Пожалуй, прикажи меня проводить до дворишка моего и гусли за мною отнести. Боюсь того, чтоб мнѣ не розбить, понеже по милости вашей, батюшка твоего и тебя, государыни прекрасная королевна Полиместра, зѣло пьянъ». Девица же, которая сидитъ вмѣсто королевны, рече к девицамъ да идетъ едина от нихъ провожать Василия гуселника и отнести за ним гусли. Королевна же, стоя з девицами, яко простая дѣвка, взяла гусли и понесла за королевичем Васильем. Она же девица приказала ей толко с крыльца снести и отдать ему гусли и скоро повелѣла ей быть.

И какъ королевна с крыльца гусли снесла и начать размышляти, чтоб он ея не опозналъ, и стала ему гусли отдавати. Он же рече ей: «Молю тя, прекрасная девица, пожалуй, донеси до моего дворишка». И рече ему королевна: «Боюсь, умедлю и от королевны государыни гнѣвъ прииму. Приими здѣ!» Он же рече ей: «Госпоже прекрасная девица! Да идеши до моего двора, имамъ тя дарити, якоже и прежнихъ девицъ». Она же рече ему: «Приими, Василий, гусли здѣ! Азъ дому твоего не желаю и во гнѣвъ от королевны не хочу». Он же признавъ, яко усумнѣваетца, и рече к ней: «Молю тя, прекрасная девица! Видишь ты и сама, яко зѣло пьянъ бысть и не могу нести гусли. Донеси еще хотя до *половины* двора королевскаго». И рече ему девица: «Не хочу, приими гусли!» Он же рече: «Не прииму!»

И потомъ донесла до половины двора королевскаго и стала ему отдавати: «Василий, приими гусли!» Он же рече: «Не прииму! Донеси, пожалуй, прекрасная девица, до двора моего. Азъ есмь пьянъ, боюсь разшибу гусли». — «Не хочу, приими здѣ!» Он же рече ей: «Не прииму здѣ! То мнѣ и честь, яко королевская дщерь за слугою гусли несетъ и государыни рабу служитъ». Она же, услыша

от него такая рѣчи, яко познавъ ю, начат ужасатися и лице ея начатъ измѣнятися. И рече ему кралевна: «Азь бо нѣсть кралевна, но простая дѣвка, токмо к тебѣ не иду, понеже рабу негоже государынею называешь». И рече: «Прими, Василий, гусли!» Он же рече: «Не приму! Неси за мною до двора моего!» Она же рече: «Прими гусли! Азь кину на землю и разшибу!» Он же рече ей: «Аще кинеши, и аз закричу, и услышитъ отец твой, король, велию срамоту примеши себѣ. Понеси за мною гусли безо всякаго опасения, имам бо тя, государыни кралевна, королевскими дарми дарити».

Она же понесе за ним гусли, а сама во иступлении ума своего бысть и сама не въдая, что от него будет. И принесла ко вратам дому его, покушаяся ему гусли отдати, чтоб принять. Он же рече: «Не приму! Аще закричу и отец твой, король, услышитъ и тогда посрамлена будеши». Он же ударивъ во врата, и выбѣжали к нему преждереченныя отроки, и принимаютъ его честно. Он же рече им: «Не мене принимайте, но сию гостью, иже ко мнѣ не звана пришла, юже душа моя желала того». Отроки же прияша ю честно и повѣдоша ю за *кравевичемъ* в полату. Краевич же Василий посадилъ ея честно с собою за столъ, нача ю поити всякими разными питии. Она же, аще и не хотяше пити, но волю его творила, пила, боялася поруговъ¹ его и *порывалася* от него до дому. Он же примъ ю за руку, нача ю водити по полатам своим и рече ей: «Прекрасная государыни кралевна! Изволь, государыня, полатъ моихъ смотрѣть, что по вашей королевской милости, государя моего и твоего батюшки, за малыя дни азь построихъ и украсив ихъ». И показавъ ей вся своя сокровища. Она же хождаше с ним по полатам, а сама внѣ ума своего.

И введе ю в полату спальную, иже от зѣркаль устроена, и снявъ сукно с стеклянаго полу и рече ей: «Изволь, государыни кралевна, мою спальну полату видѣть». Повеле отрокомъ своим изыти из полаты тоя, а полату замкнувъ на крюкъ, и снявъ с нее королевское платье и срачицу² и обнаживъ ю донага. И взялъ плѣть-нагайку и нача ю бити по бѣлому тѣлу и приговаривати: «Вотъ тебѣ не терть — не калачь, не мять — не ремень, не тот де сапогъ не в ту де ногу обуть, садитца де лычко к рѣмѣшку лицомъ, а хошет де смердей сынъ королевскую дочь понять. А нынѣ де королевская дочь и сама к смердову сыну пришла!» Кралевна же зѣло убилась об стекляной полъ, понеже зѣло гладко и кольско³ и не мочно удержатися, еже бы не упасть ей. И познавъ кралевна по тѣмъ ево словам, яко он — краевич Василий Златовласов. Сама начатъ его молити: «О великий мой государь прекрасный краевич Василий Златовласый! Помилуй мя, пусти душу на покаяние, остави вину мою! И аще тебѣ угодно, да буду тебѣ кралева».

Он же рече ей: «Нынѣ, страдница⁴, познала мя, яко азь — краевич Василий! А когда азь ко отцу твоему и матери посылалъ полномочных поклицарей,

¹ брани, ругани; ² сорочку; ³ скользко; ⁴ мужичка, безродная.

почто меня ругала и смердовым сыномъ называла и чашу мою, ругаяся мнѣ, всю в штуки розбила?» Она же рече: «Помилуй мя, государь мой, виновата бо есмь пред тобою! И к тому не буду, государь, не угодная творити и имамъ тя, своего государя, всегда любити и почитати, и во всем волю твою творити. Азь, государь, сие учинила от безумия моего, не вѣдая тя таковаго прекраснаго и премудраго, аще бы знала, и язъ бы тогда воли твоей не пререковала». И рече ей кравецъ Василий: «Видь, страдница, како мнѣ твои безумныя слова стали за досаду, яко доступя тя, своею волею отцу твоему продан бысть в рабы и рабъ былъ довольно время. А все то чинилъ да отмщу свое безчестие на тебѣ». Она же рече: «Великий королевичъ Василий, мой государь Златовласый! Вина моя есть пред тобою и глава моя под мечъ твой подлежитъ».

Он же бивъ ея много и потомъ отдалъ ей вину, и привѣствова словами, и цѣловав ю довольно. Потом повѣде ю на кровать свою, хотя ю разстлти. Она же начат плакаться и умилно к нему глаголати: «О великий королевичъ Василий Златовласый! Ради самага Бога, излившаго святую свою кровь за наше согрѣшение, остави сие творити, да не буду засрамлена во вѣки. И аще сие сотвориши, како тебѣ, государю, буду кравца? Обаче¹ реку: прими мечъ и отсѣки мою главу, а таковаго безчестия мнѣ не твори!» Он же рече ей: «Аще сего не сотворю, не имаши мнѣ быти кравца и не поидеши за мене, понеже не есть отщень смѣх твой». Она же рече: «Великий королевичъ мой государь Василий Златовласый! И такъ видиши ты наготу мою». И рече: «И аще не поимеши мене, то во вѣки посрамлена буду». Он же небрегъ прошения ея, положив ю на кровать свою и растливъ дѣвство ея. И помышляя в себѣ, яко «по неволѣ будетъ ми жена».

Она же по сотворении сего со слезами рече: «Великий королевичъ мой государь Василий Златовласый! Умилосердися надо мною, поими мя за себя. Аще сего не сотвориши, не терплю поругания сего, сама себя смерти предам. И о семь дай ты мнѣ вѣрное свое слово, яко пояти тебѣ мене за себе». Он же рече ей: «Токмо я учинилъ за посмѣяние отца твоего и за посмѣхъ твой токмо поиму тя!» И вынявъ из ковчега златый вѣнокъ и драгий, устроенный з драгоцѣнными камени, и дарова ей. И велѣлъ облачитися ей во свою королевскую одежду и отпусти ея от себе. И велѣлъ честно проводити ея до дому ея.

Сам же кравецъ посла на корабль к гостю Василию. И какъ пришелъ гость Василий, он же сказа ему все подробно, что с кравцею чинилъ «и свое безчестие отмѣстил и смѣхъ ея, понеже она, кравца, в гостяхъ сама была у мене». И гость Василий зѣло тому удивился и возрадосая. И велѣлъ ему королевичъ Василий изготвити к походу корабль немедленно и скарбы своя все переносити в корабль.

¹ но, лучше.

О кралевнѣ. Кралевна же пришедъ въ домъ свой и показавъ девицамъ подарокъ свой, драгий вѣнокъ. Девицы же смотриша тотъ вѣнокъ и похвалили и дивовалися оному вѣнку, яко у нихъ в королевствѣ такова вѣнка нѣтъ. А что случилось надъ нею, и того не сказала имъ, девицамъ. И рече къ ней девицы: «Великая государыни кралевна! Каковъ домъ ево?» Она же рече: «Зѣло хорошъ, яко и у батюшки моего такова дому нѣтъ и сокровищъ такихъ. Токмо упоилъ меня зѣло, не могу азъ!» И связавъ голову свою и ляже на постелю свою.

Кралевичъ же Василий на утрия по присылкѣ отъ короля пришедъ предъ короля и поклонися ему честно. И рече ему король: «Василий, что скажешь вѣстей?» Онъ же рече ему: «Великий королю! Ничего вѣстей не знаю и от милости твоей, аще о чемъ изволишь мнѣ, рабу твоему, сказать, слышать желаю». Король же рече: «Скажи, Василий, что-нибудь!» Онъ же рече: «Великий королю! Видѣхъ азъ в нощи сей сонъ и мню, яко благъ есть. Изволь, великий королю, разсудити сей мой сонъ!» И рече ему король: «Скажи, Василий, сонъ свой». И рече королевичъ Василий: «Кабы, государь, чрезъ твой кралевской дворъ шла лань златорогая и зѣло дивная. Азъ же ей воздвиглся. И пришла къ моему дворишку. Азъ же ея поималъ, взялъ къ себѣ и билъ довольно, и кожу с нея содралъ, и положилъ на главу ея златый вѣнокъ з драгими камени, и паки ю спустилъ отъ себя. Она же паки побѣжала чрезъ твой кралевский дворъ. И о семъ молю тя, великий королю, да разсудиши сей мой сонъ!» Король же рече ему: «Василий, сонъ твой благъ есть, аще збудетца». Самъ же король во умъ себѣ взялъ, яко часто онъ видитъ сны, «а знатно нѣчто помышляетъ на мой кралевский дворъ».

Королевичъ же Василий поклонися королю ниско и поиде на подворье свое. И убрався со всѣмъ на корабль и написалъ листъ, имущее писание: «Великий королю Карлусъ! Вѣдомо тебѣ буди: азъ — не Василий гуселникъ и не рабъ гостю Василию, но Чешския земли королевичъ Василий Златовласый! Былъ у тебя во Францыи в рабѣ образѣ, проданъ былъ и служилъ тебѣ рабомъ для отмщения поругания твоего и для дщери твоей, прекрасной кралевны Полиместры. Егда я посылалъ къ тебѣ полномочныхъ поклицарей, дабы ты далъ дщерь свою в жену мнѣ, и ты не изволилъ отдать за меня в жену, и тогда твоя дщерь, кралевна, подарокъ мой, чашу мою златую, о землю розбила в мѣлкия штуки и называла она меня смердовымъ сыномъ. И за то она у меня в гостѣхъ была в домѣ моемъ — и поругана, и растлѣна, и билъ ея до воли своей, и спустилъ ея з двора своего». И прибилъ тотъ листъ на вратѣхъ двора своего, дворъ же пусть оставилъ и замче. Самъ же со отроки и з гостемъ Василиемъ и со всѣмъ своимъ именемъ, поднявъ парусы, побѣжалъ во свою землю Чешскую, в домъ свой.

На утрие же тотъ листъ людие читали на вратѣхъ, велми в недоумѣнии быша о таковѣй срамотѣ учиненой отъ королевича Василия. И отъяша тотъ листъ отъ вратъ, и принесоша къ королю Карлусу, и повѣдаша о немъ, яко: «Ушелъ Василий гуселникъ на корабль во свою землю Чешскую, токмо написа листъ и при-

бив ко вратом дому своего, нам же прочетшимъ тот листъ, и написа на немъ неподобно и безчестно. Мы же его отодраша от вратъ и принесохъ к тебѣ, великому королю». Король же тот листъ взя у нихъ и прочте, и покры лице свое дланию, и покивав главою своею, и сказа кралевѣ своей, и великия печали наполънились. Потом пришед король Карлусъ с кралевою своею ко кралевнѣ и видя ю на постели лежащу, зѣло болящу. И рече ей король, отецъ ея: «Чесо ради тако болиши, дщи наша?» Она же начат отцу своему и матери болѣзнь сказывати, каковую не имѣяше у себе. Отецъ же рече ей, яко да повѣдает им правду о своем случии, и много ея вопрошаху о семь. И нача ей король, отецъ ея, глаголати к ней: «Како у королевича Василия была в дому и что он над тобою творилъ зло?» Она же, кралевна, повинися отцу своему и матери и сказа им вся подробно, какъ что было и что над нею чинил королевичъ Василий. Они же о семь вельми печальны быша.

И по нѣкоем времени нача кралевна отца своего и мать молити: «Драгий мой отче! Изволь послати поклицарей в Чешскую землю к Василью королевичю да приѣдет съмо и поимет мя себѣ в жену, понеже он мнѣ обѣщася поняти мя себѣ в жену. Азъ же за иного ни за кого не хочу быти жена окромѣ его». Король же Карлус и кралева ево склонилися к молению ея.

О королевичѣ Василии. Королевичъ же Василий приѣде в домъ свой, во свою Чешскую землю, ко отцу своему и матери в добромъ здоровье и бысть радость в дому ихъ. И повѣда Василий королевичъ отцу своему и матери все подробно, расказа им, какъ отмстилъ королю Карлусу и дщери ево, кралевнѣ Полиместрѣ, свой смѣхъ и безчестие и какъ что было, все им сказывал. Отецъ же его, король Станислав, и кралева ево о семь вельми радостни быша, яко сынъ ихъ, королевичъ Василий, здравъ приѣхалъ из Францыи и исполни свое желание и отмстилъ королю и дщери ево, кралевнѣ, смѣхъ ихъ. И гостя Василия за то зѣло пожаловалъ и вельми его одарилъ, и в совѣтехъ своихъ быти ему повелѣлъ за свое доброе услугование к сыну ихъ.

О королѣ Карлусѣ. Король же Карлус из Францыи в Чешскую землю присла поклицарей своих полномочныхъ х королевичю Василию с великими дары и листъ молити его да приѣдетъ к нему во Францыю и поимет дщерь его, прекрасную кралевну Полиместру, себѣ в жены и с нею многия грады. Поклицари же приѣхали в Чешскую землю х королевичю Василию с великими дары и листъ вдаша ему. Королевичъ же Василий дары у нихъ прия с честью и листъ прочте, и передралъ его надвое, и рече им: «Дивлюся азъ сему, яко кралевская дщерь за смердаго сына хошет посягнути! Почто было тогда ругати меня, когда я желал ея поняти в жену собѣ? Нынѣ же не хочу поняти, понеже смѣхъ свой над королем Карлусомъ и над *дщерию* ево отмщенъ *есть*». И отпусти поклицарей безчестныхъ.

Поклисари же приѣхаша во Францію и повѣдаша королю Карлусу слова королевича Василя, яко: «Не хошет дщери твоей, королевны, поняти себѣ в жену и листъ твой надвое передра!» Король же Карлус великия печали с королевною своею наполнился, а наипаче того прекрасная королевна Полимистра. И рече отцу своему королевна: «Отче мой драгий и милостивый! Молю тя, пошли вторицею к нему, королевичю». Король же Карлус во второе посла к королевичю Василию тѣх поклисарей с великими дары и листъ и обѣщает ему полкоролевства своего с нею дати. Поклисари же приѣхаша во второе к королевичю Василию с великими дары и поднесоша ему дары и листъ. Он же дары честно прия и листъ прочте. И передра его надвое, то же слово сказалъ поклисарем, якоже и прежде, что де не хошет ея поняти себѣ в жену, и отпусти поклисарей бездѣльны.

Поклисари же приѣхаша во Францію к королю Карлусу и сказаша ему, яко: «Не хошет королевич поняти вашей дщери, королевны!» Король же наипаче того бысть печален и сказа дщери своей, яко: «Не хошет тя поняти себѣ в жену!» Королевна же наипаче того запечалилася вельми и рече отцу своему: «Отче мой драгий! Молю тя, изволь третицею послати к нему тѣх же поклисарей с великими дары и листъ». И обѣщает ему все свое Франчюское королевство по смерти своей ему одати. Поклисари же приѣхаша к нему, королевичю, и вдаша ему великия дары и листъ. Королевич же Василий дары у нихъ прия и листъ прочте, едва ко прошению его склонися и далъ слово свое тѣм поклисаремъ, что поняти дщерь его, прекрасную королевну Полиместру, в жену себѣ. И отпусти поклисарей честно и з дары.

И потом, малу времени минувшу, прииде королевич Василий ко отцу своему и матери и сказа им все подробно. Отецъ же его и мати воли с него не сняли и дали ему благословение. Королевич же Василий убравъ себѣ корабль и взя с собою сокровище доволно, такожде взя сенатырей и рыцарей великих множество. И простяся со отцем своим и с материю и поѣде кораблемъ во Францію к великому королю Карлусу поняти дщерь его, королевну Полиместру, с великою славою.

Услышав же то король Карлусъ, что королевич Василий ѣдет к нему с великою славою, вельми радостень бысть, а наипаче того невѣста его, королевна Полимистра. Встрѣте ево король Карлусъ далече от града с великою честию и радостию, приять его честно и радостно. И прощения у него король Карлус прося, у королевича Василя, и потом друг з другом поцѣловастася, и потом приѣхаша во град. И по нѣколицѣх днех выда король Карлусъ за королевича Василя дщерь свою, прекрасную королевну Полиместру, и бысть бракъ честень и радость велия во градъ Францыи. Королевич же Василий начаша с королевною своею Полиместрою жить вельми любезно и совѣтно.

И по нѣкоем времени минувшем тестъ ево, король Карлус, умре, а приказа королевство свое все зятю своему, Василию королевичю. Василий же королевичъ прият после тестя своего Франчюское королевство и бысть въ сей земли

король. И по днехъ нѣких и отецъ ево, король Станислав, умре же и с матерю ево, и король Василий после отца своего Станислава бысть и в Чешской земли королем же. И обоими королевскими градами самодержавствуя и чествова подданныхъ своих держальцов, в великой чести имѣ. И потомъ поживе много лѣт и приживе с кралевою своею два сына: единому даде имя Карлус, тестя своего, а другому имя даде Александръ. И раздѣли им королевство свое: Александру даде Чешское королевство, дѣда своего, а Карлусу даде Франчюжское королевство. И тако пожиста с кралевою своею Полиместрою в старости глубоцъ и преставистася.

Дѣти же их по смерти отца своего и матери самодержавствуя во своих градѣхъ, правяще добрѣ, и подданныхъ своихъ велию им честь твориша так же, какъ и отецъ ихъ, король Василий Златовласый. И тако скончася повѣсть сия во вѣки. Аминь.

ПОВЕСТЬ ОБ АПОЛЛОНИИ ТИРСКОМ

ПОВѢСТЬ ИЗРЯДНАЯ¹ О АППОЛОНѢ, ЦАРѢ ТИРСКОМЪ,
И О СЛУЧАЯХЪ, И О БѢДАХЪ, И ПЕЧАЛѢХЪ В МИРѢ СЕМЪ,
И ЯКО ЧЕЛОВѢКОЛЮБИЕ БОЖИЕ НИКОГОЖЪ ОСТАВЛЯЕТЪ
ДО КОНЦА ПОГИБНУТИ. НАЧАСЯЖЪ АНТИОХОМЪ ЦАРЕМЪ

Антиох — владѣтельны, и великосилный, и многословуты² цесарь греческий, иже глаголетца Великий,* понеже во Елладе и Сирии много царей премину, но сего внѣшних еллинских писаний премногу паче инѣх славляше, зане превозрастен³ бѣ, и красен, и премудръ, и храбръ, — сей Антиох многими ратоборствы и мужественным одолѣнием множество царствъ повоева и в свою державу прия. Созда же и град в славу имене своего и нарече Антиохия Великая.* Имѣ же царицу зѣло премудрую и прекрасную, паче же жития добрых обычаев и ко всѣмъ человѣкомъ милосердную. Прижит же от нея цесарь дщерь едину, толикою красотою сияющую, яко во вселенней таковѣй не обретатися.

Прилучи же ся прекрасной царице умрети, иже смертию своею великую цесарю печаль наведе, изумление⁴; но имѣ утешение — дщерь, толикою сияющую красотою, яко никтоже непщева⁵ рожденнѣ ей быти отъ земныхъ. И егда цесарь Антиох отъ зельных⁶ своя печали вмале утешение прия, посла во вся страны своя державы и в окрестная кралевства ко благоплеменнымъ и благороднымъ, да обрящутъ ему в жену подобну первой прекрасную дѣвицу. Посланнии же много искавше, не обрѣтоша и возвратившеся. И по сихъ паки посла, и третии, и возвратившеся, повѣдаша, яко нигдѣже таковыя не обретоша; и симъ преболшую печаль наведоша и лютое недоумѣние⁷.

И ⁸въ томъ стужении⁸ впаде ему отъ диявола в сердце злая мысль о дщерине красотѣ и (понеже бѣ тогда безбожное время, сквернии бо идоли почитахуся, всии же творяху по воли своего сердца, скотски лагодяще⁹ своей плоти) тако убо нача ю любити, яко нимала времени возможе без нея пребыти. Не можетъ сия любовь таитися надолзе. Призвавъ цесарь къ себѣ свою дщерь, сказа ей свою мысль не точию словесы, но и вещьми¹⁰. Цесаревна же, видя лукавую волю и злое смышление отца своего, рече ему: «Отче мой, неудобно¹¹ мыслями мятешися¹², отецъ убо еси ми,

---

¹ достойная, праведная; ² прославленный; ³ высок росток; ⁴ безумие; ⁵ не полагал; ⁶ большой; ⁷ отчаяние; ^{8—8} в той печали; ⁹ угождающе; ¹⁰ поступками; ¹¹ недостойно; ¹² смущаешься.

како толикими злыми осквернити хощеши?» Слезы же от очию ея в словесех сих яко река течаху. Но отецъ, изумелый и неключимый¹, глаголет ей: «Аз убо забых сие, яко дщи ми еси, но всегда имѣю на мысли, яко жена еси моя». Рече ему цесаревна: «Отче мой, лутче ми не точию женою, ниже цесаревною слыти, нежели при твоей воли быти. Аще же волю свою сотвориши, к тому живу не узриши». И сия рекши, отъиде от отца, рыдая и плача, хотя из царства избежати. Отецъ же, увѣдав, повелѣ стражи поставити. И по неколицех днех прииде к ней, нача ю тѣшити словесы и ²приложи реши²: «Сама вѣси, о дщи моя, яко без жены жити не могу. Подобной же матери не обретох, разве тебѣ». Рече ему цесаревна: «Отче мой, победитель убо был еси супостатом, како не можеши победити прилоги³ страстей? Истинное храбрство и мужественное одолѣние — еже владѣти собою и побеждати малые злые мысли, нежели великия грады. Буди, отче, самодержецъ сам себѣ, не даждь злой славы быти и повести⁴ о себѣ». Рече же цесарь: «Изначала вмалѣ о сем рѣчь произыдет, егда же многими денми и лѣты объята будет, то уже никто о сем и вспомянет. О семъ же ти явственнo покажю, иже сама узриши». И изыде же от нея и повелѣ премного драгих золотых ковров и иных поставов⁵ принести и в нощи той услати вси улицы града. Людие заутро видѣвше драгие вещи посланы, ни един же смѣя прикоснутися. Второго же дни, видѣвше их небрегомых, начаша пѣши ходити, на третий же день и ездити. Прииде же цесарь ко дщери и рече к ней: «Всего свѣта краснѣйшая, се виждь извѣсно, како людие новому дивятца и много молвятъ, а егда многими времени приидет, уже слово то ни на память примут». Рече ему с плачем цесаревна: «Отче, сию рѣчь, о нейже смущаешися, не точию по многом времени, но и в тысящу родов будут ю обновляти, повѣствующе. Вѣдай, отче, яко произволяю смерть, паче нежели срамны и скверны живот⁶». И сия рекши, отъиде. Во утрий же день иде в храм идолский богомъ жертву принести, да помогут ей тоя гнусости избежати. Егда же из храма в златоблещащемся одеянии цесаревна иде, к тому же приразися лучь солнца ко красотѣ лица ея, и такова благолична показася, недоумѣтелно бысть, кому и уподобити. В таковоѣй красотѣ видя ю цесарь отецъ, таковым от врага желанием уязвися, яко от разгорѣния паде на землю и, егда бысть вечер, прииде в храмину, идѣже живяще цесаревна, и сотвори с нею дѣло беззакония силою. Цесаревна же нача горко рыдая плакати и вопити гласом великим. Приидоша же ближнии ея и увѣдаша о семъ, увещевающе ю сие таити, да не болши молва зла будет в людех. Но и по сем цесарь отецъ от зла не отста, но всегда волю свою исполнял.

Слышаще же окрестных царствъ царевичи и королевичи о красотѣ и благоличии дщери Антиоховы, мнози покусишася пояти ю себѣ. Но Антиох, хотя волю свою исполняти, не хотя ни за кого ю дати, и повелѣ провозвестити по землях и царствах: «Сие возвещает всѣмъ великий цесарь Антиох еллинский, яко дщери своя никому в жену не дам, токмо развѣ кто отгадает мое гадателст-

¹ недостойный, бесчестный; ²⁻² добавил; ³ искушения; ⁴ молве; ⁵ тканей; ⁶ жизнь.

во; аще ли же не отгадает, повинен будет смерти». Слышаше же декрет, то есть извѣтъ цесарский, намѣрения своего престаша; но цесаревна толикия бѣ красоты, яко кто ея узрѣ, не постоит еже и смерть прияти. И мнози, покусившесе гадателство изъявити, вси обезглавлени быша; главы же их на распутях на колах взотчени на страх прочим, хотящим гадателство предложить и не могушим. Инѣх жа во вратѣх повѣси с написанием таковым: «Всякий, жалайя великого Антиоха прияти дщерь в жену, таковая постражет, яко покусивыйся несвойственному дѣлу». И тако много царевичев, и королевичев, и княжеских детей живота гонзнуша¹.

Тогда Апполон, тирский краль,* слыша неизреченную пресияющую красоту цесаревны и неявленное умышление гадателства Антиоха и о еже всем мнози смертная пострадаша, нача помышляти в себѣ, глаголя: «Кто сам не отвѣдает, како неявленная увѣдает? Гряди и вижду красоту дѣвицы и услышу гадателство отца». Бѣ же Апполон премудрѣ зѣло, и благороден, и благочестен, паче же в рыцарских науках мужествен и храбрѣ. Сказа же сию рѣчь ближним своим, и ²отрѣкоша ему², но Апполон не послуша их, ѣде во Антиохию ³в великомъ уряжении воинства³. И егда прииде ко Антиоху, и рече: «Здрав буди, благополучный, счастливый, великий и пресилный цесарю Антиоше! Аз убо приидох видѣти и поклонитися честному благообразию твоему и слышати премудрость твою; паче же ⁴аще волит благодать твоя⁴, да ⁵возьмѣю у тебѣ сродства любовь во имя сына⁵, еже пояти в жену прекрасную дщерь твою». Антиох же, слышав сия, опустнѣ⁶ и изменися лицом и рече: «Вѣси ли уставъ моего царства?» И рече Апполон: «Вѣм и зрѣх привисящих во вратех. Сего ради и приидох к твоему величеству, дабы твою премудрость сам слышал». И рече Антиох: «Мой декрет главу твою отсечет, но убо еси сынъ отца великаго, славнаго, желѣю же младости и доброты твоя; отъиди убо отсюду и ищи инаго приятелства». И рече Апполонъ: «Не буди ми паче тебѣ искати отца и дщери твоя жены, и не отъиду отсюду, дондеже увѣм твое гадателство». Антиох же всякими образы и вещми⁷ отсылая Апполона и не возможе и паки рече: «Возлюбленный Апполоне, дарю тебѣ твою главу, точию сам ю соблюди, не истязуя⁸ мое гадателство, отъиди». Апполон же отрече, яко хошет слышати и дщерь его в жену себѣ пояти. И рече Антиох: «Сие мое гадателство слыши: тѣло мое ям и кровь мою пию, сам ѣсмь зять себѣ. Отца дщерь жадает⁹ и видѣти не улучшает¹⁰, жена мужа не видит и муж женѣ быти не может». Слышав же Апполон таковое гадателство, поддержа лице свое дланию, бысть бо яко во ужасе и рече ко Антиоху: «Цесарю великочестный, како ми повелиши сие твое гадателство изъявити — тайно ли или яве?» И Антиох: «Скажи, — рече, — яве». Апполон же нача извѣствовати¹¹ гадателст-

¹ лишились; ^{2—2} отговаривали его; ^{3—3} сопровождаемый богато снаряженной свитой;

^{4—4} если ты пожелаешь; ^{5—5} найду у себя родственную любовь как к сыну; ⁶ осунулся;

⁷ способами; ⁸ не требуя, не узнавая; ⁹ желает; ¹⁰ не получает; ¹¹ извещать, возвещать.

во: «Великий цесарю, тѣло свое яси и кровь свою пиешь — се есть дѣло неприязненное твориши, яко со своею дщерию скверно дѣеши. Она бо от тѣла твоего и от крови, тако и зять еси себѣ, яко муж дщери своей. И дщерь отца имѣти желает и не улучает, яко мужа его имать, мужа быти желает и не имат я, отецъ еси ей и ты в мужа быти не имаши, яко отецъ, и кровь на кровь смесил еси». Слышася, Антиохъ възъярися люто презелным гнѣвом: «О Апполоне, главу свою погубил еси, яко гадателство мое по своей воле предложил еси, а не яже аз имам в моей мысли». И рече Апполон: «Великославный цесарю, вси сие мое извещение слышат, яко тако есть, но ты — праведный цесарю и правый судъ имаши; готов есмь к смерти». И рече Антиох: «Щажду твою юность и благородие честь, даю до утрия отречение смерти. Ты же о себѣ размысли и паки гадание мое разположи инѣм образом; аще ли же ни, главу твою повелю отъяти и тѣло псомъ предати».

Апполон же изыде от цесаря, размышляя в себѣ, како избыти смерти, — яко и гадание предложи, а смерти не убеже; и положи во умѣ бѣгством избавление получитьи. И тайно наят корабль, и в первы сумрак, оставя кони, вниде со всѣми своими, нача в корабль бежати. Заутра же сказа Антиоху, яко Апполон убеже. И рече Антиох: «Како может убежати, толикою дерзастию обесчестя нас, по своей воли предложив мое гадание?» И повелѣ учинити такову заповедь, яко аще кто жива ему Апполона приведет, дастъ 500 000 литръ злата, а кто главу принесет — 100 000 литръ. И таковую заповедь слышася, мнози поощришася сребролюбцы на поимание Апполона, не точию враги, но и друзи, желающе от Антиоха честь и дары великия прияти.

Апполон же прибеже в свой Тир* град, совѣтуя со своими и рече: «Не хочу себѣ ради и вас погубити, яко велий на мя Антиохов гнѣв излился, но отъиду от васъ». Граждани же вси плачуща, воли его повинушася. Он же повелѣ корабль насыпати пшеницы, и многое множество взя с собою злата, и сребра, и драгоценныхъ вещей, и вниде в корабль, побеже спѣшно. Егда же Апполон отъиде, прииде в Тир от Антиоха ¹клевоща ему шепотник¹ именованъ Тарбата и нача вопрошивати о Апполоне, извѣствуя его себѣ друга и якобы хочет приятелство ему показати. Извещение же от граждан прием, отъиде.

Апполон же прибеже ко граду Тарсу* и нача ту во граде жити. Бысть же в той земли тогда глад велий, куповаху бо пшеницы мѣру по 8 златыхъ. Апполон же откры корабль, повелѣ гражданамъ продавати пшеницы мѣру по 8 пѣнязь.* По разпродании же пшеницы повелѣ и пенязи возвратити, дабы его купцем не звали; и град Тарсъ предобро и премудре устрои. Граждане же таковое благодѣтельство от Апполона приемше, отца его себѣ нарицаху и за толикую его милость на честь и славу образ² его посреди града поставиша.*

Нѣкогда же Апполону изшедшу из града и ходя по берегу моря, в то время нѣкто Елавик, его земли славный человекъ, ѣха по морю. Узрѣ же Аппо-

¹—¹ доносящий ему наушник; ² скульптурное изображение.

лона, рече ему: «Здрав буди, Апполоне, кралю великий, известую ти заповедь о тебѣ Антиохову, аще и под смертию запрещено». Апполон же рече: «Скажи, друже мой и брате, кая о мнѣ есть заповедь?» Елавикъ же рече: «Таковую заповедь о тебѣ преложи: аще кто тя жива приведет, дасть ему 500 000 злата, аще же главу принесет — 100 000. Извѣствую же, яко и во граде имаши своем врагов многихъ, хотящихъ погубити тя». Апполон же дарова ему 500 000 злата, глаголя: «Между драгихъ всего сего свѣта дражая всего *здравие свое*. Ты же, яко хранитель живота моего, имѣй сие от мене, еже бы имѣти от Антиоха за невинную погибель мою». Елавик же не хотя прияти, глаголя: «Тебѣ паче должно мнѣ есть что принести, яко странствовати и бѣгати хочещи». И рече Апполон: «Ты ми преболшая дарова, а от мене, еже даю ти, приими». Приемъ Елавик, отъиде.

По сем повелѣ Апполон пристроити корабль, хотя плыти к Пентополю.* Внида же в корабль и отплы. Егда же бѣ в мори десятию денми, воста вѣтръ противный с полунощи¹, возбуди же волнение морское, и тако море восколебася и возбурися, яко отъя и вѣтриницы², и дровие прелома, и волнами море кораблем нача яко мечем играти. Прииде же преболшая волна, подъемъ корабль, опроверже и разорва его тако, яко ни едина доска со другою осталась, и вси людие истопша, такоже злато, и сребро, и драгие вещи. Апполон же, объемя корабленные доски, нача ея держатися неослабно и плы на ней три дни и три нощи. Увидѣвъ же нѣкоего рыбаля, иже рыбу ловит, нача, елико силы имѣ, вопити: «О человекъ, умилосердися надо мною, помози послѣдняя страждушу. Помилуй ниоткуда имущаго помощи, помози ми, утопающу». Рыбаль же немедленно приплы и взял его в свою ладницу, приведе его в дом свой, предложи же ясти и по сем повелѣ поспати. Егда же Апполон воста от сна, рече ему рыбаля: «Вѣдай, человекъ, яко по суду морскому раб еси мнѣ, понеже ты от смерти избавих. Но Бог ми сего не дай, еже озлобити тя, ничтоже ми зла сотворша, но приказую ти и даю се рубище лежит; возьми и преодежися, и иди в корчму на игру, и ищи своего получения³. Аще ли же лучши моего не сыщешь, прииди ко мнѣ, и аз всю мою нищету с тобою разделю». Апполон же, приодѣяся худыми рубищами, поклонися рыбаля умиленно, отъиде.

Прииде же во град, хотя итти в корчму. Тогда же в том граде земли тоя краль кипрскій именем Алтистратес шумерскими с чады своими и велможы науками утешается.* Апполон же ста издалеча, игры смотряше. Егда же Алтистратес, играя мечем, из рукъ его испусти, тогда подскочи Апполон да подаде меч благочинно. Краль же приим, поразумѣ о нем: «Не проста человекъка быти». И докончав игру, спрашивая о нем, кто есть таковой юноша, но никтоже зна его. Точию нѣцы сказаша, иже видяше его от рыбаля идуша. Призван же бысть рыбаля и, вопрошен, сказа токмо, како взя его от моря утопающа, а кто и каковой — не

¹ с севера; ² паруса; ³ счастья.

вѣмъ, — рече. И сказаша сия кралю. Краль же рече: «Аще и не вѣмы его, откуда есть, обаче службы его ради, иже показа нам, дадите ему одеяние и приведите сѣмо, да вечеряетъ с нами». И бысть тако.

Обычай же имѣ краль, еже ему ясти со дщерию токмо единою, иже бысть велми прекрасная и отцу утешения по их обычаем в драгих танцоводительствах. Тогда срам велий той дѣвице, которая такова учения не имѣла. Но великаго роду дѣвицы токмо пред отцы танцоваху, и то не по многу. Тогда по повелѣнию отца прииде кралевна Лучница во драгом одеянии и нача отца утешати тако благочинно и весело, яко всѣмъ, оставя вечеряти, и дивитися красотѣ ея и играмъ. Точию Апполон на ню не возрель. Тогда 'нѣкий сѣдѣй' рече Апполону: «Како ти ся мнит о тонцах прекрасныя сея кралевы?» Апполон же точию главою помовая², ничтоже отвеща. Видѣв же сия кралевна, печална бысть зѣло. Рече же ей отецъ: «Прелюбезная моя дщи, проси от мене что хочещи, и дам ти». Она же, показав рукою на Опполона, рече: «Отче, докуду сего вижю, весела быти не могу, ниже что от тебе просити буду». Краль же начат ю вопрошати, что есть противу ея вина его. Она же рече: «Како, отче, не вина? Все мя почтоша и похвалиша, сей же наругася мнѣ, посмеяся тонцованию моему». Краль же нача вопрошати Апполона, чего ради посмеялся кралевне, главою помовая. Рече же Апполон: «Кралю милостивый и великий, аз не кралевне ругаяся главою помовал. Она убо честна, благоразумна, благородна и прекрасна, но в тонцоводительствѣх ея *дивнаго* нѣсть, понеже сам аз премножа сего умѣю и болши изучил, нежели кралевна». И рече отецъ ко дщери: «Возлюбленная, никто того не отрѣет³, кто что в самом себѣ имѣет. Тому не удивляйся, но повелим ему показати свою хитрость⁴». И повелѣ же.

Нача же Апполон тѣшити краля и кралевну. Восприем гусли, толико благостройно звецая и благогласно, яко изумѣтися всѣм и удивлятися. Потом нача тонцовати таково благохвално, яко всѣм председящим вопити: «Лутчи попремногу сей человѣкъ умѣет, нежели кралевна». Кралевна же видя, зѣло возревнова⁵ учению Апполону, дабы *ей* тѣх поступокъ и устроения⁶ научитися. И возлюби Апполона.

Пришедши ко отцу, кланяяся благочинно и молит отца, дабы *ей* предал Апполона во учителя. Кралю же дщерино прошение улюбися, повелѣ Апполона приписати к ближним своим велможам и храмы⁷ на своем дворѣ особые ему дати. Восприем же Апполон кралевну Лучницу ко учению и учил со всяким прилежанием и скоро научи и наказа⁸. Не возрѣ же во весь той год пристрастно на ню, ниже она на него. Зѣло же возлюби краль Алтыстратес Апполона премудрости его ради и мужества; проувѣда же, яко бѣ и краль Тиру. Ноипаче же кралевна учителя своего возлюби.

1—1 некто из сидящих; 2 покачав; 3 не отвергнет; 4 искусство; 5 позавидовала; 6 искусства; 7 жилище, дом; 8 наставил, научил.

По сем превеликих родов и отецъ чада приѣхаша ко королевне приказыватися¹, понеже зѣло красна, и благородна, и премудра² въ еллинском наказании². Но отецъ, король Алтыстратес, не восхотѣ дати ни за кого, точию аще кого сама восхошет. И по многих приѣхаша два великия королевичи во многом уряжении и многолюдстве. Король же восписа листъ ко дщери: «Возлюбленная моя дщи, приѣхаша к нам нѣцыи благородны и благоплеменитии королевичи, хотяще, кого от них благоволиши, прияти тя в жену. Аз же обещахся тебѣ, яко быти сему по воли твоей. И се вѣмъ, яко дѣвицамъ есть природный стыд, еже дерзновено о семъ реши. Ты же мнѣ отпиши намѣрение свое и назнамени имя того, егоже изволишь, не точию же сихъ приѣхавшихъ, но нища ли или богата; нѣсть бо равна мнѣ в богатстве, нѣсть же и убога, дабы его не обогатил».

Восприим же листъ королевна от отца своего, прочет, розмышляя в себѣ, глаголет: «Естьли правду отписать, срамота ми есть, аще ли же не отпишу — велику тшету³ восприяти». Восприем же харатию⁴ и трость⁵, нача писати: «Отче мой предобрый, чадо премудрое веселит отца. Хошу, якоже годѣ⁶ тебѣ, тако да будет. Обаче прошу, — и написа: Аппо...». Возрѣ же мати ея в писание, рече: «То како ты, безстыдная, хощещи благородство свое постыдити и нас? Славные и великих родов презираеши, а убогаго морскаго утопленика изволяеши». Рече же к матери королевна: «Мати моя, ⁷на моемъ сие изволеніи лежит⁷. Не в богатстве любовь, ни во благоплеменстве, но в соизволеніи чесномъ и премудрости». И отшед от матери, написа: «Хошу за Апполона, аще ли же не тако, то за иного не посягну⁸». Тогда король восприем от дщери листъ, прочет, приѣхавшихъ изрядне учреди⁹ и отпусти; и без всякаго замедления учинил веселие, сочтал дщерь свою Апполону с великою королевскою честью и со славою. И живяху житие любезное и прерадостное.

По пришествіи же близгодишнаго времени нѣкогда поя Апполон Лучницу, жену свою, и идоша на брег морской. Тогда приплы корабль, на немже бѣ знамя тирское. Егда же Апполон знамя своя земли узрѣ, рече женѣ: «Се корабль из моя земли». Тогда корабленик, познав Апполона, возопи: «Здрав буди, великий нашъ государю, кралю Апполоне. Извѣствую ти, кралю великий: цесарь Антиохъ пораженъ бысть громомъ и со дщерію. Тебѣ же вси князи, и боляря, и вси велможи, и все государства возлюбиха, дабы былъ цесарь и государь великий. Нас убо послаша взыскати тя. Всии же ждуть тя с веселиемъ и со многимъ богатствомъ Антиоховымъ прияти». И вышедъ ис корабля, подаде ему листъ от всея земли.

Прочет же Апполон листъ и прииде ко кралю Алтистратесу, тестю своему, сказа ему вся и листъ показа. И прочет, рече слезен: «¹⁰Двоя мя обыдоша¹⁰:

¹ свататься; ^{2—2} в эллинских науках; ³ потерю; ⁴ пергамен; ⁵ палочку для письма; ⁶ угодно; ^{7—7} этот выбор представлен мне; ⁸ не выйду замуж; ⁹ одарил; ^{10—10} два чувства меня охватили.

радостная и печальная. Радуюся о величестве чести твоя, яко в мале прежде явленна бысть, ныне же совершенно увѣдах, яко великий еси цесарь, и яко за тако-го благороднаго вдал есмь мою дщерь. Печаль же мя лютая угрызаетъ, яко хошеши нас оставити. Но молю тя, премени намѣрение свое. Се вручаю ти — прими королевство мое». И рече Апполонъ: «Великий кралою, драгий мой отче, оставил царство мое неуправлено, того ради не могу сие сотворити, еже ми здѣ пребыти». И повелѣ устояти и украсити корабли.

Прииде же к женѣ своей, кралеве Лучнице, рече ей, показуя перстень: «Превозлюбленная и драгая моя жено, виждь и признавай сей перстень. Аз убо ѣду во свое отечество и царство. Мню же, яко кромѣ великих ратоборствъ не будет. Имѣй сей перстень в память любве нашея, поживи же у матери, дондеже по тя пришлю. Не вѣрь же ничему, токмо дай ми свой перстень, и аз его паки к тебѣ, дондеже время будет тебѣ быти, пришлю». Егда же кралевна Лучница сия услыша, бысть яко мертва, паде на землю. Егда же укрепися, горко рыдая, рече: «О презлое мое великое несчастье, что ми сие прилучение¹ принесет!» И рече кралою Апполону: «О возлюбленный, всего свѣта дражайши мнѣ, како мя хошеши немилостивно оставити! Аз же инаго утешения не имам, развѣ еже видѣти пресвѣтлое твое лицо. Сама убо изволих кроме всѣх за тя, с тобою хошу вездѣ быти. Аще ти будет радостная — купно возвеселимся, аще будеши в злополучии — купно претерпим. Готова есмь с тобою и умерети. Лутчи ми очима яже о тебѣ видѣти, нежели ушима слышати, яко болши прилагоютъ², нежели бывають». Рече же к ней Апполон: «Предрагая моя жено, ты убо еси ныне непраздна, а приближается и рождение; моря же бѣд не вѣси, како немилостиво бывает и люто. Поял бых убо тя, но о сем ужасаюся». Она же к нему рече: «Свѣте очей моих, есть ли бы была милость твоя к немощи моей, изволил бы убо еси и из далних стран приѣхати ко мнѣ. Ныне же, не дав назрѣтися мнѣ на ся, в злолютых и скорбных оставляеши мя. Но не буди сего; аще ли же ни, то сама ся убью». Рече же Апполонъ: «Аще инако не может быти, неразлучно во отечествие мое шествуем». Вземше же у отца благословение и прощение, со множеством богатства вседоша в корабль и отплыша, везущеся к Тиру граду.

Егда же уже два месяца пловуще, тогда кралеве морской смрад и колебание внутренняя возмутиша; приближися же и рождению время, но еже по естеству от моря бѣд пременися, смертная страдаше и в премногих болѣзнях и страдании породи дщерь. Егда же породи, бысть яко мертва, ³никоим же удом³ подвижна, ниже дыхание в ней обрѣтеся, и вси ю непшеваху мертву. И бысть плач и вопль великий в корабли о ней, паче же всѣх Апполон же рыдая, плача, горко сокрушая свое сердце. Море же паче лють возсвиръпе, яко лев, и всѣм смертию прета. Корабленицы же чаяху кралевну мертву и того ради, моря прещение⁴ извѣствующе, начаша Апполона молити, дабы даровал живот живым,

¹ случай; ² прибавляют; ^{3—3} ни единым членом; ⁴ угрозу.

глаголюще: «Аще не извержеши ис корабля мертвеца, то вси ¹без года¹ погибнем. Море же не прменитца, рекуще, в тишину, дондеже из себе мертваго извергнетъ». Апполон же з горкими слезами глаголя им: «О любезныи моя братия, молю вас да пребудет тѣло в корабли, понеже благороднаго великаго отца дщи, а не проста человекъ». Они же излиха² вопияху, ³воли его не попущающе³.

Проразумѣ же Апполон, яко инако быти не может (зане море паче яряшеся, людие же ожесточевахуся), повелѣ лодицу, еже у корабля, честно украсити и тѣло любезныи жены в драгое одеяние приоблещи, что ни имѣла с собою драгих утвореней⁴, все на ню возложити, и повелѣ ю положить в лодицу. Под главу же ея положи 2000 златых великих и листь написа таковой: «Ты, кто сие тѣло найдеши, да въси, яко сия кралевна есть дщи краля великаго, о ней же премного слез проляся и ныне есть печаль многим. Имат же под главою 2000 златых великих; возми убо себѣ, обрѣтси тѣло сие, а другую 1000 на погребение ея изживи. Но молю, заклиная промыслом Божиим, любочестно ю погребѣи, по царскому достоинству. Аще ли же кто обрящет, а не сотворит тако, да сотворит ему Богъ и сие да приложит: да не возъимет никоего добра во вѣки, дабы его нужда, беды, напасти всегда одержали, и никоеже его навеки *веселие* да постигнетъ, но да будет во вся дни своя в печали». И тако написав, положи написание в руку ея, обливаясь слезами над нею, сокрушаяся и лобзав любимаго мертвеца, с неутѣшным плачем и с превеликою жалостию по морю отпусти.

Тогда лодицу волны восприемши, птичним летанием друга друзей препосылаху и в третий день ко граду Ефесу* у брега поставиша. Прилучи же ся нѣкоему града того дохтуру именем Тиримону того часа изъити на брег моря, и увиде лодицу, повелѣ ю к себѣ привлещи. Когда же ю откры, узрѣ честную госпожу в драгоцѣнном одеянии лежащу, повелѣ ю изяти и в дом свой с честью нести. Егда же ю изыаша из лодицы, обрѣтошася под главою 2000 златых; узрѣ же в руку писание и прочетъ, рече: «Приемля сию на душу мою, и не едину токмо, якоже написано, в погребении ея истошу, но и другую. Себѣ же ничего взяти не хошу». И сия рекши, иде потребная погребению царскому купити.

В то же время прииде ученик его именем Силемон. И увѣдав, что в дому дохтурове творится, позрѣ же на тѣло, рече: «Таковаго мертвеца, якоже сей, никогдаже видѣх: лице не отменися⁵, красота не прменися, очи не впадоша, нос не обострися, плоть не отерпѣ⁶. Истинно есть живот в ней, но нѣкая ю лютая немощ омертвила». Посмотря же жил, рече: «О родителие, аще бысте мене у себе имѣли, не бысте любимаго мертвеца в море вовергли. И взем нѣкое составление, разтворив, повелѣ на четырех столпах хладничекъ⁷ поставити и тѣло наверху положити. Под хладничком же малый огнь складе и на огнь нѣкое коренне *возложи*, да тѣло согрѣется. Тѣло же все мастыи помаза, потом балсамами

¹—¹ безвременно; ² очень сильно; ³—³ желанию его не уступая; ⁴ украшений; ⁵ не изменилось; ⁶ не отвердела; ⁷ вероятно, «кладничек» — помост.

драгими. Когда же позна, яко природа силу приемлет, учинил ей чихание. Егда же чьхну, тогда же хладничекъ весь потрясется, и восприя духъ, разверзе очеса, едва проглагола: «Кто есть при мнѣ, не прикасайся до времени». Силемону же воздвиже ю, подав ей лехкое внутреннее лекарство, и бысть велми красна и здрава. Да не дивит же ся никто сей повести, истинною бо древнихъ лѣтъ се бысть, и в писании еллинскихъ творцовъ обрѣтется. Евреи же таковойъ обычай имяху: любезныхъ своихъ родителей до трехъ дней не погребяху, дабы душа от великия немощи и безсилия не утаилася. И врачевские книги о семъ извѣствуютъ.

Егда же иде, купив погребалная, дохтур Теримон, стрети его ученик его Селемонус. Прием же учителя под руку, приведе в храмину, идѣже бѣ кралевна, рече: «Зри, учителю, ейже строил еси погребалная, се жива есть». Дохтур же удивися, глагола: «Радуюся о величествѣ ума твоего и веселюся, яко *превозмог* еси во учении мене. Не мни, добрый учениче, зависти ми наложити око, но благодарю тя, яко возмоглъ сия сотворити. И да не будет твой предобрый трудъ вотще. Сия убо великая госпожа имать злато и дарствует тебѣ за лекарство животополучное 1000 златыхъ». И дадѣ ему 1000 златыхъ, ихже прия с кралевою. Другую же 1000 положи кралеве и рече: «Радуйся, здрава будучи, великая кралева». Она же рече, слезящи: «Здрав буди и ты, живоподателю¹ мой, и прими мя, сиротствующую и вдовствующую, в чадо свое, яко есмь великачестна роду и царска жена. Что же ми бысть — не вѣм, и гдѣ возлюбленный супруг мой». Теримон же утешая ю словесы и различными повестми, она же неутѣшно рыдая.

Живши же ей ту многое время, дохтур же Теримон имѣ ю яко свою дочь и нѣкогда помысли ей рещи, яко да посягнет итеть замуж, и рече ей о семь. Она же рече ему: «Отче мой, да вѣсть твоя любовь, яко завещахся пред Богомъ ждати моего государя, великого краля Апполона в чистотѣ. Мню бо его жива суща и о мнѣ люту печаль имуща. Аще ли же и в мертвых, не помышлю на се за величество славы его и любовь ко мнѣ». Слыша сия учитель Теримонус, с великою честию поклонися ей и упроси ю, еже стояти ей в болшей божнице вмѣсто богини или вмѣсто властелинии,* и кто ей будетъ служити, дабы в чистотѣ был; понеже в то время многобожие бысть и чистыя вдовы вмѣсто жрецовъ, се есть поповъ, употребляху. И тако Лучница целомудренная в божнице в великой чести пребывая, печалию же о Апполоне сокрушаяся и моля видѣти его.

Апполон же по лишении своя жены в жалости обещахся дванадесять лѣтъ ис корабля не исходити, но искати возлюбленныя своя супруги. В та же лѣта ни брады, ни главы голити, ни тѣло свое мыти завещахся.* И повелѣ нѣкогда корабль направити ко граду Тарсу. Приплы же к нему, ста у прежде бывшего своего дому господина именемъ Стрегвила, имуща жену именемъ Деонизию, и отдаде има дочь свою с великою жалостию. Даде же дщери вмѣсто матери

¹ спаситель.

нѣкую вдову именем Лигорию и много злата, и сребра, и драгих вещей, понеже в том граде воспитати ю умысли. Даде же имя дщери по имени града Тарсиса. И рече Стрелилу и женѣ его Дионизии со слезами: «Возлюбленнии мои и милостивии друзи, не имам на свѣте приятства, якоже ваше, и не иму вѣры никому, яко вам. Отдаю вам сие любезное единое чадо мое, послѣднее утешение мое. Молю вас, напомяните к себѣ любовь мою и милость, еже к вамъ имѣх и ко всему сему граду. Дайте ей милость и любовь отеческую у себе и сохранили ю, яко око свое». Они же приемши, такожде со слезами обещавшеся с клятвою чадо его с вѣрою хранити. Апполон же, плакав над чадом, лобзая, отъиде. Вшед же в корабль, нача жалостно по морю шествовати.

Тарсиса же кралевна нача в возрастъ приходити и со иными дѣвицами во училище ходити; и изучи всю еллинскую премудрость. Нѣкогда же прииде от учителя Тарсиса, мама¹ ея, Лигория, разболѣся к смерти. Сия видя, нача, горко рыдая, плакати. Лигория же нача ю вопрошати: «Вѣси ли, — рече, — чия еси ты дщи?» Тарсиса же рече: «Странвила и Дионизия». Лигория же: «Нѣсть, — рече, — сей твой ни отецъ, ни мати. Ты еси благороднаго отца дщи, великаго краля Апполона Тирскаго. Мати же твоя бысть дщи краля кипрѣскаго кралева Лучница. Родив же тя, предана морю. Здѣ же ты дана отцем воспитати. Отецъ же твои, ища матери твоей, странствует по морю». И сия известивши, Лигория умре. Тогда Тарсиса нача горко рыдати отца своего, и матери, и добрыя своя мамы. И по мнозем неутѣшном плачу погребе ю и положи себѣ завѣт: входя и изходя от училища, над гробом ея плакати. И тако всегда, шествуя во училище, такожде и изходя, рыдая, плача над гробом Лигории, на море же зря, — по матери и, помышляя странствие, — по отцѣ. И тако всегда в сокрушении бѣ и печали.

Прилучи же ся Дионизии нѣкогда итти из божицы. Дщи же ея Филамацѣя пред нею в драгом одеянии грядяше, Тарсия же за ними яко служебница² идяше. Видѣвше же людие, начаша глаголати: «Сия аще и не здѣ родися, но зѣло учтива и благообразна, а бна аще и предшествует, и украшена, обаче нѣсть достойна тоя чести». Услыша сия Дионизия, зѣло опустнѣ и опечалися, слыша безчестие своя дщери, и нача помышляти, како бы кралеву Тарсису смерти предати, дабы дщери безчестия не слышати. К тому имѣ же нѣкого раба на селѣ своем именем Феофила. Призва же его и рече ему: «Феофиле, слышахом о тебѣ много зла, яко мужа моего добра крадеши, к тому же покушаешися отравити нас, а дщерь нашу пояти и домом нашимъ завладѣти. Но муж мой тебѣ прежде к смерти предасть, нежели мы от тебе постраждем, — хошет тя предати нѣкому мучителю». Он же нача ротитися³ и клятися, яко никоего зла ниже сотворил, ниже помыслил. Рече же Дионизия: «Инако не будет, но аще хошеши смерти избыти, иди и убий Тарсису. Имати бо нрав: прежде бо ни ястъ, ни пиет, но ходит

¹ кормилица; ² служанка; ³ клясться.

во гробища плакати своя воспитѣвша. Ты же тамо предварив, утаися и уби ея. А когда тако сотвориши, испрошу ти свободу». Феофил же, бояся смерти, воли господини повинуся.

Егда же улучи время, иде и утаися между гробищъ. Егда же Тарсиса прииде, нача плакати и случшаяся оглаговати, узрѣв ея, ужасеся зѣло и рече в себѣ со слезами: «О злосчастный и бѣдный рабе, в кий час ты родися, яко в таково зло вдан бысть! О стужение злое и печали полное, како ми и за кую вину убити таково дѣвицу прекрасную, благородную и благоумную и пролити кровь неповинную?» Егда же плака и розмысля, яко инако невозможно ему сотворити, и, скочив, удари ю о землю и изем мечь, хотѣ ю подкнути, — дѣвица же Тарсиса нача Феофила молити тихими словесы девичьи нравы з горкими слезами: «Повѣждь ми, о человекче, за кую вину аз, бѣдная, таковой смерти достойна, ничтоже есмь сотворила, ниже ты знаю». Он же рече: «Тогда ти извешу, егда главу твою отымю». Она же паки рече: «О человекче, убойся великаго Бога пролияти кровь без вины дѣвицы, иже без отмщения не будет». Он же рече, плача: «Ты ми никоего зла не точию сотворила, ниже ты аз знаю, но слышах, яко отецъ твой вда с тобою, у нихже живеша, много злата, того ради повелено ми убити ты под казнию главною, дабы злато по тебѣ у тѣх совершено было всегда». Она же рече: «Молю тя, аще инако быти не может, даждь ми малое время плакати своя матери и приставнице¹ моей милой». Феофил же рече: «Плачи, и въждь: аз убо сия творю не волею моею». Егда же Тарсиса нача плакати неутѣшными и горкими слезами, тогда по прилучию подѣхаша разбойницы по морю и вышедши на брег и седяше. Увидѣвше же мужа стояща и мечь держаща, крикнуша, скочивше. Феофил же, узрѣв человекъ, побеже, и утече. И притече в дом, сказа злѣй своей господине, яко уби Тарсису. Разбойницы же взявше ю, привезоша ко нѣкому граду, рекомому Мельхину,^{*} и между иными куплями посадиша ю продати.

Прииде же блудницам начальный и корчмит купити Тарсису у разбойников, даде за ню 50 златых, введе же ю в дом свой и причта ко скверным дѣвицам нечистаго ради своего и злаго прибыточества. Тарсиса же, видя прелютое зло над собою, нача рыдая, горко плакати и глаголати: «О Боже, Боже мой, како мя прегоркую и злосчастную в злых моих оставилъ еси? О случаю злополучный, немилостивый, како на мя испустил еси своя стрѣлы и злосердым копием пробол еси мое сердце? О Боже, сие ми бысть за еже *есмь* паче всѣх согрешила, обаче нѣсть во мнѣ, ни в помыслѣ моем никоего зла хотѣния, точию молитва и книжное прочитание. Почто ми, Боже мой, родитися попустил и родившуюся почто с материю моею в море не ввергоша мя? О Феофиле, был еси ми страшен, обаче прелюбезен бы был, егда бы главу мою отъялъ. Лутчи ми, окаяннѣй, злая смерть, неже скверный и срамный живот!²» Узрѣвши же купившаго ю начальни-

^{1—1} кормилицы и воспитательницы; ² жизнь.

ка блудницъ, паде к ногама его, плача и моля, дабы на чистоту ея не поощрелся и дѣвство ея при ней оставил, и честь королевского чада не обругал. Рече ей ока-
янный блудницам началный: «Престани, не тому предана, дабы ти кая милость
была дана. Иди и сяди въ первых блудницах, украсившися. Не точию, яже за
тебѣ дах, хошу возвратити, но и сугубую цену твоею красотою имам добыти». И посадив ю, повелѣ по граду извещати, блудити хотящим, яко есть у него в блу-
дилище новая: таковая дѣвица, какой не бывало.

Услыша сия того града князь именем Антогор, прииде в дом блудницъ и
взем за руку Тарсису, введе ю во особую храмину к любодѣянью. Тарсиса же,
виде збывающесе над собою, и едина токмо со единым паде к ногам Антигора,
рече ему с великим плачем, горко рыдая: «О великий княже, преславнѣйшая
природа, ¹премози, иже по естеству похоти мысль¹, сотвори нрав славный, не
буди гонитель и обругатель крове царския, да Богъ за доброе сие, его же пока-
жеша ко мнѣ, сохранит чад твоих от толикаго злаго случая. Аз есмь бѣдная
дщерь великого краля тирского Апполона, иже в злключениях своих странст-
вуетъ по свѣту. Мене же даде воспитати во граде Тарсѣ, и емуже преда, той мя
повелѣ убити. У убийцы же разбойницы мя отъяша и продаша сему злому чеовѣ-
ку. Ты же, яко славный и благородный, честь мою, и чистоту, и дѣвство сохрани
ради вышняго промысла и всех царей, и кралей, и благородныхъ дѣвицъ, и чест-
ных жен, чистоту и честь хранящихъ». Услыша сия князь Антогор премудрый,
умилися к жалосному ея молению и рече ей с честью словеса утѣшительная:
«О славная дѣвица, истинная царевна, яко в толиких бедах сама в себѣ царству-
еши. Поклоняюся ти, буди здрава, буди тебѣ честь и слава вѣчная, яко в толи-
ких бедах честь снабдѣваеши² и чистоту любиши. Отселе аз, елико могу, буду
тебѣ усердно помогати, да дѣвство твое сохранитца. Приими от мене злата и дай
ему блудническому купцу, яко свою мзду у мене приемше. Аз же ему реку, что о
тебѣ творити». И изшедъ из храмины, преславная дѣвица даде своему злослав-
ному владыце приемшее злато у Антагара любомудраго. Изыде же и князь Анта-
гор, нача глаголати блудницъ начальнику, да дасть ему Тарсису на месяцъ, а он
ему дасть 100 литръ сребра, и да ни един кто от мужей не точию коснется, ниже
да видит Тарсису, развее Антагора. И скверноприбыточникъ он обещася и со-
твори тако.

Апполон же краля, отецъ ея, преходя по морю дванадесять лѣтъ, жалѣя
любезныя жены, приплы ко граду Тарсу видѣти дщерь и утѣшиться от печалей.
Увѣдав же сия приемый в соблюдение дщерь его Странгвилей з женою Диони-
зию, облекшися в черная, приидоша ко Апполону и рече Странгвилей: «Здрав
буди, кралю великий, а нам милостивый государь, извѣствуем же тебѣ печали
полный случай. Тарсиса, дщерь твоя, о нейже бысть вся надежа наша, умре. Мы
же от дне смерти ея доныне сѣтуем, черно носяще». Слышав сия Апполон, от ве-

¹—1 преодолей мысль, внушаемую похотью плоти; ² оберегаешь.

ликия печали горкия и многия слезы пролия и разда скудствующим многое богатство. Сотвори же завѣт паки десять лѣтъ ис корабля не исходити, но странствовать в несносной своей печали. Аще же кто речет ему ис корабля изыти, такому нога отсѣщи без милости. Вниде же в корабль, нача шествовати по морю с великою тугою и печалию. Воста же на мори вѣтръ велий, и по многом плаваннии принесе корабль к нѣкому граду, ношью егоже не познаваху; егда же бысть утро, вопросив же и увѣдаша, яко град Мелхий есть, в немже дщерь его продана блудничнику. Прилучи же ся тогда быти нѣкому по внѣшнихъ обычаю торжеству, и рече Апполон слугам своим: «Братия любезная, пристаните ко пристанищу града сего, понеже нынѣ день торжества, да примѣте нѣкое утешение, яко же и прочии челоувѣцы». Егда же приближися ко граду и сташа, обретоша множество кораблей, ибо в той день окрестнии вси съезжахуся ко граду торжествовати. Апполон же своим повелѣмъ сотворити веселие велие, глаголя: «Аще аз и в печали есмь, но сии да будут во утешении». И начаша слуги его ясти и пити, Апполон же седя во внутренних корабля, сѣтуя и плача.

Прилучи же ся князю града того оному Антагору изыти видѣти прибывшия корабли, и между многими узрѣ корабль преболши всѣх и во уряжении изышнем, обаче черными виды и вѣщи пристроена, и знак корабля черный. Прииде же к нему и видѣв корабля того челоувѣкъ благонравных и разумных, нача с ними бесѣдовати и веселитися; и вопросы их, кто есть их государь. Они же рекоша: «Есть государь нашъ благородный и благоразумный, но в печалех своих, имиже обдержим есть, сѣдит, немощствуя, во внутренних корабля». Антагор же рече: «Прими от мене кто от вас 2 златых и оповеси, дабы благоволил ко мнѣ изыти». Рече же един от них: «Князю славный, аще нам коему во своем княжествѣ возможеши вмѣсто отсеченой сотворити ногу за две златицы, то пойдем. Уставъ бо государя нашего сицевый есть: аще кто речет ему изыти ис корабля, такому нога отсѣщи». И рече князь: «Вам сий устав, а не мнѣ». И иде сам ко Апполону.

Прииде же и рече ему: «Здрав буди, предобрый и славный гостю, и да пременит Богъ вышний печаль твою на радость». И Апполон рече ему: «Здрав буди и ты, честный и добрый челоувѣче, а иже вся содержиши, честь твою да умножит». Виде же Анатагор, яко великий и славный мудрый челоувѣкъ, но в печали лютой омрачился, и рече ему: «Не положи на мя зла, славный мужю, хошу малыми нѣчто похвалитися. Аз есмь князь в сея земли; видѣх же и слышах, яко нѣсть радости, юже не постигнетъ печаль, и нѣсть печали, иже не приложится на радость. Како ты, добрая и мудрая вижду тя природы, в такову печаль вдался еси? Молю тя, повѣждь ми, кая ти скорбь и како прилучися?» Апполон же рече ему: «Благодарствую ти, великий и славный княже, на твоём утешении, но вѣси: кто печалну челоувѣку беды его воспоминает, то преболшее сокрушение сердцу его прилагает и болѣзнь обновляет. Молю твою державу: иногю ми слова о сем не прилагай, иди от мене в мире». Слыша сия Антагор, поклонися ему и изыде от

него, сътуа о нем с великою печалию. И много размышляя о сем, посла по Тарсису, юже искупи на месяцъ себѣ у блудоначалника. Прииде же, и рече ей: «Есть здѣ единый человекъ мудрый, якоже вижду, и славный в корабли, но в великой печали, от неяже сам себе погубити хошет. Аз же о тебѣ уразумѣх, яко мудра еси воистинну. Молю тя, изведи ми его ис корабля премудростию твоею. Аз же тя у твоего злаго господина на другий месяцъ искуплю тѣм же образом».

Тогда Тарсиса, поклоншися ему, иде. И вниде в корабль, рече Апполону дѣвическими стыдливими словесы: «Здрав буди, человекче славный и государю добрый, и да будет печаль твоя далече от тебе. Рече бо ся в писании: муж мудрый укрепляет свое сердце, да не внидет пакосник ума — уныние, иже его омрачает и в конечную погибель отсылает. Мудрии бо притчи разполагають и прилоги жития преразумѣвають». Апполон же пообвеселився в мале, рече ей: «Вижду тя дѣвицу благообразну и премудру в такихъ лѣтех и хошу глаголати с тобою, обаче не уразумѣши глаголь моих. Се даю ти сто златых, — возми сия и отъиди от мене». Тарсиса же, усрамясь, взя злато, отъиде.

Узрѣ же ю Антогор, иде противу ея и рече: «Тако ли ты мужа того ис корабля извела?» Она же рече: «Даде ми сие злато и отосла. Аз же устыдѣвшися и изыдох». Он же рече ей: «Или лутчи злато, а не еже хошу другий месяцъ избавити тя от осквернения?» Она же услыша сия, с великимъ срамом поверже злато на землю, рече: «Не хошу сего, господине мой, но слово твое преболши всего свѣта мнѣ богатства». Рече же ей Антагор: «Аще сотвориши ми человекча сего ис корабля, обещаю ти ся с клятвою, яко от злаго твоего началника свобожду тя».

Тарсиса же паки возвратися и, пришед, рече Апполону: «Возвратихся, славный господине великий, и принесох ти паки злато, и молю твою кротость: или злато восприми, или послушай гадание мое; и милостив буди, еже ис корабля изыти ти». Апполон же рече ей: «Лиско¹ хитрая, вѣм, яко хощещи мя привлещи, дабы с тобою глаголал. Злато храни у себе, яко вижду тя сиротну, и рцы, что хощещи». И Тарсиса рече: «Гадание есть: дом славный, всему свѣту надобный, той дом всегда кричит, господинъ же в нем молчит, з господином ходит и прибыли ему родит. Тамо муж без коня приѣдет, господина решеткою обведет, обведши, изведет, а дом решеткою утечет». Рече к ней Апполон: «Невелико твое гадателство, печаль же моя не дает ми реши, обаче слыши. Дом есть река, иже шумом своим яко кричит, господинъ, живущий в ней, рыба, яко есть безгласна, молчитъ. Тамо рыбарь кромѣ коня в лоднице приѣдет, господина — рыбу — сътью обведет, обведши же мрежею², извлечет, а домъ — вода — утечет». Рече паки Тарсиса: «Молю, без гнѣву слыши еще мое гадателство: дщи лѣса красного, возраста великаго; неразумѣющу слуги водят и окрестъ ея всегда ходят; много путем ходит, а слѣду не родит». Рече Апполонъ: «Дщи лѣса красного есть

¹ лисичка; ² сетью.

лодия, от древ великих сотворена. Слуги неразумъюшу водят — вѣтры, и окрестъ ея ходят по рекѣ или по морю. Путем ходит, а слѣду не оставляет». И рече паки Тарсиса: «Что же сие есть: дом в вещех не убогий, господинъ же, гости в нем наги, нѣкую вещь в руку имѣют, стыда не разумъют. Огнь и воду в дому продают, а кожды у себе даром дают». И рече Апполон: «Домъ есть мыльня, одежды многих имѣет, гости наги — то кто в ню мытися приходит. Вещь в руках есть вѣник, и стыда друг пред другом не имѣютъ. Тамо огнь и воду продают, а в домѣх своих всяк сие туне¹ имѣютъ». И сказав Апполон гадание, рече к Тарсисе: «Трое твое гадание известих, к тому ми не стужай, но отъиди». Рече же Тарсиса: «Приими свое золото, и аз отъиду». И рече Апполонъ: «Дивлюся дерзости твоей, колико со мною безстыдно глаголеши». Она же рече ему: «Нужда мя, бѣдную, к сему привела, яко продана есмь блудницам началнику. Аще же ты ис корабля изведу, Антагор князь обещался мене от сего зла свободити». Рече же к ней Апполон: «Отъиди от мене, не имам тебе ради обещания презрѣти». Рече же Тарсиса: «Вѣм, яко сицевые чести, якоже ты, милостиви суть. Но ты не явиши ли ко мнѣ милости, то возми свое золото; аще ли злата не возмеш, то еще ми изъяви гадание: четыре брата ровно бѣгают, ног у себе не имѣютъ, отца тяготу носятъ, ясти и пити не просятъ, алчюще гласят и напоями молчат». И рече Апполон: «И сие гадание с детми играя изучила еси: четыре брата — колеса; ног не имѣя, бѣгают, отца — возило — носят. Вѣдомо же, что милости не просят, и помазани молчат, а не помазани скрипят». И рече Тарсиса: «Благо тому гадати, кий умѣет изъявляти». И паки рече: «Кое сотворение: в немже ни пера вѣсу, тиснено и диряво, не ясть, усть не имѣеть, а в себе приемлет». И рече Апполон: «И сия, дѣвица, мудрость не из Рима; есть бо се губка морская». И рече Тарсиса: «Что есть: малого вида и малый служебникъ, лица не имат, а кто в него зреть, всего себе видит». И рече Апполон: «А сие есть зеркало. Но доселе и до сего часа аз тя чтил, ныне же к тому не хошу глаголати с тобою, к тому почти сама себе и отъиди от мене». И рече Тарсиса: «О благолюбезный чловѣче, аще не хоцеш ми ради, бѣдной и злосчасной, то ради горняго промысла и великия ради моея нужды, и сиротства, и многих бѣдъ² изыди ис корабля. И твоего ради изшествия мое достоинство будет сохранено. Помилуй мя, горкую, избави мя собою³ от обидших мя³». И сия рекши, приступи, хотя⁴ охапитися о нозе его⁴. Апполон же разгнѣвася, рече: «Аз убо и моим бедам, в нихже есмь, не могу помощъ, тебѣ ли помогу?» И отторже ю от себе ногою. Она же паде на землю до толика, яко крови из носа и из усть изыти. Укрепи же ся и нача горко плакати, нопомяная злошастие свое, глаголя: «О презлое злоключение мое, почто бѣдную тако крѣпко держиши? О мати моя, кралева Лучница, почто мя на свѣт породила, и по рождении почто не ввержена вкупе в море с тобою? О отче мой, кралю Апполоне, гдѣ

¹ даром; ² в рукописи после этого слова добавлено «и»; ^{3—3} от обступивших меня (бед);
^{4—4} обхватить ноги его.

ныне в печалех своих, не въдая зла случая чаду своему, мнѣ бѣдной? Оставил еси мя в Тарсѣ в воспитание Странгвилу и Дионизии, приятелема злыма. Тамо питательница моя Лигория от жития отъиде, аз же от Дионизии повелѣна убиена быти; избы же смерти, юже с радостію бы прияла, паче нежели ныне продана во вселютую смерть злых блудных дѣл началнику блудническу. Имѣла бых сама ся убити, но боюся суда самоубийць».

Егда же таковая ей глаголющи и горко плачющи, возревѣ Апполон, яко лев воплемъ крѣпкимъ, горко возрыдав, паде на дщери яко бездушнѣ и много вопия и рыдая. Егда же укрепися, зря дщерь, извѣствуяся о ней, обымая и лобызая, и от радости в познании, от слез же в злоключениях недоумеаяся, что глаголати. Возопи же великимъ гласом: «Приидите, братия моя и друзи и бѣдь моих сострадалцы! Возвеселитесь со мною, за еже возлюбленную мою единую дщерь, юже погубих, обретох». Услышаша сия, друг друга предваряюще, ко Апполону течаху. Притече же и Антагор князь, приятель и острегатель его дщери, и вси граждане. И бысть всѣмъ неизлаголанная радость.

Изыде же ис корабля и со дщерию, радостно слезяще, друг друга объемыше; и придоша в домъ приятеля своего князя Антагора. Упроси же его Антагор во еже в бани устрабитися¹, и сѣтованная пременити, и власы облехчити. И постави всѣмъ завѣт Антогор пиршествовати и веселитися с нима. И по веселии же мнозем преда и град свой и всю державу кралю великому Апполону. Апполон же, видя толикое его премное добро, по многом благодарении, яко прежде сродства любви показа любовь сына, даде ему дщерь свою Тарсису премудрую и красную в жену. И бысть женитва радости и утешения полна. Купивый же Тарсису без вести погибе.

По радости же поят Апполон царь зятя своего со дщерию и иде к Тиру во свое царство. Прииде же к Тарсу граду, игдѣ остави Тарсису воспитати, и по оповѣдании Тарсисы и извопрошением Феофила, Странгвилей и Дионизия прияша, яже Тарсисе показаша: по различным мукам главы их отсекоша. Оттуду жъ приплы во Ефесѣ град и изыдоша в первую кумирницу, идѣже Лучница началница; невѣдуше же ю. Егда же в храмъ идолский внидоша, узрѣ Лучница своего возлюбленнаго супруга грядуща и позна его; обаче, яко дщерь по руку ему идя, чая, яко жена его есть, и глаголя в себѣ: «Како такову младу поя?» Не хотяше же себе того ради объявити. Егда же к ней Апполон яко первейше властелинѣ прииде и преда венець злат приношение богомъ, глаголя: «Мати великая, помолися, даю сие приношение богомъ, яко дщерь мою возлюбленную обретох сию», указав на Тарсису, — она же восприемши, возложи венець на главу свою, сама же с принеможением едва от слез удержися. Прииде же и Тарсиса, подаде другий венець златый, глаголя: «Прими сие, честнѣйшая, в дар, яко даде ми вышний промыслъ обрести прелюбезнаго моего отца». Видѣвше же Ап-

¹ восстановить силы.

полон в венцѣ стоящу Лучницу, благородием и красотою сияющу, удивися и не-пщева ю быти богиню; нача же воздавати хвалу кумиром, глаголя: «Хвалю вас, бози, и тебѣ богине, яко отраду и утешение ми подасте, во еже обрести возлюбленную мою дщерь. Аще ли же бы сего мнѣ вы, милостивыи бози, не подали, во всеконечную пришел убо бых погибель. От младых убо есмь лѣтъ краля, оттоле жа и бѣдник злополучны. Прося убо нѣкогда у Антиоха дщери в супружество, судом его неправедным едва смерти избегах. Бѣгая же от него, плавая море, едва бѣдне не утопох, но вашею помощію рыбаем потопления избых и в Кипрѣ того ради замедлевъ. Тамо же мя едина славная дѣвица, дщерь краля Алтистратеса именем Лучница, прияла себѣ за мужа, и оттоле злочастіе мое преумножися. Егда неотторженою ея любовію идохома в мое отечество, от бѣдѣ моря в рожденіи ея смерти бѣдне разлучихся, и по смерти ея, любве ея ради, во всегдашнем унынии и печали, и отнюдь и до ныне весел быти не могу». Сия же ему глаголющу и горко слезящу.

Дожда же сего словеси Лучница, к тому терпѣти не возможе, но возопи гласом велиимъ, з горкими слезами глаголя: «О предражайший мой свѣте и прелюбезный государю, кралю Апполоне, аз убо жена твоя Лучница, дщи царя Алтистратеса!» Нападе же на выю его и многѣ час неразлучни плачуще. И егда укрепившеся, рече Апполон: «Во снѣ ли ми яже о тебѣ прелюбезная моя или на явѣ?» Лучница же отвеща: «Во снѣ убо без вести и яко смерти наведения друг о друге быхом, ныне же разбудихомся». Извести ему Лучница вся еже о себѣ, и по многом в познании друг друга плачю приидоша во всерадостное утешение. И изыдоша из храма богов и идоша в дом, идѣже пребысть Апполон. Слышавше же граждане, зѣло возрадовашеся и прославиша Бога всемогущаго. Повелѣ же Апполон Тиримонуса врача и ученика его Силемонуса призвати и дарова им премногия дары. И по сем в радости неизреченней с королевю Лучницею, и со дщерію Тарсисою, и со зятем Антагором шествова во свое отечество в Тир град.

Егда же к Тиру приближися, и изыдоша во стретение его мужие во урядстве изяшнѣмъ на конех; дѣвицѣ же лики во украшении лѣпотне полками; такожде и жены, и малѣйшая отрочата своею особою. И от радости старии и младии плакаху, и бысть приѣздъ его дивен, и славен, и страшен. Апполон же от великие радости что и чинить недоумеваяся, точию привѣт и милость являл и обещал. По семъ принесоша ему великие дары и собрание государства, иже по отшествіи его собравше, неизчетное принесоша.

Увѣдѣвше же антиохиане пришествіе краля Апполона, иже до дне пришествія его никомуже обещавшеся града отверсти. Тогда же молебнo писаша ко всѣм князем Тирской державы, дабы Апполона умолили быти им цесарем и государем и приял град их. И Апполон по прошенію князей сотвори по воли антиохиан, егоже цесарем учиниша и предаша ему многочисленное антиохово богатство. Зятя же своего кралем Тиру граду постави. Призва же и Елавика, прия-

теля своего, иже сказа ему заповедь о нем от Антиоха, даде ему великия дары и первосовѣтника себѣ постави.

По сем Апполон изволи ѣхати с кралевою, и со дщерию, и з зятем в Кипрь к Тирону граду, ко Алтистратесу, тестю своему. И шествоваша в славу велицей. Пребыша же тамо немало. И даде Алтистратес краль дщери своей Лучнице половину своего царства, другую же внуке своей Тарсисе. Повелъ же Апполон призвати оного рыбаля, иже избави его от потопления моря, и даде ему премногия дары и обогати его зѣло. По сем славный цесарь еллинский Апполон возвратися во Антиохию Великую и тамо живуще радостны животь с своею царицею. Прижит же с нею сына и даде ему дѣдне имя Алтистратес. Прииде же во глубокую старость, остави сыну своему свое царство. Сам же до кончины живе во истиннѣ и правде, и послѣдний день сотворися ему мирень.

ПОВЕСТЬ О ЦАРИЦЕ И ЛЬВИЦЕ

ПОВѢСТЬ ЗЪЛО ПОЛЕЗНА, ВЫПИСАНА
ОТ ДРЕВНИХЪ ЛѢТОПИСЦОВЪ, ИЗ РИМСКИХЪ КРОННИКОВЪ,
КОЯ ЦАРИЦА, МОЛЯСЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ,
СПАСЕНА БЫСТЬ ОТ СМЕРТИ

Бысть в палестинскихъ странахъ,* в нѣкоемъ градѣ велицѣ царь, благочестивъ и славенъ зѣло, имѣя у себя мать, поимъ себе жену, благочестиву и добронравну, бѣше бо образомъ лѣпа, и велми любляше ю, живяста оба вкупѣ, во страсть Божии по закону. Мати же царева завиствуя на царицу, невѣстку свою, яко любить ея царь и за добродѣтель ея почитаема бѣ от всѣхъ, и не любяше ея, и мысляше всегда во умѣ своемъ на ню пакость навести, и печашеся о томъ всегда.

По временѣхъ же нѣкоихъ благочестивая та царица роди чадъ своихъ, два сына-близнеца. Царь же о семъ радостенъ бысть, рождения ради чадъ своихъ, и востав, иде в церковь Божию с велможи своими, и нача молебная совершати Господеву о благополучении своемъ и о здравии чадъ своихъ, и моляше Бога, и благодаряше его с радостію. Мати же царева обрѣте тогда подобно время злобе своей и научениемъ вражимъ нача смышляти, да наведеть на царицу пагубу. Призва к себѣ от царевы полаты мужа нѣкоего, добродна тѣломъ, и рече ему с ласканиемъ: «Сотвори нынѣ повелѣнное мною, и азъ ти честь воздамъ велию и сподоблю тя велика сана, токмо сохрани мною заповѣданная крѣпъцѣ». Он же рече: «Что есть, госпоже-царицѣ, хотѣние твое?» Она же рече ему: «Иди нынѣ в полату к царицы, идѣже почиваетъ, и възлязи с нею на одрѣ». Он же рече: «Не могу сего не токмо сотворити, но ни помыслити на такое злое дело, аще царь увѣсть, что будетъ? Всяко убьетъ мя». Она же рече: «Не бойся, токмо послушай, азъ тя избавлю от руки царевы, и не сотворитъ ти ничтоже зла, вѣси бо, яко мощно ми есть. Послушай, сотвори волю мою, не вѣси, чимъ ты прославлю и почту». Он же велми отрицашеся, не хотя сотворити такова зла дела. Она же, злая ехидна, велми нудяше мужа того и прещаше¹ ему смертию, аще не сотворитъ тако, и многими муками прещаше ему. Он же отрицашеся и убоялся, немогий ея прещения преслушати, давъ ей слово тако сотворити.

---

¹ угрожая.

Она же, востав скоро, и веде его в полату ко царицы, предстоящимъ же дѣвамъ повелѣ отступить и заповѣда имъ, да ничтоже глаголють о приходе ея, прещаше им смертью. И откры завѣсу, идѣже царица опочиваше, по рождении младенцовъ спяше бо крѣпцѣ, от истомления и от напоения не чуяше прихода ихъ. Мати же царева повелѣ ему возлѣщи на одрѣ без гашь¹, он же, послушавъ злыя тоя и лукавыя змии-матере царевы, по повелѣнню ея возлеже на одрѣ к царицы безъ гашь. Царицы же ничтоже о семь вѣдушу и не разумѣ злохитрства свекры своея крѣпкаго ради сна.

Лукавая же ехидна и злокозненная змия в то время изыде от царицы ис полаты и скоро иде в церковь не по обычаю, якоже достоинъ. И пришедъ в церковь, необычно возгласи сыну своему царю: «Что тако радуешься и веселишися о рождении чадъ своихъ и молебная совершаеши, а не вѣси того, что твоя лукавая и лъстивая прелюбодѣица-царица нынѣ творить? Возлѣжить бо на одрѣ с рабомъ твоимъ и прелюбодѣиствуетъ, якоже обычей прежде. И тыя младенцы рожденныя не твоего зачатия есть, но от оного мужа, любимица ея, иже с нею на одрѣ веселится, и подобятся бо ему. А она лъститъ тебе по вся дни своими словесы и ласканьми. Ты же, убо простоумень, мнишы ю вѣрну быти къ тебѣ и любезну, мене же, матеръ свою, презираеши и не емлещи вѣры рождышей тя. Аще хощеши правду ея и мой глаголъ истинно увѣдати, иди скоро в ложьницу и видждь лукавыя твоя жены злое дѣйство, како тебѣ ругается и державѣ твоей на лицѣ лъститъ и ласкаетъ, аки вѣрна показуется, тиха, яко благодѣица, а по злодѣянню своему не токмо быти с тобою во царствии твоёмъ, но ни жити с тобою достойна». Царь же, слышавъ сия словеса от матере своея, ужасенъ быв о возвѣщени. И не дождався конца молебнаго пѣннѣ, скоро пойде из церкви со ближними своими к царицы своей в полату. И пришедъ внезапно, и видѣ у нея раба своего ближняго, лежаща на одрѣ без гашь, наполнився ярости и удари его мечемъ в сердце, прободе. Раб же той велми возревѣ и умре. Царицу свою повелѣ воврещи в темницу и с чады ея, ничтоже ей о томъ вѣдушу. И много время пребысть в темницѣ, блюдома и с чады своими твердыми стражи по повелѣнню цареви и питаема нужною² пищею. Царь же от полаты изыде, во мнозѣ печали и страсть быв, в недоумѣнии, срама ради. И размышляя в себѣ: «Что есть се, и како горкое сие измѣнение сотворися?» И много сѣтуя о томъ.

И по лѣте нѣкоемъ призва к себѣ въ полату бояръ своихъ и рече имъ: «Что подобаетъ царице сотворити?» Нѣцыи же от нихъ не мнѣша быти такову царицу, но не смѣяху глаголати, рекоша к царю: «Сердце бо твое в руку Божию есть, якоже той изволить, тако и будетъ». И по прехождении времени повелѣ изыти царь той внѣ града, на нѣкое пространное поле, и престоль царский устроити тамо, и степени, и сѣдолица властемъ. И повелѣ обратися властемъ и велможамъ, и всему сигѣклиту,^{*} и купцемъ, и всѣм жителемъ града того, и самъ

¹ порты: нижняя, исподняя одежда; ² скудной.

изыде вооруженъ и съдъ на престолъ своемъ. И повелъ молчанию быти и возгласи, и рече властемъ и велможамъ, и всѣмъ собравшимся ту: «Судите мя с царицею моею, понеже велие зло сотвори, и рцыте ми, что подобаеъ сотворити противу злу ея». Власти же и бояре, и вси предъстоящи единогласно рекоша: «Божия воля да будетъ и твоя, о царю, якоже вѣси и хощещи. Мы како можемъ судити государей своихъ?» Повелъ же царь ту вскрай народа уготовати огонь велий зѣло, и сотвориша скоро велий. Повелъ же привести и царицу ис темницы, и с чады.

Посланный же скоро шедше в темницу и обрѣтоша царицу, ницъ лежащу пред образомъ Господнимъ и Богородицы и молящюся со слезами, истомленну зѣло от поста и печали; младенцы же близъ ея бяху. Вземше же ю и ведоша ко царю, а чада ея несуще. Царица же, ведома, плакаше горко, глаголаше: «Создателю мой Господи! Ты вѣси, яже¹ суть, вѣси, яже ничтоже согрѣшихъ, о нем же осуждена есмь. Помилуй мя, Создателю мой, щедротъ ради твоихъ и сихъ ради младенцевъ незлобивыхъ; вѣси, яко царстии суть сынове, а не прелюбодѣйчища. Не вѣмъ бо, откуда найде напасть сия на ны, и любимаго ми государя души повреждение, лютыя ради клеветы сея». И паки глаголаше царица: «О всемилостивая Владычице, мати Бога и всѣхъ, нескверная Девице! Ты вѣси, Госпоже моя, яко не осквернихъ девства моего, ни брака царьскаго обезчестихъ. Нынѣ же что приключися, не вѣмъ се, прииде конечное поругательное осуждение, за высокоумие ли или кое иное погрѣшение мое. А я же глаголю: неповинна есмь, ты вѣси, Владычице всѣхъ. Помилуй мя в часъ сей и младенцовъ сих, сиротъ, ниоткуда имѣющихъ помощи. Аще ты не помилуеши, не имамъ, кому помолитися». И егда приведоша ю близъ царя, она приемше младенцы своя на обою руку и поверже пред ногама царю. Младенцы же оны осязюще руками младенчески за нозѣ царя, отца своего, играюще, понеже второе лѣто бяше по рождении ихъ. Паде же и царица на нозѣ царю, горко вопиюще, со слезами глаголаше: «Помилуй мя, владыко мой, царю праведный, погибшую нынѣ душею и тѣлом, а невѣдушу о сихъ, ничтоже сотворшу, яже есть глаголемое о мнѣ, и како прииде на мя напасть сия смертная и поругательная. Вижду, яко предлежит ми нынѣ повелѣнный тобою огонь и в честную руку твою мечъ, мнѣ же, бѣдной, укоризненная смерть. Ей, благий царю, свидѣтель ми небо и земли, паче же Создатель-Богъ, ими ми вѣру, яко такового зла не сотворихъ, ни помыслихъ во умѣ своемъ, во вся дни живота своего благая тщахся пред тобою, и сотворихъ по силѣ моей повинование, и совѣсть имѣхъ, якоже ты вѣси, якоже подобаеъ женамъ благочестивымъ. Помилуй мя, благий царю, господин мой, и не погуби мене нынѣ, смиренныя, погибаемыя напрасно, лють утомленную гладомъ и жаждею истаявшую, от печали сокрушенную, не имущую, гдѣ главы подклонити и у кого милости попросити, развѣ Создателя всѣхъ Бога, в того бо руку твое сердце. Владыко мой, пречестнѣйший мой господине, ей, во истинну живаго на

---

¹ что.

небесъ Бога, свѣдущаго всѣхъ тайная сердца, яко не сотворихъ любодѣйства, ниже помыслихъ на державу твою. К тому не имамъ, что глаголати, точию помилуй мя и даруй ми животъ. Аще ли невозможно, поне младенцевъ сихъ незлобивыхъ помилуй, не погуби ихъ со мною. Вѣрую бо, яко по времени извѣститъ ти Богъ, яко твое есть царское законное сѣмя в нихъ и мое, бѣдницы, законное рождение, а не прелюбодѣйчища. Извѣститъ ти свѣдѣй вся, да не будетъ сокрушение сердцу твоему ихъ ради. Остави ихъ жити, неповинни бо суть, младенцы бо есть». Царь же слышавъ от нея глаголы тыя и видѣ горкіе слезы ея и младенцовъ, пред ногама ползающихъ и охапающихъ руками нозѣ его, и помянувъ царицыну вѣру, яже къ Богу, и к нему добродѣтель и к человеку, и добронравие, воздержание и молитву, и к нему благий совѣтъ, испусти слезы. Слышав же и нѣкоихъ от бояръ, глаголющихъ между собою тайно, яко младенцы тыя подобни суть царю, отцу своему, во истинну клевета и неповинная бѣда царицы се есть. Велможи же и власти горко плачуще царицы ради, глаголати же не смѣяху на лице¹, матере его ради. И помолчавъ много, царь великимъ гласомъ рече: «Рцыте ми нынѣ, что сотворю страстницы сей, царицы моей, яко злѣ поругася царствию моему, видѣхъ бо очима моима зло сие, имѣхъ бо ю благочестиву и добродѣтелну, а обрѣтесе, егоже не чаяху, како имѣти ю хошу пред очима моима, а самъ видевъ таковое зло». Предстоящий же царский сигклить, и власти, и велможи, и вси бояре малъ часъ умолкоша, захлипающися в слезахъ. И паки с молениемъ рекоша ко царю, падше, поклонишася ницъ пред ногама его: «Мы, владыко, не смѣемъ много глаголати, токмо насъ послушай, благий царю. Отдаждь ей Богу судити, иже вину и правду ея вѣдаетъ. Мы вины ея не можемъ ни помыслити, а что приключися, Всевидящее око исправитъ. Послушай нас, благий царю, отпусти ю и с чады, младенцы малыми, даруй им животъ, якоже ты изволиши, не повели умертвити царицы и чадъ, отпусти ихъ, якоже ты волиши, понеже единъ Богъ вѣстъ всѣхъ человекъ тайная сердца, ожидаетъ обращения от всѣхъ. Аще бо и согрѣшила царица, то да покается, аще ли ни, то прославит ю Содѣтель² всея твари всещедрый Господь Богъ и Пресвятая Богородица и призритъ на младенцовъ сихъ, и еже хошетъ, сотворитъ с ними смерть или животъ. Токмо молимъ тя, не ослези насъ, всего царства своего жителей, горкимъ симъ осуждениемъ, а негли³ и ты порадуешся в приидущее время, и пристѣтитъ ти Господь Богъ и извѣститъ, яже суть о нихъ». Царь же в размыслѣ быв, и плачася, и видѣ царицу свою плачущую, и от печали и от истомления скончавающуюся пред ногама его, прежде осуждения смертнаго, и младенцовъ ползающихъ,⁴ ово к нему радостнѣ, ово⁴ к матери, подвизающе востати, немотующе⁵ языкомъ младенческимъ, зря на нихъ, умилися и повелѣ царицы дати мало брашна⁶ и проводити ю и со младенцы ея в пусто мѣсто, идѣже никто от живущихъ человекъ приходитъ, и тамо оставити повелѣ ихъ, глаголя: «Еже восхошетъ Богъ о нихъ, то

¹ открыто; ² Создатель; ³ когда-нибудь; ^{4—4} то... то; ⁵ лепечущих; ⁶ еды.

и сотворить». И тако печалень отиде в полаты своя. Мати же его радуящися и веселящися, яко улучи желание свое и исполни волю свою.

И тако проводиша мужие царицу в пустыню и со младенцы ея и обрѣтоша мѣсто, имуще дрeвеса, плодови́та многа, оставша ихъ тамо. Она же препочинувъ многи дни на мѣстѣ томъ, питающися от плодовъ земныхъ, моляше Господа Бога, и Пресвятую Богородицу, и всѣхъ святыхъ, плачущися и рыдаючи горко о разлучении царства и о поругании своемъ; благодаряше Бога и радовашеся, яко оставлена жити с чады своими. И по нѣколицѣ времени поиде с мѣста того с чады своими, и иде немало дней путемъ своим, и обрѣтоша при потоцѣ мѣсто сѣнно¹ и красно, и плодови́то. И нача ту жити, и пребывающу ей и питающуся с чады своими.

И нѣкогда возляже опочинути, прииде нѣкий звѣрь, зовомая лвица, и восхити у нея единого младенца, и бежа. Царица же, возбнувъ², зря несомы сына своего лвицею, от страха оцепене. И внезапно нападоша на лвицу ту птицы велицы, хотяху у нея от'яти младенца, и тако много брашася с нею, прогнаша ю во островъ нѣкий, и тамо уйде в пещеру. И пребываша ту, и не из'яде младенца онаго, но питаше его, якоже обычай ей бѣ. Царица же она, взя младенца другаго на руку свою и велми востенав горко со слезами, в жалости сердца глаголя: «Боже, Создателю мой, паки оставилъ мя еси, люте мучиму быти отлучениемъ чада моего и горкою смертию его узвихся?» И поиде во следъ звѣря того, правя путь его многое время. И обрѣте во островѣ ис пещеры исходяща лвицу и с чадомъ ея, и питающу младенца, и играющу с нимъ, и тешашу его. И порадовася царица, яко живъ есть сынъ ея, и благодаривъ о томъ и моляше Бога, и пребысть во островѣ томъ немало время, прямо зря на чадо свое и на лвицу. И по многомъ времени отиде царица от мѣста того и с чадомъ своимъ, а унесенное лвицею возложи Богови, во умѣ своемъ молящися о снабдѣнии сына своего.

И тако много время скитаяся по пустыни, взыде на гору високу, и узрѣ градъ велий, и возрадovasя велми, слава и благодаривъ Бога зѣло. И поиде со тщаниемъ на страну ту, идѣже градъ, и прииде близ его. И обрѣте человека, идуша по пути, и вопросы его о жителствѣ града того. Он же повѣда им, яко житель есть града того, и во градъ живутъ благочестивии христiane, а градъ той державы онаго царя, мужа ея, уразумѣ бо она от глаголь человека того, но далеко есть от царственнаго града. И повѣда себѣ она заблудившуюся с чадомъ своимъ и в пустыни скитающуюся боле двою лѣтъ. И моляше человека того онаго со слезами, дабы повелѣлъ ей в дому его поне мало время пребыти. Муж же той старъ бѣ, и благочестивъ, и искусень в вещехъ. Видѣ жену доброродну и в речехъ разумну, искусну в беседѣ, и одѣяние ея, аще ветхо и раздранно, но честно бяше, и уразумѣ ея быти непросту жену и чада ея, младенца, непроста же разумѣ быти. Он же приятъ ю с радостию и покояше ю и чадо ея, и велию честь воздавая имъ. Она же пребываше в дому его ³пять на десять³ лѣтъ. И изучи сына

¹ тенистое; ² пробудившись; ³⁻³ пятнадцать.

своего Божественному Писанию, и навыкновеню, и искусству, бяше бо и сама хитра божественнымъ книгамъ и всякому доброму навыкновеню. Отрокъ же, сынъ ея, бяше доброденъ тѣломъ, и прекрасенъ зѣло, и разумен, и дарова ему Богъ и силу велию. Мати же о немъ радовашеся и благодаряше Бога, храня тайну в сердцы своемъ. Благодетивый же мужъ той, у негоже пребываше царица, видя ю постящуся и молящуся часто, и о всякомъ блазѣ¹ прилѣжащу, и сына своего тому же научающу, и никогда же слыша от нея пустошныя глаголы, почиташе и храняше ю, яко мать, а отрока любляше, яко сына. И сперва бо той мужъ бяше воинъ храбръ зѣло и силенъ, и искусенъ в ратех. Имяше же в дому своемъ щитъ, и колчюгу, и шелом, и палицу, и копие, и вся орудия воинская. Сынъ тоя царицы ходяше во храмину ту часто и тѣ доспѣхи на ся возлагаше многаши, и ношаше храбрующи. Раби же господина видяша его, тако творяща, смѣющеся. И по времени нѣций от нихъ сказаша вся господину своему. Он же, слышавъ, възбрани им пакостити ему. И нѣкогда и самъ смотря отай² храброванія его, и уразумѣ, яко воинъ хоцетъ быти велий и паче его, и силнѣе, и благодаривъ Бога о томъ, яко наслѣдник хоцетъ быти храбрости его, и храбрѣе и силнѣе, не позавидѣ, но и паче чтыше и радовашеся.

По времени же нѣкоемъ, идѣже царствуя царицы оныя мужъ, а отрока онаго отецъ, и прииде на градъ той и на царство его царь нѣкий, славенъ и силенъ, имѣя рать с собою велику зѣло и многи храбры воины и силники³. И стояше под градомъ тѣмъ многое время, прося из града храбра мужа, дабы выѣхаль и брался с ними. Аще ли ни, то бы царство предали ему, чая не обрѣстися во градъ у нихъ воинъ силныхъ противо его храбрыхъ силниковъ. И прещаше⁴ имъ по вся дни люто. Живущи же во градѣ царь и вси людие велми ужасошася о томъ и убошася прещения царя того противнаго, не чающе у себе силныхъ воинъ противъ супостатъ. Сынъ же оныя царицы, слыша таковая и вѣдая, яко отецъ его царствуетъ во градъ томъ, нача молити мать свою, дабы его отпустила с молитвою и благословила ѣхати ко граду тому на свобождение и на отмщение сопостатъ онѣхъ. Мати же его моляше и възбраняше ему от таковаго начинания и глаголаше, дабы отложилъ мысль ту, еже разлучитися от нея. «Како, — рече, — хоцещи, возлюбленное мое чадо, на таковое великое дѣло дерзнути, егоже ради мнози силницы отбѣгають, страха ради ратнаго. Понеже тамо и неповинныхъ восхищаетъ смерть, от отцей и матерей отлучаетъ, и рыдание и плачь велий наводитъ. А мене ты, чадо мое драгое, како хоцещи оставити без утѣшения? ⁵Не вѣси ли⁵, что пострадахъ от чего, и во что приидохъ, и разлучихся царства и отца твоего пречестнаго и любимаго ми, и брата твоего, сына моего, в сокрушении и болѣзни воспитанного, такожде от мене злѣ от'ята, яко и ты мало распахтствуеши о нем. Увы мне, увy мне! Нынѣ хоцещи мене при старости, сиру и убогу, оставити без утѣшения». Отрокъ же онъ, слыша от матери таковая, с плачемъ паде на

¹ благе; ² тайно; ³ богатыри; ⁴ угрожая; ⁵⁻⁵ разве не знаешь.

нозѣ ея, моляся, глаголя: «Аще Богъ молитвъ ради твоихъ святыхъ спасеть, вѣруй, паки возвращуся. Мати моя, имамъ тя утѣшити. Не в руку ли Божию здѣ есмь азъ? Не можетъ ли тебе ради и тамо мя спасти? Токмо благослави мя и молитвуй о мнѣ». Муж же той, у негоже пребывава, видя отрока, у матери молящася о разлучении, нача ю молити и углаголавати утѣшительными словесы со слезами, а не вѣдаше тайны ихъ, глаголя: «Госпоже благородная и благочестивая, уразумѣхъ бо азъ, яко непроста рода есть ты, но благородна и благочестива, и непроста мужа жена, и что приключися тебѣ и чаду твоему, Богъ вѣсть. Мню, яко не истинну ми рекла еси, ¹ но ничтоже ми о семъ¹. Токмо молю тя, послушай моления сына твоего, отпусти его с миромъ и молитвою. Вѣруй, спасый тя в пустыни толика лѣта от звѣрей и от гаду, и от птиц, и от всякия напасти свободивый, и воспита младенца твоего, и приведый васъ на мѣсто сие, не можетъ ли спасти и тамо, в рати суща, и паки возвратити его к тебѣ и утѣшити тя, а негли имъ свободить царство наше, и проженеть² сопостать, и прославить имя свое святое на немъ; паче же и тебе прославить и утѣшить». Она же, слышавши таковая, отпусти его с миромъ и молитвою и слезами, сама же остася, прилѣжа посту, паче же и молитвъ. Отрокъ же онъ паде на нозѣ господину своему о упокоении матере своей. Муж же той обѣщася пред Богомъ все исполнити прошение его. И даде ему храбрая ополчения своя и воинский конь. И тако, молитвовавъ обще с матерью его, отпустиста со слезами. И тако поехавъ ко граду тому.

В то же время корабленицы идяху по морю и присташа ко берегу, ко острову оному, идѣже лвица пребываетъ, иже унесе сына царева. Изшедше ис корабля на островъ той и хождаху по нему плодовъ ради. И видяху слѣдъ звѣрескъ и человеческъ, и идоша путемъ тѣмъ. И узрѣша пещеру и приникше тамо, видяща лвицу лежащу и вскрай ея млада юношу и добродородна, лежаща. И удивишася велми, ужасошася, бѣжаша в корабль и протчимъ виденная повѣдаху. Сущии же в корабли, слышавше таковая, удивишася, хотяще истѣе увѣдати, совѣщавшеся, взявше оружие, поидоша на островъ той видѣти бывшее. И пришедше близъ вертепа того и приникша, видяща лвицу лежащу и вскрай ея юношу добродородна, лежаща нага. Лвица же зряща на нихъ тихимъ взоромъ и обращаху юношу зрѣти на нихъ, яко указуя. Корабленицы же удивишася, мысляху: «Что се хочеть быти? И како безъ испытанія хожемъ быти от дивныя сея вещи?» И возьмъ брашно добро, и метнувше ко лвице. Воставши же и юноша; лвица, взявше брашно, ядоша, взирающе на кораблениковъ. Они же метнуша ризу добру. Лвица же, взявши, одѣя отрока. Они же метнуша и опоясание. Отрок же препоясая и близъ лвицы сѣде. Лвица же воставши и поиде ис пещеры, толко скабляющися и веселящися, зря на кораблениковъ образомъ же, яко любезнуя. Они же ужасошася, отступиша от пещеры. Изыде же юноша в слѣдъ и поклоня-

¹—¹ но я на это не сетую; ² прогонит.

шеся имъ. Они же приглашающе его к себѣ, махающе руками, показующе брашно в сосудѣхъ. Он же приступи к нимъ близъ. Они же поемше юношу того и ве доша на корабль свой. Он же не противляшеся имъ, идяше. Лвица же в слѣдъ ихъ идуши. Корабленицы же ¹цку восходную¹ взявше в корабль, дабы оставити лвицу на брезѣ. Она же бредуши, вскочи на корабль скоро. Корабленицы же ужасошася, бѣжаша во един вскрай корабля. А лвица же, пришедши ко отроку своему и видѣ пред нимъ брашно добро, и нача ясти со отрокомъ тѣмъ. И насытився, преклоняше главу свою, ласкаяся тихимъ взоромъ и крабленикомъ тѣмъ придружашеся, аки молвити хотяше. Отрокъ же той кланяшеся имъ. Лвица же ляже ту на корабли. Отрок же иде х корабленикомъ тѣмъ и вземъ единого за руку, не умѣя глаголати, но немотуя, веде его ко лвице. Той же з боязнию иде по немъ. Отрок же повелѣ гладити лвицу. Она же ласкающися, придружашеся к ним. Корабленицы же удивишася зѣло, и тако единъ по единому придружашеся ко лвице и ко отроку и быша без боязни. И поидоша въ путь свой, брегуще отрока и лвицу, и тѣшаше ихъ. Отрок же мало-помалу навыкая языку ихъ и наукомъ и искусству, и сам глаголати начиная.

И Божиимъ изволениемъ приидоша ко граду тому, идѣже юноши того отецъ царствуетъ, и пристаха ко берегу, и идоша во градъ ко царю з дары своими. Царь же приять от нихъ дары и почте ихъ. Печаленъ бо бяше нашедшыя ради рати на царство его. Корабленицы же повѣдаша цареви, како на пути обрѣтоша лвицу во островъ и с нею юношу, добродородна и прекрасна зѣло, и разумична, и имѣють ихъ на корабли своемъ. Слышавъ же царь, удивися и повелѣ лвицу и юношу привести пред ся. Корабленицы же, шедше, привелоша ихъ ко царю. Видѣвъ же царь лвицы тоя кротость и взирание ласкательное и юноши того добродородство и красоту и искусство, яко многихъ человекъ превзыде возрастом и добротою, удивишася и почте кораблениковъ. И повелѣ лвицу в нѣкоемъ мѣсте хранити и питати доброю пищею. Юноши же тому вда одѣяние честно и устрои его пребывати близъ себе. Повелѣ же и ко лвицѣ приходити часто, да не унываетъ. Юноша же той веселяшеся, навыкая языку и искусству. По времени же нѣцыи видѣша юноши того храбрство, яко воинская тяжкая орудия пыташе, и крѣпкия доспѣхи на ся возлагаше, и храбро хождаше, обрѣтесе паче всѣхъ во градѣ храбрыхъ и силныхъ, и глаголаше: «Исшелъ бы на брань противо ратныхъ». И повѣдаша цареви. Царь же, слышавъ таковая, возрадовася, призва его к себѣ и рече ему: «О юноше, аще даде ти Богъ храбрость и силу на ополчение к ратнымъ, послушай мене, яко отца, и буди ми сынъ, бездѣтну сущу царю. Изыде из града на отмщение ратнымъ и способствуй намъ. Аще подасть ти Богъ помощь и возвратися, побѣдивъ, здравъ, азъ ти велию честь учиню. Аще будеши разумень и искусенъ в царскихъ вещехъ, устрою тя в чину сана». Юноша же поклонися царю, глаголя: «Богъ да поможетъ ми молитвъ ради твоихъ. Отпусти

---

¹—¹ трап.

мя противо сопостатовъ и даждь ми орудия воинская вся». Царь же возрадовася и повелѣ ему устроити, якоже хошетъ, и конь, яковъ ему годенъ. И помолився Богу и поклонився царю, изыде противо сопостатъ. И лвица она, услыша отрока того пошествие из града, растерза замки и двери и изыде ис храмины, идѣже хранима бѣ.

И егда приближися отрокъ к сопостатомъ и нача същи ихъ без милости. А лвица же такоже с нимъ вкупѣ ратныхъ угрызая и растерзая ихъ ногти своими страшно. Со другие же страны тѣхъ ратныхъ полковъ Божиимъ изволениемъ онъ царицынъ сынъ, иже с матерю во градъ воспитанный, в то время приѣхавъ и нача същи и побивати противныхъ без удержания, а не вѣдая того, яко братъ его съчетъ от града. И тако смятошася полцы, и силнии ихъ ни во что же быша. А протчии устрашишася, видяща лвицу храбрующу, а воини побивающе безъ удержания, и бѣжати от нихъ не могоша. Они же, два храбрыя воини-юноши, не вѣдуше другъ про друга, съхашася и увѣдаша, яко за едино храбруютъ, поклонишася другъ другу, глаголюще: «Богъ да поможет ти, брате, за молитвъ святыхъ своихъ». И тако побѣдиша вся воины противныя и храбрыя оны, ни во что же сотвориша. И видѣша рать побиену, и поѣхаша во градъ ко царю заедино. И ко граду ѣдучи, другъ друга братомъ назваша и во единомуше согласошася. А лвица же в слѣдъ ихъ идяше тихо и кротко, радующися. Юноша же той, иже царицынъ сынъ, вопросы другаго о лвицѣ. Он же глаголаше: «Яко матери ми есть». Царицынъ же удивишася и внимаше умомъ своимъ: «Не братъ ли ми есть сей, унесенный лвицею?» Внимая и храня мысль в сердца своемъ.

Егда слыша царь и вси людие градстии пришествие ихъ и увѣдаша о побѣде на сопостаты, царь же повелѣ велможамъ своимъ срѣсти ихъ внѣ града и почитити ихъ паче прочихъ. Сам же срѣте во градъ. Юноши же, слѣзши с коней, поклонишася царице. Царь же со слезами облобыза ихъ и возблагодаривъ ихъ, радовашася, и иде во церковь. Юноши же, держаша единъ под десницу, другий под шуицу, и идоша во церковь Божию, и сотвориша молебное пѣние Господу Богу, и Пречистѣй Богородице, и всѣмъ святымъ, и воздаша благодарственная. Сотвори же царь милостыню нищимъ и посещение темничнымъ. И вси людие царства того возвеселишася и воздаша хвалу Богу. А лвица же она в то время пребываша в припратѣ¹ церковнѣмъ. Царь же повелѣ ю в первую храмину и питати ю доброю пищею и покоемъ. Она же радующися, идяше, ласкающися к нимъ.

Сотвори же царь юношамъ тѣмъ, и боляромъ, и властемъ, и велможамъ радостныя тоя побѣды ради пиръ великъ и торжество. Юноша же, иже звѣри-нескъ сынъ именовашеся, почиташе брата своего, царицына сына, яко старѣйшаго, бѣше искушенъ Божественному Писанию и речевитъ зѣло, и всякому навывковению хитръ, и той на отвѣте и на вопросѣ пребываше. Пребывающимъ же имъ во единой храмины на упокоении, радующеся другъ другу. И тако по

¹ паперть.

многи дни торжество бяше и веселие в полатѣ царевѣ з боляры и велможи. И многими дарьми царь даривъ юношѣ тѣхъ и почтивъ юношѣ тѣхъ первыми мѣстами в сѣдании и хождении, и любляше ихъ велми, яко чадѣ своихъ, и моляше Бога, дабы и оне любили его, яко отца своего, бяху бо подоболчна юноши тья, яко братия. Людие же, зряху на царя и на отроковъ тѣхъ, удивляющися, яко подобятся царю виды своими, и разгарахуся у народовъ сердца к люблению отроковъ тѣхъ.

По времени же нѣкоемъ в торжестве на пировании разблажися сердце цареве и вопросы отрокъ тѣхъ, коего граду бяху и коего отечества. Юноша же той, иже от царицы оныя испросився ратоватися с сопостаты, воставъ, рече: «Азь, благий царю, не вѣмъ, каковъ бѣ отецъ мой, но слышавъ у госпожи святыя моя матерю, яко бѣ она царица нѣкоего царя благочестива и славна, живяше со отцемъ моимъ, мужемъ своимъ, в законъ Божию, в совершенной любви и союзъ, и храняста оба союзъ, якоже подобаеть мужемъ и женамъ благочестивымъ без порока. И бяше бо мати моя милостива и благочестива зѣло и любима бяше отцемъ моимъ, царемъ благочестивымъ, о немъ, и почитаема подначалствующими властью, князи, и боляры, и велможи, и всѣми народы добродѣтелнаго ради ея нрава. Имьяше же царь той, отецъ мой, у себе мать горду, и неблагогородну, завистливу и ненавистну, и тая убо бяше от велмож и от народа презираема за злонравие ея, бяше бо властолюбца. И завиствуя бо на матерю мою, яко почитаема паче ея от народа бысть, имя ея обношашеся во всѣхъ устѣхъ паче ея, матерю царевы. И искаше времени, да сотворить пакость матери моей, и возмердитъ ея сыну своему, а моему отцу, царю, и народу. И во многое время невозможно обрѣсти вины, всяко злохитрѣствуеши. Егда же Божимъ изволениемъ отецъ и мати моя зачаста насъ законно, и по времени роди мати наю, мене и другаго сыны, царю, и отецъ нашъ ради рождения нашего радостенъ бысть, иде в церковь Божию молебная совершати. В той часъ мати наша по рождению наю в полате почиваше, от истомления и от напоения спяше крѣпко. Мати же царева, окаянная баба наю, навождениемъ вражиимъ от зависти умысли, и призва от царицы полаты мужа, добродородна тѣломъ, а проста нравомъ, часто предстояща царице. И глагола ему ласковыми словесы, злокозньствуя, ово дары общевая ему, ово сановство велико, принуди его возлещи к матери моей на одрѣ без гашъ. А сама в той часъ скоро шедша к сыну своему, царю, отцу нашему, в церковь и рече ему: „Что ты радостная, царю, твориши торжество рождения ради чадѣ своихъ, а не вѣси того, что лстивая жена твоя нынѣ творить, в полатѣ с предстоящимъ тебе мужемъ онымъ прелюбодѣйствуетъ. И та рожденная чада не от твоего сѣмени есть, но оного мужа прелюбодѣйца, иже на одрѣ возлежит с нею. Аще ли не имеши вѣры, иди и виждь”. Отецъ же мой, царь, слышавъ таковая, оставивъ молебная пѣния, и скоро иде в полату к матери моей. И видѣ у нея на одрѣ лежаща служащего ему, возьмъ мечъ, пронзе его. Муж же той вскрича и умре. Мати же моя о сихъ ничтоже вѣде, возбнувъ от крича того и ужасеся, не могый,

что молвити. Отецъ же нашъ, царь, повелъ ю и с нами, с чады своими, в темницу всадити. Опечалися велми, не мня ю такову быти, якову обрѣте. Вѣдый же добродетелное нрава ея, вѣдая бо и жестоту матери своея, вскоре не умертви матери нашей и наю, но повелъ ю в темницы хранити и питати. И по мнозем времени хотя ю сожещи и с нами, с чады своими, и совѣтом царскаго сигклита и приятель ближнихъ и молениемъ властинымъ не умори наю, ни сожже. Но повелъ отвести в пусто мѣсто матеръ мою и наю, и сотвориша тако. Мати же наю увѣдев о бѣдѣ своей завистную клевету в темницѣ сѣдя, от стражей и от протчихъ, и возложи надежду на Господа Бога и на Пречистую Богородицу, моляся и благодарнѣ терпящи. Пребываше в пустыни плачуши и питаючи нас от плодов земных и отъ сосецъ своихъ. И доиде до нѣкоего потока и мѣста доброплодна, и пребывая ту немало время, и нѣкогда возляже опочинути. И в то время приде на нь звѣрь лють лвица, и восхити у нея младенца, брата моего, и унесе. Мати же моя по слѣду тому звѣрску идяше, плакашеся велми, и постиже во островѣ нѣкоем лвицу в примории. И видя сына своего у нея, брегома и питаема, и зря на него, плакашеся, приблизитися не смѣя. И отиде, скитающися по пустыни, возложи печаль свою на Бога. И многи дни гладомъ томима и жаждею, и зноемъ опаляема, и студению оскорбляема, ведый с собою и нося мене единого, и dospѣхомъ нѣкоего града. Из него же азъ нынѣ приидохъ, слышахъ рать сию, нашедшую на градъ сей. Мати же моя, егда прииде со мною ко граду тому, обита у нѣкоего мужа благочестива и нищелюбива, и престарѣла, и богата зѣло, и до сего времени, иже и мене сподоби бранными орудии». Царь же, слышавъ таковая от юноши, разумъ, яко быти ему сынове его, смятеся утробою, облияся слезами. И, помолчавъ, вопроси другаго юношу, рече: «А ты, храбрый юноше, откуда сей, и какова града и отечества?» Он же, воставъ, рече: «Азъ, царю, не могу довольно глаголати, понеже ненавыкновенъ есмь языка совершенно глаголати вашего. И не вѣмъ града есмь или отечества, но мало распаятствую, яко по пустыни ходихъ с женою нѣкоюю и отрочищемъ другимъ, и мню, яко мати ми бысть и братъ, но мало памятствую. Паче же нынѣ от словесъ его, сего юноши, вразумляюся. Унесе бо мя лвица у матере моя и внесе в пещеру свою. Азъ же от страха изумихся, и егда, отдохнувъ мало, востахъ, хотѣхъ бѣжати от нея, она же охавивъ мя, глядяше, ласкаяся, взираючи ко мне любезно, от'емлющи лизаше и не брежаше мя. Азъ же, видѣвъ, яко не вредитъ мя, но паче утѣшаетъ и питаетъ мя, и многаши по острову оному хождахъ. Она же во слѣдъ мене хождаше, и никому не дадыше мя вредити. В нощи же в пещеру ону идоша и почихомъ ту. Лвица же она питаше мя от сосцу своею, приноша же и плоды земныя, могущыя мя укрѣпляти. И тако жихъ с нею в пещерѣ до дне того, егда корабленицы они придоша и поемше насъ, и представиша мя пред тобою, пречестнѣйший царю, а иног о себе ничтоже вѣмъ». Царь же, слыша от юноши таковая, смущашеся сердцемъ. Князи и людие, слышаху таковая, распыхахуся сердцы в любовь к ним, зряху бо ихъ подоболчна отцу своему, царю, и глаголаху молкомъ другъ

другу: «Что се хочеть быти?» И паки царь вопроси перваго юношу, рече: «Да гдѣ нынѣ обитаетъ мати твоя?» Он же рече: «Царю, рекохъ ти, яко во ономъ градѣ у онаго благочестиваго и христолюбиваго мужа. И вѣмъ, яко нынѣ ожидаетъ мя по вся часы слезно, понеже обѣщахся к ней скоро возвратитися. Аще о царѣ своемъ, отцѣ нашемъ, и о царствии, и о сродницѣхъ, и отечествѣ всегда болѣзнуеть, слезящи, и о дѣтище своемъ плакаше, но о мнѣ веселящеся по вся дни, и от тоя скорби и печали утѣшение принимаше мене ради и онаго благочестиваго мужа и утѣшительныхъ словесъ. Азъ же согрѣшихъ нынѣ, умедлихъ во упокоении своемъ при державѣ твоей и наведохъ на ню такову скорбь, яко по вся дни и часы, слезящи, умирати ей, не токмо первых ради бѣдъ, но моего ради отшествия. И не вѣмъ, жива ли есть нынѣ или ни от таковыя надсады». Сам же, глаголя, плачася о матери своей.

Царь же, слышавъ от обою юношу таковая, воставъ, возопи гласомъ великимъ: «О возлюбленнии мои князи, и боляри, и велможи, и весь царьскій сигклитъ, и вси православные христиане! Днесъ радость моя исполнися!» И рече юношамъ: «Вы есте благороднии юноши, во истинну есте моя чада возлюбленная, законная, и от сѣмени моего рожденная, и от матери вашей благочестивой и добродѣтельной, царицы моей, возлюбленной и избранной. А отлучены со благочестивою матерію вашею ненависти ради вражия, завистию бѣсовскою». И падъ на выя ихъ, коемужьдо¹ плакася доволно². Плакаху же ся князи, и боляре, и велможи, и народи радостнымъ плачемъ, и возглашаху побѣдная Богови. Промче же ся слово от того часа по весь градъ, и слышашеся по торжищамъ и улицамъ великая гласования радостная. Глагола же царь: «Азъ ради *вас, чада моя, и матери ради* вашей и до сего часа скорбяхъ сердцемъ, печаловахъ же, во царствии живя и многая благая пред собою зря, богатство безчисленное, и славы велики, и всѣхъ предстоящихъ с трепетомъ поклоняющихся, никогда же совершенно возвеселихся, но утроба моя велми болѣзнава матери ради вашей и васъ. И до сего дни и часа инья себѣ царицы-супружницы не пояхъ, то ради надѣяхся на всещедраго Бога, милость и упование на него возлагахъ. Имите ми вѣру, Бог свидѣтель, не осквернихъ себе по вся дни своя блудомъ. И нынѣ, чада моя возлюбленная, вас ради возвеселихся душою и сердцемъ». Они же, храбрии юноши, слышавше таковая, падше, поклонишася царю, отцу своему, со слезами и радостію великою, облобызающе нозѣ его, и славяху Бога, благодарствующе, яко сподоби ихъ видѣти отца своего во царствии и славѣ величій. И в томъ часѣ бысть у царя того во всемъ царствии томъ радость велика и торжество о обрѣтении чадъ своихъ, паче же храбрыхъ и мудрыхъ, и о одолѣнии сопостать. И тогда убо цѣлова царь чада своя во уста и в главы. И поиде с ними в церковь Божию, послѣдствующе имъ князи, и боляре, и весь сигклитъ и народи. И сотвориша молитвенное благодарственное пѣние. И учинишася во градѣ томъ звоны вели-

¹ каждому; ² много.

цы и ликования страшна и велика зѣло. И повелѣ царь вскорѣ написати грамоты, и приписа своею рукою ко царице своей умилно, и посла сына своего, иже ею воспитанный, и даде ему и боярь своихъ, и князей, и сигклить со мноюю силою и богатствомъ. И тако вскорѣ поидоша со тщаниемъ.

Слышано же бысть матере цареви сия, яко обличися злоба ея, и паче ея прославися невѣстка ея, царица, и противъ ею бысть, по мысли ея, и срама ради и зависти невозможне стерпѣти, испивъ зѣлия люта и умре. Царь же, проводивъ, погребе ея по чину, якоже подобаеть.

Царевичъ же, храбрый юноша, и с полкомъ своимъ, дойде до града, идѣ же мати его пребываетъ. Вда ей грамоты цареви, отца своего, и положи предъ нею дары велики. Она же паде на выю его, плакашеся, едва от радости не умре. Сказаша же ей, яко вторый сынъ ея, иже восхищенъ бысть звѣремъ лютымъ лвицею, нынѣ живъ обрѣтесе во царствии отца своего, у царя, и о побѣде такожде сказа. Она же прочте грамоты цареви, и видѣ сына своего и слыша о другомъ, отдохнувъ, наполнися радости. И воздавъ благодарение всесилному Богу, поклоняшеся душею и тѣломъ, и сердцемъ, благодарствивъ, скоро воставъ съ сыномъ своимъ, идяше къ царствию с полцы своими с великою радостію, благодарствивъ же и одаривъ онаго мужа, у негоже пребываше в дому.

И егда услышано бысть, яко царица близъ есть царства своего, изыде же сынъ ея, царевичъ, иже звѣринескъ нарицашеся, со освященнымъ соборомъ, со кресты и со иконы, и с пѣниемъ. Возслѣдствующе князи, и бояре, и велможи, и вси людие града того со женами и з дѣтми срѣтоша ю внѣ града с великою честію и звоны великими. И поведоша ю сынове ея в церковь Божию. Прииде же царь в церковь прежде пришествія ея и срѣте ю в церковныхъ дверехъ, прием ю за десную руку и веде ю во церковь Божию. Царь же и царица не могуши стояти от жалости великия на ногахъ своихъ, но поддержими бяху чады своими и бояры. И тако сотворивше молебная пѣния и благодарственное торжество, цѣлова ю во уста. И поидоста в полату, и поклони же ся царица цареви и едва проглагола: «Радуйся и во вѣки живи». Царь же, похвативъ ю, облобыза, глаголя: «Прости ми, любимица моя благочестивая, по бѣсовской зависти в невѣднии согрѣшившаго и оскорбившаго тя, неповинну сушу». И сотвориша тогда празднество велие. Испроси царица у царя, еже отпустить осужденныя на смерть, и темничнымъ разрѣшение, и отдати долги должникомъ, и сотворися тако. И бысть во царствии томъ радость велия зѣло о обрѣтении царицы и чадъ ея. Царь же нача жити во царствии своемъ в радости велицѣ, паче благочестиемъ и добродѣтелию сияя. Слышано же бысть и по окрестнымъ странамъ слава и храбрость дѣтей его. Мнози же и данницы сотворишася им. Они же пребывающе благочестивно и благодарствующе, и славяше собравшаго ихъ вкупѣ Создателя своего, всещедрого Бога, в Троице славимаго, Отца и Сына и Святаго Духа. Во вѣки, аминь.

СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ ВАСИЛИИ КОНСТАНТИНОВИЧЕ

СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ ВАСИЛЬЕ КОСТЕНТИНОВИЧЕ, ПО ИМЕНИ ГРАДА КОСТЕНТИНА

Жилъ себѣ царь Василей в своем градѣ Костентине;* со женою своею живяше, а дѣтей у них не было. И нача Господу Богу молитися со слезами, *чтобы* им Господь Богъ далъ дѣтища, «наслѣдья царству моему». И царь беспрестанно на молитвѣ, и жена ево, царица Ирина, в трудѣх и в посту чуть жива ходит. Услышал Господь молитву царицыну: поради себѣ сына и нарекоша имя ему Костентинъ.* И во сне евися царице: «Береги сына чесно! Силнея ево не будет, а бусармановъ одолѣет!» И стала бѣречь чесно и селнея ево.

А царь ея Василий стал иную вѣру думать и не хочет молитися, и положил хулу на Бога, и послал послов своих в *Долматово* царство: «Великий государь, царь Долмать Евсеѣвичь!* Пишу аз, восточный царь, Василей Костентиновичь, тебѣ, царю, сице: хочу аз вашу вѣру принять, а своего Господа Бога вамъ на поруганья отдамъ. И вы придите ко мнѣ с силою». Токожде и в разные царства весть тайную *послал*.

И какъ весть пришла до тѣх неверных царей, то всѣ тому ради бысть, скоро пошли к царю Василью. И пришло с царемъ силы 40 000 да два богатыря, ростомъ трех сажень,* толстота ... сажен, очи — аки чаши, в оршинѣ у них носы, *усы* локтевые, главы котелные, бороды помельные. Другой царь с ним пришел, крымский ханъ; у хана силы двадцать тысящ, да с ним три черкашенина наемные,* велми сильны. Стали на Сионских горах,* и оступили Костентинъ-град, стояли пятеры сутки; а того в царстве *не знали* стали, и умов отстали, и не знали, что творити. А оне ждали от царя Христовой здачи.

И в те поры бояры пошли к царю и рече ему: «О злохульниче Христов! Что тако творити *хощеши*, предати Царя Небѣснаго, Христа Бога нашего, хощешъ отдати в руки?» Тогда царь нача их бити. И в той час возмутися народ, пришед, взя царя за руки и посади ево в тюрьму, в Спаской монастырь. А сами стали неверным лестъ чинить и кормъ подавать, а сами нача войска копить. И собра войска своего тритцать тысящ.

В той же час евися гражданином Мать Божья: «Подите, народъ, из града вонъ! Да поможет вам Господь Богъ побити неверных царей!»

Тогда князи костентиновския пошли на вылоску и вознесли руце на небо: «О Господи, Господи, Боже нашъ! Ты создал нам святое свое крещение, а мы *должны* истинне, верне служить Господу Богу! А раба твоя, государыня наша царица, к тѣбѣ вѣру держить для того, что намъ *царевича* мудра и сильна порадила!» И пошли в соборную церковь, и взяли со слезами на руки *образ*, и понесли на градовую стену, и поставили высоко, а сами рекли гласно: «О злогонители, Христовы хулники! Примите со града распятого Господа Бога!» И оне, злочестивыя враги, с радостию ко граду приидоша, и лесницы приставиша. И в той час *вышло* из града войско, и прогнали, и побили много.

И вышли Долматовы богатыри и хановы, и вбили во град войска, и заперлися накрепко. И сами просятъ Христа на поругание, и упросили, а сами идутъ по граду князи с плачемъ, пошли ко царице. И увидили ис темницы два разбойника: Перша да Ивашка. У Перши руки мѣдью проволошной перевиты, на ногах — сапоги соромятныя, потковы мѣдныя; а Ивашка на ногу припадывает, башмоки турецкия на немъ желтыя, чулки зеленыя, шелковыя, говорятъ, что в трубу трубятъ: «Великии наши государи, князи и бояри! Донесите наши слова нашей государыни царицы, что мы силу невѣрною двое всю положим и не станут творити пакости!»

И услышели князи, кинулися к царицы: «Государыня царица Ирина, скажем тебѣ повесть доброю! Есть у насъ в темницы сидятъ два разбойника, Перша да Ивашка, велми силны, хвалятся одни силу неверную побить, и царей от града отогнать, и за Христа пострадать, чтобы их ослобонить!» И царица рече: «Пожалуйтея, освободитя и приведетя ко мнѣ их, к царицѣ!»

И царица рекла им: «Ой еси, разбойники! Можете ль вы нас оборонить и за Христа пострадать?» И рече ей: «Великая государыня царица, Ирина Дмитревна! Нам глас с небеси явился, чтоб тебѣ при печали не быть, а царя твоего, мужа, Господь приказал смерти предать за то, что он призвал неверных царей и хоцетъ Христа на поругание им отдати, а тебѣ с сыномъ радостно царствовать во вѣки!» Потомъ царица возвела руце на небо: «О Господь мой и Богъ мой! Что воздам ти, твоему образу святому, толко рада воздавать хвалу тебѣ и радоватися о сынѣ своемъ! А что ты хоцешъ, тако и творишь!»

Пришед в то же время князи и бояры, и взяша из монастыря царя, и приведоша на место уготованное, и растопиша смолы, и роспяша ему рот, и влиша ему в рот, и предаша ему смерть; а сами взяли роспятого Господа Бога, пришли из града к неверным царям и рекли им слова: «Государи цари, Долмат и Ханъ! Аще ваши воины наших двух *разбойников* побьют, то мы распятого Господа вам отдадимъ; а если наши разбойники ваших воинов побьютъ, то вы отдайте свои царския главы намъ на поругания».

И цари тому ради сташа, что надѣютца на мочь своих воинов, приказали сходитися на мѣсто. Перша ухватил воина Долмата царя, а Ивашка взял друга-

го, царя Ханова, и разбили их смертно, такожде и последних воинов побиша, и силу их поплениша. Потомъ взяша разбойники царей живых в полон, и повели ко царицѣ и ко *царевичю* в град, на царев двор, а сила костентиновская неверными пожитками разбогатели.

А царица спрашивала у царей, и они сказали, что, де, «мы приходили по писму царя, мужа твоего, а послы нас послаша и к вам!» Потому царица и *царевичь* приказа с них снять головы и на колья посадить, а своих послов смерти предать.

И послали их в Турецкое царство, в Далмацкое царство, а князи итти в тѣ земли не посмеша, чтобы главы их такожде не поснимали, а послали двух разбойников з головами и да имъ честь боярства. И скоры послы пошли, и пришед, показали головы царицы и положили писма уличныя: «Приходили други ваши, такая же неверныя, что и той царь турецкой, хотѣли взять Господа Бога на поругание. И нашъ Господь на небеси жив есть, а образ ево у нас есть свят и милость нам подает невидимо, а на вас, бусарманов, побѣду посылает и главы с вас, неверных, снимаетъ».

Царь Салтанъ Салтановичъ стал велми яростень, аки звѣрь, свѣргъ бошмак с своей правой ноги и удари посла Першу в груди, и посол Перша стал говорить смела: «*Великий* государь, Салтанъ, царь *турецкий* и злохулник Христовъ! Что яростно зриаешь и бошмакомъ бросаешь и биешь? Пословъ даруют, а не биют!» И рече царь *турецкий*: «Аз стану за царя Долмата и за царя Хана, приду к вамъ, а царя вашего моладова в полонъ возму! Аще млат — научю ево турецкой своей грамотѣ и языку, а градъ вашъ разарю весь, а Христа возьму на позорище!» И рече ему послы: «Неразумный царь! Не видимъ мы такого человека на свѣте тебя глупѣя, что ты! Нашъ Господь Бог силенъ, а християномъ помощи подает, а на вас побѣду посылаетъ!» Потому пришли ево пажи и вельможи, рече царю Солтану: «*Великий* государь царь, Салтанъ Салтанович! Прикажи послов посадить в темницу, а своих послов пошли в Костентинъ-град и вели лестию прошать Господа их. Когда *младый* царь отдасть Бога своего к нам, послы принесут, тогда ему самъ отмсти и ругайся, что онъ невернымъ царемъ смѣялся!»

Царь Салтанъ послушалъ их совѣту, посадилъ послов констентиновских, а сам скоро отредил пословъ своих, а в листъ¹ писал *бесчестно* лукавствомъ: «*Великий* государь царь! Млад еси и величеством славен на земли!», потомъ: что «вашъ Господь Богъ силенъ и вам милость подает; имѣешь веру святую к Богу, такоже и азъ; прошу любовь творити, Христа почитати, а с тобою буду во единой вѣри!»

Царь Костентинъ и мать ево, царица Ирина, и всѣ тому ради были, скоро Христа понесли перед послов. И послы, видя Бога, и лукавством своимъ падоша пред образомъ на землю, и царь Костентинъ рече имъ: «Возмита образ Христа нашего и честно понесите царю своему и молитесь Христу нашему, то вам много

¹ грамоте.

милости подасть! Аще станете Господу Богу нашему ругатися, то Господь Богъ сошлет на вас побѣду!» И отпустил послов неверных. И скоро послы пошли в Царьград и подали Христа в руци царю. Царь радостень бысть. А в тѣ числа Ханова царица и Долматова царя царица пришли в Царьград к турецкому царю. И приказал царь Солтанъ костентиновскихъ послов привѣсти пред себя и рече им: «Верный послы! Хотите ль вы веровати нашимъ идоломъ и угодником, Рахлию и Бахмету? Дарую единому — царством Далмацким, а другому — царствомъ Ханским, и станим в любви жити, а вѣру станимъ нашу *хранить*, а Христа вашего станимъ ругать, такожде что и вашъ царь над нашимъ цари!» И отсече Господу главу и на коль взаткнул, а самъ рекъ слова: «Скажите мнѣ правду! *Есть* ли у вас такія же воины и *выручат* ли онѣ Господа Бога своего?» И рече послы, а сами прослезились: «О *невѣрный* и злонечестивый царь! Хотя ты образъ Христов ругаешь, а Господь станет за свой ликъ, и скоро жди на себя побѣды! И приидеть самъ нашъ царь Костентинъ и станет за Бога, и тебѣ отмститъ!» И царь яростно на них зриша, а самъ рекъ: «Возмите, пилаты, и распнитя их!» И рекли ему бояры: «Государь царь Солтан, пожди царя, либо скоро будет, а пословъ посади в темницу!»

И посадили накрѣпко, и пала вѣсть от кораблеников к царю Костентину. И царь Костентинъ скоро пошел к матери своей с плачемъ и почал у матери прошатца. Мать и сынъ поднявъ руки на небо, слезно милости просятъ, чтобы дал Господь помощи на враговъ и *отмстилъ* бы за свой святой образ. И в ту ночь явился ангель, и рече царю: «Вот тебѣ конь! Доиди во град Солтанов, отмсти зло за зло, и тебѣ Господь силу и смѣлость Христось прислалъ!» А в конѣ — *воловья*¹ глава, а во лбу — звѣзда свѣтит.

И *царевич* взделъ венецъ на главу, и наряд доброй златой, и мечъ с каменемъ, и *шеломъ* с каменми дорагими, и взял юношъ с собою сто человекъ, и сѣл на агелскаго коня, аки ангель, и поѣхалъ съ юношами своими борзо к Царюграду. А мать ево за ворота провожает, а самъ за городам с матерью прощаетца; и положила на перси ево чепъ златую с каменми, и привешень крѣсть поклонной с мощами, и благославила ѣхать днем и нощию.

И какъ приѣхал ко граду, сталъ съ юноши своими думать: ко царю прямо ли ѣхать, или вѣсть подать. И поѣхали на *царевъ* дворъ прямо на пречюдныхъ своих коняхъ.

Приход царя Костентина к царю Солтану на дворець: приѣхалъ, слѣз с коня и стал на рундукъ подперши, и узривъ Христа своего: на коль глава ево Божия. Стал плакать: «О Господи, Боже мой! Что мнѣ воздать царю за твой святой образ? Хотя я самъ пропаду, а за тебя, Христа своего, стану!»

И поѣхалъ со царева двора съ юноши своими, и спрашеваетъ у людей и даетъ ребятам по залотому: «Гдѣ сидятъ послы костентиновски? Аз хошу имъ милостыню подать!» И ребята указали.

¹ воловьѣ.

И *царевич* приехалъ ко темнице, а *сторожей* всѣх побилъ смертию, а сам рекль: «О вѣрные мои, здравствуйте! Аз к вам пришелъ на взыскание Господа своего, и *ваше*, послов добрых!» Трудные¹ и по голосу царя не poznали и рече: «Кто ты таковъ, нам глаголешь?» И рече: «*Младый* царь аз вашъ, Костентин Васильевич!» И тому онъ ради. И царь их выпустилъ, и онъ падоша на землю царю со слезами, и царь имъ даде по каню доброму, и поѣхаша с послами и съ *юношами* в двор царевъ. Сами с коней слезли, и взяли с кола главу Христову и положили в ковчегъ *златый* и с *крестом*, с честью, а сами пошли в полату цареву.

И у царя много народу. И рече ему царь: «Кто ты таков? Вшел бѣз даклады, а шелому своего з главы не снимаешь!» И рекъ царь Костентинъ: «Аз пришел к вам, босурманомъ, хошу аз вас всѣх погубити за своего Господа Бога и за пословъ своих!» И царь *Салтан* завопил гласомъ: «*Есть* ли у мѣня воины многия? Прикажете пилатомъ смертию всѣх казнити!» И рекъ царь Костентинъ: «Великъ есть Христось нашъ! Не выдасть нас невѣрным!» И выняв мечъ свой, и пресекъ пашей всѣх, и силных богатырей, и от крови их полата кровию натекшу. А царь и царица падоша пред Костентиномъ. И рече ему царь: «О государю царю! Аз *согрѣшил* пред вашим Господемъ Богомъ!» И рече ему царь: «Проси ты, царь, у своего бога, идола *Ирахлия* и Бохмета, тѣ вас спасутъ от руки моя, а мой Христос отмститъ против своей главы — твою главу сняти!»

И вывел ис полаты вонъ, и поставил на место, и снял с него главу пред всемъ народом, такожде и з боговъ их снял и заткнул на колья пред всемъ народом. И взмутился народ турецкой: собралися множество много народу неверных, и наступили на царя и на послов. И тут царь Костентинъ пресек, аки птенцовъ малых, и пустиша кровь их, аки воду, а сам поѣхал царь на царев двор, и пошли в полату, и увидили царицу Долматову и дочь ея, велми *прекрасну*. И взял дочь Долмата царя и послал в царство разбойника Першу. И Перша с листомъ пришел и справил за царя Костентина, для того, что царь ево «взял вашу царевну за себя!»

И стал Перша царствовать в Долмацкомъ царствѣ, а Ивашку-разбойника послал в Ханова царства. И тот такожде справил, и дань наложил, царю бы онъ, Костентину, служили. А Ивашка жить в неверной странѣ не захотел, и царь посадил ево в турецком царствѣ.

И жил Костентин три месяца, и взял Костентинъ казны и кареть, и повес с собою царевну; приѣхал в дом *свой*, встретила мать ево чесно, и понесли главу Христову в соборную церковь, и венчалися с царевной, и стали жить честно и радостно. И поставил в царствѣ столпъ среди града, что Господь Богъ показал чудо над бѣзбожными турки и татары. И в тѣх градах устроил столпы, и дань ево взял, а сам живет славно отнынѣ и до вѣка сего. Аминь.

¹ пленники.

СЛОВО О БЛАГОЧЕСТИВОМ ЦАРЕ МИХАИЛЕ

СЛОВО О БЛАГОЧЕСТИВОМЪ ЦАРЕ МИХАИЛЕ

Бысть во Цареграде царь Михаил, благочестивъ и славенъ зело во всѣхъ странах. И родися у него конь велми чуденъ и грозенъ. И ни кто на него не смѣяша сестъ, царь на немъ не ѣздиша, в желѣзной конюшне стояше, повинных¹ к нему мѣташе. И повелѣлъ царь Михаил во Цареграде клич кликать: «Хто б царевъ конь укротилъ, чтоб могъ ѣздить царь Михаилъ на чудномъ и на грозномъ конѣ?» И розошлася вѣсть по всѣмъ градомъ.

Слышав же то Московские области извоздникъ² нѣкто, имянем Василей,* и прииде во Царьград. И виде царя Михаила, к вечерне идуша, и воскричал извоздникъ, и рече: «Великий царю Михаил! Яз грозново коня твоего укрочю, что имешь ты, царь Михаилъ, ѣздить на грозномъ конѣ!» И слышевъ же то, князи и бояре и отбиша ево прочь и рекоша: «Али в *тою* пору во Цареграде нѣтъ ни в князех, ни боярех, кому укротить грозново коня!»

На утре ж увидевъ извоздникъ царя, к заутрене идуще, и возопил великимъ гласомъ: «Великий царю, яз конь твой излечю, что ты, царь, имешь на конѣ ѣздить». Царь же слышавъ и рече: «Аще так сотворишь, яз тебя учиню вторымъ царемъ во Цареграде и дам тебѣ половину Царяграда,* и князей, и бояр, и велмож».

Извоздникъ же поклонився царю и поиде к желѣзной конюшне, гдѣ конь стоит. И ударивъ кулакомъ по замкомъ — замки всѣ с пробоев долой спадоша. И вниде в конюшню, и ухватил коня одинова призаромъ³ за ухо, и бысть конь кротокъ и смиренъ. И положилъ на конь узду, и оседлал грозново коня. И всед на него и поехал, и объѣхал около Царяграда трожды. И виде коня тиха и кротка и, приѣхавъ на царев двор, воскричал громко: «Великий царю Михаил, чудной конь твой тихъ, и кротокъ, и смирен. Вели на него положить конской нарядъ». Царь же Михаил со князи и з бояры своими видев грозново коня и много дивовася, и повелѣлъ конской наряд положить. Извоздникъ же рече: «Великий царю Михаилъ, всяди на грозной свой конь, тих и кротокъ». Царь же вседе на

---

¹ провинившихся; ² конюх, возчик; ³ яростно.

конь и поѣха по царскому своему двору, князи же и бояря, и велможи много дивяся царскому на коне сиденью и чюдного коня течению.

Царь же Михаил, велми радостень и весель, повелѣть чюдново коня поставить въ воденой кандуле¹, а извознику повелѣл подле своего царского двора царской двор устроить. И нарекли извозника царемъ.

По немнозе времени извозника посадиша на царскомъ престоле и платье царское на него возложиша, и венець царской на главу ему возложиша, и скипетръ царской в руку ему дасть. И дасть ему половину князей, и бояр, и велмож, и половину Царяграда. И заповѣда всѣмъ, ево повелѣлъ слушать. Тогда же извозникъ воцарився и бысть грозень велми. Все князи и бояре, половина Царяграда, славят его во цари всему Царюграду.

Некоторые князи, и бояря, и велможи старого царя благочестиваго, пришед, царю своему рекоша: «Посаженика твоего славят всему Царюграду царем, а тебя, благочестиваго царя, и не слышетъ». Царь же Михаил слышавъ и посмеявся, и повелѣлъ царя Василья, посаженика своего, к себѣ на пир звать.

На утрий же день оба цари у заутрени и у литоргѣи быша. И какъ убо время кушать царю Михаилу, послалъ вѣсть ко царю Василью. А самъ царь Михаилъ сяде на престоле своемъ царскомъ и повелѣлъ многимъ около себя быти княземъ, и бояром, и велможамъ. Царь же Василей поиде ко царю Михаилу на пир, а с собою не много взяше князей и бояр, и вниде в полату, гдѣ царь Михаилъ на своемъ на царскомъ престоле сядя. Царь же Михаил не воста с мѣста своего противу царя Василья, посаженика своего, и повелѣлъ царю Василью с ноги башмакъ сняти и опять на ногу свою возложить. Царь же Василей рече: «Не подобает царю царя розувать и обувать! Царь царю по достоянню честь воздает». Царь же Михаилъ рече: «Аще не снимешь башмакъ и опять не возложишь, велю тебя казнить». Царь Василей не могъ ничемъ отнята² и сотворил ухищрение: снял башмакъ с ноги и опять возложил. Царь же Михаил встал, сшѣлъ с престола своего царского и сяде за стол кушать. Царь же Василей исшед во свои хоромы, за стол ко царю Михаилу не пошел.

И пришед в свои хоромы, и начал велми сердитовать, аки левъ ревуше. И повелѣлъ к себѣ всѣмъ своимъ княземъ и бояромъ быть тотчасъ. Князи ж и бояря всѣ съѣхашеся. Царь же Василей начал имъ жаловатца: «Князи и бояря и все велможи! Царь Михаилъ зазвал меня к себѣ на пир, яз к нему пришел, и он меня заставил себя розувать и обувать и меня тѣмъ обесчестилъ. И вы мнѣ придумайте, какъ мнѣ отомстить царю Михаилу позор свой». Князи же и бояре, и все велможи рекоша: «Великий царю Василей! Подобает тот позор отомстить: единому живу быти, а другому мертву». Царь же Василей, слышав, повелѣл к себѣ всѣмъ быти от мала и до велика в третьемъ часу ночи, всѣмъ вооруженным.

¹ Слово неясно; возможно, это испорченное *кодола* — неводной канат (кодолить коня — пустить на вожже); ² уклониться.

День проиде, бысть ночь. Царь Михаил ляже опочивать, а князи и бояря вси поѣхаша коиждо¹ по себѣ. И бысть третей часъ ночи. Ко царю Василью съѣхашеся, царь же Василей, вооружася, поиде на царя Михаила. Ко вратомъ царскимъ прииде, пятьсотъ стрелцовъ побил. На дворъ вниде, а на крылце и в сѣнях болши пятисот побилъ. И прииде гдѣ дверямъ полаты цареvy, и выломиша двери, и вниде в полату, гдѣ царь Михаилъ почивает. И прииде ко царю Михаилу, и вынявъ мѣчь свой, и хотѣлъ царю Михаилу главу отсѣчь. А царь Михаилъ опочивает, а руцы его на *выш*. Царь же Василей тялъ² мечемъ и отсѣчь обѣ руцѣ. Царь же Михаилъ проснувся от сна и рече: «Царь Василей! Судить тебя Богъ со мною, что ты мнѣ за добро зло воздал!» Царь же Василей ужаснулся и побежал ис полаты вонъ. Изменники же царя Михайловы возвратиша царя Василья и рекоша ему: «Царю Василей! Аще ево ныне не докончаешъ, утре тобѣ тою же самому смертию умереть». Царь же Василей возвратився в полату и отсече царю Михаилу главу. И повелѣлъ ево тое жъ ночи похоронить по достоянню по царскимъ, бутто своею смертию умер.

А на утрии же день повелѣлъ столбъ высокъ сотворить и повелѣлъ в вѣчный колоколъ звонить, чтобы к столбу вси цареградские князи и бояре съѣхались. Тот же часъ съѣхались всѣ. Царь же Василей вниде на столбъ и нача велегласно говорить: «Князи и бояря, и вси цареградские мужи! Царь Михаилъ царствовалъ во Цареграде единъ много лѣтъ, а меня сотворилъ над половиною *Царяграда* царемъ, а самъ царствовалъ надъ другою половиною. А ныне царь Михайло преставился, и яз его похоронилъ чесно. И вы кого выбираете на другую половину во цари?» Князи жъ и бояря, и вси цареградские мужи рекоша: «Царю Василей! Коли царь Михаилъ преставился, кому другому быть? Ты единъ царь, буди надо всѣмъ Царемъградомъ царь». И всему Царюграду прославиша царя Василья царемъ. Царь же Василей, извоздникъ, всѣмъ Царемъградомъ владѣя многое врѣмя.

---

¹ каждый; ² ударил.

СКАЗАНИЕ О ДРЕВЕ ЗЛАТОМ И О ЗЛАТОМ ПОПУГАЕ

Бысть во Цареграде царь Михаил благочестивъ и богобоязливъ. Велики быль к Богу подвижень: святая святых созидалъ, сосуды золотые и серебряные во церкви поставлял, церкви пресвещенные воздвизалъ¹ и монастыри строил, и грады зиждалъ². И бысть у него древо золотое, и ветви у того древа золотые и серебряные. А на томъ древе птицы поют различными гласы.

Слышевъ же многие цари и короли про то золотое древо и посылаху пословъ своих во Царьград з дары бесчисленными ко царю Михаилу благочестивому, и прошаху у него, чтобы дал древа золотова посмотреть. И послы приидоша во Царьград и поклонишася благочестивому царю Михаилу, и дары подаша, и прошаху у царя древа посмотреть. Благочестивый же царь Михаил велѣлъ дары принять, а послом повелѣлъ древа посмотреть. И послы же видя древо и дивяся много. И поклонишася царю, и пойдоша во свою землю ко царемъ и королевемъ своимъ. И пришед, все по ряду³ поведоша.

Цари ж и короли слышавъ от пословъ своих про золотое древо и много дивяся. И умысливъ, совѣтъ сотвориша, хотяху у царя Михаила древо золотое отставить. И отрядиша иных послов своих и послаша во Царьград, и повелѣли давать за золотое древо города и именья многа. Послы же приидоша во Царьград з дары и поклонишася царю Михаилу, и рекоша: «Великий царю Михаилъ! Цари наши и короли нас прислали к тобѣ, великому царю. А велѣли тобѣ говорить и у тебя просить древа золотова. А велѣли тобѣ, царю, давать много городовъ и имѣнья много». Благочестивый же царь Михаилъ велѣлъ дары принять, а посломъ повелѣлъ древа смотреть, а на города и на имѣнья древа золотова не отдал. И рече царь Михаил посломъ: «Рките⁴ царемъ своимъ и королевемъ: цареградский великий царь Михаил велѣлъ вамъ говорить: за что царю Михаилу золотое древо отдать на города и на именья? Во Цареграде древомъ золотым царь сла-

---

¹ строил; ² возводил; ³ по порядку; ⁴ скажите.

вень, зело изобилень во всемь одними дарами». Послы же поклонишася царю Михаилу и пойдоша во свою землю ко царемь своимь и королемь. И сказаша все по ряду, что царь Михаил приказал. Цари же много дивяся.

По мнозе же времени благочестивый царь Михаил преставися от царствия своего, и на ево мѣсто во Цареграде сяде на царство царь Левтасар. И бысть пьющъ велми, всю царскую казну пропил *цареградцкую*. И князей и бояр много казны взял, все то пропил. Церкви пресвещенные разграбил, сосуды серебряные из церквей поимал, все то пропилъ. Монастыри разграбил, да уже нѣчево ему пропить. Дограбився до златово древа, и все древо златое розламал, и все то пропил.

И некоторого вечера веселяшеся со князи и бояря, пьюще и тѣшася велми. И слышавъ, что древа златова одна ветвь. А на той ветви золотой попугай говорит человеческимъ голосомъ, что сей де нощи царю Левтасару напрасною¹ смертию умереть. Царь же Левтасар рече: «Князи и бояря, слышите, что золотой попугай говорит?» Князи же и бояря рече: «Великий царю Левтасар, слышимъ».

Царь же Левтасар возревъ² на подволоку³ и виде много множество на подволоке рукъ человеческихъ пишуща, а лицъ не видитъ. И велми царь Левтасар ужаснулся и рече: «Князи мои и бояря, видите ли, что на подволоке руцъ человеческии пишут, а лицъ не видеть? Некоторые⁴ волхвы чары на меня нанесоша». И повелѣлъ в вестовой колоколь звонить,^{*} и проповѣдникомъ повелѣлъ по улицамъ ѣздить, чтобы все князи и бояря, и все мужи ѣхали на царевъ двор веля чюда смотреть.

Тот же час съѣхашеся весь град на царевъ двор, и начаша ходити смотреть чюда в полату по десяти человекъ. Руки же не бояшеся никого, пишуще харатей⁵, из руки в руку подаяше. Аки буря великая шумяше от харатей в полате. И рече царь Левтасар: «Князи и бояря, и все мужи градцкии! Что у меня в полате велие учинилося? Нѣкоторые волхвы чары на меня нанесоша». Князи же и бояря все рекоша: «Великий царю Левтасару! То намъ чюдо несвѣдома. А свѣдома то чюдо Данилу пророку. Данил пророк живет в монастыри, от Царяграда шестьдесятъ поприщ».

Царь же Левтасар повелѣ послать тотчас по Данила пророка. Посланик же къ Данилу пророку приеде и з Даниломъ пророкомъ стал во Цареграде, у царя в полате, во мгновения ока. И сказаша царю про Данила пророка. Царь же встретилъ среди полаты пророка Данила и рече Данилу пророку: «Что в полате у меня велие чюдо явися? Нѣкоторые волхвы чары нанесоша».

Данил же пророкъ виде: ангельские руцъ пишутъ. И бысть трепетень⁶ велми. Пророкъ же Данил рече: «Великий царю! Не волхвы чары нанесоша на тебя. То пишут ангельские руцы действо твое, царю: что ты царскую казну пропил, святая святых разорил, сосуды церковные, златые и серебряные, из церк-

¹ внезапною; ² посмотрел; ³ потолок; ⁴ какие-то; ⁵ грамота, пергамен; ⁶ задрожал.

вей поимал, то все пропил. Монастыри розграбилъ, бояр и всяких людей ограбилъ, то все пропил. И золотое древо все то пропил. Царьград да и вы, цари во Царьграде, ото всѣхъ царей и королей з древомъ золотымъ чесны и славны были, и весь Царьград изобилень был древомъ золотымъ. Сей тебѣ ноши напрасною смертью умереть».

Царь же Левтасар со гнѣвомъ повелѣлъ Данила пророка посадить в темницу, а сам повелѣл себя стеречи всему царству, чтоб к нему смерть не пришла. И начал он в полате своей един пребывать, толко с ним Дарей Менденис. И дасть ему копье свое, и приказал ему, никою к себѣ в полату не велѣлъ пускать: «Хто станет царскимъ имянемъ пролыгатца¹, убей ево, не вѣрь ему». — И повелѣлъ ему у дверей стоять.

А самъ царь Левтасар легъ опочивать и уснул три часы. И проснулся от сна, и посмотрел в окошко на двор, и виде на дворѣ огненное пламя, оружное блистание человеческое и говор. И воста, поиде ис полаты сторожи² смотреть. И увидеша царя вси с трепетом. И походил царь по двору и виде: крѣпко стерегут. И рече: «Как хочет смерть пройтить ко мнѣ через такую крѣпкую сторожу?» И вниде в полату свою.

И ляже опочивать, и заснул шесть часов. И будет девятой часъ, и проснулся от сна. И поиде ис полаты сторожи смотреть, и виде: крепко стерегут. А Дари Менденис не слыхалъ, какъ царь ис полаты вышелъ.

Царь же Левтасар походилъ по двору и пошел в полату свою. Царь отворил дверей, хотел войти, Дарей же Менденинъ вспрынул³ с копьемъ и скочил ко дверем. И рече: «Ты, смерть, почто идешь сюды?» Царь же рече: «Дарей, не убей, яз царь Левтасар». Дарей же рече: «Не царь ты — смерть, пролыгаешся царскимъ имянемъ». И ударилъ его копьем, и прободе его навсквозь. Царь пал мертвъ. Дарей же посмотривъ на царской постеле царя и *не* найде. И посмотрилъ у дверей и виде мертва царя. И бысть в великой кручине.

И бысть же утру, солнце настало, востече⁴ велми красно. А ⁵Царьград во тме совлеченъ царскою кровью⁵. Князи же и бояря поутру пошли ко царю здравствовать: «Дай Бог, здрав был за нашу сторожею». И внидоша⁶ в сени и увидеша царя мертва. И ужаснувся весь Царьград. И рече к Дарию: «Что есть великое чюдо учинилось?» Дарей же Менденинъ все по ряду рассказал, какъ царь приказал. Князи же и бояря, и вси граждана рекоша: «Богъ такъ изволил! Что хошеть, такъ творить».

Царя же по достоянию погребли чесно, по-царски, а Дария казнили. И рѣкоша все: «Проклят тотъ, хто государской убийца».

¹ лгать, называться чужим именем; ² стражу; ³ внезапно вскочил; ⁴ поднялось; ^{5—5} Царьград повержен во тьму из-за пролитой царской крови; ⁶ вошли.

ПОВЕСТЬ О КОРОЛЕВИЧЕ ВАЛТАСАРЕ

ПОВЕСТЬ О ВАЛЪТАСАРЕ КРАЛЕВИЧЕ, КАКО СЛУЖА НЕКОЕМУ ЦАРЮ

Бысть в некоей странѣ град великъ и славенъ зѣло. И в том градѣ бысть царь велми богат и славенъ зѣло, и много земель богатых имель у себя в покорении. И бѣ служба ему некоего краля сынъ, именемъ Валтасаръ, и собою велми прѣкрасен и разуменъ, что в державѣ его таковаго лѣпотою не обретеса. И любяше его царь велми за красоту лица его и за умную речъ, и учинил его пред собою стоять. И бѣ от всех чѣтимъ. Изволи его царь совокупити честному браку и избра царьства своего девицу, некоего вельможа дщерь, именемъ Фларента прѣкрасная. И по совокуплении кралевичъ нача жити съ сожителницею своею велми любезно, что и людемъ житию их позавидети.

И по неколицех днех из некоего славнаго далнаго царства пришел к тому царю посол от царя своего о нѣкоих царских вещехъ. И увидѣ той посол кралевича того и велми подивися красотѣ лица его. И рекъ в себѣ: «Подобен се кралевичъ царю нашему красотой лица своего». И нача во умѣ своемъ держати, чтобъ по возвращении в царство свое про красоту того кралевича царю своему возвѣстити.

Егда же пришед во свое государство, и в нѣкоторое время рече царю своему о кралевиче: «Великий царю! Был я нынѣ от твоего царскаго величества в послѣх и видѣл того государства у царя из нѣкоего кралевства, служилъ ему кралевъ сынъ, именемъ Валтасаръ кралевичъ. И той кралевичъ красотою лица своего подобенъ зѣло твоему величеству».

Слышавъ же се царь и повелѣ к царю тому готову быти нѣкоему вельможе своему посланому. По указу же цареву написаша к тому царю о кралевиче листы¹ по царскому уставу. А в листѣх написаша о кралевиче кроме царских титулъ² сие: «Аще, царю, того титулъ сие кралевича в наше государство не отпустишь, и мы изволяемъ твою землю всю под мечъ подклонити и твое величество жива полонити, и самого тя в тотъ чинъ предъ нашимъ величествомъ учинити.

---

¹ грамоты; ² именованіе по сану, достоинству.

Аще ли же наше повелѣние сотвориши, то вѣчный миръ с нами восприимеши» — сей же царь и наипаки того царя сильнее и богатѣе.

Посоль же прииде в то царство и подаде листы от царя своего. Царь же той, принявъ листы, повелѣ вычестъ предъ собою. И услыша писанное о кралевице, рече послу тому со гнѣвомъ: «Иди ты к царю своему тощ¹ и скажи ему, чтобы онъ не труждался всуе и не мыслил, что кралевицю бысть у него в царстве». И не даде ему кралевица. Посоль же той *отъиде* от царства вотше.

По отшествии же посла царю своему рекоша думцы² ему: «Великий царю! Зачемъ ты кралевица послу в царство не вручил и хошеши ради единого человека все царство свое погубити? Воистину, царю, впадеша в раскаяние, и никто тебѣ помощник будетъ. Тот царь сильнѣе и богатѣе твоего царства и может сотворити противъ послания своего». И сие мысливше на кралевица нѣчто зло ради зависти, чтобы царя двигнути на гнѣвъ: «Воистину возвѣщаем!» Слышав же той царь и размысли по глаголу их, и бысть в недоумѣнии. И паки прелагается на их совѣтъ, разгнѣваясь на кралевица, посылаетъ его бесчестна в то царство, гдѣ его желаютъ видѣти, и без сожителницы его.

Кралевицъ же, сие слышавъ, велми бысть печаленъ ни о чесом же, но токмо о разлучении с прекрасною сожителницею своею, плакася горко на многъ час с нею. Она же, взявъ ево и любезно поцеловавъ, рече ему лстивымъ³ лицомъ, якоже последи укажетъ: «О господине мой драгий и честнѣйший! Не вижу я, бѣдница⁴, что заходитъ свѣтъ от очию моею! И се, господине мой, виждь хартию⁵ и чернилы, и разные вапы⁶». И даде ему трость⁷ в руцѣ ево и хартию, и рече ему: «Назнаменуй⁸, господине мой, своего прекраснаго лица образ на сей хартии по подобию красоты твоей, да яз поставлю его в ложницѣ⁹ своей в честнѣмъ мѣсте и стану на него зрѣти и тебе, сожителника своего драгаго, поминати. И, вспаметовавши твою премногую ко мнѣ любовь, начну горко плакати и от горести сердца своего сей твой начертанный образъ начну любезно лобзати». Онъ же, яко безлюбивъ, возьмѣ хартию и трость, и вапы, и начерта образа своего подоболичие. И вдаде его, отъиде, печалуяся велми и бия в перси своя.

Поиде в царство то с купцемъ. А купецъ поиде в то царство для торговли о товары. Кралевицъ же в путном шествии велми печаленъ бѣ, поминая любовь сожителницы своя, и велми вкоренилась в сердце его печаль. Видѣвъ же его купецъ велми печална, рече ему: «Господине кралевицъ! Вижу я, идиши ты к такому славному царю на честь велию, а велми печалишся. И аз о семъ впадаю в недоумѣние, зело скорблю. Повѣждь ми, что печаль твоя?» Кралевицъ же залився слезами, от горести сердца возрыдавъ, едва рече ему. И сказа про печаль свою, что по дружинѣ¹⁰ своей оставшейся печалитца велми. Купецъ же, яко благоразсмотрителенъ, рече ему: «О семъ не печалься! Узриши, что ти аз покажу.

¹ ни с чем; ² советники; ³ лживым; ⁴ несчастная; ⁵ пергамент; ⁶ краски; ⁷ палочка для письма; ⁸ изобрази; ⁹ спальне; ¹⁰ подруге.

Иди и возвративъся в дома своя. А се noctное время приидемъ и видимъ женъ наших, что творять, отпустя государей своих в дальные страны».

Кралевиъ же поиде с нимъ во градъ, а товарищевъ оставиша на страже noctнѣй. И приидоша во градъ прежде к полатъ купцевой, гдѣ мать его пребываетъ. И влѣзше к скважини, позрѣвше в полату и видѣша ю, молящуся Творцу своему о возвращении сына своего в домъ свой в добромъ здравии. Видѣвше же то они, купецъ о семъ радостенъ бысть, а кралевиъ подивися и похвали. Пришедше же они к полатъ же, гдѣ купцева жена пребываетъ. И поглядѣвше скважнею в полату оконцемъ, и жена купцева тожде творить, что и свекровь ея. И купецъ о семъ зѣло возрадовася.

И паки купецъ взявъ кралевиъ и поведе его к полатъ, гдѣ пребываетъ кралевицева сожителница. И взявъ купецъ в руцъ свои мечъ обоюдоостръ и рече ему: «Буди, господине кралевицю, на волю твою! А что увидишь, не оглашай. Аще ль тако сотворишь, и аз могу тя у окошка у скважни на углу мечемъ си заклати».

И прилѣзше к скважни, взглянувше же в полату, ажно у сожителницы в полатъ сидитъ на кровати любовникъ ея, котораго имѣла еще при немъ, кралевице. Образомъ же той любовникъ зѣло неискусенъ¹ и нимало не дошелъ до кралевица. И, сидя на ложницѣ², бияше ю по ланитома³ и ругается ей. Кралевиъ же се видѣ, едва и держася на углу. И восхотѣ вскричати, но не возможе, что положена межъ ими заповѣдь⁴. И естли бы у кралевица мечъ в руцъ былъ, то бѣ могль самъ себя заклати от печали тоя.

Любовникъ же, сидя на кровати, внезапно увидѣ кралевицево начертание на хартии, рече ей: «Что се за листъ? Повежд ми скоро!» Она же рече ему в слезахъ: «Се начертание драгаго моего сожителника». Онъ же рыкнувъ на ню и повелѣ бити образъ той по ланитома. Она же отрицашеся⁵ се сотворити, но не возможе, потому что велми нача ю принуждати. Плакавъ же, она нача персоню мужа своего по ланитома бити. По семъ нача с нею на ложницѣ опочивати и что имъ годѣ творити.

А кралевиъ сие все видѣ с купцемъ тѣмъ. И поидоша оттолѣ, пошедше в... своя. И по обычаю поидоша в путь свой до царства. Купецъ о преждереченномъ велми бысть радостенъ в путнѣмъ томъ шествии, а кралевиъ и наипаче бысть в печали. И с печали тое путемъ до царствия бысть лице его не якоже прежде, но ни в полы⁶ при прежнемъ.

Егда же пришедше в то царство, и возвѣстиша царю про приходъ кралевицев. И повелѣ царь кралевица поставити предъ себя. Пришедъ же кралевиъ предъ царемъ. И увидѣ его царь в лице, помня хвалу про него посла своего, и велми ему не показася⁷. И возъярися же зѣло на того посла, которы ему про крале-

¹ недостойный; ² на постели; ³ по щекам; ⁴ запрет; ⁵ отказывалась; ⁶ в половину; ⁷ не понравился.

вича сказывалъ. Повелъ же кралевица ввести в садъ свой. Садъ же той таковъ бѣ: кто иво, того овощу, от человекъ приметъ в садъ, от болезни или и здравы, то велми прибавливалъ красоты в лицѣ и здравия тѣлу. И нача царь к кралевицю входити в садъ по вся дни и на него взирати, да ли прибудете в лицѣ его красоты ему. Кралевиць, прибывая в саду, поминаючи сожителницы своей любовь, наипаче же беззаконие ея, нимало красоты в лицѣ его не прибуде.

По нѣколихъ же днех нача кралевиць от великия кручины своя по саду гуляти и на дѣресея взирати. И подѣ некоимъ прекраснымъ древомъ узриль ложе царское и постеля, и возглавие, и одеяло. И помысли в себѣ, что царь опочиваетъ с царицею о полудни. И восхотѣ от нѣкоего помысла видѣти царя с царицею на ложе томъ, и взлѣзе на ино древо близъ того. Съдящу же ему на древе, бысть день о полудни. И видить кралевиць: ползетъ на коленех межъ древес к ложу нѣкакой поползень на деревяных колодках. Прииде же той поползень к ложу и колодки повергъ на землю, самъ же вынявъ ис-под возглавия одежду царскую и облечеса, и сѣде на ложе.

Времени же малу минувши, прииде к нему и царица царя того с тремя своими девками. Той же поползень нача царицу ругати и бити по ланитомъ. Бивши же приглашаетъ¹, чего ради замешкала к нему приити. Она же рече ему: «Царь долго убирался, не ѣхалъ за охотою в поле». А той царь полевою охоту зѣло любилъ и непрестанно ездилъ. Поползень же той нача с царицею творити беззаконие. И паки разыдошася же. А кралевиць сей сойде со древа и велми изумелся, рекъ в себѣ: «Воля Божия буди надо мною! Виждь, каковъ сей царь славенъ и образомъ прекрасенъ, а жена ево такъ озорничаетъ, не токмо моя сожителница оставшаяся!»

И отверже всю свою печаль от сердца, бысть в три дни прекрасенъ и здоровъ паче прежняго. Царь же пришедъ видети его и велми подивися красотѣ его. Рече ему свѣтлообразно: «Повѣжд ми, человекъ, чего еси ради, многое время бывъ в саду, не бысть красенъ и здоровъ, ныне же вижу тя в маломъ времени премѣнена в красоту». Кралевиць же бысть призрашенъ, възвѣсти ему подробну все про печаль свою. И паки рече ему: «Великий царю! Ест ли в семъ саду под древомъ твое царское ложе и когда ты на нем опочиваешь?» Царь же бысть яко во изумлении. Рече ему, что нетъ у него такога древа, чтобъ было подѣ нимъ ложе, и никогда онъ в саду не опочивалъ. Кралевиць же ему: «Царю, время ти итти в своя царская сокровища. Ко *мне* же ти приити подобаетъ симъ образомъ, то ти все покажу. Зберися ехать будѣто в полевою охоту и, оставя полевою охоту, прииди семо, то узриши желаемое».

Царь же сотвори тако, прииде к кралевицю обычаемъ темъ, яко же выше речеса, в садъ единъ и без ружей. Валтасаръ кралевиць вземъ его за руку и поведе ко древу тому, гдѣ ложе царское, повелъ же ему лести на ино древо близ

¹ приговаривает.

того. Взем же королевичъ в руцѣ свой мечъ и полезе за ним же на древо. Рече же королевичъ: «Великий царю! Воля твоя со мною, рабомъ своимъ. А еще что ни увидишь, то со древа не оглашай, а после воля твоя и с ними. А буде изволишь огласить, то имамъ ты здѣ на дрѣвѣ мечемъ симъ главу твою отъяти отъ тя». И съдоша оба на дрѣвѣ, царь вкупѣ и королевичъ.

И по малу времени о полудни ползеть к ложу тому вышереченны поползень, котораго видель прежде королевичъ. И прииде тот поползень к ложу и колодки свои по обычаю повергъ под ложе, а самъ вземъ ис-под возглавья одежду царскую, облечеса в ню и седе на кровати. И мало время преиде, прииде царица с тѣми же тремя девками. И поползень принявъ ю, нача ругати и беззаконие с нею по-прежнему творити.

Царь же, се видя, оцепенѣ весь и восхотѣ возгласити на них. А королевичъ хотѣ его мечемъ заклати, потому что не бояся его, не виде никого близ дрѣвеси и во всемъ садѣ. Цесарева же, натѣшивъшись, с поползнемъ разыдошась. И послѣ их царь с королевичемъ соиде со древа и назва королевича за такую ево любовь братомъ себѣ. И прииде в домъ свой, и велѣ того поползения сыскати. И, сыскавъ его, з женою своею повелѣ повѣсити их на ворота. И розстреля их самъ с королевичемъ, а тѣло их повелѣ псомъ на ѣдѣние повергнути.

И поживъ после жены своя с королевичемъ нѣлико лѣтъ. И в нѣкоторое время рече царь королевичю: «Брате мой, Валтасаре королевичю! Послушай моего добраго совету, что яз тебѣ изреку. Видждь, что наши сожителницы, с нами в любви живучи, чинили. И ныне, брате, возмемъ мы моего царства нѣкую прекрасную из женъ и станемъ с нею жить вмѣсте аки с сожителницею. А посадимъ ея в высокую стрелню¹ и приставимъ старуху крепкую. А двери, для вѣрности межъ себя, станемъ печатми своими печатать. А ради любви, чтобъ межъ нами не было какие вражды, потому что сие дѣло зѣло мнительно, положимъ межъ себя заповѣдь велию, а ей тое заповѣди не объявимъ». Королевичъ же рече ему: «Господине, советъ твой благъ. Но восвѣсти ми, что к сему дѣлу заповѣдь ради вражды?» Царь же рече ему: «Сице, брате, заповѣдь: пришедъ к ней в стрелню оба и положимъ ея на ложе, а сами ляжемъ по обѣма сторонама ея, единъ о десную², а вторы о шую³ сторону ю. И кий из нас похочетъ с нею пребывати, той втораго ногою своею потрогай. И котораго тронетъ, той в тоя поры лежи ничъ на ложи, не трогася, а той с нею пребуди».

И похвали королевичъ разумъ царевъ, и сотвориша тако по совѣту своему. И живше с тою любовницею многое время по той заповѣди безложно. Любовница же их по нѣкоему случаю выведав их совѣтъ, паки и заповѣдь. И в нѣкое время поглядѣвъ из стрѣльни в оконце и увиде на земли нѣкоего отрока, и разгорѣвся к нему любовию похоти. Спусти в оконце холстъ и подыме его тѣмъ холстомъ от земли в оконце, пребывъ с нимъ на ложи.

¹ башню городского укрепления; ² правую; ³ левую.

По времени же придоша к ней царь и кравевичъ по обычаю своему. Любовница же их, яко лукава зѣло, услыша приходъ их к себѣ, сохрани отрока того от них в сундукъ свой. Царь же и кравевичъ пришед и по обычаю своему легше с нею на ложи. И она бѣ лукава зѣло и злохитря, тронула их по заповѣди ихъ своима ногама обѣих в другъ. Они же легше оба ничь на ложи и держаша во умѣ своемъ другъ на друга, потому что живѣ они многое время межъ собою зѣло любовно и безложно. А в тоя поры тотъ ея любовникъ вышел из сундука и ляже межъ ими, и пребывъ с нею. И паки тѣмъ обычаемъ любовница много время с ними живѣ.

Царь же и кравевичъ друг на друга во умѣ своемъ сѣтоваху, а никоторы выговорить не смѣеть. И по нѣкому времени рече царь кравевичю яростно зѣло: «Брате мой! Повѣждъ ми, чесо ради ты како творишь на противъ нашея заповѣди?» Кравевичъ же рече ему: «Повѣждъ ми, господине мой, что твоя мысль?» Царь же рече ему: «Для чего ты с сожителницею нашею пребываешь един сия поры?» Кравевичъ же, выслушавъ рѣчи ево, рече ему: «Господине мой! Я тебѣ сии рѣчи говорити не обрѣталъ времени, потому что и я с тое жъ поры никако не причащся ей. А все чаялъ, что ты единъ с нею пребываешь. И мнѣ много смотрилъ для вѣрности инога пришельца к нему у полаты и печати свое, и печати обѣ никако нерушимы пребывша».

Царь же, услышавъ у него сии рѣчи, укротився от гнѣвъ своего. Вземъ кравевича за руку, поидоша к стрѣльни и начаша по стрѣльне искати вшедшаго к ней. И много время искаше, и обрѣтше в сундуке отрока юна зѣло и прекрасна. Выняша его из сундука и спросиша, како вниде в стрѣльню. Онъ же все сказа имъ подробну про наложницу их. Они же, восприимше от него такие рѣчи, взявше его и наложницу, повѣсиша на вратѣхъ и разстрѣлявше обѣих. А сами велми сѣтоваху ни о чесомъ же, но токмо о безчастии своемъ и о беззаконии и о лукавствѣ женѣ своихъ.

И в нѣкое время рече царь кравевичю в великой печали своей: «Брате мой, брате мой и господине! Видѣть своего, паки и моего лицъ зракъ доброты и велие наше несчастье! И видѣть, како прежнии наши законные сожителницы с нами лестно и лукаво жили, паки и ся наша общая наложница, сатанина угодница. О, злое острое дияволе оружие! О, зло всего злее злая жена! Поистиннѣ рече Иоаннъ своими Златыми усты: „Лутче железо варити, нежели злую жену учить“. Паки рече: „Лутче жити в земли пустьъ, нежели жити з женою злоязычною и пронырливою”.* И ныне, брате, отвержемъ от сердца всю печаль свою и пойдемъ по далнымъ странамъ стыда ради здѣшнихъ жителей». Кравевичъ же рече: «Буди, господине, на волю твою, якоже хоцещи. Азъ радъ твоего добронравнаго глагола во всемъ слушати».

И поидоша по далнымъ странамъ и по пустымъ местамъ. И ходивше много дней, яко близъ и годишнаго времени. И в нѣкоей странѣ найдоша на лугу зѣло предобръ шатеръ велми прекрасенъ, маковица у того шатра красна и золота, и

велми той шатеръ ухищренъ всякими ухищренми. И не дошедъ они до того шатра, подумавше промеж себя много, что мочно итти в той шатер, и стояху на многъ час. И паки положиша упование на Господа Бога, поидоша вкупъ к шатру. Пришедше же в шатер той зѣло дерзостно и опасно, чаяху нѣкоего рыцаря и сирѣчь богатыря. И паки в шатрѣ никого не обрѣтоша. И начаша прилѣжно искати на лугу около шатра. И искавше много, яко вдолѣе и поприща от шатра того, и ничтоже обрѣтоша. И бысть в себѣ яко ужасны зѣло. Нашедше же на том лугу нѣкую стезицу¹ малу, яко в полупоприща от шатра того, и поидоша по ней к шатру. И увидѣша близ тое стези рѣчку. Пришедше к ней по стези той и приидоша в близость того шатра. Увидѣша близ стези тое и реки, и шатра древо нѣкое, велми прекрасно при иныхъ древесехъ и высоко необычно. Влѣзше на него и начаша ждати, да ли кто по стези той к шатру придет.

По малу времени зрять они, ажно бѣжить тою стезею левъ звѣрь, велми пристрашен. Изо усть у него пламя, а из ушей дымъ чернъ. И во устѣхъ несетъ, яко видимо имъ от древа, кольцо золотое, аки от солнечнаго блистанія лучи испушает от кольца того.

Прииде же тот левъ в шатер и удари тое кольцо переднею своею ногою. И выйде ис того кольца пречюдная и прекрасная жена. А левъ превратися во образъ прекраснаго воина во образѣ нѣкоего царя пречюдна и нача с нею в том шатре любезно опочивати. А царь и кралевичъ все то со древа видѣвше и дивишася, но такмо бысть ужасны, да никоимъ обыкновениемъ их увидить и поясть.

Опочивавше же той царь, мнимый лев, с тою изшедшею ис кольца златаго женою на многъ час. И посла ю той царь со златым кубцом для почерпствія воды. Она же, пришедше к рекѣ близ того древа, на немже всеядше царь и кралевичъ, нача тѣмъ кубцом воду черпати. И увиде же вкупъ два зрака человеческого образа, и бысть во ужасѣ, мня, яко привидение нѣкое от сатаны. И ту воду ис купка вылив, паки почерпе с молитвою. И видѣт то же, что и в прежнем купцѣ, и наикраснѣе образы те и прежних образов. И дивися в себѣ велми, нача озиратися сѣмо и овамо². И напрасно³ взглянув на то древо, увидѣ царя и кралевича близъ. И рада бысть к растлѣнию грѣха с ними, потому что они зѣло прекрасни ей показались. А той царь, мнимый левъ, в тоя пору в шатрѣ опочивал..., ожидая ю с водою к себѣ.

Она же, их увидѣв, нача со древа звати, обѣщевая имъ вмѣсто смерти животъ, едва со древа к ней снидут...

---

¹ тропинку; ² сюда и туда; ³ внезапно.

ПОВЕСТЬ О ПЕРСТНЕ

О ВЕЛМОЖИ ЦАРЕВЕ

Бысть убо нѣкто воевода славен зѣло, егоже царь паче всехъ почиташе велмож. Ему же завидяху тии велможи и много ко царю клеветуше на него, дабы его до конца возненавидѣль. И случися всѣм велможам быти у царя на пиру, велию брань сотворше между собою ненависти ради. Он же рече им: «Почто ми, братие, завидите? Ничто же вам зла сотворихъ! Когда мя Господь милуетъ, тогда и царь мя жалуетъ».

Царь же той слышавъ такую рѣчь от воеводы, вложи врагъ в сердце его злую ту мысль на того воеводу. Начать гнѣватися и вины искати, чим его посрамити, не хотѣ слышати слова того: когда человека Господь милуетъ, тогда и царь жалуетъ, и вси его любятъ. И запоивъ его бес памяти, и давъ ему перстень зѣло украшен златом. И повелъ ему во утрий день таковъ же сотворити. Он же примъ с радостию сие и сохрани у себе, во всем уповаше на Господа.

Ему же уснувшу, повелъ царь тихо взяти перстень от него. И ничтоже ему ведущу сия. Царь же в той день изыде на море плавати и повергъ перстень той в море, дабы его никтоже взял оттуду, хотяй тою виною воеводу своего казнити и Бога искусити. И глаголаше: «Что се будетъ?» А не вѣдый, окаянный, что близъ есть Господь всегда всѣм, сердцем призывающим во истинну его и уповающих на милость его, никогда же человекъ погибнет ни в сий вѣкъ, ни в будущий. Уже бо царь превознесся мыслию в сердца своем, не хотя слышати глаголющих, уповающих на Бога во всем. Богъ же, человеколюбець, самого царя уничижи, а оного мужа славою превознесе паче первыя чести.

Царь же той наутрия посла по воеводу, велит скоро прийти к себѣ. Он же отречесе того дне быти, ничтоже вѣдаше о перстни том, яко царь хочет его о том истязати.

И паки Божиим промыслом муж той восхотѣ рыбы ясти и посла к рыболовом на море то рыб ловити. И множество рыб яша. Принесше, начаша рыбы ты чистити. И обрѣтоша во единой рыбе перстень злат царевъ, и вдаша господину своему.

Он же яко от сна возбудився и, ничтоже вѣдый царева повелѣния, зѣло радостен бысть. И пришед пред царя, покланяяся ему, прощения прося. Царь же той рече ему: «Дай же ми перстень, его же ти вчера дахъ». Он же вда ему перстень.

Царь же той велми удивися благодати Божи и прослави Бога, и рече: «Во истинну тако есть: кого Богъ милуетъ, того и царь жалуетъ». И повелъ клеветущих на нь казнити, а инѣхъ от лица своего отринуту. А того мужа возлюби паче первыя чести.

ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ ГАЗИЕ

СКАЗАНИЕ О ЦАРЬ ГАЗИЪ

Царь иерусалимский Газиан, пришла на него рать удольна¹ и облегла около города, а лежитъ 4 годы. И бысть таковая дороготня во граде Иерусалимъ, по 30 рублевъ кобилия голова мяса.

Во единой же храминъ живут двѣ вдовицы, а имѣют у себя по детяти. Уже они съдят алчны вѣлми. И умысля они побити дѣти своя да поясти. Едина глагола: «Убей ты свое детя напередь, да съдим вмѣсте, и потом я свое убью, да с собою же съдим». Едина же детя свое убила и зъ сосѣткою своею съѣла. И кабы и другое убити помышляюще они. И другаго мати его не убила, но да сохранила.

И вышедъ царь Газия рано на град² посмотрити ратныхъ, уже имъ было предатися³ от глада. И пришла к нему вдовица и нача предъ нимъ плакати-ся, глаголюще: «Царю Газия, помилуй мя!» И рече царь Газия: «Право, мати, не имѣю у собя ни кажново⁴ пѣнезя⁵ в калитѣ⁶ своей, что дати тобѣ». И рече ему вдовица та: «Не милостыни, господине царю, прошу язъ у тобя. Послушай, государь царь, речей моих». Глагола: «Жило, государь, нас 2 вдовицы во единой храминѣ, и у нас, государь, будучи по детяти. И ошибла нас, господине, голотьба великая. И мы, господине, здумали дѣти своя убити поѣсти. Аз же, господине, свое детя убила да и съѣла с сосѣдкой своею, а сосѣдка моя, господине, своего детяти не убила да сохранила».

И царь Газия сошелъ з горы велми печален и почал думу думати съ своими велможями: «Что есть се, что уже матери дѣтей своих тепуть⁷ да ядят?»

И велможи вздумали да послали единого от велможъ ко пророку Аггѣю. И рече ему пророкъ Аггѣй: «Не дивуйся ты тому, царю, что матери дѣти своя тепут да ядят, занеже⁸ бо алчни добръ, но нѣсть у нихъ ума. А нынѣ, царю, у .обя дороготня во граде, по тритцати рублем кобылия голова мяса. А завтра у тобя будетъ, царю, по 4 пулы твоя кадь пшеницы, * но некому будетъ ея купити».

---

¹ огромная; ² на городскую стену; ³ сдаться в плен; ⁴ никакого; ⁵ старинное название мелкой монеты; ⁶ кошель; ⁷ убивают; ⁸ потому что.

И велможа повѣдаша же то царю. И рече царь велможам своим: «Соблазнилися есть пророкъ ваш. Камо сему быти об одну ночь, отколе ся ему взятись? И около города рать стоитъ. Аще отверзетъ Господь вся хлябы небесныя, но и тутъ об одну ночь негдѣ взятися».

И послаша к нему вдругоредь того же велможу. И тот же отвѣтъ рече пророкъ Аггѣй, рече велможе тому: «Царю тот хлѣбъ видѣти и ясти, а тобѣ тот хлѣбъ видѣти, а не ясти».

Заутра ж царь с велможами своими вѣхавъ на городъ рано, хотя предатися, и не узрѣ ратныхъ. Он же посла сторожей подозрѣти. Ихъ же не стало никакова человека, ¹всѣ поступили не вѣдать гдѣ¹. А в станехъ навезено пшеницы и ячмени множество. Тогда царь повелѣ из града пустити люди, наемлются хлѣба. И тогда начаша продавати, всяко надѣяся взяти дорого от глада. Кто ни поторгует, тот дает по 4 пула на царева мѣре.* Единими ворота люди идут в город, а другими из града.

А тот велможа поставлен у вратъ царем, которой ходилъ ко пророку Аггю. И стѣсняся² люди, да его удавили. Царь же повелѣ тот хлѣбъ купити по 4 пула. Велможа тот хлѣбъ видѣлъ, а не ял. Збылось имъ слово Аггѣя пророка. Аминь.

---

¹—¹ все отступили неизвестно куда; ² столпились.

СЛОВО О СУДЬБАХ БОЖИИХ

СЛОВО О СУДЬБАХЪ БОЖИИХЪ,
ЯКО НЪБО И ЗЕМЛЯ МИМО ИДЕТЬ,
А СЛОВЕСА МОЯ НЕ ИМУТЬ ПРЕИТТИ*

Бысть царь нъки, славенъ и богатъ зело, кипяше богатствомъ многимъ. Едина ему печаль бяше: детей не бысть у него. И о том всегда моляся Богу с супругою своею, дабы имъ поведаль плод чрева. И услыша милосерды Богъ молитву ихъ, пода имъ плод — дщерь родися. И сотвори царь пиръ велий о рожествѣ ея, и созва вси людие, иже во области его. И призва волхвы и звездоблюстителю, и рече имъ: «Зрите и узнавайте девицу сию, что и какова будетъ». — Они же царю: «Господине, не смеемъ глаголати». — Царь рече: «Глаголите без боязни». — Они же глаголя: «Девица сия будетъ благочестива и премудра, и всякаго разума исполнена, токмо едино зло: будетъ сия дева во своемъ возрасте обещана, биена будетъ бичомъ по нагому телу». — Царь же, сие слышавъ, бысть в великой печали. И отидоша.

И растя же девица, и цветуще лепотою своею велми прекрасно, и разумом и премудростию всехъ превзыде, и научися грамоте и всякой премудрости. И бысть девица в возрасте, отецъ же ея устрои столпъ мраморенъ и позлати златом, и украси в немъ всякимъ узорочиемъ столы и седалища и подножия, все златомъ и камением украси. И введе ту девицу, и пристави к ней служити благозрочныя деви. Она же живяще, веселящися.

И единую нача вопрошати девицу: «Что ради отецъ мой тако ми устрои?» — Едина же дева тайно ей сказа все по ряду, како о ней про разумъ прорековали. Она же о том нача вельми сетовати и тужити, понеже зелен виноград не сладокъ, а млад умъ не крепокъ. Лутчи бы возложити на Бога, нежели свое умышляти, понеже великим и славным людямъ паче греха бесчестие. Сие же умысли девица во уме своемъ: «Лутче мне умрети, нежели обезчещеной быти» — а не помысли судьбы Божия бездна.

И повеле царевна под столпъ бочку полную зелия¹ подкатити и свещу прилепити. И взорва столпъ к воздуху со всею зданием, и бысть все в прахъ.

Едину же девицу, дщерь цареву, маниемъ Божиимъ и несе по воздуху во иное царство и постави в царствующемъ граде среди людей на купилище². Лю-

¹ пороха; ² торговая площадь, рынок.

дне же того города нача мнози сходитися и обступиша окрестъ. Дѣва же обзирашеся семо и овамо¹, стояще во всемъ царскомъ своемъ платьѣ.

И промчеша чюдо сие до царя. Он же повеле девицу вести пред себя. И видя девицу украшену и благочинну взором и ступаниемъ, удивися и нача вопрошати, коево царства и какова рода. Она же токмо очима зряше, а ничего глаголаше и по семъ, языка ихъ не знаяше.

Бысть же у того царя философъ старъ, живъ много летъ и не моги ходити ногама. И учини ему царь златы коверъ, онъ же на нем почиваше. И повеле царь принести того философа и рече: «Что сие, философе?» — Философъ же рече: «Царю, во веки живи! Видиши ли, сие дело от судьбъ Божиихъ. Повели девицу языку учити своему». — И быть тако.

И в мале времени научися девица языку и грамоте ихъ, и нача царю поведати страну свою и отца своего, и вся по ряду. И от того времени царь девицу имея в великой чести, и причте ея ко своим дщеремъ.

Обычай же в том царстве таков: полагаги на царя на новое лето новый венецъ на главу цареву, сотворенъ от драгаго бисера, и полагаше в нем три драгие камени на славу Пресвятей Троицѣ. И какъ приходитъ новое лето, повеле царь девице делати той венецъ и вда же ей три камени честные и драгие.

Царевна же возьмъ, отиде в сокровенную камару и нача делу прилежати, бе бо хитра зело. И постави три камени на оконце на златом блюде. И Божиими судьбами прилете вранъ, возьмъ единъ камень и улете. Девица, сие увидевъ, нача сетовати и плакати, и поведати царю. Царь же нача деву вопрошати: «Где еси дела камень?» — И кляся она, плакаше, что унесе птичищъ.

Царь же возьярися на девицу: «Окаянница, еще еси юна, а старым лжеши! Украла еси камень! Нестъ другаго таковаго в царской ризнице!» — И повеле девицу обнажити и кнутом пытати. Девица же токмо слезами обливашеся и помянувъ свое первое согрешение, како хотяше судьбъ Божиихъ избыти.

Царь же недоумевашеся, что сотворити. И повеле принести старого философа на златом ковре. ²Принесену же ему бывшу², рече царь философу: «Что учиню девице? Украде у меня драги камень». — Философ глаголя: «Во веки живи! Аще сие дело от диявола — остави: само скоро обличится и в тлѣние разорится; аще ли от Бога, то ни ты, ни инъ кто можетъ раззорити — остави: само собою объявится. Ими же вестъ Богъ, судбами». — И послуша его царь, повеле девице пребывати в свободе.

И по семь прииде инъ год, и паки царь повеле девице венецъ царски устроить. И даде ей паки три камни, и повеле своей царице дело снабдевати. Девица же отиде во свой теремъ, нача прилежати, а царица у нее седяше, и дщери царевы. И мановениемъ Божиимъ прилете вранъ оконцемъ и принесе той камень, положи его на стол на златое блюдо, ³всемъ ту зрящимъ³, сам же излете вонъ.

¹ сюда и туда; ²⁻² когда же его принесли; ³⁻³ когда все это видели.

Царица же и дева и сущии с нею вземъ камень, дивишася и несе ко царю. И увѣде царь, яко несть неправды в девице, и нача еѣ наиболее чтити.

Девица же вся царю о себе исповеда, чия дочи и за что пострада. И помысли царь отпустить девицу ко отцу ея. И учреди корету, оковав златом, и опоны окрестъ украси каменiem и чистымъ жемчюгомъ. И посла со девицею посла своего, честна мужа, и иные вельможи, и жены, и отроковицы ко царю, ко отцу ея.

Посол же со девицею прииде во царство ея и посла ко царю посланника своего, чтобы царь повеле полату такову уготовати, еже бы корета прошла: «А посла к тебе брать твой, царь нашъ, такая дара, яко несть у тебе таковых во всемъ царстве твоемъ».

И повеле царь устроить полату, и вниде сам и со царицею в полату, повеле послу быти з дарами. Посол же идяше и вси вельможи пред коретою откровенными главами, благочество вниде с коретою в полату. И поклонився царю по подобию царскому, и правя от царя своего послование все по ряду.

И рече царь: «Яви ми, после, дара, якоже ты похвалился еси, что у нас таковыхъ несть во всемъ царствии нашемъ». — Посол же рече: «Воистинну, царю, не солга». — И тако откры запану кореты златую, и выйде ис кореты дщерь царева. И рече посол: «О царю, познавай честные дара, еже есть детище». — Царь же и царица позна свою дщерь, охапився¹, паде на выю ея, облобыза ея, плачеса от радости. И бысть радость велия во всемъ царстве, не токмо царь, но и всии людие прославиша Бога, творящаго дивная чудеса, яко мертва бѣ и оживе, погибла бѣ и обретеса. Царь же одаривъ посла много, отпусти во свояси.

Богу нашему слава. Аминь.

---

¹ обнявшись.

ПОВЕСТЬ О РОЖДЕНИИ И ПОХОЖДЕНИЯХ ЦАРЯ СОЛОМОНА

Бысть у царя Давида три девицы, и не было у царя Давида ни единого сына; и зачать царица Вирсавия во чреве дѣтише Божиимъ повелѣниемъ. И приспѣ время рождению еѣ, и породила сына, и нарекоша имя ему Соломан. И какъ будетъ дѣтише седми лѣтъ, и даша его хранить *и лѣляти доброму своему слуге Ичкалу*. И нача Ичкал дятка блюсти дѣтише с великою радостію, и единого никому не отпускал.

И Вирсавия пошла з дѣвицами на потѣху. И Соломан почал по снѣямъ ходити и играть со своими отроки. И сталъ вѣсить песей калъ с женскимъ умомъ. И царица, мати его, пришла к нему на потѣху и рече ему: «Что ты вѣсишь?» И Соломан рече: «Мати моя, вѣшу песей калъ с женскимъ умомъ». И царица, мати его, пошла и рече дятке: «Дятка Ичкал Соломонов, поиди к морю и возми сердце из Соломана, да принеси ко мнѣ живое, и азъ, спѣкши, съем, а тѣло его кини в море».

Ичкал дятка рече: «Господине мое чадо Соломоне, мати твоя мнѣ тебя велѣла потерять»¹. И Соломан рече дятке Ичкалу: «Дятка Ичкал, поиди и возми сердце из пса и доспей человеческое, а меня продай гостямъ-заморяном на корабль». И тот дятка Ичкал вынял сердце из пса и принесе ко царице, и царица, испекши сердце, съела, а Соломана дятка продал гостямъ-заморяном на корабль. Гости же заморяне заставили Соломана на корабль каши варить. И ходилъ по заморію з гостми, и пришли из заморія гости богатые во царство ко царю Давиду. И стали на корабляхъ под царством. И поидоша гости к царю Давиду на двор с великими дары и гостиньцы. И царь Давидъ принял дары у гостей с великою честью, и против того великую честь имъ воздал. И рече царь Давидъ гостямъ: «Гости-заморяне, отгоните² мнѣ загадку: «По конецъ моего царства стоит древо златовѣтвие, у того древа самоцвѣтное каминие, а сверхъ того древа месяцъ сияет, а около того древа у коренни вокругъ по земли — пшеница бѣлая, и вокруг того-то нива ржаная сильна». И рече Давидъ гостямъ: «Отгоните

---

¹ убить; ² отгадайте.

тому древу цѣну, и вы в моемъ царствѣ торгуйте бѣзпошлинно, а не отгонете тому древу цѣны, и мнѣ с вас головы поснимать, и товар ваш велю в казну обратъ». И гости тому слову отвѣту не могли дать и упрощали у царя сроку. И пошли по своимъ кораблям. И встретил гостѣй Соломан-кашевар и рече им: «Гости-заморяне, пора за стол и за скатерть». И гости рекли ему: «Не до стола нам нынѣ, царская кручина на нас и загатка царева мудра, а отвѣту не можемъ дать». И думаютъ стоя на кораблѣ великую думу: думаютъ о своихъ головахъ. И рече им Соломан-кашевар: «Гости-заморяне, что мнѣ дадите, азъ вам отгану цареву загатку и вам живот дам?» И гости то слово слышали у кашевара, и бьютъ ему челомъ своими головами, и принесли к нему дары великия от того. И Соломан рече: «Гости-заморяне, дайтѣ мнѣ дороги порты, в чемѣ ко царю итти за стол, и цареvy загадки отгадать. И гости дали Соломану дорогие порты и пошли ко царю. И царь ихъ чествовал. И после стола царь загадки заганул. И Соломан рече: «По конецъ твоего царства стоитъ древо во златовѣтвие — то твое государство, а у того древа самоцвѣтное каменье — то твои государевы ближние приятели, стольные многие цари, и короли, и князи, и уланые мурзы, а сверхъ того древа сияетъ месяц — то ты, государь царь Давидъ, и около того древа, у корени вкруг, по земли пшеница бѣлая — то твои государевы ближние бояре и столники, и стряпчие, и думные бояре, и дворяне, а вкруг того-то нива ржаная сильная — то православное християнство». И царь Давидъ выглянул к Соломану и рече: «Кто ты есть таков, цареvy загадки отгадываешь?» И Соломан рече царю: «Азъ есмь из-за моря молодчей детинка». И дивися царь разумному его отвѣту и отпусти ихъ. И гости пошли со царева двора в велицей чести. И Соломан гостей от смерти избавил и живот имъ дал. И торговали в царстве бѣзпошлинно. И гости пошли за море, и Соломан с ними пошел по заморию и обогатѣ зело. И приде с ними, гостми, во царство ко царю Давиду в велицей славе, велми богатъ. И пошел к царю с великими дары и гостинцы. И царь Давидъ принял дары с великою честью и против великую честь ему воздал. И поиде Соломан ко своимъ на корабль, и в то время пришли от царицы на потѣху заморскаго товару смотреть. И Соломанъ учал девицъ на кораблѣ виноградомъ кормити и медомъ поити. И показал им на кораблѣ три камни самоцвѣтные, которые за свещи в нощи сияют, а в день аки злато процветает. И девицы изумѣлись, смотря на самоцвѣтное каменье и на Соломанову красоту и мудрость, и шедъ сказали царицѣ, самоцвѣтные камени, что у Соломана. И царица велѣла его предъ себя поставить. И поиде Соломан ко царицѣ на дворъ и даръ подноситъ царской. И царица спросила его: «Есть ли у тебя самоцвѣтной камень?» И Соломан рече: «Есть, царица, три камени самоцвѣтные, от нихъ в нощи свѣтъ сияет, а в день, аки злато процветаетъ». И царица рече ему: «Перепусти¹ мнѣ самоцвѣтной камень». И Соломан рече царицѣ: «Тот мнѣ камень нести ко царю Давиду в поминок², а другой камень дати в при-

¹ уступи; ² подарок.

дания, а третей камень держю про себя, на кораблях да свѣтит». И царица рече ему: «Что говоришь, в приданые дать?» И Соломан рече: «Хто со мною пребудет, тому дам камень самоцвѣтной». И царица рече: «Азь с тобою пребуду, гость-заморянин». И Соломан рече: «Царица, дай мнѣ сроку, отнесу царю Давиду камень и к тебѣ принесу, и с тобою пребуду». И пошел Соломан на корабль свой и взя камыки¹ и поиде ко царю Давиду. И подасть царю самоцвѣтной камень. И царь Давидъ великую честь воздал ему. И поиде Соломан со царева двора в велицей чести. И узрела его царица и прислала по него: «Скоро буди ко мне и принеси камень самоцвѣтной». И Соломан поиде ко царицѣ и принесе камень и подасть царице. И погасиша свѣщи и засвѣти камень самоцвѣтной. И царица рече гостю: «Семо иди ко кроватѣ царьской и ляги со мною, со царицѣю, на цареве постелѣ, под царевымъ одѣялом». И Соломанъ ляже со царицѣю на цареве постелѣ под царевым одѣялом. И царица рече: «О чем молвишь, не подвигнешься ко мнѣ?» И Соломан рече: «Страшуся есми царевы постѣли и царева одѣяла». И царица взяла его руку и положила на свои перси и подвинула его руку на свои груди и промолвила: «То что есть?» И Соломан рече: «Тѣм есми вскормлен». И подвинула его руку по бѣлому своему чреву и рече: «То что?» И Соломан рече: «А то мои каменные полаты и терем, и в том есми опочивал». И подвинула его руку ко своему сраму: «Соломан, то что?» И Соломан рече: «Оттуду есми вышел и свѣт Божий увидел и по царству пошел». И царица рече: «О бѣзумный, кто еси ты, и премудръ еси ты добръ?» И Соломан скочил с царевы кровати и паль перед нею и заплакал и рече: «Государыня царица, ты мати моя, а я сынишко твой Соломан, твоя, государыня, опала была. Аз вѣсил ум твой с песьим каломъ. И у всякие жены волосы долги, а ум короток».

И пошел ко царю Давиду и рече: «Государь царь Давид, ты мой батюшко, а я сынишко твой Соломан». И царь Давид бысть в велицей радости и с своею царицею. И на свое царство посадил Соломана. И царь Соломан поидет многим войском и преклонишися ему многия цари и князи, и подают ему великъ выход² своих царствъ. И потом царь Соломан много имѣхъ царей под своею рукою. И царь Давид пропустил многие лѣта и говорит тако: «Сыне, мой, Соломоне, пора тебѣ женится». И царь Соломан по отцову слову, царя Давида повелѣнию, изо многихъ царствъ выбирал собѣ царицу и выбрал собѣ царицу прекрасну и мудру: и послал послание во царство ко царю Пору. И отписал тако: «В прошлое лѣто был есми в твоём царстве и с царицею твоею пребыл есми в тоём царстве и перьстень с правыя руки снял золотой любимой твой». И послал Соломанъ тот перьстень ко царю Пору в дарѣхъ. И царь Поръ печален бысть, что перьстень его; подпись царства его на перьстне томъ.

А самъ царь Соломанъ приведе жену свою ко отцу своему царю Давиду. И царь Давид рече: «Сыне мой Соломоне, жена твоя, а моя сноха красна и лѣпа,

¹ драгоценные камни; ² дань, подать.

и будет в нѣкое лѣто свѣдаетъ царь Поръ, что ты, царь Соломанъ, женатъ, *и он тебе отсмеется*».

И царь Поръ пустил по своему царству клич великъ, кто бы пошел во царство Соломоново и отвѣдал бы, женат ли буде царь Соломан, или не женат. И выискался княженецкой слуга и рече: «Государь царь Пор, аз тобѣ отвѣдаю, что царь Соломан женат ли буде или не женатъ, а только буде женат и азъ тобѣ приведу царя Соломана царицу, жену его, и отсмеешься ему». И рече ему царь Поръ: «Что тебѣ подмогу взять?» И рече ему слуга: «Вели здѣлать золотой венецъ царьской и с самоцвѣтнымъ каменемъ». И царь Поръ повелѣ драгоценныи венецъ царьской зделать и с самоцвѣтнымъ каменемъ, и дасть слуге. И пошелъ княженецкой слуга в дальнюю землю и дошел до царства царя Соломана. И пришед в царство и показа гостю золотой венецъ царской. И гость посмотрил и рече: «Не нашской венецъ, подобенъ царю или царице носити». И иде на царьской двор и скажетъ царицѣ про венецъ царьской златый. И царица велѣла его пред себя поставить. И поиде посланникъ ко царице и рече ему царица: «Сказали мнѣ, *что есть* у тебя венецъ царьской златый и с самоцвѣтнымъ каменемъ». И посланникъ покажетъ ей венецъ. И царица рече ему: «Что цѣна монисту тому?» И посланникъ рече: «Государыня царица, от неволи продаю, на проходъ, нѣчего на чужемъ царьствѣ ѣсти, снял есми идучи со своей дѣвки, с водоноски, тот венецъ да тѣ рукавцы у меня подержаны, и не твойские, царица, сиротье поношение, а у нас тому не жадны». И царица рече ему: «Есть ли у вашего царя Пора царица?» И посланникъ рече: «Пытает нашъ царь себѣ царицы и мѣсто ей уготованно». И царица рече: «Азъ хотѣла есми итти за вашего царя Пора премудраго». И посланникъ рече: «А меня для того и послалъ царь Пор, для тебя». И царица рече: «Пойти мнѣ от царя Соломана немощно, царь Соломанъ премудръ». И посланникъ рече: «Царица, толко бы ты похотѣла, а язъ могу тебя увезти у него». И царица рече: «Пойтти тобѣ со мною по земли и царь Соломанъ лютымъ звѣремъ доступит, а подымешь меня на крыль — и царь Соломанъ яснымъ соколомъ долѣтит, а в море шукою догонитъ». И посланникъ рече: «Царица, дам тебѣ забудущее зелье и тебя мертвую доспѣю, и унесу на корабль».

И по совѣту дасть посланникъ царицѣ зѣля, и царица мертва бысть; и пришли слуги царицы и рекутъ царю Соломану: «Государь царь Соломанъ, твоя царица умерла». И Соломанъ рече: «Отца моего слово збылось мнѣ». И поиде к мертвой царице. И узрилъ мертвую свою царицу — лежит на одре. И Соломанъ велѣлъ сковать гвоздѣ желѣзное и жигало¹, и велить в бѣдру горячей гвоздѣ колоть. И железо скипѣло в мертвой бѣдрѣ. И Соломанъ рече: «Мертва бысть».

И схоронилъ еѣ с великою честию и у гробницы поставилъ стражи многіе. И пришелъ посланникъ, а сторожи стерегутъ крѣпко. И посланникъ пустил на сторожей сонъ мертвой. И послули сторожи. И посланникъ вынес гробницу со

¹ каленое железо для прожигания дыр.

царицею и принесе на корабль, и побѣжал на корабль по морю. И прибѣжал к Порову царству, и оживилъ царицу и привелъ ко царю Пору живую. И царь Поръ посланнику великую честь воздал.

И послѣ того сторожи от сна очьнулись, а гробницы и со царицею нетъ, и сказали царю Соломану: «Государь царь Соломанъ, твоя царица у нас украдена и з гробницью». И царь Соломанъ в великую кручину впаде и в недоумѣние. И полѣтъ под небѣса ясным соколом, и не объемлет под небѣсным облаком, и поиде по земли лютым зверемъ, и не оптече нигдѣ же, и поповет шукою в море, и не опловеть нигдѣ же. И бысть Соломан в велицѣй печали.

И пришелъ сыльный посол от царя Пора и рече царю: «Соломане, царь Поръ прислалъ к тебѣ, что в прошлое лѣто присылалъ еси ко мнѣ посла своего и перстень златый в дарехъ прислалъ еси и со царицею моею пребыл еси в моемъ царстве, а нынѣ азъ с твоею царицью пребываю и твоя царица топера у меня Пора во царстве».

И царь Соломан печалень бысть.

И потом учалъ рать копити, и собрал войска своего 40 тысяч, и пошел на царя Пора со своими со многими силами. И проиде многие царства, и приде во царство ко царю Пору, и поставилъ свои крѣпкия воеводы и силу, и рече своимъ силам: царемъ и уланом, и сильным князем, и крѣпким воеводам: «Стойте вы с силами, а меня отпустите во царство ко царю Пору, увижу и услышу своим оком и ухом свою царицу, а вы, цари и уланы, и сильныя князи, и крѣпкия воеводы, ждите к себѣ от меня троенаго гласу, в кой час труба вострубить, и вы седлайте добрых коней, а в другой час труба вострубить — и вы поспешите, а добрых коней не жалѣйте, а в третьей час труба вострубить, а глас слышите, труба заговорит, аки заплачетъ, и вы напушайте, и секите, и топчите, живота не давайте, милости не кажите, а не будетъ троенаго гласа в день, в десятый час, и вы поидите во свою землю, и в мое царство, а меня не ждите — и в животъ меня не будетъ и великую память по мнѣ и по моемъ животѣ держите, а меня поминайте. А вы, цари и уланы, и сильные князи, и крѣпкия воеводы, простите меня и благословите».

А сам царь Соломанъ пошел во царство Порово в нищенском образе. И поиде по цареву двору, и узрела Соломона царица его, испужалась зраку его и рекла себѣ: «Не ушла есми от царя Соломана ко царю Пору». И учела в велицѣй тоски быть и думу думать, и приступи страх великъ. И пришел Соломанъ ко царице в полату, и рече ему царица: «Почто ты, царю Соломане, пришелъ?» А страх великъ держитъ от него. И Соломан рече ей: «Али ты меня знаешь, что аз пришелъ за твоею красотою и дорогим умом и сладисловом?» И царица рече ему: «Придет-де ко мнѣ царь Поръ на постелю к потѣхе». И пошлет царица Соломана в полату в переделець, тут же прикроетъ его ковром. В той час пришел царь Поръ ко царице и любитъ еѣ и изложит еѣ на царскую постѣлю. И царица рече ему: «Что ты меня любиешь? А толко в тѣ поры придетъ царь Соломанъ?»

И царь Пор рече: «Готов есми бѣтися с ним острым мечемъ». И царица рече: «Соломанъ, выступи!» И Соломан выступил и не поклонился царю и емълетъ свою царицу за руку и говорит тако: «Моя царица!» А царь Пор рече: «То моя жена, а толко бы твоя царица была, ино бы у тебя во царьстве была. Премудр еси ты, царь Соломан, два медведя в одном берлоге не уживутся, а два мужа у одное жены не могут ужиться. Коей ты смерти хочешь?» И Соломан рече: «Вѣдаешь ты, государь царь Пор, у тебя в рукахъ, твоя воля царьская». И царь Поръ рече: «Пошлю тебя к бѣлѣвежи¹ и велю с тебя голову снять острымъ мечем, или по улицам розмыкать, или красной смерти: повесить велю тебя». И Соломанъ рече: «Дай мнѣ красную смерть повѣшеную». И царь дасть его пилату², и пилат поставил на царя Соломана прясла³. Воспалив же ся царь Поръ на царя Соломана и велѣлъ на пряслах поставить три осила⁴: осиль шелковой, а другой осил — серъбряной, а сверхъ тѣхъ золотой осил. И пилат рече: «Государь царь Пор, твоя страшная и грозная смерть поставлена на царя Соломана». И царь Поръ рече: «Поведите его на страшную смерть». И поведе пилат царя Соломана повѣсить. И выехал царь Пор и с царицѣю и весь миръ учели смотреть, какъ повѣдут на смерть Соломана царя. И Соломанъ рече: «Брате пилатъ, молви своему царю Пору, что царь Соломанъ просит ворона меду испити, чтобы не страшна смерть была царева Порова, и попроси у него златыя трубы: смала был есми охочь в трубную игру играть ратную». И принесе скоро кубецъ ворона меду и златую трубу. И Соломан испивает ворона меду ис купца и емлет златую трубу, у шелкова осила стоячи. И заиграл в златую трубу, ратным рострубом трубить, и земля воздвигнется от трубнаго гласа, тѣмъ рострубом своим слово молвит: «Седлайте добрых коней и поспѣшите, цари и уланы и силныя князи и крѣпкие воеводы!»

И пилат рече: «Царь Соломанъ, видишь, в коем мѣстѣ смерть будет?» И Соломан рече: «Брате пилат, не сойду азъ от осиловъ даром, вижу в коем мѣсте смерть моя будет». И взошел на другой восход — осиль серебряной — и вострубил ратным голосом, а труба златая говорит тако: «Поспѣшите мои милыя друзи, и не жалѣйте добрых коней. А царь Поръ стоит и съ царицею у моей у страшныя смерти, а вы, цари и уланы, и силныя князи, и крѣпкия воеводы поспѣшите ко мнѣ скоро». И от Соломанова войска земля дрожит.

А сам Соломанъ идет на третьей восход к золоту осилу, а у царя Пора просит ворона меду испити, и испивает царь Соломан ворона мѣду, и узрил ясных соколов и бѣлых крѣчат, то ти своих силных воевод, вострубил ратным голосом, а труба златая говорит, что плачет: «Напускайте и секите и топчите, живота не давайте, милости не кажите, поворотите свирлу к земли». И царь Соломанъ в величѣй радости *идетъ к землѣ на трѣтей исход с первые своєї смерти. И его цари и уланы, и крепкие воеводы и все сильное войско падают прѣдъ царемъ Соломаном о сыру землю и держатъ царя Пору и с царицею во*

¹ ср.: бѣлежити — клеймить; ² палачу; ³ виселицу; ⁴ петли.

своих полках. И царь Пор с царицею падаютъ на свои царские колѣни прѣдъ царемъ Соломаном. И рече царь Соломан: «Царю Порѣ, царица глупая и неразумная погубитъ человека вскорѣ, велѣла на мѣня три осила поставить: осил шелъковой, а другой осил срѣбряной, а трѣтей сверхъ тѣхъ осиловъ златой. Перевил бы осил веревкою лыченою, лапотною и в том бы удавился, такова же смерть.

И царь Пор повесилъ главу свою буйную и не могъ видеть себя, да не пособить. И царь Соломан скоро велитъ с обѣихъ головы снять острым мечѣмъ и велитъ раздергнуть скоро, а Поровых людей, кои старыя и не могли битись, и велѣлъ с собою взять, а то всѣх прибили и присекли, злато же и серебро и многое имѣние велѣлъ к себѣ перевозити, и добрыхъ коней велѣлъ стадами выгонити, а Порово царство попленил, Пору царя и с царицею погубил, предалъ злой смерти и оттого ему многие цари и князи подклонились подь его руку, слышачи ему премудрость, а царь Соломан сталъ в велицей славе и высокъ. И услышав то царь Давыдъ сына своего премудрость, царя Соломана, что онъ обладал многими землями и всякими ордами и власть над ними взял великую и велми рад бысть тому.

Конец. Аминь.

ПОВЕСТЬ ОБ АСТРОЛОГЕ МУСТАЕДДЫНЕ

Всегда предкове наши собраньем ходили на волка, егоже такъ удобно ловили. Сим же образомъ вкупѣ на турка идите христиане, аще жити в мирѣ вы хотите.

Лѣта господня 1596-го.

Всякъ вѣдати имать сие, и истинна есть повѣсть моя, зане лутче вѣмъ и совершеннѣе, неже соравненники¹ мои, яко турки по вся времена владѣння своего побѣдителями выну суще над всѣми, ей, народы бывают, но никоегоже к себѣ множае народа не почитаютъ, ниже на каковъ озыраются, ниже коего зѣлнеѣ боятся, яко московского и польского народу. Аще ли кто вѣдати желаетъ, откуда ми сие вѣстно есть, тогда вократце сие объявлю.

Сулиман, салтанъ турской,* прадѣдъ нынѣшнему Махмету-салтану,* человекъ мудръ, праведен, воздержателенъ, милостив зѣло, не точию турские, но и христианские убогие дома милостынями удовольствуяй, и искусенъ сущъ и в художествѣ небесных течений, и из нихже усматривая узналъ, яко государство и монархия Турская ни от коего народу, токмо от польского изгублено будет, откуда ему сие приходило, что польской народ нѣкогда с московским полунощным народом случится² имать. Того ради никогда на Польшу не наступалъ, хотя и иным турком и пашом удобнѣйшее время к разорению и скорѣйшому обладѣнию показалось, будучи так блиско, понеже городовъ и крѣпостей не имѣеть и приступление³ абие готовое турком и татаромъ само по себѣ является. И то разсуждая, иных народовъ, яко уже прежде рекох, вмалѣ почитал, брань с ними творя и оных попирая. Народ же польской и московской всегда между инными народы чтить, почитал, любилъ, страшился ихъ, перемирья с ними постоянно содерживал. И сверхъ сего, егда выѣхалъ в венгерскую землю, гдѣ потом Сыгерѣ-град взялъ, тогда духовную написав, отдал ю одному славному своему везиру Смахмет-паше, единому от князей словенскихъ наслѣднику, идѣже сие написано бысть: «Вѣмъ, яко из тоя войны не возвращуся, обчае в Бозѣ имамъ надежду и в пророкѣ Махметѣ, что тамо всуе не поѣду. Тѣм же и сынъ мой Се-

---

¹ современники; ² соединится; ³ доступность, приступ.

лимъ, иже по мнѣ владѣти учнетъ, и наслѣдники его вѣдати о семъ имѣют, что Богъ, сие небо и звѣзды его изъясляютъ, яко некоторой народ никогда вредити не можетъ сему государству, кромѣ самого народу польского. Тѣмже повелѣваю и увѣщаваю, дабы есте никогда на польской народ не наступали* и сабли свои не подымали. Вельми паче о семъ 'радѣние чините'¹, какъ бы ихъ к тому привести, чтобы со иными королями и князьями христианскими не соединились, ибо истинно есть, докуль вы тому перемирью нерушимо и вѣру крѣпко содержати учнете, то и они вамъ оное содержать. Но какъ скоро вы есте на них несправедливо и насильствомъ силою своею восхотѣли наступити, а они бы соединились со Вѣденскимъ королемъ* (такъ убо цесаря христианского называютъ турки) или с царемъ Московскимъ, тогда истинну глаголю, что абие уже надходитъ падение государства Турского, то есть Отоманского. Заклинаю тогда сына своего и везыровъ его, и всѣхъ наслѣдниковъ Отоманскихъ, дабы никогда с саблями своими противъ народу польского возноситься не дерзали, аще восхотятъ, чтобы то государство нерушимо долго пребывало».

Сей тогда есть разумъ духовного писма салтанъ-Сулеймана, салтана Турского, которое и по се время соблюдаютъ в казнѣ константинопольской, еже салтанъ Селимъ, сын Сулеймановъ, даже до смерти своя постоянно хранил, содержа нерушимо перемирью с народомъ польскимъ. Послѣди же салтанъ Муратъ* учал сомнѣваться о томъ духовномъ писмѣ, сказывая, яко сие Сулейман, дѣдъ его, учинилъ жены своя ради (яже бѣ отъ рода российскаго дщерь священника изъ Рогатына).* И какъ скоро сѣде на государство, помыслилъ воздвигнути войну на христианъ, и иные всѣ везыры и паши совѣтовали ему, чтобы прежде на Польшу войну началъ. И сказали оному вси, имянно чауши², которые часто в Польшу бывали, что все государство Польское въ единъ годъ овладѣетъ, только забавитъ³ Каменецъ и Львовъ, а по семъ и обо всемъ христианствѣ покуситися⁴ и овладѣти можетъ.

Махметъ-паша понеже в то время еще живъ былъ, которому Сулейман-салтанъ отдалъ духовную свою к сохранению, имѣя первой чинъ, или везырство, у дѣда, и у сына, и у него, — тогда велѣлъ из казны оное духовное письмо принести, дѣда его, салтана Сулеймана, и прочетши оное, пространными словами салтану сие к разсуждению приводилъ, дабы, мимо пущая Польшу, шел со всею силою в венгерскую и немецкіе земли. Но между симъ Господь Богъ устроилъ иную жертву: возбудилъ персидскаго шаха и нѣкоторыхъ аравитцкихъ князей, на которыхъ оную силу, противъ христианъ изготовленную, на арапы и персиды обратити принужденъ. В то же время, будучи онъ в частыхъ болѣзняхъ и не могучи самъ на войну ѣхать, возлюбилъ отчасти астрологию и призвалъ себя от Египта из Александрии, из Дамаска, и изъ иныхъ государствъ научныхъ звѣздословцевъ, иже его учачу художества того, чтуще ему о томъ частократно.

¹—1 заботу проявляйте; ² курьеры; здесь, м. б., лазутчики; ³ займет; ⁴ дерзнет.

Услышав же о сем единъ астрологъ, Мустаеддинъ прозвищемъ нарицаемый, человекъ зѣло ученъ и искусенъ в томъ художествѣ, поѣхалъ с купцы перскими в Костянтинополь и наняв себѣ избу в Скутарѣ-градѣ, иже древле нареченъ быаше Калкидонъ, положениемъ сопровтивъ Константинополя* над самымъ морем, идѣже поживе нѣколько недѣль. О немъ же егда салтанъ турецкой Муратъ вѣдомость воспринять, повелѣ его призвати к себѣ и вопросы его, аще лутше наученъ есть в художествѣ? «Болии азъ есмь мастеръ, нежели твои астрологи, однако же еже умѣю, покажу, и они потому же, что умѣютъ, да покажут. Ты же, аки премудрый государь, удобно¹ что бѣло и что черно разсудити можешь».

Вопроша же его салтанъ Муратъ: «Мустаеддынъ, можешь ли ми впредь будущая сказати, или ни?» Отвѣщалъ: «Аще ли то Богъ далъ лѣкарю, яко художествомъ своимъ познаваетъ по лицу человекъ смертнаго, вельми множае далъ Богъ тѣмъ, иже о небесныхъ спрашиваютъ ся вещей и во оныхъ ся обучиваютъ. Господь Богъ да сотворяетъ салтану, государю моему, изо всякаго дня тысящу дней во долгое житие, Божиею помощію мошно ми есть и симъ учениемъ небеснымъ сказати будущая, точию бы когда быхъ имѣлъ какое мѣсто и особой вертоград² на высокомъ мѣсте со орудий звѣздочетными». Велѣлъ ему салтанъ дать вся, яже к тому потребна суть. Придавъ ему и казначья с колико десять тысящми червонныхъ золотыхъ. Онъ же, переѣхавъ чрезъ море на ту сторону, усмотрѣлъ себѣ изрядное мѣсто и вертоградъ за Галатою, от котораго мѣста не токмо Константинополь и корабли к пристанищу приходяще, но и карабли, и катарги³, и ⁴пушечной наряд⁴ далече на море сквозь Константинополь видѣти моглъ. Якоже тотъ вертоградъ предъ лѣты красенъ былъ, належащъ единому италянину изъ Венеции (нѣкоему утаенному, иже изъ Венеции ушелъ бѣ и обусорманился), но по смерти его обрушились были каменные стѣны, тогда тамо послано нѣсколько сотъ людей адьямалыгланъ,* (ихже имутъ за десятину отъ христианъ бѣдныхъ и плачевныхъ), которые, оное мѣсто оградивше каменною стѣною, изрядныхъ древесъ насадиша и различныхъ травъ насыяша, также и кладезь устроиху зѣло прекрасный. В посреди же того вертограда повелѣ астрологъ тотъ каменный столпъ поставить вышиною яко на двѣ копии.* А половина того столпа здѣлана была изъ дерева зѣло стройно вверху каменного тако, что кругомъ обращался движениемъ единого токмо самаго онаго Мустаеддына-астролога, которой днемъ и ноцию смотрѣлъ на небо чрезъ трубу мѣдную, яже здѣлана была чрезъ деревяной столпъ и прозорь имѣла отъ низу кверху. Велѣлъ такожде себѣ зѣло великихъ мѣдныхъ круглыхъ колесъ въ 12 сажень здѣлать, ихже по семъ сиче спаяно, что вмѣсто складались на образъ глобуса,* на коихъ разные арапского и персидского писемъ слова и небесные знаки были.

Понеже тогда отъ салтанова двора и изъ полатъ его видимъ былъ столпъ тотъ новоустроенной, вшелъ салтанъ по обычаю в лодку с своими комнатными и пере-

¹ легко; ² сад; ³ гребные суда; ⁴—⁴ артиллерию.

ѣхал через море, всяде на конь и, приѣхав в вертоград, обрѣте астролога, смотрящаго на небо и пишуща нѣкакие черты. Вопросы его по сем: «Скажи ми, не видѣл ли еси какие именитые¹ мимошедшие притчи?» Он же рече к нему: «Господь Богъ тебѣ ото всякого дня единого тысящу дней салтану, государю моему, да сотворит! Нѣсть ничтоже зла тебѣ, все доброе и благополучное видѣх». Рече паки салтанъ: «Но что же видѣлъ еси? Повѣждь ми, да увѣмъ учение твое и искусство». Он же ему: «Буди долговѣченъ, салтан, государь мой великой и знатной! Первоначальнѣйший невольникъ твой лютою смертию згинет». Вопросы его салтанъ: «Аще в Константинополи, или во Египтѣ, или во ином коем государствѣ?» Отвѣща, яко «иже под боком твоим пребываетъ, и тот, сѣдѣе на судѣ, злѣ погибнет». Ждал же того дни салтанъ, размышляя в себѣ: «Которой везирь умрет и естли то збудется, что астролог говорил?» И между симъ абие учинена вѣдомость, что нынѣ един де ли или казакъ бѣдной убил Махмет-пашу, первоначальнѣйшаго везыря. Вельѣлъ его салтан к себѣ привести и спросити, почто онъ везыря убил? Он же отвѣща: «Для того убих его, что мою убогую заслугу, у меня взявъ, иному отдалъ. И азъ сотворився безумным и долго его стерегъ, да же усмотрив время, ножом моимъ, в бумагу *обернув* вмѣсто челобитной, убивъ его закололъ и обиду мою с великою радостію отомстилъ есми». Повелѣ же салтанъ того измышленнаго безумнаго коньми волочить по Царѣграду, да же умре, посем на крюкъ повѣсити.

Дивлялся потом и часто помышлял салтанъ о сем астрологе и о умѣнии его. Прилучися паки, что ѣхаль морем из единаго доброзрячнаго вертограда, по которой есть к Черному морю во Азии,* повелѣ судно припустити³ к берегу, ко овому астрологу и вертограду, идѣже пребывает. Приѣхав же тамо, повелѣ призвати его к себѣ. Он же изшел, но лицом смущенным. Рече к нему салтанъ: «Узнах уже правду твою со жалѣниемъ моим. Повѣждь нынѣ, аще ли еси видѣлъ нѣчто опасное?» Он же отвѣща: «Здрав буди вовѣки, салтаново величество, все добро в твоей мочи и не есть ничтоже злобное». Салтан же видя его, яко истинно дражащаго, рече со гнѣвомъ: «Буде доброе или горчайшее, скажи ми, Мустаеддынъ!» — «Аще, салтан, государь мой, сотворишь перемирье между гнѣвомъ своимъ и душою моею, и азъ, раб, должен буду сказати, еже видѣхъ». Рече же салтанъ к нему: «Душою предковъ моих и отца моего кленуся, что тебе ничтоже учинитися имать, повѣждь ми безопасно». Астролог же к нему глагола: «Множество людей твоихъ мусульманскихъ, имянно же великия войска твои, от неприятелей твоихъ погибнуть». И по сем салтанъ печален отиде. И не прошло двадцати дней, когда Османъ-пашу персиды побили под Тивиріемъ, градом столнимъ персидские земли,* яко в то время 80 000 турковъ погибло, а Османъ-паша, со остальными людьми уходя, от печали и болѣзни умре. По сем же

¹ знаменитые; ² указания, беды; ³ привести.

салтанъ зѣло заскорбѣ, и смутися сердце его против астролога, и чрез многое время у него не бываше.

Потом же помысли еще единожды астролога того посѣтити, но не заста его. И тогда вопрошаше вертоградаря и адымагдаланъ, камо отиде. Они же сказали, яко нѣгде поиде прохладатися по винограду. Повель его искати, и не обрѣтоша его. Во утрии же обрѣтше его дверники, к салтану приведоша зѣло страхом исполненного. Узрѣв же его, салтанъ пригласи его умилными словесы к себѣ, глаголя к нему: «Не бойся, под клятвою, юже сотворих ти, ничтоже зло учинится тебѣ. Повѣждь ми точию, что видѣл еси?» Отвѣща ему астрологъ с клятвою, яко «ничтоже вредително видѣхъ». Тогда рече к нему салтан: «Прошу тя, присмотрися прилѣжно течению небесному, да увѣси, долго ли сие государство состоятся¹ может и от какова разорено и погублено имать быти народа?» Он же, поклонився ему, рече: «Сотворю, салтанъ-государь, яко повелѣлъ ми еси», — и отиде. Не истерпѣв же салтанъ, но во третий день в вертоград паки приѣде, прилѣжно вопрошая у астролога своего о будущем, но онъ долгое время возбранися² сказати, даже упрошениемъ и обѣщаниемъ обнадеженъ сущъ. Рече по сем сице: «Буди здравъ, салтанъ, государь мой, Господь Богъ да розмножит и сотворит от всякого дня тысящу дней! Ты же в мирѣ поживеши, покамѣсть самъ похощеши, и побѣду получиши над всѣми неприятельми твоими, и никакой народ тебѣ и государству твоему страшень не будетъ, и никто побѣды над тобою не одержитъ, доколѣ в мирѣ сохранишь и перемирье содержишь съ единым народом в сосѣдствѣ оттуду, от полунощи, идѣже восходитъ колесница небесная. Сей народ от предковъ своихъ храбръ и славенъ есть, но нынѣ зѣло лѣнив к войнѣ и несогласенъ. Однако же народ тот добръ счастливъ, сего ради не задержися с ними, аще похощеши в покое сохранить государство свое, убо какъ скоро тѣ приобщились бы к людем и к народу себе ближнему, от полунощи к востоку живущему,* тогда безо всяких трудов сие государство овладѣти возмогутъ».

Поѣхаль по сем салтанъ прочь от него и, призвав к себѣ пашей своих, также и первоначальнѣйшаго духовнаго своего со иными наученными, извѣщая имъ вся сия будущая и мимошедшая вещи и вопрошая ихъ, что они вѣдают и разумѣют о семъ государствѣ, какъ долго имать пребывати. Повѣсть³ же творили они и толковали Алкоранъ пророка своего Махмета, показывая, яко до тысящи лѣтъ токмо тому государству пребыти, и тако кончину и послѣднее падение в году 1591-м быти разумѣли тому государству, в то время, егда салтанъ турецкой посылал войско свое зъ беглербегом грекомъ до Снятина,* о чем, даст Богъ, пространнѣе и во иных вещех в латинском писмѣ воспоминаенно будет. Астрологовую⁴ рѣчь совершаю⁴ и глаголю, яко тѣ люди, в бусурманской ереси Махметовой наученные, салтану то показали, что тая наука, кую персид тотъ умѣет, бѣсовская есть: «И аще ты, салтан, человекъа того не изгубишь, тогда сия вся,

¹ существовать; ² отказывался; ³ объяснение; ^{4—4} рассказ оканчиваю.

яже ти рекль есть, дѣлом збытися могутъ. Но аще ли умрет, тогда и дѣйства его изреченныя уставитися¹ должны, и государству сему ничтоже вящше вредитися можетъ».

Тогда салтанъ, абие призвавъ старѣшаго от дверников, повелъ ему итти со нѣколикими, дабы Мустаеддына-астролога взяли и, связавъ, в море его вкинули. Иже как скоро в вертоград внидоша, абие стрѣте ихъ веселым лицом, рекъ: «Здравствуйте, господа, так тыр улла, то есть, суд Божий или предположение никогоже мимо идетъ. Рыбы морские днесъ ми гробом будут, народ же полуношный вскорѣ вами владствовати учнетъ». Взяли его по сем и в море между Галатою и Константинополем вкинули и тако утопили. Такову кончину восприят сей славный астрологъ. Его же вертоград, и столпъ, и вся орудия повелъ абие салтанъ разорити и сокрушити, которой по се время пустьъ стоить.

---

¹ отвратиться.

ПОВЕСТЬ О ПОРТУГАЛЬСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ

ПОВѢСТЬ БЫВШАГО ПОСОЛЬСТВА В ПОРТУГАЛСКОЙ ЗЕМЛИ. ИСТОРИЯ О ПОРТУГАЛСКОМЪ И БРАНДЕБУРГСКОМ* МУДРЕЦАХЪ

В Пуртугалской земли былъ краль, имѣя у себя дщерь ¹чюднѣ доброты¹, велми² прекрасну и прѣлѣпу³ лицомъ, премудру и умомъ и разумомъ, предуспѣвающу во всѣхъ девахъ. Ея же нарицаху — вторая премудрая Никастрата.* Великия же ея ради доброты и премудрости, и красоты лица ея мнози иностраннии царие и крали пословъ своихъ присылаху ко кралю португалскому, да дасть дщерь свою единому от нихъ в жену. Он же всемъ одинако обѣща: «Аще кий⁴ царь или краль восхощетъ дщери моя в жену, той да пришлетъ премудра челоуѣка, да нѣмому добръ⁵ отвѣтъ дасть, потомъ ⁶и иная отвѣщаетъ⁶. Той да приметъ дщерь мою в жену себѣ». И того ради мнози цари и крали посольства с нимъ чинити⁷ не хотѣша, понеже⁸ невозможно челоуѣку знати ⁹у негомо вѣдание⁹.

Слышавъ же о добротѣ португалской кралевны, брандебургской земли краль присла и той, якоже и протчии, ко кралю португалскому, яко да дасть ему за сына его дщерь свою, кралевну, в жену. Краль же португалской и тому даде отвѣтъ, якоже и выше явлено¹⁰. Слышавъ же краль брандебургский от пословъ своихъ таковая, призва к себѣ разумныхъ купецъ своя земли и повелѣ имъ ѣхати в Португалскую землю и заповѣда¹¹ имъ, ¹²да не на лице кралевны португалской видѣвше, знатнымъ или истиннымъ слышаниемъ от видящихъ ю, напишутъ, да не точию написану доброту ея видѣтъ¹². Купцы же, бывше да ти в Португалии, королевского же повелениемъ же, увѣдати и португалской королѣвны видѣти не возмогоша¹³, и возвратишася ко кралю своему бездѣльны¹⁴.

Краль же брандебургской повелѣ по всей своей королевской державѣ кличь кликати, яко ды изыщется таковой мужъ, кто бы немому отвѣтъ далъ,

---

¹—¹ очень добродетельную; ² очень, весьма; ³ пригожую; ⁴ если какой-нибудь; ⁵ правильный, верный; ⁶—⁶ и на другие вопросы ответит; ⁷ иметь; ⁸ потому что; ⁹—⁹ мыслей негомо; ¹⁰ сказано; ¹¹ приказал; ¹²—¹² если не увидят лица португалской королевны, то по достоверным свидетельствам очевидцев пусть опишут ее, чтобы не только из рассказов знать о ее достоинствах; ¹³ не смогли; ¹⁴ безрезультатно.

обещаяся такового великими богатства обогатить, славою же и честию почитать. ¹По неколице же времени от проста нѣкто и неславна рода и весма немый ни от кого чести¹, рече ко взыскавшему: «²Азь — мний и послѣдний² королевские державы челоувѣкъ, могут и немому отвѣтъ дати!» Вскорѣ же таковая по извѣщению и самому кралю изрече. Краль же, якоже прежде обещася, паки дѣломъ³ вскорѣ исполнити обещаваеъ. И въскорѣ во славъ и чести велицей послом в Португалскую землю посылаеъся.

Сему же тако и португалскому королю о приходѣ его увѣдешу⁴, по обычаю тоя земли приемлется и по достоянню⁵ в посолская жилища устрояеъся. По времени же король повелѣваеъ быти посолству. ⁶Ту же, нигдѣ таи, и самъ се дя, — да видить таковая⁶.

В первой день, во единой от королевских полатъ, ⁷единому прямо другаго⁷, по обычаю, ⁸мало подалѣ ставшу⁸.

Португалской единѣ от перстѣ своя десницы⁹ постави ¹⁰прямо себѣ¹⁰ к высотѣ.

Брандебурской той же перстѣ такожде к высотѣ и обрати его к землѣ.

Португалской единымѣ перстом показа ¹¹прямо ему¹¹.

Брандебурской два перста показа *прямо* ему.

Португалской обоими руками браду свою поглажда.

Брандебурской такожде обоими руками власы на главѣ своей многажды потре.

По семь единѣ другому покълонися, такожде и оба — королю, хотяще разытися до утрия.

Пославѣ же король брандебурскаго посла и своего вопросити о показании перстовѣ и поглаждении брады.

Се рекѣ мудрецъ: «Показаниемѣ перста в высоту вопросихъ его: „Кто сотвори небо и свѣтъ?“ Онѣ убо¹², в высоту показа и к земли обрати, премудро отвѣща ми, яко — „Той же и землю сотвори“. ¹³А еже азь¹³ перстом показа прямо ему, — вопросихъ его: „Кто сотвори Адама?“ Он же два перста показа ми, отвѣщая, яко: „Той же и Еву сотвори“. А еже обоими руками браду поглажда, вопросихъ его: „Кто даде санѣ¹⁴ челоувѣку?“ Он же терниемъ¹⁵ власовѣ главы своя, отвѣща ми: „Той же даде и главѣнии власы“».

Слышавѣ же сия, король похвали его о мудрости и отпусти его.

Повелѣ же другаго, отвѣтъ дающаго, поставити предъ ся, да извѣстнѣ¹⁶ скажетъ о отвѣте, еже¹⁷ отвѣща мудрецу.

¹— вскоре некий человек из простых, и незнатного происхождения, и никому не известный; ²—² я — хотя и небольшой и незнатный; ³ так и в действительности; ⁴ узнавшему; ⁵ как подобает; ⁶—⁶ тут же (где будет происходить спор), не прячась, решил присутствовать король, чтобы видеть ход спора; ⁷—⁷ один против другого; ⁸—⁸ недалеко друг от друга встали; ⁹ правой руки; ¹⁰—¹⁰ перед собой; ¹¹—¹¹ на него; ¹² же; ¹³—¹³ а то, что я; ¹⁴ лик; ¹⁵ трением; ¹⁶ точно; ¹⁷ что.

И рече: «Твой мудрецъ, державный королю, показаниемъ перста, хотяща жива кверху подняти. Азь же ¹не точию по егову¹ сотворю, но и къ самой земли приклоню, и ударю о землю, и зъ землю смѣшу². Онъ ми показа единъ персть, хотя ми око исколоти, азь два противо показа, рѣхъ³: „И оба ока исколю!“ Онъ ми браду поглаждая, хотя мою браду драти, азь же и главнии власы трохъ, рѣхъ: „Не точию⁴ браду твою, но и главния власы всѣ выдеру!“»

Король же, сия слышавъ, подивися и отпусти его. Предстоящим же своим рече: «Видите толику мудрость, яко в помовании⁵ рук обоихъ разни добръ есть и истинно. Отвѣти же обоихъ разни, но аще и разни, но ⁶по настоящему дѣйству⁶ же и помованию, книждо⁷ же по своему смышлению надѣяся тако истиннѣ быти».

И сия рекъ, разыдошася до утрия.

Во второй день паки⁸ имъ пред королемъ, по обычаю, ставшим, португалской мудрецъ двократно и трикратно пожимая и потирая персты рукъ своих.

Брандебурской, якоже у рукъ, такоже и у ногъ пожимая и потирая.

Португалской примѣ воду и десницею поливая на лице свое.

Брандебурской такоже примѣ воду и возьмѣ десницею своею мало земли и с водою персть⁹ поливая на лице свое.

Португалской десную руку показа, таже¹⁰ лѣвую.

Брандебурской едину лѣвую показуя ¹¹двократы и трократы¹¹.

И по семь абие¹², по обычаю, един другому поклонися. Такоже и оба королю, и разыдошася.

По обычаю же своему король одинаго отсылаеть, а другаго вопрошаеть о бѣсѣдѣ ихъ.

И рече: «Азь пожиманиемъ рукъ вопрошахъ его: „Кто сотвори множества народа?“ Онъ, руками и ногами пожимая, отвѣща ми, яко: „Со множествомъ народа и бесловесныя¹³ вся сотвори Богъ” — руками объявляя множества народа, ногами же — бѣзсловесное всѣ. Поливаниемъ же воды на лице свое вопрошахъ его: „¹⁴Киихъ вящихъ¹⁴ на земли, — чистыхъ¹⁵ ли чловѣкъ и достойныхъ Богу, — или недостойныхъ?“ Он же перстию и водою поливал лице свое, отвѣща ми, яко: „Множае¹⁶ съкверныхъ чловѣкъ и недостойныхъ Богу”. Азь десную руку показавъ, потом лѣвую, вопрошахъ его: „Мужеска ли полу вящи или женеска?“ Он же, едину точию¹⁷ лѣвую показуя, отвѣща, яко: „Болѣ есть женскаго роду”».

Слышавъ сия король от мудреца своего, похваливъ его и отпусти.

Потом другаго вопрошает.

¹—¹ не только, как он; ² смешаю; ³ сказал; ⁴ не только; ⁵ в знаках; ⁶—⁶ в соответствии с их движениями; ⁷ каждый; ⁸ снова; ⁹ землю, грязь; ¹⁰ потом, затем; ¹¹—¹¹ дважды и трижды; ¹² внезапно, сразу; ¹³ бессловесных — животных; ¹⁴—¹⁴ кого больше; ¹⁵ праведных; ¹⁶ больше; ¹⁷ только.

И рече: «Честныя твоя королевские державы мудрецъ хочет мя бити и персты рукъ моихъ ломати. Азь не точию у рукъ, но и у ногъ переломаяю! Онъ, воду лия на ся, хочеть мя в водѣ потопити. Азь надѣюся и всего в грязь втопѣтати! Онъ, руце *мнѣ* показуя, хочеть мя бити. Азь единою точию преодолѣю ему рукою!»

Слышавъ же сия, краль подивися о отвѣтѣхъ его, и отпусти его до утрия.

В третій же день паки имъ пред королемъ, по обычаю, ставшимъ, и бесѣдѣ бывши.

Португалской, примъ жезлъ и подержа его мало стоячего, таже положи на землю и паки взять.

Брандебургской такожде жезлъ примъ и броси на землю, и не прикоснуса ему.

Португалской сосудъ воды около нѣкия малыя персти круговидно обнѣсе и постави, по семь малую персть¹ земли около воднаго сосуда обнесе и землю на свое мѣсто положи.

Брандебургской тую же воду около малыя персти обнесѣ и постави. Малую же персть земли всыпа в сосудъ, и отшед, и ста на своемъ мѣсте.

Португалской малую персть земли окружая малыми и великими круги своея руки.

Брандебургской единѣмъ точию перстомъ уткну в землю.

По семь паки, по обычаю, единъ другому поклонися и разыдошася.

Король же, якоже и прежде, одинаго отсылаеть, а своего вопрошаеть.

И рече: «Жезлъ стоящий, положихъ и паки взяхъ, — вопрошахъ его: „Кого древа болши — стоящаго ли или лежащаго?“ Онъ повержениемъ жезла отвѣща ми, яко: „Лѣжащаго болши, нежели стоящаго“. Азь убо водою в сосудъ и малую перстию земли вопросихъ его: „Воды ли болши или земли?“ Онъ водою отвѣща ми, яко: „Да вода всю землю окружаетъ, но обаче² земли болши, понеже³ воды внутрь себѣ имѣють горы великия” — ⁴еже землю въ воду вложи⁴. Азь убо землю перстомъ окружахъ, — вопросихъ его: „Велика ли земля пред водами?“ Онъ отвѣща ми, яко: „Пространство ея подобно сему единому ткнению перста”».

Слышавъ сия, король сего отпусти, другаго вопрошаеть.

Вскорѣ же абие отвѣщаеть: «Твой убо мудрецъ, державный королю, хочеть мя жезломъ бити и паки хочеть въ совѣте со мною быти. Азь не тако: но единою ударю и не будетъ живѣ. Твой мудрецъ о смерти спрашивает: „От земли или от воды будетъ?“ Азь, не много говоря, возму и в воду брошу. Твой мудрецъ спрашивает мя: „Много ли мнѣ земли на *положение* тѣла надобно?“ Азь хощу его во единомъ точию перста ткнении вместити».

¹ горсть; ² однако; ³ потому что; ⁴—⁴ это он обозначил тем, что положил землю в воду.

Слышавъ же сия, король зѣло удивися вымышленному его отвѣту.

И тако скончается немая ихъ бесѣда.

В четвертый день паки, по обычаю, пред королемъ имъ ставшимъ, португалской рекъ: «¹Имаши ли языкъ, да глаголеши ми, о нихъже имамъ вопрошати тя?¹»

Брандебурской языкъ мало показа от усть своих, ничтоже глаголя.

Португалской: «Высоко ли от насъ и далеко ли небо?»

Брандебурской: «Дивлюся твоимъ ²глаголомъ, яко бы не въдая вопрошаешъ². Небо недалече от насъ и весма близъ есть: громъ убо, егда тамо грѣмить, — мы, живуция на земли, велми его гремение ³явно и чудно³ слышимъ».

Португалской: «Колико есть расстояния от востока до запада?»

Брандебурской: «⁴Не въмъ, что вопрошаешъ! Не въси ли⁴, яко едином днемъ солнце преходить от востока до запада — и ничтожъ имать дальнаго расстояния».

Португалской: «Коли есть глубина морская величествомъ?»

Брандебурской: «От множества рыбъ увѣримся⁵, яко море не велику глубину имать: они бо единомъ днемъ по верху воды и во глубинѣ, сна ради, бывають, понеже они не спят на верху воды».

И паки, по обычаю, единъ другому поклонишася, такоже и оба королю, и разыдошася.

В пятый день паки пред королемъ, по обычаю, ставше, португалской рече: «Кто не родився умре?»*

Брандебурской: «По истиннѣ той есть, которой состарѣвся в матернѣ чрево вниде».*

Португалской: «Кто есть той человекъ, ⁶ниже с небеси сниде⁶, ни от человекъ родися, ни от земли созданъ, а человекъ бысть?»*

Брандебурской рече: «По первомъ вторый, и от деснаго взято шестое,⁷и в томъ единомъ той устроены бысть⁷, без негоже и родитися не мощно».

Португалской рекъ: «Кто родися не умре?»*

Брандебурской рече: «По истинѣ не сохранения ради заповѣди таковая пострада, но восхотѣ видѣти погибель ближняго».

И тако, по обычаю, единъ другому поклонишася, такоже и оба — королю и разыдошася.

В шестый день паки имъ пред королемъ, по обычаю, ставшимъ, вопроши португалской мудрецъ глаголя: «*Кия* двѣ души прежде Адама сотворены?»

¹—¹ есть ли у тебя язык, чтобы отвечать мне на то, о чем я буду тебя спрашивать?;

²—² речам, спрашиваешь, как будто сам не знаешь; ³—³ отчетливо и прекрасно;

⁴—⁴ удивляюсь — о чем спрашиваешь! Неужели не знаешь; ⁵ можем убедиться; ⁶—⁶ и не с неба сошел; ⁷—⁷ и из этого одного создан был.

Брандебургской: «Истинну глаголеши, яко обоя нами видима — Еноха убо и Елиофамова».

Португалской: «Кто преждѣ Адама со брадою сотворен бѣ?»*

Брандебургской: «По истиннѣ той, иже стремителное паче нежели тихое и простое любить. И от рыбѣ нѣцци велегласие ихъ велми слышати любить, яко и близъ брега витати¹ имъ».

Португалской: «Что от чего — курица ли от яйца или яйцо от курицы?»

Брандебургской: «Вѣмъ², яко от исперва въ 5 день птицы сотворени и от нихъ нача плодится яйца и, по обычаю, нача плод быти».

И паки, по обычаю им, королю поклонися и разыдошася.

В седмый день паки имъ предъ королемъ, по обычаю, ставшимъ, вопроши его португалской мудрецъ рече: «Что есть в тебе и что у тебѣ и что с тобою?»

Брандебургской: «Имамъ в себѣ душу, и слово — у себѣ, и плоть — съ собою».

Португалской: «От чего сотворени птахи и звери?»

Брандебургской: «Птахи есть двояки, — едины от водъ, яко понырающия³ и в водахъ жити любящии, друзии⁴ же от воздуха, якоже лѣтающии. Есть же нѣцци⁵ от земли, — иже не могуши лѣтати, яко звѣрие вси».

Португалской: «Кия⁶ птахи и звѣри ⁷во своихъ си началствующи и крольми зватися *могутъ*⁷?»

Брандебургской: «Во *птахахъ* — высокопарный орель, во зверяхъ же — жестокий и несклонный⁸ от гнѣва лѣвъ, в рыбахъ снѣдаемыхъ⁹ — самоубиваемая бѣлуга, въ нѣснѣдаемыхъ и змиина прирочения — великий кить, именитый¹⁰ же и притворный во слезахъ коркодилъ».

И паки, по обычаю, разыдутся.

Король же повелѣ брандебургскаго мудрецъ отпустить, своего же удержати. И вопроши его: «Что ¹¹ти ся мнить¹¹ о мудрецѣ семъ — егда благоразумень¹² есть или неразумень?»

И рече ему мудрецъ: «Мню, яко не точию въ Португалской и во окрестныхъ королевствахъ, но и во многихъ далнихъ градахъ такова мудреца не точию нѣсть, но и не бывало и не слышано!»

Король же рече къ мудрецу: «7 дней беседѣ бывши нѣмой и глаголанной, и на кииждо день по три вопроса твоихъ к нему слышано. Во всехъ же разумности отвѣща. Аще и в нѣмовныхъ твоихъ вопросѣхъ не тако онъ но ¹³ни весма свойственно¹³ отвѣща тебѣ, но обаче¹⁴ тобою нигдѣ не обличен, и сего ради совершенъ во отвѣтахъ и благъ и искусень являшеся». Показа же ему и написание отвѣтовъ

¹ обитать; ² знаю; ³ ныряющие; ⁴ другие; ⁵ некоторые; ⁶ какие; ^{7–7} среди своихъ правят и королями называются; ⁸ неумолимый; ⁹ съедобных; ¹⁰ знаменитый; ^{11–11} ты думаешь; ¹² мудр; ^{13–13} совсем не соответственно; ¹⁴ однако.

его. ¹И протче разумѣти, яко ни мало своиственно вопросомъ его¹, похулив² убо его и весма ³недостаточна в разумѣ нарече³.

И рече х королю: «Вѣждь⁴, державный королю, яко отнынѣ в малыхъ словесех онъ мною препрень⁵ будетъ и уничиженъ, точию повели ми его в свой домъ часто призывати на обедъ, да тамо о всякихъ вещехъ и дѣлехъ бесѣдуя с нимъ, возмогу препрети его и унижити».

И глагола ему король: «Мнѣ же точию мнится, яко всяко нынѣ настоитъ ми время, еже прежде глаголанное свое исполнити слово, — еже дщерь свою тому обещалъ дати в жену к тому, бы могль нѣмому отвѣт дати. И се нынѣ то збытся. Всяко хошу дати дщерь свою за сына брандебургскаго короля».

Рече ему мудрецъ: «Державный королю, потерпи мало! Всѣ твое слово на иномъ нѣкоемъ исполнится».

Глагола ему король: «Аще надѣшися препрѣти его, — твори, еже хошеши, и от моихъ королевскихъ обиходовъ взимая потребная. Егда ли препрень тобою будетъ, вѣдый⁶, яко велми от менѣ пожалованъ будеши и честию великою почту тя, дщерь же моя паче всѣхъ дщерей царскихъ и королевскихъ славна будетъ».

Примь же мудрецъ от короля своего волю.

По нѣкоемъ времени посла к нему слугу своего, яко да обѣдает у него. ⁷Се же и бысть⁷. Бѣседующама же има, по обычаю, по времени же рече к нему: «Чимъ ты, друже мой, имамъ потчивати, яко не имамъ многообразныхъ ядей?»

Отвѣща ему брандебургской мудрецъ, рече: «Предлагаемая намъ — ядимъ и, елико имам, тѣмъ доволни будемъ».

Въскоре же господинъ дому повелѣ принести сосудъ вина, да пьют е⁸. Се же и бысть. Налиявъ чашу и держа в руке своей, и рече к мудрецу: «Повѣждь ми⁹, друже, что есть: стоитъ море на пяти столбахъ,* близъ того моря стоитъ царь с царицею и на море смотрят. Царь рече: „Море — утѣха моя!“ Царица рече: „Море — погибель моя!“?»

Брандебургской: «Море убо не на пяти столпахъ, но на трехъ точию вижу, а еже царя и царицы рѣчи: с вечера — веселие, с полуноши — сонъ, во утрии — болѣзнь».

И пивъ самъ португалской мудрецъ, поднесе же и брандебургскому. Той же, принимая, рече: «Приемлю, яко друга, боюся же, яко врага!»

¹⁰Усумнѣвся же португалской о словеси семь¹⁰, и рече ему: «Единымъ хвалиши словомъ, а другимъ браниши?»

Отвѣща ему: «¹¹Ни, не буди то!¹¹ Азь о приемлемой чаши рекъ: приемлю, яко друга во утѣшение и веселие плоти своей, боюся же яко врага, да бы ми

¹—¹ и, прочитавъ ответы, уразумел, что они совершенно не соответствуютъ его вопросамъ;

² осудил; ³—³ и неразумнымъ назвал; ⁴ знай; ⁵ переспорен; ⁶ знай; ⁷—⁷ и так и было; ⁸ его;

⁹ скажи мне; ¹⁰—¹⁰ удивился португальскій мудрецъ этимъ словамъ; ¹¹—¹¹ нет, не так!

в пьянствѣ чимъ не погрѣшити предъ Богом, людемъ же добрымъ не досадити — вся бо сия случается от пьянства!»

Услышавъ сия, португальской мудрецъ ¹преста от мнѣния¹ и бѣ, якоже и прежде. И начаше купно с радостию обѣдати.

Обѣдающиима же има, изобретъ² португальской мудрецъ время, еже вопрошати его о родѣ же, чину и сану, рече: «Повѣждь ми, добродѣю мой, во своей ты земле Брандебурии при королевской милости в коемъ бѣ чину и сану? Не точию не видѣхомъ подобна тебѣ мудростию, но ни слышахомъ!»

Отвѣща ему брандебургской: «Азъ при милости королевской послѣдний рабъ и велми малаго чина же и богатства, ³ но сказываютъ нѣцы, паче же единъ нѣкоторый, вданны ми ново, сѣмо посылая, яко у отца моего служилъ много лѣтъ³ и былъ, де, отецъ мой при королевской милости ⁴велми честенъ⁴, купно же и богатъ. И азъ благодѣйствія отца моего не помню, понеже остался его малъ велми между же нѣкоторыми людьми».

Принесоша от слугъ его двое сыръ велми великъ и поставиша пред ним по обычаю.

Вопроси его португальской мудрецъ: «В вашей земли у честнаго короля вашего ⁵сицевым величеством⁵ сыръ бываетъ ли?»

Отвѣща брандебургской: «Азъ убо ⁶не вся глаголю⁶, еже гдѣ что вижу. И не всѣму вѣры иму, еже что гдѣ слышу. ⁷Нѣсть азъ посланъ до съвоей земли что повѣдаю на ней же преславнѣ⁷. А отъ сицевыхъ великихъ сыровъ маниемъ нѣчто от стариннаго отца моего слуги слышавъ, яко в дому отца моего велии, повѣдаютъ, сыры великии бывали».

— «Имаши ли здѣ слугу того?»

Отвѣща: «Имѣю при себѣ».

Возвавъ его, мудрецъ вопроси: «У отца сего господина въ дому сицевы великия сыры бывали ли?»

Отвѣща слуга: «У господина нашего, у его отца, таковы величествомъ сыры бывали: нѣкогда осмюю часть сыра далъ работником, а всѣхъ было пятьдесятъ человекъ; и егда⁸ они, на работъ будучи, во время обѣда разломиша его, обрѣтоша⁹ в немъ два жеребенка, да двугодовалого теленка».

Португальской мудрецъ вельми ему подивися и вопроси паки: «Откуда в немъ жеребенок и теленок обретется?»

Отвѣща ему слуга: «Таковъ имѣютъ обычай в Брандебурии: егда в тыя великия творила накъладуть множество творогу и настелютъ по немъ холстовъ и по них коньми и коровами топчютъ. И тѣснующися от множества коней и коровъ подавляхуся в сырѣ».

¹—¹ отбросил сомнение; ² выбрал; ³—³ но многие говорят, особенно один человек, только что данный мне, когда сюда посылали, который служил у моего отца много лет; ⁴—⁴ в большой чести; ⁵—⁵ такой величины; ⁶—⁶ не о всем рассказываю; ⁷—⁷ не для того я послан, чтобы рассказывать о достопримечательностях своей земли; ⁸ когда; ⁹ нашли.

Слышавъ сия, велми подивися и вда ему малый нѣкий напитокъ и отпусти.

По мнозѣхъ же инныхъ ядей принесоша лопатку велми велику, еже и поставиша пред нимъ.

Вопроси португалской мудрецъ: «У отца твоего сицевыя великия скотины бывали, якоже *сия* лопатка скотия?»

Отвѣща ему брандебурской мудрецъ, рече: «Азь доброденствия великихъ богатствъ отца своего не помню, нѣчто похощеши слуги моего спросить».

Се и бысть.

Рече слуга: «У господина нашего, у его отца, бываль таковъ быкъ трехъ лѣтъ и того быка на единой лопаткѣ селитвы¹ было сорокъ пять дворовъ жилищовъ».

Вопроси брандебурской мудрецъ слуги, рече: «Како толико превыше мѣры сказуши скотину быти — аще на единой лопаткѣ толико селитвы, на всѣхъ же костехъ быка того колико можетъ быти селитвы?»

Отвѣща слуга: «Вѣру ми ими, доброчестный господине, а я буду правду сказывати: той быкъ всегда самъ о себѣ, единъ пасящеся, и на 7 верстахъ около себе по вся лѣта траву подъялъ². Того быка вышельтний орел убилъ. И ³чрезъ годишное время³ зверие сходящеся ядыху его. Лопатка же быка того случися пасти ⁴на угоднѣ мѣсте и нарочистѣ⁴, и поселишася на ней по совѣту господина нашего, его отца, сорокъ пять дворовъ со всемъ строениемъ. По неколко же времени лисица зѣло малую нѣкую той лопатки части мяса обрѣте, ⁵и той под нѣкою храниною⁵. И сего ради часто прихождаше, гложуше лопатку, ⁶и абие некако потрясе ею⁶, и всѣ дворовое строение падеся⁷ до основания».

Слышавъ же сия, португалской мудрецъ рече: «Всякъ человекъ от своихъ словесъ осудится и оправдится. Се ты неправедными своими словесы и ложными самъ ся осуди!»

Рече ему слуга: «Честнѣйший господине, вѣсть твоя честность, яко Писание орломъ называетъ самого Бога? Вѣси же, кто можетъ ему противитися? Той бо порази быка того страхомъ своимъ. Человека лукава и лстива называетъ лисицею: от лукаваго бо и лстиваго человека то селение разорися. Обадиво⁸ брандебурскому королю, яко в томъ селении нѣкий человекъ имѣеть в дому своемъ великия skarбы от давныхъ лѣтъ сохранено и сего ради разорися селение то и ничтоже сему дивно».

Сему же мудрецъ повѣривъ и, по обычаю, отпусти его.

По совершении же стола въ последней яди принесоша, дыню велми великую, яко едва мощно человеку подъяти. И, по обычаю, поставиша на столъ.

¹ селение; ² съел; ^{3—3} в течение года; ^{4—4} на удобном и хорошем месте; ^{5—5} которая находилась под одним из домов; ^{6—6} и внезапно покачнулась лопатка; ⁷ разрушилось; ⁸ наговорили.

Вопроси португальской мудрецъ, глаголя: «У отца твоего сицевы бывали ли дыни?»

Отвѣща ему брандебургской мудрецъ, рече: «Якоже прежде, и нынѣ реку ти: не помню того. Аще ли волиши — вопросы слуги моего: вѣсть или не вѣсть он?»

Сему же бывшу.

Вопроси же португальской мудрецъ слугу о дыни. И рече слуга: «У господина нашего, у его отца, вящи сих бывали дыни. Нѣкогда, пре множество гостей, даде дворецкому своему ножъ свой, яко да часть нѣкую изрѣзав от дыни, принесеть. Сему же бывшу. И егда вырѣза часть, яко бы осмюю точию, и абие некако упусти из рукъ ножъ внутрь дыни. И убося господина своего велми, яко да того ради ножа мучити его будет, понеже бес того ножа никогда не кушиваль, от великаго страхования и боязни остави часть дыни и, обнаживъ себѣ от обычныхъ одежди, и ринувся в дыню, да тамо либо утонеть либо ножъ сыщет. Повѣданное же бысть господину нашему, абие самъ со многи гостми прииде видѣти, и повелѣ кричати гласомъ великимъ, яко да услышитъ глас, да изыдетъ, и не бѣ ничтоже. Вскорѣ повелѣ добыти колокол во пятьдесятъ пуд вѣсомъ и ¹на тое дынную утлину¹ повѣсити, и звонища жестоко² и едва в другой день на колокольны звонъ изыде, нося съ собою и ножъ. И тако свободися от гнѣва господина нашего».

Слышавъ же сия, португальской мудрецъ велми дивися и рече: «Ни в писаниихъ о толикихъ дыняхъ читал, ниже³ слыхаль».

По отъядѣнии же повелѣ португальской мудрецъ единому от служащихъ своихъ принести капусты кочанъ. Еже и бысть. И бѣ велми великъ видѣти.

Вопроси брандебургского мудреца, глаголя: «У васъ, во Брандебурии, сицевы велицы кочаны капусты бывают ли?»

Отвѣща ему брандебургской, рече: «Азъ нѣкогда в преѣзде ѣхаль, видѣхъ пятисаженую избу, покрыту яко нѣкакою тонкою кожею, и вопросих, чем она покрыта. Отповѣдали намъ, яко капустным листомъ. И азъ сему не повѣрилъ: вѣмъ, яко капуста такова величествомъ не бываетъ. Они же, крѣплящеся⁴ тако быти, показаша ми для истиннаго увѣрення и целый кочанъ. И бѣ видѣти велий, яко храмина великая, и от сего увѣрихся истинно.

Португальской вопросы: «*Можешь ли* познати единовозрастных и единойодежныхъ отрочат, да бы разумѣти мужеский полъ и женский?»

Отвѣща брандебургский: «Дивлюся о семъ, яко бы о нѣкоемъ мудроме вопрошаеши! Повели убо среди двора своего или храмины просыпати нѣчто ко угождению малымъ дѣтемъ и повѣле имъ разсыпная збирати, да ту разумѣши кое мужеский или женский полъ».

¹—¹ и на тот вырез в дыне; ² громко; ³ и не; ⁴ уверяли.

Сему же бывшу, и не познавше ихъ, паки вопросы: «По чему познати ихъ?»

Рече: «Которыя в подоль собирають, вѣдый буди, яко мужеский есть поль, кия же в пазуху кладуть и в рукав заворачиваютъ, тия суть женский поль».

¹И свидѣлствоваше сие¹ — бысть тако, якоже брандебурской мудрецъ сказа.

Прохладився упокоениемъ разнаго пития, возведоша в превысокии храмы мудреца и вопросы паки: «В вашей земли таковую высоту храмы бывають ли?»

Отвѣща брандебурской: «Азь нѣгдѣ видалъ и самъ у нѣкоего в гостяхъ бывалъ, и храми его толико высокия: егда из верхнего жилища смотреть кто внизъ, то и земли не видить. ²И мнѣхъ азъ², яко выше зимных облаковъ, и сквозъ ихъ земли не видить. И егда в тѣх хоромѣхъ во окнѣ свѣщу поставить — за много поприщъ сродники к нему приехали: той бо имъ знакъ, егда увидит в хоромѣхъ огонь».

Португалской: «Мнить ми ся³, яко неправда сие».

Брандебурской: «Вѣру ими ми, яко той есть и слуга мой старинной вѣсть». И позвану бывшу слугѣ его и вопрошену, рече слуга: «Видѣлъ я таковы храмины высоки, что нѣкогда плотники храмины крыли и близко небѣсныя звезды видѣша, земли жъ отнюдь не видали. И тѣхъ храмовъ на самой кровли краснопѣснивыя⁴ сирины ходять и нынѣ бо есть прилѣтають. И огонь во храмахъ тѣхъ велми за много поприщъ видомъ бываетъ, и на той огонь смотря, многия люди к нему в гости приѣзжаютъ».

Рече португалской: «Дивлюся вамъ, яко едино от моихъ показаний дивно вамъ есть!» Таже повелѣ принести вина, да пють, еже и бысть. И абие принесоша склянницу с питием, бѣ бо в ней яблоко велие.

Португалской: «Повѣждь ми, како ту яблоко израсте или како сѣмо *вниде: бѣ бо нѣвмѣстно?*»

Брандебурской: «*Не дивно есть се, но возможно есть се всякому имущему садъ творити. Егда младораслено яблоко вложить в ню и оставити в ней по обычаю расти, не отъемля от сущия яблони*».

И пив от принесенаго того пития, паки повелѣ принести свежей огурецъ да заядають питие, бѣ бо время зимнѣе.

Се же бысть.

Португалской: «Обрѣтают ли ся гдѣ в зимнѣе время свѣжие огурцы, якоже нынѣ zde видиши?»

Брандебурской: «Не дивно сему! Егда во младую капусту огурецъ положень будетъ, да капуста по обычаю растеть, внутрь себѣ его имѣя. Да колико время капуста блюдома *будеть, толико* и огурецъ *цѣлъ* соблюдеться».

¹—¹ и когда проверили это; ²—² и догадался я; ³ кажется мне; ⁴ сладкоголосые.

Португальской: «Повѣждь ми, отчего в мирѣ брани, и свары, и гнѣвъ бываетъ?»

Брандебурской: «Два пустытника нѣгде жили — единъ глух, но зрячь, другой слѣпъ, но слышитъ. Принѣсе же нѣкто им хлѣбъ недопечень, дая глухому рече: „Прими, отче, хлѣбъ да сыр”. Онъ же прятъ неразсудно¹. Другий же, аще и слѣпъ, но обаче слышитъ, яко дали имъ хлеб да сыр. По времени они начаша ясти, рече ему слѣпый: „Сей хлѣбъ есть, гдѣ убо сыр?” Рече ему братъ: „Единъ подали хлѣбъ, сыра же не было”. Слѣпый же разгнѣвася, рече: «Не самъ ли азъ слышахъ, яко давый рекъ: „Прими, отче, хлѣбъ да сыр”. И оттого межъ ими нача быти велий гнѣвъ за потаение сыра. Слѣпъ — кто будет не разсуждая, таковой всякому слову вѣритъ и неправедному даянию внемлетъ и оттого скоро на гнѣвъ подвизается, и гнѣвается, и сварится. Глухъ же — кто без оговору что принимаетъ и смутному слову не внимааетъ. Смутитель есть той, иже сприглагола и семъ лишняго слова; оттого бо всяка смута и гнѣвъ бываетъ».

Португальской: «Виновенъ ли бесъ всякому согрѣшению нашему или ни?»

Брандебурской: «Нанесенными мыслями виновенъ есть, а не дѣломъ».

Португальской: «По чему разумѣти, яко дѣломъ не виновенъ, но точию мыслями?»

Брандебурской: «У нѣкоего пустытника молитвою связанъ² бѣсъ стрѣжаше рѣпы его. И нѣкогда прииде челоуѣкъ, нача рвати рѣпы, яко да возмет ю³ себѣ. И бѣсъ его окликалъ, дабы не рвалъ рѣпы, и хотѣлъ сказати пустыннику. Онъ же мнев, яко привидѣние чюдится, а не истинное глаголаніе. И егда хотяше отити, не можаше поднати носила от множества рѣпы. Изчезе шедъ бѣсъ, сказа пустыннику о немъ. И изышедъ пустынникъ, потязя⁴ его о крадѣнне рѣпы. Онъ жѣ, кланяся ему, прося прощения и рече: „Прости мя, святѣче Божий — бѣсъ научи се творити”. Абие воскрича бѣсъ: „О неправеднѣ! Не трижды ли оглашу⁵ тя: «Не рви рѣпы, скажу старцу!» Почто ты напрасно мя злословишь и клеветиши на неповиннаго крадению твоему?» И паки челоуѣкъ той рече: „Простите мя, старче, Бога ради. От своя мысли смущень бе о сем”. И абие простивъ, отпусти его с рѣпою. Посемъ⁶ мнить ми ся, яко невиненъ намъ бѣсъ дѣломъ, но мыслию точию».

Португальской некаку харатийцу⁷ возьмъ и в руку свою держа, ⁸заваду себѣ творя⁸, и абие вопроси: «Что есть — ни небо, ни земля, а видомъ же свѣтла. На томъ садятся птицы черныя; главы у нихъ червленныя⁹; тыхъ птицъ три назидаютъ¹⁰, два назираютъ, единъ повелѣваетъ. И от тыхъ птицъ многи спасени и от королей в чести бываютъ, нѣция же погибаютъ?»

Брандебурской: «Ни небо, ни земля, ни ина кая тварь видомъ бѣла с черными птицами и с назиратели и с протчими твоими сказании во многихъ го-

¹ не задумавшись над сказанным; ² заклят; ³ ее; ⁴ осудил, укорил; ⁵ призывал; ⁶ поэтому; ⁷ бумажку, грамотку; ⁸⁻⁸ немного помедлив; ⁹ красные; ¹⁰ здесь: создают.

сударствахъ и королевствахъ обрѣтается. И мнить ми ся велми нѣчто мало есть, идѣже быти того не было, но аще индѣ того и по малу, но обаче вездѣ есть. Червленяя же главы не вездѣ обрѣтаются, но точию в Росии — тамо бо ихъ велми любятъ и зѣло любителни к сказанию птицъ тѣхъ ¹ паче многихъ языкъ¹, но своимъ точию любомудрѣствомъ не толико же *друкомъ*».

Португалской: «²Не истинно ми вѣщаеши о семь². Мню, яко ты сего не вѣси. Рцы ми о семь истинно, что есть, что хочу бо ты симъ посрамити».

Брандебурской: «Ни небо, ни земля, ни иная кая тварь видомъ свѣтла — бумага. *Птицы* черныя — слова книжныя или писма. Главы червленяя — пропись въ книгахъ, слова красныя. Сие бо, кромѣ Руси, мало обрѣтается. Три назидають — тремя персты пишутъ. Два назирають — очи. Единъ повелѣваетъ — умъ. Многие от того писания спасаются и в чести бывають, нѣцци жъ погибають».

Видѣвъ же португалской, яко добро отвѣща, рече к нему: «Прости мя, яко словомъ оскорбихъ тя!»

Португалской, видѣвъ от домовыхъ своихъ рабынь нѣкую, рече ему: «О комъ ³кошунники и суесловцы³ говорятъ: совѣщавшеса пятеро, взяша единаго и вѣдоша его в темницу. Вѣдомый же в темницу, радуяся идяше; оттуду же исходя, плача и дряхлая идет немощенъ?»

Брандебурской: «Азъ о семь здѣ отвѣта не глаголю, но егда возвращуся во своя⁴, то сотворю то дѣло — имаю бо у себя супругу. Здѣ же о семь не отвѣщаю, и не взираю на ню, ибо намизание⁵ очесь убиваетъ душу. Добро всякому челоуку доволну быти ⁶своими оброки⁶ и чужихъ кладезей не касатися, да свои не пролиются!»

Упокоивъ его многими различными питии, провождая из дому своего, увидѣвъ котель, в немъ бо про свой обиходъ пиво варяше, бѣ бо велми зѣло, вопроши брандебурскаго мудреца, глаголя: «В вашей странѣ сицевы котлы бывають ли?»

Отвѣща брандебурский: «Видѣлъ негдѣ котель, в немъже ядь варя всѣмъ живущимъ в дому его. И в томъ котлѣ *в суднѣ* два челоука плавають: единъ гребеть и веслом править, другіе же от края веслом крупу, положенную в котлѣ, отгребаютъ, да не пригоритъ в котлѣ положенная крупа. В то же время повару годенъ былъ нѣкия ради потребы топоръ и кликалъ велми гласно другаго повара, дабы ему топоръ ему подаль шибениемъ на успехъ — самому же не досужно ити по топоръ, ⁷понеже расстояние не было кругъ котла того⁷. И поваръ броси ему топоръ, но *далнего ради расстояния не прекину топор*, но в котель впаде, его же при мнѣ выняли, егда испразнили⁸ его».

¹—¹ больше других народов; ²—² непонятно мне говоришь об этом; ³—³ балагуры и пустословы; ⁴ домой; ⁵ подмигивание, нескромные взгляды; ⁶—⁶ принадлежащие ему; ⁷—⁷ потому что очень долго идти вокруг котла; ⁸ опорожнили.

Португалской: «Что есть: стоит древо бес корения, а на немъ цветы различны, под древомъ стоит корыто, на древѣ сидитъ птица, воронъ без крыль. Та птица цвѣты урываетъ и в корыто бросаетъ, зъ древа цветовъ не убываетъ, корыто не наполняется, воронъ сытъ не бываетъ?»*

Брандебургской: «Днесь совершеннѣи познахъ благоразумие твое и все-совершенной смыслъ, яко всего много и пространно глагол вопрошая мя, а трехълактонаго жилища не оставихъ, но симъ многую и пространную бесѣду покрылъ. Поистиннѣ сие от великаго благоразумия глаголеши, понеже, колико жити на земли, а о памяти смертной и о исходѣ души от тѣла помышляти надобно всегда. Но, прошу тя заутра¹ къ себѣ, снѣсти² пирогъ без муки и воды, ни печенъ, ни варенъ».

И единъ другому поклонися по обычаю честнѣи и разыдошася каждо во своя дома.

Во утрии же брандебургской мудрецъ посла своего слугу к португалскому мудрецу, звати его на снѣдение вышепомянутаго онаго пирога. Сему же бывшу, абие обещася к нему быти. По времени же, ³от верстникъ своихъ яви двумъ³ про оной пирогъ.

Португалской мудрецъ иде с ними ко брандебургскому мудрецу. И прилучившимся брашномъ и питиемъ, почте я. Послѣди же постави и пирогъ, на негоже и званъ бѣ, и рече: «Сей пирогъ без муки и воды, ни печенъ, ни варенъ».

Ядущимъ же имъ пирогъ онъ, и показася имъ, яко велми от добря муки постныя устроенъ и в кравием⁴ маслѣ жаренъ. И ничтоже ему о томъ глаголя, по времени же отидоша от него.

Во утрий же день португалской мудрецъ иде к королю и рече ему: «Велможный и всечестный королю! Прости мя, яко просихъ тя о ономъ мудрецѣ брандебургскомъ, да его каковымъ словомъ во многомъ речении обвинна чиню. И велми довольно глаголал с нимъ в дому *моем*, и ни единым словомъ вины не могахъ обрѣсти, но во всемъ мудръ бѣ: дѣлательно⁵ отвѣщеваше. *И* нынѣ какъ твое державство о немъ разсудить?»

Король рече: «Всяко дошло время вдати ми дщерь свою за королевича ихъ. Точию⁶ во единомъ — немолвленномъ отвѣте вопрошу, егда онъ не тако отвѣща, яково ты вопрошал. Аще дастъ отвѣтъ по вопросу, то реку ему, дабы королю своему сказалъ, яко бракъ хочетъ быти, во оно время, *чтобы* готовилъ сына своего ко браку. Аще же не отповѣсти по вопросу истиннаго вопроса — во всемъ откажу. Вопросы и отвѣты во всѣхъ написахъ, х королю пошлю. Твоихъ же вопросов и его отвѣтовъ в дому твоемъ бывших, написах, вдай ми».

Се же и бысть.

---

¹ завтра; ² поестъ; ³⁻³ сказал двум своим сверстникам (товарищам); ⁴ сливочном; ⁵ дельно; ⁶ только.

Рече паки к нему мудрецъ: «Велможный королю! Вопросы его о пирогъ, егоже аз со инѣми двѣма ѣли у него. Он о немъ сказалъ, яко без муки и воды, ни печенъ, ни варенъ, ни жаренъ. Намъ же явися самая добрая пшенишныя муки на кравиемъ маслѣ жаренъ».

В утрий же день повелѣть король предъ собою поставити мудреца брандебурскаго и рече ему: «Не довлѣтъ ми¹ исполнити слово обѣщанное о дщери, яко тыя во отвѣтѣхъ немолвленныхъ мудрецу моему отвѣтъ не тако далъ, якоже онъ вопрошалъ, но противно нѣкако и весма непристойно вопросу, точию помывания рукъ тако являшеся».

Брандебурской рече: «Велможный королю, азъ, мню, по своему размышлению отвѣща, а его вопрошение и истиннѣ извѣстнѣ вѣмъ. Молю, аще велиши, державный королю, дати бумаги и чернилъ, то извѣстнѣ вопросы и отвѣты *по* его разуму, напишу ти». Еже и бысть.

И видѣ король, яко ничто же разньствуеть противо его мудреца. Паки вопросы его король: «Скажи ми, мудрече, каковъ у тебя пирогъ яль мой мудрецъ?»

Отвѣща: «Твоя воля, державней королю! За бывшѣе у него пирование звалъ его к себѣ в гости точию пирога ясти, каковыя мы дѣлаемъ для поспешения — без муки и воды, ни печенъ, ни варенъ, ни жаренъ».

И рече король: «Странна нѣкая незнаемая влагаеши во ушеса наша! Повѣждь ми вскорѣ и на дѣле покажи, како таковый пирогъ счинити. Аще тако сотвориши, будеши от меня велми пожалованъ и с честью великою во свою землю отпущенъ будеши. И о чемъ же приезжалъ, правда будетъ!»

И отвѣща ему мудрецъ: «Воля твоя буди, державный королю, но прикажи мнѣ к такому строению приставнику² быти, и еже вопрошу у него, всѣ бы было готово». Еже и бысть.

И абие в подобающѣе время содѣла пирогъ той. Во время же кушания по обычаю столовому поставиша той пирогъ предъ короля. И вопросы приставника о строении пирога: «Егда безъ муки есть, якоже мудрецъ рекъ? Мнѣ мнится, яко от обычныя пшеницы *в* кравием маслѣ пряженъ!»

Приставникъ подаде ему о пирогѣ писание, имущѣе сице: «Сказание, како дѣлати пирогъ про свой обиход без муки и воды, ни печен, ни варенъ, ни жаренъ. Масло кравие, млеко, яицъ свѣжихъ пятьсотъ втолцати в сосудъ бѣлокъ и желток. Скорлупы яичныя велѣтъ вымыть в теплой водѣ, в двух или в трех. И, вымывъ скорлупы начисто, сушить ихъ в печи на вѣне желѣзномъ. И, высуша ихъ, толчи в ступѣ мелко велми. И, истолкъши, смолоть мѣлко, что перець мѣлютъ. И просѣявъ гривенным ситомъ дважды или трижды, чтобъ была велми мѣлка. И на той мукѣ замесить тѣ желтки *и белки* и, ³розоскавъ сочень³, приготовить сковорода по мерѣ сочня. И положить той сочень на сковороду, и

¹ нельзя мне; ² свидетелю; ³—3 раскатав лепешку.

начинка была бы готова. Слой налити яблокъ, да предсыпать подъ яблокомъ шафраномъ, и на шафранъ слой ягод винныхъ, и под ягодами пересыпать шафраномъ, и паки слой ягод, изюму кафимскаго, и по изюму тѣмъ же шафраномъ пресыпать, да корица тертая. И весь тако пирогъ с начинками и ягодами исполня, положить в горшекъ, и ещѣ положить в горшекъ масла кравия, 2 гривенки или болши. И поставить в жаркую печь, дондеже все масло попьеть. И тако добрѣйший пирогъ состроится».

Прочеть же король писание, разумѣх, яко кромѣ всехъ обычныхъ припасовъ содѣланъ, ко вкушению же велми потребенъ. Абие, сего ради пирога и мудрыхъ ради отвѣтовъ, брандебурьскаго мудреца велми почтил честию великою и пѣремногимъ богатством. И пусти его ко своему государю, и повелѣ ему сказати, да уготовитъ сына своего ко браку.

И вда дщерь свою, и бысть между ими велия любовь во много лѣтъ. Конечъ истории.

ПОВЕСТЬ О РАЗУМЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ

¹ОТ КНИГ БЫТЕЙ¹ ТАТАРСКИХ О РАЗУМЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ

Бысть в дрѣвняя лѣта, в татарской арде был нѣкий царь, имѣнемъ Слам-гирѣй, жесток и нѣмилостив и срѣбролюбец паче мѣры, а лжи нѣ любя. И бысть у нѣго нѣкий вельможа, ближний человекъ, а у него два сына: большой был сынъ дородень и богатырь, да глуп; а меньшой сынъ был *рождением* худ и ростом мал, да разумен, а у царя был ближний человекъ, а именем его звали Алтын Золотое Слово. А таков был разумен — от всякого слова царь ему давалъ по триста алтын.

Лучилося ему поехать к събѣ в улус,* а большой его брат поехал на лов зверь гонять да, приехав с поля, почал царю сказывать: «Государь-царь, вольной человекъ! Ездиль яз² на лов и убил еленя в правое ухо, и вон — в левое ухо да в заднюю в левую ногу, в копыто». И царь удивися и почал ему говорити: «Какъ, де, ты так говоришь, что не станется! Какъ тѣбе так убити?» И почал царь на него кручинитца, и собор³ почал у царя о том быти, о той лъжи. И приговорили его всѣ ближние люди, что казнить смертью, что царю он солгал. А у них в обычье так: кого уличат ложью, того казнити смертию. Послал царь, велел его казнити, а за ним послал пристава.*

И встречу ему изъ улуса едет брат его Алтын Золотое Слово. И он того ужаснулся, что брата его вѣдут казнити, и учал спрашивать пристава да и брата, за что его царь велел казнити. И пристав ему сказал: «Велел, де, царь его казнити за то, что он уличен ложью». И дѣло ему сказал. И Алтын Золотое Слово почал говорити приставу: «Пожалуй, не пролѣй напрасной крови⁴ до тех мести⁴, доколе яз царевы очи вижю, а брат мой не солгал, з глупости нѣ умел ро-сказать царю».

Пошел Алтын Золотое Слово къ царю, учал ему бити челом: «Государь-царь, вольной человекъ! Пощади холопа своео — брата моего, не вели напрасно крови пролить. А брат мой тебѣ, государю, не солгал, полно, з глупости

---

¹—¹ из исторических книг; ² я; ³ совет; ⁴—⁴ до той поры.

не умел рассказать. Тебѣ, государю, весно, что он дороден и богатырь, да глуп. А то он тебѣ, государю, не солгал. ¹Дѣялось то тем обычаем¹: лучилося ему приехати к оленю, а олень, стоячи в болоте, отбивает лѣвою ногою от левого уха мухи и мошки; и он, приехав, ево застрелил в правое ухо, а левым ухом и копытом — вон». И царь учал говорить: «Станетца, де, так! Прямой², де, еси человекъ. Он, де, мнѣ не умел рассказать, а мне то ³стало за кручину³». И царь его пощадил, не велел казнить.

Иная притча о том же царѣ. Лучилося тому же царю ехати зверь гоняти, а с ним многия князи и уланы,* и Алтын Золотое Слово туто же. И приежжает царь х кладбищу к татарскому, и тут стоит мизгить, по-русски церковь. Увидел тут человека, и он его велел изымати, да к себѣ велел привести, да учал спрашивать: «Какой еси человекъ, и почто тут пришел? Тут входу нет никому». И он ему сказал: «Человекъ, де, есми гулящей,* а увидел, де, вас и яз, де, тут хотел поукрытца». И царь ему учал говорити: «Нет, то, де, ты так крадешь сокровища мертвых» (понеже у них в обычи, мертвых погрѣбают с великим богатеством). И он учал царю бити челом: «Государь-царь, вольной человекъ! Никако за мною такова воровства нет, а человекъ есми надобной. Будет холопа пощадишь, и яз тебѣ, государю, скажю». И царь ему молвил: «Скажи де, нѣ бойся; а яз, де, тебя пощажю». «Умѣю, де, есми, государь, птичью языку и зверину: что говорит птица со птицою, а зверь з зверем». И царь тому удивися и на то прельстися, хотячи, чтобы царю то самому знати. И царь ему молвил: «Мне такие люди въ государстве годны». Да кликнул Алтына Золотова Слова, да велел ему тово мужика взяти, а молвил ему то: «Алтын, научися, де, тому языку; яз, де, тебя пожалую; а яз у тебя научюся». Да гулявши, царь поехал опять к сѣбе.

И привел Алтынъ Золотое Слово таво мужика и учал ему говорити: «Сказывал еси царю за собою ремесло, и царь мне тому велел учитца, и ты мне скажи». И он ему отказал: «Яз, де, теперьво человекъ бедной, голодной, и мнѣ то на ум не идетъ. Дай, де, мнѣ поотдохнуть, тогда, де, у меня и рѣчи будут». И он — спустя — учал его опять спрашивать, и он ему почал говорити: «Дивлюся, де, я твоему разуму, называют, де, тебя Золотым Словомъ. Яз, де, человекъ простой. Кому, де, Богъ то далъ знать, кромѣ себя! А мне бы то знать!» И он ему молил: «Чего для, де, ты то царю солгал, что тому гораздъ⁴? Царь, де, велит казнити». — «А тогда есми царю того для сказал, что было мне от царя быти въскорѣ казнену». — «Да ведь тебя и нынѣца царь велит за то казнити?» — «В том ведает Богъ да царь. А нынѣца яз не чаю от царя казни».

¹—¹ произошло это таким образом; ² правдивый; ³—³ пришлось не по душе; ⁴ хорошо научен.

И царь про тово человека пропамятовал, Алтын Золотое Слово вскорѣ царю не сказал. И умысля Алтын, хотя царя привести от немилости в милость и от сердца в кротость.

Илучилося царю опять ехать тою же дорогою мимо тое же мизгити. И сидят на той мизгити две совы, друшка к друшкѣ носами, кабы что говорят. И царь, на них глядя, вспаметовал да учал спрашивать: «Кто, де, бе же у меня языку птичью гораздъ?» И царь того спамятовал: «Мужика тут видал, а отдал его Алтыну Золотому Слову, а велел ему тому языку научиться». И он кликнул Алтына Золотова Слова: «Учился, де, ты у того мужика языку птичью?» И он царю сказал: «Научился, де, государь. Токо, де, тебѣ, государю, не явил, не къ слову сказати». «Поеди, де, да послушай, что, де, две те совы межи собою говорят».

И он к нимъ поехал, да приехал опять от них, да учал царю сказывать: «Вѣλικое, де, дело, государь, говорят, да не смею тебѣ, государю, сказывати». Да приник к царю на ухо и учал сказывать: «Государь, де, царь, вольной человекъ! Слышел, де, есми, что онѣ говорят, да не смею тебѣ, государю, сказывать: блюдусь от тебя, государя, опалы». И царь ему молвилъ: «Скажи, де, не блюди-ся. Мне, де, про чюжие рѣчи, тобя про что¹ казнити?» «Говорят, де, государь, онѣ, сидячи, о сватание. А женит, де, сова у совы сына; дает, де, сова совѣ приданые триста селищ пустых.* А та, де, у ней просит тысячу селищ пустых, а трех сот не возьмет. А имѣ то и кормление, что ищет себѣ по пустым селищам *мышей* да и *всякого* гаду, тем и кормятца. И она молвила той совѣ: «Будет, де, не возьмешь трех сот селищъ, а больши, де, четырех сот селищ дати нельзя, потому — будет царь наш еще побудет на государьствѣ, а повыпустошит и больши тово, и яз тебѣ дамъ и две тысячи. А будет государство переменитца, или тово Богъ скротит, а станет лготу давать и дани поубавит, и государство опять полно наполнитца, селища опять жили будут, и мне тебѣ болши четырех сот селищ дать нельзя».

И царь услышел то слово, удивися и учал себѣ размышлять: «Гораздо, де, есми немилостив, что про меня птицы розсужают, уведав, де, мое немилосердие ко всей земле моей».

И от тех мездъ сталъ царь милостив и првосуден, и лготу сталъ давать, и дани поубавил, и опять стало все жило, и Алтына Золотова Слова учал царь жаловать больши старово.

Видишь, разумъ каков человеческой? Разумной человекъ не одну душу свою спастъ, но и людцкия многия.

---

¹ за что.

БЕСЕДА ОТЦА С СЫНОМ О ЖЕНСКОЙ ЗЛОБЕ

СКАЗАНИЕ И БЕСѢДА ПРЕМУДРА И ЧАДОЛЮБИВА ОТЦА,
ПРЕДАНИЕ И ПОУЧЕНИЕ К СЫНУ,
СНИСКАТЕЛНА ОТ РАЗЛИЧНЫХ ПИСАНИЙ БОГОМУДРЫХЪ ОТЕЦЪ
И ПРЕМУДРОГО СОЛОМОНА И ИСУСА СИРАХОВА
И ОТ МНОГИХЪ ФИЛОСОФ И ИСКУСНЫХЪ МУЖЕЙ
О ЖЕНСТЕЙ ЗЛОБЕ

«Послушай, сыне мой, приклони уши свои, внуши словеса усть моихъ, да скажу ти: исперва сотвори Богъ человека единаго от всѣхъ стихий и нарече имя ему Адам, и потом успе Адам, и взят Богъ ребро его и сотвори ему жену. И Адам не прелстися, но жена его прелстися советом змииным, и тоя ради вины все отъято самовластие у жены. И рече Богъ ко Евѣ: „Отныне буди ты покорена мужу своему во всем и повинуйся ему и не буди тебѣ ни единыя вѣласти над нимъ, той глава тебѣ и господинъ, да владѣет тобою во всем, преступила бо еси повелѣние мое и не восхотѣла еси свободна быти”.

Зри же, сыне мой, яко отъя Богъ у жены самовластие, да не вопреки глаголют мужу своему. Единою бо поучи Евва Адама и всему миру клятву наведе, и запрещение прият прабаба наша в печалех родити чада».

Рече сынъ ко отцу своему: «Отче, обоим сим вѣщем Писание свидѣтельствуе быти истиннѣ. Благовествуя бо Богъ ко своему созданию, посла архангела своего Гаврила к деве Марии, вместо древние печали Еввѣ — радость Богородице принесе, рече: „Радуйся, благодатная, Господь с тобою и благословенна ты в женах!” Сия радость сопротивна печали и благословение сопротивно клятвы, и вмѣсто Адама — новый Адам — Христос, и вмѣсто Еввы — благословенная Богородица Мария. И без болезни Адама породила, той же чистотѣ девичести лица ревнующе и жены по Христе мучившеся, на уди разсѣкаемы, и ко Христу приведошася, того ради вся нова бысть, и женское племя благословися, и яко жена добра мужа своего и по смерти спасет, и дому строителница бывает, и венец похвалы на главу мужу своему сплетши полагает, и яко слаткия воды от усть ея истекают, и горестъ сердечную мужу своему услаждает, милосерда, чадолюбива детям своим бывает, и дом свой всѣякими добродѣтели наполняет; бескровныхъ покрывает, беспомощнымъ помогает, бѣдныхъ призирет, нагихъ одевает, алчныхъ и жадныхъ накормляет, болныхъ и в темницахъ посѣщает. И по писанному, всего силнѣе жена бывает: жена и царей породила и одеяние имъ сотвори,

ибо всяк человек от жены рождается и сосцами еѣ питается. И прирече: „Не суть зло естество женское”».

Рече отецъ сыну своему: «Сыне, аще бы не благоволил Богъ от жены родитися и водою креститися и на кресте распятися, то уже приближися весь род ко вратом адовым. О сем, сыне, известно буди тебѣ: в нынешних лѣтахъ единая жена от тысящи такова, якоже ты глаголеши, обрящется. А сия в Бытии глаголется: „Позна Адам жену свою и роди от нея сына”. Не Евва роди, но Адам роди. И во Евангелии глаголет: „Авраам роди Исаака”. Слыши, сыне, не Сарра роди, но Авраам. Но аще и сосцами питаемся, но множицею от нихъ кровию венчаемся; от жен бо многи крови пролияшася, и царства разоришася, и царие от живота гонзнули¹, села и дома раскопаша².

Горе граду тому, в немже властелинствуетъ жена! Горе, горе дому тому, имже владѣетъ жена! Зло и мужу тому, иже слушаетъ жены! В нынѣшнихъ вещехъ мнози человецы грады многими владѣютъ, а женамъ своимъ работаютъ. Извыкли бо жены ихъ в зеркало призирати и вапами³ лица помазовати, и вѣжда свои возвышати, и черновидно лица вообразати, и многимъ себѣ уряжениемъ украшати; и многихъ очеса на видѣние красоты своя превращати: украшаютъ бо телеса своя, а не душу. Уды своя связали шелкомъ, лбы своя подтягнули жемчюгомъ, ушеса своя позавѣсили драгими серезами⁴, да не слышатъ гласа Божия, ни святыхъ книгъ писания, ни отецъ своихъ духовныхъ учения. Жены бо познали путь заблуждения, мужие же возлюбили на женахъ своихъ многая украшения, а сами восприяли убогое одѣяние на себѣ носити, все для жен своихъ украшения. О мужие! От кого есть прияли сия обычаи, иже многая полагаютъ на женахъ своихъ украшения? От сего вамъ нѣсть пользы, толко лише вамъ злое погубление, ибо женское украшение — всегдашняя мужу сухота и приводитъ его до остраго меча. Много бо сего бываетъ, еже в великия долги себѣ влагаютъ и от того вѣчно погибають, понеже своего не имутъ, а жен украшаютъ.

Аще же кто хотѣния ея не исполнитъ, тогда она зелне въздыхаетъ, слезитъ и шепчетъ, ни худа, ни добра не глаголетъ, очи свои изменяетъ, нос потупитъ и зубы своими скрегчетъ, и что речетъ мужъ ея, и она, что меденица⁵ пыхнетъ и предъ нимъ плачетъ день и ночь и мужу своему покоя не даетъ, гнѣвъ имѣетъ, и мужъ ея от нея покоя не иматъ. И она глаголетъ: „Оныхъ мужей жены ходятъ красно, и вси ихъ чтутъ, азъ же бѣдная, в женахъ возненавиденая, и всѣми незнаема и от всехъ укоряема. Почто ты мнѣ нынѣ мужъ? Дабы азъ тебѣ не знала! Азъ была дочь богатого отца и матери добрыя и племяни славнаго и таковыхъ бы родителейъ дщерь, а толко б азъ была девицею, былъ бы мнѣ мужъ отца богатого и была бы есмь госпожа добру многу, и вездѣ бы чесна, и хвална, и почитаема отъ всѣхъ людей!”

Хочетъ убо жена, дабы ея вси хвалили и любили и почитали, аще ли иную похвалятъ, то она возненавидитъ и вмѣняетъ не в дружбу, и чужую похвалу в студ

¹ лишилися; ² разрушили; ³ красками; ⁴ серьгами; ⁵ змея.

влагает. Аще ли муж ея угодити восхощет, то всех ему любити, ихже она любит, тако и всѣх сих в ненависти имѣти, ихже она возненавидит. И всегда хошет болшину имѣти и никому не хошет покоритися, ни послушати. Всегда хошет повелевати и всего хошет вѣдати, и поучати, и умѣти, аще и не умѣет и не знает, а глаголет: „Умею и знаю”. Аще будет прекрасна и лѣпа, многи очи имут на ню зрѣти. Якоже бо в луже вода сѣмо и овамо преходя погибает, такоже и женский разум, яко храмина непокровенна¹ и яко вѣтрило на верхъ горь скорообразно вертящяся. К такимъ женам мнози человецы прелщаются: ов добролѣпием жен, ов разумом, а ин смехотворными утѣхами, инъ краснословием и дарованием и протчими лѣствыми прелщаются. Яко речено есть: „Лутчи купите коня или вола, или ризу, нежели злую жену поняти”, понеже не мощно познати, какова обычаем: аще и недобролѣпна или буя, или болна, или блядлива, или горда, или гнѣвлива или иным пороком повреждена и к тому невозможно инья за себя поняти, доколе она жива. Аще хощеша, сыне мой, без печали жити, то лутче не женитися и опосле не тужити».

Рече сынъ ко отцу своему: «Отче, во Евангелии речено: „Сего ради оставит человек отца своего и мать и прилѣпится женѣ своей и будета оба в плоть едину”.* Богъ же ми дасть жену добронравну, всякими добродетелми украшенну: смиренном, молчанием, послушанием, доброумием, пощением и нищелюбием, рукодѣлием, несквѣрноложием. Таковыя жены у Бога милости просят о мужех своих, и когда в дому будут и доброй женѣ возрадуются и о дѣлех еѣ, чюжей же радости не зазрю, но всегда радость в дому моем будет».

Рече отецъ к сыну своему: «Сыне, аще будет тебѣ тако, якоже рекль еси, блажен еси и добро тебѣ будет, жена твоя, яко лоза плодovitа, аще же грѣх ради житие злѣ проводиши и такову жену не обрящеша, якоже хощеша, всегда о ней сердцем скорбиши и в горести сердца речешь: „Блажен той, иже дѣвством живет, да сиевья жены не обрящет”. И ты, сыне, последи злонравную жену не возлюбишь, и в раскаяние придешь, и ничто тебѣ успѣет². Аще ли сиевюю обрящеша: пронырливу, лстиву, лукаву, крадливу, блядливу, злоязычну, обавницу³, еретицу, медведицу, лвицу, змию, скорпию, василиску аспидну».

Рече сынъ ко отцу своему: «Отче, не могу разумѣти словес твоих, скажи ми извѣстно».

Рече отецъ к сыну своему: «Слыши, сыне мой, про лстивую и пронырливую. Сия рукодѣлия дѣлати не хошет, а как муж ея придет, и она лежит — шипит, стонет, востает — охает, и муж ея сия речет: „Жено, что и о чем скорбиши и ни о чем нерадиши?” И она хотя и здрава, а речет: „Не могу”. Сия не строителница дому своему и мужу своему не помощница, и нужного одѣяния не сотворит. Аще что муж ея припасет, и она пронырством все изнуритъ⁴.

¹—1 как дом без крыши; ² не поможет; ³ колдунью; ⁴ истратит, издержит.

Слыши, сыне мой, про сварливую и злоязычную: имѣет язык, яко бритву изошренну, на всякого человека наскочет, аки лев, всѣх злословит и укоряет, и осуждает, и на всѣх яд своего языка испушаетъ.

Слыши, сыне мой, про лукавую и крадливую. Лукавство женское сице: имѣет умъ остр, пред мужем своим показывает, и никако же муж ея не может лукавства женского разумѣти, ибо с мужем живет аки бы единократно, а в сердце своем мыслит: „Аще муж мой умрет, а живота своего мнѣ не прикажет, и мнѣ за иного мужа пойти не с чем и никто меня убогую за себя не возмет”. И се глаголя, мыслит: „Ныне есми всему добру госпожа, учиню себѣ сокровище тайное”. И начнет у мужа своего красти, а он того не вѣдает и сице к ней речет: „Жено, что обнищавом и в велицей скудости дом нашъ сотворися?” Она речет: „А то, господине, грѣх ради наших”. Сия ли не крадливая, иже все имѣние мужа своего погубит и оба обнищаютъ?

Слыши, сыне мой, про лстивую и блядливую. Таковая жена мужу своему во стретение¹ изыдет, ланитами склабящися² и нравом уничижающися, и за руке мужа принимающе, и одѣяние совлачающе; словесы лстящи, усты лобызающе, сице глаголющи: „Поиди, государю мой, свѣтъ очей моих, сладость гортани моему, зрѣти я без тебя, свѣта моего, не могу, и ни единого слова проглаголати. Лице мое потекло, и сердце мое окаменнело, и егда возрю на тя, свѣта моего, тогда зѣло возрадуюся: составы мои разступаются и вси уди тѣла моего трепещутся и руке мои ослабѣвают. Брак ты мой любезный, всегда пред очима моима есть, егда услышу слаткая твоя словеса, тогда не смѣю что отвѣщати: не отвѣрзутся ми уста, огонь в сердце моем горит и лице мое палить и все составы мои грѣются.” И аще будет юн мужъ, и она его вскоре оболстит; и аще в дому его не прилучится, и она близ оконца присѣдит, сѣмо и овамо колеблющися, а со смиреніем не сидит: скачет, пляшет и всѣм телом движется, сандалиями стучит, руками плещет и пляшет, яко прелстившаяся блудница Иродиада бедрами трясет, хрептом вихляет и главою кивает, голосом поет, языком глаголет бесовская, ризы многи пременяет и в оконцо часто призирает, подобно Иродиаде чинится и многим юнным угодит, и всякого к себе лстит.

Слыши, сыне мой, про обавницу и еретицу. Из детска начнет у проклятых баб обавничества навикать и еретичества искать и вопрошати будет многих, какъ бы ей замуж вытти и какъ бы ей мужа обавить на первом ложе и в первой бане. И взыщет обавников и обавницъ и волшебств сатанинских, и над ествою будет шепты ухищрати, и под нозе подсыпати, и возглавие и в постелю вшивати, и в порты рѣзаючи, и над челом втыкаючи, и всякия прилутшихся к тому промышляти: и корѣнием, и травами примѣщати, и все над мужемъ чарует. Сердце его высосет, тѣло его изсушит, красоты в лице не оставит, и во очесех

¹ на встречу; ² ухмыляясь, улыбаясь.

свѣтлость погубит, и разум отымет, и всякому в поношение вложит его. Сицева сотворит мужа своего и тако его возненавидит, юнных же возлюбит и умерщвляющее зелье съест, и подобно время обрящет, и смертным вкусом мужа своего покусит, якоже клас прежде времени исторгнет.

Слыши, сыне мой, про медведицу и лвицу. Якоже от таких зверей едина, егда узрит человека, тогда главу свою похилит и очи свои посупит в землю и злобою пыхнет, на человека нападет и задушит его вскоре, тако и злая жена: главу свою наклонит, и очи посупит, и уста стиснет, даже злобою на мужа своего дыхнет, и на шию его сило¹ наложит, и гортанное дыхание займет, и злѣ кончает.

А лвица в пустыни на всякого человека и звѣря наскочет и затерзает, тако и злая жена, яко лвица: и домочадец возненавидит, и ризы растерзает, и тѣло кровию обогряет, и власы искореняет, и на мужа рыкает, и злобою восхищает², не лвовы убо зубы ухапает, ни мечем, ниже копием мужа своего заколет, но нравом злѣе лвицы бывает.

Слыши, сыне мой, про змию и скорпию, ибо змиин род велми в ползающих злобою злѣйши иных гадов: изначала бо велика зла сотвори человеку и проклята от Господа змия, того ради пресмыкаяся по земле чревом своим ходит, того же роду и скорпия, и жаба, и черепаха, аще бьешь, или колешь, или стреляешь — ничто ея не возмет, тощю³ разжещи клещи и имати ю и в огни сожещи, а секнутие ея таково зло, скоростию и до смерти приводит, тако и злая жена в челоуецѣх инех злѣйши суть.

Сълыши, сыне мой, ис куста исходит змия и узрит человека и от него бѣжит, а злая жена подле человека лежит, а змииним ядом дышет — сеи истинная запазущая змия: донележе муж ея по ней ходит и вопреки ничего не глаголет, и она ему терпит, а егда муж чем погрозит или досадит, и она на него, что змия, шипит, и аще ю бьет жезлием или пинанием, или за власы рванием, то злую жену ничто неймет, но тощю разжизает⁴, и она злобою своею, что змию, шипит, в сердце его злохитрством секнет, по времени же и сама умрет, аще не покается — во огонь ввергнется да тамо окаянная накажется.

Слыши, сыне мой, про ехидну. Такова суть, ибо своих чад ненавидит, аще хошет родити, подшися⁵ их съести. Они же прогрызают у неѣ утробу и на древо от нея отходят, и она от того умирает. Сей же уподобишася ехиднѣ нынешние девицы многие: не бывают мужем жены, а во утробѣ имѣют, а родить же не хошет и помышляет: „Егда отроча от чрева моего изыдет, и аз его своими руками удавлю”. Ибо аще девическую печать и разорит, а девицею именуется, образ бо, яко девица, а нравом, яко окаянная блудница. Ибо кому прилучится таковою женитися, виждь и разумѣи, та бо ходит быстро и очима обзорлива, и нравом боуя, и всѣм несчастлива.

¹ силок; ² одолевает, побеждает; ³ только; ⁴ разжигает; ⁵ старается.

Слыши, сыне мой, про змию василиску. Такова суть, ибо зрѣнием убивает человека, гдѣ завидит — тамо и побивает. Такова бо есмь змия василиска, стрѣлами своими смертными люта велми человека умерщвляет. Также и прокудливая¹ жена нравом злѣе змия василиска, ибо прехитро себѣ украшает и опрятни сандалия обувает, и вѣжда свои ощиплет, и духами учинит, и лице, и шью вапами повапит² и румяностию, и черностию во очѣсах себе украсит, и в одѣяние червленое себѣ облачает, и персни на руке возлагает и вѣрх главы своея златом и камением драгимъ украшает и на лукавыя дѣла тщится. Егда же и грядет, ступает тихо и выю кротце обращает, и очима невскоре *смотрят*, и зрѣнием умилно взирает, и устне гладце отвѣрзает и вся составы свои на прелести ухищряет, и многия души огнепальными стрелами устреляет, яко ядом змииным, видѣнием своим юнных убивает, яко разслаблении удове ихъ бывають.

Сыне мой, глаголах ти про аспида, иже зело золь велми в роду змиевом в семидесяти родехъ, а сей аспид первый от них злобою, и в которую сторону вселится и сотворит ю пугу, а нравом таков есть, еже не может слышати гласа трубного, но разбивает себѣ о камень и скончается. Тако и злонравная жена не может слышати доброго ей поучения: и уши свои затыкает непослушания камением и непокорѣния жемчюгом драгим, яко аспид хоботом, в которой дом такая жена вселится и сотворит его пуга. Ибо всяка печаль, зло бывает, а корень всему — женская злоба».

Рече сын ко отцу своему: «Отче, апостол рече: „Лутче жениться, нежели разжизатися”. Якоже палима пещь огнем, также и юношеская плоть к вожделению женскому разжизается, ибо огонь естественный не ветром разгнѣщается³, но видѣнием красных лиц прелщаются: и время и мѣсто согрѣшению враг полагает. Женская красота мя прелщает, на ню же взирая — весель бываю».

Рече отец к сыну своему: «Сыне, аще ли не разумѣеши словес моихъ, якоже рекох тебѣ, слыши, да скажу ти извѣстно подробно».

Сотвори Богъ человека единого и помысли, яко недобро единому быти ему, и успи его в *породе райстей*, и взят ребро его, и сотвори ему помощницу, рекше жену. Егда же прабаба наша Евва прелстися советом змииным, также и мужа своего прелсти, и посети Богъ Адама в рай и рече ему: „Адамъ!” Он же рече: „Се аз, Господи”. Господь же к нему рече: „Почто заповѣдь мою преобидел еси?” Адам же ко Господу рече: „Господи мой, Боже, жена мя прелсти, ю же ми дал”. И рече ему Богъ: „Почто послушал еси совѣта жены своея? Аз бо дал тебѣ не совѣтницу, ни владѣтельницу над тобою, но поручницу⁴ и помочницу тебѣ”. И того ради изгна Богъ Адама и жену ево от райския пищи. И по изгнании нача Адам плакаться, сидя и сѣтуя, с плачем взываше: „Увы мнѣ, раю мой прекрасный, яко мене ради сотворен еси, а Еввы ради заключен еси. Увы мнѣ, яко погубих Божие человеколюбие и Духа Святаго благодати удалихся, и коим плачем

¹ проказливая; ² красками раскрасит; ³ разжигается; ⁴ поручительницу.

восплачюся, или которым рыданием возрыдаю, или коим сътованием возсътую! От рая мое изгнание, и в потъ и в трудъх терновное прозябение, и в преисподних адских мѣстѣх въздыхание помяну”. И сице рече: „Увы мнѣ, вся злая сия содѣлавшая и внезапно постигоша тебѣ ради, жено прелесная. Ты мнѣ незрелое безсмертие пожала еси серпом лукавства змиина, ты бо мою власть на рабство преложила и во очесех свѣтлость помрачила, и нуждею реки слез изливаю. Увы мнѣ, о жено безумная! Почто отлучи мя ангелского мирования и студным дѣлом принуди мя? Ты, прелстившая мя, отиде от мене, уже бо не требую к тому совету твоего пагубного и лукавого, ниже будет о тебѣ промышление мое от сего времени”. И по Адаме правнуцы его многими напастями и бѣдами пострадали от жен.

Слыши, сыне мой, како святыи пострадали от жен.

Ной праведный от жены напоен бысть квасом, смѣшенным с травою и увѣщаем от нея о тайне, иже заповѣда ему ангель Господень з запрещением николиже повѣдати, но ум его не возможе терпѣти от воняния травного и отбеже от главы его, и в забытие прииде память его о запрещении, и сказа таину женѣ своей и яко отщетився и прииде на мѣсто, идѣже ковчег дѣлая, и виде, яко разсыпая дѣло его и всѣх живущих на земли, и плакася на мѣсте том 40 дней.

Такоже Лот праведный в Содомѣ живяше з беззаконными людьми и не прикоснуса, и не восколебася имѣ, и никогождо осуждая, и того ради Содомско-го запаления убѣжа, но от лукавства дщерей своих не может убѣжати, но напоен бысть виноградным вином и падеся со дщерми своими и зачат во чревех. Последи же уведѣт грѣх свой, начат сомнѣватися и душею ужасатися, и плакася на горах горко, и бысть Лот дщерем своим посягатель, отец и муж.

Слышы, сыне мой, про Иосифа праведного, яже рече Писание, в раб продан бысть Иосиф и живяше чистотою душевною и красотою телесною, и лице его, яко солнце, сияя. Зряще же на него господина его жена и желаше насытитися красоты его и тщася ласканием запяти Иосифа. И без мужа своего призва его в ложницу свою и нача его увѣщевати, лстящи его и напрасно¹ его охапи руками своими к падению себѣ. Той же отторгнуся от нея, она же ят за ризу его, он же оставив ризу свою в руце ея и отбѣже от нея внѣ двора.

Прииде же муж ея от полаты царева, она же взял ризу Иосифову и показа мужу своему и с великою злобою поношаше на Иосифа: «Сей раб твой восхотѣ мнѣ ругатися, женѣ твоей, аз же не восхотѣ осквернити ложа твоего и возва, иже в дому нашем, он же, оставль ризу, беже от мене».

Петерфирий же ят вѣру словесем ея и повѣле Иосифа затворити в темнице и смириша во оковах нозе его, лукавыя ради жены. И избави его Бог и сотвори царя Египту.

¹ неожиданно, внезапно.

Слыши, сыне мой, про царя Давида, како блуда ради хотя смерть прияти. Богоотець великий во пророцех царь Давидъ, когда виде Вирсавию, жену Урину, красну лицом и величеством, и повелѣ привести во свою полату и падеся с нею, и по сотворении блуда озрѣвся вспять и виде ангела стояща и держаща наг мечь над главою его. И паде ниц на землю, молящеся и плачася горко, глаголюще: „Безвѣстная и тайная премудрости твоя явил ми еси” — и паче рехъ: „Возмердиша и согниша раны моя, от лица безумия моего пострадах, яко беззаконие мое аз знаю и грѣх мой предо мною есть всегда, тебѣ единому согрѣших и лукавое пред тобою сотворих, отврати лице твое от грѣхъ моих и вся беззаконие мое очисти”.*

И услыша Господь молѣние его, и возвратися от него ангель Господень бес крови его, и прия Давидъ Духа Святаго благодать, и глаголаше: „Аз рѣх, во обилие моем не подвижуся во вѣки”.

Рече сынъ ко отцу своему: «Отче, прияхъ поучение твое и во уверѣние ми бысть. Приточникъ¹ рече: „Не пощади жезла твоего и учи сына своего, егоже любиши”.* Уже аз слышах от тебѣ все по ряду и от словес твоих уразумѣх, и смыслъ свой укрепих, и разума наполнихся, наказанию твоему и опасному житию научихся, и укрепихся, и искусен быхъ».

Рече отецъ к сыну своему: «Сыне мой, несть тако, якоже реклъ еси, ибо дивна сия вѣщь — жена злая: кротима высится, а биема бѣсится и сворится, а подобна болѣзни нѣкакой. Не превозносятся, сыне мой, и не рцы во умѣ твоём и не уповай на премудрость твою и на мужество свое и на храбрость, еже жити со звѣрем сим, что укротити его свирѣпие, и безстуднее сущи полских² зверей, и невозможно сущи убѣжати ею. Обрѣли бо есми в Писаниих: „Кто Соломона премудрее или кто Самсона силнее и Александра храбреѣ?” И ти от жен пострадали и скончались. Соломон в юности своей наполнился разума, яко река многотекущая исполнился притчами и гаданими; яко звѣзда утренняя, яко облак и яко луна полна, и во дни сияя, яко солнце и яко маслина славы, от неяже сладкий плод приходит; имя его и мудрость во вся страны прослышася, жены же лукавые умѣ его помрачиша и, яко рѣку многотекущую, пресушиша, и доброту его погубиша, обратиша на пагубу, и блудом растлиша его, и прелстиша его во идолобѣсие, и сотвориша его поклонятися твари. И тоя ради прелести пророческого дара лишен бысть».

Слыши, сыне, про Самсона силнаго, иже по благовѣстию родися, да будет силен, и глаголаше: „Аще бы Бог укрепилъ колце, то бы могль всею вселенною поворотить”. И челюстию скотиною по 1000 на день иноплеменных побивалъ, а жена любодѣица не убоится силы его и напоив, на колѣнях своих успи его и власы, ими же силен бысть, остриже и очи ему ископа и на поругание иноплеменным его предаде.

¹ составитель притч (о царе Соломоне); ² диких.

Слыши, сыне мой, про царя Александра, яко храбръ бѣ и полестинския страны от востока солнечного вся царствия мира сего своею храбростию к себѣ приклони, а от жены отравлен бысть зелием травным и скончася.

Илия пророк, славный во пророцех, иже молитвою своею на три лѣта и на шесть месяцъ небо заключи и не одожди земли толико время, и огонь с небесе сведѣ и пятдесятников пожже, а жена любодѣица лютостию на него дхну и смертью ему погрози. Пророк же Божий убояся злобы и, шед, скрыся в пустыни Хоривстей.

Иоаннъ великий во пророцех Предтеча, глас слова, светилник света, дѣница солнца и воинъ царев, иже достоинством своим велику славу имѣя в зачатии и рожествѣ и житии своем, велику честь имѣя в проповѣдании покаяния, велик проповѣдникъ пред Богомъ и человеки, достоинством славы своя положи руку свою на пречестнѣю вѣрсе великого Бога и первие видѣв славу триипостасного Божества и свидѣтель истинненъ, и житие его, яко солнце, сияя, якоже и нѣкое зеркало пред очима нашими, ибо елико имуть святни жития и сия вся имѣя святой Иоаннъ. И прия от Бога имя — ангелом наречен бысть, и в рожденных женами болии не бысть.

Терпѣния же и проповѣдания ужасеся диавол и нача трепещущи глаголати: „Горе мнѣ, что сей муж *творит*, и кто ми возвестит будущаго гнѣва бежати? Горе мнѣ, яко будущая возвещает, един стоит пришедший у народа и всѣх учит, укоряет и обличает Ирода и советницу мою Иродиаду! Горѣ мнѣ, ничтоже могу сотворити ему, но вниду во *угодницу* мою Иродиаду и наполню ея гнѣва”.

И сквѣрная любодѣица испусти гнѣв свой на праведного, не убояся великого во пророцех: скакавши и плясавши Иродовии, и полюбися плясание Ироду, и клятся Ирод дати и до полцарствия своего. Она же, научена матерью своею, испроси главу Иоанна Предтечи. Ирод же повѣле Иоанну главу отсѣсти, и усеченною главою Предтечевою, яко яблоком, поиграв на блюде. Егоже в пустыни дивни зверие убояшася, змии и аспиды честно нозе его лижуще, а жена зла такова светильника не убояся.

А великого во апостолѣх евангелиста Иоанна Богослова, наперстника и возлюбленника и друга Господня, со учеником его Прохором злая жена по лани-тама бияху.

А великого во святителех покаянню проповѣдника, вселенней учителя и светилника Иоанна Златоустого, учение же его во всю вселенную проиде, яко река многотекущая, царица властолюбица, не терпя обличения его, с престола его изгна и в далняя страны в заточение засла его.

Слыши, сыне мой, уразумѣх ли еси словеса моя, яко тебѣ про праотец и про патриархъ, и про пророк, и святых апостол, и святых отецъ рекох, елико они пострадали от неистовства женского, толико разумных пострадали от них, ибо диавол не может самъ сотворити таковыя пагубы святым, якоже наводит злыми женами, то бо есть оружие дияволе, и мечь сатанин и оболгателница святым.

И обретохом азъ написано в „Старчествѣ”: „Нѣкто человекъ добронравен живяше со злою женою и имѣя семь сынов, а всѣ в совершенном возрастѣ, и многого ради злонравия ея наказуя муж жезлом, она же окаянная убеже в нѣкую пустыню к нѣкому затворнику старцу, толкися, глаголаше: «Сего ради пришла к твоей святыни, да избуду напрасные смерти». Он же прият ю в пещеру свою. И помале прелсти его окаянная, и падесе с нею, яко со своею женою, и елико муж ея бияше, она же к затворнику убѣгаше в пустыню и глаголаше: «Умору мужа своего». Потом же муж ея бияше про злонравие ея, она же умори мужа своего и шести сынов умори по единому, а седмый сынъ, шед во град, сказа народу, и изыдоша людие в пещеру, яша старца и жену ту и, испытавше ихъ огнемъ, сожгоша”.

О сей повести не могу глаголати без слез многих и горького въздыхания, понеже очи мои зѣлне плачют и душа моя люте трепещет. Слыши, сыне мой, кто не прослезится о сем великом старцѣ? Здѣ огнем скончася, а в будущемъ вѣце злѣ лютей адской муце предастся! О люте! Очи мои слезы многия испустиша, а душа моя жжалѣся и сердце мое восколебася! Колико сей старецъ подвизався в пустыни, со многочисленными бѣсы борясь, а женою злоокаянною вмале прелстися и погибе, о сем всякъ да восплачет умильными слезами и горким въздыханием, сердечным възрыданием!

Слышаш, сыне мой, про нѣкогого мужа, пришедша в дом к женѣ вдовице, и хваляху людие ему, да ся оженит ею, понеже юнѣ бяхе. Она же, окаянная, злонравно с ним живяше нѣколико лет, по времени же умре жена та, онъ же нача продавати дѣти своя и ея. Людие же кленяху его, что тако творит. Он же рече: „Егда возрастут и будут обычаем в мать свою, тогда и мене продадут”. И плакася по женѣ своей, людие же глаголаху: „Почто плачещися, понеже зла была?” Он же рече: „Плачюся, дабы другая такова не была”.

Нѣкий человекъ рече: „Аз есмь бых в трех нуждах: в темъницы, у вѣслицы, и двух нужд убежах, а от третие нужды — от злыя жены — не могъ убѣжати”».

Рече сынъ ко отцу своему: «Отче, отяготѣх тягостию, рцы ми слово вкратце: что лихая жена и что злоба еѣ, скажи ми и напиши на сердцы моемъ».

Рече отецъ к сыну своему: «Слыши, сыне мой, жена злая — домовная буря, многимъ потоп, неудѣржимое стремление, сердцу копие, инокомъ жжение, очесемъ поползение, покоише змиино, смертоносная бесѣда, неоставляющая трясовица, неутолимая огневица, мужу спящая лѣсть, встающая печаль, самохотная злая ратница, грехомъ учителница, тѣмный вождь, хоругви адова, ниспадаемое желание, вѣтвь дияволя, спасаемымъ соблазн, болѣзнь неисцѣлная, злоба безувѣтная, удобь¹ уловляющая дерзость; жена злая — вѣтръ сѣвѣр, день неведрян, гостиница жидовская, совокупленница бѣсовская, несытная похоть. Якоже ровъ глубокъ не наполнится водою и огонь дровами, тако и злая жена николиже на-

¹ легко.

полнится хотѣния своего, и злоба ихъ не умяляется, имѣя сокровище злобы, источникъ зла кипя непрестанно».

Рече сынъ ко отцу своему: «Отче, слухи моя наполнишася твоего наказания, уже душа моя ужасѣся, и разум мой умилися, и сердце мое восколебася, стоя пред очима твоима».

Рече отецъ к сыну своему: «Сыне мой, не буди укоряти собою естество женское велми есть зло. Приточник же рече: „Бѣжи и не озирайся красот жен, яко Ной потопа и яко Лот Содомского запаления, и не буди с прилежанием зрѣти на чюжия жены, и не объят буди руками их, и не желай ея, та бо погубляет человеки острѣйша меча”. Нѣкто рече: „Стрѣтил бѣ на пути лва, и на распутии разбойника и обоих сих убежах, а злыя жены не могох убѣжати. Аще кому случится злая жена пояти, то над чюжим мертвецом не ходи плакати, всегда бо ти есть у себѣ в дому плачь”.

Сыне мое и любимое мое чадо, вся сия видехъ и в писании обрѣтох и согласию твоему рекохъ».

**ПЕСНИ, ЗАПИСАННЫЕ ДЛЯ РИЧАРДА ДЖЕМСА
В 1619—1620 гг.**

⟨ПЕСНЯ О ВЕСНОВОЙ СЛУЖБЕ⟩

Бережечикъ зыблетца,
да песочикъ сыплетца,
а ледочикъ ломитца,
добры кони тонуть,
молотцы томятца.

Ино, Боже, Боже!
сотворилъ ты, Боже,
да и небо-землю,—
сотвори же, Боже,
весновую службу!

Не давай ты, Боже,
зимовые службы;
зимовая служба —
молотцам кручинно
да сердцу надсадно.

Ино дай же, Боже,
весновую службу:
весновая служба —
молотцамъ веселье,
а сердцу утѣха.

А емлите, братцы,
яровы веселца,
а садимся, братцы,

в ветляны стружечки,
да грѣнемъте, братцы,
въ яровы веселца,
ино внизъ по Волги!

Сотвориль намъ, Боже,
весновую службу!

〈ПЕСНЯ О ВОСПРИЯТИИ В МОСКВЕ
ИЗВЕСТИЯ О СМЕРТИ ВОЕВОДЫ
КНЯЗЯ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА СКОПИНА-ШУЙСКОГО〉

Ино что у нас в Москвѣ учинилося:
с полуночи у насъ в колоколъ звонили.
А расплачются гости москвичи:
«А тепере наши головы загибли,
что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила!»

А съезжалися князи-бояре супротиво к нимъ,
Мъстисловской князь, Воротынской,
и между собою онѣ слово говорили;
а говорили слово, усмѣхнулись:
«Высоко соколъ поднялся
и о сыру матеру землю ушибся!»

А расплачутца свѣцкие немцы:
«Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила!»
Побѣжали немцы в Новъгородъ,
и в Новегороде заперлися,
и многой миръ-народъ погубили,
и в латынскую землю превратили.

〈ПЕРВЫЙ ПЛАЧ ЦАРЕВНЫ
КСЕНИИ БОРИСОВНЫ ГОДУНОВОЙ〉

Сплачетца мала птичка,
бѣлая перепелка:
«Ох-те мнѣ молоды горѣвати!

Хотять сырой дубъ зажигати,
мое гнѣздышко разорити,
мои малыи дѣти побити,
меня пелепелку поимати».

Сплачетца на Москвѣ царевна:
«Ох-те мнѣ молоды горѣвати,
что едетъ к Москвѣ измѣнникъ,
ино Гриша Отрепьевъ рострига,
что хочетъ меня полонити,
а полонивъ меня, хочеть постритчи,
чернеческой чинъ наложити!

Ино мнѣ постритчися не хочеть,
чернеческого чину не здержати,
отворити будетъ темна келья,
на добрыхъ молотцовъ посмотретьи.

Ино, охъ, милыи наши переходы!
А кому будетъ по васъ да ходити,
послѣ царского нашего житья
и послѣ Бориса Годунова?

Ахъ, милыи наши теремы!
А кому будетъ в васъ да съдети
послѣ царского нашего жития
и послѣ Бориса Годунова?»

〈ПЕСНЯ О ВЪЕЗДЕ В МОСКВУ
ВОЗВРАЩАВШЕГОСЯ ИЗ ЛИТОВСКОГО ПЛЕНА
ПАТРИАРХА ФИЛАРЕТА НИКИТИЧА〉

Зрадовалося царство Московское
и вся земля Святоруская:
умолил государь православной царь,
князь велики Михайло Федорович.

А что скажутъ, въѣхаль батюшко
государь Филарет Микитичъ,
из невѣрной земли из Литовской.

С собою он вывез много князей-бояръ,
еще онъ вывезъ государева боярина,
князя Михаила Борисовича Шеина.

Съезжались многии князи-бояря,
князи-бояря и многие власти
ко силному царьству Московскому:
хотять встрѣчать Филарѣта Микитича.

Из славнаго града каменной Москвѣ
не красное солнце катилося,
пошелъ государь православной царь
встрѣчати своего батюшка,
государя Филарѣта Микитича.

З государемъ пошел его дядюшка,
Иванъ Микитичъ бояринъ.
«Дай, Господи, здоровъ был государь мой батюшко,
а батюшко государь Филарѣтъ Никитичъ!»

А какъ будутъ онъ в каменной Москвѣ,
не пошли онъ в хоромы в царьские,
а пошли онъ к Пречистой соборной,
а пѣти чесныхъ молебеновъ.

Благословлялъ своего чада милого:
«И дай, Господи, здоровъ был православной царь,
князь великий Михайло Федоровичъ,
а ему здержати царство Московское
и вся земля Святоруская!»

⟨ВТОРОЙ ПЛАЧ
КСЕНИИ БОРИСОВНЫ ГОДУНОВОЙ⟩

А сплachtetся на Москвѣ царевна,
Борисова дочь Годунова:
«Ино, Боже, Спасъ милосердой!
За что наше царство загибло:
за батюшково ли согрѣшенье,
за матушкино ли немоленье?»

А свѣты вы, наши высоки хоромы!
 Кому вами будетъ владѣти
 послѣ нашего царьсково житья?
 А свѣты, бранни убрусы!
 Береза ли вами крутити?
 А свѣты, золоты ширинки!
 Лѣсы ли вами дарити?
 А свѣты, яхонты-серешки!
 На сучье ли васъ задѣвати
 послѣ царьсково нашего житья,
 послѣ батюшкова преставленья,
 а свѣта Бориса Годунова?

А что едетъ к Москвѣ Рострига,
 да хочеть теремы ломати,
 меня хочеть, царевну, поимати,
 а на Устюжну на Желѣзную отослати,
 меня хочеть, царевну, постритчи,
 а в рѣшетчатой садѣ засадити.
 Ино ох-те мнѣ горѣвати:
 какъ мнѣ в темну келью ступити,
 у игуменьи благословитца?»

<ПЕСНЯ О НАШЕСТВИИ КРЫМСКИХ ТАТАР
 НА РУСЬ В 1572 г.>

А не сильная туча затучилася,
 а не сильнии громы грянули:
 куде едетъ собака крымской царь?

А ко сильному царству Московскому:
 «А нынѣчи мы поедемъ к каменной Москвѣ,
 а назадъ мы поидемъ, Рѣзань возмѣм».

А какъ будутъ онѣ у Оки-рѣки,
 а тут онѣ станутъ белы шатры роставливать.
 «А думайте вы думу с цѣла ума:

кому у насъ сидеть в каменной Москвѣ,
 а кому у насъ в Володимере,
 а кому у насъ сидеть в Суздале,

а кому у насъ держать Рѣзань Старая,
а кому у насъ в Звѣнигороде,
а кому у насъ сидеть в Новегороде?»

Выходить Диви-Мурза сын Уланович:
«А еси государь нашъ, крымской царь!
А табе, государь, у насъ сидеть в каменной Москвѣ,
а сыну твоему в Володимере,

а племяннику твоему в Суздале,
а сродичю в Звѣнигороде,
а боярину конюшему держать Рѣзань Старая,

а меня, государь, пожалуй Новымъ городомъ:
у меня лежать тамъ свѣтъ-добры-дни батюшко,
Диви-Мурза сынъ Улановичъ».

Прокличет с небесъ Господень гласъ:
«Ино еси, собака, крымской царь!
То ли тобѣ царство не свѣдомо?

А еще есть на Москвѣ Семьдесятъ апостоловъ
опришенно Трехъ святителей,
еще есть на Москвѣ православной царь!»

Побежалъ еси, собака, крымской царь,
не путемъ еси, не дорогою,
не по знамени, не по черному!

ПЕСНИ В ЗАПИСИ С. И. ПАЗУХИНА

ПЕСНЯ ИВАН ЛУКЪЯНОВИЧА... НЕВА

Д'ой не плачьте мои ясные очи,
а не все натсажайте мое сердце.
Как увижю мила друга очи,
о здоровье мила друга спрашаю.
О здоровье мила друга спрашаю,
про свое я житье ему скажу.
А не то мнѣ на мила друга досадно,
а што долго мила друга нѣту,
а и то мнѣ на мила друга досадно,
а что прельстила мила друга иная.
А всем мнѣ надежа полюбилса:
а умом он и ростом дородилса.
Лишь однем мел надежа провинилса:
а что смолода с ыными поводилса.

ПЕСНЯ АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ПЕСТОВА

Пойду я, молоденька, погуляю,
я на свои новые на сени;
посмотрю-ка я далече в чисто поле,
хорошо ли в поле луги зеленеют.
Хорошо ли в поле луги зеленеют,
лазоревые цвѣты росцвѣтают.
Зеленеются в чистом поле луги,

лазоревые цветы розцветают.
А всех людей в поле я вижу,
одного свѣта милова не вижу.
А все люди с службы едут,
моево свѣта милова нѣту.
По здорову ли мой миленькой едет,
али то воеводы не отпустят.

ПЕСНИ П. А. САМАРИНА-КВАШНИНА

ПЕСНЯ

Светъ моя, милоя-дарогая,
не дала мнѣ на себѣ наглѣдетца,
на хорошей-прекрасной ликъ насмотретца.
Поиду ли я в чисто поля гуляти,
найду ли я мастера-живописца,
я велю списать образ, ей, на бумаге,
хорошей-прекрасной ликъ на персонѣ¹.
Поставлю я во светлую светлицу.
Какъ взойдет на меня тоска и кручина,
поиду ли я в *светлую* светлицу,—
Спасову образу помолюся,
на персуну мила друга насмотрюся,
убудет тоски моей и кручины,
и великое чежелое възрыданье.

* * *

Не по лѣтнему солнышка на небѣ грѣеть,
на всех красно солнышко обогрела,
одное меня, бѣдную, ознобила.
Ко всем милой другъ заежжаеть,
он к одной ко мнѣ, бѣдной, не заедеть,
а хотя онъ ко мнѣ и заедеть,
он тайные мнѣ он не скажетъ.

---

¹ портрете.

* * *

Не голубка з голубем ворковала,
сестрица з братцом говорила.

Говоря сестрица з братцом,
стала-учела сестрица братца хвалити:
«Ой мой миленькой братецъ сердешной,
дружечикъ дорогой мой ненаглядной!
Как не могу на тебя, братецъ, насмотретца!
Хорош мой миленькой, что наливная яблонька,
пригошь молоденекъ мой милой, какъ маков цветочикъ,
молоденекъ мой братец, как ... вишенька.
Кали я тебя, братецъ, не вижу,
тогда я с тоски пропадаю.
Коли мнѣ будет по любимова братца поменути,
нельзя мнѣ по нем не вздохнути.
Крепкая моя дума и вѣрное он мое слово,
неизменная мая дружба».

Говоря сестрица з братцом.
стала сестрица жалобу творити:
«Тошно ль мне, братец, напраслину слыша
в напрасной небылицѣ.
Ой суди, Боже, кто нашему совѣту завидит
и меня, молоденьку, небыльными словами поносит,
кто хочет меня з братцем розлучити ... ,
не прибыль себѣ хочет учинити,
что меня оглашает или разлучити,
хотя же мнѣ огласку великую принять,
а от милова братца не отстати,
кручины же ...

... ходячи во садку,
взговорит слова плачючи,
чежело вздыхаючи:
«Адин был у сестрицы любимай дружечикъ,
ее сердешной братецъ,
и на милого-та напраслину взводят.
Ой, суди, Богъ, и ненавистника моего,
лихова злодея недруга,
кто меня небылицею оглашает,
а хочет меня он с милым братцем розлучити.
Да дай же мнѣ, Боже, напраслину терпети!

Хотя, де, мне, младенкъ, и горько,
хотя же мнѣ и тошно,
и того уже мнѣ тем не отбыти,
что мнѣ братца избыти — не любити.
Воздай ему, Боже, а и по ево великой правдѣ,
и чтобы моему недругу по той правдѣ
с молодою женою век скоротати.
Ни буйны ветры с меня той напраслины не свѣяли,
ни вода с меня не слѣляла¹.
Ах, тошно ль бѣлой рыбицѣ бѣз воды,
тошнее ль тово терпеть и слышать напраснину,
... так что моя душа напраснины ...
была б моя правда пред Богом ...

* * *

На тихой на завади
воскликнула громко голосом
бела лебедь жалобно добръ,
тужила по белом лебеде,
что покинулъ ее белъ лебедь:
«Понялся мой бел лебедь с ыною лебедкою».

Во высоком тереме
сидит под окошечком красна девка,
ясны у ней очи заплаканы,
во слезах она взговорить,
насилу слова молвила,
и взговорить она слова плачючи:
«Ой, на свет, мой милой другъ
покинул меня, девицу!»

Ай, не павушка по двору ходила,
а не золото перье она ронила,
ходила девица красная,
во чисто поля смотрила:
«Дорого, дорого золота красное,
дороже чиста жемчюгу скатиста²,
дороже того мое милое, мое ненаглядное» ...

---

¹ не смыла; ² круглого, крупного.

* * *

Не сон меня, молодца, клонит,
не дрема меня изнимает,
изнимает меня кручина великая,
на житье свое горькое смотречи,
на бѣсчастье свое глядячи.
С той ли та моей кручины
исчеплялись¹ мои кудри,
болит моя буйная головушка.
Нихто молодца не любить,
всякъ ево ненавидит, беднова.
А и Богъ то их судит,
за што меня не любят, молодца,
за што оглашают.
Никому я не грубитель,
кромѣ слова ласкова
да поклона нискова.
Пойду ли я гуляти во чистое полѣ,
красные смотреть на цветочки,
размычу свою злую кручину
по чистому полю.

* * *

Жарко, жарко красно солнышко грѣть,
ясно, ясно светел месяцъ светит,
хорошо, хорошо мой милой другъ в чисто полѣ ездить.

* * *

Развейтѣ мою кручину, буйные ветры,
разсажу свою кручину по лазоревым цветочкам,
расти, моя кручина, по чистому полю,
цвети, моя кручина, пустым пустоцветом, травую лихою.

---

¹ сваялись.

* * *

Прилѣтала ко молодцу птичка,
 приносила ко к нему вестку,
 а вестка злу досадна,
 сказала мнѣ про милова, про друга,
 что мила другъ не можетъ ...

* * *

Износишь свою молодость для друга, для милова,
 истаскаль красоту свою.
 Многа та гулена, многа та видена,
 такова та друга не наживана,
 какъ мой миленкой.
 Краше была краснова золота,
 дороже был чистова жемчюгу,
 нраву былъ послушного,
 слова был утешного,
 очами был, какъ ясен сокол,
 лицом онъ был, какъ белой снегъ,
 черны кудри шапкою.
 Оставайся, мой милой другъ,
 розживайся, мой недругъ!

* * *

Ой, сахар мой, сахар, бѣл крупичетой, канарской!
 Кто тебя станет кушать — насладит свою душу.
 Ой, бархот мой, бархот, ¹червчетой веницейской!
 Кто тебя будет насити — в тебѣ будет красаватца.
 Ой, свѣт мой, друк сердечной, душа моя надѣжа!
 Кто тебя станет любить, хто твоею будет слыти—
 всегда станет веселитца, сердцемъ в радости жити.
 Настругаль ты, мой сердечный друг, стружекъ
 ис калѣновых стрелакъ
 и разклат из нихъ огникъ² на моих бѣлых грудех;
 и загарелася искра к ретиву сердцу блиска.

---

¹— багряный венецианский; ² костер.

Гарит мое сердца во моем бѣлом тѣле,
палить мою душу день и ночь непрестана,
па тебѣ, мая надѣжа, животь мой сакрушается,
и со слез, мой друкъ сердешной, ясны очи памутились,
са вздыханья, мой надежа, ретиво сердце натъселась.
Али то тебѣ, друг, годна, что меня умарити?
И тебѣ, мая надѣжа, ни хитро то учинити,
лише бы Богу не дати ли тебѣ в том ответу,
что меня умарити бѣ-своего привету.

А кали меня избудешь, и либо па мнѣ патужишь,
и тагда, мой надѣжа, той печалью не пасабись.
Умились ты нада мною,
чтоб всегда была я с табою,
и тагда бы я, младенѣнка, непрестана веселилась,
и с табою б, мой светок, я всегда бы утешалось.
И мая бы злая кручина в веселья превратилась,
а та уже меня кручина да *канца* сакрушила
и меня, маладенку, с умом разлучила.
Только моего и веселья, кали я с табой увижусь,
а кали ты отъедешь ...

* * *

Не ясен сокол летает,
ай, не маков красной цветъ рано расцвѣтаеть,
мой миленкай дружечикъ ранешенко встает.
Не лехкой заечикъ протѣкаетъ,
красна девица из терема поглядываетъ,
своего мила друга посматриваетъ.
Не зелена трава зелѣнѣетца,
душа-девица усмѣхаетца.
Не тиха дождь опускаетца,
не пава-птица воскликнула,
красна девица слово промолвила:
«Ой, светъ же мой, доброй молодець!
За што на меня, красну девку, бѣзвинно разкручинился,
Ко мнѣ не ходишь, не любишь, не жалуешь?
Или хто тебѣ обнес лихим словом,
или хто огласил бѣзделицею,
или кто меня с тобою смутил ссорю великою?»

Ой, суди, Богъ, неприятеля, кто смутил с тобою нас!
 Или я не любила тебя, друга милова,
 про тебя что говаривала,
 чем поносила тебя, мила друга?
 Была я тебѣ, другу, ни в чем не ослушница.
 Когда ты был, мой миленкой, на дальнѣй на службѣ государевой,
 тогда я с тоски убивалася,
 и со слез мои очи помутились,
 и ретиво сердцѣ по тебѣ я надорвала,
 и заочно по тебе, другъ сердечной, я умирала.
 Нынѣ я сама вижю, что на меня и ты розкручинился ...»

* * *

Как изсохла трава-былиночка осенью.
 Не воркуй, голубчик, над своею голубкою, во голубенке сидечи,
 не давай мнѣ *назолы*¹, красной девицѣ.
 А и так мнѣ, девицѣ, тошно по миленьком дружочке,
 что, живши со мною, другъ меня да покинул.
 Со кручины мнѣ, *молоде*, со кручины пропадаю,
 с таски мнѣ по моем друге засохло мое ретивое сердце,
 помутились мои ясные очи,
 выступил румянец из моего из бѣла лица,
 со вздыханья ль живот мой надорвался.
 Жалела я милово, какъ свою душу в лѣпом² телѣ.
 Государи люди добрые!
 Ой, суди, Богъ, моего неприятеля,
 кто смутил меня с милым другом!
 Не велику прибыль себѣ получает
 мой миленкой, лиша меня надсажает.
 Кабы знала немилость к себѣ друга милова,
 не тужила бы я по милом друге,
 не надрывала бы своего ретива сердца,
 не открывала бы я ему всей тайны своей,
 А и нынечи миленькой мнѣ же насмѣхаетца,
 оглашает меня небылицею!
 Поиду ль, младенка, со печали я либа постригуся,
 со великие кручины посхимлюся,
 или я, младенка, утоплюся.

¹ досады, огорченья; ² красивом.

А коли меня ты покинешь,
и сам ты загинешь.
Не тужи ...

* * *

Ай, не красной цвет рано увядает, засыхаетъ,
у мила любовь угасаетъ.

Ай, не селезень от утицы отлѣтаетъ,
мил сердешной другъ от меня отъежжает.

Ой, не голубица да от голубя отлетела,
от меня милова любовь отдалела.

Не знаю я, молодец, вины своей, не ведаю,
за что друг разкучинился,
ай, держит на меня великой гнев,

Не может меня, миленкой, нынѣ навидети,
да не токмо навидети,
не хочеть про меня и слышети.

Ай, доселѣва мой милой другъ
какъ любил меня и жалывал,
имел меня, какъ свою душу в бѣлом телѣ.

Бывало, мой сердешной другъ,
гдѣ услышит про мила друга —
ой, не можетъ наслышатись,
где увидит мила друга —
тут не может на мила насмотретися.

Ай, нынечи милоя гдѣ услышит про мила друга —
тут не можетъ слышети.
и гдѣ увидить — тут не может видети.

Ой, Богъ над молодцом прогневался,
и сердешной другъ разкучинился.
Ой, не пламя розгорается,
розрывается *серце* ретивое,
слышечи про друга милова ...
неприятства друга милого,
что покинула меня моя милая, друга старога,
и выбрала моя сердешная друга нового,
ой, друга себѣ вѣрнаго.

О да и не то мнѣ, молодцу, досадно,
что на меня мой другъ кручинитца,

о том мнѣ, молодцу, досадно,
что меня оставляет,
бѣдную мою голову сокрушаетъ,
а иногo себѣ друга выбираетъ.

Ой, выбрала друга новаго, друга вернаго,
прельстилась моя милая на ево слова лживыя.
Или тово мой милой друг не ведает,
что живеть он с тобою неправдою, и душею лъстивьею,
о кольцо онѣ насмѣхаетца,
говорит про мила друга безделицу.

Ой, тошно ль мнѣ, молодцу, замутошнилося
и на сердце мнѣ замутилося,
и в очах мнѣ, молодцу, помутилося,
слышечи про мила друга небылишную бѣзделицу.

Уж я молодець, моя милоя, я сокрушаюся,
горчае ль мнѣ пелыни вогорчилося,
тошнее ль всякой тоски востошнилося,
поминаючи любовь друга милова.

Уж веть я, молодець, сокрушился,
там меня кручина с ногъ меня свалила,
и со слез, мой другъ сердешной, ясны очи помутились,
загорелась во мнѣ сердешная искра,
сожгла мое сердце,
палит мою душу день и ночь непрестанно!

И, ай, вешний лед, друг, обломливой,
а новой друг обманчивой.

КОММЕНТАРИИ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>БАН</i>	— Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
<i>ГИМ</i>	— Государственный исторический музей (Москва)
<i>ИОРЯС</i>	— Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук
<i>ИРЛИ</i>	— Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом) (Санкт-Петербург)
<i>ОЛДП</i>	— Общество любителей древней письменности
<i>ПДП</i>	— Памятники древней письменности
<i>ПСРЛ</i>	— Полное собрание русских летописей
<i>РГАДА</i>	— Российский государственный архив древних актов (Москва)
<i>РГБ</i>	— Российская государственная библиотека (Москва)
<i>РНБ</i>	— Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
<i>ТОДРЛ</i>	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
<i>ФИРИ</i>	— Филиал института российской истории (Санкт-Петербург)

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ

Повесть дошла до нас в единственном списке XVII—XVIII вв. (в сборнике *РНБ*, собр. Погодина, № 1773, л. 295—305 об.). Она была открыта в 1856 г. А. Н. Пыпиным, когда тот познакомился с погодинским собранием. И тогда же впервые опубликована Н. И. Костомаровым в мартовском выпуске «Современника».

В тексте Повести есть непонятные места, ошибки и повторы, причем некоторые из них были замечены переписчиком: они взяты в тексте рукописи в прямые скобки. В настоящем издании повторы, отмеченные скобками и не отмеченные, исключены, сделано несколько необходимых исправлений (набрано курсивом); непонятные места даются без толкований.

Стр. 32. ...*неправдѣ*... — В рукописи: «правде».

...*перечине* — В рукописи: «ечерине».

Стр. 34. ...*меду*... — В рукописи: «и мему сладково».

Стр. 38. ...*нази*... — В рукописи: «нани они во гробъ вселилися». Исправлено, во-первых, потому, что далее упоминается босота и нагота, а во-вторых, ошибочно «ни» в слове «нази» могло появиться из-за последующего «они».

ПОВЕСТЬ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ

«Повесть о Савве Грудцыне» написана в 60-х гг. XVII в. как эпизод из недавнего прошлого. Она начинается с 1606 г., когда «попусти Бог на Московское государство... Гришку Отрепьева»; герой принимает участие в борьбе с поляками за Смоленск в 1632—1634 гг. Безымянный автор пишет не историю России, он рассказывает о частной жизни купеческого сына Саввы Грудцына. Повесть на русском материале разрабатывает фаустовскую тему: тему продажи души дьяволу за мирские блага и наслаждения.

Грудцыны-Усовы — существовавшая в реальности купеческая фамилия. Ее представители торговали в Москве и Великом Устюге, участвовали в земских соборах и закладывали храмы, входили в гостиную сотню, т. е. принадлежали к самой верхушке торгового сословия (данные о них см.: Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне // ТОДРЛ. Т. II. М.; Л., 1935. С. 181—214; Т. III. М.; Л., 1936. С. 99—152). Возможно, что повесть отразила какие-то реальные беды, пережитые этой семьей, что беспутный недоросль из рода Грудцыных-Усовых соблазнил замужнюю купчиху. Возможно также, что «присушить» купчиху он пытался с помощью сатаны.

В «Повести о Савве Грудцыне» использованы две сюжетные схемы. Это, во-первых, схема «чуда», религиозной легенды с ее, как правило, тремя сюжетными узлами: преступление, несчастье или болезнь героя; затем покаяние, молитва, обращение к Христу, Богородице, святым за помощью и наконец — отпущение греха, исцеление, спасение. В повести отразились религиозные легенды о юноше, который согрешил, продав душу дьяволу, затем покался и был прощен (см. наблюдения Д. С. Лихачева в кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 525—536).

Второй сюжетный источник повести — волшебная сказка (см.: ТОДРЛ. Т. XXVII. Л., 1972. С. 290—304). Сказкой навеяны сцены, в которых бес выступает как волшебный помощник, «даруя» Савве «премудрость» в военном деле, снабжая его деньгами, излечивая от раны. К сказке восходят поединки Саввы с тремя вражескими богатырями под Смоленском (троичная символика здесь явно фольклорного происхождения).

Автор строит повествование то по законам «чуда», то по стереотипам сказки. В художественном отношении эти переключения с одного сюжетного прототипа на другой, с религиозной легенды на сказку и снова на религиозную легенду создают эффект обманутого ожидания, не характерный для средневековой литературы, когда знакомая сюжетная ситуация влекла за собой другую,

столь же знакомую. Такой прием характерен для искусства Нового времени, в котором ценится неожиданное и непривычное. Именно поэтому «Повесть о Савве Грудцыне» принято считать первым русским опытом романа.

Для автора важна мысль о разнообразии, пестроте жизни. Многообразие жизни очаровывает молодого человека. С точки зрения автора, совершенный христианин обязан противиться этому наваждению. Автора ужасает плотская страсть, как и вообще стремление к наслаждению. Но сила любви-страсти, притягательность пестрой жизни уже вошли в плоть и кровь людей «бунташного века». Автор противится новым веяниям (поэтому его повесть — печальная повесть), но как истинный художник признает, что эти веяния прочно укоренились в русском обществе.

ВАРИАНТ ОКОНЧАНИЯ:

И егда же приспѣ время июля 8-го числа, бысть праздник Пресвятыя Богородицы Казанския. Абие повелѣваетъ царь болящаго оного Савву нести до церкви. Бысть же в той день хождение крестное из соборная апостольския церкви Пресвятыя Богородицы, в том же году был и самъ царь.

И егда же начаша Божественную литургию, принесенну же бывшу болящему оному Саввъ и положену внѣ церкви на коврѣ. Егда же бо начаша пѣти херувимскую пѣснь, и се внезапно бысть глас, яко бы громъ велий возгремѣ: «Савво, востани, что бо медлиши, и прииди в церковь! Мню, здравъ будеши. К тому не согрѣшай». И абие спаде¹ от верху церкви богоотметное оное писание Саввино, все заглажено, что никогда же писано, предъ всѣмъ народомъ.

Царь же, видѣвъ сие чудо, велми подивися. Болный же той Савва скочивъ с ковра, яко бы никогда болѣвъ, и притече скоро в церковь, паде предъ образомъ Пресвятыя Богородицы, нача со слезами глаголати: «О преблагословенная Мати Господня, христианская заступница и молебница о душахъ нашихъ к сыну своему и Богу! Избави от пропасти адския, азъ вскорѣ исполню общание свое».

Сие же слышавъ, великий государь, царь и великий князь Михайло Феодоровичъ всея Росии повелѣ призвати к себѣ оного Савву, и воспросивъ ево о бывшемъ видѣнии. Он же повѣда ему все по ряду и показавъ писание свое. Царь же подивися зѣло милосердию Божию и несказанному чудеси.

Егда же отпѣша Божественную литургию, поиде Савва в домъ сотника Иакова Шилова. Сотникъ же той и жена его, видѣвъ над нимъ милосердие Божие, благодаривъ Бога и Пречистую его Богоматерь. Потом же Савва раздавъ все имѣние свое, елико имѣяше, убогимъ, сам же иде в монастырь Чюда архистратига Михаила, идѣже лежатъ мощи святителя Божия Алексия митрополита, еже зоветца Чюдовъ. И восприявъ иноческий чинъ, и нача тутъ жити в постѣ и молитвахъ, безспрестанно моляся Господеви о согрѣшении своемъ. В монастырь же ономъ поживъ лѣта доволна, ко Господу отиде, идѣже святини пребываютъ. Буди же Вседержителю Богу слава и держава во вѣки вѣковъ, аминь.

«Повесть о Савве Грудцыне» публикуется по списку РНБ, Q.1.762 (середина XVIII в.), л. 73 об.—99 об. По классификации М. О. Скрипиля (ТОДРЛ. Т. V. М.: Л., 1947. С. 225—308) список принадлежит к первому варианту I редакции. В этом списке сюжет передан достаточно точно, но архаизированный язык произведения несколько облегчен. Исправления, дополнения и вариант окончания даны по списку РНБ, Q.XVII.196 (середины XVIII в.), л. 110—122.

Стр. 44. *...оставляетъ великий градъ Устюгъ...* — После того как летом 1612 г. интервенты были разгромлены у стен Москвы, два отряда, состоявшие в основном из «черкас», т. е. запорожских казаков, двинулись на север. Они разграбили вологодский Прилуцкий монастырь, захватили Сольвычегодск, а в конце января 1613 г. предприняли два приступа на Великий Устюг, но были отбиты (см.: Кукушкина М. В. Новая повесть о событиях начала XVII в. // ТОДРЛ. Т. XVII. М.: Л., 1961. С. 374—377).

...до лѣтъ благочестиваго царя... Михаила Федоровича... — Царь Михаил Федорович правил с 1613 по 1645 г.

Обычай же имѣяше той Фома куплю дѣяти... — Казань была центром торговли с Востоком, в частности с Персией.

¹ упало.

Стр. 45. *...бысть мещанинъ именемъ Бажень Второй...* — Бажен — мирское имя. Определение «Второй» говорит о том, что у него был старший брат с тем же прозвищем, Бажен Первый.

...поять ея сущую дѣвою. — Это значит, что третьим браком Бажен женился не на вдове, а на девице.

Стр. 49—50. *...стѣны и помость... и веду тя к нему.* — В рукописи отсутствует; восполняется по списку РНБ.

Стр. 50. *...около его стояща множество юношей крылатыхъ, лица же ихъ овыхъ сини, овыхъ багряны, инья яко смола черная.* — По православным представлениям, божественному «свету» противостоит дьявольская «тьма» (она «кромешная», потому что вне, «кромѣ» света). Соответственно сам дьявол и его слуги «темны», отчего и назывались обычно «синьцами» и «ефиопами».

Стр. 52. *...по ево, великаго государя, указу во всей России набираху новобраныхъ салдатъ.* — Формирование (по западному образцу) солдатских полков началось в 1630 г. Воинскому артикулу их обучали служилые иноземцы.

Стр. 53. *...немалу власть имяше шуринъ царевъ бояринъ Семень Лукьяновичъ Стрешневъ.* — Имеется в виду брат царицы Евдокии Лукьяновны, урожденной Стрешневой. Чином боярина был пожалован позднее.

Стр. 54. *...тогда былъ командующимъ бояринъ Федоръ Ивановичъ Шеин.* — В действительности Шеина звали Михаилом Борисовичем. За неудачную осаду Смоленска он был обвинен в измене и казнен в 1634 г.

Стр. 55. *Бояринъ же нача его нелѣпыми словами поносити...* — По царскому указу торговых людей в солдатские полки не записывали, поэтому воевода и прогоняет купеческого сына из войска.

Стр. 57. *...Казанскія Богородицы, что в Китае...* — Церковь Казанской Божьей Матери в Китай-городе, на Красной площади, «на пожаре».

ПОВЕСТЬ НИКОДИМА ТИПИКАРИСА СОЛОВЕЦКОГО О НЕКОЕМ ИНОКЕ

Повесть была создана в 1640—1650-е гг., вероятно в Троице-Сергиевом монастыре. События повести приурочены к 1638 г. и излагаются от лица самого героя, безымянного троицкого инок, который, как сообщается в начале произведения, поведал свою историю типикарису (уставщику) Соловецкого монастыря Никодиму, а тот в свою очередь пересказал ее неизвестному автору.

Композиционно повесть четко распадается на две части. В основе каждой из них лежит традиционная схема религиозной легенды: прегрешение и болезнь героя — его покаяние и обращение за помощью к небесным силам — прощение и исцеление (см. наблюдения А. М. Панченко в: Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 503—513). Первая часть повести написана в жанре видений потустороннего мира и является одновременно чудом архангела Михаила. Вторая же часть — типичная богородичная легенда, рассказ о чуде исцеления от иконы Богородицы в Нерехте. Несмотря на натурализм отдельных сцен, повествование выдержано в целом в традициях абстрагированного житийного стиля. Автор насыщает текст библейскими цитатами (преимущественно из Псалтири), использует «высокую» книжную лексику («жест наказания», «радованною ногою» и др.).

В повести разрабатываются традиционные для «душеполезной» литературы темы: пагубность греха и благодатность покаяния, столкновение человека с враждебными силами и сопротивление им. Исходной «архетипической» основой для автора повести послужила известная евангельская притча о блудном сыне (Лк. 15, 11—32). С этой притчей и различными ее литературными интерпретациями (ср.: Повесть о Горе-Злочастии, Повесть о Савве Грудцыне и др.) повесть объединяет не только идея о всеисильности покаяния и о милосердии Творца. Здесь получает развитие восходящая к

этой притче и столь актуальная для XVII в. тема скитальчества. Как и герои повестей о Горе-Злочастии и о Савве Грудцыне, «некий инок» все время находится в пути. Из Соловецкого монастыря он уходит в Троицкий монастырь, оттуда — в одно монастырское село, затем — в другое. Он оказывается то в Костроме, то в Нерехте, то на Соловках, путешествует и наяву, и в видении. Его путь не ограничивается земными пределами: герой поднимается к небесному престолу, спускается в преисподнюю. Инока как бы преследуют его собственные грехи: он предается неумеренному пьянству и «всякой нечистоте», временно избавляется от этих «недугов», но вскоре подчиняется им вновь. Такая подвижность героев, колебания в их судьбе, переменчивость и неустойчивость их положения вообще являются типичными чертами в изображении человеческой жизни русскими писателями XVII в.

Посещение иноком матери («...в мгновении ока обрѣтохомся во градъ Костроме, в немже мати моя живяше, и с нею видѣхся, еще бо тогда жива бяше») — сразу после обещания отказаться от греховной жизни — по своей человеческой сути напоминает ту материнскую «напевочку», которую поет безымянный молодец в Повести о Горе-Злочастии и которая отвращает его от Горя (см.: Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. СПб., 1997. С. 143). Ассоциацию с сюжетом о блудном сыне поддерживает и еще одна важная деталь повести: все злоключения инока происходят после ухода его из Соловецкого монастыря, где началась его иноческая судьба, и до возвращения в него. «Идѣже власы своя остригох, тамо бы и кости своя положи» — такова реализованная в повести «монастырская» версия этой притчи. В описании жизни своего героя автор повести не поднялся до такого исторического и философского обобщения, каким отличаются истории других «блудных сыновей» «бунташного века» (Повесть о Горе-Злочастии, Повесть о Савве Грудцыне). И все же само сходство — пусть очень отдаленное и неполное — судьбы инока с судьбами этих персонажей свидетельствует о том, что в повести оказались запечатлены некоторые характерные черты эпохи.

Повесть известна сейчас в трех редакциях, две из которых были созданы в середине XVIII в. в Выговской поморской пустыни (наиболее существенная особенность этих поздних редакций — сокращение второй части). Исследование и издание всех редакций повести см. в: Повесть душеполезна старца Никодима Соловецкого монастыря о некоем иноке / Подгот. текстов и исслед. А. В. Пигина. СПб., 2003. Повесть публикуется в ее первоначальной редакции по списку 1680—1690-х гг.: Государственный объединенный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (г. Владимир), № В-5636/76, л. 116—122. Отдельные исправления и добавления внесены по другому списку первоначальной редакции: РГБ, Музейное собр., № 5470, л. 426 об.—432 об., кон. XVII в., а также по списку второй (Выговской) редакции: ИРЛИ, Карельское собр., № 37, л. 316—324 об., сер. XVIII в.

Стр. 59. Никодим (ум. 1655) — уставщик (типикарис) Соловецкого монастыря в первой пол.—сер. XVII в. Известно, что Никодиму был сдан по приговору от 27 июля 1649 г. «под крепкое начало» сосланный на Соловки «на покаяние» Арсений Грек. Никодим был причащен к созданию Жития Анны Кашинской (до 1652 г.), которое по его повелению писал соловецкий книжник Игнатий. Подробная характеристика Никодима как человека книжного, просвещенного в духовных богословских вопросах, дана соловецким книжником Герасимом Фирсовым в его «Показании от божественных писаний». До нашего времени сохранились некоторые рукописи, принадлежавшие Никодиму (РНБ, Соловецкое собр., № 575/594 и др.). Не исключено, что повесть о «некоем иноке» была написана неизвестным автором по поручению Никодима (см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 51—52; Ч. 4. С. 506—507).

...о нѣкоемъ братѣ... — По мнению О. В. Панченко, «реальным прототипом героя мог быть старец Ипатий Ожега, соловецкий пострижник, происходивший из Костромы и находившийся в 1630—1640 гг. на службе в Троице-Сергиевом монастыре» (см.: Словарь книжников... Вып. 3. Ч. 4. С. 507).

...киновиархъ Зосимы и Саватия... — Святые Зосима и Савватий Соловецкие (XV в.), основатели общежительного монастыря (киновии) на Соловецком острове в Белом море.

Михаил Федорович — первый русский царь из династии Романовых (1613—1645).

И аще не Господь Богъ помогъ бы ми, в малѣ вселилася бы во ад душа моя... — Ср.: Пс. 93, 17.

«Накажет мя праведникъ милостию... и в разум истинный приити». — Ср.: Пс. 140, 5; Иез. 33, 11; 1 Тим. 2, 4.

Стр. 60. *...водни пентикостиа, близ праздника Святаго Духа сошествия...* — Т. е. незадолго до праздника Троицы, пятидесятого дня после Пасхи.

«Спящи бо в нощи спят, и упивающися в нощи упиваются». — 1 Фес. 5, 7.

Тогда нападе на мя боязнь, и страх, и трепет, и ужасъ объятъ мя. — Ср.: Пс. 54, 6.

...щедроты его на всѣхъ дѣлахъ его. — Пс. 144, 9.

Поженѣте и имѣте его. — Пс. 70, 11.

...фиальъ горести своя на мя излиати. — Ср.: Апок. 16, 1.

...яко пчелы сот обыдоша мя. Аз же именовъ Господнимъ противляхся им. — Ср.: Пс. 117, 12.

...«О тебѣ радуется»... — Молитва Богородице, составленная Иоанном Дамаскиным.

Стр. 61. *...миръ и утвержение... внезапно нападе на мя всегубительство.* — Ср.: 1 Фес. 5, 3.

Стр. 62. *«Врази мои душу мою удержаша, уста их глаголаша гордыню, изгонящи мя нынѣ обыдоша мя».* — Ср.: Пс. 16, 9—11.

И начаша глаголати мнѣ с поношениемъ: «Гдѣ суть Богъ твой?» — Ср.: Пс. 41, 11.

И тако врази мои рѣша мнѣ злая: «Се нынѣ уже умерлъ еси, и погипе имя твое от земли живыхъ». — Ср.: Пс. 40, 6.

Держаше и душу мою и вкупѣ глаголюще: «Нынѣ уже... нѣсть избавляяя его». — Ср.: Пс. 70, 10—11.

И тако на мя шептаху... глаголюще: «Сердце его собра беззаконие ему». — Ср.: Пс. 40, 7—8.

Михаил — архангел Михаил, предводитель небесного воинства. Роль освободителя от босов и проводника по загробному миру отводится Михаилу и во многих других древнерусских произведениях, а также в духовных стихах.

Пенязь — мелкая медная или серебряная монета.

Стр. 64. **Елисей** — исторические сведения о нем отсутствуют. В более поздней редакции повести, составленной в сер. XVIII в. в Выговской поморской пустыни, инока сопровождает в его путешествии некий «блаженный» Тимофей, «Христа ради юродивый», «живый на Кулишках в Москве» (ИРЛИ, Карельское собр., № 37, л. 323 об.).

Церковь Спасова — главный соборный храм Соловецкого монастыря в честь Преображения Господня.

Церковь преподобных — придел Преображенского собора, где почивали мощи преподобных Зосимы и Савватия Соловецких.

...се есть зовомая кикимора... — Вероятно, это первое упоминание кикиморы в русской литературе (изредка кикимора упоминалась также в актовом материале XVII в.). Семантика этого мифологического персонажа в повести близка народным представлениям о кикиморе как о духе сна, ужасном ночном привидении, кошмаре.

Великая четырехдесятница — Великий пост, заканчивающийся Пасхой.

Стр. 65. *Объятъ же мя страх велий, и ввиде трепетъ в кости моя...* — Ср.: Иов. 4, 14.

...о обличении моемъ о беззаконихъ моихъ. — Ср.: 2 Петр. 2, 16.

...яко зол душа моя наполнися, и живот мой аду приближихся... — Канон Пресвятой Богородице, песнь 6, ирмос (Часослов, Павечерница малая).

...страшно есть еже впасти в руцѣ Бога живаго. — Евр. 10, 31.

...уповаю на милость Божию... — Пс. 51, 10.

...милостивъ и щедръ... — Пс. 110, 4.

...«Поражаю и аз исцѣлю». — Вт. 32, 39.

«Во гнѣвъ же моемъ поразихъ его и за милость мою исцѣлихъ ѡ». — Ср.: Ис. 60, 10.

Поприще — древнерусская путевая мера (около 1.067 км).

В том селѣ есть монастырь... Богородицы нареченныя Владимирския. — В 1630-е гг. в Нерехте прославились своими чудотворениями две богородичные Владимирские иконы, сказания о которых сохранились лишь в поздних переработках XVIII в. (*РНБ*, собр. Титова, № 3716). Обе иконы были перенесены в Нерехту из Ярославля (одна — в 1634 г., другая — в 1636 г.) и находились в Сретенском женском монастыре.

Стр. 66. *Идѣже умножися грѣхъ, ту преизбыточествова благодать.* — Рим. 5, 20.

Кто Богъ велий... творяй чюдеса един. — Ср.: Пс. 76, 14—15.

Наказал мя еси от юности моя... от бѣзднѣ грѣховныхъ пакы возвелъ мя еси. — Ср.: Пс. 70, 17—20.

ПОВЕСТЬ О ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ

Бесспорно замечательная по своим художественным достоинствам, «Повесть о Фроле Скобееве» до сих пор продолжает оставаться предметом научных споров. Время ее создания не может пока считаться аргументированно установленным и варьируется от 1680 г. (даты, вынесенной в заглавие одного из списков) до 20-х гг. XVIII в. (по некоторым лексическим данным и историческим реалиям). Однако как бы ни был решен впоследствии этот вопрос, несомненно, что «Повесть о Фроле Скобееве» блистательно завершает литературную традицию средневековья. Эта типичная плутовская новелла о ловком обманщике, решившем жениться на стольничьей дочери и обеспечить себе тем самым безбедное существование в будущем, может рассматриваться и как своего рода прообраз будущего жанра святочного рассказа.

Известно 9 списков повести, все они относятся к XVIII в. Текст публикуется по Погодинскому списку (*РНБ*, собр. Погодина, № 1617, л. 59—71). Подробное изложение истории изучения повести и наиболее полную библиографию см.: Душечкина Е. В. *Стилистика русской бытовой повести XVII века.* (Повесть о Фроле Скобееве.) Учебный материал по древнерусской литературе. Таллин, 1986.

Стр. 67. *...дворенинъ Фролъ Скобеевъ... столника Нардина-Нащокина...* — Упомянутые в повести фамилии зафиксированы документами XVII в. Прототипом стольника Нардина-Нащокина мог послужить боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин (1645—1676), возглавлявший Посольский приказ.

Святки — с 25 декабря по 6 января (ст. ст.).

Стр. 69. *...денгами 300 рублей.* — Такая значительная для XVII в. сумма вряд ли могла быть в распоряжении стольничьей дочери.

Стр. 70. *...толкo великой ябиды...* — Площадной подъячий, занимавшийся составлением и перепиской деловых бумаг.

Стр. 72. *...на Ивановской площади...* — Ивановская площадь, названная по колокольне Ивана Великого в Кремле, была центром приказно-административной жизни столицы.

ПОВЕСТЬ О КАРПЕ СУТУЛОВЕ

«Повесть о Карпе Сутулове» относится к новому для русской литературы жанру новеллы, появившейся на рубеже XVII и XVIII вв. Для повести характерны черты как древнерусской антиклерикальной демократической сатиры, так и беллетристического произведения нового времени; в ней сочетаются элементы назидательной притчи, веселого рассказа, народной сказки. То, что отрицательными персонажами повести выступают духовные лица, указывает на ее оппозицию официальному укладу, на протест против роли церковников в жизни горожан.

В повести присутствует смех открытый и скрытый: всенародному осмеянию подвергаются незадачливые «любовники» Татьяны, над ними откровенно смеется воевода; скрытый смех заключен в «перевернутости» ролей — вместо того чтобы быть поучаемой и наставляемой, женщина-мирянка сама читает проповеди духовным отцам и пастырям, прибегая к изречениям, напоминающим тексты Священного Писания.

Действие повести происходит в русской среде: читателю хорошо знакомы социальные типы и имена персонажей, места действия — Литва, куда едет купец; воеводский двор, где завершается интрига Татьяны. Тем не менее, как отметил А. Н. Пыпин (История русской литературы. Т. II, изд. 2-е. СПб., 1902. С. 552) и подробнее исследовали Ю. М. Соколов (Повесть о Карпе Сутулове. Текст и разыскания в истории сюжета. М., 1914) и С. Ф. Ольденбург (Фаблю восточного происхождения // Журнал Министерства народного просвещения. 1907, май. С. 46—82), сюжет произведения широко распространен в мировой литературе: подобные сюжеты знакомы «Декамерону» Боккаччо, восточным литературам (древнеиндийской, древнеарабской, персидской, турецкой, афганской). Путь проникновения этого сюжета на Русь не известен. Встречается он в русских сказках, однако ни одна из них не повторяет всех мотивов «Повести о Карпе Сутулове».

Текст издается по единственному списку XVIII в., хранящемуся в Москве (ГИМ, собр. М. И. Соколова, № 196, л. 95—99 об.). В 1914 г. повесть была издана Ю. М. Соколовым по материалам его отца М. И. Соколова, который внес в текст, отличающийся большим количеством описок и испорченных чтений, много исправлений и конъектур (Соколов Ю. М. Повесть о Карпе Сутулове (Текст и разыскания в истории сюжета). Древности // Труды Славянской комиссии имп. Московского Археологического Общества. Т. IV. Вып. 2. М., 1914). Все публикации повести, предпринятые в советское время, воспроизводили это издание с переводом на современную орфографию. В настоящем издании исправления М. И. Соколова оставлены только в самых необходимых случаях, в остальном сохранены особенности списка.

Стр. 76. *...именем Татиану...* — В переводе с греческого Татьяна — учредительница. *...именемъ Афанаси Бердов.* — Фамилия Бердов встречается в русских документах XVII в. С другой стороны, бѣдро — деталь ткацкого станка, двигающаяся взад и вперед; по свидетельству В. Даля, слово «бѣрдить» означает: «подавшись вперед, пятиться... назад», отступаться от слова или дела (Даль В. Толковый словарь. Т. I).

С. 78. *...како я могу убезжити от огня будущаго?* — Татьяна говорит об адском огне, в котором будут гореть грешники.

...во всемъ разрешу. — Т. е. отпущу грехи.

...в третьем часу дни... въ 6 часу дни... в 10-м часу дни. — В Повести дан древнерусский счет времени. До 1722 г. время дня отсчитывалось от восхода солнца, отчего в разные времена года длительность дня была неодинаковой — от 9 часов в декабре до 15 часов в июне. В быту день делился на заутреню, зарю, раннюю зарю, начало света, восход солнца, утро, середину утра, обедню, обед, полдень, уденье, полуденье, паобед, вечерню, вечер, ночь, полночь. В церковной практике день разделялся на 12 часов или на четыре периода, в которых первые три часа были утром, вторые три часа — первой половиной дня, третьи три часа — второй половиной дня, четвертые три часа — вечером (Прозоровский Д. О старинном русском счислении часов // Труды 2-го археологического съезда в Санктпетербурге. Вып. 2. СПб., 1881. С. 105—194).

Стр. 79. *А не ли же некоему челоуѣкѣ мнози люди похвалиша жену, она же зело лабьяше, он же целомудренны тогда похвалу.* — Это место испорчено; имеется в виду сюжет из «Пчелы» или из «Слова о злых женах»: некто женился на богатой, но злой вдове, которую ему хвалили люди; муж же на это отвечал: «Не ныне ми хвалите, но егда же избуду ея».

...шед во град на воевоцки двор и повелеша доложити воеводѣ... — Упоминание воеводского двора, возможно, указывает на то, что повесть написана до 1708 г., когда городские воеводы еще не были заменены комендантами.

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ, КУПИВШЕМ МЕРТВОЕ ТЕЛО
И СТАВШЕМ ЦАРЕМ

«Повесть о купце», созданная на основе сказочного сюжета о «благодарном мертвце» (см. записи сказок в сборниках А. Н. Афанасьева, И. А. Худякова, Д. И. Садовникова), разрабатывает тему, характерную для оригинальной русской литературы «переходной поры», — тему необычной судьбы героя и его приключений. В качестве главного героя выступает купеческий сын, и в этом отношении повесть напоминает такие повести XVII в., как «Повесть о Горе-Злочастии» и «Повесть о Савве Грудцыне». Однако добродетельный и разумный купеческий сын контрастно противопоставлен «блудным сыновьям» XVII в. (он «хочет быть в торгу смыслом лутче» отца и т. п.); а в финале повести, преодолев все испытания, получает богатство, жену-царевну и, наконец, царство. Таким образом, герой повести оказывается литературным и нравственным антиподом Саввы Грудцына: попадая в аналогичную жизненную ситуацию (он полностью растратил отцовские деньги, отпущенные на покупку товара), купеческий сын получает в «помощники» не беса, но ангела, с помощью которого выходит победителем из замысловатых сказочных испытаний. Активность и удачливость купеческого сына напоминает о героях повестей более поздней — петровской — поры, о персонажах типа Василия Кариотского. Повесть не содержит исторических реалий, которые могли бы помочь точно определить время ее создания. Однако тип героя, характер разработки темы судьбы и лексика повести (в списках используются такие слова, как «сенатор», «квотера») сближают ее с началом XVIII в. Новый (по сравнению с XVII в.) тип перипетий (нечаянная встреча с разбойниками, отслеживание купца царским сенатором, тайна его женитьбы на царевне и др.), натурализм описаний — все это отвечало новым читательским вкусам демократической городской среды, ее интересу к литературе приключений. Вполне в духе конца XVII — начала XVIII в. — как сюжетный материал — используются в повести элементы агиографической легенды: герой повести — «вымоленный сын», слугою становится ангел (вместо мертвца, как это было в сказке), погребение происходит в монастыре святого Николая (повесть соотносится с циклом народных легенд о Николе-чудотворце) и др. Совмещение в одном литературном тексте элементов разных жанровых источников привело к тому, что герои начинают совершать действия, не свойственные их жанровому амплу: царь — хитрит, заманивая купца в зятя, ангел — становится убийцей, и др. Дисгармония в литературном этикете изображения героев ведет к стилистической пестроте текста и также указывает на «переходный период» конца XVII — начала XVIII в., как на время создания повести.

Повесть издается по списку середины XVIII в.: РНБ, собр. ОЛДП, Q. 137, л. 1—15 об. (издан в кн.: Русская повесть XVII века. Л., 1954. С. 126—135), с исправлениями (курсивом) по вновь найденному нами списку: ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 2344 (середина XVIII в.).

Стр. 84. ...монастырь чудотворца Николая. — Не может быть локализован географически: известно о нем литературного происхождения.

Сорокоусты — плата за церковное поминовение и службы в течение 40 дней после смерти, а также атрибуты поминального обряда: свечи, ладан, вино.

Стр. 85. ...что сии две дороги... «А сей двор чей?» — Порча текста в ркп., восполняется по списку ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 2344.

Стр. 86. Купец же... с собою? — Порча текста в ркп., восполняется по тому же списку.

Стр. 87. Друшка — свадебный чин (дружка).

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ, ЗАЛОЖИВШЕМСЯ О ДОБРОДЕТЕЛИ ЖЕНЫ СВОЕЙ

«Повесть о купце...» переведена с польского языка во второй половине XVII в. Ее оригиналом послужила «Historia krotofilna o kupcu, który się z drugim założył o spote żony swoiey» Б. Будного, польского гуманиста конца XVI в., представляющая обработку девятой новеллы второго дня «Декамерона» Дж. Боккаччо. На Руси списки этого произведения встречаются, как правило, вместе с фациями, а позднее — с новеллами из Великого Зеркала. Возможно, повесть и была переведена вместе с фациями, т. е. около 1680 г., по польскому изданию «Апофегматы» (1614.), принадлежавшему перу того же Б. Будного: сборник «Апофегмата» русскому читателю в XVII в. был известен.

Восприятие «Повести о купце...» на Руси шло двумя путями: с одной стороны, стремились дословно передать текст, который в итоге пестрит полонизмами и кальками; с другой — повесть существенно редактировалась, в результате сближаясь в проблематике и стилистике с русской литературной традицией. Возникновение русского варианта повести относится к концу XVII в. Известно девять ее списков, но ни один из них не является оригиналом. Так, список ГИМ, собр. Соколова, № 75, относящийся к XVIII в., имеет следы основательной правки: изменен порядок эпизодов, ряд их вообще исключен; несмотря на это, объем повести увеличен почти в два раза, так как развернуты характеристики героев, чаще используется прямая речь, усилена религиозно-нравственная тема.

Свидетельством полного усвоения «Повести о купце...» в русской словесности являются воспринявшие ее сюжет сказки («Верная жена», «Как купец бился об заклад о своей жене», «Оклеветанная купеческая дочь», «Три купца», «Оклеветанная жена» и мн. др.). В сказке действие обычно переносится в эпоху, близкую рассказчику, вводятся новые действующие лица, отношения между героями усложняются; переводная новелла, становясь русской сказкой, приобретает национальный колорит и типично сказочные черты.

Текст, близкий польскому источнику, был опубликован по рукописи БАН, 45.5.30 в кн.: Державина О. А. Фация. М., 1962. В наст. изд. издается по списку: ГИМ, собр. Соколова, № 75, XVIII в., л. 233—264.

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ ГРИГОРИИ

«Повесть о купце Григории» была создана, скорее всего, на рубеже XVII—XVIII вв. как прямая переделка переведенного с польского «Приклада о преступлении душевнем и о ранах, уязвляющих души человеческия», иначе называемого «О чернокнижнике и рыцаревой жене» (Римские деяния, вып. I. СПб., 1878, с. 107—113). Русский автор полностью переработал текст, не только освободившись от полонизмов, но и придав иное словесное оформление диалогам, а также по-новому изобразив магические действия мудреца и оттенки реакций героя на увиденное в зеркале. Кроме того, автор преобразил социальный облик героя, заменив безымянного благочестивого рыцаря — паломника в Святую землю — купцом с православным именем Григорий, а также ввел более традиционную для древнерусской литературы характеристику жены, которая изменяет мужу «по действию диаволу», под влиянием «волхования», а не из-за склонности к «чужеложству», как говорилось в западном источнике.

Переработка привела к созданию оригинальной русской повести на международный сюжет с заранее заданными элементами повествования. Едва ли не впервые в древнерусской литературе тема колдовства и доброй магии освобождена от чисто церковных оценок и подчиняет себе все остальные стороны произведения.

Текст «Повести» был опубликован по рукописи: РГБ, собр. Большакова, № 314, л. 612—618, первой четверти XVIII в., с разночтениями по другим спискам: Скрипиль М. О. Не-

известные и малоизвестные русские повести XVII в. // *ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. VI. С. 328—332.* Переиздается по той же рукописи с исправлениями текста по списку: *ГИМ, собр. Забелина, № 502, XVIII в.*

ЖИТИЕ ЮЛИАНИИ ЛАЗАРЕВСКОЙ

«Житие Юлиании Лазаревской» — необычное житие. Созданное в первой половине XVII в., оно отразило особенности «переходного века» в истории русской литературы: в нем соединены черты традиционного жития и бытовой биографической повести. Это обстоятельство стало причиной переименования памятника: в 1940-е гг. он получил второе название — «Повесть об Ульянии Осорьиной», закрепившееся за ним в литературоведении.

Героиня жития праведная мирянка Юлиания Лазаревская — это реальное историческое лицо, муромская помещица Ульяния Устиновна Осорьина (в девичестве Недюрева), жившая в XVI в. С XVII в. она стала почитаться как местночтимая святая города Муром, получив имя Юлиании Лазаревской по месту погребения в селе Лазарево Муромского уезда.

Автором жизнеописания Ульянии стал ее сын Дружина (по крестному имени Каллистрат) Осорьин, известный по актовым материалам как губной староста Муром в 1610—1640 гг. Его имя читается в заглавии Пространной редакции памятника: «Житие и преставление святая и преподобная и праведная матере наша Иулиания Лазаревския. Списано многогрешнымъ Калистратомъ, по реклу Дружину Осорьинымъ, сыномъ ея, что въ Муромскихъ пределахъ. Благослови, отче» (*РНБ, собр. ОЛДП, Q. 688, л. 144*). Обращение сына к описанию «добродетельных трудов и подвигов» своей матери — исключительное явление в истории древнерусской литературы. Этим, по-видимому, во многом определяется художественное своеобразие памятника.

Житие «Юлиании Лазаревской» было создано в 20—30-е гг. XVII в. Как следует из текста заключительного фрагмента, оно было написано не ранее 1614 (по некоторым спискам — 1615) г., после погребения сына Ульянии Георгия.

Композиционно памятник выстроен по традиционной житийной канве, в нем присутствуют все элементы агнографической схемы — от рождения героини от благочестивых родителей до честного преставления и исцелений у гроба святой. Однако традиционная форма оказалась наполненной новым содержанием. Ореолом святости наделена обычная женщина-мирянка. Главные добродетели Ульянии, которые постоянно подчеркивает автор, расценивая их как подвиги благочестия, — это трудолюбие и сострадание страждущим. Суть подвижничества Ульянии заключается в той «любви нелицемерной», которую она проповедовала и «делом исполняла» всю жизнь. Восхищаясь «смиренной красотой» подвига Юлиании Лазаревской, Г. П. Федотов писал: «Хотя Юлиания Лазаревская прошла через суровую аскезу и мечтала о монашестве, но не внешние причины помешали ей принять его. Она осталась верной своему личному христианскому призванию служения миру и деятельной христианской любви».

Искреннее сыновнее чувство и реальные жизненные впечатления помогли Дружине Осорьину создать живой и притягательный, психологически достоверный женский образ, «идеальный женский характер Древней Руси», по определению Ф. И. Буслаева. Наблюдательность и личный характер воспоминаний автора обогатили жизнеописание Ульянии элементами психологизма и художественными деталями. Традиционное по форме и предназначению (жизнеописание святой подвижницы), «Житие Юлиании Лазаревской» стало одной из первых «биографий частного лица». Обращение к новому герою, частному лицу, — характерная черта литературного развития XVII в., важнейшим достижением которого явилось, по определению Д. С. Лихачева, «открытие характера». Поэтичность жизнеописания Юлиании Лазаревской, русской женщины, причисленной к лику святых за праведные труды и милосердие, а также жанровое и художественное своеобразие произведения Дружины Осорьина определили особое место этого памятника в истории литературы Древней Руси.

О популярности «Жития Юлиании Лазаревской» в читательских кругах свидетельствует широкое распространение его в рукописях: в настоящее время известно 58 списков произведения XVII—XIX вв., а также особый текст «Обретение мощей преподобной Ульянии» и одна выписка из жития в сборнике полемического характера. Существует 3 редакции «Жития Юлиании Лазаревской»: Краткая, Пространная (представлена двумя вариантами) и Сводная. Краткая редакция, являющаяся первоначальной, сопровождается описанием посмертных чудес и исцелений у гроба Ульянии. Пространная редакция снабжена риторическим вступлением (или послесловием — во 2-м варианте) и распространена в основном цитатами из Священного Писания и святоотеческих сочинений. В ней особенно акцентирована идея возможности «спасения в миру» — в семье и деятельной любви. Сводная редакция имеет в основе текст Краткой, но расширена переработанными вставками из Пространной редакции и особым вступлением, не встречающимся в других списках памятника.

В настоящем издании публикуется Краткая редакция жития по основному списку середины XVII в. — РНБ, Q. I. № 355, л. 59—75. Исправления внесены по рукописи: РНБ, O. I. № 25.

Стр. 108. *Во дни... великого князя Иоанна Васильевича...* — В годы правления Ивана IV, Грозного (1533—1584).

...Иустинъ, пореклом Недюревъ... — Иустин Васильевич Недюрев, отец Ульянии Осорьбиной, в 1542 г. был ключником (т. е. служащим Дворцового или других приказов) во Владимире. В актовых материалах XVI в. упоминаются также имена и других названных в Житии родственников Ульянии — представителей дворянских родов Недюревых, Осорьбиных, Лукиных, Дубенских, Араповых, многие из которых занимали довольно прочное положение в среде приказных людей и служилых дворян: были стряпчими, стольниками, дьяками, писцами, приказчиками (см.: Лихачев Н. П. Грамоты рода Осорьбиных. Известия русского генеалогического общества. Вып. I. СПб., 1900; Скрипиль М. О. Повесть об Ульянии Осорьбиной. (Комментарии и тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 257—264).

...Лукина... — Исправлено по другим спискам, в рукописи ошибочно «Черлукина».

...«и не угасаше свѣща ея вся нощи». — Ср.: Притч. 31, 18.

Стр. 109. *...но яко два поприща.* — Поприще — наименование некоторых древнерусских путевых мер; здесь употребляется в значении «верста» (приблизительно 1.067 км).

...попа, именем Потапия... — Священник Потапий позднее (в 1571 г.) был поставлен архимандритом Муромского Спасо-Преображенского монастыря с монашеским именем Пимен.

...в сель мужа ея. — В селе Лазарево Муромского уезда, родовом имении Осорьбиных.

Еще бо свекру и свекрови ея в животѣ сущимъ... — В Пространной редакции Жития названы их имена: Василий и Евдокия Осорьбины.

...мужу ея на царьскихъ службахъ бывающу... во Асторохани... — Муж Ульянии, служилый дворянин Юрий (Георгий) Осорьбин, упоминается в Муромской десятне 1578 (7086) г.: «Юрий Васильевъ сынъ Осоринъ — самъ за собою и окладчики за нимъ сказали въ Новѣ городѣ в Нижнемъ помѣстья четьреста четьи...».

...по вся нощи без сна пребывающу... нищимъ цѣну дающе... — Здесь и далее при описании добродетелей Ульянии использованы образы библейской похвалы «доброй жене» из Притчей Соломоновых (см.: Притч. 31, 10—31).

...и никого простымъ именемъ назваше... — Т. е. не называла своих слуг неполными именами (Ванька, Юшка и т. п.).

...кротостию наказуя... — Ср.: 2 Тим. 2, 25.

И явися ей святой Никола, держа книгу велику... — Николай Мирликийский (Чудотворец, Угодник, Святитель) — архиепископ Мир Ликийских, один из наиболее почитаемых на Руси святых; в иконографии традиционно изображается держащим книгу (Евангелие) в левой руке.

...яко дым бо исчезоша. — Традиционная агиографическая формула, используемая при описании изгнания бесов; восходит к 67-му псалму: «Яко исчезает дым, да исчезнут» (Пс. 67, 3).

Стр. 110. *Сорокоуст* — плата за сорокадневное церковное поминовение и службы по умершему; атрибуты поминального обряда: свечи, ладан, вино.

Литургия (литоргия) — главное христианское богослужение.

...во всю 40-цу... — В течение сорокадневного поминания умершего.

...и роди сыны и дщери. — Из 13 детей Ульянии шестеро умерли во младенчестве, два сына погибли, и только пятеро детей пережили мать: дочь инока-схимница Феодосия и четверо сыновей — Дружина (Каллистрат), Юрий (Георгий), Иван и Дмитрий.

Стр. 111. *...и Духъ Святыи на ней почитѣтъ.* — Ср.: 1 Петр 4, 14.

...молебная совершивъ... — Молебен (молебная) — богослужение, носящее благодарственный или просительный характер.

Стр. 112. *Иисусова молитва* — одна из основных молитв, обращаемая к Иисусу Христу с просьбой о помиловании.

Аще являще и пияше или что дѣлая... — Ср.: 1 Кор. 10, 31.

...бысть гладъ крѣпокъ... — Лк. 15, 14.

В то же время бысть гладъ крѣпокъ во всей Русстѣй земли... — В годы правления Бориса Годунова (1598—1605) Россия пережила страшный трехлетний голод (1601—1603). Холодное лето, проливные дожди и ранние морозы 1601 г. привели к недороду в 1602 и 1603 гг. Стали массовыми смерти от голода. Население питалось корой деревьев и травой, мясом кошек и собак; по свидетельствам очевидцев, были даже случаи людоедства (см.: Сказание Авраамия Палицына. — Наст. изд., т. 14, с. 238—356; Маржарет Жак. Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 262—263 и др.).

В то бо лѣто преселися во ино село в предѣлы нижеградъцкия... — В Пространной редакции Жития сообщается, что последние годы жизни Ульянии провела в селе Бочнево Нижегородского уезда — поместье своего мужа (в большинстве списков читается искаженное наименование «Вочнево»).

...помяая святаго Корнилия, яко не вреди его и домовная молитва... — Св. Корнилий — по библейскому преданию, сотник Итальянского полка в Кесарии Палестинской во времена апостольские; один из первых язычников, обращенных в христианство. Его молитва в дому была услышана и принята Богом (Деян. 10, 30—31).

Стр. 112—113. *И повелѣ оставшим работѣмъ собирати лебеду... и в томъ хлѣбъ сотворити... и молитвою ея бысть хлѣбъ сладокъ.* — Эпизод о сладком хлебе в «Житии Юлиании Лазаревской» содержит сюжетную, а иногда и текстовую переключку с рассказом о Прохоре-лебеднике из Киево-Печерского Патерика (см. Слово 31-е «О Прохоре-черноризцѣ, иже молитвою въ былии, глаголемъй лобода, творяше хлѣбы и въ пепелу соль». Наст. изд., т. 4, с. 426—434), что позволяет, по-видимому, считать его одним из литературных источников, использованных Дружиной Осорьиным при создании Жития Юлиании.

Стр. 113. *...не согрѣши ни во устахъ своихъ, и не дастъ безумия Богу.* — Ср.: Иов 1, 22.

Желаниемъ возжелахъ... — Лк. 22, 15.

В рущѣ твои, Господи, предаю духъ мой. — Ср.: Лк. 23, 46; Пс. 30, 6.

Стр. 114. *Миро* — благовонный маслянистый состав, употребляемый при совершении таинства миропомазания.

Мы же сего не смѣяхомъ писати, яко не бѣ свидѣтельство. — Сведенный об официальном освидетельствовании чудес и канонизации Юлиании Лазаревской нет. Известно, однако, что уже со второй половины XVII в. она почиталась святой в селе Лазарево и за его пределами.

Стр. 116. *Града Мурома с пасаду Матфея Черкасова...* — Черкасовы — один из самых известных купеческих родов Мурома. В муромской писцовой книге 1636 г. (опись Бартенева) двор Черкасовых назван вторым в списке «самых лутчих людей» города.

Московский дворянинъ Иосифъ Ковковъ... — Имеется в виду Иосиф Севастьянов сын Кровков (в рукописи фамилия искажена), представитель известного муромского рода Кровковых (или Кравковых), ктиторов и вкладчиков муромского Спасского монастыря. В 30-х гг. XVII в.

Иосиф Кровков жил в Москве, что зафиксировано в «Росписном списке города Москвы 1638 года» (М., 1911. С. 144), и, вероятно, поэтому назван в тексте чудес московским дворянином.

Стр. 117. *...ко многимъ прощамъ... приходила молитися.* — Т. е. к местам (обычно храмам), где совершались чудесные исцеления от недугов. Иногда слово «проща» входило в название церквей: церковь Параскевы-великомученицы Христовой Пятницы Проща, церковь Николая Чудотворца Старая Проща и др.

ПОВЕСТЬ О МАРФЕ И МАРИИ

Повесть написана в первой половине XVII в. в Муроме. В ней использован широко распространенный мотив средневековой литературы — перенесение или создание какой-либо святыни с Божественной помощью. Однако появление чудесного креста в соборе Архангела Михаила в Унженском погосте оказалось тесно связанным с сюжетом, посвященным судьбе двух сестер, происходящих родом из города Мурома. И непроизвольно на первый план повествования здесь выступили человеческие взаимоотношения, обусловленные бытом и нравами той эпохи. Благодаря вниманию автора к характеру поведения отдельных лиц в соответствующих обстоятельствах «Повесть о Марфе и Марии» — рассказ не о чуде, а скорее о психологии человеческих взаимоотношений.

Повесть известна в нескольких редакциях. См. об этом: Демкова Н. С. Повесть о Марфе и Марии (Сказание об Унженском кресте) и ее переделки в XVII веке // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. СПб., 1977. С. 103—121.

Текст издается по списку XVII в.: РНБ, собр. Погодина, № 1582, л. 55—66 об., опубликованному без предисловия и послесловия в книге «Русская повесть XVII века». Л., 1954. С. 48—53; исправления внесены по списку XVII в.: ГИМ, Синод. собр., № 850, опубликованному Н. С. Демковой в сб.: Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 201—208.

Стр. 118. *Списано по благословению Моисѣя, архиепископа Рязанского и Муромского.* — Моисей был архиепископом Рязани и Мурома в 1638—1651 гг.

Стр. 119. *«Просите и примите, толцыте и отверзется вамъ».* — Цитата из Нагорной проповеди Иисуса Христа (Мф. 7, 7; Лк. 11, 9); следует отметить, что здесь первая часть цитаты приведена в измененном виде, по Евангелию от Иоанна (Ин. 16, 24); у Матфея и Луки: «Просите и дастся вамъ».

...всякъ бо... «просяи примет и щай — обретаеъ»... — Мф. 7, 8; Лк. 11, 10.

«Не можете без мене творити ничежо». — Ин. 15, 5 (в цитате изменен порядок слов).

...якоже нѣкогда немому повелѣ глаголати и глухому слышати. — Имеется в виду евангельский сюжет об исцелении Иисусом глухого косноязычного (гунгивого) человека (Мр. 7, 32—37).

Стр. 120. *...бысть между има прѣя о сѣдени мѣста...* — В России до 1682 г. существовал узаконенный обычай считать «местами» (занимать определенное место) за столом и на служебной лестнице в зависимости от родословной и служебного положения. Местнические споры носили подчас весьма острый и трагический характер. Повесть о Марфе и Марии свидетельствует, что споры о местах существовали и в повседневном быту.

«Иже хотяи в вас болий быти... последний»... — Мк. 9, 35.

«Иже высоко в человецех... Богомъ». — Лк. 16, 15.

Стр. 123. *...поставиша той святой и животворящий крестъ... на реке Унжѣ...* — Погост Животворящего креста и архангела Михаила известен по писцовым книгам 1629—1630 гг. Еще в конце XIX в. в церкви Архангела Михаила Унженского погоста сохранялся золотой крест, вложенный в серебряный ковчег. На ковчеге имелась надпись, что он сделан по повелению царя Михаила

Федоровича и его матери иноки Марфы в 1615 г. Следует обратить внимание на то, что и в самой повести сообщается о внимании московских царей к этой святыне.

Стр. 124. ...*аки гривною... украшается.* — Гривна — украшение (или знак отличия), которое носилось на шее.

ПОВЕСТЬ О ЧУДЕСАХ ВИЛЕНСКОГО КРЕСТА

«Повесть о чудесах Виленского креста» — местное муромское сказание, повествующее о святыне Троицкого девичья монастыря, — чудотворном напрестольном кресте, принесенном в Муром из литовского города Вильны. Созданием Повести о Виленском кресте завершилось формирование муромского литературного цикла, объединившего жития муромских святых и сказания о местных святынях. Помимо Повести о Виленском кресте в него вошли созданные в XVI—XVII вв. «Житие князя Константина Муромского и чад его Михаила и Феодора», «Житие Петра и Февронии Муромских» (Повесть о Петре и Февронии), «Житие Юлиании Лазаревской» (Повесть об Ульянии Осорьбиной), а также «Сказание об Унженском кресте» (Повесть о Марфе и Марии). Таким образом сложился рукописный сборник устойчивого состава, так называемый «муромский сборник», получивший в дальнейшем широкое распространение в рукописной традиции.

Герои «Повести о чудесах Виленского креста» — муромец, купец гостиной сотни Тарасий Борисов сын Цветнов, по прозвищу Богдан, и арзамасец, сын боярский Василий Сергеев сын Микулин — реальные исторические лица (см. об этом: Брун Т. А. Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста» // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 323—326). Описываемое в Повести событие — передача чудотворного креста — точно датировано в тексте памятника: действие происходит в июле 1658 г., «въ субботный день». Однако, несмотря на такую конкретность дат и описаний, вопрос о времени создания памятника достаточно сложен. Исследовательница Повести Т. А. Брун первоначально датировала ее последней третью XVII в., однако позднее перенесла датировку памятника в первую половину XVIII в. на основании анализа перечня частиц от мощей, содержавшихся в Виленском кресте, который включают все списки Повести (см.: Брун Т. А. О датировке «Повести о чудесах Виленского креста» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2. XVII—начало XVIII в. М., 1989. С. 206—216). Точность же описаний Повести и сохранившиеся в ней следы устного рассказа объясняются, по мнению исследовательницы, тем, что письменным источником Повести о Виленском кресте, вполне вероятно, могла послужить челобитная ее героя сына боярского Василия Микулина о его «полонном терпении».

Однако отсутствие полного текстологического анализа всех сохранившихся списков памятника (а они содержат различные варианты текста) не позволяет считать вопрос о времени создания «Повести о чудесах Виленского креста» окончательно решенным. С учетом некоторых новых материалов (см.: Рудн Т. Р. Еще раз о датировке «Повести о чудесах Виленского креста» // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 52. С. 232—242) наиболее вероятной нам представляется датировка памятника концом XVII в.

Все сохранившиеся списки Повести (18) поздние: они датируются 2-й—4-й четвертями XVIII в. и известны только в составе «муромских сборников». В настоящем издании текст «Повести о чудесах Виленского креста» публикуется по списку последней четверти XVIII в. — *ИРЛИ*, Древлехранилище им. В. И. Малышева, собр. Ф. А. Каликина, № 39, л. 12—15 об.

Стр. 125. ...*иже изволилъ быти в Троицкомъ дѣвичьѣ монастырѣ.* — Муромский Троицкий женский монастырь был основан муромцем Богданом Цветновым в 1642—1643 гг.; строительство ансамбля монастыря продолжалось до 1648 г.

...*гостиной сотни торговой целовѣкъ Богдан Борисов сынъ Цветновъ...* — Купец гостиной сотни Богдан (Тарасий) Цветнов (Цветной) — представитель одной из самых богатых купеческих фамилий Мурома, его имя читается первым в списке «самых лутчих людей» города в двух му-

ромских Писцовых книгах — 1625 и 1636 гг.; поставил на свои средства несколько храмов, в том числе церковь Живоначальной Троицы, при которой его тщанием был открыт женский монастырь, куда среди других богатых вкладов — икон, церковных сосудов и книг — и был вложен Виленский крест.

...с каменцемъ и жемчугом украшенъ... — Сейчас на кресте камней и жемчуга нет, он вложен в складень-кузов с изображением двенадцатых праздников, в чеканном окладе (см.: Сухова О. А. Древности Муромского Троицкого монастыря // Уваровские чтения-II. Муром, 21—23 апреля 1993 г. М., 1994. С. 141). Издавая в 1899 г. текст Повести во Владимирских губернских ведомостях, Н. П. Травчетов также сопроводил указанную фразу комментарием: «В настоящее время таковых украшений на кресте не имеется». (Владимирские губернские ведомости. 1899. № 34. Часть неофиц. С. 5). По-видимому, можно предположить, что за время своего существования Виленский крест претерпел некоторые внешние изменения.

...Я де града Арзамаса... зовут Василиемъ, Сегбевъ сынъ Микулинъ. — Имена многих представителей рода Микулиных встречаются в изданных С. Б. Веселовским Арзамасских поместных актах 1578—1618 гг., однако имени героя Повести Василия Микулина в исторических источниках пока не обнаружено (Т. А. Брун).

В прошломъ, де, во 165-м (1657) году, какъ великому государю Богъ поручилъ взять литовский град Вилну... — Хронологическая неточность: Вильна была взята русскими войсками 29 июля 1655 г.

Стр. 126. *...поставилъ в девичье монастырь в церкви Живоначалныя Троицы... гдѣ и донныя благодатию Божию обретається.* — Виленский крест вместе с другой церковной утварью был изъят из Троицкого монастыря в феврале 1930 г. и хранился до последнего времени в Муромском историко-художественном музее. В мае 1996 г. крест был торжественно возвращен в Троицкий собор монастыря.

...под Конотопомъ на бою... — Сражение под Конотопом состоялось 28 июня 1659 г.

Стр. 127. *Ушолъ, де, гауръ маскаран Василей.* — Бранная фраза, слышанная Василием от преследователей-татар, воспроизводится в Повести в сочетании русских и татарских слов. «Гяур» у мусульман — наименование иноверца; слово «маскаран», по мнению Т. А. Брун, может быть объяснено с помощью близких языку степных татар гагаузского и караймского (кыпчакско-огузская подгруппа кыпчакской группы западнохуннской ветви тюркских языков) языков, в которых слово «маскара» (или «маскъара») имеет, среди прочих, значения «грубиян», «безобразник», «бесстыдник» и т. п. (см.: Брун Т. А. Возможный источник «Повести о чудесах Виленского креста» // В памяти Отечества: Материалы научных чтений. Горький. 31 мая—5 июня 1987 г. Горький, 1989. С. 91).

ПОВЕСТЬ О ТВЕРСКОМ ОТРОЧЕ МОНАСТЫРЕ

«Повесть о Тверском Отроче монастыре» написана в Твери, скорее всего в самом Отроче монастыре, во второй половине XVII в. Хотя легенда, которая легла в ее основание, была известна несколько раньше: она нашла свое отражение в памятнике первой половины XVII в. — Пискаревском летописце (ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. Подробно об этом см.: Демкова Н. С. «Повесть о Тверском Отроче монастыре» и «Сказание о Отроче монастыре, еже есть во Твери»: оправдание любви // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. СПб., 1997. С. 147—163). Однако в отличие от Повести действующими лицами легенды являются великий тверской князь Михаил (имеется в виду Михаил Ярославич Тверской, сын героя Повести Ярослава Ярославича) и его вымышленные супруги (первая жена княгиня Марфа, которую он постригает в монастыре, и вторая — безымянная красавица, отнятая князем у своего отрока). Все это позволяет датировать Повесть: совершенно очевидно, что изменение действующих лиц произошло после того, как в середине XVII в. установился культ настоящей жены Михаила Ярославича великой княгини

Анны Кашиной (принадлежность открытых в 1649 г. мощей была установлена, как мы предполагаем, в 1652 г., что и было зафиксировано в ее житии; см. об этом: Семячко С. А. Круг агнографических памятников, посвященных Анне Кашиной. II. Агнографический цикл // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 221—231). Но в Повести не только иные действующие лица, изменился сам характер текста. С одной стороны, Повесть, по сравнению с легендой, более «исторична» (если вообще это понятие применимо по отношению к вымыслу). Князь и княгиня носят имена реальных исторических персонажей, не совпадает с действительным лишь отчество героини, и это следует отметить, так как, изменяя имена действующих лиц легенды, автор Повести, скорее всего, обращался к какой-то летописи, а в летописях отчество княгини Ксении встречается очень редко. Повесть насыщена историческими и географическими реалиями, с помощью которых, как это показала Р. П. Дмитриева, автор в условиях XVII в. пытается воссоздать картину жизни второй половины XIII в. (см.: Дмитриева Р. П. Повесть о Тверском Отроче монастыре и исторические реалии // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 210—213). Кроме того, при создании Повести автор пользовался и документальными материалами. Сообщая о «граммате великих князей тверских», он имел в виду две грамоты (одну 1361—1365 гг., другую — 1437—1461 гг.), хранившиеся тогда в Отроче монастыре и впоследствии опубликованные в «Актах, собранных... Археографическою экспедициею...» (СПб., 1836. Т. 1. С. 2—3, 26—27). Это «Жалованная грамота кашинского великого князя Василия Михайловича и удельных тверских князей: Всеволода, Михаила, Владимира и Андрея Александровичей, Иеремия и Симеона Константиновичей и Михаила Васильевича, об освобождении людей Тверского Отроча монастыря от пошлин, даней и проч.» и «Жалованная грамота тверского князя Бориса Александровича и удельных тверских князей: Федора Федоровича, Ивана Юрьевича, Андрея Дмитриевича и Федора Александровича, об освобождении людей Отроча монастыря от княжеских даней и пошлин, о подсудимости их монастырскому тиуну и проч.». Но под пером автора реальные документы превращаются в фольклорно переосмысленную грамоту «за девятью печатми». Поскольку перед автором стояла задача прославления монастыря, все князья были названы великими, хотя лишь четверо из них носили (в разное время) титул великого князя Тверского, остальные же владели различными удельными княжествами (Кашинским, Дорогобужским, Зубцовским, Телятевским) или вовсе не имели собственных уделов. Несмотря на такое широкое использование исторического материала, сама Повесть не является достоверным историческим источником. Перед нами не столько историческое сочинение, содержащее значительную долю вымысла, сколько своеобразный опыт исторического романа (см.: Семячко С. А. Повесть о Тверском Отроче монастыре: Исследование и тексты. СПб., 1994. С. 90).

Другое весьма существенное отличие Повести от легенды заключается в характере разработки сюжета. Повесть была задумана как произведение о монастыре, объясняющее его название и рассказывающее о его легендарном основании и славной истории. Она строится в соответствии с канонами повестей об основании монастырей: решение основать монастырь, поиски места для монастыря, ряд знамений, указывающих на это место, расчистка места, строительство монастыря и сообщение о его процветании. Из ряда традиционных повестей об основании монастырей «Повесть о Тверском Отроче монастыре» выделяет романтическая история, предшествующая собственно рассказу о создании монастыря и объясняющая решение главного героя удалиться от людей и основать монастырь. Эту историю автор Повести и почерпнул из легенды. Но сюжет легенды не был механически перенесен в Повесть, а подвергся серьезному художественному переосмыслению, и переосмысление это происходило под воздействием свадебного обряда. Сюжетная коллизия легенды как бы была наложена на самый драматичный эпизод свадебного обряда — «сымание свадебного отрока», когда дружка жениха или сам жених, которого на протяжении всего обряда величают князем, прогоняет юношу, выполнявшего в первой части обряда роль ложного жениха (см. об этом подробнее: Семячко С. А. Повесть о Тверском Отроче монастыре. С. 41—61). Не случайно кульминационной становится сцена появления князя в доме Ксении, в то время как в легенде о всей свадьбе сообщается одной фразой: «И едва князь сотвориша волю их, и как прииде время браку, в той часъ приеха внезапно князь великий и поя себъ ю въ жены...». И состав персонажей Повести (князь, княгиня, отрок, бояре), и их поведение во многом определяются не легендой, а свадебным обрядом.

Но автора Повести привлекают не столько поступки людей, сколько их чувства и переживания. Внимание к человеку, к его чувствам делает Повесть необычайно поэтичной, и эта поэтичность усиливается использованием образов и художественных средств свадебной лирической поэзии. Эта поэтичность Повести, яркий нетрадиционный характер главного героя, отрока Григория, острота конфликта и перенесение этого конфликта, по словам Д. С. Лихачева, «в самую суть человеческой природы» (интересно, что одним из главных двигателей сюжета является любовь, причем любовь до брака, что нельзя назвать традиционным для древнерусской литературы) — все это приближает «Повесть о Тверском Отроче монастыре» к произведениям литературы Нового времени, и не случайно она неоднократно привлекала к себе внимание авторов XVIII—XX вв., создававших на основе ее сюжета повести, поэмы, драмы; среди тех, кто обращался к сюжету «Повести о Тверском Отроче монастыре», — В. Т. Нарезный, Ф. Н. Глинка, С. Н. Глинка, В. С. Глинка, В. К. Кюхельбекер, Н. Третьяков, Н. Полевой, Т. Северцов (Полилов) и др.

Художественное своеобразие «Повести о Тверском Отроче монастыре» во многом обусловлено тем, что она возникла на стыке различных, порой прямо противоположных, традиций: книжной традиции повестей об основании монастырей, тесно связанной с агиографическим жанром, и традиции фольклорной, представленной, с одной стороны, устной легендой, с другой — свадебным обрядом.

Отличия между двумя редакциями текста повести (Краткой и Распространенной) и между двумя видами Распространенной редакции (А и Б) не слишком значительны. Текст печатается по списку вида Б Распространенной редакции, отличающейся большей художественной цельностью: БАН, собр. Лукьянова, № 12 середины XVIII в.

Стр. 128. ...*составленъ бысть Отрочь монастырь*... — Летописных данных о времени основания Отрочь-Успенского монастыря нет.

...*великаго князя Ярослава Ярославича Тферскаго*... — Ярослав Ярославич (1230?—1271) — сын Ярослава Всеволодовича, внук Всеволода Большое Гнездо, брат Александра Невского, великий князь Тверской (с 1247 г.), основатель династии тверских князей, великий князь Владимирский (с 1263 г.).

...*великия княгини... Ксении*... — Ксенией звали вторую жену Ярослава Ярославича (ум. в 1312 г.), дочь новгородского боярина Юрия Михайловича.

...*по совокуплени ихъ законнаго брака в четвертое лѣто*... — Летописи называют разные даты второй женитьбы Ярослава Ярославича: 1263, 1264 и 1266 г.

...*в селѣ, нарицаемомъ Едимоново*... — Едимоново — село на левом берегу Волги, приблизительно в сорока верстах от Твери.

Стр. 129. ...*насадъ*... — Тип судна. На полях рукописи помета: «сиртъч полубарокъ».

Стр. 132. ...*в пустыню*. — Здесь: пустынное, уединенное место.

...*срѣтоша ея на брѣзѣ у церкви архаггела Михаила*. — Вероятно, имеется в виду известный с начала XV в. и упраздненный к концу XVII в. Михаило-Архангельский монастырь, находившийся на берегу Волги.

Стр. 133. ...*от града Тфери пять на десять поприщѣ, на мѣсто боровое*... — На полях рукописи помета: «нынѣ стоить именуемое село Бор». Вероятно, имелось в виду село Пречистый Бор в 15 верстах от Твери.

Стр. 134. ...*в верхняя палаты*... — По мнению Н. Н. Воронина, княжеский дворец в Твери был двухэтажным.

...*со святителемъ Петромъ митрополитомъ Московским*... — Петр, митрополит «всей Руси», родился во второй половине XIII в., хиротонисан в 1308 г., умер 20 декабря 1326 г., канонизирован в 1339 г.

Стр. 135. ...*назвася мѣсто от великаго князя Ярослава Ярославича Отрочь монастырь*... — По мнению В. Ф. Ржиги, наиболее вероятная этимология слова «отрочь» — «мужской» (в противоположность «девичью» — «женскому»).

ПОВЕСТЬ О ЗАЧАЛЕ МОСКВЫ

Среди литературных памятников середины—второй половины XVII в. существуют четыре произведения, посвященные основанию Москвы. Это «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы», «Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии», «Предание об основании Москвы Олегом», а также «Повесть о зачале Москвы». При сложении этой повести была использована сформулированная в первой половине XVI в. старцем псковского Елеазарова монастыря Филофеем (в его посланиях дьяку Мисюрю Мунехину и Василию III — см. наст. изд., т. 9, с. 290—305) идея «Москва — третий Рим». Она утверждала, что Россия, после падения первого Рима и второго Рима — Константинополя из-за уклонения от «истинной веры», стала до скончания веков единственным центром христианства, а государь Василий III ответственен за судьбу всего христианского мира. Автор повести, обратившись к теории «Москва — третий Рим», использовал ее в своих целях: он приравнял Москву к «первым Римам» по сходству обстановки, в какой города были основаны: на месте, где возникли Рим и Константинополь, пролилась кровь. На крови, как следует из текста повести, была основана и Москва. Источниками ему послужили поздний летописец, где находился рассказ об основании Москвы князем Юрием Долгоруким, легенда о боярине Кучке как первом владельце Москвы, летописное «Сказание об убиении Андрея Боголюбского», где упоминались имена Кучковичей, и, возможно, какие-то предания, сохранившие воспоминания об участии в убийстве князя своей жены. Кроме того, автор повести использовал два фрагмента из Хронографа редакции 1512 г.: из главы «Царство Левкия Таркиния» (рассказ об основании Капитолия (храма Юпитера) в Риме) и из главы, повествующей о византийском императоре Никифоре Фоке (обе главы представляют собой извлечение из переведенной с греческого на среднеболгарский язык в XIV в. Хроники Константина Манассии (см.: Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах. София, 1988. С. 135—136, 209). В своем повествовании автор убрал имевшие место в «Сказании об убиении Андрея Боголюбского» политические мотивы убийства, заменив их изображением семейной драмы, воспользовавшись для этого хронографическим рассказом об убийстве византийского императора Никифора Фоки при участии его жены Феофаны. Таким образом был создан вымышленный, занимательный рассказ, в котором основное внимание было уделено не столько боярину Кучке, на крови которого собственно и была основана Москва, сколько судьбе его потомков. Далее в повести говорится о расправе Михаила, брата Андрея, с заговорщиками и кратко, в форме погодных записей, излагаются основные этапы истории Москвы и великих князей Московских.

Повесть известна в 30 списках второй половины XVII—XVIII вв. Текст повести печатается по списку ГИМ, Синодальное собр., № 964, являющемуся старейшим списком, датируемым 1674 г. и изданным в книге: Повести о начале Москвы / Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964. С. 173—175. Исправления внесены по списку: ГИМ, Синодальное собр., № 607, начало XVIII в.

Стр. 136. *Вся убо христианская... а четвертому не быти.* — Эта фраза почти дословно повторяет слова старца псковского Елеазарова монастыря Филофея (см. выше), обращенные к дьяку Мисюрю Мунехину (см. наст. изд., т. 9, с. 298).

...от Рома и Ромила. — Согласно преданию Рим был основан Ромулом, но легенда утверждает, что в самом начале строительства города принимал участие, правда вскоре погибший, и его брат Рем.

...здати и ров копающе... по пролитии кровей многихъ. — Весь отрывок заимствован из главы «Царство Левкия Таркиния» Хронографа 1512 г. Глава является извлечением из славянского перевода «Хроники Константина Манассии». Значение слова «ентинарии» становится понятным, если обратиться к греческому тексту «Хроники Константина Манассии». Слово «ентинарии» есть не что иное, как выражение, по-видимому неправильно понятое еще славянским переводчиком «Хроники» и в переводе означающее «В Тиррени» (в Этрурии) (см.: Салмина М. А. «Энтинарий» в «Повести о зачале Москвы» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 362—363).

...князя Владимира Всеволодича Монаха... — Его княжение в Киеве падает на 1113—1125 гг.

...князь Юрий Владимирович Манамащъ... — Князь Юрий Владимирович Долгорукий (ок. 1090—1157), сын Владимира Всеволодовича Монаха. Князь ростово-суздальской земли с 1125 г. С 1155 г. — великий князь Киевский. Весь дальнейший рассказ о встрече Юрия по пути следования им в 1158 г. (дата явно вымышленная) во Владимир с боярином Кучкой, казни последнего из-за неуважительного его отношения к князю, основании Юрием града Москвы на месте сел убитого им боярина Кучки и т. п. является легендой. В летописях же Москва первый раз упоминается под 1147 г.: здесь состоялось свидание Юрия Долгорукого со Святославом Ольговичем.

...князь Всеволод Юрьевич... — См. ниже, примеч. к стр. 495.

...князя Андрѣя Юрьевича Боголюбскаго посади в Володимирѣ. — Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1111—1174) — сын Юрия Долгорукого. Исторические сведения здесь искажены. Юрий Долгорукий, после того как в 1155 г. стал великим князем Киевским, посадил Андрея в Вишгороде. Но Андрей против воли отца ушел в Суздальскую землю и в 1157 г. был избран ростовцами и суздальцами на княжение. Он сделал столицей ростово-суздальской земли Владимир. С 1157 г. по 1174 г. он князь Владимирский. По-видимому, искажение исторических фактов: «посаждение» Юрием Долгоруким Андрея во Владимире, его пребывание здесь, участие в бракосочетании сына с дочерью Кучки понадобились автору для того, чтобы и второе «кровавое» событие (убийство Андрея Боголюбского во Владимире) также связать с именем основателя Москвы.

Стр. 136—137. ...боярину нѣкоему, богату сущу, зовому Кучку Иванову. — Имя боярина Кучки в летописях не встречается. В то же время «Кучковичей» летописи упоминают (см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Л., 1950. С. 467—468). Упоминаются Кучковичи и в летописном «Сказании об убиении Андрея Боголюбского» под 1175 г.: здесь называются убийцы князя «окаяннии» Кучковичи (Яким Кучкович и его зять Петр) (см.: ПСРЛ. Лаврентьевская летопись. Л., 1927. Т. I. Вып. 2. Стб. 368—369).

Стр. 137. ...за Неглинною — Река Неглинная — левый приток Москва-реки, впадающий в нее в пределе города. При впадении р. Неглинной в Москву-реку, считается, и была построена Москва.

...по имени рѣки, текущая под нимъ. — Т. е. по имени реки Москвы.

...со дщерию Кучковою. — Существование дочери боярина Кучки, вышедшей замуж за Андрея Боголюбского и впоследствии участвовавшей в убийстве мужа, летописями не подтверждается. Но намеки на существование каких-то преданий, сохранивших воспоминания об участии жены князя Андрея в его убийстве имеются. Следы этих преданий Н. Н. Воронин обнаружил в миниатюре Радзивилловской летописи конца XV в., иллюстрирующей рассказ о смерти Андрея. Отрубленную руку князя на этой миниатюре летописи держит женская рука (см.: Вестник АН СССР. 1945. № 9. С. 112). Некоторые намеки имеются и в рассказе Тверской летописи об убийстве Андрея, где упоминается «болгарка», которая «дѣржаше к нему злую мысль» за походы на «Болгарскую землю» и жаловалась на него втайне Петру, «Кучкову зятю».

...и с нимъ отиде в Киевѣ и сынъ его, князь великий Андрѣй Боголюбский. — В 1158 г. Юрия Долгорукого уже не было в живых, а Андрей Боголюбский находился в ростово-суздальской земле. И летописи этот поход Андрея не подтверждают.

...и принесе с собою ис Киива во Владимир икону Пресвятыя Богородицы... из Царяграда... — Здесь речь идет о принесении князем Андреем во Владимир на Клязьме знаменитой византийской иконы Богоматери (по преданию, писанной евангелистом Лукой). Икона была установлена в Успенском соборе и получила имя «Владимирской».

...и созда церковь каменну Успения Пресвятыя Богородицы... — Успенский собор во Владимире был заложен Андреем Боголюбским в 1158 г. и отстроен в 1160 г. (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. М., 1961. Т. I. XII столетие. С. 149).

...и вда ей села лутчая и десятое во всемъ. — Речь здесь идет о «десяatine». Древнерусская десятина — отчисление одной десятой доли от всех поступающих на княжеский двор доходов в пользу церкви (см.: Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 76—77). Далее в повести следует текст, где автор развертывает картину убийства князя Андрея.

В летописях эта картина представлена следующим образом: убийцы, приближенные князя, среди которых были Яким Кучкович и Петр, Кучков зять, сговорившись, в ночное время с оружием ворвались в ложницу князя. В первой стычке им удалось только ранить его. Окончательно убийцы расправились с ним уже «под сенями», куда укрылся раненый. Тут Петр Кучков отрубил ему левую руку. Приводилась и политическая причина убийства: Андрей собирался казнить брата Якима Кучковича (см. наст. изд. Т. 4, с. 210). Не то мы видим в повести. Автор ее не упоминает о политических причинах убийства, а создает занимательный рассказ о конфликте между мужем-аскетом и чувственной женой. Он обратился к рассказу Хронографа 1512 г. об убийстве императора Фоки с участием его жены Феофаны и перенес всю картину этого убийства в повесть. Весь отрывок повести со слов «яко орел ношашеся» по слова «якоже древле Авелева» (за исключением летописных данных, слов «церкви созида и нищих удворяя» и фразы, в которой упоминаются Кучковичи) является дословным заимствованием из главы «Царство Никифора Фоки» Хронографа 1512 г.

...*Давидъ медоточный...* — Имеются в виду псалмы, ветхозаветные религиозные хвалебные песни, которые, по преданию, были сложены древнееврейским царем Давидом.

...*бысть птица и нощный вран без сна на нырищи.* — Ср.: Пс. 101, 7.

Стр. 138. ...*яко Сампсона Далида...* — Согласно преданию (см.: Суд., 16, 17—21) Далида, филистимлянка, возлюбленная Самсона, знаменитого библейского героя, выведав тайну его необыкновенной силы, заключавшейся в семи прядях волос, остригла Самсона во время сна и предала его в руки врагов.

...*Тиндариды... храброго ироя.* — Здесь имеется в виду Клитемнестра, дочь спартанского царя Тиндарея и Леды, убившая своего мужа царя Микен — Агамемнона.

В лѣто 6683-го (1175) июня в 29 день... — Андрей Боголюбский был убит в ночь с 28 на 29 июня 1174 г. в своем пригородном замке Боголюбово (откуда и прозвище «Боголюбский»).

...*Авелева.* — Авель (Быт. 4, 2—8) — второй сын Адама и Евы, убитый своим старшим братом Каином из зависти за то, что жертва Авеля была принята Богом более благосклонно.

Еще же и ино зло... предаша водамъ. — Возможно, не соответствующее историческим сведениям известие повести, будто тело убитого князя «предаша водамъ», опирается на описание казни убийц, тела которых бросили в озеро.

...*Михайло Юревичъ...* — Михаил Юревич, сын Юрия Долгорукого и брат Андрея Боголюбского, умер в 1176 г., пробыв, как сообщают летописи, князем Владимирским всего один год. О мести его за убийство брата летописи не сообщают. Изображение расправы с княгиней-убийцей, по-видимому, авторский вымысел.

...*Всеволод Юрвичъ... и позлати я...* — Всеволод Юревич Большое Гнездо (1154—1212), сын Юрия Долгорукого и брат Андрея Боголюбского, с 1177 г. (или с 1176 г.) князь Владимирский. Построенная в 1158—1160 гг. Андреем Юрвичем Боголюбским во Владимире церковь Успения Пречистой Богородицы «об едином версе» была в 1185 г. повреждена пожаром, и Всеволод Юревич приступил к ее восстановлению. В 1189 г. происходит «великое священие собора». Летопись сообщает: «Всеволод же четыре верхи назда и позлати» (см.: Ворони Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. Т. 1. С. 149, 354).

...*а на своємъ дворѣ... и верхъ ея позлати.* — Речь идет о постройке Всеволодом во Владимире Дмитриевского собора, который предположительно был заложен в 1194 г. (см. там же, с. 398). «Гробная доска» святого Дмитрия Солунского была положена в соборе в 1197 г.

...*великий князь Юрий Всеволодичъ...* — Князь Юрий (или Георгий) Всеволодович (1189 или 1187—1238 гг.), сын Всеволода Большое Гнездо. Его владимирское княжение падает на 1218—1238 гг.

Батый — сын Джучи-хана, старшего сына Чингиз-хана. Умер в 1255 г. Основатель Золотой Орды, завоеватель Восточной Европы в конце 30—40 гг. XIII в. Монголо-татары во главе с Батыем завоевали и Русь (литературные памятники, посвященные монголо-татарскому нашествию на Русь, см. в наст. изд., т. 5).

...*Владимира Юревича...* — Владимир Юревич — сын великого князя Юрия Всеволодовича.

...*воеводу Филиппа Няниа...* — Филипп Нянюко — воевода, защитник Москвы от войска Батая. Его существование подтверждается летописями.

...на Ситѣ. — Река Сить — правый приток реки Мологи, впадающей в Волгу (Ярославская обл.).

...Всеволодъ, Мстислав, Владимир. — Летописи подтверждают существование таких сыновей у великого князя Юрия Всеволодовича.

...Ярослав Всеволодичъ. — Князь Ярослав Всеволодович (1191—1246), сын Всеволода Большое Гнездо, занимал великокняжеский стол с 1238 по 1246 г.

...князя Александра... — Александр Ярославич Невский (1220—1263), сын Ярослава Всеволодовича. С 1236 г. — князь Новгородский, с 1252 по 1263 г. великий князь Владимирский.

Стр. 138—139. ...Новградъ Нижней созда и монастырь Пресвятыя Богородицы Печерския. — Георгий (или Юрий) Всеволодович основал в 1221 г. Нижний Новгород. Под 1229 г. в летописях упоминается монастырь Святой Богородицы под Нижним Новгородом («вне града»). Это, видимо, и есть Печерский монастырь. В нем находилась икона Печерской Божьей матери.

Стр. 139. ...преставися... Ярославъ Всеволодичъ во Ордь нужною смертию. — По сообщению летописных источников, Ярослав Всеволодович, будучи в Орде у великого хана, был там оклеветан, а затем отравлен. Умер он в 1246 г., а не в 1238 г. (6746), как указано в повести.

...преставися... во иноцѣхъ и в схимѣ. — Александр Ярославич перед смертью принял монашество. Существование у Александра Невского сыновей с такими именами подтверждается летописями.

...князь Данило Московский. — Князь Даниил Александрович (1261—1303), сын Александра Невского, считался родоначальником великих московских князей. Москву в удел он получил не позднее 1283 г. Даниилу удалось расширить территорию своего княжества. Так, он присоединил к своим владениям Коломну и Переславль, тем самым увеличив население в своих владениях.

...Юрий, Александръ, Борис, Иванъ, Афанасий. — Эти имена сыновей Даниила Александровича известны из летописей.

...во своемъ ему в Даниловскомъ монастырь. — Древнейший московский Данилов монастырь основан князем Даниилом Александровичем, вероятно, незадолго до своей смерти (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. М., 1962. Т. 2. XIII—XV столетия. С. 150—151).

Въ то 813 (1305) прииде на Русь Петръ митрополитъ.. юже самъ созда. — Петр (ум. в 1326 г.) митрополит всея Руси. Как следует из повести, посвященной его житию (XIV в.), Петр был поставлен в митрополиты всея Руси патриархом Афанасием Щарьградским в 1308 г. (по другим источникам в 1305 г.). Он был союзником московских князей в их борьбе за великое княжение. Московского князя Ивана Даниловича Калиту Петр уговорил построить в Москве собор Успения Богородицы, где собственными руками создал себе усыпальницу. Но собор был заложен не в 1323 г., как указано в повести, а в 1326 г. (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. Т. 2. С. 152). Сам Петр умер также на три года позже, чем это указано в повести. Это был первый московский епископ, в XIV в. церковь причислила его к лику святых и память его чествуется 21 декабря.

...князь Иванъ Даниловичъ, зовомый Калита. — Иван Данилович Калита (ум. в 1341 г.) с 1325 по 1328 г. владел только московским уделом, а с 1328 г. стал и великим князем Владимирским. Ко времени его правления относятся расширение территории Московского княжества и усиление значения Москвы.

...церковь каменна святого Иоанна писателя Лѣствицы. — Церковь Иоанна Лествичника была заложена в Москве 21 мая 1329 г. (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. Т. 2. С. 157). Иоанн Лествичник — преподобный, написавший руководство к иноческой жизни «Лестница райская» (VI—VII вв. н. э.).

...постави на Москвѣ церковь каменну Преображения Господне у своего двора. — В 1330 г. Иваном Калитой был заложен храм, получивший название Спаса на Бору (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. Т. 2. С. 158).

...содѣла церковь каменну архистратига Михаила. — Это известие подтверждается летописными источниками (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. Т. 2. С. 161).

...содѣла около Москвы новый древян град... — В 1337 г. старые стены московской крепости были разрушены пожаром, и в 1339 г. Иван Калита закладывает новую деревянную крепость (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. Т. 2. С. 164—165).

...Иванъ Даниловичъ Владимирский и Московский и всеа России. — Такое титулование Ивана Калиты появилось много позже, в XVI в. (см.: ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 203).

...во Арханьггеле. — Имеется в виду Архангельский собор Московского Кремля, служивший родовой усыпальницей московских великих князей и царей.

...Симеонъ, Иванъ, Андрей. — Летописи подтверждают существование таких сыновей у Ивана Калиты.

СКАЗАНИЕ О ЗАЧАТИИ МОСКВЫ И КРУТИЦКОЙ ЕПИСКОПИИ

«Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии» — одна из четырех повестей, посвященных основанию Москвы. Оно написано во второй половине XVII в. Автор его, имя которого неизвестно, решив в завуалированной форме отразить реальные исторические события, имевшие место в середине XVII в., — борьбу между патриархом Никоном и крутицким митрополитом, создал вымышленный рассказ о возникновении Москвы и Крутицкой епархии, основанной фантастически Сарой и Подоном. Он проявил знакомство с легендарной родословной русских князей от Августа-цесаря, с легендами о построении городов, со сказаниями о начале монастырей.

Текст «Сказания» публикуется по списку: РГБ, собр. А. Н. Попова, № 2425, конца XVII—начала XVIII в., изданному в кн.: Повести о начале Москвы / Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964, с. 245—247; исправления внесены по списку: ГИМ, собр. Муз., № 998; РНБ, собр. Погодина, № 1442.

Стр. 140. *Данил Ивановичь.* — Лицо вымышленное.

...Рюрика, короля римскаго... — Рюрик, согласно легендарно-политическим сказаниям, распространенным в русской литературе в XIV—XVI вв. (см. Дмитриев Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955), приглашенный новгородскими послами из «Прусской земли» на княжение в Новгород и ставший основателем рода русских князей, был «сродником» римского императора Августа.

князь Георгий — лицо вымышленное.

...церковь... во имя Георгия Стратотернца... — Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, воздвигнутый в 1230—1234 гг.; украшен резьбой.

...царствие треугольное... — С. К. Шамбинаго (Повести о начале Москвы // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 96) высказывал предположение, что под этим выражением следует подразумевать «триличное царство», возглавлявшееся царем Михаилом Федоровичем, его отцом Филаретом и матерью Марфой. Есть другое толкование: «треугольное царство» — это «Великая, Малая и Белая Россия» (Повести о начале Москвы / Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. С. 164).

Стр. 141. *Москва.* — Первое упоминание Москвы — селения, впоследствии главного города Московского княжества, столицы русского централизованного государства, согласно Ипатьевской летописи, относится к 1147 г., когда князь Юрий Долгорукий принимал в ней одного из князей.

... князь Алексѣй, князь Петръ — имена вымышленные.

...Алексинъ. — Здесь имеется в виду не город Алексин, расположенный к югу от Москвы, а находящееся севернее ее, как и сообщает «Сказание», село Алексино, принадлежавшее Крутицкой епархии, митрополиту Сарскому и Подонскому.

...на горахъ Подонскихъ... горы нарекоша Крутицы. — В действительности же история образования Крутицкой епархии иная: сначала это была Сарайская епархия, учрежденная в XIII в. в золотоордынском городе Сарае для облегчения участи христиан — русских пленников. В XIV в. она

распространила свои владения на земли по Дону и сарайские епископы стали именоваться «сарскими и подонскими». В XV в. епископство было перенесено из Сарая в Москву на Крутицы (возвышенное место на левом берегу Москвы-реки), но «из почтения к древности» наименование крутицких владык сарскими и подонскими сохранилось. Автор «Сказания», как предполагается, сознательно прибег к вымыслу, утверждая, что Крутицкая епархия образовалась около Москвы изначально.

СКАЗАНИЕ ОБ УБИЕНИИ ДАНИИЛА СУЗДАЛЬСКОГО И О НАЧАЛЕ МОСКВЫ

«Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» — одна из четырех повестей, посвященных основанию этого города. «Сказание об убиении...» сложилось между 1652 и 1681 гг., в составе летописца, и впоследствии распространилось в отдельных списках. В «Сказании» излагается легендарная история основания столицы, расцветенная рядом вымышленных подробностей. Засвидетельствованные летописными источниками события, имевшие место в XII в. (основание Москвы князем Юрием Долгоруким, убийство Андрея Боголюбского Кучковичами), автор «Сказания» переносит в XIII в. и включает в вымышленные биографии сыновей Александра Невского — Даниила и Андрея Александровичей (умерших в начале XIV в.). Автор «Сказания» превращает свой рассказ в занимательное повествование о трагических событиях, будто бы предшествовавших основанию Москвы, и прежде всего о семейной драме, разыгравшейся при дворе князя Даниила. Наличие любовной интриги, насыщенной драматизмом подробностей, связанных с убийством Даниила, сделало «Сказание» излюбленным чтением на протяжении XVII—XVIII вв.

Текст печатается по списку: *ГИМ*, Муз. собр., № 3996, сер. XVII в., являющемуся старейшим списком «Сказания», изданному в кн.: Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964, с. 199—212. Исправления внесены по списку: *РНБ*, собр. Титова, № 3997, первой пол. XIX в.

Стр. 142. ...*боярина Кучка Стефана Ивановича.* — О самом Кучке источники ничего не сообщают. В летописях упоминаются Кучковичи — Аким Кучкович и Петр, «Кучков зять».

...*в стольники... в чашники.* — Стольник и чашник — дворцовые чины-должности в Русском государстве в XIII—XVII вв. В XIII в., когда происходит действие в повести, чашники руководили дворцовым ведомством, в их ведении находились также питейные погреба. В XVII в., когда создавалась повесть, стольники прислуживали великим князьям и царям на торжественных обедах и сопровождали царя в его поездках; в обязанности чашников входило лишь почетное присутствие на праздничных обедах.

...*княгине Улитъ Юрьевне...* — В исторических источниках не упоминается. Прототип героини «Сказания» является жена князя Андрея Боголюбского «Повести о зачале Москвы».

Стр. 143. ...*ко князю Андрѣю Александровичю...* — По-видимому, имеется в виду сын князя Александра Невского, умерший в 1304 г.

Стр. 144. *Первыи мученики, Борис, и Глѣбъ, и Святослав, убьени быша от брата своего, окаянного Святополка, рекомого Поганого полка.* — Борис, Глеб и Святослав — сыновья киевского князя Владимира Святославича, убитые их братом Святополком в 1015 г., Борис и Глеб были причтены Церковью к лику святых.

Сыне же его, Ивану Даниловичю... — Иван Данилович Калита, великий князь Московский, ум. в 1341 г.

ПРЕДАНИЕ ОБ ОСНОВАНИИ МОСКВЫ ОЛЕГОМ

«Предание об основании Москвы Олегом» — одно из четырех произведений, посвященных началу Москвы. Основание города приписывается в нем Олегу, регенту при малолетнем князе Игоре Рюриковиче. Олег также помогает Игорю получить киевское княжение. После смерти Олега Игорь становится полновластным хозяином всех приобретенных Олегом земельных владений. При этом подчеркивается родство Игоря Рюриковича с римским императором Августом.

Памятник дошел в списках конца XVII—начала XVIII в. И вполне возможно (по мнению М. О. Скрипиля), что целью автора было исторически оправдать происшедшее в 60-х гг. XVII в. воссоединение Украины с Москвой: Москва и Киев оказались в руках родоначальника великих князей Московских, а в XVII в. — московских царей.

Текст «Предания» публикуется по списку *БАН*, 33.10.5 конца XVII в., изданному в кн.: Повести о начале Москвы / Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964. С. 259; исправление внесено по списку *РНБ*, F.IV.343.

Стр. 147. ...*Рюрика... Олгови...* — Речь идет о князе Рюрике (ум. в 879 г.), его сыне князе Игоре (ум. в 945 г.) и Олеге (ум. в 912 г.), который согласно преданию, отразившемуся в Повести временных лет, был регентом при малолетнем Игоре. По Новгородской первой летописи, Олег был воеводой князя Игоря.

...*Оскольдъ и Дир, князи киевстии...* — Об убийстве Олегом князей Аскольда и Дира говорится в Повести временных лет под 882 г.

...*от Кия... начася.* — В Повести временных лет рассказывается о князьях — основателях Киева — Кие, Щеке, Хориве и сестре их Лыбедь; имя Хорива здесь искажено.

...*от колѣна Августа... римскаго.* — Согласно легендам XVI в. (см. «Сказание о князьях Владимирских» — см. наст. изд., т. 9, с. 278—289) русские князья происходили от римского императора Августа. Почему Август назван здесь «тивирятским» неясно.

Олгъ прииде... и нарече Москва... — Основателем Москвы считается князь Юрий Владимирович Долгорукий (1090?—1157). Впервые Москва упоминается в Ипатьевской летописи под 1147 г.

...*Олгою... правнукою Гостомысловою...* — То, что жена князя Игоря Ольга была правнучкой новгородского старейшины Гостомысла, позднее предание (XVI в. ?).

Владимир Киевский — князь Киевский Владимир Святославич (980—1015).

СКАЗАНИЕ О КИЕВСКИХ БОГАТЫРЯХ

«Сказание о киевских богатырях» относится к числу интереснейших литературных повестей начала XVII в., разрабатывающих героическую и патристическую темы на фольклорной основе. Используя мотивы былин об Илье Муромце и Идолище, об Алеше Поповиче и Тугарине Змеевиче, «Сказание...» воспевает подвиги семи киевских богатырей — Ильи Муромца «с товарищи», спасшими Киев от набега царьградского царя Константина и его сорока двух богатырей (эпический «Царьград» — Константинополь, находящийся с 1453 г. под властью турок, осознается автором XVII в. уже как земля, враждебная Киеву). «Сказание...» долгое время рассматривалось как запись былинны, причем более древней, чем известные в настоящее время варианты (Е. В. Барсов, А. Н. Веселовский, М. Н. Сперанский и др.). Однако, несмотря на большую близость «Сказания...» к былинным текстам, образам и стилистике, в нем иначе, чем в былинах, характеризуются отношения князя и богатырей (богатыри называют себя его «холопами» и хотят сложить голову «за государеву чашу», «за его хлеб-соль великую»; вместо «полей русских» возникает «княжеская вотчина» и др.), что обнаруживает приспособление элементов эпического былинного сюжета к идеологии служилых — воен-

ных и приказных — людей; именно в этой среде создается «Сказание...» как литературная повесть на основе былинных сюжетов и мотивов (В. Миллер, Н. К. Гудзий, А. В. Позднеев и др.). Древнейший список «Сказания...» датируется 1630-ми гг. и имеет владельческую запись 1642 г.; идеи его сформировались несомненно уже после разгрома татарских ханств — после взятия Казани (1552) и Астрахани (1556). Не исключено, что мажорное утверждение «Сказания...» — «А татар всѣх побили — тѣм на Русь не бывати!» — могло возникнуть в период прочной стабилизации внешнеполитического положения Русского государства после преодоления кризиса Смуты в 1620—1630-е гг. (еще в конце XVI в. крымские татары совершали опустошительные набеги на «украины» Руси и активно действовали во время Смуты на стороне врагов государства).

Текст «Сказания...» публикуется по древнейшему списку 1630-х гг.: ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 1463, л. 198—221.

Стр. 149. ...12 поприще... — Поприще — путевая мера, здесь: эпический счет.

...перезжаючи Смурю-реку... — В названии реки, не встречающемся в былинном эпосе, видимо, произошла контаминация эпического названия реки Смородины и пограничной Угры (приток Оки), где остановились войска Ахмет-хана в 1480 г., что означало конец монголо-татарского ига.

Карачевець — человек родом из Корачева, древнего города Черниговского княжества; в былинах упоминается село Карачаево (Карачарово) — родина Ильи Муромца.

...гуни голуба скорлату... — *Гуни* — верхние кафтаны, *скорлат* — сукно особой выделки.

...терлики... камки венецкие... — *Терлики* — исподние кафтаны, *камка* — шелковая цветная узорчатая ткань.

Стр. 150. ...Скоропѣвичь... — От слова «скорпия» — змея.

Стр. 153. ...ни черным волосом... — По-видимому, заговорное средство.

...шубы под аксамиты... — Шубы, крытые аксамитами — плотной драгоценной тканью с золотыми и серебряными нитями.

ПОВЕСТЬ О СУХАНЕ

«Повесть о Сухане» представляет собой переработку XVII в. былины о богатыре Сухане (Сухмане, Сохмане и т. п.). В основу повести лег один из вариантов былины, акцентирующий героическую тему, подвиг богатыря. По своему жанру повесть может быть отнесена к воинским повестям; в ее тексте запечатлелось знакомство автора с «Повестью о разорении Рязани Батыем» и «Сказанием о Мамаевом побоище» и с другими жанрами исторического повествования. В то же время в «Повести о Сухане» есть характерные черты охотничьего и воинского быта XVII в. с типичными для этого столетия понятиями «дела государева», «службы государевой». Да и сама тема борьбы с татарами продолжала для России оставаться актуальной.

Текст печатается по единственному сохранившемуся списку конца XVII в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Отд. пост., оп. 23, № 39), один лист рукописи утрачен. Подробное исследование повести с публикацией текста и фототипическим воспроизведением рукописи см.: Малышев В. И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII в. М.; Л., 1956.

Стр. 155. *При великом князе Манамахе Владимировиче...* — Имя князя Владимира Всеволодовича Мономаха (1053—1125) заменило в повести традиционного былинного Владимира Красное Солнышко.

Потѣха кречятная — соколиная охота.

...с красным кречятом... — Особенно ценившаяся разновидность сокола с красноватым цветом оперения.

На празникъ... Ивана Предтечи. — Т. е. 29 августа; с этого дня обычно начинался осенний период соколиной охоты.

Непра Слаутича... — Сходная форма обращения к Днепру встречается в плаче Ярославны в «Слове о полку Игореве».

Стр. 156. *Азбукъ Товруевичъ* — искаженное имя одного из татарских ханов или военачальников.

В правой руке и в левой... — Имеется в виду фланговое построение полков.

И царские приходы вѣсно чинили... — Подразумеваются выезды русских князей весной в Орду с данью.

Саадака — заимствованное из татарского языка слово «саадак» означало часть экипировки воина, состоящую из лука с налучником и колчана со стрелами.

Стр. 157. *...костры...* — В народном языке «костер» означает поленницу дров; подобное сравнение известно и по другим воинским повестям.

Стр. 158. *...три порока...* — Крепостные стенобитные орудия.

...у Софьи... — Имеется в виду Софийский собор в Киеве.

ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

«Повесть об Азовском осадном сидении» — поэтическое описание действительных событий: четырехмесячной осады Азова турками в 1641 г. Мощная Азовская крепость — важный опорный пункт турецких владений в Причерноморье — была захвачена в 1637 г. без ведома и согласия русского правительства донскими казаками. В 1641 г. турецкий султан Ибрагим I послал под Азов огромную армию, насчитывающую около 250 000 человек. В Азове же находилось (по документальным данным) лишь около пяти с половиной тысяч казаков. Казаки отвергли предложение турок сдать крепость и героически обороняли ее в течение четырех месяцев, отбив 24 приступа. Турки были вынуждены снять осаду. Однако Земский собор, собравшийся в январе 1642 г., опасаясь войны с Турцией, отказался принять Азов в русское подданство, и летом 1642 г. остатки казачьего войска покинули город. Азов был присоединен к России лишь в 1696 г. в результате похода Петра I.

Существует три разновидности повестей об Азове. Здесь публикуется одна из них — так называемая «поэтическая» «Повесть об азовском осадном сидении». Ее автором был участник казачьего посольства в Москву, войсковой подьячий (начальник войсковой канцелярии) Федор Иванов Порошин, в прошлом — беглый холоп князя Н. И. Одоевского. По мнению исследователя повести А. Н. Робинсона, она была написана в конце декабря 1641 г. — начале января 1642 г., накануне созыва Земского собора, и являлась своеобразным литературным призывом поддержать героическую борьбу казаков. В своем произведении Порошин широко использовал образцы древнерусской воинской повести и казачьего фольклора.

Текст повести публикуется по списку: *БАН*, 32.11.7. XVII в. Исправления внесены по списку: *РГБ*, собр. Ундольского, № 794, опубликованному в кн.: *Воинские повести Древней Руси*. М.: Л., 1949, и спискам: *РНБ*: НСРК, 1936, № 164; Q. XVII, 143 и Q. XVII. 209. Исправления отмечены курсивом.

Стр. 160. *...атаманъ казачей Наум Василевъ...* — Наум Васильев руководил обороной Азова и возглавлял казачью «станицу» (посольство) в Москву.

В прошлом, де, во 149-м году июня въ 24 день... — Осада Азова и проезд казачьей станицы в Москву происходили в одном и том же — 1641 г., но по летоисчислению XVII в. год начинался с 1 сентября, и поэтому автор называет здесь 7149 и 7150 гг.

...окроме поморских и кафимских и черных мужиков... — Т. е. подданных турецкого султана (в том числе — русских), живших по берегам Черного моря и в Кафе (Феодосии); «черными» назывались люди, жившие на государственной земле (не крепостные).

...орды крымские и нагайские... — Ногаи — тюркская народность.

...загребаютъ люди персидские. — Имеются в виду земляные валы, соорудившиеся турками возле стен осаждаемых крепостей во время войны с Ираном (Персией).

...народым Крым-Герей царевиць... — Крым Герай — брат крымского хана Бегадыра Герая; народым (нур-эн-дин) — титул первого сановника ханства.

Стр. 161. ...буданы... башлаки. — Буданы — мадыарское (венгерское) племя; башлаки — возможно, жители Боснии.

А збирался турской царь... четыре годы. — Казаки захватили Азов в 1637 г., но война с Персией (Ираном) и смерть султана задержали ответные действия турок.

Стр. 162. ...Муратъ-салтанова величества, царя турского. — Азов был захвачен казаками в период правления султана Мурата IV.

...Фому Катузина... — В 1637 г. казаки убили турецкого посла в Москву Фому Кантакузина (грека, принявшего мусульманство), заподозрив его в попытке связаться с осажденным ими Азовом.

Стр. 163. ...от царства вашего силнаго... не будетъ... помощи и выручки. — Русское правительство в дипломатических сношениях с Турцией стремилось подчеркнуть свой нейтралитет и снять с себя ответственность за действия казаков, хотя фактически тайно поддерживало их, регулярно посылая им жалованье, снабжая хлебом, оружием и припасами.

Стр. 164. *И не сидятъ люди ево персидские противу насъ, турок...* — В 1639 г. закончилась ирано-турецкая война победой турок; персидский шах вынужден был отступить из захваченных им районов Месопотамии.

...казачьих зипуновъ... — Зипун — название одежды и одновременно — добычи, трофеев.

А холопи мы природные государя царя христианскаго... — Намек на то, что казаки в основном были беглыми холопами (крепостными крестьянами).

Стр. 165. *То царство было христианское.* — Отражение популярных на Руси и особенно в казачьей среде надежд на освобождение от власти «басурман» Константинополя, захваченного турками в 1453 г.

А серебро и золото... от вас же водим. — Намек на ежегодные опустошительные набеги донских и запорожских казаков на турецкие города. В 1623 г. казаки разорили предместья самого Константинополя.

Стр. 166. ...украиною... от орды нагайские... — Украиной (т. е. окраиной) называлась пограничная полоса («черта») с укреплениями и городами-крепостями, отделявшая Русское государство от Поля, т. е. южных степей.

...Костянтина благовернаго. — Византийский император Константин XI Палеолог погиб при взятии Константинополя турками 29 мая 1453 г.

Стр. 168. ...вынесли большое знаме на выласке, царя турскаго... — Захваченное знамя было впоследствии доставлено казаками в Москву.

...у Предотечина образа... — Святой Иоанн Предтеча считался покровителем донских казаков.

Стр. 169. «С нами Богъ! Разумейте, языцы... яко с нами Богъ!» — Ср. рефрен из Великого повечерия. См. Часослов.

Стр. 170. ...Николинъ дом... — Церковь Николая-чудотворца.

Стр. 172. ...торжище тут... и от матерей. — В Азове, во времена владычества в нем турок, шла торговля «полоном» — угнанными во время турецких и татарских набегов жителями русских земель.

ПОВЕСТЬ О СЕМИ МУДРЕЦАХ

«Повесть о семи мудрецах», или «История семи мудрецов», — памятник средневековой литературы, берущий начало на Востоке. Известны по свидетельствам древних авторов, а затем и как конкретные сохранившиеся тексты пехлевийские, персидско-таджикские, сирийские, грече-

ские, древнееврейские, арабские, испанские, латинские, французские, английские, немецкие, нидерландские, валлийские, датские, идишские, польские, древнерусские, армянские и многие другие варианты и изводы этого сюжета (Runte Hans R., Wikeley J. Keith and Farrell Anthony J. *The Seven sages of Rome and the Book of Sindbad. An Analytical Bibliography.* New York, 1984).

Основная структура сюжета такова: жена царя влюбляется в его сына от другого брака и, отвергнутая им, обвиняет юношу в попытке овладеть ею. Царевича ждет смерть, но он не может оправдаться, так как узнает по расположению звезд, что должен молчать в течение семи дней. Для того чтобы отсрочить казнь, советники царя рассказывают ему поучительные истории о женском коварстве и об опрометчивости поспешных поступков, царица же противопоставляет им свои истории.

Первоисточником Повести является широко распространенная на Востоке «Книга Синдбада», или «История философа Синдбада».

В восточных версиях воспитание принца поручено одному мудрецу — философу Синдбаду, а в западных — семи мудрецам, этим и объясняется разница в названии.

Промежуточной между восточными и западными версиями является древнееврейская версия XII в. «Мишлей Сендебар», в которой впервые мудрецы названы по именам и борются за право воспитания принца.

Наибольшее распространение в средневековой Европе получила латинская «*Historia septem sapientium*» XIV в., которая была переведена на многие европейские языки.

В европейских обработках все более стирался восточный колорит, заменяясь представлениями христианизированного рыцарства, появлялись имена популярных царей — Кира, Веспасиана, Диоклетиана, место действия переносилось из одной страны в другую, увеличивалось число мудрецов (оно доходило до сорока), и в зависимости от этого менялось число новелл, вводились новые рассказы.

В польской литературе, откуда повесть пришла на Русь, перевод с латинского текста был сделан бакалавром Краковского университета Яном из Кошичек в 1540 г.

Русские тексты повести о семи мудрецах известны в обращении с начала 10-х гг. XVII в. (Азволинская И. Д. Повесть о семи мудрецах (датировка древнейших русских списков XVII в.) // ТОДРЛ. Т. XXXVI. Л., 1981. С. 255—258). Их общее число (свыше 70) свидетельствует о значительной популярности этого произведения, а переход отдельных сюжетов в устную сказку показывает, что не только средневековые представления о «женской злобе» поддерживали интерес к сюжету повести. Обилие сказочных элементов в повести рождало ассоциацию с русской сказкой: горящие птицы, вещие сны, предсказания, игра на сходстве героев, исцеление детской кровью, воскресающие дети и т. п.

«Повесть о семи мудрецах» принесла в русскую литературу первые образцы забавной новеллы. Наиболее занимательные из них — о короле, отдавшем рыцарю своими руками жену, и о двух друзьях — Александре и Лодвике — уже в XVII в. выделились из общей канвы повести и существовали в виде самостоятельных историй.

Текстологическое изучение повести привело к выделению трех редакций — А, В и С. Редакция А содержит наиболее краткий текст, изобилующий полонизмами; редакция В содержит наиболее связный и подробный рассказ, в котором число полонизмов значительно уменьшается; редакция С представляет собой переработку, носящую наиболее литературный характер.

Текст повести публикуется по списку редакции С начала XVII в.: *РНБ*, О. XV. 2, л. 208—387.

Стр. 176. *Положимъ ему под нози по листу коблющему...* — Писцовая ошибка, неправильное разделение на слова; в польском тексте читаем: «...podłożymy po listku bluszczowem...» — «подложим по листку плющевому». См.: Poncjaj (Historja o siedmi mędracach). Przekładanja Jana z Koszyczek. 1540. Wydał Juljan Krzyżanowski. Kraków, 1927. Str. 7.

Стр. 177. *...въѣхомъ граде Костеле...* — Искаженное название Кастилии, естественного и политического центра Пиренейского полуострова.

Стр. 181. *Тимпаны* — древний ударный музыкальный инструмент род тарелок, а также литавры.

Стр. 191. ... и повѣле ей на верхъ клетки дробин намѣтати... — Во всех русских списках польское слово «drabina» — «лестница» переведено неправильно: «дробина». В польском тексте жена приказала девке взять лестницу, влезть на крышу, сделать в крыше дыру над тем местом, где стояла клетка с сорокой, и бросать на нее камешки, песок и лить воду.

Стр. 194. ... и обрете под постелею родникъ, а на немъ семь строментовъ ворочающа... — Это место не понято переводчиком, ошибка повторяется во всех русских списках. В польском тексте читаем: «zródł z którego płynęł siedm strumieniów wrzących» — «источник, из которого вытекало семь горячих ручьев» (Murko M. Die Geschichte von den sieben Wiesen bei den Slaven. Sitzungsber. d. phil.-histor. Classe d. keis. Akad. d. Wiss. Bd. 122, X. Wien, 1890. S. 94, 95).

Стр. 216. ...в кравчих... — В Русском государстве до XVII в. боярин, ведавший царским столом.

Стр. 217. ...чашник... — В Русском государстве до XVIII в. в обязанности чашников входило лишь почетное присутствие на праздничных обедах, в XVIII в. чашники руководили дворцовым ведомством, в их ведении находились также питьевые погреба.

ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ АГГЕЕ

«Повесть о царе Аггее» была создана в конце 1670-х гг. в кругах образованных книжников, близких к московскому Печатному двору. Ее автор использовал международный сюжет о царе, лишенном престола за «гордость», привлекая в качестве источников прежде всего новинки своего времени — рассказ о гордом царе из «Неба Нового» украинского просветителя и церковного деятеля Иоанникия Галатовского, сборника, впервые переведенного с украинского на русский язык в 1677 г. (впрочем, в Москве читали его в оригинале), и «Слово о богатом и Лазаре» из «Обеда душевного» Симеона Полоцкого, работа над которым окончилась в 1675—1676 гг. Кроме того, есть внутренняя перекличка «Повести...» и «Жития Алексея человека Божия»: герои обоих произведений попадают в сходные ситуации, но реакции их контрастны, поэтому внешне близкие ситуации «Повести...» и «Жития...» имеют прямо противоположные оценочные знаки.

Внимание к «Житию Алексея человека Божия» вызывалось серьезными причинами. Как придворная, так и массовая литература всеми доступными средствами прославляла официального небесного патрона царя Алексея Михайловича, сближая таким образом правящего государя по признаку «святости» со святым. Однако автор «Повести о царе Аггее», вводя новый для русской литературы мотив подмены гордого царя ангелом, в противовес «Житию...» противопоставляет земного правителя и его небесного защитника. «Повесть...», по всей видимости, выражала взгляды той «фронды», которая была недовольна церковной политикой Алексея Михайловича, но не решалась выступить против нее открыто. Скорее всего, «Повесть...» была написана кем-то из сторонников опального патриарха Никона.

«Повесть о царе Аггее» представляет типичный образец повести-притчи, характеризующейся четкостью сюжета в сочетании с его многозначностью. С одной стороны, изначально присущая повести-притче дидактичность отходила на второй план перед занимательностью сюжета, с другой — позволяла использовать повесть в идейной борьбе своего времени. Благодаря этому в разной читательской среде «Повесть о царе Аггее» воспринималась и как занимательный рассказ о необычайном происшествии, и как нравоучительное повествование, долженствующее внушить читателю определенный эталон поведения, и как политический памфлет, в аллегорической форме высказывающий критику в адрес правящего государя.

Активная жизнь «Повести...» в рукописной традиции охватывает около двух веков — от последней четверти XVII до середины XIX в. В настоящее время известно шестнадцать ее редакций, подразделяющихся на многочисленные варианты и виды. Основная их группа появилась в 1680-х гг. Характерно, что в этот период редакторов почти не привлекают чисто литературные задачи; их волнуют идеологические проблемы. Исключение составляет лишь редакция, созданная Никифором Симеоновым (Симеоновская).

Никифор Симеонов (ум. в 1686 г.) был справщиком Печатного двора, чрезвычайно образованным книжником и владельцем огромной библиотеки, насчитывавшей не менее 300 рукописных и печатных фолиантов на разных языках. Он интересовался всеми литературными новостями и пользовался большим авторитетом в писательских кругах, хотя и стоял несколько в стороне от активной идеологической борьбы. «Повесть о царе Аггее» в Симеоновской редакции по своим художественным достоинствам — одна из наиболее значимых самостоятельных обработок сюжета о гордом царе. Симеонов свободно перестраивает сюжет, отказывается от книжных оборотов и от утяжеляющих действие эпизодов, заменяет их заново написанными сценами; яркость бытовых сцен, тонкое чувство слова у создателя повести, наибольшая цельность в передаче авторского замысла присущи этой редакции.

Основные редакции «Повести о царе Аггее» опубликованы в кн.: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX вв. Новосибирск, 1985. В наст. издании печатается в редакции Никифора Симеонова по рукописи: ГИМ, Синодальное собр., № 294, л. 117—119.

Стр. 228. *...чтуще святое Евангелие... «Богатии обнищают, а нищии обогатят»...* — Отсылка к Евангелию, характерная для большинства вариантов «Повести...», ошибочна; здесь несколько искаженно цитируется Псалтырь, ср.: Пс. XXXIII, 11.

ПОВЕСТЬ ОБ АНДРЕЕ КРИТСКОМ

«Повесть об Андрее Критском» входит в группу древнерусских произведений, написанных на один из популярнейших сюжетов мировой литературы и фольклора — «Эдипов сюжет». В отличие от других произведений этой группы — «Повести о папе Григории» и «Сказания Иеронима о Иуде-предателе», восходящих к западноевропейским источникам, «Повесть об Андрее Критском» известна у восточных славян не ранее XVI в. Вопрос о ее происхождении пока остается открытым, хотя наиболее убедительной представляется гипотеза Н. К. Гудзия о том, что повесть — оригинальный русский памятник, в котором были творчески соединены многие популярные мотивы других произведений (Гудзий Н. К. К легендам о Иуде Предателе и Андрее Критском // Русский филологический вестник. Варшава, 1915. № 1. С. 3—30).

Важной особенностью «Повести...» является то, что сюжет о герое, убивающем отца и вступающем в брак с матерью, связывается здесь с именем византийского церковного писателя и православного святого — Андрея, архиепископа Критского. Каноническое житие Андрея при этом не имеет ничего общего с бурным и грешным жизненным путем героя повести. Источником «апокрифической биографии» архиепископа неожиданно становится его наиболее известное творение — «Великий покаянный канон», включенный в состав обязательных служб Православной церкви. В основу повести кладутся некоторые буквально понятые признания безымянного героя канона, прямолинейно отождествленного с самим его автором. Повесть, таким образом, оказывается как бы легендарной предысторией создания канона. Основная его идея — патетическая вера во всеисильность раскаяния — также получает в повести рельефное, яркое и даже полемическое воплощение, неоднократно обыгрываясь в ходе повествования.

Сюжет «Повести...», полный драматических поворотов и полусказочных деталей, а также облик ее главного героя весьма далеки от агиографических канонов. Псевдожитие Андрея Критского находится явно на пути к занимательной новелле Нового времени.

Текст «Повести...», дошедшей в полусотне списков XVI—XIX вв., известен в шести редакциях и многочисленных вариантах. Древнейший список «Повести...», опубликованный Н. К. Гудзием в приложении к его статье, содержит очень краткое изложение событий без детализации и почти без прямой речи (сейчас БАН Украины, ДА/II. 581, к. XVI—XVII вв.). Эта редакция (краткая) сохранила многие черты архетипа памятника. Однако в XVII в. наибольшую популяр-

ность снискала другая распространенная редакция, известная во множестве вариантов. В настоящем издании текст печатается по списку: *РНБ*, Q. XVII.57, н. XVIII в. Он относится к третьему варианту распространенной редакции и впервые был издан Н. И. Костомаровым (Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860. Вып. II. С. 415—417). В выверенный (по микрофильму) текст внесено несколько исправлений по смыслу (обозначено курсивом).

ПОВЕСТЬ О БОВЕ КОРОЛЕВИЧЕ

Средневековый рыцарский роман о подвигах Бово д'Антоня возник во Франции и в различных стихотворных и прозаических версиях обошел всю Европу. На Русь эта повесть попала сложным путем: в середине XVI в. в Дубровнике, славянской республике на берегу Адриатического моря, широко обращались издания соседней Венеции, в том числе и книги с итальянской версией романа о Бово д'Антоне. Сделанный здесь (и не сохранившийся) сербскохорватский перевод стал в том же XVI в. источником белорусского пересказа. К нему в конечном счете и восходят все русские списки.

Первый раз повесть о Бове королевиче была упомянута в одном московском источнике второй четверти XVII в. Списки памятника относятся к еще более позднему времени. Однако есть все основания считать, что он стал популярным очень рано, о чем свидетельствует великорусский именовслов. Так, среди «мирских имен» (или прозвищ) эпохи Ивана Грозного находим *Бову*: в середине XVI в. в Рязани жил некий *Бова* Семенович Воробин, сын боярский (дворянин) из захудалой, но старинной фамилии Шевлягиных, дальних родственников Романовых и Шереметевых (см.: Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974. С. 42). В 1590 г. с Терека в Москву приехал с грамотами пятидесятник *Бова* Гаврилов. Десять лет спустя патриарший сын боярский (дворянин, служивший патриарху) *Бова* Иванов из рода Скрипицыных сделал вклад в Троице-Сергиев монастырь. В 1604 г. из Москвы в Нижний Новгород вез государеву грамоту некий *Лукопер* Озеров. К смутному времени повесть прочно вошла в русскую культуру: это ясно из рукописного англо-русского словаря конца XVI в. врача Марка Рибли, служившего при московском дворе. К слову «a knight» (рыцарь) этот англичанин дает русский эквивалент «*личарда*», а *Личарда* — имя одного из персонажей повести. Она, быть может, сначала проникла в Московскую Русь в устной передаче и только позднее попала в письменность.

Из рыцарских романов и авантюрных повестей, вошедших в русскую литературу в допетровское время, на долю «Бовы королевича» выпал наибольший успех. Число известных нам рукописей, которые содержат это произведение, приближается к сотне. Кроме того, известно свыше двухсот лубочных изданий «Бовы» — последние из них выпускались даже после революции, в 1918 г. Отдельные сцены «Бовы» (картины боя Бовы с Полканом, с войском Маркобруна, с Лукопером, встречи Бовы с женой и детьми), а также портреты героя и Дружневны, Гвидона и Салтана изображались на многочисленных «забавных листах». «Бова королевич» перешел в русский фольклор, чему способствовала его близость к богатырской сказке.

Популярность «Бовы» предопределила сложность его литературной истории. Современные исследователи (см.: Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964) насчитывают пять рукописных редакций памятника. Он постепенно русифицировался и сближался с устным народным творчеством. Если белорусская версия была куртуазным романом со сложной интригой, на русской почве куртуазные черты ослаблялись и даже стирались. Лукопер стал похож на былинное Идолище, герои жили в термах златоверхих и тешились соколиной охотой, Бова из европейского рыцаря превратился в православного витязя.

Повесть публикуется по списку конца XVII в.: *РНБ*, Q. XVII. 27, л. 365—403 об. (издан Ф. И. Булгаковым с многочисленными ошибками в кн.: Памятники древней письменности. СПб., 1879. Вып. I. С. 45—79), который по классификации В. Д. Кузьминой относится к 3-й редакции повести.

Стр. 236. ...и написала грамоту государю... королю Додону, пожаловать бы... — Здесь очевидно влияние стиля канцелярского, приказного делопроизводства (ср. обычное заключение челобитных на царское имя: «Государь, смилуйся, пожалуй!»). «Пожаловать» в данном случае означает не «явиться самолично», не «прийти», а «соблаговолить, почтить, наградить».

Стр. 238. И гости-корабелщики послали ярышков... — Слово «гости» (это высший слой купечества, см.: ПЛДР, 8, с. 636) вызывало у русского читателя определенные ассоциации, включавшие наряду с богатством контакты с иноземцами и дальние путешествия: «гости» выполняли казенные поручения по финансовым делам, вели заграничную, в том числе и заморскую, торговлю. «Ярыжками» (ярыгами, ярыжными) именовались не только бродяги и мошенники (ср. пословицу: «С ярыжкой поводить — без рубахи находиться»), но и должностные лица низшего разряда, так называемые «земские ярыжки», которые наблюдали за порядком на улицах, использовались в качестве посыльных и т. п.

Стр. 239. ...промеж собою хотят смертныя чаши пить о Бовѣ. — Это иносказание в соответствии со средневековым литературным этикетом, означает смертельную битву или смертельный поединок: «гости» с оружием в руках собираются решить, кто будет хозяином Бовы.

...300 литръ злато. — Литра — единица и веса (один фунт 72 золотника), и меры (12 мотков-цевок пряденого золота; золото и серебро продавалось не слитками, а цевками, литрами).

Стр. 240. ...а отроду Бовѣ семъ лѣтъ. — Противоречие между детской немощью Бовы (ему не удержаться на скачущем коне и не справиться с тяжелым оружием) и его «взрослым» поведением (старшинство над конюхами, любовная история с Дружневной и т. п.) — это противоречие между реально-бытовым и этикетным изображениями персонажа. Согласно средневековому литературному этикету, после «посага на коня» (этот ритуал совершался в раннем детстве) князь изображался уже не как ребенок, а как взрослый человек.

Стр. 241. ...королева на Бовинъ слѣдъ не могла насмотрѣтца. — На Руси был распространен обычай колдовать по следу. След «заковывали» (втыкали в него гвоздь), чтобы вызвать хромоту; след «вынимали» (вырезывали землю или скребли пол) и нашептывали над ним — например, с целью «присушить», заставить сохнуть от любви; след «наговаривали» («насылали по следу»), насылая болезнь, порчу или опять-таки любовь.

Стр. 242. ...а промеж плечми мѣрная сажень. — Встарь различали сажени мерную (казенную, печатную) — в 3 аршина, или 12 четвертей; маховую — в размах рук, по концы средних пальцев, в 2,5 аршина; косую, которая превышала мерную сажень, — от левой пятки до конца среднего пальца поднятой вверх правой руки.

Стр. 247. ...превращу в свою вѣру латынскую и в нашего бога Ахмета... — Объединение «латынства» (католицизма) и магометанства — не показатель невежества. Для человека Древней Руси, убежденного в истинности одного православия, «инославие» (неправославные христианские вероисповедания — несторианство, католицизм, лютеранство, кальвинизм и т. д.) уравнивалось с «иноверием» (иудаизмом, магометанством, буддизмом и проч.), объединяясь в понятие «безбожия». Ср., например, характеристику отрицательного героя в «Сказании о Мамаевом побоище»: он «елинъ сый вѣроу, идоложрецъ и иконоборецъ» (ПЛДР, 4, с. 132). Мамай, ортодоксальный мусульманин, о чем знал каждый, представлен здесь и поклоняющимся олимпийским богам язычником, и еретиком-христианином, отрицающим почитание икон, т. е. вообще «безбожником».

Стр. 253. ...опахнулъ на себя шубу одевальную. — Слово «шуба» обозначало не только верхнюю одежду, но также теплое одеяло (в костромских и вологодских говорах) и вообще покрывку для сбережения тепла (шуба избы — зимняя покрывка из соломы и навоза). Чтобы читатель не подумал, будто лежавший в постели Бова накинул на себя одеяло, слово «шуба» сопровождается определением «одевальная», которое сигнализирует, что речь идет именно об одежде.

Стр. 255. ...у церковнаго пѣнтя. — Выражение «церковное пѣние» (и даже просто «пѣние», «пѣнье») — синоним выражений «церковная служба, храмовое богослужение». Русская православная традиция в отличие от западной предусматривала безусловный отказ от инструментальной музыки (исключая колокола).

Стр. 258. ...сорокоусты роздал. — См. коммент. к с. 84.

ПОВЕСТЬ О ЕРУСЛАНЕ ЛАЗАРЕВИЧЕ

«Сказание о Еруслане Лазаревиче» — одна из популярных русских повестей XVII в., прочно вошедшая в круг народного чтения. Ее герой Еруслан, несмотря на свое иноземное происхождение (часть его приключений основана на восточном сказании о Рустеме, популярнейшем эпическом герое средневекового Востока), стал народным русским богатырем, подобным былинному Илье Муромцу или сказочному Ивану-царевичу, а сама повесть о его приключениях (первые дошедшие списки датируются 1640-ми гг.) стала превращаться (как и роман о Бове) в народную книгу. Существуют многочисленные переделки повести — лубочные и сказочные, разнообразные издания, бойко раскупавшиеся на ярмарках и доставлявшие много радости любителям приключений. «На Руси не одна одаренная богатою фантазией натура, подобно Кольцову, — писал В. Г. Белинский, анализируя стихотворения А. В. Кольцова и круг его юношеского чтения, — начала с этих сказок (с «Бовы» и «Еруслана». — *Н. Д.*) свое литературное образование». В творчестве русских поэтов XVIII—XIX вв., начиная с М. М. Хераскова, фигура Еруслана стала символом бесстрашия русского воина и «витязя» времени «чудесного века» князя Владимира (Н. Львов). А. С. Пушкин навсегда закрепил это представление о Еруслане своей поэмой «Руслан и Людмила». «Сказание о Еруслане Лазаревиче» имеет европейскую известность (текст лубочной версии был переведен на немецкий язык уже в 1831 г. и издан в Лейпциге для широкого читателя, а сказка о Еруслане, возникшая на основе повести, неоднократно переводилась на немецкий и чешский языки) и воспринимается за рубежом как выдающийся литературный памятник русского средневековья, наряду со «Словом о полку Игореве» представляющий героическую тему в национальной русской традиции.

Восточное сказание о Рустеме, богатыре персидского шаха Кейкауса (в тюркском варианте сказания герой носит имя Арслан, т. е. лев), было распространено в Персии и у народов Кавказа и Средней Азии с глубокой древности; уже в X в. сказание было обработано выдающимся персидским поэтом Фирдоуси и вошло в его эпопею «Шахнаме» («Книгу о царях»). На Русь сказание могло попасть также издавна, так как торговые контакты с Востоком существовали с эпохи Киевской Руси. Они стали особенно интенсивными в конце XVI в., когда усилились дипломатические связи Московской Руси с Персией (известие о знакомстве русских с именем Рустема датируется 1592 г.: с ним сравнивался царь Федор Иванович в грамоте шаха Аббаса), и вновь окрепли после кризиса Смуты. К этому времени и относится, по-видимому, письменная фиксация сказания о Еруслане, причем не исключено, что создатель русской версии был знаком с текстом Фирдоуси (возможно, в устном пересказе). Повесть сохранила имена основных действующих лиц «Шахнаме»: Уруслан (Еруслан, Еруслон) — это Рустем (Арслан), царь Киркоус (или Картаус) — шах Кейкаус, отец Еруслана Залазар Залазарович (или Лазарь Лазаревич) — это богатырь шаха Заль-Зар, «вещий Араш» — легендарный конь Рустема Рахш, и др. (особенно близки «Шахнаме» имена героев в первоначальном варианте текста — в списке 40-х гг. XVII в.: *РГБ, собр. В. М. Ундольского, № 930*). Два основных эпизода повести — освобождение Ерусланом шаха Киркоуса и его богатырей из темницы царя Данилы Белого и возвращение им зрения и бой Еруслана с сыном — также имеют близкие параллели в сюжете поэмы Фирдоуси. Кроме того, повесть использует мотивы, специфические для восточного сказочного фольклора: выбор коня из табуна, происхождение богатырского коня от коня морского и его повадки в бою, женщина-лебедь, переносящая героя из царства в царство, и т. д. К восточному фольклору восходит и ряд стилистических черт первоначального текста повести, например специальные термины-названия вооружения и деталей конского убора, некоторые поговорки Еруслана или «формулы»-характеристики героев. Однако, несмотря на эти восточные мотивы, литературная разработка отдельных эпизодов повести, как и сюжета в целом, зиждется на русском фольклоре (в повести принципиально иной, чем в «Шахнаме», исход боя отца с сыном: в «Шахнаме» богатырь убивает сына), имеет своим истоком художественный мир образов русской сказки и былины. При последующей обработке повести в XVII в. из нее исключаются мотивы восточной волшебной сказки, текст разрастается за счет стремления редактора к полноте описания: все герои получают имена, описание детализуется, разрабатываются новые эпизоды (история богатырской головы); Еруслан приобретает черты «романного» героя, действующего в духе героев городского «рыцар-

ского» романа. Одновременно эта новая редакция насыщается русскими эпическими и сказочными формулами, придающими ей законченный в стилистическом отношении вид и делающими повесть полностью «русской». Именно эта редакция XVII в. легла в основу всех последующих переделок произведения — рукописных и лубочных; она публикуется в настоящем издании по списку конца 1710-х гг. (*РНБ*, собр. Погодина, № 1773, л. 207—238), ранее изданному в кн.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. II. СПб., 1860. С. 325—339.

Стр. 260. ...*во аграмаках*... — Т. е. в аргамаках; *аргамак* — конь-иноходец из породы крупных азиатских лошадей.

...*ни одинаго пѣнзя*... — Т. е. ни одной монеты.

...*седло черкасское*... — Т. е. казачье; «черкасами» в XVII в. назывались запорожские казаки.

...*по губамъ морскимъ* — Т. е. по заливам морским.

Стр. 265. *Кондурия, Прондора, Мендора, Легия*. — Грецизированные имена героинь отсутствовали в первоначальном тексте и появились при последующих переработках повести книжником второй половины XVII в. аналогично тому, как это происходило в других повестях этого периода (ср. «Повесть о Василии Златовласом»). *Легия* — возможно, значимое имя от греческого глагола ληϋω — сдерживать, унимать.

Стр. 266. ...*во объѣждихъ головах*. — Объезжий голова — русский термин XVI—XVII вв. для обозначения начальника конного отряда, несущего службу по охране города.

Гоголь — утка-нырок.

Стр. 268. ...*во бѣлой япанчѣ*... — Япанча — накидка, плащ.

...*шляпа сорочинская*... — Т. е. сарацинская.

Стр. 279. *Солнце мое равитцкое*... — Видимо, от «аравитцкое», т. е. арабийское; формула устнопоэтического происхождения.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ ЗЛАТЫХ КЛЮЧЕЙ

«Повесть о Петре Златых Ключей» возникла при дворе бургундских герцогов в XV в. (Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. М., 1964), и в основе ее лежит древняя итальянская легенда, связанная с островом Магелон у Средиземноморского побережья Франции (Прекрасная Магелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель. Изд. подг.: Москалева Н. А., Пуришев Б. И., Френкель Р. В. М., 1986, с. 283—287). Россия узнала роман о Петре и Магелоне (таково его французское название) в середине XVII в. в польской обработке.

Рыцарский роман, и в частности «Повесть о Петре Златых Ключей», принес в старинную русскую литературу любовную интригу, благородную чувствительность героев, тему рыцарского подвига и рыцарского поведения (турниры, верное служение даме сердца), прославление красоты в героине и силы в герое, многочисленные приключения, часто грозящие героям гибелью. В повести также много элементов, присущих и авантюрно-приключенческому западноевропейскому роману: герои влюбляются друг в друга с первого взгляда, Петр скрывает свое происхождение и подлинное имя, тайным свиданиям влюбленных помогает наперсница-мамка Магилены, герой также тайно увозит королеву из отцовского дома, затем герои надолго разлучаются, а встретившись случайно, переодетые, не узнают друг друга. Под пером русских редакторов «Повесть о Петре Златых Ключей» приобрела еще и сказочный колорит, кроме того, подчеркнута и богатейство Петра.

Сравнив русский текст «Повести...» с польским изданием, исследователи В. И. Резанов (Из истории русской драмы. Действие о князе Петре Златых Ключах // *ИОРЯС*. Пб., 1906. Т. 11. Кн. 4), а вслед за ним В. Д. Кульмина (Из истории русской драмы. Школьные действия XVII—XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910) отметили, что русский переводчик придал ей новые от-

тенки: вставил имя Петра в заглавие, тогда как в польском тексте указывалась одна Магилена, снял католическую окраску набожности обоих героев, по разным причинам сократил польский текст. Русский вариант — это «вольное, несколько сокращенное переложение польского оригинала».

Самый ранний из восточнославянских списков относится к 1660 г., а русский перевод — к 1662 г. Он выполнен переводчиками Посольского приказа во второй половине XVII в. В 90-е гг. XVII в. «Повесть о Петре Златых Ключей» вместе с другими «потешными книгами» читают маленькому царевичу Алексею Петровичу.

В XVIII в. повесть имеет широкое распространение в дворянской, мещанской, купеческой, а в XIX в. — в крестьянской и в солдатской среде. Вместе с «Повестью о Бове Королевиче» она входит в русский лубок.

В настоящем издании текст печатается по книге В. Д. Кузьминой «Рыцарский роман на Руси». М., 1964, в которой на с. 275—331 воспроизведен старейший полный список I редакции, 1702 г. (Киев, ЦНБ Украины, Муз. собр. 677/ДА 892, л. 227—346); все списки XVII в., как установила В. Д. Кузьмина, дефектны. Текст для настоящего издания заново сверен с рукописью, внесены некоторые поправки, устранены неточности. Принимается в основном членение текста на фразы, произведенное В. Д. Кузьминой, ее поправки затемненных и ошибочных мест русского текста, восстанавливаемые ею по польскому изданию «Повести...» (Краков, 1701). Однако сохраняются «неправильные» с точки зрения современной орфографии чтения рукописи там, где правильное чтение (падежные окончания, согласования) легко восстанавливаются по смыслу.

Стр. 281. ...*крялю Неополитанскому*... — Все географические названия в тексте, кроме городов Александрии и Рима, не находят прямых аналогий со сходными реальными названиями и носят фантастический характер. Можно предполагать, что действие разворачивается по французско-итальянскому и египетскому побережью Средиземного моря.

Стр. 283. *И велѣлъ здѣлать два ключа златые.* — Апостол Петр — страж райских врат, традиционно изображавшийся с ключами на поясе или в руках. Вот почему князь Петр выходит на рыцарский турнир в шлеме, к которому приделаны два золотых ключа, атрибуты его небесного покровителя. В эпоху Петра I возникла аллюзия имени главного героя с царским и апостольским одновременно.

Стр. 298. *Ланцылатъ* — один из героев рыцарских романов Артуровского цикла, рыцарь Круглого Стола (Ланселот).

Стр. 311. *Вспомяни патриарха Иакова, въ какой жалости по сыне своемъ Иосифе былъ...* — Иаков — патриарх Ветхого завета, легендарный родоначальник «двенадцати колен Израиля». Имеется в виду библейское предание о том, как старшие братья продали в рабство любимого сына Иакова Иосифа, ставшего впоследствии фактическим правителем Египта.

...*вспомяни жъ и Иева праведнаго*... — Иов — ветхозаветный праведник, идеал долготерпения и покорности судьбе.

Стр. 319. ...*накупила златоглавовъ... драгихъ поставовъ*... — Златоглав, поставки — шелковые и атласные ткани.

Стр. 326. ...*ударили въ политавры и заиграли в шаломеи, и в ыные различные игры.* — Имеются в виду разные музыкальные инструменты, звучание которых сопровождало свадебное шествие.

ПОВЕСТЬ О БРУНЦВИКЕ

Во второй половине XIV в., в эпоху национального и государственного подъема, ознаменованного основанием в Праге, тогдашней столице Священной Римской империи, Карлова университета — первого университета в Средней Европе, комплекс литературных памятников на чешском языке пополнился прозаическим диптихом. Он объединил повесть о Штильфриде (ее не дошедший

до нас прототип был, видимо, сложен либо так называемым «безразмерным» стихом, либо рифмованной прозой) и повесть о Брунцвике (в ней использованы средневековые германские поэмы на тему «рыцарь со львом»). В результате объединения герои повестей были связаны родственными узами (чешский князь Штильфрид стал отцом князя Брунцвика) и общими целями: оба они стремятся к подвигам, дабы заслужить новые гербы. Смена гербов чешских государей (орел — лев), изложенная в повестях эпическими средствами и отнесенная к вымышленным князьям, соответствует исторической реальности. Древнейшая рукопись с диптихом датируется серединой XV в. (Университетская библиотека в Праге, XI. В. 4). Впоследствии, в XVI—XIX вв., повести печатались в пражских и провинциальных (чешских, моравских, словацких) типографиях, перешли в разряд «книжек народного чтения», переводились на немецкий и венгерский языки (см.: Kolář J. Česká zábavná próza 16. století a tzv. knížky lidového čtení. Praha, 1960).

Между тем в художественном плане две части диптиха — совершенно различные произведения. Первое представляет собой повествование о рыцаре без страха и упрека, который на великолепном турнире побеждает одного за другим двенадцать грозных соперников. Второе — это рассказ о полных опасностей странствиях, где в центре внимания оказываются описания фантастических островов и земель, сказочных чудовищ и волшебных замков. Интерес к экзотике и занимательности, столь характерный для русской литературы XVII в., обусловил обращение именно ко второй части чешского диптиха.

Большинство мотивов и ситуаций повести о Брунцвике находит аналогию в русской словесности. Таков мотив «муж на свадьбе своей жены», известный в Европе по крайней мере с «Одиссеи»: он присутствует в сказочной былине «Добрыня в отъезде и неудавшаяся женитьба Алеши». Здесь же мы встречаемся с узнаванием по кольцу (это излюбленный мотив сказок). В роли «благодарного животного» фольклор знает сокола, орла и ворона, медведя и коня, а также и льва. Лев — нередкий персонаж древнерусской литературы. Он верно служит авве Герасиму (легенда о нем входит в Синайский патерик в качестве 134 главы и встречается как самостоятельное произведение; эта легенда была обработана Н. С. Лесковым). В притче «О некоем вельможе» из «Римских деяний» (они вошли в круг русских переводов примерно в то же время, что и повесть о Брунцвике) герой спасает льва «из рва глубока» и получает в награду сокровища. В 1670-х гг. Симеон Полоцкий написал для сборника «Вертоград многоцветный» стихотворение «Лев». Это переложенная тринадцатисложником известная античная легенда Авла Геллия об Андрокле и льве. Меч «всем головы долой», который оказывается у Брунцвика, — фольклорный меч-самосек из разряда волшебных предметов (таким же мечом-кладенцом располагает и Бова). О песьеглавах и карбункуле, «господине всех камней», идет речь в «Сказании об Индийском царстве». В «Александрии» говорится о зверях, стерегущих ворота, о магнитной горе и т. п.

Однако сюжет — это не простая сумма мотивов. До перевода повести о Брунцвике в русской литературе не было памятника, построенного исключительно на описаниях приключений человека в фантастических землях. Если переводная рыцарская беллетристика XVII в. говорит о взаимоотношениях людей и люди играют в ней главные роли, то здесь изображен грандиозный и вневременной конфликт — конфликт человека и природы. Он подчеркнут «значашими» именами (Европа, Африка) и осложнен тем, что герой странствует не только по земле, но и по преисподней (ономастикон повести недвусмысленно указывает на нечистую силу). Отсюда — рефлексия Брунцвика, его колебания и страхи, вообще не свойственные рыцарской беллетристике.

Самые ранние списки русского перевода относятся к третьей четверти XVII в. (в изданиях использовано в общей сложности 12 списков, см.: Петровский М. История о славном короле Брунцвике // ПДП, вып. 75. СПб., 1888; Polivka J. Kronika o Bruncvikovi v ruské literatuře // Rozpravy České akademie. R. I, tř. 3, č. 5. Praha, 1892). Это — единственное указание на время перевода, которым мы пока располагаем. Сравнение с чешскими текстами показывает, что оригиналом перевода была, скорее всего, рукопись, архаичная по языку и достаточно близкая той версии, которая представлена в пражской Университетской рукописи XI. В. 4. Впрочем, вопрос об оригинале остается открытым, ибо не сохранились древнейшие чешские старопечатные издания, в том числе оломоуцкое 1565 г.

Ныне известно 35 списков русского перевода. В нем под пером редакторов и переписчиков стирался чужеземный колорит (опускались упоминания о гербе, «чешская» и «чешская» страна

превращалась в «некую», «великую», даже «французскую»). В XVIII в. повесть бытовала в демократической среде — в среде мелких чиновников, грамотных крестьян, ремесленников и дворовых, пономарей и дячков. Тула, Новгород, Троице-Сергиев монастырь, Воронеж и Петербург, Москва и Псковская губерния, Тверь, Казань, Муром, Великий Устюг и Устюжский уезд — такова поистине «всероссийская» география распространения повести о Брунцвике.

Повесть печатается по старейшему и не публиковавшемуся ранее списку: *БАН*, 34.8.25 (л. 467 об. — 485 об., 530 — 530 об.), который принадлежит к первой группе основного вида краткой редакции (см.: Панченко А. М. Чешско-русские литературные связи XVII в. Л., 1969. С. 102—105). Этот список сохранил много богемизмов — и в морфологии («помогл», «плове»), и особенно в лексике. Так, здесь говорится о «панях и панах», в диалогах часто употребляется слово «пане» (звательная форма). Из других лексических заимствований из чешского оригинала укажем на «теж» (тоже), «торгатися» (чешское *trhati se* — драться, таскаться), «долув» (старочешское *doluov* — вниз).

Этот список, однако, уже достаточно далек от архетипа русского перевода. Здесь немало механических ошибок (исправленных в публикации по другим спискам и по смыслу), разнобоя в именах персонажей, есть и стилистическая правка. Список, по-видимому, переписывал украинец или белорус, на что указывает регулярная путаница *б* и *ц* («мирами» вместо «мѣрами», «никѣй» и проч.). Она устраняется лишь в тех случаях, когда затрудняет понимание текста. Украинизмы (или белорусизмы) вовсе не означают, что повесть о Брунцвике позволительно включать в круг украинских переводов XVII в. (см., напр.: Колесса О. Погляд на історію українсько-чеських взаємин від Х до ХХ в. В Празі, 1924, с. 6). Ни лексических, ни синтаксических украинизмов либо белорусизмов в повести о Брунцвике нет. Переводчиком ее был великоросс.

Стр. 327. *...моя милая Неомения!* — На латыни имя героини означает «новолюбие».

Стр. 328. *...и волна сильная...* — В оригинале *viopě silná* (сильный запах).

Стр. 329. *...а слово ног.* — Чудовище с телом льва и орлиными крыльями, грифонес. Ног (русский фольклорный вариант «ногай») известен восточным славянам уже из древнейшего перевода Библии (Левит, XI, 13; Второзаконие, XIV, 12) и из «Александрии»: «Грифонес, еже есть ног, и того гнездо бяше ногово на 15 дров» (Истрин В. М. Александрия русских хронографов. М., 1893. С. 188). В волшебных сказках типа «Золотая гора» чудовище называется иногда «птицей-львицей». Русский читатель XVII в. получал сведения о ней из азбучковников.

Стр. 332. *Тая гора бѣ слава, именуема Карванкулос...* — Имеется в виду карбункул, который в средние века считался «господином всех камней» («Сказание о Индийском царстве»).

...короля мѣста того Отлибриуса. — Имя короля (в оригинале *Olibrius*) заимствовано автором чешской повести из средневековой легенды о св. Маркете.

Стр. 335. *...в той своей скинии, алюбю в пещери...* — Для русских читателей XVII в. скиния — это вовсе не пещера, а куша, сень, шатер, т. е. походная церковь израильского народа («святая святых»), которой он пользовался в скитаниях, до сооружения иерусалимского храма. В оригинале *v té své jeskyni* (в пещере). Переводчик прибег к транслитерации и тем самым исказил смысл, хотя текст понимал правильно.

...бродяше до пояса в гаду. — Очевидно, что в оригинале было *v gedu* (в яде, в отраве). Переводчик знал, что в чешском языке произошла перегласовка *a* в *e*, и правильно сделал обратную перегласовку, но не учел, что в старинной чешской графике *g* может читаться как *j*.

...яко великая кафа винная. — В оригинале был употреблен германизм (нем. *Kuße* — бочка). Для русских переписчиков этот фрагмент оставался камнем преткновения: в рукописной традиции встречаются невразумительные варианты «кафидина», «кохопутина», «кафадина».

Стр. 337. *Едини бо колют, а други колибы дѣют, друзи тонцы водят...* — Здесь переводчик допустил ошибки: *kolí* означает «кружатся», а не «колют»; выражение «тонцы водят» отсылает к музыке (игре на струнном инструменте или пению), а в оригинале речь идет о танце (*tancuji*). Сочетание «колибы дѣют» — видимо, вставка переводчика: он пытался изобразить беспорядочное веселье, которому предавались «Ашметове дияволи» (в оригинале *Azmodeové d'ábli, asmodei*), их беспорядочное «колебание».

Стр. 338. *Мѣсто же то нарицаемо Ейбатамис.* — Здесь переводчик неправильно прочел *g* как *j* (в оригинале *Egbatanis*).

Стр. 339. *...именем Клеофа.* — Это имя (*Kleořās, Cleophas*) попало в чешскую повесть из чешской версии псевдокаллисфеновой «Александрии», где носящему это имя персонажу Александр Македонский дарует персидскую державу.

Стр. 340. *...со единых страны орла на красной земли, а з другия страны лва сѣрого на черной земли.* — В действительности гербы чешских князей выглядели иначе (черная орлица в серебряном поле и двухвостый серебряный лев в красном поле).

ПОВЕСТЬ О ВАСИЛИИ ЗЛАТОВЛАСОМ

Вопрос о происхождении повести и времени ее создания до сих пор остается открытым. В повести нет каких-либо достаточных языковых примет, чтобы более или менее достоверно определить ее происхождение. Единственное, что обращает на себя внимание, — это греческие имена героев, причем они соответствуют функциям героев в повести. Так, у греков прозвище Златовласый означало умного, благородного, красивого человека; и действительно, в повести все отмечают красоту и благородство «гусельника Василия». Имя королевы Полиместра в переводе с греческого означает «многосватанная, объект святовства», а ближайшие аналогии сохранившемуся в некоторых рукописях изначальному имени главного героя «Валамих», «Валамем», «Валаодем» (т. е. «отвергнутый» или «первый встречный, всякий желающий») также соответствуют функции героя. В то же время исторические и бытовые реалии повести, ее лексика не противоречат нашим представлениям о литературе конца XVII в. Несомненная связь повести с русским фольклором: в основе ее лежит сюжет сказок о разборчивой невесте, есть сюжетные совпадения с былиной о Соловье Будимировиче и Забаве Путятинше. Герой повести не только далек от рыцарских идеалов, он как бы противопоставлен им. За «смех свой» он воздаст сторицею, предавая свою «прекрасную даму» публичному осмеянию. Вполне вероятно, что повесть была написана русским книжником, знакомым с греческим языком.

Известно восемь списков «Повести о Василии Златовласом»: семь Краткой и один Пространной редакции. Все они относятся к XVIII в. Текст публикуется по списку Пространной редакции (РНБ, собр. Погодина, № 1603, л. 168—217), изданному впервые И. А. Шляпкиным в ПДП, вып. XXXI. СПб., 1882.

ПОВЕСТЬ ОБ АПОЛЛОНИИ ТИРСКОМ

«Повесть об Аполлонии Тирском» является русской обработкой XVII в. популярного средневекового произведения, время и место возникновения которого точно не установлены. Ученые считают, что латинская «История Аполлония, царя Тирского» — не оригинал, а перевод или переделка несохранившегося греческого романа II—III вв. н. э. На это, по их мнению, указывают особенности сюжета, построенного с использованием многих мотивов позднеэллинистических романов (скитания героев, похищение морскими разбойниками, кораблекрушения, мнимая смерть, разлука любящих, эффект неожиданных встреч и т. д.), а также значимые имена действующих лиц, смысл которых понятен только с учетом их значения в греческом языке.

Традиция раннего романа требовала придать ему видимость действительной истории. Этим, вероятно, объясняется введение исторической фигуры царя Антиоха и использование, при указании на место действия, названий реально существовавших городов и местностей.

Одной из особенностей романа об Аполлонии является смешение в нем языческих и христианских понятий и представлений.

«История Аполлония, царя Тирского» была очень популярна в средневековой Европе. Она известна, например, латинской, испанской, новогреческой, английской, немецкой, голландской, венгерской, чешской, польской, русской и скандинавским литературам. Сюжет романа использовали в своих произведениях Шекспир, Лилло, Генрих Нейштадтский, Стефан Шолуха.

При переводе на другие языки латинская версия романа нередко претерпевала значительные изменения. Существенной переработке подверглась она и при переводе на чешский язык. Повествование стало значительно короче, утратились многие поэтические подробности, поведение героев по образцу рыцарских романов стало аффектным: они много плачут, падают в обморок, лобзают друг друга, произносят пространные патетические монологи. Чешская версия романа об Аполлонии была почти без изменений переведена в XVI в. на польский язык, а в середине XVII в. — с польского на русский в составе сборника «Римские деяния».

Не позднее 70-х гг. XVII в. русский перевод повести был основательно переработан, возникла дидактическая редакция произведения. Целью книжника-моралиста было перевести «Повесть...» в разряд традиционного «душеполезного» чтения. Основные приемы переработки приключенческого романа в дидактический таковы. Во-первых, повесть преподносится здесь не как занимательный приключенческий сюжет, интересный сам по себе, а как свидетельство всеислия и всеведения Бога — того, что ни один грех не остается без наказания, а за благочестие и смирение следует вознаграждение. Во-вторых, автор дидактической редакции использует агиографический метод изображения персонажей, который состоит в идеализации положительных героев с позиций христианской морали, наделяя их христианскими добродетелями. Значительно изменен, например, характер Лучницы — супруги Аполлона. Если в первоначальной русской редакции героиня отличается независимостью, самостоятельностью, решительностью, то в дидактической редакции она мягче, добросердечнее, проявляет больше смирения и кротости. Наконец, переработка «Повести...» в дидактическое произведение отразилась на языке и стиле произведения: в новой русской редакции «Повесть...» пересказана намеренно архаизированным церковнославянским языком, «украшенным», экспрессивно-эмоциональным стилем, характерным для церковно-учительных жанров.

Текст дидактической редакции публикуется по рукописи: РГБ, собр. Беляева, 12 (1518), вт. пол. XVII в.

Стр. 358. ...*Антиох Великий* — Антион III Великий в действительности царь не греческий, а сирийский, правивший с 222 по 187 г. до н. э. Сообщаемые в романе факты его жизни: преступная связь с дочерью, убийство его молнией — литературный вымысел. Антиох III был убит в Элиманде местными жителями при разграблении его войсками храма бога Бела.

Антиохия Великая — Антиохия, древний город на Ближнем Востоке, некогда великолепная столица Сирийского государства. Антиохия была основана не Антиохом III, как сообщает повесть, а его дедом, первым сирийским царем Селевком Никатором (300 г. до н. э.), который и дал ей наименование в память своего отца Антиоха. В 1270 г. город был разрушен мусульманами до основания. На месте Антиохии находится сейчас г. Антакья.

Стр. 360. *Тир* — в древности знаменитый финикийский город-государство на восточном побережье Средиземного моря. Разрушен мусульманами в 1291 г. На месте Тира сейчас находится г. Сур в Ливане.

Тарс — в древности главный город Киликии. Теперь — остатки поселения на окраине современного г. Тарсуса в Турции.

Пенязи — название серебряной монеты в Древней Руси.

...*образ его посреди града поставиша.* — Эпизод раздачи Аполлоном хлеба гражданам Тарса, пострадавшим от неурожая, и помощь в отстраивании города воспроизводит характерные черты греческой жизни первых веков н. э. Соответствует реальной действительности и сооружение на форуме («посреди града») статуи Аполлона за оказанную им щедрую помощь городу. Обычай отливать и ставить на площадях медные статуи основателям, восстановителям и благодетелям городов был широко распространен в то время.

Стр. 362. *Пентополь* (Пентаполь) — со времен Птолемея название Киренаики с ее пятью городами. При римском владычестве вновь вошло в употребление прежнее название страны.

...шумерскими... науками утешается. — Шумеры, шумерийцы — древний народ, населявший Южное Двуречье. В первой половине II тысячелетия до н. э. шумеры и восточные семиты слились в один аккадский народ. Шумерский язык оставался в Двуречье языком науки и религии до II—I вв. до н. э.

Стр. 366. *Ефес (Эфес)* — город на западном побережье Малой Азии, основанный в XII в. до н. э. греками. От древнего Эфеса сохранились руины некоторых построек.

Стр. 367. ...*упроси ю, еже стояти ей в болшей божнице вмѣсто богини или вмѣсто властелинии...* — Данное место искажено при переводе с польского на русский язык. В латинской повести Архистратиды (Лучница) служит в храме богини-девы Дианы (в польской — в храме богини Весты) и в силу этого обязана соблюдать целомудрие.

В та же лѣта ни брады, ни главы голити, ни тѣло свое мыти завещася. — Выражение скорби, традиционное для язычников.

Стр. 369. *Мельхин* — искаженное Мерсин — древний город в Малой Азии недалеко от Тарса. Сейчас — развалины близ современного г. Мерсин на юге Турции.

ПОВЕСТЬ О ЦАРИЦЕ И ЛЬВИЦЕ

«Повесть о царице и львице» — русская версия широко известного в европейской средневековой литературе сюжета о приключениях оклеветанной и изгнанной царицы и ее сыновей. Повесть возникла в России в 1673—1677 гг. как русский перевод польского рыцарского романа об Оттоне и Алунде; не позднее 1690-х гг. этот перевод был переработан. Заинтересовавший русского книжника новизной и занимательностью повествования, рыцарский роман в то же время не соответствовал полностью его литературным вкусам, пока еще довольно традиционным; поэтому и возникает повесть на тот же сюжет, но написанная по канонам древнерусской литературы. Фигура напрасно гонимой, страдающей, но испытывающей в конце концов на себе Божию справедливость царицы подходила для цели автора — на основе занимательного сюжета создать христианско-дидактическое произведение. Русский редактор исключает из повести о римском цесаре Оттоне и его цесаревне Алунде тему рыцарских подвигов героев, сокращает описания, диалоги и монологи, и в то же время умело использует агиографический метод изображения событий и персонажей, столь характерный для древнерусской литературы: в основе конфликта «Повесть о царице и львице» обязательный элемент житий — противопоставление добра и зла; герои житийно-условны, покорны воле Бога. Автор рассматривает жизнь своих героев как эталон нормы, вечный и повсеместный, и в связи с этим опускает личные и географические имена (некоторые позднейшие варианты повести нарушают первоначальную безымянность героев, наделяя их самыми разнообразными именами).

Сочетание дидактичности и занимательности обеспечило «Повести о царице и львице» долгую литературную жизнь: до нас дошло около 250 списков конца XVII—начала XX в. в сборниках агиографического состава, а также в сборниках, содержащих выписки из Месяцеслова, Пчелы, Измарагда, Звезды Пресветлой.

Текст публикуется по рукописи: *БАН*, 38.5.32, конца XVII в., исправления внесены по рукописи: *БАН*, Каргопольское собр., № 101, XVIII в.

Стр. 377. ...*в палестинскихъ странахъ...* — Место действия, которое выбрал русский книжник для своей повести, традиционно для патериков и прологов.

Стр. 378. *Сиггклит* — синклит — здесь: приближенные царя.

СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ ВАСИЛИИ КОНСТАНТИНОВИЧЕ

«Сказание...» — памятник демократической беллетристики рубежа XVII—XVIII вв., известный по единственному списку середины XVIII в. Первый издатель и комментатор «Сказания...» В. В. Сиповский (Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905) полагал, что «Сказание...» — поздняя «русская народная переделка» иноземного текста, однако анализ текста повести обнаруживает ее исконно русское происхождение. Автор повести — начитанный книжник: «Сказание...» сохранило следы его знакомства с популярными на Руси историческими сочинениями о византийском икоборчестве и об осаде Царьграда (Константинополя), с легендарными рассказами о поругании христианских святых и их чудесном избавлении; близки ему также народные представления о царе-мучителе и об идеальном царе, о героях-разбойниках, спасших государство, о поединке, который должен решить судьбу города, о чудесном богатырском коне, и др. В «Сказании...» отразилась (в переосмысленном виде), по-видимому, реальная историческая действительность конца XVII—начала XVIII в.: напряженные русско-турецкие отношения несколько раз приводили к военным действиям. Мажорный конец повести — победа «молодого царя», ряд других идей и деталей текста (водружение «столпов», предсказание царице Ирине перед рождением сына о нем как о победителе «бусурманов» и др.) напоминают об исторической ситуации конца XVII в. (взятие Азова в 1696 г.) и позволяют предположить, что эти мотивы «Сказания...» навеяны азовской победой Петра I и ее триумфальным празднованием (см.: Демкова Н. С. Стилистическая «пестрота» народной беллетристики рубежа XVII—XVIII вв. (Сказание о царе Василии Константиновиче) // Демкова Н. С. Средневековая русская литература. СПб., 1997. С. 182—192). Повесть публикуется по списку: РГБ, ф. 236, № 71, л. 9—20 об.; очевидные пропуски текста отмечены многоточием в угловых скобках.

Стр. 390. *...в... градъ Костентине...* — «Костентин-град» — не имеет реального соответствия, выступая как «заместитель» захваченного турками Царьграда — Константинополя.

...имя ему Костентинъ. — Имя царя соответствует имени «младого Константина», о котором повествовал Русский Хронограф и различные выборки из него: это Константин VI, восстановивший (вместе с матерью императрицей Ириной) иконопочитание на VII Вселенском соборе в Никее (797 г.); ср. в русской былине имя «царь Константин Боголюбович» (былина «Илья Муромец и царь Константин Боголюбович»).

...царь Долмать Евсеѳвичъ! — Имя царя напоминает о персонаже популярной в XVII в. «Повести о Еруслане Лазаревиче», а отчество его могло быть навеяно духовным стихом «О Голубиной книге», где фигурирует царь «Давид Иесеевич».

...ростомъ трех сажень... — Эпическая формула описания богатыря противника, напоминающая описание Идола Скоропеевича в тексте «Сказания о киевских богатырях».

...три черкашенина наемные... — «Черкасами» в конце XVI—XVII в. именовали «заднепровских» казаков, тогда выступавших — в качестве союзников крымского хана — враждебно по отношению к московскому правительству; счет «три» — эпический.

...на Сионских горах... — В фантастическом «географическом» мире «Сказания...» центр православия «Костентинъ-град» находится среди священных библейских гор (Сион — название одного из холмов, на которых расположен Иерусалим).

СЛОВО О БЛАГОЧЕСТИВОМ ЦАРЕ МИХАИЛЕ

«Слово о благочестивом царе Михаиле» создано русским автором в середине XVII в. и является одним из первых опытов свободного варьирования на исторические темы. Автор прекрасно ориентируется в греческих хрониках — в том виде, в каком к середине XVII в. они существовали на Руси. Судя по ряду деталей, автор пользовался, скорее всего, русским переводом Хроники Георгия

Амартола (возможно, что он знал ее лишь по какой-либо из древнерусских исторических компиляций).

Герой повести византийский царь Михаил (842—867) был известен древнерусскому читателю по хроникам Зонары, Георгия Амартола, Манассии, по русским хронографам, Никоновской летописи и Степенной книге. Его характеристика, как правило, однозначна: недаром он получил прозвище Пьяницы, а греческие историки говорят о его попойках, самодурстве, увлечении конями. Однако об отрицательных чертах Михаила ничего не говорится, царь традиционно изображается «благочестивым», славным «во всех странах» и не имеет почти ничего общего со своим историческим прототипом. Мало этого: рассказ о воцарении «извоздника» Василия, прототипом которого также был реальный византийский император Василий Македонянин (867—886), приближается к типу сочинений об узурпаторах престола, хитростью или коварством занявших место истинных правителей; в этом контексте Михаил предстает невинной жертвой. Может быть, мольба царя в сцене убийства навеяна и русскими памятниками («Повесть об убийстве Андрея Боголюбского», «Сказание о Борисе и Глебе»).

«Слово о царе Михаиле» наполнено русскими реалиями, характерными для московского быта XVI—XVII вв.: пребывание царя у литургии и заутрени, стрельцы как царская охрана, «князи и бояры» как приближенные царя. Михаил принимает Василия, сидя на престоле, а последний для сообщения о смерти царя велит соорудить «столп», подобный московскому Лобному месту. От русской сказки несомненно типичная ритмичность речи, внутренняя рифма, гиперболы, общий зачин, а также награда Василию за подвиг — полцарства.

«Слово о благочестивом царе Михаиле» опубликовал Сперанский по рукописи: РГБ, собр. Ундольского, № 942, сер. XVII в. (Сперанский М. Н. Эволюция русской повести в XVII в. // ТОДРЛ. Т. 1. С. 161—164. Л., 1934). Печатается по той же рукописи.

Стр. 395. ...*Московские области извоздникъ нѣкто, имянем Василей...* — Московские — явная ошибка русского писца, должно быть Македонские; Василий, исторический прототип будущего императора, происходил из македонских крестьян и, основав на византийском престоле македонскую династию, получил у потомков прозвище Македонянин.

...*вторымъ царемъ во Цареграде и дам тебѣ половину Царяграда...* — Для истории Византии характерно одновременное правление двух императоров, о чем русские читатели знали из многочисленных исторических хроник и компиляций. Обещание не только поделить престол, но и отдать «половину Царяграда» сходно с типичным сказочным мотивом «отдать половину царства».

СКАЗАНИЕ О ДРЕВЕ ЗЛАТОМ И О ЗЛАТОМ ПОПУГАЕ

«Сказание о древе златом и златом попугае» создано в середине XVII в., возможно, тем же автором, что и «Слово о благочестивом царе Михаиле». Для него также характерно свободное отношение к источнику, вольное варьирование разнообразных мотивов, ориентация на сказочный стиль и русский фольклор; героями повествования также являются императоры Царьграда, образы которых столь же далеки от их исторических прототипов.

Основным источником для автора «Сказания...» послужила византийская история в переложении Русского Хронографа. Именно там сохранился наиболее подробный рассказ о создании императором Феофилом золотого дерева с драгоценными птицами и о его сыне царе Михаиле, который, пропив все богатства отца, разломал под конец чудесное дерево (см.: ПСРЛ. СПб., 1911. Т. XXII. Ч. 1. С. 338, 342, 349). Однако царь Михаил в «Сказании...», как и в «Слове...», изображается благочестивым, мудрым правителем и не имеет ничего общего с реальным императором. В «Сказании...» на Михаила перенесены положительные черты его отца, ему приписано и сотворение золотого дерева. Отрицательные же черты исторического Михаила, его неблагоприятное поведение переданы вымышленному царю Левтасару, поскольку реально сменивший Михаила на престоле

Василий Македонянин по чертам характера и поступкам не подходил к образу нечестивого наследника.

Источником для второй части «Сказания...» послужил широко известный древнерусскому читателю ветхозаветный сюжет о пророчестве царю Валтасару (Книга Даниила, гл. V).

Это не случайно, в большинстве хроник распутный Михаил сравнивается с вавилонским царем Валтасаром. (Видимо, имя Левтасар — видоизмененное Валтасар). Третья часть «Сказания...» — об убийстве Левтасара Дарием Мидянином (лишь упомянутым в Книге Даниила) — скорее всего, сочинена автором.

Столь смелое соединение сюжетов, традиционно закрепленных в определенном историческом контексте и не связанных между собой, — новаторство в русской литературе XVII в. Таким путем создается то, что позднее получит название «исторической беллетристики».

«Сказание...» получило довольно широкое распространение. Особый вид его представляют списки XVIII в., где появляются мелкие детали, иногда объясняемые близостью к источнику. Однако, как правило, подобные детали вторичны и связаны с позднейшей «логизацией» повествования.

На основе третьей части «Сказания...» была создана особая повесть «О царе Валтасаре Вавилонском», где нет речи о золотом дереве, а ветхозаветный сюжет дополняется рассказом об убийстве грешного царя собственной стражей.

Два варианта «Сказания о древе золотом и золотом попугае» опубликованы: Сперанский М. Н. Эволюция русской повести в XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1. С. 164—170.

В настоящем издании печатается наиболее ранний вариант «Сказания...» по рукописи: РГБ, собр. Ундольского, № 943, XVII в.

Стр. 399. *И повелѣлъ в вестовой колоколъ звонить...* — Вестовой — видимо, вечевой колокол, собиравший в Новгороде и Пскове горожан на общее собрание — вече.

ПОВЕСТЬ О КОРОЛЕВИЧЕ ВАЛТАСАРЕ

Повесть о королевиче Валтасаре была создана на рубеже XVII и XVIII вв. Три ее основных эпизода встречаются по отдельности или в разных взаимосочетаниях во многих памятниках мировой литературы и фольклора, наиболее известными среди которых являются вступительный рассказ «Тысячи и одной ночи» о царе Шахрияре и его брате Шахземане, новелла об Астольфе и Иоконде в «Ненстовом Роланде» Л. Ариосто (песнь XXVIII), новелла из сборника Дж. Серкамби (XV в.). Судя по всему, русский автор впервые установил четкую последовательность всех трех эпизодов в едином повествовании, где функциональные места обманутого, обманщицы и обманывающего занимают разные действующие лица в ситуациях все более и более необычайных, благодаря чему читатель все глубже погружается в атмосферу женского коварства. Повесть вобрала в себя все возможные варианты сюжета о женских изменах, став своеобразной его «энциклопедией».

Отсутствие конца в единственном сохранившемся списке повести позволяет только предположить характер ее развязки. Судя по всем известным вариациям данного сюжета, герой должен признать «непобедимость» женщин в их стремлении к изменам и примириться с собственной женой. Повесть о королевиче Валтасаре занимает промежуточное положение между средневековой традицией обличения «злых жен» (рудиментом чего является цитата из слова Иоанна Златоуста) и новеллистической ренессансного типа с новым изображением земной любви и женского характера.

Повесть о королевиче Валтасаре была опубликована Н. К. Пиксановым по рукописи РГБ, собр. Пискарева, № 172 (П и к с а н о в Н. К. Старорусская повесть. М.; Пг., 1923. С. 86—92). В наст. изд. публикуется по той же рукописи.

Стр. 406. *О, зло всего злее... злоязычною и пронрыливою.* — Цитата из слова Иоанна Златоуста о злых женах (Пролог под 20 июля).

ПОВЕСТЬ О ПЕРСТНЕ

Повесть о перстне представляет редкую для древнерусской литературы обработку мирового сюжета, известного после баллады Шиллера под названием «Поликратов перстень». Ранее мотив предмета, найденного в рыбе, не играл самостоятельной роли, а главное — не был связан с *потерей* (случайной или нарочитой) этого предмета. Двучастный мотив (потеря предмета и его находка) встречается прежде всего в переводных памятниках и, возможно, пришел к нам в XVII в. из западных литератур, где он значительно более распространен. Публикуемый памятник — единственно известное до сих пор произведение, специально трактующее этот сюжет.

Повесть о перстне сохранилась в двух версиях (обе — XVII в.) под названиями: «Притча о истинне господине» и «О вельможи цареве». Сюжетная схема их полностью совпадает, и вторая, вероятно, явилась обработкой «Притчи». В «Притче» внимание автора сосредоточено на философских вопросах отношений владыки земного (царя) и небесного («истинна господина», т. е. Бога). В повести о вельможе внимание перемещено на отношения царя и мудрого советника.

Текст «Притчи о истинне господине» опубликован В. П. Адриановой-Перетц по рукописи конца XVII в. (Адрианова-Перетц В. П. Из истории русской повести XVII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. ст. к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 199—202). Повесть «О вельможи цареве» публиковалась по списку РГБ, собр. Шибанова, № 132, л. 85 об.—86 об., последней четверти XVIII в. (см.: Ромодановская Е. К. К истории сюжета о Поликратовом перстне в древнерусской литературе // ТОДРЛ. Т. 49. СПб., 1996. С. 400—404). В наст. изд. публикуется по недавно обнаруженному списку ГИМ, Синодальное собр., № 908, л. 51—53.

ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ ГАЗИЕ

Повесть о царе Газие, созданная в середине 1640-х гг., представляет наиболее ранний опыт обращения к библейским сюжетам в чисто художественных целях и использования их для создания беллетристических сочинений. Ее автор использовал ветхозаветный рассказ о царе, не поверившем слову пророка (см. 4 Цар., гл. VI—VII), введя ряд русских реалий и сюжетных изменений. Так, имя главного героя явно навеяно образом прислужника пророка Елисея Гиези, который в древнерусской литературе служил символом корыстолюбия. С обличением неправого богатства, к которому стремится герой повести, собирающий деньги за чудесно явившийся хлеб, связано и имя пророка Аггея: ему приписано одно из самых распространенных слов в обличение «златолюбивых».

Три сохранившихся списка «Повести о царе Газие» представляют три особые редакции памятника. Наибольший интерес представляет вторая редакция, сложившаяся не позднее 1680-х гг. Она отличается наибольшей цельностью, освобождением от противоречивости первоначального источника, усилением антицаристского аспекта всего сочинения: подчеркнуты не только корыстолюбие и скупость Газии, но и его «гордость».

Тексты «Повести» по всем известным редакциям опубликованы в кн.: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX вв. Новосибирск, 1985. В наст. изд. печатается текст второй редакции по рукописи РГБ, собр. Большакова, № 88, л. 96 об.—98, 1680-х гг.

Стр. 410. ...по 4 пулы твоя кадь пшеницы... — Пуло, или пул — разменная медная монета очень малой ценности, чеканившаяся в XV в. в ряде городов на Руси; в текстах XVII в. употребляется как символ ничтожной стоимости. *Кадь* — традиционная древнерусская мера сыпучих тел, лишь в XVII в. заменяемая четверником; на окраинах государства кадь употреблялась вплоть до 1630—1640-х гг.

Стр. 411. ...на царе́ве мере... — Понятие «царевой меры» связано с политикой русского правительства XVI—XVII вв. по введению единой системы мер; соответствие меры принятому образцу удостоверялось царской печатью.

СЛОВО О СУДЬБАХ БОЖИИХ

«Слово о судьбах Божиих, яко небо и земля мимо идет, а словеса моя не имут прейти» сохранилось в единственном списке первой трети XVIII в. Оно относится к беллетристическим повестям о «проверке Писания», широко распространенным в литературе XVII в., что подчеркнуто вынесенной в заглавие цитатой из Евангелия. Для повести характерно оригинальное сочетание фольклорных и книжных традиций: исконная правота евангельского текста доказывается разработкой чисто сказочного сюжета, напоминающего сюжет «спящей царевны» (предсказание грядущих бедствий при рождении ребенка, безуспешные попытки родителей избежать их, волшебное исполнение предсказанного). Чисто сказочный мотив ворона, крадущего, а затем возвращающего драгоценный камень, соседствует с книжными элементами, созданными под влиянием официального законодательства (мотив «бесчестия» и наказания «бичом по нагому телу») и реалий нового времени (бочка с порохом — «зелем»). Индивидуальным авторским творчеством можно объяснить эпизоды с философом «на златом ковре» и торжественное описание посольства, везущего царскую дочь.

Повесть послужила основой для сказки, дважды записанной на Пинеге и получившей название «Царевнина Талань» (талань — судьба), см.: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979 (736В*).

Повесть публикуется по списку ГИМ, собр. Забелина, № 510, л. 14—17, ранее издававшемуся: Ромодановская Е. К. Неизвестная повесть-сказка в рукописном сборнике XVIII века // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 234—241.

Стр. 412. ...небо и земля ... не имут преитти. — Ср.: Мф. 24, 35; Мр. 13, 31.

ПОВЕСТЬ О РОЖДЕНИИ И ПОХОЖДЕНИЯХ ЦАРЯ СОЛОМОНА

«Повесть о рождении и похождениях царя Соломона» — оригинальное русское сочинение второй половины XVII в. В повести объединены два наиболее популярных в мировой литературе сюжета, берущих свое начало в древнейших индийских сказках. Один из сюжетов представляет собой рассказ о рождении Соломона, его изгнании из дома, долгих скитаниях по чужим землям и о возвращении в родительский дом, другой — о женитьбе Соломона и похищении его жены. Каждый из этих сюжетов имеет самостоятельное развитие в устном народном творчестве и древнерусской литературе. Так, сюжет, связанный с умыканием Соломоновой супруги, нашел свое решение еще в двух повестях, широко распространенных в русской рукописной традиции XVI—XVII вв. Первая из них — «Повесть о царе Соломоне и Китоврасе» — рассказывает о похищении Соломоновой царицы мифическим существом Китоврасом; вторая — «Повесть о Соломоне, его жене и Кипрском царе» — широко известная в средние века у южных славян, а в XVI—XVII вв. и на Руси — называется похитителем царя Кипрского.

Известна письменная фиксация сюжета о рождении Соломона и его судьбе до женитьбы (см.: РНБ, собр. Погодина, № 1612, л. 154—155), хотя более популярен этот сюжет был в устной традиции (см. записи сказок: Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884. С. 206—221; Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. Пг., 1915. С. 203—206; Смирнов А. М. Сборник великорусских сказок. Пг., 1917. С. 282—285; Драгоманов М. Малорусские народные предания и рассказы. Киев, 1876. С. 99—108, и др.).

Автор «Повести о рождении и похождениях царя Соломона» совместил и обработал два сюжета, уже имевших в XVII в. свою письменную историю. (Подробнее о происхождении этой повести см.: Ярошенко-Титова Л. В. «Повесть об увозе Соломоновой жены» в русской рукописной традиции XVII—XVIII вв. (Характеристика редакций) // ТОДРЛ. Т. XXIX. Л., 1974. С. 257—273).

Повесть о рождении и похождениях царя Соломона стала в XVII в. самым популярным сочинением среди сказаний Соломонова цикла. Многочисленные ее переделки (XVII и XVIII вв.) были в основном направлены на усиление фольклорной струи (см.: Титова Л. В. Фольклорные обработки XVIII в. Повести о рождении и похождениях царя Соломона // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 209—251).

Текст «Повести о рождении и похождениях царя Соломона» печатается по одному из наиболее ранних списков (посл. четверть XVII в.) — РГБ, собр. Ундольского, № 632, л. 143—164 об. Исправления вносятся по списку: РГБ, собр. Румянцева, № 363, л. 418—439 об.

ПОВЕСТЬ ОБ АСТРОЛОГЕ МУСТАЕДДЫНЕ

«Повесть об астрологе Мустаеддыне» переведена с польского языка в 70-х гг. XVII в. Как установила польская исследовательница Элиза Малэк, оригиналом для перевода послужило произведение польского шляхтича Кржиштофа Дамианеуса, написанное в 1596 г. Автор несколько лет провел в турецком плену, знал историю Турции, бывал в Константинополе (Стамбуле), был знаком с турецкой литературой. Возможно, что «Повесть об астрологе» создана на основе турецких легенд (Малэк Э. «Повесть об астрологе Мустаеддыне» — неизученный памятник переводной литературы XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. XXV. С. 242—258).

В 70-х гг. XVII в. Турция начинает войну против Польши и России. Русская дипломатия пыталась создать антитурецкую коалицию, заключив союзы с Польшей, Священной Римской империей (Австрией), южногерманскими княжествами, Венецией. Однако из-за внешнеполитических противоречий между этими странами антитурецкая лига не состоялась, и в войне 1677—1678 гг. за Украину Россия оказалась один на один с Турцией. В этой обстановке появилась в русской литературе «Повесть об астрологе» — антитурецкое политическое произведение, внушающее читателям мысль о необходимости объединения государств против общего врага и предсказывающее сокрушение Турецкой империи в войне с северными соседями — Московским и Польским государствами. Таким образом, перевод «Повести об астрологе» выполнял агитационно-публицистические задачи и, возможно, был сделан в Посольском приказе по поручению царского двора. Кроме того, повесть отвечала познавательным историческим интересам русских читателей, сообщая сведения о турецких султанах и событиях турецкой истории. Читателя того времени интересовала и астрология, с которой в его представлениях связывалась возможность предсказаний и пророчеств. Политические идеи произведения были поданы в занимательной беллетристической форме.

В списках XVII в. повесть содержит немало полонизмов, а вирши, с которых она начинается, передают синтаксические особенности польского стихотворного эпиграфа. В списках XVIII в. полонизмы устранились, относительно равносложные вирши сменяются неравносложными стихами с русским порядком слов: «Всегда предкове наши собранием на волка ходили, // Его же так удобне ловили. // Сим образом христиане вкупе на турка идите, // Аще вы жити мирно хотите».

«Повесть об астрологе Мустаеддыне» нашла себе место не только в древнерусской литературе, но и в литературах XVIII, XIX и даже начала XX вв. Интерес к этому тексту возникал периодически при обострении русско-турецких отношений. В этих поздних обработках из «Повести...» полностью исчезает упоминание о Польше и все предсказания о государстве, которому суждено победить Турцию, относятся только к России.

Научное издание «Повести об астрологе Мустаеддыне» осуществила Элиза Малэк по списку: РНБ, собр. СПб. Духовной академии, № 302, 70-х гг. XVII в. (ТОДРЛ. Т. XXV. С. 254—258).

Настоящее издание подготовлено по этому же списку с небольшими исправлениями по списку: БАН, собр. Архангельской семинарии, № 228, XVII в.

Стр. 422. *Сулиман, салтанъ турецкой...* — Сулейман I (1520—1566), известный в Европе под прозвищем Великолепный, а у турецких историков названный Эль-Кануни (Законодатель). Его царствование было временем наибольшего военного могущества Турции. При нем были завоеваны юг Венгрии, остров Родос, Тунис, Триполи, Багдад, Грузия, часть Азербайджана.

...нынъбшнему Махмету-салтану... — Правнук Сулеймана I, Магомет III (1593—1603). Вступив на престол, казнил девятнадцать своих братьев. В его правление Турецкая империя начала клониться к упадку.

Стр. 422—423. *Сыгеръ-градъ взялъ, тогда духовную написав... Тѣмже повелѣваю и увѣщаваю, дабы есте некогда на польской народ не наступали...* — При осаде венгерской крепости Сигета Сулейман I умер, а крепость была взята великим визирем Соколлу Мехмет паша Тавил. Рассказ о завещании Сулеймана не лишен исторической основы: Сулейман в 1521 г. принял послов Венеции, России и Дубровника. Послу Василия III Третьяку Губину было обещано, что крымский хан не будет беспокоить Московское государство набегами.

Стр. 423. *...со Вѣденским королем...* — В эти годы главой Священной Римской империи Габсбургов со столицей в Вене (Ведне) были Максимилиан I (1564—1576) и Рудольф II (1576—1612).

...салтанъ Муратъ... — При Селиме II (1566—1574) и его сыне Мураде III (1574—1595) Турция постепенно теряет свои позиции мощной военной державы.

...дѣдъ его, учинил жены своя ради (яже бѣ от рода российскаго, дщерь священника из Рогатына). — Хоррем-Султане, мать Селима II, по свидетельствам европейцев, была пленной украинской поповной по имени Роксолана из г. Рогатына, находящегося к юго-востоку от Львова.

Стр. 424. *...в Скутарѣ-градѣ, иже древле нареченъ бѣше Калкидонъ, положениемъ сопротивъ Константинополю...* — Ускудер (Скутари) — часть Стамбула, расположенная на азиатском берегу Босфора. В античные времена на этом месте находился город Халкидон.

...нѣсколько сот людей адямальгланъ.. — Слово «адямальгланъ» (в другом случае — «адямагдаланъ»), по-видимому, искажено, однако в нем можно узнать турецкое словосочетание: «имя их рабочая скотина» (перевод А. Д. Желтякова). Судя по тексту, речь идет о рабах-христианах. В Турции большое количество этих рабов было украинцами: часть пленных, захваченных крымскими татарами в набегах на Украину, отправлялась как обязательная дань султану. Пленные использовались на тяжелых работах в садах, на пристанях, на галерах.

...на двѣ копии. — В рукописи на полях к слову «копии» дано пояснение «пики».

...зѣло великих мѣдных круглых колес... на образ глобуса... — Древний астрономический инструмент армиллярная сфера, или армилла, составленная из нескольких металлических кругов или обручей, соединенных между собой шарнирами.

Стр. 425. *...бхалъ морем... к Черьному морю во Азию...* — По-видимому, автор так называет Босфор, на берегу которого в пригороде Стамбула находятся дворцы и сады.

...когда Османъ-пашу персиды побили под Тивириемъ-градомъ столнимъ персидские земли... — Не ясно, о каком событии идет речь. Тивирий — город Тебриз, столица Персии с 1358 г. до середины XVI в. При Мураде III в 1590 г. шах Аббас заключил мир с турками, уступив им Азербайджан с Тебризом. Но при Магомете III в войне 1603 г. турки потерпели несколько серьезных поражений и должны были вернуть Персии Тебриз и некоторые другие территории.

Стр. 426. *...доколѣ в мирѣ сохранишъ и перемирье содержишъ съ единымъ народомъ в содѣствѣ оттуду, от полунощи, идѣже восходитъ колесница небесная... убо какъ скоро тѣ приобщились бы к людям и к народу себе ближнему, от полунощи к востоку живущему...* — Мустаедын иносказательно говорит о Польше и России.

...и тако кончину и послѣднее падение в году 1591-мъ быти разумѣли тому государству, в то время, егда салтанъ турецкой посылалъ войско свое зѣ беглербегомъ грекомъ до Снятина... — Беглербег, или беглербей, правитель турецкой или персидской области; Снятин — Снятын, город на левом берегу реки Прут. О каком походе говорит автор, установить не удалось.

ПОВЕСТЬ О ПОРТУГАЛЬСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ

Время создания «Повести о португальском посольстве» — конец XVII—начало XVIII в. Последний исследователь «Повести...» (см.: Малэ к Э. О происхождении и источниках «Повести бывшего посольства в Португальской земле» // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria*. 1988. Т. 22. С. 7—16) доказывает, что это произведение «принадлежит к памятникам русской оригинальной прозы». По своему характеру «Повесть...» относится к популярному в средневековье жанру вопросо-ответной литературы. С одной стороны, что отвечает традициям вопросо-ответного жанра, в «Повести...» большое место занимают схоластические остроты, но, с другой — и по построению, и по содержанию целого ряда эпизодов она носит сказочный характер. Несмотря, однако, на сказочность «Повести...», анализ ее источников, проведенный Э. Малэк, убедительно показывает книжный характер произведения. О возникновении «Повести...» в среде русских книжников наглядно свидетельствует загадка о письме и книге, в разгадке которой говорится, что киноварью начальные буквы и строки особенно любят писать на Руси.

Повесть сохранилась в трех списках XVIII в. По одному из них (сборник первой половины XVIII в. *БАН*, 13.6.8; собр. Яцимирского, № 37, л. 1—39) она была издана: С и п о в с к и й В. В. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905. С. 268—284. В наст. издании текст печатается по этому же списку. Исправления ошибок этого списка, обозначенные курсивом, сделаны по списку *БАН*, 21.8.34. (Все три списка «Повести...», как вполне обоснованно считает Э. Малэк, восходят к одному протографу).

Стр. 428. *Бранденбург* — одно из крупнейших княжеств средневековой Германии.

Никастрата — аркадская нимфа, прорицательница.

Стр. 432. *Кто не родился умре?* — Адам.

...в матернь чрево вниде. — Адам, созданный Богом из земли, был погребен в земле.

Кто есть той человекъ, ниже с небеси сниде... а человекъ бысть. — В вопросе и ответе имеется в виду Ева: она вторая после Адама и создана Богом из его шестого правого ребра.

Кто родился не умре? — В вопросе и ответе имеется в виду Богородица: рожденная людьми, она была взята во плоти на небо.

Стр. 433. *Кто прежде Адама со брадою сотворен бѣ?* — Козел. Иносказательный смысл ответа, в котором говорится о рыбах, неясен.

Стр. 434. *...что есть: стоить море на пяти столбахъ...* — Смысл загадки — чаша с вином, которую держат на пяти пальцах.

Стр. 441. *Что есть: стоить древо бес кореня... сътъ не бываетъ?* — Смысл загадки: дерево — земля; цветы — люди; корыто — могила; птица — смерть.

ПОВЕСТЬ О РАЗУМЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ

Повесть состоит из двух коротких новел (притч), основанных на восточном фольклоре. Оба сюжета были включены в конце XVII в. в «Книгу мудростей и лжи» мусульманского кавказского писателя Сулхана Сабы Орбелиани (1658—1725), состоящую из собранных им народных повестей и притч. Рассказ о двух совах широко распространен в азербайджанском фольклоре и зафиксирован в классических бейтах великого азербайджанского поэта XII в. Низами, в его эпосе «Сокровищница тайн» («Рассказ о шахе Хосрове Нуширване и его везире»); текст повести весьма близок тексту Низами (см.: Низами и Гянджеви. *Сокровищница тайн*. Баку, 1947. С. 56—59 / Пер. М. Шагинян). В раскрытии основной идеи фольклорного источника (похвала человеческому разуму, помогающему людям защитить свое достоинство в условиях деспотического правления, похвала мудрому — «золотому» — слову, спасающему человеческую жизнь) повесть близка таким выдающимся памят-

никам переводной и оригинальной русской литературы XI—XVI вв., как «Повесть об Акире Премудром» и «Повесть о Петре и Февронии», также выросшим на основе эпического нравственного идеала. Время написания повести может быть определено лишь приблизительно как начало XVII в. (один из двух известных списков повести датируется 1629—1640-ми гг.). Заглавие повести, имеющееся в списках («От книг бытей татарских»), указывает не только на источник, но и на среду возникновения повести: она была написана в кругах книжников, имевших доступ к «татарским книгам» или к устным пересказам восточных притч (известно, что русские посольства в Персию в первой четверти XVII в. — Ивана Петлина, Федора Котова — записывали «татарские» рассказы). Древнейший список повести находится в конце рукописи, содержащей Пискаревский летописец, созданный в 1610-х гг. в кругах московских приказных (автор его, по гипотезе акад. М. Н. Тихомирова, — знаменитый книгопечатник Никита Фофанов, закончивший работу над ним в Нижнем Новгороде в 1612—1615 гг.). Предположение об авторе повести как о человеке, связанном с печатным или посылским делом, хорошо согласуется с ее основным смыслом: образованные люди — «въ государстве годны», разум спасает души.

Повесть издается по списку 1620—1640-х гг.: РГБ, ф. 228, № 176, л. 717—722 об. Впервые издана М. О. Скрипилем (ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. VI. С. 324—327).

Стр. 444. *Улус* — территория, занятая кочующим родом, и одновременно указание на самый род кочевников.

Пристав — гонец.

Стр. 445. *Уланы* — конные воины, охрана.

Человек... гулящей... — В системе понятий XVII в. это человек вне социальных связей, бродяга.

Стр. 446. *Селища пустые* — запустевшие поселения, из которых ушли крестьяне, забросив пашни.

БЕСЕДА ОТЦА С СЫНОМ О ЖЕНСКОЙ ЗЛОБЕ

«Беседа...» написана в характерной для средневековой учительной литературы форме диалога. Практически же — это развернутый монолог. Отец, делясь с сыном своим жизненным опытом, использует яркие примеры как из самой жизни, так и из авторитетных книг, таких как Священное Писание, Патерики, Слова Иоанна Златоуста и др. Среди источников «Беседы...» также Изборник 1073 г., Слова о добрых и злых женах, приписываемые Иоанну Златоусту, а также статьи из «Азбуковника», «Физиолога», сведения из Александрии, Проложные Слова. При таком пестром материале «Беседа...», естественно, представляет собой «мозаику», искусно составленную автором, как отмечено в названии, «от различных писаний...».

Основную же роль в создании «Беседы...» сыграли анонимные Слова о добрых и злых женах. Об этом говорят и ряд близких чтений и само построение «Беседы...», основанное на сопоставлении двух точек зрения (отца и сына) относительно женских характеров. Однако это не простое копирование. Так, в Словах только намечен ряд страдальцев от злобы женской (Адам, Иосиф Прекрасный, Давид, Самсон, Соломон, Александр Македонский) — в «Беседе...» рассказы о них даются с большей полнотой.

Относительно происхождения «Беседы...» у ученых прошлого столетия были противоречивые мнения. А. Н. Пыпин считал «Беседу...» творением русского автора (Пыпин А. Н. История русской литературы. Изд. 2-е. СПб., 1902. Т. 2. С. 528), А. Н. Веселовский же предположил, что это «обработка какой-нибудь западной статьи» (Веселовский А. Н. Памятники литературы повествовательной // Галахов А. История русской словесности, древней и новой. Изд. 2-е. СПб., 1880. Т. 1. С. 443). В настоящее время исследователи склоняются к тому, что «Беседа...» принадлежит перу русского книжника XVII в. (Гитова Л. В. «Беседа отца с сыном о женской злобе» / Исследо-

вание и публикация текстов. Новосибирск, 1987). Широкое распространение «Беседы...» и живой интерес к ней читателей привели к тому, что до наших дней сохранилось свыше ста списков в 5 редакциях и большом количестве вариантов текста.

Текст «Беседы отца с сыном о женской злобе» публикуется по наиболее исправному и раннему списку (90-е гг. XVII в.) первоначальной редакции: ГПБ, собр. ОЛДП. Q. № XVIII, л. 148—169. Исправления вносятся по списку первой четверти XVIII в.: ГПБ, собр. Титова, № 71.

Стр. 449. «...Сего ради оставит человек... в плоть едину». — Мф. 19, 5.

Стр. 454. «Безвѣстная и тайная премудрости твоя... Возмердиша и согниша раны моя... и вся беззаконие мое очисти». — Ср. Пс. 37, 6; 50, 5—11.

«Не пощади жезла твоего и учи сына своего, егоже любиши». — Ср. Пс. 13, 24.

ПЕСНИ, ЗАПИСАННЫЕ ДЛЯ РИЧАРДА ДЖЕМСА В 1619—1620 гг.

Ричард Джемс (ок. 1592—1638 гг.) — англичанин, посетивший в 1618—1620 гг. Россию, в записной книжке которого обнаружилась запись русских народных песен. Уроженец Ньюпорта, Ричард Джемс окончил Оксфордский университет, стал (примерно в 1615 г.) священником и в этом качестве принял участие в посольстве английского короля Иакова I к царю Михаилу Федоровичу. Королевское посольство было ответным: в 1617 году русский царь посылал дворянина Степана Ивановича Волынского и дьяка Ивана Поздеева в Англию с целью укрепить существующие и уже традиционные дружественные отношения и ускорить обещанный заем.

Английское посольство отплыло из Англии 3 июня 1618 г. и 16 июля прибыло в Архангельск. Глава посольства, сэр Додлей Диггс, услышав, что по стране бродят и разбойничают шайки поляков, возвратился из Холмогор в Англию. Остальные послы, сопровождаемые Федором Владимировичем Уваровым, через Вологду прибыли 19 января 1619 г. в Москву и были размещены в большом Посольском дворе в Китай-городе. 16 марта они были приняты царем. 15 июля состоялась прощальная аудиенция, и 20 августа в сопровождении Ивана Фомича Сытина англичане уехали из Москвы в Архангельск. Но когда они туда прибыли, навигация уже окончилась. Слутники Ричарда Джемса отправились на запад посуху, а сам он остался в Архангельске и, проведя там зиму 1619/20 г., весной уплыл на родину.

В Англии Ричард Джемс продолжал служить в церкви и писал. После его смерти (похоронен около церкви св. Маргариты в Вестминстерском аббатстве) в Оксфордскую Бодлеянскую библиотеку был передан 31 том его рукописей, содержащих главным образом тексты проповедей, стихи, богословские произведения и разного рода заметки. Согласно описи, среди них находились и его записки о путешествии в Россию, но они пропали. Уцелела, однако же, под номером 43, его записная книжка, самодельная, со сделанным в Архангельске черным кожаным переплетом с клапаном и узеньким ремешком-обмоткой. В этой книжке на 73 страницах помещается русско-английский словарь; а в особой вpletенной в записную книжку тетрадке из 8 листов, несколько меньшего размера, находятся шесть русских народных песен, записанных каким-то русским грамотным человеком великорусской скорописью первой четверти XVII в.

Первая из этих песен, о «весеновой» службе, более легкой, чем «зимовая», — очевидно, песня отряда военных людей, может быть, судя по ритму, походная. Ее вариант был записан от казаков на Алтае около Семипалатинска совсем недавно, в XIX в. Вторая песня исторического содержания: она посвящена популярному герою борьбы с польско-литовскими интервентами воеводе князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому. Третья и пятая песни — о царевне Ксении Борисовне Годуновой, потерявшей свое положение после гибели ее отца. В ней отразилось сочувственное отношение народа к судьбе этой девушки. Схожие со свадебными плачами невесты, песни эти пелись о ней еще при ее жизни (она умерла в 1622 г. монахиней в Суздале). Четвертая песня — о вьезде возвращавшегося из литовского плена в Москву патриарха Филарета Никитича. Он вернулся 14 июня

1619 г., стало быть, Ричард Джемс сам мог быть свидетелем этого события. Песня точно передает известные по надежным источникам подробности, а именно то, что Филарета Никитича сопровождал вернувшийся с ним из плена боярин Михаил Борисович Шеин и что по вступлении в Москву «пошли они к Пречистой соборной», т. е. в кремлевский Успенский собор. Кстати сказать, время возвращения Филарета Никитича, о котором поется в этой песне, показывает, что все песни были записаны — а записаны они одним почерком — в 1619—1620 гг. последняя, шестая песня — о набе на Русь в 1572 г. крымского хана Девлет-Гирея с сыном, внуком, дядей и воеводой Диви-Мурзой. Татары заранее поделили русские города, причем Диви-Мурзе достался Новгород, но были отбиты московскими воеводами, и взятый в плен Диви-Мурза был отправлен «на бреженье» именно в Новгород. Запись этих песен — древнейшая из известных сейчас записей русских народных песен — могла быть сделана для Ричарда Джемса как в Москве, так и в Архангельске или в Холмогорах. По оценке Буслаева, песни, записанные для Ричарда Джемса, — лучшие русские исторические песни XVII в.

Текст Песен, записанных для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг., издается по фототипическому воспроизведению этой записи в книге: Симоны П. К. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства. СПб., 1907.

Курсивом набираются слова, очевидно пропущенные переписчиком.

ПЕСНИ В ЗАПИСИ С. И. ПАЗУХИНА

Две лирические песни в записи Семена Ивановича Пазухина обнаружены на обороте одного из документов XVII в., хранящихся в архиве дворянского рода Пазухиных в РГБ. Они были опубликованы в 1953 г. И. М. Кудрявцевым (Кудрявцев И. М. Две лирические песни, записанные в XVII веке // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 380—386). Семен Иванович Пазухин — прадед Н. М. Карамзина по материнской линии. Он был служилым дворянином: в 1669—1673 гг. принимал участие в посольстве в Среднюю Азию, по возвращении стал стрелецким головой в Корсуни, затем, в 1677 г., — в Тагаеве на Симбирской черте; в 1678 г. он был под Чигирином, в 1679 г. — под Киевом, в 1680 г. — в Путивле; в том же году под Тамбовом и Козловом «вал по черте делал»; тогда же по приказу К. О. Щербатова вел розыск в г. Тальце по жалобам рейтар, ограбленных посадскими людьми. На обороте черновика этого дела, датированного 1680 г., он и записал две лирические песни. После этого С. И. Пазухин был в Белгороде, участвовал в Азовском, Ругодевском и Дорогобужском походах; конвоировал пленных шведов из Москвы в Нижний Новгород. Умер в 1709 г.

Судя по почерку записи песен, она сделана около 1680 г., не позднее 1680-х гг. Лица, чьи имена как владельцев (или авторов?) песен С. И. Пазухин записал, неизвестны. Песни созданы, как видно, в служилой среде (упоминаются «служба», «воеводы»). Они свободны от влияния книжной силлабической поэзии; основа их — народная лирика. Это старейшие образцы такого рода лирических песен-стихотворений. И. М. Кудрявцевым опубликована и фотокопия записи С. И. Пазухина. Он обратил внимание на то, что перед фразами «о здоровье мила друга спрошаю» (в первой песне) и «хорошо ли в поле луги зеленеют» (во второй) стоит обведенная кружочком буква «в», т. е. цифра 2, указывающая на повторение. В записи эти фразы не повторяются.

Текст песен воспроизводится здесь с учетом оригинала записи: восстановлены еры, слова «да родился» в публикации И. М. Кудрявцева исправлены на «дородился».

ПЕСНИ П. А. САМАРИНА-КВАШНИНА

В конце 1920-х гг. при разборе документов XVII в. из архива московских дворян Самарин-Квашниных были обнаружены — на обороте писем, челобитных и прочих бумаг хозяйственного назначения — записи (свыше 20) любовных песен и фрагментов из них, написанные неразборчивой черновой скорописью. Анализ почерка записей и их содержания, проделанный М. Н. Сперанским, их первым издателем (см.: С п е р а н с к и й М. Н. Из материалов для истории устной песни // Изв. АН СССР. VII серия. 1932. № 10. С. 913—934), показал, что все записи (за исключением одной) являются автографом Петра Андреевича Самарина-Квашнина и датируются временем после 1681 г. Согласно мнению М. Н. Сперанского, эти записи представляют собой фиксацию (по памяти) народных песен и должны рассматриваться как ранние записи устнопоэтической лирики. Последующее изучение записей и рукописей, их содержащих (В. В. Данилов, В. П. Адрианова-Перетц и др.), позволило установить, что записи П. А. Самарина отражают процесс индивидуального творчества; этим объясняются многочисленные исправления в рукописных текстах, существование рядом нескольких вариантов одного и того же фрагмента, неоконченность некоторых записей. Песни П. А. Самарина — это авторский текст, созданный на основе народной лирической песни.

П. А. Самарин-Квашнин (родился предположительно в 1671 г., умер — не ранее 1736 г.) происходил из старинного (времен Дмитрия Донского) боярского рода Квашниных (отец его, Андрей Никитич, гордясь древностью рода, писал в одной из челобитных: «...а мы... людиска родословные болши трех сот лет...»), однако ни его отец, служивший стольником у царя Алексея Михайловича, затем — воеводой в Самаре, ни тем более он сам, отнюдь не входили в круг «первых людей» государства. О биографии П. А. Самарина известно немного: в 1685 и 1698 гг. был стольником царицы Прасковьи Федоровны (жены царя Ивана, брата Петра), почему-то не участвовал в Азовском походе 1696 г. (в Разрядный приказ были внесены деньги — 100 рублей — вместо «Азовской службы»), в 1698 г. женился на вдове, Аграфене Михайловне Ржевской, в 1700 г. — был воеводой в Ярославле.

Записи песен (судя по их характеру и датам документов, использованных в качестве писчего материала) относятся, по-видимому, к концу 1680-х—началу 1690-х гг. Любопытно, что ряд мотивов песен П. А. Самарина и даже совпадающие фрагменты текстов можно обнаружить в записях XIX в. П. И. Якушкина, в том числе сделанных в Тверской губернии (ср.: Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Л., 1986. Т. 2. № 304, 362, 366, 377, 380, 396, 422, 449 и др.), что вряд ли является случайным совпадением, так как родовые поместья матери П. А. Самарина Аксиньи Семеновны Шаховской — тверские (ржевские, елецкие) села. Техника создания стихов П. А. Самарина еще достаточно наивна: отдельные, запомнившиеся фразы из народных песен П. А. Самарин использовал как «кирпичи» для «строительства» нового — своего — текста (в отношении к исходному литературному материалу П. А. Самарин был вполне средневековым автором, использовавшим привычный метод компиляции). Одновременно в песнях П. А. Самарина возникает ряд новых — книжных по происхождению — мотивов, навеянных переводной галантной повестью конца XVII в. (мотив женской красоты, портрета возлюбленной и др.). Песни молодого стольника царицы Прасковьи Федоровны — яркий памятник русской любовной лирики эпохи культурного перелома: они позволяют наглядно увидеть возникновение в конце XVII в. индивидуальной авторской лирики, вырастающей из двух начал, — стихии народной лирической песни и традиций книжной культуры.

Для публикации отобрано тринадцать песен (полное современное издание: Демократическая поэзия XVII в. / Подг. текста и примеч. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1962. С. 93—104); тексты сверены с автографами (ГИМ ОПИ, ф. 253, д. 26, л. 7 об., 13, 50 об., 50, 51, 18 об., 34 об., 35 об., 52).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр. текста	Стр. коммент.
<i>Д. С. Лихачев. Семнадцатый век в русской литературе</i>	5	
Повесть о Горе-Злочастии (<i>Подготовка текста и комментарии Е. И. Ванеевой</i>)	31	476
Повесть о Савве Грудцыне (<i>Подготовка текста и комментарии А. М. Панченко</i>)	44	476
Повесть Никодима типикариси Соловецкого о некоем иноке (<i>Подготовка текста и комментарии А. В. Пигина</i>)	59	478
Повесть о Фроле Скобееве (<i>Подготовка текста и комментарии В. П. Бударагина</i>)	67	481
Повесть о Карпе Сутулове (<i>Подготовка текста М. Д. Каган-Тарковской и Н. А. Кобяк, комментарии М. Д. Каган-Тарковской</i>)	76	481
Повесть о купце, купившем мертвое тело и ставшем царем (<i>Подготовка текста и комментарии Н. С. Демковой</i>)	82	483
Повесть о купце, заложившемся о добродетели жены своей (<i>Подготовка текста и комментарии Е. К. Ромодановской и Е. Э. Хайковской</i>)	90	484
Повесть о купце Григории (<i>Подготовка текста и комментарии Е. К. Ромодановской</i>)	105	484
Житие Юлинии Лазаревской (<i>Подготовка текста и комментарии Т. Р. Руди</i>)	108	485
Повесть о Марфе и Марии (<i>Подготовка текста и комментарии Р. П. Дмитриевой</i>)	118	488
Повесть о чудесах Виленского креста (<i>Подготовка текста и комментарии Т. Р. Руди</i>)	125	489
Повесть о Тверском Отроче монастыре (<i>Подготовка текста и комментарии С. А. Семячко</i>)	128	490
Повесть о зачале Москвы (<i>Подготовка текста М. А. Салминой и Е. М. Юхименко, комментарии М. А. Салминой</i>)	136	493
Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии (<i>Подготовка текста и комментарии М. А. Салминой</i>)	140	497
Сказание об убийении Даниила Суздальского и о начале Москвы (<i>Подготовка текста и комментарии М. А. Салминой</i>)	142	498

	Стр. текста	Стр. коммент.
Предание об основании Москвы Олегом (Подготовка текста и комментарии В. А. Романова)	147	499
Сказание о киевских богатырях (Подготовка текста и комментарии Н. С. Демковой)	148	499
Повесть о Сухане (Подготовка текста и комментарии В. П. Бударагина)	155	500
Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков (Подготовка текста Н. В. Поньрко, комментарии О. В. Творогова)	160	501
Повесть о семи мудрецах (Подготовка текста и комментарии И. Д. Казовской)	175	502
Повесть о царе Аггее (Подготовка текста и комментарии Е. К. Ромодановской)	228	504
Повесть об Андрее Критском (Подготовка текста и комментарии М. Н. Климовой)	231	505
Повесть о Бове королевиче (Подготовка текста и комментарии А. М. Панченко)	235	506
Повесть о Еруслане Лазаревиче (Подготовка текста и комментарии Н. С. Демковой)	259	508
Повесть о Петре Златых Ключей (Подготовка текста и комментарии М. В. Рождественской)	280	509
Повесть о Брунцвике (Подготовка текста и комментарии А. М. Панченко)	327	510
Повесть о Василии Златовласом (Подготовка текста и комментарии В. П. Бударагина)	341	513
Повесть об Аполлонии Тирском (Подготовка текста и комментарии Л. В. Соколовой)	358	513
Повесть о царице и львице (Подготовка текста и комментарии Т. Ф. Чалковой)	377	515
Сказание о царе Василии Константиновиче (Подготовка текста и комментарии Н. С. Демковой)	390	516
Слово о благочестивом царе Михаиле (Подготовка текста и комментарии Е. К. Ромодановской)	395	516
Сказание о древе златом и о златом попугае (Подготовка текста и комментарии Е. К. Ромодановской)	398	517
Повесть о королевиче Валтасаре (Подготовка текста и комментарии Е. К. Ромодановской)	401	518
Повесть о перстне (Подготовка текста и комментарии Е. К. Ромодановской)	408	519
Повесть о царе Газие (Подготовка текста и комментарии Е. К. Ромодановской)	410	519
Слово о судьбах Божиих (Подготовка текста и комментарии Е. К. Ромодановской)	412	520
Повесть о рождении и похождениях царя Соломона (Подготовка текста и комментарии Л. В. Титовой)	415	520
Повесть об астрологе Мустаеддыне (Подготовка текста и комментарии М. Д. Каган-Тарковской)	422	521
Повесть о португальском посольстве (Подготовка текста и комментарии Л. А. Дмитриева)	428	523
Повесть о разуме человеческом (Подготовка текста и комментарии Н. С. Демковой)	444	523

	Стр. текста	Стр. коммент.
Беседа отца с сыном о женской злобе (<i>Подготовка текста и комментарии Л. В. Титовой</i>)	447	524
Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. (<i>Подготовка текста и комментарии Г. М. Прохорова</i>)	458	525
Песни в записи С. И. Пазухина (<i>Подготовка текста и комментарии Г. М. Прохорова</i>)	464	526
Песни П. А. Самарина-Квашнина (<i>Подготовка текста и комментарии Н. С. Демковой</i>)	466	527
КОММЕНТАРИИ	475	

**БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ РУСИ**

Том 15

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН*

Редактор издательства *Н. М. Пак*
Художник *Л. В. Грудинская*
Технический редактор *Е. Г. Коленова*
Корректоры *О. И. Буркова, Н. И. Журавлева,*
З. Ю. Иванова и Ф. Я. Петрова
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. Сдано в набор 15.02.06.
Подписано к печати 16.10.06. Формат 70 × 100¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Антиква. Печать офсетная. Усл. печ. л. 43.5. Уч.-изд. л. 37.
Тираж 3000 экз. Тип. зак. № 3610. С 235

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
main@nauka.nw.ru
www.nauka.nw.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

ISBN 5-02-027075-X

9 785020 270756

